Джон Рональд Руэл

ТОЛКИН

ПИСЬМА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Письма» Толкина — уникальная возможность узнать «из первых рук» много нового и интересного о жизни и произведениях великого писателя. Эта книга необходима любому, кто всерьез интересуется творчеством Толкина: она даст ответ на многие ваши вопросы и поставит множество новых…

- Джон Р. Р. Толкин. Письма
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - 001 К Эдит Брэтт
  - 002 Из письма к Эдит Брэтт 27 ноября 1914
  - 003 Из письма к Эдит Брэтт 26 ноября 1915
  - 004 Из письма к Эдит Брэтт 2 марта 1916
  - 005 К Дж. Б. Смиту
  - 006 К миссис Э. М. Райт
  - 007 Членам коллегии выборщиков на должность профессора англосаксонского языка Ролинсона и Бозуорта, Оксфордский университет
  - 008 Из письма к вице-канцлеру Лидского университета 22 июля 1925
  - 009 К Сьюзен Дагналл, издательство «Джордж Аллен энд Анвин, лимитед»
  - 010 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин»
  - 011 Из письма в издательство «Аллен энд Анвин» 5 февраля 1937
  - 012 В «Аллен энд Анвин»
  - 013 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин»
  - 014 В «Аллен энд Анвин»
  - 015 В «Аллен энд Анвин»
  - 016 К Майклу Толкину
  - 017 К Стэнли Анвину, директору «Аллен энд Анвин»
  - 018 Из письма к Стэнли Анвину 23 октября 1937
  - 019 К Стэнли Анвину
  - 020 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин»
  - 021 Из письма в «Аллен энд Анвин» 1 февраля 1938
  - 022 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин» 4 февраля 1938
  - 023 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин»
  - 024 К Стэнли Анвину
  - 025 Редактору газеты «Обсервер»
  - 026 К Стэнли Анвину
  - 027 В «Хоутон-Мифлин»
  - 028 К Стэнли Анвину

- 029 Из письма к Стэнли Анвину 25 июля 1938
- 030 В «Рюттен унд Лёнинг»
- 031 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин»
- 032 К Джону Мейсфилду
- 033 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин» 31 августа 1938
- 034 К Стэнли Анвину 13 октября 1938
- 035 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин» 2 февраля 1939
- 036 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин»
- 037 К Стэнли Анвину
- 038 К Стэнли Анвину
- 039 Из письма к Майклу Толкину 29 сентября 1940
- 040 Из письма к Майклу Толкину 6 октября 1940
- 041 Из письма к Майклу Толкину 2 января 1941
- 042 К Майклу Толкину
- 043 Из письма к Майклу Толкину 6–8 марта 1941
- 044 Из письма к Майклу Толкину 18 марта 1941
- 045 К Майклу Толкину
- 046 Из черновика письма к Р. У. Чапману 26 ноября 1941
- 047 К Стэнли Анвину
- 048 К К. С. Льюису
- 049 К К. С. Льюису (черновик)
- 050 Из письма к Кристоферу Толкину 25 октября 1943
- 051 Из письма к Кристоферу Толкину 27 октября 1943
- 052 Из письма к Кристоферу Толкину 29 ноября 1943
- 053 Из письма к Кристоферу Толкину 9 декабря 1943
- 054 Из письма к Кристоферу Толкину 8 января 1944
- 055 Из письма к Кристоферу Толкину
- 056 Из письма к Кристоферу Толкину 1 марта 1944 (FS 6)
- 057 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 30 марта 1944 (FS 12)
- 058 К Кристоферу Толкину
- 059 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 5 апреля 1944 (FS 14)
- 060 К Кристоферу Толкину (микрофильмированное письмо)
- 061 Из письма к Кристоферу Толкину 18 апреля 1944 (FS 17)
- 062 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 23 апреля 1944 (FS 18)
- 063 К Кристоферу Толкину 24 апреля 1944 (FS 19)
- 064 К Кристоферу Толкину 30 апреля 1944 (FS 20)
- 065 Из микрофильмированного письма к Кристоферу

Толкину 4 мая 1944 (FS 21)
- 066 Из письма к Кристоферу Толкину 6 мая 1944 (FS 22)
- 067 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 11 мая 1944 (FS 23)
- 068 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 12 мая 1944 (FS 24)
- 069 К Кристоферу Толкину 14 мая 1944 (FS 25)
- 070 К Кристоферу Толкину 21 мая 1944 (FS 26)
- 071 К Кристоферу Толкину (микрофильмированное письмо) 25 мая 1944 (FS 27)
- 072 К Кристоферу Толкину 31 мая 1944 (FS 28)
- 073 Из письма к Кристоферу Толкину 10 июня 1944 (FS 30)
- 074 Из письма к Стэнли Анвину 29 июня 1944
- 075 К Кристоферу Толкину 7 июля 1944 (FS 36)
- 076 Из письма к Кристоферу Толкину 28 июля 1944 (FS 39)
- 077 Из письма к Кристоферу Толкину 31 июля 1944 (FS 41)
- 078 Из письма к Кристоферу Толкину 12 августа 1944 (FS 43)
- 079 Из письма к Кристоферу Толкину 22 августа 1944 (FS 45)
- 080 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 3 сентября 1944 (FS 46)
- 081 К Кристоферу Толкину
- 082 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 30 сентября 1944 (FS 52)
- 083 Из письма к Кристоферу Толкину 6 октября 1944 (FS 54)
- 084 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 12 октября 1944 (FS 55)
- 085 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 16 октября 1944 (FS 56)
- 086 Из письма к Кристоферу Толкину 23 октября 1944 (FS 57)
- 087 К Кристоферу Толкину 25 октября 1944
- 088 Из письма к Кристоферу Толкину 28 октября 1944 (FS 58)
- 089 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 7–8 ноября 1944 (FS 60)
- 090 К Кристоферу Толкину 24 ноября 1944 (FS 64)
- 091 К Кристоферу Толкину 29 ноября 1944

- 092 Из письма к Кристоферу Толкину 18 декабря 1944 (FS 68)
- 093 К Кристоферу Толкину 24 декабря 1944 (FS 70)
- 094 К Кристоферу Толкину 28 декабря 1944 (FS 71)
- 095 Из письма к Кристоферу Толкину 18 января 1945 (FS 76)
- 096 К Кристоферу Толкину 30 января 1945 (FS 78)
- 097 Из письма к Кристоферу Толкину 11 февраля 1945 (FS 80)
- 098 К Стэнли Анвину
- 099 К «Мелхоле» Уильямс, вдове Чарльза Уильямса{126}
- 100 Из письма к Кристоферу Толкину 29 мая 1945
- 101 Из письма к Кристоферу Толкину 3 июня 1945
- 102 Из письма к Кристоферу Толкину 9 августа 1945
- 103 Из письма к Кристоферу Толкину 11 октября 1945
- 104 Из письма к Кристоферу Толкину 22 октября 1945
- 105 К сэру Стэнли Анвину
- 106 Из письма к сэру Стэнли Анвину 30 сентября 1946
- 107 Из письма к сэру Стэнли Анвину 7 декабря 1946
- 108 Из письма в «Аллен энд Анвин» 5 июля 1947
- 109 К сэру Стэнли Анвину
- 110 Из письма в «Аллен энд Анвин» 20 сентября 1947
- 111 Из письма к сэру Стэнли Анвину 21 сентября 1947
- 112 К Катерине Фаррер
- 113 К К. С. Льюису
- 114 Из письма к Хью Броугану 7 апреля 1948
- 115 К Катерине Фаррер
- 116 Из письма в «Аллен энд Анвин» 5 августа 1948
- 117 Из письма к Хью Броугану 31 октября 1948
- 118 К Хью Броугану
- 119 Из письма в «Аллен энд Анвин» 28 февраля 1949
- 120 Из письма в «Аллен энд Анвин» 16 марта 1949
- 121 Из письма в «Аллен энд Анвин» 13 июля 1949
- 122 К Наоми Митчисон
- 123 Из черновика письма к Мильтону Уолдману 5 февраля 1950
- 124 К сэру Стэнли Анвину
- 125 К сэру Стэнли Анвину
- 126 К Мильтону Уолдману (черновик) 10 марта 1950
- 127 К сэру Стэнли Анвину
- 128 Из письма в «Аллеи энд Анвин» 1 августа 1950
- 129 Из письма к сэру Стэнли Анвину 10 сентября 1950
- 130 Из письма к сэру Стэнли Анвину 14 сентября 1950

- 131 К Мильтону Уолдману
- 132 Из письма к Джону Толкину 10 февраля 1952
- 133 К Рейнеру Анвину
- 134 Из письма к Рейнеру Анвину 29 августа 1952
- 135 Из письма к Рейнеру Анвину 24 октября 1952
- 136 К Райнеру Анвину
- 137 К Рейнеру Анвину 11 апреля 1953
- 138 Из письма к Кристоферу Толкину 4 августа 1953
- 139 Из письма к Рейнеру Анвину 8 августа 1953
- 140 Из письма к Рейнеру Анвину 17 августа 1953
- 141 Из письма в «Аллен энд Анвин» 9 октября 1953
- 142 К Роберту Марри, ОИ{178}
- 143 Из письма к Рейнеру Анвину 22 января 1954
- 144 К Наоми Митчисон
- 145 Из письма к Рейнеру Анвину 13 мая 1954
- 146 Из письма в «Аллен энд Анвин»
- 147 Из письма в «Аллен энд Анвин» 15 июня 1954
- 148 Из письма к Катерине Фаррер 7 августа 1954
- 149 Из письма к Рейнеру Анвину 9 сентября 1954
- 150 Из письма в «Аллен энд Анвин» 18 сентября 1954
- 151 Из письма к Хью Броугану 18 сентября 1954
- 152 Из письма Рейнеру Хеппенстоллу, Би-би-си 22 сентября 1954
- 153 К Питеру Гастингсу (черновик)
- 154 К Наоми Митчисон 25 сентября 1954
- 155 К Наоми Митчисон (черновик)
- 156 К Роберту Марри, ОИ (черновик)
- 157 Из письма к Катерине Фаррер 27 ноября 1954
- 158 Из письма к Рейнеру Анвину 2 декабря 1954
- 159 Из письма к Доре Маршалл 3 марта 1955
- 160 Из письма к Рейнеру Анвину 6 марта 1955
- 161 Из письма к Рейнеру Анвину 14 апреля 1955
- 162 Из письма к Рейнеру Анвину 18 апреля 1955
- 163 К У. Х. Одену
- 164 Из письма к Наоми Митчисон 29 июня 1955
- 165 В «Хоутон-Мифлин»
- 166 Из письма в «Аллеи энд Анвин» 22 июля 1955
- 167 Из письма к Кристоферу и Фейт Толкинам 15 августа 1955
- 168 К Ричарду Джеффери
- 169 Из письма к Хью Броугану 11 сентября 1955
- 170 Из письма в «Аллен энд Анвин» 30 сентября 1955
- 171 К Хью Броугану
- 172 Из письма в «Аллен энд Анвин» 12 октября 1955

- 173 Из письма к Катерине Фаррер 24 октября 1955
- 174 К лорду Холсбери
- 175 Из письма к миссис Молли Уолдрон 30 ноября 1955
- 176 Из письма к Наоми Митчисон 8 декабря 1955
- 177 Из письма к Рейнеру Анвину 8 декабря 1955
- 178 Из письма в «Аллен энд Анвин» 12 декабря 1955
- 179 Из письма к Хью Броугану 14 декабря 1955
- 180 К «мистеру Томпсону» [черновик]
- 181 Из письма к Майклу Стрейту [черновики]
- 182 Из письма к Анне Барретт, «Хоутон-Мифлин»
- 183 Заметки по поводу рецензии У. Х. Одена на «Возвращение Короля»
- 184 К Сэму Гэмджи
- 185 Из письма к Кристоферу и Фейт Толкин 19 марта 1956
- 186 Из письма к Джоанне де Бортадано (черновики)
- 187 Из письма Х. Коттону Минчину (черновик)
- 188 Из письма в «Аллен энд Анвин» 3 апреля 1956
- 189 Из письма к миссис М. Уилсон 11 апреля 1956
- 190 Из письма к Рейнеру Анвину 3 июля 1956
- 191 Из письма к мисс Дж. Берн (черновик) 26 июля 1956
- 192 Из письма к Эми Рональд 27 июля 1956
- 193 Из письма к Теренсу Тиллеру 2 ноября 1956
- 194 К Теренсу Тиллеру 6 ноября 1956
- 195 Из письма к Эми Рональд 15 декабря 1956
- 196 Из письма к Катерине Фаррер 21 марта 1957
- 197 Из письма к Рейнеру Анвину 9 мая 1957
- 198 Из письма к Рейнеру Анвину 19 июня 1957
- 199 Из письма к Кэролайн Эверетт 24 июня 1957
- 200 Из письма к майору Р. Боуэну 25 июня 1957
- 201 Из письма к Рейнеру Анвину 7 сентября 1957
- 202 Из письма к Кристоферу и Фейт Толкин 11 сентября 1957
- 203 Из письма к Герберту Широ[329] 17 ноября 1957
- 204 Из письма к Рейнеру Анвину 7 декабря 1957
- 205 Из письма к Кристоферу Толкину 21 февраля 1958
- 206 Из письма к Рейнеру Анвину 8 апреля 1958
- 207 Из письма к Рейнеру Анвину 8 апреля 1958
- 208 Из письма к С. Ауботеру, «Фоорхувэ эн Дитрих», Роттердам 10 апреля 1958
- 209 Из письма к Роберту Марри, ОИ 4 мая 1958
- 210 Из письма к Форресту Дж. Акерману

- 211 К Роне Бир
- 212 Черновик продолжения к вышеприведенному письму (не отослан)
- 213 Из письма к Деборе Уэбстер 25 октября 1958
- 214 К А. К. Нанну (черновик)
- 215 К Уолтеру Аллену, «Нью стейтсмен» (черновики)
- 216 Из письма к заместителю секретаря Мадрасского университета 19 августа 1959
- 217 Из письма в «Аллен энд Анвин» 11 сентября 1959
- 218 К Эрику Роджерсу
- 219 Из письма в «Аллен энд Анвин» 14 октября 1959
- 220 Из письма к Наоми Митчисон 15 октября 1959
- 221 Из письма к первому заместителю секретаря Оксфордского университета 24 ноября 1959
- 222 Из письма к Рейнеру Анвину 9 декабря 1959
- 223 Из письма к Рейнеру Анвину 31 июля 1960
- 224 Из письма к Кристоферу Толкину 12 сентября 1960
- 225 Из письма к Рейнеру Анвину 10 декабря 1960
- 226 Из письма к профессору Л. У. Форстеру 31 декабря 1960
- 227 Из письма к миссис Е. К. Оссен-Дрейвер 5 января 1961
- 228 Из письма в «Аллен энд Анвин» 24 января 1961
- 229 Из письма в «Аллен энд Анвин» 23 февраля 1961
- 230 Из письма к Роне Вир 8 июня 1961
- 231 Из письма к Джейн Нив 4 октября 1961
- 232 Из письма к Джойс Ривз 4 ноября 1961
- 233 Из письма к Рейнеру Анвину 15 ноября 1961
- 234 К Джейн Нив
- 235 Из письма к миссис Полин Гаш (Полин Бэйнс) 6 декабря 1961
- 236 К Рейнеру Анвину
- 237 Из письма к Рейнеру Анвину 12 апреля 1962
- 238 Из письма к Джейн Нив 18 июля 1962
- 239 Из письма в «Аллеи энд Анвин» 20 июля 1962
- 240 К миссис Полин Гаш (Полин Бэйнс)
- 241 Из письма к Джейн Нив 8–9 сентября 1962
- 242 Из письма к сэру Стэнли Анвину 28 ноября 1962
- 243 К Майклу Толкину 19 декабря, 1962
- 244 Из черновика к читателю «Властелина Колец»
- 245 К Роне Бир
- 246 Из письма к миссис Эйлин Элгар (черновики) Сентябрь 1963

- 247 К полковнику Уорскетту
- 248 К сэру Стэнли Анвину
- 249 Из письма к Майклу Джорджу Толкину 16 октября 1963
- 250 К Майклу Толкину 1 ноября 1963
- 251 К Присцилле Толкин
- 252 Из письма к Майклу Толкину (черновик)
- 253 Из письма к Рейнеру Анвину 23 декабря 1963
- 254 К преп. Денису Тиндаллу
- 255 Из письма к миссис Эйлин Элгар 5 марта 1964
- 256 Из письма к Колину Бейли 13 мая 1964
- 257 К Кристоферу Бредертону 16 июля 1964
- 258 Из письма к Рейнеру Анвину 2 августа 1964
- 259 Из письма к Анне Барретт, издательство «Хоутон-Мифлин» 7 августа 1964
- 260 Из письма к Кэри Блайтону 16 августа 1964
- 261 Из письма к Анне Барретт, издательство «Хоутон-Мифлин» 30 августа 1964
- 262 К Майклу ди Капуа, издательство «Пантеон-букс»
- 263 Из письма в издательство «Хоутон-Мифлин» 10 сентября 1964
- 264 Из письма в издательство «Аллен энд Анвин» 11 сентября 1964
- 265 Из письма к Дэвиду Колбу, ОИ
- 266 Из письма к Майклу Джорджу Толкину 6 января 1965
- 267 Из письма к Майклу Толкину 9—10 января 1965
- 268 Из письма к мисс А. П. Норди 19 января 1965
- 269 Из письма к У. Х. Одену 12 мая 1965
- 270 К Рейнеру Анвину
- 271 Из письма к Рейнеру Анвину 25 мая 1965
- 272 Из письма к Зилле Шерринг 20 июля 1965
- 273 Из письма к Нэп С. Скотт 21 июля 1965
- 274 Из письма в издательство «Хоутон-Мифлин» 28 июля 1965
- 275 Из письма к У. Х. Одену 4 августа 1965
- 276 К Дику Плотцу, «тану» «Американского толкиновского общества»
- 277 К Рейнеру Анвину 12 сентября 1965
- 278 Из письма к Клайду С. Килби 20 октября 1965
- 279 Из письма к Майклу Джорджу Толкину 30 октября 1965
- 280 Из письма к Рейнеру Анвину 8 ноября 1965
- 281 Из письма к Рейнеру Анвину 15 декабря 1965

- 282 Из письма к Клайду С. Килби 18 декабря 1965
- 283 К Бенджамину П. Индику
- 284 К У. Х. Одену
- 285 Из письма к У. Х. Одену 8 апреля 1966
- 286 Из письма к А. Е. Кушману 27 апреля 1966
- 287 Из письма к Джой Хилл, «Аллен энд Анвин» 10 мая 1966
- 288 К профессору Норману Дэвису
- 289 Из письма к Майклу Джорджу Толкину 29 июля 1966
- 290 Из письма к Майклу Джорджу Толкину 28 октября 1966
- 291 К Уолтеру Хуперу
- 292 К Джой Хилл, «Аллен энд Анвин»
- 293 Из письма к Уильяму Фостеру 29 декабря 1966
- 294 К Шарлотте и Денису Плиммерам
- 295 К У. Х. Одену
- 296 К Рейнеру Анвину
- 297 Черновики письма к «мистеру Рангу»
- 298 К Уильяму Лютеру Уайту
- 299 К Роджеру Ланслину Грину
- 300 Из письма к Уолтеру Хуперу 20 февраля 1968
- 301 Из письма к Дональду Суонну 29 февраля 1968
- 302 Из письма в «Тайм-лайф интернэшнл, лимитед» 2 мая 1968
- 303 Из письма к Николасу Томасу 6 мая 1968
- 304 Из письма к Клайду С. Килби 4 июня 1968
- 305 Из письма к Рейнеру Анвину 26 июня 1968
- 306 Из письма к Майклу Толкину
- 307 Из письма к Эми Рональд 14 ноября 1968
- 308 К Кристоферу Толкину 2 января 1969
- 309 Из письма к Эми Рональд 2 января 1969
- 310 К Камилле Анвин
- 311 Из письма к Кристоферу Толкину 31 июля 1969
- 312 Из письма к Эми Рональд 16 ноября 1969
- 313 Из письма к Майклу Толкину 25 ноября 1969
- 314 Из письма к Кристоферу Толкину 15 декабря 1969
- 315 Из письма к Майклу Толкину 1 января 1970
- 316 Из письма к Р. У. Берчфилду 11 сентября 1970
- 317 Из письма к Эми Рональд День Всех Святых 1970
- 318 Из письма к Нилу Керу 22 ноября 1970
- 319 Из письма к Роджеру Ланслину Грину
- 320 Из письма к П. Рорку, ОИ 4 февраля 1971
- 321 Из письма к П. Рорку, ОИ 4 февраля 1971

- 322 Из письма к Уильяму Кейтеру 18 марта 1971
- 323 К Кристоферу Толкину
- 324 Из письма к Грэму Тейару 4–5 июня 1971
- 325 Из письма к Роджеру Ланслину Грину 17 июля 1971
- 326 Из письма к Рейнеру Анвину 24 июля 1971
- 327 Из письма к Роберту Х. Бойеру 25 августа 1971
- 328 К Кэрол Баттен-Фелпс (черновик)
- 329 Из письма к Петеру Шабо Шентмихайи (черновик)
- 330 Из письма к Уильяму Кейтеру 1 ноября 1971
- 331 К Уильяму Кейтеру 29 ноября 1971
- 332 К Майклу Толкину
- 333 К Рейнеру Анвину 16 марта 1972
- 334 К Рейнеру Анвину
- 335 Из письма к Майклу Самону 18 мая 1972
- 336 Из письма к сэру Патрику Брауну 23 мая 1972
- 337 Из письма к «мистеру Ригли» 25 мая 1972
- 338 Из письма к о. Дугласу Картеру 6 [?] июня 1972
- 339 К редактору «Дейли телеграф»
- 341 Из письма к Марджори Инклдон 17 сентября 1972
- 342 Из письма к миссис Мериел Терстон 9 ноября 1972
- 343 Из письма к Стерлингу Ланьеру 21 ноября 1972
- 344 Из письма к Эдмунду Мескису 23 ноября 1972
- 345 К миссис Мериел Терстон
- 346 Из письма к Лайлу Личу 13 декабря 1972
- 347 К Ричарду Джеффери
- 348 Из письма к миссис Катарине Финдлей 6 марта 1973
- 349 Из письма к миссис Э. Р. Эрардт 8 марта 1973
- 350 К К. Л. Уайзмену
- 351 К Кристоферу Толкину
- 352 Из письма к Унгфру Адальстейнсдоттир 5 июня 1973
- 353 Из письма к лорду Холсбери 4 августа 1973
- 354 К Присцилле Толкин

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183

- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227

- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271

- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315

- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359

- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403

- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447

- 448
- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454
- 455
- 456
- 457
- 458
- 459
- 460
- 461
- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470
- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476
- 477
- 478
- 479
- 480
- 481
- 482
- 483
- 484
- 485
- 486

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92

- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136

- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180

- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224

- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268

- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288

Джон Р. Р. Толкин. Письма

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ближе к концу жизни у Дж. Р. Р. Толкина на несколько недель отказала правая рука. «Оказывается, не имея возможности пользоваться карандашом или ручкой, чувствуешь себя беспомощным, словно курица, оставшаяся без клюва», — жаловался он издателю.

Грандиозный объем времени Толкина поглощало письменное слово: и не только его научные работы и рассказы о «Средиземье», но также и письма. Многие из этих писем носят деловой характер; однако при всем при том в большинстве случаев писание писем было одним из его излюбленных занятий. В результате Толкин оставил после себя огромное количество писем; и когда я, с помощью Кристофера Толкина, начал работу над этой подборкой, стало очевидно, что значительное количество материала придется опустить и в книгу войдут только отрывки, представляющие особый интерес. Естественно, что предпочтение отдавалось тем письмам, в которых Толкин рассуждает о собственных книгах; однако подборка составлялась еще и с целью продемонстрировать широту толкиновских интересов и мыслей и его хотя и своеобразный, но неизменно четкий и ясный взгляд на мир.

Опущен, в частности, обширный корпус писем, написанных Толкином в промежуток между 1913 и 1918 гг. к Эдит Брэтт, его невесте и впоследствии жене; эти письма носят ярко выраженный личный характер; из них я отобрал только несколько абзацев, имеющих отношение к сочинениям, над которыми Толкин в то время работал. Из числа писем, написанных между 1918 и 1937 гг., сохранилось очень немного, а в тех, что остались, ничего (к сожалению) не говорится о работе Толкина над «Сильмариллионом» и «Хоббитом», создание которых относится именно к этому периоду. Зато начиная с 1937 г. и далее вплоть до конца жизни следует непрерывная череда писем, зачастую весьма подробных, рассказывающих о том, как писался «Властелин Колец» и о дальнейшей работе над «Сильмариллионом», и зачастую содержащих пространные рассуждения о смысле его сочинений.

В письмах, отобранных для публикации, все пропуски отмечены многоточием из *четырех* точек, вот так:…. Там, где стоит многоточие из *трех* точек, этот знак употреблен самим Толкином. Практически во всех случаях сокращения сделаны исключительно по причине экономии места; лишь в очень редких случаях приходилось делать купюры из соображений

конфиденциальности.

Тексты оригиналов писем оставлялись без всяких изменений, за исключением адреса и даты (их написание унифицировалось по всей книге) и за исключением названий толкиновских книг. Сам автор использовал не одну систему написания названий: например, *the Hobbit, the 'Hobbit', The Hobbit, 'the Hobbit', 'The Hobbit'*{1}; то же и с «Властелином Колец». В целом при подготовке текстов к изданию названия были упорядочены в соответствии с общепринятой системой, хотя исходная форма сохранялась там, где она представляет интерес.

Ряд писем воспроизведен с копий «под копирку», сохраненных Толкином; он начал печатать письма под копирку только ближе к концу жизни; этим объясняется тот факт, отчего от более ранних писем не осталось никаких следов, разве что удастся отыскать сами оригиналы. Прочие письма в книге перепечатаны с черновика или черновиков, отличающихся от текста, в итоге отосланного (если Толкин вообще его отсылал), и в ряде случаев последовательный текст комбинировался из отдельных черновых отрывков: в таких случаях письмо озаглавлено «Черновики». Наличие множества таких черновиков среди его корреспонденции и то, что многие из них довольно длинные, отчасти объясняет сам Толкин в письме к сыну Майклу: «Слова рождают слова, а мысли разбегаются….. «Лаконичности» как «вида искусства» мне удается достичь лишь изредка, посредством вырезания s или более уже написанного, что, разумеется, на самом деле отнимает куда больше времени и труда, нежели сочинительство «без ограничений».

Там, где приводится лишь выдержка из письма, адрес и приветствие в начале письма опускаются вместе с заключительной частью и подписью; в таких случаях ставился заголовок: «Из письма к…» Все сноски к письмам — самого Толкина{2}.

Там, где я считал необходимым, я предварял письма краткой справкой, поясняющей содержание переписки. Все прочие примечания приводятся в конце книги; о наличии такого примечания свидетельствует цифровая пометка в тексте{3}. Примечания последовательно пронумерованы внутри письма и в конце книги приводятся под номером каждого отдельного письма (а не постранично). Примечания составлены по принципу предоставления той информации, что необходима для понимания текста, но при этом составитель стремился также и к краткости, предполагая, что читатель хорошо знаком с «Хоббитом» и «Властелином Колец». Поскольку последняя книга неоднократно публиковалась в разных изданиях, с разной нумерацией страниц,

ссылки Толкина в тексте писем на определенные страницы поясняются в примечаниях, и там же приводится цитата из упомянутого им отрывка.

В редакторских примечаниях названия четырех книг приводятся в сокращенном виде: «Рисунки», «Неоконченные предания», «Биография», «Инклинги». Полностью названия звучат, как: «Рисунки Дж. Р. Р. Толкина», с предисловием и примечаниями Кристофера Толкина (1979); Дж. Р. Р. Толкин, «Неоконченные предания», под редакцией Кристофера Толкина (1980); Хамфри Карпентер, «Дж. Р. Р. Толкин: Биография» (1977); и Хамфри Карпентер, «Инклинги» (1978). Все четыре книги в Британии опубликованы издательством «Джордж Аллен энд Анвин», а в Америке — издательством «Хоутон-Мифлин».

«Разделение труда» между мною и Кристофером Толкином сводилось к следующему. Сам я собрал и расшифровал все письма и осуществил первоначальный отбор; он откомментировал подборку и записи и высказал ряд предложений касательно поправок, которые мы обсудили уже вдвоем и приняли в той или иной форме. Затем мы обнаружили, что из соображений места необходимо безжалостно сократить текст; и вновь сперва я предлагал, что именно следует вырезать, затем он комментировал мои предложения, и мы принимали окончательное решение. То же и с примечаниями: я писал исходный текст, он снова комментировал то, что я сделал, и предоставлял отдельные дополнительные сведения. Таким образом, книга в опубликованном виде отражает мои собственные вкусы и суждения в большей степени, нежели его; но при этом сборник — продукт нашей совместной работы; и я бесконечно признателен Кристоферу Толкину за многие затраченные часы и за то, что он направлял и воодушевлял меня. И наконец я, разумеется, искренне признателен тем многим людям, что ссудили мне письма. Большинство их отмечены в книге: их имена фигурируют в качестве получателей писем; в тех нескольких случаях, когда письма были мне предоставлены, а в книгу не вошли, я должен поблагодарить заинтересованных лиц и извиниться перед ними за то, что их письмо или письма не удалось включить из-за нехватки места. Я должен также поблагодарить ряд организаций и частных лиц, оказавших мне помощь: членов «Толкиновского общества Великобритании», «Американское толкиновское общество» и «Мифопическое общество», оповестивших о нашем желании разыскать письма и в ряде случаев сведших нас с владельцами писем; Письменные архивы Би-би-си, Бодлианскую библиотеку, «Оксфорд юниверсити пресс» и их Словарный отдел, «Исследовательский гуманитарный

центр» Техасского университета в Остине и «Собрание Уэйда» в Уитон-Колледже, штат Иллинойс, предоставившие нам письма; ряд душеприказчиков (в частности, преп. Уолтера Хупера) и других людей, помогавших нам в розысках писем, адресованных людям, ныне покойным; и, наконец, Дугласа Андерсона, великодушно оказывавшего всевозможную помощь в подготовке книги. Он и Чарльз Ноуд любезно согласились вычитать корректуру.

Невзирая на объем данного тома и огромное количество собранных нами писем, не приходится сомневаться в том, что значительная часть эпистолярного наследия Толкина до сих пор не найдена. Читателей, которым известно о других письмах Толкина, возможно заслуживающих публикации, просят связаться с издателями этой книги; есть надежда, что эти письма удастся включить во второе издание.

ХАМФРИ КАРПЕНТЕР

001 К Эдит Брэтт

В январе 1913-го, в возрасте двадцати одного года, Толкин заключил помолвку с Эдит Брэтт, с которой познакомился еще подростком в Бирмингеме. Нижеприведенное письмо было написано им на последнем курсе в Оксфорде: Толкин учился на факультете английского языка и литературы и в то же время проходил военную подготовку в Университетском корпусе подготовки офицеров перед вступлением в армию.

Дата не проставлена; октябрь 1914
Эксетер-Колледж, Оксфорд

Лапушка моя Эдит!

Да, я изрядно удивился твоей открытке, датированной сб. утром, и огорчился тоже: я ведь знал, что моему письму придется отправиться кружным путем вслед за тобою{4}. Ты пишешь мне такие чудесные письма, маленькая моя; а я-то обхожусь с тобою просто по-свински! Кажется, вот уже сто лет не писал. Уик-энд выдался ужасно хлопотный (и страшно дождливый!)

Пятница прошла совершенно бессобытийно, и суббота тоже, хотя всю вторую половину дня мы занимались муштрой, несколько раз вымокли до костей, и винтовки наши все заляпались, мы их потом до скончания века начищали.

Оставшиеся дни я по большей части провел под крышей, за чтением: мне надо было написать эссе, — помнишь, я тебе рассказывал? — но закончить я не успел: явился Шекспир, а вслед за ним (лейтенант) Томпсон[1] (пышущий здоровьем и довольный, в новехонькой форме) и помешали мне потрудиться в день воскресный, как я собирался….. Сходил в Св. Алоизия на торжественную мессу, — получил изрядное удовольствие, — вот уж сто лет мессы не слушал; на прошлой неделе, когда я был в Молельне, о. Ф.[2] меня так и не отпустил.

Вечером *пришлось-таки* нанести визит вежливости ректору[3]: скука смертная! Жена у него — сущий кошмар! Сбежал, как только смог, и со всех ног помчался под дождем назад, к книгам. Потом заглянул к мистеру Сайзему[4] и сказал, что эссе никак не смогу закончить раньше среды; немного посидел у него, мы потолковали, потом я ушел, и у меня состоялся крайне интересный разговор с этим чудаком Эрпом[5], — помнишь, я тебе рассказывал? — я познакомил его (к вящей его радости) с

финскими песнями «Калевала».

Помимо всего прочего, я пытаюсь переложить одно из преданий — великолепнейший сюжет и самый что ни на есть трагический, — в виде небольшой такой повести, отчасти в духе романов Морриса, со стихотворными вставками тут и там…[6]

А теперь пора мне отправляться в библиотеку колледжа и хорошенько изгваздаться среди пыльных книжек, а потом схожу загляну к казначею…..

Р.[7]

002 Из письма к Эдит Брэтт 27 ноября 1914

С утра поработал часа четыре или около того (9.20–1); всю вторую половину дня занимался муштрой, 5–6 — лекция, а после ужина (с одним приятелем по имени Эрп) пришлось заглянуть на заседание Эссеистского клуба — неофициальное прощание, так сказать [?]. Доклад оказался скверным, дискуссия — интересной. На том заседании была еще литмастерская; я прочел «Эаренделя»; его с толком раскритиковали[8].

003 Из письма к Эдит Брэтт 26 ноября 1915

Закончив Оксфорд (факультет английского языка) с отличием первого класса, Толкин получил назначение в полк ланкаширских стрелков. Это письмо написано в лагере Руджли в Стаффордшире; там Толкин проходил военную подготовку. В это время Толкин работал над стихотворением «Кортирион среди дерев», навеянным Уориком, где жила Эдит Брэтт. В стихотворении описывается «угасающий на холме град», где «еще медлят Последние Отряды…. священных фэйри и бессмертных эльфов». О ЧКБО см. письмо № 5.

Самое обычное утро: сперва ты на ногах и замерзаешь до костей, а потом — пробежка, чуть-чуть согреешься, но только затем, чтобы замерзнуть снова. И под занавес — целый час отрабатывали метание учебных гранат. Ланч и морозный вечер. Летом в жару мы целыми днями бегали на полной скорости взад-вперед, обливаясь потом, а сейчас вот стоим как вкопанные заледеневшими группками на ветру, пока нам что-то втолковывают! Чай, очередная свалка, — я пробился к плитке и поджарил себе кусочек тоста на кончике ножа; ну и деньки! Сделал карандашную копию «Кортириона». Ты ведь не возражаешь, если я пошлю ее ЧКБО? Так хочется что-нибудь им послать; я им всем задолжал по длинному письму. А теперь начну переписывать поэму набело чернилами для моей маленькой; отошлю завтра вечером; не думаю, что разживусь второй машинописной копией (уж больно стих длинный). Нет, по зрелом размышлении посылаю тебе карандашный вариант (он вполне разборчив), а ЧКБО пусть подождут, пока не сделаю еще один.

004 Из письма к Эдит Брэтт 2 марта 1916

Нынче вечером, пока за окном моросит мерзкий дождик, взялся перечитывать старые лекции по военному делу; через полтора часа соскучился. Добавил штрих-другой к моему дурацкому языку фэйри — к вящей пользе последнего[9].

Меня частенько страх как тянет поработать над ним, а я себе не позволяю; я его, конечно, ужасно люблю, но уж больно ненормальное это хобби!

005 К Дж. Б. Смиту

В 1911 году, обучаясь в бирмингемской школе короля Эдуарда, Толкин и трое его друзей, Роб Джилсон, Джеффри Смит и Кристофер Уайзмен создали неофициальный полутайный клуб под названием ЧКБО — эта аббревиатура расшифровывалась как «Чайный Клуб и Барровианское общество» и намекала на их «незаконные» чаепития в школьной библиотеке и в универсаме Бэрроу рядом со школой. Закончив школу, члены ЧКБО продолжали тесно общаться; в декабре 1914 г. на лондонской квартире Уайзмена состоялся «Совет», после которого Толкин с энергией взялся за сочинение стихов; сам он считал, что это — следствие общности идеалов и взаимной поддержки в ЧКБО. На тот момент Уайзмен служил в военно-морском флоте, Джилсон и Смит были отправлены на Сомму; сам Толкин прибыл на те же позиции как связист в составе 11-го батальона ланкаширских стрелков как раз к тому моменту, как 1 июля войска союзников пошли в наступление. В тот день Роб Джилсон погиб в бою, однако остальные члены ЧКБО узнали о его смерти лишь спустя несколько недель. Джеффри Смит сообщил об этом Толкину в коротенькой записке, а позже переслал ему письмо от Кристофера Уайзмена.

12 августа 1916
11 батальон ланкаширских стрелков, БЭВ{5}, Франция

Дорогой мой старина Джеффри!

Огромное спасибо за письмо Кристофера. Я с тех пор много передумал — и мысли эти по большей части в слова не облечешь, до тех пор, пока Господь снова не сведет нас вместе, хотя бы ненадолго.

Я не согласен с Крисом — хотя, конечно же, Крис не то чтобы многословен. От всей души соглашаюсь с подчеркнутыми тобой абзацами, — и, как ни странно, никоим образом — с той частью, что сам я отметил и прокомментировал. Я ходил в лес — мы опять стоим лагерем, после второй вылазки в окопы, причем в том же самом месте, где мы с тобой встретились, — и вчера вечером, и накануне тоже, и долго сидел там и думал.

Не могу избавиться от твердой уверенности, что не следует ставить знак равенства между тем величием, что снискал себе

Роб, и величием, в котором сам он сомневался. Робу отлично ведомо, что я абсолютно искренен и никоим образом не предаю свою любовь к нему, — а любовь эту я теперь, когда его в нашей четверке не стало, с каждым днем осознаю все отчетливее, — говоря, что ныне я верю: если величие, которое со всей отчетливостью подразумевали мы трое (подразумевали как нечто большее, нежели только святость или только благородство) и в самом деле удел ЧКБО, то смерть одного из членов клуба — не более чем жестокий отсев тех, кто для величия не предназначен, по крайней мере в прямом смысле этого слова. Дай Господи, чтобы это не прозвучало самонадеянностью, — воистину, сейчас смирения у меня поприбавилось: я ощущаю себя куда более слабым и жалким. Величие, о котором я говорю, — это величие могучего орудия в руках Господних: величие вдохновителя, деятеля, свершителя великих замыслов или хотя бы зачинателя деяний крупных и значимых.

Величие, обретенное Робом, ничуть не меньшее, — ибо то величие, что я разумел, на которое с трепетом уповал для нас всех, ничего не стоит, не будучи подкреплено святостью отваги, страдания и самопожертвования, — просто оно иного рода. Иными словами, его величие теперь близко касается нас всех, — отныне нам предстоит чтить первое июля на протяжении всех лет, отпущенных каждому из нас Господом, — но ЧКБО затрагивает только в том конкретном аспекте, который, возможно, — не исключаю такой вероятности, — только и был доступен Робу: «дружба с энной силой». Что я имел в виду, и что, как мне показалось, имел в виду Крис, и что, как я почти уверен, разумел ты, сводится к следующему: ЧКБО дарована некая искра, — как общности — безусловно, если не каждому в отдельности, — искра, способная зажечь в мире новый свет, или, что то же самое, возродить прежний; ЧКБО призвано свидетельствовать о Господе и Истине более явно и прямо, нежели даже пожертвовав жизнями нескольких своих членов в этой войне (которая, невзирая на все зло с нашей стороны, по большому счету является борьбой добра против зла).

Меня не покидает ощущение, будто что-то с треском рухнуло. По отношению к вам обоим чувства мои нисколько не изменились — я еще ближе к вам, чем прежде, и очень в вас нуждаюсь, и, конечно же, мучаюсь жаждой и одиночеством, — но я больше не ощущаю себя частью маленького цельного сообщества. Мне действительно чудится, что ЧКБО пришел конец, — однако не поручусь, что это сомнительное ощущение не исчезнет, словно по волшебству, стоит нам опять собраться вместе. И все же на данный момент я чувствую себя просто отдельно взятым

человеком, обуреваемым скорее чувствами, чем мыслями, и при этом совершенно беспомощным.

Да, ЧКБО, возможно, воплощало все наши мечты — и в итоге труды его закончат трое или двое уцелевших, или даже один, а роль прочих Господь отведет тому вдохновению, что, как мы отлично знаем, мы обретали и продолжаем обретать друг в друге. На это возлагаю я ныне все свои надежды и молю Господа, чтобы избранников, призванных продолжить дело ЧКБО, оказалось не меньше, чем мы трое…..

Однако же все это внушает мне ужас и горе — в придачу к собственным моим печалям, — поскольку пока что я не в силах отказаться от надежд и стремлений (зарождающихся и смутных, знаю сам), впервые осознанных на лондонском Совете. В моем случае, как ты знаешь, в результате Совета я обрел голос для выражения всего того, что до сих пор сдерживалось и накапливалось, для меня словно открылись необозримые горизонты, — я всегда относил это за счет того вдохновения, что неизменно давали нам всем даже несколько часов, проведенных вчетвером.

Ну вот, пожалуйста: я со всей серьезностью сел и попытался сухо изложить тебе свои мысли. Я старался, чтобы все это звучало по возможности холодно и отстраненно, — а если и вышло бессвязно, так лишь потому, что писалось это в несколько приемов среди шума и гвалта прескучной ротной столовки. Перешли это Крису, если сочтешь, что оно того стоит. Не знаю, куда мы двинемся теперь и что нас ждет. Слухи так и бурлят — насколько позволяет всеобщая усталость этой войны. Жаль, я не знаю, где ты. Хотя, конечно, догадываюсь.

Я мог бы написать длиннющее письмо, да только дел невпроворот. Офицер связи жаждет затащить меня на совещание; а еще мне предстоит дважды поскандалить с квартирмейстером, и в 6:30 — ненавистный парад — это в 6:30-то солнечного дня воскресного!

Напиши, как только представится хоть полшанса.

Твой ДЖОН РОНАЛЬД.

006 К миссис Э. М. Райт

В 1920 г. Толкина назначили преподавателем английского языка в университете Лидса; впоследствии эта должность была преобразована в профессорскую; в письме № 46 содержится рассказ о собеседовании, в результате которого Толкин и получил назначение. Толкин и Эдит Брэтт уже поженились; к 1923 году у них родилось двое детей, Джон и Майкл. В 1922 г. Толкин опубликовал глоссарий к хрестоматии среднеанглийской литературы под редакцией своего бывшего наставника, Кеннета Сайзема. Кроме того, он в сотрудничестве с Э. В. Гордоном начал работу над изданием «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря». Нижеприведенное письмо, подтверждающее получение статьи об этой поэме, адресовано жене Джозефа Райта, издателя «Словаря английских диалектов» (САД). Под началом Райта Толкин изучал в Оксфорде филологию.

13 февраля 1923
Лидский университет

Дорогая миссис Райт!

Я бесконечно признателен вам за оттиск статьи — равно как и за ваши любезные замечания по поводу глоссария. Времени на него я и впрямь затратил уйму — просто вспоминать страшно; и надолго задержал хрестоматию, навлекая на свою голову громы и молнии; зато узнал немало поучительного.

Стоит ли говорить, что статья ваша меня вполне убедила, и я радуюсь новообретенной уверенности: благодаря вам еще один головоломный отрывок из «Сэра Гавейна» ныне наконец-то прояснен.

Рождество для нас выдалось не самое веселое: дети выбрали именно это время, чтобы переболеть корью; к началу января я единственный из всех домочадцев оставался на ногах, а в число пациентов входили моя супруга и няня. Прости-прощай, возможность потрудиться на каникулах; впрочем, все они (не труды) идут на поправку, и беспокоиться не о чем. Меня это поветрие минуло. Надеюсь, что у вас все благополучно, равно как и у профессора Райта: я о нем давно ничего не слышал, но, полагаю, это — добрый знак.

Среднеанглийский период — весьма увлекательная область, и, как я постепенно убеждаюсь, практически не исследованная;

стоит пристально сосредоточиться на крохотном его фрагментике, и все общепринятые представления и идеи словно рушатся и рассыпаются на куски — по крайней мере в отношении языка. САД, безусловно, вещь незаменимая (в сознании филолога, конечно же, скорее всплывет слово *unentbehrlich*{6}); и я всех призываю в нем порыться.

Моя жена передает привет вам обоим и присоединяется к моим наилучшим пожеланиям.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

Филология здесь стремительно прогрессирует. Процент студентов-«лингвистов» очень высок, а ведь силком их никто не тянет! Дж. Р. Р. Т.

007 Членам коллегии выборщиков на должность профессора англосаксонского языка Ролинсона и Бозуорта, Оксфордский университет

Летом 1925 г. был объявлен конкурс на замещение должности профессора англосаксонского языка в Оксфорде: У. Э. Крейгиушел в отставку. Толкин, невзирая на то, что ему исполнилось только 33, решил подать заявку. Ниже приводится его официальное письмо, в котором Толкин предлагает свою кандидатуру, датированное 27 июня 1925 г.

Джентльмены!

Настоящим предлагаю свою кандидатуру на должность профессора англосаксонского языка Ролинсона и Бозуорта[10].

Само собой разумеется, что меня весьма интересует должность, предоставляющая такие возможности для реализации на практике и в аудитории профессионального энтузиазма в том, что касается изучения англосаксонского и других древнегерманских языков; а если бы таким образом мне удалось вновь войти в состав оксфордской школы английского языка, ничего лучшего я бы и желать не мог. Я принадлежал к этому факультету, еще будучи студентом, а затем и наставником; и в течение моего пятилетнего пребывания в Лидсе имел удовольствие поддерживать с ним связь, особенно же на протяжении последних двух лет, в качестве экзаменатора на выпускных экзаменах на степень бакалавра.

В 1911 г. я поступил в Эксетер-Колледж как стипендиат Стейплдона. В 1913 г. сдал «онор-модерейшнз» по классическим языкам (специализация — греческая филология); в 1915 г. закончил факультет английского языка и литературы с отличием первого класса (специализация — древне-исландский язык). Вплоть до конца 1918 г. служил в полку ланкаширских стрелков; в конце 1918 г. вошел в штат составителей «Оксфордского словаря английского языка». Состоял ассистентом при докторе Брадли[11] вплоть до весны 1920 г., когда в силу собственной занятости и возросшей учебной нагрузки наставника был

вынужден отказаться от этой работы.

В октябре 1920 г. я переехал в Лидс и занял должность преподавателя английского языка, получив неограниченную возможность развивать лингвистическое отделение обширного и непрерывно растущего факультета английского языка, на котором на тот момент не существовало отдельной вакансии для специалиста по лингвистике. Я начал с пятью робкими первопроходцами из числа приблизительно шестидесяти членов факультета (не считая первокурсников). Сегодня пропорция следующая: на 43 литературоведа — 20 лингвистов. Лингвисты никоим образом не изолируются и не отсекаются от общей жизни и работы факультета; они посещают многие курсы по литературе и принимают участие в деятельности факультета; однако с 1922 г. для их чисто лингвистической работы утверждены отдельные курсы и знания их проверяются посредством особых письменных заданий, для которых разработаны специальные стандарты и требования. Объем учебной программы постепенно расширяется; сейчас программа охватывает значительную часть области английской и германской филологии. Читаются курсы по древнеанглийской героической поэзии, истории английского языка*, разнообразным древнеанглийским и среднеанглийским текстам*, по древнеанглийской и среднеанглийской филологии*, по введению в германскую филологию*, по готскому, древнеисландскому (для второго* и третьего годов обучения) и средневековому валлийскому*. Все эти курсы я периодически читаю сам; те, которые я читал лично в течение последнего года, отмечены звездочкой. В ходе этого последнего триместра курс чтения факультативных текстов, не включенных в существующий учебный план, посещали более пятнадцати студентов, причем отнюдь не все из них принадлежали к языковому отделению факультета.

Филология, по всей видимости, уже не внушает этим студентам былого ужаса при том, что таинственности нисколько не утратила. Организован активный дискуссионный класс, по образцу, скорее, привычному для литературоведческих факультетов, нежели для лингвистических; класс приносит свои плоды в дружеском соперничестве и открытых дебатах с соответствующим литературоведческим объединением. Создан «Клуб викингов» — силами студентов, уже прослушавших курс по древнеисландскому и слушающих такой курс сейчас; можно рассчитывать, что клуб продолжит свою деятельность независимо от преподавательского состава. Древнеисландский стал объектом особого внимания; обычно он дает результаты более высокие, нежели остальные специальные предметы; этот язык изучают на

протяжении двух лет, почти столь же подробно, как англосаксонский…..

Большой объем учебной и административной работы, сопряженный с моей должностью, в придачу к участию в общем руководстве расширяющимся факультетом, а в последнее время — еще и обязанности члена сената{7} в особенно трудный момент для университетской политики стали для меня серьезным препятствием в том, что касается подготовки публикаций. Тем не менее прилагаю отдельный список того, что я все же успел сделать. Если мне посчастливится быть избранным на должность Ролинсона и Бозуорта, я буду стремиться как можно полнее использовать возможности, предоставляемые ею для научной работы, содействовать, насколько хватит сил, сближению лингвистики и литературоведения, противостояние которых, на мой взгляд, вызвано исключительно непониманием и причиняет ущерб обоим, и продолжать поощрять интерес к филологии среди юношества на поле деятельности более обширном и многообещающем.

Засим остаюсь, джентльмены, Вашим покорным слугой, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

008 Из письма к вице-канцлеру Лидского университета 22 июля 1925

Меня только что известили, что я избран на должность профессора Ролинсона и Бозуорта Оксфордского университета, и я ответил согласием (к работе следует приступить с первого октября), — безусловно, глубоко сожалея о том, что столь внезапно вас покидаю, хотя для меня лично этот нежданный поворот событий — большая удача.

Должность досталась мне так рано лишь из-за внезапного ухода моего предшественника, — я смутно рассчитывал на нечто подобное в будущем куда более отдаленном, однако теперь, после всего, что сделал для меня этот университет (работать в нем было истинным счастьем, пусть пробыл я на факультете и недолго), я боюсь показаться неблагодарным, прося освободить меня от занимаемой должности столь скоро. Уповаю на ваше снисхождение.

009 К Сьюзен Дагналл, издательство «Джордж Аллен энд Анвин, лимитед»

Большую часть «Хоббита» Толкин написал в течение первых семи лет работы в должности профессора англосаксонского языка в Оксфорде. К зиме 1932 г. текст уже существовал; именно тогда его прочел К. С. Льюис, хотя на данной стадии в рукописи, по всей видимости, не хватало последних глав и обрывалась она незадолго до гибели дракона Смауга. Со временем эту рукопись прочла Сьюзен Дагналл, выпускница Оксфорда, сотрудница лондонского издательства «Аллен энд Анвин»; она настоятельно посоветовала Толкину закончить повесть и предложить ее к публикации. В письмах № 163, № 257 и № 294 содержится рассказ самого Толкина о ее участии в судьбе книги, хотя в двух последних письмах ошибочно утверждается, будто Сьюзен Дагналл еще училась в Оксфорде, когда рукопись попала ей в руки. Также см. «Биографию»{8}, стр. 281. 3 октября 1936 г. Толкин отослал законченную рукопись в издательство «Аллен энд Анвин». 5 октября Стэнли Анвин, основатель и директор издательства, ответил, что «рукопись будет немедленно и внимательнейшим образом рассмотрена». Из дальнейшей переписки сохранилось лишь одно письмо, приведенное ниже. Ко времени его написания книгу уже приняли к публикации и Толкин занимался подготовкой карт и иллюстраций.

4 января 1937
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемая мисс Дагналл,
Карты и т. д. к «Хоббиту».

Извините за задержку столь долгую. Я некоторое время чувствовал себя неважно; а потом все мои домашние, один за другим, свалились с гриппом, принесенным из школы, так что Рождество оказалось безнадежно испорчено. Сам я слег в канун Нового года. Трудно было сделать хоть что-нибудь; боюсь, результаты моих трудов оставляют желать много лучшего. Я перерисовал две вставки: схему, которую надо вклеить (в главу I),

и общую карту. Могу лишь надеяться — поскольку умения у меня маловато, равно как и опыта в подготовке подобных материалов для печати, — что они худо-бедно сгодятся. Что до остальных карт, я решил, что они не нужны.

Я перерисовал (как смог) одну-две любительские иллюстрации из «домашнего манускрипта», предположив, что они, возможно, сгодятся на форзац, фронтиспис или куда-нибудь еще. Сдается мне, в целом такие картинки, будь они получше, книгу бы весьма украсили. Но, скорее всего, на данной стадии такое исключается; в любом случае они не то чтобы хороши, да и с технической точки зрения, вероятно, непригодны. Буду весьма признателен, если вы вернете отвергнутые варианты.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

010 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин»

В период между 1932 и 1937 гг. Толкин сочинил и проиллюстрировал коротенькую детскую сказку под названием «Мистер Блисс». Подробнее о ней см. «Биографию», стр. 254–255. Книга была показана в издательстве «Аллен энд Анвин» одновременно с представлением «Хоббита». Издатели ответили, что охотно примут рукопись к публикации при условии, что Толкин сократит количество цветов в иллюстрациях.

17 января 1937
Нортмур-Роуд 20, Оксфорд

Глубокоуважаемый сэр!

«Мистер Блисс» благополучно прибыл. Могу лишь сказать, что был крайне удивлен, получив на следующее утро ваше любезное письмо. Я и вообразить не мог, что он стоит таких хлопот. На мой взгляд, эти картинки главным образом доказывают, что рисовать автор не умеет. Но, если ваше издательство всерьез считает, что опубликовать «Блисса» стоит, я попытаюсь упростить иллюстрации и сделать их более пригодными для воспроизведения. Разумеется, мне бы очень помогло, если бы вы и впрямь были так любезны, что заглянули ко мне и дали совет-другой. В настоящий момент я пытаюсь получить грант на «исследования»[12] в придачу к моим повседневным обязанностям, но в ближайшем будущем непременно улучу минутку-другую, тем более что от тяжкого бремени принимать экзамены на ближайшие два года я свободен.

Также я исполнен признательности и приятно изумлен тем, что рисунки к «Хоббиту» тоже могут пойти в дело. Как их лучше воспроизвести и использовать, предоставляю решать вам. Собственно говоря, схема — карта с рунами — предназначалась для вклейки (в сложенном виде) в главу I, напротив первого о ней упоминания («кусок пергамента, весьма смахивающий на карту») ближе к концу главы. Вторая карта «домашнего манускрипта» помещалась в конце, а длинный, узкий рисунок «Мирквуда»[13] — в начале. «Врата эльфийского короля» стояли в конце гл. VIII, «Озерный город» — в гл. X, «Главные врата» — в гл. XI, сразу после рассказа о том, как искатели приключений увидели их впервые: «Им открылся темный, похожий на пещеру проем в

огромной стене скал». По зрелом размышлении я осознал, что таким образом все карты и картинки, по местоположению и отсылкам, сосредоточены ближе к концу книги. Ни о каком особом замысле не идет и речи; так вышло только потому, что мне не удалось привести остальные иллюстрации в хоть сколько-нибудь приемлемый вид. Кроме того, мне сказали, будто географические или пейзажные подойдут лучше всего — не говоря уже о том, что ничего другого я рисовать и не умею.

Прилагаю еще шесть штук[14]. Все они, очевидно, не без изъяна; и, кроме того, вероятно, с трудом поддаются воспроизведению, — все до единой или по крайней мере некоторые. Наконец, вы, возможно, не захотите на этапе столь позднем создавать себе новые сложности и менять свои планы. Так что я нисколько не огорчусь и не удивлюсь, если вы их вернете, все или часть из них…..

Засим остаюсь неизменно Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

011 Из письма в издательство «Аллен энд Анвин» 5 февраля 1937

Касательно воспроизведения иллюстраций к «Хоббиту».

Пробные оттиски одобряю. Уменьшение пошло на пользу всем, кроме «Троллей». На этой картинке обнаружились один-два дефекта, возможно, дело лишь в качестве печати. Я их отметил: тонкая белая обводка одного из деревьев на заднем плане местами прерывается; некоторые из точек, служащих контуром для пламени, не пропечатались; а еще не пропечаталась точка после «Тролли».

В картинке «Прихожая в Бэг-Энде» я по недомыслию акварелью изобразил тень, доходящую до самой боковой балки. Тень, конечно же, на оттиске получилась совсем черной (а ключ в результате и вовсе исчез), хотя до балки не доходит. Однако оттиски, на мой взгляд, вполне хороши — насколько позволяет оригинал. Пожалуйста, учтите: это все замечания не из серьезных! До сих пор удивляюсь, что эти посредственные картинки вообще приняли к публикации и что вы потратили на них столько трудов и сил — тем паче вопреки финансовым соображениям (об этом факторе я ни на минуту не забывал; из-за него-то я поначалу и отказался от иллюстраций).

012 В «Аллен энд Анвин»

В середине марта Толкин отослал в «Аллен энд Анвин» корректуру «Хоббита», испещрив первоначальный текст огромным количеством поправок. Толкину сообщили, что вследствие этого ему, возможно, придется оплатить часть расходов на внесение исправлений, хотя издатели отметили: переработанный автором текст занимает то же самое место, что и первоначальный вариант. Вместе с нижеприведенным письмом Толкин прислал также рисунок с рунической надписью для суперобложки.

13 апреля 1937
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Глубокоуважаемые сэры!

Возвращаю в отдельном конверте *выверенный текст «Хоббита»* с внесенными в него исправлениями…..Ваши любезные разъяснения насчет стоимости внесения поправок я принял к сведению. Я, конечно же, заплачу то, что с меня по справедливости причитается, если возникнет необходимость; хотя, разумеется, буду весьма признателен за снисхождение. Благодарю вас за все ваши хлопоты и за понимание…..

В конверте с корректурой я посылаю на ваш суд *черновик суперобложки*. Я обнаружил (как и предполагал), что задача эта выходит за пределы моего умения и опыта. Но, возможно, удастся использовать замысел в целом?

Я предвижу следующие основные возражения.

Цветов слишком много: синий, зеленый, красный, черный. (Два оттенка красного получились случайно; два оттенка зеленого на самом деле неважны.) С этой проблемой можно справиться, заменив красный на белый (вероятно, рисунок от этого только выиграет) и убрав солнце вообще или обведя его контуром. Присутствие в небе солнца и луны одновременно имеет отношение к магии, заключенной в двери.

Рисунок, безусловно, чересчур сложен и нуждается в упрощении: напр., можно изобразить горы одним цветом и упростить зубчатые «ели»…..

При переделке весь рисунок возможно уменьшить — если, конечно, вы сочтете, что руны смотрятся привлекательно. Хотя смотрятся они очень даже волшебно, на самом деле надпись означает: *«Хоббит, или Туда и обратно; хроники путешествия*

длиною в год, составленные Бильбо Бэггинсом; воспроизведенные по его мемуарам Дж. Р. Р. Толкином и опубликованные издательством «Джордж Аллен энд Анвин»…..

Искр. Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

013 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин»

11 мая «Аллен энд Анвин» сообщили Толкину, что благодаря их усилиям «Хоббитом» заинтересовалось «одно из известных американских издательств» и что это издательство «хотело бы включить в книгу дополнительные цветные иллюстрации и предлагает привлечь для этой цели талантливых американских художников». «Аллен энд Анвин», однако, решили, что «лучше, если все иллюстрации будут вашей работы».

13 мая 1937
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Ферт!

Благодарю вас за информацию касательно предполагаемой публикации в Америке. Не могли бы вы сообщить мне название издательства, а также просветить меня насчет финансовых условий?

Что до иллюстраций: я разрываюсь между сознанием моего собственного неумения и страхом перед тем, что могут породить американские художники (вне всякого сомнения, мастера своего дела). В любом случае я целиком и полностью согласен, что все иллюстрации должны быть выполнены одной рукой: рядом с четырьмя профессиональными рисунками моя собственная любительская мазня будет смотреться довольно-таки глупо. У меня в столе хранится еще несколько «картинок», но, хотя они представляют собой сцены из мифологии, на «задворках» которой и разворачиваются приключения хоббита, его собственную историю они, по чести говоря, не иллюстрируют. Единственная, которую возможно использовать, — это первоначальная цветная версия «Мирквуда»[15] (для «Хоббита» перерисованная в черно-белую). Я, пожалуй, попытаюсь нарисовать для этой цели еще пять-шесть. Если, на ваш взгляд, это имеет смысл, я приступлю к работе, насколько позволяет время в разгар триместра. Однако в ближайшее время ничего обещать не могу. Но, вероятно, дело отлагательств не терпит? Тогда, наверное, предпочтительно, чтобы американцы не потеряли интереса, позволить им поступать, как сами сочтут нужным, — но оставляя за собою право (оговариваю особо) наложить вето на все произведенное или навеянное диснеевской студией (вся диснеевская продукция

вызывает у меня глубочайшее отвращение). Мне доводилось видеть иллюстрации американских авторов, наводящие на мысль о том, что результатов можно ждать превосходных — даже чересчур превосходных в сравнении с моим вкладом. Не уточните ли, какие сроки мне отпущены на то, чтобы произвести образцы, способные удовлетворить вкусы трансатлантического юношества (или квалифицированных знатоков оных вкусов)?….

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН

014 В «Аллен энд Анвин»

Издатели предложили Толкину выпустить «Хоббита» в октябре 1937 г., сразу после начала Михайлова триместра{9} в Оксфорде. Они также сообщили, что переслали письмо Толкина, посвященное иллюстрациям (№ 13), в издательство «Хоутон-Мифлин» (г. Бостон, штат Массачусетс), которое планировало издавать книгу в Америке.

28 мая 1937
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Глубокоуважаемые сэры!

….*Дата публикации*. Здесь, разумеется, распоряжаться вам; поскольку приходится учитывать многие соображения вне моей компетенции. В любом случае, как я понимаю, все уже решено окончательно; кроме того, нужно принимать в расчет и Америку. Но что до С.К.В.{10}, сдается мне, вы, скорее всего, ошибаетесь, ориентируясь на Оксфордский университет и его триместры; равно как и считая, что начало октября лучше, чем июнь. Большая часть О.У.{11} интереса к такой повестушке не проявит; а та, что проявит, уже громко ее требует и даже добавляет «Хоббита» к длинному списку моих нескончаемых «задолженностей». Что до «местного интереса», пожалуй, он уже достиг своего апогея (не то чтобы, при самом лучшем раскладе, он сильно повлиял бы на объемы продаж, как мне кажется). В любом случае, конец июля, этот промежуток между последней подготовкой к экзаменам и сражением с письменными работами (что затрагивает лишь небольшое количество студентов старших курсов) — долгожданная передышка, когда и приобретается легкое чтиво, как для немедленного потребления, так и в преддверии каникул. Октябрь же, с приходом которого на тебя обрушивается новый академический год, месяц крайне загруженный.

Мистер Льюис из Модлина[16], рецензирующий новые книги для «Таймс литерари сапплемент»{12}, сообщает мне, что уже написал туда, настаивая на размещении рецензии и претендуя на эту книгу как специалист по сказкам; а теперь злится, что его завалят «детской литературой», которая ему вовсе незачем, в то время как «Хоббит» попадет к нему в руки только по окончании каникул и будет отложен до декабря, — только тогда мистер Льюис сможет внимательно прочесть его и написать подробный обзор. Кроме того, если бы книга вышла до того, как университет

распустят на каникулы, я мог бы уговорить одного моего друга, издателя «О.Ю. мэгэзин»[17], который в последнее время закачивает в свой журнал изрядную дозу моих драконьих баек, отвести для него местечко и в начале осеннего триместра опубликовать рецензию. Однако я, наверное, слишком поздно спохватился. В любом случае не думаю, что в итоге это имеет большое значение. У меня есть лишь одна чисто личная причина сожалеть о задержке, а именно: мне очень хотелось бы, чтобы «Хоббит» вышел как можно скорее, потому что с прошлого октября я связан научно-исследовательским контрактом и, как предполагается, не занимаюсь экзаменами и «всякой ерундой». И, чем больше времени проходит с момента вступления контракта в силу, тем труднее мне будет притворяться (а это и сейчас непросто), что книга целиком и полностью закончена в период до октября 1936 г. Боюсь, мне нелегко окажется убедить коллег в том, что «Хоббит» — не главный плод моей «научно-исследовательской работы» за 1936—7 года!

Издательство «Хоутон-Мифлин». Я пришел в смятение, узнав, что письмо мое переправлено за океан. В изначальном, неотредактированном виде оно для глаз американцев вовсе не предназначалось: в противном случае я бы выражался иначе. Теперь я еще больше сомневаюсь в том, стоит ли мне выступать иллюстратором…..Тем не менее вкладываю три цветные «картинки»[18]. На лучшее я вряд ли способен; если качество их слишком низко, пусть Х. М. так об этом и скажут, я совершенно не обижусь (при условии, что картинки мне вернут). Это — небрежные, на скорую руку состряпанные результаты моего увлечения; иллюстрируют они совсем другие истории. Для публикации я, наверное, сумел бы слегка улучшить качество, сделав цвета ярче и четче, отчасти избавившись от нагромождения излишних деталей (и увеличив размер). Картинка с Мирквудом, по сути дела, та же самая, что на вклейке в «Хоббите», однако иллюстрирует совсем другое приключение. Думаю, если Х. М. захотят, чтобы я продолжал, я оставлю черно-белую вклейку и дорисую еще четыре эпизода. Я возьмусь за них, как только смогу, — по всей видимости, не раньше, чем издательство протелеграфирует свой вердикт…

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН

015 В «Аллен энд Анвин»

К этому письму прилагался цветной вариант иллюстрации «Холм: Хоббитон-за-Рекой». Толкин уже отослал в издательство четыре новых цветных иллюстрации: «Ривенделл», «Бильбо проснулся с первым рассветным лучом», «Бильбо приходит к хижинам эльфов-плотогонов» и «Беседа со Смаугом». Все они, за исключением «Хижин эльфов-плотогонов», были использованы в первом американском издании; и все они, за исключением «Бильбо проснулся…», были добавлены во втором британском переиздании.

31 августа 1937
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Ферт!

Посылаю вам цветной вариант фронтисписа. Если он вас устроит, перешлите его в издательство «Хоутон-Мифлин». Не могли бы вы одновременно наконец-то разъяснить им (похоже, задача не из простых!), что первые *три* рисунка являются *не* иллюстрациями к «Хоббиту», но лишь образцами; для этой книги их использовать нельзя и теперь их следует вернуть. А вот последующие *пять* рисунков (первые *четыре* плюс теперь еще *один*) выполнены специально для издательства Х.М. и для «Хоббита». Разумеется, они вольны отвергнуть или использовать все или сколько захотят из числа этих *пяти*. Но мне хотелось бы подчеркнуть особо: они подобраны так, чтобы иллюстрации распределялись равномерно по всей книге (особенно в сочетании с черно-белыми рисунками).

Я так понимаю, что вопрос об оплате даже не встает? Особых достоинств я за своими картинками не замечаю (хотя труда затрачено изрядно); полагаю, что «бесплатность» моих детищ компенсирует все их прочие недостатки. Но я так понял, что первоначально условия издательства Х.М. распространялись только на «Хоббита» в том виде, в каком его публикуете вы; и что лишь потом они предложили дополнить книгу цветными иллюстрациями в качестве собственного средства привлечения покупателей, задействовав для этой цели талантливых американских художников. В таком случае иллюстраторам пришлось бы заплатить отдельно. В настоящий момент я в таком финансовом кризисе (главным образом из-за расходов на медицину), что даже пустячное вознаграждение оказалось бы

манной небесной. Нельзя ли как-нибудь дать им понять (когда они решат, хотят ли использовать какие-то из моих иллюстраций), что небольшая компенсация была бы очень уместна?

Возможно, вы подскажете мне линию поведения или, напротив, одернете? Надо ли говорить, что подобная мысль пришла мне в голову только в отношении американцев, которые уже причинили всем немало совершенно ненужных хлопот. Даже не знай я, что ваши производственные затраты непомерно велики (и что сам я обошелся с корректурой совершенно безжалостно), я в любой момент к вашим услугам во всем, в чем, на ваш взгляд, в силах помочь, — я охотно нарисую или перерисую любые иллюстрации, для «Хоббита» пригодные.

От души уповаю, что в конце концов мистер Бэггинс придет мне на помощь — в разумных пределах (на горшки тролльего золота я и не рассчитываю). Я начинаю надеяться, что издатели (см. суперобложку) окажутся правы[19]. Недавно я получил тому два сравнительно многообещающих доказательства. Во-первых, книгу ни много ни мало как прочел профессор Гордон[20] (такое с ним нечасто случается!) и уверяет меня, что порекомендует ее всем и каждому, а также и Книжному обществу. Должен предупредить вас, что на обещания он обычно щедр, но, как бы то ни было, в суждениях ошибается редко. С большим энтузиазмом отозвался о книге и профессор Чеймберз[21], но уж он-то — мой старый друг, и сердце у него доброе. Самый ценный документ прилагаю на случай, если он вас заинтересует: письмо от Р. Мейггза (в настоящий момент он — издатель «Оксфорд мэгэзин»). У него нет никаких причин щадить мои чувства и говорит он обычно, что думает. Но, конечно же, с рецензентскими кликами он никак не связан и, по сути дела, является просто-напросто представителем по-отечески снисходительной публики.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН

P.S. Вкладываю также свои комментарии по поводу рекламки для клапана суперобложки — прочтите на досуге, если разберете.

Когда 21 сентября 1937 г. «Хоббит» вышел в свет, издательство «Аллен эндАнвин» поместило на суперобложке следующий рекламный текст: «У Дж. Р. Р. Толкина…. четверо детей, и «Хоббита»…. им читали вслух в дни детской….. Рукопись…. ссужалась оксфордским друзьям; они, в свою очередь, читали ее своим отпрыскам….. Рождение «Хоббита» очень напоминает историю «Алисы в Стране Чудес». И тут, и

там профессору, преподающему головоломную дисциплину, вздумалось позабавиться…» Толкин откомментировал эти заметки следующим образом.

Кстати. Я давно уже хотел высказаться по поводу дополнительного материала, помещенного на суперобложке. Не думаю, что эта подробность для выпуска «Хоббита» так уж важна (в то время как и сама книга — лишь незначительный эпизод среди прочих ваших забот). Так что надеюсь, что на нижеприведенные замечания вы не обидитесь и доставите мне удовольствие, позволив разъяснить, что и как (профессор так и рвется наружу), даже если пользы в том особой нет.

Если вы считаете, что эта заметка — в самый раз, я — в ваших руках. Истинная правда, я полагаю, никому не нужна (а то и нежелательна). Однако меня изрядно тревожит то, что Х.М., чего доброго, воспримет все это буквально и помножит неточность на ложь. А рецензенты вообще склонны полагаться на намеки. По крайней мере, я сам таков, когда выступаю в этой роли.

«Детская»: В моем доме детской вовеки не водилось; для подобных развлечений всегда использовался рабочий кабинет. Как бы то ни было, вы, часом, не ошиблись насчет возраста? Я бы предположил, что «дни детской» заканчиваются примерно лет в восемь, когда детей отправляют в школу. Это слишком рано. Мой старший мальчик прослушал сериал в тринадцать лет. Младшим было неинтересно: они дорастали до него по очереди.

«Ссужалась»: Это мы, так и быть, пропустим (хотя, строго говоря, я рукопись друзьям не столько ссужал, сколько навязывал). Текст и впрямь ходил по рукам, но, насколько мне известно, вслух детям его никогда не читали; а *самостоятельно* прочел его один-единственный ребенок (девочка лет 12–13), еще до того, как с текстом ознакомился мистер Анвин.

«Головоломная дисциплина»: Никакой «головоломной» дисциплины я не преподаю: англосаксонский под эту категорию не подходит. Многие, возможно, так считают, но поощрять их я не намерен. Древнеанглийская и древнеисландская литература ничуть не более оторваны от жизни и ничуть не более трудны для освоения задешево, нежели, скажем, деловой испанский{13}. Я испробовал и то, и другое. В любом случае, если не считать рун (англосаксонский) и гномьих имен (древнеисландский), — причем ни то, ни другое не использовались с дотошной педантичностью истинного антиквария, и оба, увы, пришлось задействовать вместо подлинных алфавитов и имен из той

мифологии, куда вламывается мистер Бэггинс, именно затем, чтобы избежать головоломных сложностей, — моим профессиональным познаниям, боюсь, здесь не нашлось прямого применения. Магия, и мифология, и вымышленная «история», и большинство имен (например, эпос о Падении Гондолина) — увы! — почерпнуты из неопубликованных измышлений, известных только моим домашним, мисс Гриффитс[22] и мистеру Льюису. На мой взгляд, они придают повествованию ощущение «реальности» и заключают в себе нечто северное. Однако не знаю, стоит ли подводить доверчивых простецов к мысли о том, что все это заимствовано из «древних книг», или подталкивать просвещенных к искушению разъяснить, что это не так.

«Филология», мой настоящий профессиональный инструментарий, возможно, и впрямь головоломна и, наверное, более сопоставима с математикой Доджсона. Так что на самом деле параллель (если, конечно, она и впрямь существует; мне, например, кажется, что при внимательном рассмотрении от нее камня на камне не остается){14} заключается в том факте, что в обоих произведениях ни та, ни другая узкоспециальные дисциплины в явном виде не представлены. Единственное филологическое замечание (как мне кажется) в «Хоббите» содержится на стр. 221 (строки 6–7 с конца)[23]: причудливо мифологическая отсылка к лингвистической философии; эта подробность (по счастью) ускользнет от тех, кто не читал Барфилда[24] (мало кто может этим похвастаться), а возможно, и от тех, кто читал. Боюсь, что эту мою штуку на самом деле куда уместнее сравнить с доджсоновской любительской фотографией и его песнью о неудаче Гайаваты{15}, нежели с «Алисой».

«Профессор»: Разыгравшийся профессор напоминает купающегося слона, — как заметил сэр Уолтер Рали[25] по поводу профессора Джо Райта, вовсю резвящегося на *viva*[26]. Строго говоря (как мне кажется), Доджсон был не профессором, а колледжским лектором{16}, — хотя с моим подвидом он обошелся великодушно, сделав «профессора» самым привлекательным персонажем в «Сильви и Бруно» (разве что вам милее сумасшедший садовник). А почему не «студент»? Это слово хорошо еще и тем, что именно таков был официальный статус Доджсона: студент Крайст-Черч{17}. Если вы считаете, что этот термин удачен и что сопоставление справедливо (для «Хоббита» это немалый комплимент), — следует упомянуть также и «Зазеркалье»: оно куда ближе по всем статьям…..

ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

016 К Майклу Толкину

Второй сын Толкина, Майкл, которому уже исполнилось шестнадцать, учился в школе при Молельне в Беркшире вместе со своим младшим братом Кристофером. В тот момент мальчик очень надеялся, что его возьмут в сборную школы по регби.

3 октября 1937
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Любимейший Мик!

Славно было получить от тебя весточку. Надеюсь, у тебя все хорошо. Мне показалось, новые апартаменты[27] окажутся вполне пристойными, как только их обставят. Очень великодушно с твоей стороны по мере сил по-родственному приглядывать за Крисом. Думаю, поначалу он натворит дел, но вскорости непременно освоится и больше не будет доставлять хлопот ни тебе, ни себе.

Мне страшно жаль, что тебя не взяли в команду (пока). Просто не верится! Однако многие из тех, кого поначалу и отвергли, в конце концов в сборную попадают — и даже завоевывают «цвета»{18}. Вот так и со мной было — и по той же самой причине: слишком легок. Но в один прекрасный день я решил компенсировать недостаток веса (допустимой) жесткостью и уже в конце сезона угодил в капитаны команды факультета{19}, а в следующем сезоне заслужил «цвета». Но зато уж и пострадал изрядно — помимо всего прочего, чуть без языка не остался, — а поскольку в общем и целом твоей невезучестью я не отличаюсь, по чести говоря, я буду очень даже рад, если ты останешься цел и невредим, пусть и не в команде! Ну, да благословит тебя Господь и сохранит тебя в любом случае. Особых новостей никаких нет. Мама, похоже, страх как полюбила кататься на машине.

С тех пор как тебя нет, мы остались вдвоем, так что теперь мне нужно вывезти ее, П. и Дж. Б.[28] на прогулку, вместо того чтобы поработать за письменным столом. Так что пока все. С огр. любовью,

Твой родной папа.

017 К Стэнли Анвину, директору «Аллен энд Анвин»

Анвин переслал Толкину письмо от писателя Ричарда Хьюза, — ему издательство предоставило экземпляр «Хоббита». Хьюз писал Анвину: «Я с вами целиком и полностью согласен: это — одна из лучших детских книг, ничего замечательнее мне уже давно не попадалось….. Единственная загвоздка, как мне кажется, состоит в том, что многие родители…. побоятся читать отдельные эпизоды детям перед сном, посчитав их слишком страшными». Анвин также упомянул о том, что его собственный одиннадцатилетний сын Рейнер, некогда отрецензировавший рукопись «Хоббита», порекомендовав ее для публикации (см. «Биографию», стр. 282), как раз перечитывает книгу в уже изданном виде. В заключение Анвин предупреждает Толкина, что «широкая публика… в будущем году станет шумно требовать от вас новых историй про хоббитов!»

15 октября 1937
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Анвин!

Большое вам спасибо за ваше любезное письмо от 11 октября, а теперь еще и за копию письма Ричарда Хьюза. Мне было исключительно интересно с ним ознакомиться, поскольку мы друг друга абсолютно не знаем. Рецензии в «Таймс» и в «Таймс литерари сапплемент» были вполне хороши — то есть (не по заслугам) лестны; однако по ряду внутритекстовых свидетельств я догадываюсь, что обе написаны одним и тем же автором[29], в чьем одобрении я был уверен заранее: у нас изначально схожие вкусы, мы выросли на одних и тех же книгах и близко общаемся вот уже много лет. Тем не менее это никоим образом не умаляет их общественного резонанса. Кроме того, я не могу не уважать его мнения: я считал его лучшим из живущих ныне критиков до того, как внимание его обратилось на меня; и никакая дружба не заставила бы его сказать то, чего он на самом деле не думает; более бескомпромиссной честности я в жизни своей не встречал!….

Ни один из рецензентов (из тех, кого я читал) при том, что сами они все использовали правильную форму *dwarfs* [гномы. —

С.Л.], не откомментировал тот факт (я сам осознал его, только начитавшись обзоров), что на протяжении всей книги я употребляю «неправильную» форму множественного числа *dwarves*. Боюсь, что это — всего-навсего индивидуальная грамматическая погрешность, в филологе тем более возмутительная; но придется ее оставить. Может быть, моему гному (поскольку *dwarf*, равно как и *Gnome*[30] — своего рода «местный эквивалент» существ, которые в своем собственном мире носят иные имена и наделены несколько иными свойствами) позволительно иметь особую форму множественного числа. В любом случае, подлинное «с исторической точки зрения» настоящее множественное число от слова *dwarf* (подобно форме *teeth om tooth*) — это *dwarrowsr*, право же, очень славное словечко, но чересчур архаичное. И все-таки я слегка жалею, что не воспользовался им.

До чего же мне симпатичен ваш сын! Прочесть машинописную рукопись, в которой строчки налезают друг на друга, а чернила едва просматриваются, — деяние само по себе благородное; перечесть все творение от начала до конца, да так скоро, — это комплимент не из малых.

Мне пришла по почте открытка — надо думать, ссылка на рецензию в «Таймс», — в которой было всего четыре слова:

sic hobbitur ad astra.[31]

И все же я слегка обеспокоен. Понятия не имею, что еще можно сказать о *хоббитах*. По-моему, мистер Бэггинс полностью исчерпал как туковскую, так и бэггинсовскую стороны их натуры. Зато я готов поведать многое, очень многое, — а многое уже и записано, — о том мире, в который хоббиты вторглись. Вы, разумеется, можете взглянуть на все, что есть, и сказать, что вы обо всем этом думаете, когда пожелаете — если пожелаете. Мне весьма любопытно узнать мнение человека стороннего, помимо мистера К. С. Льюиса и моих детей, на предмет того, представляет ли оно хоть какую-то ценность и годится ли на продажу само по себе, отдельно от хоббитов. Но если «Хоббит» и в самом деле утвердился надолго и публика потребует продолжения, так я пораскину мозгами и попытаюсь выудить из этого материала какую-нибудь тему и обработать ее приблизительно в том же стиле и для той же аудитории, — возможно, задействуя и уже имеющихся хоббитов. Моя дочка не прочь послушать про семейство Туков. Один из читателей просит подробнее рассказать о Гандальве и о Некроманте. Но это предметы слишком мрачные — слишком и чересчур для

загвоздки Ричарда Хьюза. Боюсь, что помянутая загвоздка проявляется на каждом шагу; хотя, по чести говоря, именно присутствие (пусть даже лишь на границе) ужасного придает, на мой взгляд, этому вымышленному миру убедительность и достоверность. Безопасная волшебная страна — фальшивка в любом мире. В настоящий момент я, подобно мистеру Бэггинсу, переживаю легкий приступ «потрясенности»{20}; от души надеюсь, что я не воспринимаю себя слишком уж всерьез. Но должен признаться, что ваше письмо пробудило во мне слабую надежду. То есть я начинаю задумываться, а не удастся ли (быть может!) в будущем по возможности совместить долг и удовольствие? Вот уже семнадцать лет я трачу почитай что все каникулы на экзамены и тому подобные занятия, понуждаемый настоятельными финансовыми потребностями (главным образом медицинского и образовательного свойства). Что до сочинительства стихов и прозы, эти минутки я выкрадывал, порою мучаясь угрызениями совести, из времени уже запроданного, так что писал от случая к случаю, и не то чтобы продуктивно. А теперь, возможно, я смогу делать то, к чему всей душою стремлюсь, нимало не греша против финансовых обязательств. Возможно!{21}

Сдается мне, «Оксфорд» книгой слегка заинтересовался. Меня то и дело спрашивают, как там мой хоббит. Причем (как я и предвидел) не без изумления и толики жалости. Мой родной колледж, как мне кажется, расщедрится экземпляров на шесть, хотя бы для того, чтобы было чем меня дразнить. После рецензии в «Таймс» двое-трое моих более степенных коллег решили, будто могут, так и быть, без ущерба для своего академического достоинства сознаться, что знакомы с моей «фантазией» (читай: неблагоразумием). Профессор византийского греческого языка[32] купил себе экземпляр, «ведь первоиздания "Алисы" сейчас стоят немалых денег». По слухам, зачтением «Хоббита» видели профессора королевской кафедры{22} современной истории. Книга выставлена в «Паркерз»[33], а больше, кажется, нигде.

Возможно, я буду в городе в среду, 27 октября, — приеду послушать профессора Жозефа Вандриеса в Академии. Не получится ли заодно пообедать вместе, как вы любезно предлагали еще летом? В любом случае я смогу занести в издательство «Мистера Блисса» и получить конкретные рекомендации насчет того, как именно сделать его пригодным для воспроизведения, — мистер Ферт обещал мне что-либо подсказать.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

P.S. Образцы «картинок» прибыли из Америки в целости и

сохранности.

018 Из письма к Стэнли Анвину 23 октября 1937

> 19 октября Анвин написал Толкину: «Думаю, для вашей слабой надежды есть некоторые основания….. Нечасто случается, чтобы детский писатель завоевал себе прочную репутацию посредством одной-единственной книги, но в том, что с вами именно так вскорости и произойдет, я абсолютно не сомневаюсь….. Вы — один из редких гениев, а я, в отличие от иных издателей, это слово за тридцать лет работы в издательстве не употребил и полдюжины раз».

В свою очередь, благодарю вас за обнадеживающее письмо. На днях начну работать над новой книгой и при первой же возможности представлю ее на суд вашего сына.

019 К Стэнли Анвину

15 ноября Толкин отобедал с Анвином в Лондоне и рассказал ему о нескольких своих сочинениях, уже существующих в виде рукописи: про серию «Писем Рождественского Деда», — эти письма Толкин посылал своим детям на каждое Рождество, начиная с 1920 г.; про разнообразные короткие повести и стихотворения; и про «Сильмариллион». В результате этой встречи Толкин передал в «Аллен энд Анвин» «Квенту Сильмариллион» прозаический текст последнего вместе с длинной неоконченной поэмой «Жеста{23} о Берене и Лутиэн». И то, и другое были показаны одному из внешних рецензентов издательства, Эдуарду Кранкшо; рецензент о поэме отозвался негативно, зато похвалил прозаический вариант за «лаконичность и благородство», хотя «зубодробительные кельтские имена» ему не понравились. Далее в рецензии говорилось: «Есть тут нечто от той безумной, яркоглазой красоты, что ошеломляет любого англосакса, столкнувшегося с кельтским искусством». Комментарии были переданы Толкину.

16 декабря 1937
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Анвин!

Я был болен и до сих пор нетвердо стою на ногах, а в придачу еще приключились всякие прочие рутинные неприятности. Так что время утекает сквозь пальцы: с тех пор, как мы с вами виделись, я почитай что ничего не наработал. Даже письмо от Рождественского Деда за 1937 год еще не написано…..

Больше всего я радуюсь тому, что «Сильмариллион» не был отвергнут с презрением. С тех пор как я выпустил из рук эту глубоко личную и очень любимую чепуху, я, как это ни смешно, словно осиротел и в придачу мучим страхом; думаю, для меня оказалось бы тяжким ударом, если бы вы и впрямь сочли все это чепухой. Насчет стихотворного переложения я не возражаю; невзирая на отдельные удачные куски, серьезных недостатков там полно; для меня это только черновик. Однако теперь я со всей определенностью буду надеяться, что в один прекрасный день «Сильмариллион» опубликуют — или я смогу позволить себе издать его за свой счет! От комментариев вашего рецензента я в

полном восторге. Очень жаль, что он обломал себе зубы об имена — лично я считаю (а здесь я — компетентный судья, поверьте!), что они хороши и общий эффект в значительной мере зависит именно от них. Они последовательны, соотносятся между собою и созданы на основе двух взаимосвязанных лингвистических формул, и потому обретают реальность, чего, на мой взгляд, не вполне удавалось достичь другим изобретателям имен (скажем, Свифту или Дансени!). Нужно ли говорить, что имена эти вовсе не кельтские! Равно как и сами сказания. Я-то кельтский материал знаю (многие тексты я прочел в оригинале — на ирландском и валлийском) и испытываю к ним некоторую антипатию: главным образом за то, что в основе своей они напрочь лишены всякой логики. Они переливаются яркими красками, но они — что осколки витража, собранные заново как попало. Они и впрямь «безумны», как верно заметил ваш рецензент, — но я-то, хотелось бы верить, вполне нормален. И тем не менее я очень признателен ему за отзыв; особенно же меня воодушевляет то, что стиль вполне соответствует замыслу и даже затмевает номенклатуру.

Я даже не предполагал, что подсунутый вам материал соответствует вашим требованиям. Мне просто хотелось узнать, представляют ли какие-то из текстов некую ценность для кого-то, кроме меня самого. Понятно, что, совершенно вне зависимости от этого, требуется продолжение к «Хоббиту» — «вторая серия», так сказать. Обещаю хорошенько над этим поразмыслить. Но я уверен, вы мне посочувствуете, если я скажу, что создание тщательно проработанной и последовательной мифологии (и двух языков в придачу) поглощает человека почти целиком, и в сердце моем царят Сильмарили. Так что Бог весть, что из этого выйдет. Мистер Бэггинс возник как комическая сказочка в среде традиционных и несообразных гномов из волшебных сказок братьев Гримм и помимо своей воли оказался затянут на самый краешек этого мира — так, что даже Саурон Ужасный выглянул из-за грани. А на что еще способны хоббиты? Они могут быть комичны, да только комизм этот — обывательский, разве что изобразить его на фоне чего-то более фундаментального. Однако самое интересное, что касается драконов и орков (как мне кажется), приключилось задолго до хоббитов. Как насчет нового (пусть и сходного) сюжета? Как думаете, а не сделать ли героя из Тома Бомбадила, духа (исчезающей) оксфордской и беркширской провинций? Или, как я сильно подозреваю, он всецело увековечен в приложенных стихах?[34] И все же этот образ я могу и разработать.

Какие именно четыре цветных иллюстрации вы

используете[35]? А пять оригиналов уже вернули? А не найдется ли лишней копии с драконом на груде сокровищ? Мне предстоит читать лекцию о драконах (в Музее естественной истории!!!), и от меня требуют картинку, чтобы сделать слайд[36].

Могу ли я откупить еще четыре экземпляра «Хоббита» по авторскому тарифу — на рождественские подарки?

Желаю вам bon voyage{24} и благополучного возвращения[37]. Предполагается, что 14 января я буду выступать по Би-би-си, но вы вроде бы к тому времени уже вернетесь [38]. С нетерпением жду следующей встречи.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН

P.S. Мне прислали несколько запросов от имени детей и взрослых по поводу *рун*: настоящие ли они, и можно ли их прочитать. Некоторые дети даже пытаются их разбирать. А не издать ли нам рунический алфавит? Мне уже пришлось несколько раз переписать его вручную — для особо желающих. Смиренно прошу прощения за такое неудобочитаемое и невразумительное письмо. Я сейчас еле живой. Дж. Р. Р. Т.

Недавно получил по почте «Жесту» (в стихах) и «Сильмариллион» с относящимися к нему фрагментами в целости и сохранности.

020 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин»

17 декабря Ферт написал Толкину: «С началом рождественских заказов спрос на «Хоббита» так возрос, что нам пришлось в срочном порядке пропихивать допечатку….. В последнюю минуту кризис до того обострился, что мы увозили часть тиража из нашей типографии в Уокинге на личном автомобиле».

19 декабря 1937
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Ферт!

Благодарю вас за последние новости касательно «Хоббита». Ну надо же!

Я получил *четыре* экземпляра переиздания, поставленные мне в счет, — те, что я заказывал в письме к мистеру Анвину. По-моему, цветные иллюстрации получились неплохо… Мне жаль, что картинка с орлом (на разворот перед стр. 118) не вошла по той простой причине, что мне ужасно хотелось посмотреть на нее в напечатанном виде. Удивляюсь, что при четырех дополнительных иллюстрациях цена не выросла. Может, они и американцам сгодятся? Странный народ…

Я написал первую главу новой истории про хоббитов — «Долгожданные гости»[39]. Счастливого Рождества!

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

[P.S.]…. Мистер Артур Рансом[40] возражает против использованного на стр. 27 (седьмая строка снизу) слова *«man»* [человек. — С.Л.]. Читай *«fellow»* [паренек. — С.Л.], как в первом правленом варианте? А еще он возражает против слов *«more men»* [еще люди. — С.Л.] на стр. 294, строка 11. Читай *«more of us»* [еще наши. — С.Л.]? По-моему, слово *«Men»* с заглавной буквы используется в тексте тогда, когда речь идет именно о «роде человеческом»; а «man», «men» с маленькой буквы порою используются в более широком смысле — «взрослый мужчина» и «народ». Но хотя подобную позицию можно обосновать с мифологической точки зрения (словоупотребление в англосаксонском языке — тому подтверждение!), пожалуй, разумно было бы не затрагивать мифологических вопросов за пределами книги. А еще мистеру Рансому, кажется, не нравятся *«boys»* [мальчишки. — С.Л.] в устах Гандальва (стр. 112, строки

11, 13). Но хотя я вполне согласен с тем, что оскорбление это довольно глупое и не вполне уместное, сдается мне, сейчас дела уже не поправишь. Разве что подойдут *«oaves»* [простаки, болваны. — С.Л.][25]? Дж. Р. Р. Т.

021 Из письма в «Аллен энд Анвин» 1 февраля 1938

Не спросите ли вы у мистера Анвина, не согласился бы его сын, критик, заслуживающий всяческого доверия, прочесть первую главу продолжения к «Хоббиту»? Я ее отпечатал на машинке. Я в нее не очень-то верю, но, если он сочтет начало многообещающим, я бы присовокупил к нему ту историю, что у меня намечается.

022 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин» 4 февраля 1938

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Ферт!

К сему прилагается экземпляр первой главы, «Долгожданные гости», для возможного продолжения к «Хоббиту»…..

Один юный читатель из Бостона (Линк.{26}) прислал мне в письме список *errata*{27} [в «Хоббите»]. Тогда я приставил к работе моего младшего сына — он как раз лежал в постели с больным сердцем[41], — предложив ему отыскать еще по цене два пенса за каждую. Так он и сделал. Результаты прилагаются; вместе с уже представленными список (я надеюсь) получится исчерпывающий. Надеюсь также, что в один прекрасный день он пригодится.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

023 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин»

Издатели снова обдумывали возможность публикации «Мистера Блисса»; о нем см. пояснения к № 10.

17 февраля 1938
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Ферт!

«Мистер Блисс» прибыл в целости и сохранности. Мне страшно жаль, что с ним вышло столько хлопот. Хорошо бы вам найти кого-нибудь, кто перерисовал бы картинки как надо. Кажется, я на это не способен. Как бы то ни было, у меня сейчас и времени-то нет: писать урывками куда проще, чем рисовать (хотя и то, и другое непросто)…..

Говорят, труден только первый шаг. Вот уж не думаю. Кажется, «первые главы» я могу писать до бесконечности. И ведь сколько их уже понаписал! А продолжение к «Хоббиту» все на том же месте, и что делать дальше, я представляю себе крайне слабо. Поскольку ни на какое продолжение я не рассчитывал, боюсь, что все мои любимые «мотивы» и всех моих любимых персонажей я растратил на первого «Хоббита».

Прежде чем что-либо предпринимать, я вам напишу и разживусь советами насчет «Мистера Блисса». Что вряд ли произойдет до начала Долгих Каникул или до того момента, как истечет срок моего «исследовательского гранта»[42].

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

024 К Стэнли Анвину

11 февраля Анвин сообщил, что его сын Рейнер «пришел в восторг от первой главы» новой книги.

18 февраля 1938
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Анвин!

Я бесконечно благодарен вашему сыну Рейнеру; он очень меня обнадежил. Однако для меня писать первые главы проще простого, а вот сейчас работа заглохла. К сожалению, времени у меня очень мало, тем более что рождественские каникулы выдались просто кошмарные. Я так много растратил на первого «Хоббита» (при том, что никакого продолжения не предполагалось), что трудно отыскать в этом мире хоть что-нибудь новенькое.

Мистер К. С. Льюис говорит, вы согласились взглянуть на его рукопись «За пределы безмолвной планеты». Конечно же, я ее читал; а с тех пор, как я слышал, она прошла испытание совсем иного плана: а именно, была прочитана вслух в нашем местном клубе (в нем как раз и занимаются тем, что читают вслух произведения как короткие, так и длинные). Увлекательный вышел «сериал», и оценен был весьма высоко. Но, конечно же, у нас у всех образ мыслей достаточно сходный.

То, что главный герой оказался филологом, это лишь случайное совпадение (только в этом он на меня и похож), равно как и то, что он ваш тезка[43]. Последнюю подробность, я уверен, нетрудно поменять; не думаю, что тут заложен некий особый смысл.

Изначально предполагалось, что каждый из нас напишет по «триллеру с перемещением»: про путешествие в Пространстве и про путешествие во Времени (я), и чтобы в каждом раскрывался Миф[44]. Но путешествие в Пространстве закончено, а путешествие во Времени по-прежнему из-за моей медлительности и нерешительности остается лишь фрагментом, как вам хорошо известно[45].

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

025 Редактору газеты «Обсервер»

16 января 1938 г. газета «Обсервер» опубликовала письмо за подписью «Хабит», автор которого интересовался, не подсказаны ли Толкину хоббиты рассказом Джулиана Хаксли «о «маленьких покрытых шерстью человечках», которых якобы видели африканские аборигены и…. по меньшей мере один ученый». Автор письма также пишет, будто одна его знакомая «уверяет, что помнит очень старую сказку под названием «Хоббит» из некоего сборника, прочитанного ею около 1904 г.», в которой существо с таким названием «было, несомненно, страшным». Автор спрашивает, не согласился бы Толкин «рассказать подробнее о названии и происхождении столь интригующего героя своей книги…..Это так облегчит жизнь исследователям последующих поколений. И, кстати, тот момент, когда хоббит крадет драконью чашу, — не основан ли он на эпизоде похищения чаши в «Беовульфе»? От души надеюсь, что да, поскольку обаяние книги, помимо всего прочего, состоит в том, что в ней совершенно по-спенсеровски увязаны блестящие нити стольких ответвлений эпоса, мифологии и викторианских волшебных сказок». Ответ Толкина, хотя для публикации и не предназначался (см. заключительные строки № 26), был напечатан в «Обсервере» 20 февраля 1938 г.

Сэр! Уговаривать меня не нужно: я падок на лесть, что твой дракон, и охотно блесну бриллиантовым жилетом и даже порассуждаю о его происхождении, раз уж хабит (еще более любознательный, нежели хоббит) не только выражает мне свое восхищение, но еще и спрашивает, откуда такое сокровище. Но не кажется ли вам, что по отношению к исследователям это немножко нечестно? Облегчить им жизнь означает лишить их смысла существования.

Тем не менее в том, что касается главного хабитского вопроса, никакой опасности нет: я ровным счетом ничего не помню ни о названии, ни о происхождении главного героя. Разумеется, я волен строить предположения, однако же догадки мои окажутся ничуть не авторитетнее измышлений будущих исследователей, так что эту забаву я предоставлю им.

В Африке я родился, и об исследованиях Африки прочел не

одну книгу. Ауж сказок, подлинных и настоящих, начиная примерно с 1896 г., прочел еще больше. Потому оба факта, представленных хабитом, кажутся весьма значимыми.

Но таковы ли они на самом деле? Не припоминаю, чтобы мне встречались наяву пушистые пигмеи (будь то в книге или при лунном свете); в книгах, изданных до 1904 г., никаких хоббитов-вампиров мне тоже не попадалось. Подозреваю, что эти два хоббита — лишь случайные омофоны, и очень доволен{28}, что не синонимы (хотелось бы верить!) Кроме того, протестую: мой хоббит жил вовсе не в Африке, и вовсе он не покрыт шерстью, — вот только ступни мохнатые. И на кролика ничуточки не похож. Он — преуспевающий, упитанный молодой холостяк, обладатель независимого дохода. Обзывать его «мерзким крольчишкой» мог только вульгарный тролль, точно так же, как эпитет «крысеныш» подсказан гномьей злобой; и то и другое — намеренные оскорбления, намекающие на его невысокий рост и ступни, и весьма для хоббита обидное. Ступни его при том, что сама природа обеспечила их удобной обувью и покровом, отличались не меньшим изяществом, нежели его длинные, ловкие пальцы.

Что до сказки в целом, все остальное, как совершенно верно предполагает хабит, заимствовано из эпоса, мифологии и волшебных сказок (предварительно переосмысленных), — впрочем, созданы эти волшебные сказки, как правило, не викторианцами, — за исключением разве что Джорджа Макдональда. Одним из самых ценных для меня источников является «Беовульф»; хотя не то чтобы я сознательно вспоминал о нем в процессе работы над книгой, в которой эпизод с похищением вытекает из сложившихся обстоятельств вполне естественно (и почти неизбежно). Трудно на этом этапе измыслить какой-то иной поворот сюжета. Полагаю, автор «Беовульфа» сказал бы то же самое.

Ни на какой другой книге моя история напрямую не основана, — кроме разве одной, и та не опубликована: это «Сильмариллион», хроники эльфов, на которые в тексте то и дело встречаются ссылки. О будущих исследователях я и не думал; а поскольку книга существует в единственной рукописи, в настоящий момент шанс на то, что это указание кому-либо пригодится, очень невелик.

Но это все так, предисловие. Теперь, когда меня заставили взглянуть на приключения мистера Бэггинса как на объект будущих изысканий, я сознаю, сколько труда здесь потребуется. Во-первых, вопрос номенклатуры. Имена гномов, равно как и мага, заимствованы из «Старшей Эдды». Имена хоббитов — из Самоочевидных Источников, вполне для них подходящих. Вот

полный список самых состоятельных хоббитских семейств: Бэггинсы, Боффины, Болджеры, Брэйсгердлы, Брандибаки, Берроузы, Чаббы, Граббы, Хорнблоуэры, Праудфиты, Саквилли и Туки[29]. Дракону в качестве имени — или, скорее, псевдонима — досталась форма прошедшего времени древнегерманского глагола smugan, «протискиваться в дыру»: филологическая шуточка низкого пошиба. Остальные имена принадлежат Древнему и Эльфийскому Миру и модернизации не подвергались.

Вы спросите: а почему *dwarves* [гномы. — С.Л.]? Грамматика предписывает *dwarfs*; филология подсказывает, что исторически правильной формой было бы *dwarrows*. На самом же деле я попросту свалял дурака. Но *dwarves* хорошо сочетается с *elves* [эльфы. — С.Л.]; и, как бы то ни было, слова *elf, gnome, goblin, dwarf* [эльф, ном, гоблин, гном. — С.Л.] — это лишь приблизительный перевод древнеэльфийских названий для существ несколько иного рода и свойств.

Эти гномы — не совсем то же самое, что гномы известных нам преданий и легенд. Верно, имена у них скандинавские; но это — лишь уступка редакторам. Слишком многие имена из языков, соответствующих искомому периоду, звучали бы устрашающе. Гномье наречие отличается крайней сложностью и неблагозвучием. Даже первые эльфийские филологи старались с ним не связываться, так что гномам приходилось пользоваться другими языками, кроме как в общении исключительно меж собой. Язык хоббитов до крайности похож на английский, что и неудивительно: они жили на самой окраине Пустоши и по большей части сами не отдавали себе в том отчета. Их фамилии за небольшим исключением так же широко известны и пользуются таким же заслуженным уважением на нашем острове, как в Хоббитоне и в Приречье.

Во-вторых, руны. Те, которыми пользовались Торин и К (в особых случаях), составляют алфавит из тридцати двух знаков (при желании могу выслать полный список), сходный с рунами англосаксонских надписей, однако не вполне с ним совпадающий. Вне всякого сомнения, эти два алфавита исторически связаны. Алфавит Фэанора, употребляемый в то время повсеместно, был эльфийского происхождения. Он использован в проклятии, начертанном на горшке с золотом на картинке с изображением логова Смауга, но во всех остальных случаях переведен (могу предъявить факсимиле оригинала письма, оставленного на каминной полке).

*

А как же загадки? Здесь предстоит немало поработать с источниками и параллелями. Нимало не удивлюсь, если притязания хоббита и Голлума на авторство каких бы то ни было из них окажутся опровергнуты.

И наконец, представляю будущему исследователю небольшую проблемку. Повесть сочинялась с двумя перерывами, каждый длиной приблизительно в год: угадайте, в каких местах работа приостанавливалась? Впрочем, наверняка это обнаружится в любом случае. Но мне тут вдруг вспомнилось: когда дракон поддался льстивым речам, хоббит подумал: «Старый дурень!» Боюсь, что хабит (и вы) уже сказали про себя нечто похожее. Но, согласитесь, искушение было велико.

Ваш и т. д. ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

026 К Стэнли Анвину

2 марта Анвин послал Толкину выдержку из рецензии на роман К. С. Льюиса «За пределы безмолвной планеты». Обозреватель отмечал: «Мистер Льюис, смею утверждать, вполне способен в один прекрасный день написать стоящий роман. Этот хорошим назвать нельзя — никак нельзя». Обитателей планеты Малакандра рецензент издательства счел «чухней». Анвин попросил Толкина высказать свое мнение о книге.

4 марта 1938
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Анвин!

Письмо, прилагаемое к этому[46], я написал вам уже давно; но не спешил отсылать, зная, что вы захотите отдать роман мистера Льюиса своему рецензенту, и, раз убедив вас взглянуть на рукопись, не желал больше вмешиваться. Льюис — мой большой друг, мы с ним, как говорится, родственные души (две его рецензии на моего «Хоббита» — тому подтверждение): в силу этого я понимаю его лучше многих, и наоборот, но при этом, возможно, мы, того и гляди, выставим труды друг друга в чрезмерно розовом свете. Но раз уж вы спросили моего мнения — так вот оно.

Я прочел роман еще в рукописи и до того увлекся, что просто не мог отложить его в сторону, пока не дочитал до конца. Мое первое критическое замечание сводилось к тому, что он слишком короткий. Я и по сей день считаю, что упрек мой справедлив, в силу как практических, так и эстетических соображений. Прочие критические замечания касательно стиля (Льюис вечно склонен к довольно неуклюжим, вымученным пассажам), нестыковок в сюжете и филологии с тех пор были учтены, и соответствующие поправки внесены к полному моему удовлетворению. Автор сохраняет отдельные образчики лингвистического творчества, которые мне лично не по душе («Малакандра», «Малельдил», — «эльдила», по крайней мере, скорее всего, возникли под влиянием *эльдар* «Сильмариллиона», — и «пфифльтригги»); но это — вопрос вкуса. В конце концов, ваш рецензент счел мои вымышленные имена, с любовью и тщанием продуманные, «зубодробительными». Но лингвистические построения и филология в целом более чем хороши. Все, что касается малакандрийского языка и поэзии, — беглое знакомство с их

сутью и формой — просто превосходно, исключительно интересно и намного превосходит то, что обычно получаешь от путешественников по неизведанным пределам. Языковые трудности обычно попросту игнорируют — или обходятся стряпней на скорую руку. А здесь это все не только достоверно, в нем еще и заложен глубокий смысл.

Отзыв вашего рецензента меня несколько расстроил. Боюсь, что первым моим побуждением было съязвить, что человек, употребляющий слово «чухня», неизбежно сочтет такого рода литературу именно «чухней». Но будем благоразумны. Я, конечно же, отлично понимаю: для того, чтобы обладать хотя бы умеренной рыночной ценностью, подобная книга должна пройти испытание с точки зрения внешнего впечатления, как *vera historia*{30} путешествия к неизведанной земле. Сам я большой поклонник этого жанра и даже «Землю под Англией»[47] прочел не без удовольствия (при том, что это — образчик не из лучших и во многом мне антипатичен). Мне показалось, что роман «За пределы безмолвной планеты» выдержал испытание вполне успешно. Первые главы и сам способ перемещения в пространстве или во времени — обычно самое слабое место таких историй. А здесь они достаточно хорошо проработаны; хотя следовало бы отвести больше места приключениям на Малакандре, чтобы оправдать и уравновесить вводную часть. Тема трех отдельных разумных видов (*хнау*) требует уделить больше внимания третьему виду, *пфифльтриггам*. Кроме того, с художественной точки зрения центральный эпизод — визит в Эльдилорн — наступает слишком быстро. Кроме того, по чести говоря, не слишком ли эта книга коротка для такого сюжета?

Однако мне следовало бы отметить, что для более интеллектуального читателя данная история заключает в себе множество философских и мифологических скрытых смыслов, что несказанно увеличивают ее значимость, нимало не умаляя внешней «авантюрности». Слияние *vera historia* с *mythos*, на мой взгляд, неподражаемо. Разумеется, есть там и элементы сатиры, неизбежные в любом рассказе о путешествии, есть и отголоски сатиры на другие, на первый взгляд, схожие произведения «научной фантастики» — как, например, ссылка на представление о том, что высший разум непременно должен сочетаться с жестокостью. А в основе всего, разумеется, лежит миф о Падении Ангелов (и о падении человека на нашей безмолвной планете); и центральный образ — скульптура с изображением планет, на которой знак Ангела нашего мира стерт. У меня в голове не укладывается, как можно говорить, будто все это в зубах навязло, разве что (а) человек считает данный конкретный миф «чухней»,

не стоящей внимания взрослого (даже в качестве мифа); или (б) использование мифа либо не оправдано, либо, возможно, неудачно. С последним можно поспорить — я, например, не согласен, — но в любом случае критику еледовало указать на само наличие мифа. Уарса, конечно же, никак не подходит под определение «милого и доброго научного боженьки»[48], но представляет собою нечто настолько разительно отличное, что отличие, похоже, так и осталось незамеченным, а именно: он — Ангел. Однако даже в качестве доброго и милого научного боженьки, на мой взгляд, он выгодно отличается от верховных владык других историй такого рода. Имя его не придумано, но заимствовано из Бернарда Сильвестра{31}; кажется, это объясняется в конце книги (не то чтобы я считал, будто эта высокоученая подробность ужасно важна, но она имеет право на существование наравне с псевдонаучной ученостью). В заключение могу заметить, что, назвав пфифльтриггов «рабочими», ваш рецензент снова не вник в суть и был введен в заблуждение современными представлениями, в данном случае неприменимыми. Но, кажется, я сказал уже больше чем достаточно. Я, например, обнаружив эту книгу в продаже, купил бы ее за любую цену и во всеуслышание рекомендовал бы ее как «триллер», написанный (как ни странно и вопреки всему) интеллектуалом. Но я с грустью сознаю, что, судя по всем моим попыткам разжиться подходящим чтивом, даже через платный межбиблиотечный абонемент, вкусы мои нормальными не назовешь. Я жадно проглотил «Путешествие к Арктуру»[49] — произведение, наиболее сравнимое с романом Льюиса, хотя и гораздо более сильное, и гораздо более мифологичное (и менее рациональное, и куда более бессюжетное — невозможно читать его просто как триллер, не интересуясь при этом философией, религией и этикой). Интересно, а что думает об этой книге ваш рецензент? В любом случае, я успокоился бы насчет себя самого, если бы ваш второй рецензент хоть сколько-нибудь поддержал мои предпочтения!

*

Продолжение к «Хоббиту» уже продвинулось до конца третьей главы. Но истории имеют обыкновение выходить из-под контроля — вот и эта приняла непредвиденный оборот. Мистер Льюис и мой младший сын глотают ее кусками, как своего рода сериал. Не знаю, удобно ли беспокоить вашего сына, хотя я был бы рад узнать его мнение. В любом случае, если он не прочь

читать «выпусками», так добро пожаловать. Моему Кристоферу и мистеру Льюису рукопись так понравилась, что они говорят, получается еще лучше «Хоббита», но Рейнеру с ними соглашаться не обязательно!

Получил экземпляр американского издания. Не так уж и плохо. Приятно, что они включили картинку с орлом, но в толк не могу взять, зачем было портить картинку с Ривенделлом, — отсекать верхнюю часть и вырезать орнамент внизу. Весь набор опечаток, конечно же, там, никуда не делся. Надеюсь, в один прекрасный день удастся-таки от них избавиться. Не знаю, попадалось ли вам на глаза длинное и дурацкое письмо в «Обсервере» за 20 февраля, и если да, то не сочли ли вы, что я вдруг умом тронулся. По-моему, редактор обошелся со мной просто нечестно. В январе газета опубликовала письмо за подписью «Хабит» (автор письма спрашивал, а не подсказаны ли хоббиты лекциями Джулиана Хаксли на тему пушистых африканских пигмеев, и много чего другого). Я послал в редакцию свой шуточный ответ, приложив чистый конверт с маркой для передачи хабиту; а также и короткий, вполне здравый ответ, предназначенный для публикации. В течение месяца ничего ровным счетом не происходило, а потом в один прекрасный день я проснулся и обнаружил, что моя опрометчивая шутка занимает почти целую колонку.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

027 В «Хоутон-Мифлин»

Отрывок из письма, по всей видимости, адресованного американским издателям Толкина и написанный, вероятно, в марте или апреле 1938 г. Издательство «Хоутон-Мифлин», по всей видимости, попросило Толкина прислать картинки с изображением хоббитов для использования в последующих изданиях книги.

Боюсь, что, если вам понадобятся изображения хоббитов в различных позах, придется мне предоставить эту работу тому, кто умеет рисовать. Мои собственные иллюстрации — руководство ненадежное (напр., картинка с мистером Бэггинсом в главе VI и XII). В том, что касается общего впечатления, прескверного качества рисунок к главе XIX — и то лучшая подсказка.

Мне представляется существо, довольно похожее на человека, а не какой-нибудь там «волшебный» кролик, как вообразили себе некоторые мои британские рецензенты: животик упитанный, ножки коротковатые. Круглая, добродушная физиономия; уши лишь самую малость заостренные «на эльфийский манер», волосы короткие и курчавые (темно-русые). Ноги от лодыжек и ниже покрыты коричневой лохматой шерстью. Одежда: зеленые бархатные штаны; красный или желтый жилет; коричневый или зеленый сюртук; золотые (или медные) пуговицы; темно-зеленый капюшон и плащ (собственность одного из гномов).

Размеры как таковые, — что важно только в том случае, если на картинке есть и другие предметы, — скажем, примерно три фута или три фута шесть дюймов. Хоббит на картинке с золотым кладом (глава XII), конечно же, чрезмерно и слишком велик (не говоря уже и о том, что толст в совершенно неподобающих местах). Но (моим детям, по крайней мере, это совершенно ясно) на самом-то деле он находится на совсем другой картинке или «плане» — поскольку для дракона невидим.

В тексте ни словом не говорится о том, что хоббит разжился обувью. А надо бы! Среди всяких прочих поправок эта как-то затерялась — башмаками он обзавелся в Ривенделле; а, покидая Ривенделл на обратном пути домой, снова от них избавился. Но, поскольку отвердевшие подошвы и аккуратно расчесанная шерстка на ногах — это неотъемлемая составляющая хоббичьей сути, изображать хоббита на самом деле следует без башмаков везде, кроме иллюстраций, относящихся к конкретным эпизодам.

028 К Стэнли Анвину

1 июня Анвин сообщил Толкину, что издательство «Хоутон-Мифлин» распродало уже около трех тысяч экземпляров американского издания «Хоббита». В апреле «Нью-Йорк геральд трибюн» присудило книге премию в 250$ как лучшей детской сказке сезона. Между тем Рейнер Анвин раскритиковал вторую и третью главы новой книги за то, что в них «слишком много хоббичьей болтовни».

4 июня 1938
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Анвин!

Спасибо за утешительные вести; и впрямь утешительные, поскольку, несмотря на нежданные удачи, как та же американская премия, я пребываю в обстоятельствах весьма стесненных, а в сентябре, когда я утрачу исследовательский грант, положение дел нисколько не улучшится. Это, конечно же, означает, что времени для сочинительства у меня окажется больше; вот только, как я предвижу, придется мне вернуться к экзаменационной рутине[50], чтобы удержаться на плаву.

Боюсь, что я затянул с ответом на предыдущие ваши письма от 29 апреля и 3 мая. Я уже давно хотел поблагодарить Рейнера за то, что он взял на себя труд прочесть пробные главы, и за его блестящие замечания. Они на удивление совпадают с замечаниями мистера Льюиса; и, следовательно, их подкрепляют. Со всей очевидностью мне остается лишь склониться перед моими главными (и весьма дружественно настроенными) критиками. Проблема в том, что меня самого «хоббичья болтовня» (а до некоторой степени и моего сына Кристофера) забавляет куда больше приключений; но придется жестоко это пресечь. Со времен рождественских каникул у меня не было ни малейшей возможности взяться за сочинительство, — хотя я всей душою к тому стремлюсь. Судите сами: три работы по средне-английскому и древнеанглийскому идут в печать или уже в типографии плюс еще одна — по древнеисландскому, одного пребывающего за границей автора[51], в серии, которую я на данный момент редактирую, а в июле под мое начало приедут бельгийские и канадские студенты; словом, на месяцы и месяцы никакой лазейки не предвидится!….

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

P.S. Я так задержался с ответом, потому что ваше письмо пришло в самый разгар нашей маленькой внутренней распри. Вы, возможно, не заметили, что 2 июня преп. Адам Фокс[52] был избран на должность профессора поэзии, одержав верх над рыцарем и благородным лордом. Выдвинули его Льюис и я, и каким-то чудом кандидатура прошла. Это — наша первая общественная победа над раз и навсегда установленными привилегиями. Фокс, видите ли, — член нашего литературного клуба *практикующих поэтов*, в его присутствии был прочитан и «Хоббит», и другие произведения («За пределы безмолвной планеты», например). Мы даже в печать постепенно пробиваемся. В числе прочих работ Фокса — «Старый король Коэль», повесть в четырех книгах, написанная рифмованным стихом (Оксфорд).

029 Из письма к Стэнли Анвину 25 июля 1938

Издательство «Аллен энд Анвин» заключило договор с потсдамским издательством «Рюттенунд Лёнинг» о публикации немецкого перевода «Хоббита». Компания написала Толкину, спрашивая, арийского (ansch) ли он происхождения.]

Надо сказать, прилагаемое письмо от «Рюттен унд Лёнинг», что называется, хватило через край. Хотелось бы знать, отчего такая немилость: то ли из-за моей немецкой фамилии, то ли их идиотские законы предписывают требовать сертификат на «арийское» происхождение от любого жителя любой страны?

Лично я склонен отказаться давать какое бы то ни было *Bestдtigung*[53] (хотя, между прочим, могу) и послать немецкий перевод куда подальше. В любом случае я решительно возражаю против того, чтобы такого рода заявления появлялись в печати. Я вовсе не считаю, что отсутствие еврейской крови (возможное) — это непременно повод для гордости; у меня немало друзей-евреев, и я очень бы не хотел создать ощущение, будто поддерживаю эту в высшей степени пагубную и антинаучную расовую теорию.

Однако все это затрагивает в первую очередь вас, и я не вправе ставить под угрозу шанс публикации на немецком языке без вашего на то согласия. Так что прилагаю два варианта возможных ответов.

030 В «Рюттен унд Лёнинг»

Один из «двух вариантов», упомянутых Толкином в предыдущем письме. В архивах издательства «Аллен энд Анвин» сохранился только этот; так что представляется очень вероятным, что второй английские книгоиздатели отослали в Германию. Очевидно, в том письме Толкин просто отказался подтверждать свое «арийское» происхождение.

25 июля 1938
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Глубокоуважаемые сэры!

Благодарю вас за письмо….. К моему прискорбию, мне не совсем ясно, что вы подразумеваете под словом *arisch*. Я — не арийского происхождения; то есть не индоиранского: насколько я знаю, никто из моих предков не говорил на хиндустани, персидском, цыганском или родственных им диалектах. Но если ваш вопрос на самом деле подразумевает, нет ли во мне *еврейской* крови, могу лишь ответить, что, к превеликому моему сожалению, кажется, среди моих предков представителей этого одаренного народа *не*числится. Мой прапрадед перебрался в Англию из Германии в XVIII веке; таким образом, по происхождению я практически коренной англичанин, а также — английский подданный; этого должно быть довольно. Тем не менее я привык гордиться своей немецкой фамилией — и гордости этой не утратил на протяжении всей последней прискорбной войны, в ходе которой служил в английской армии. Однако же не могу не отметить, что, если оскорбительное и неуместное наведение справок такого рода станет нормой в вопросах литературы, так недалеки те времена, когда немецкая фамилия перестанет восприниматься как повод для гордости.

Вне всякого сомнения, ваш запрос продиктован законодательством вашей собственной страны, однако распространять эти требования на подданных иного государства не пристало, даже если бы это все и имело (что абсолютно не так) хоть какое-то отношение к достоинствам моей книги или ее пригодности к публикации; ибо относительно последнего вы, по всей видимости, пришли к полному удовлетворению безотносительно к моему *Abstammung*[54].

Надеюсь, мой ответ вас вполне удовлетворил; засим остаюсь вашим преданным слугою,

ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

031 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин»

В числе произведений, которые Толкин показывал издателям в течение 1937 г. в качестве возможной новой публикации вслед за «Хоббитом», был и краткий вариант «Фермера Джайлса из Хэма». Представителям «Аллен энд Анвин» сказка понравилась, однако они сочли, что для сборника достаточной величины понадобится еще несколько историй. Разумеется, они также всячески поощряли Толкина написать продолжение к «Хоббиту».

24 шюля 1938
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Ферт!

«Хоббиту» следовало выйти в свет в этом году, а не в прошлом. В следующем году у меня, возможно, появятся досуг и настроение для новой книги. Однако срочная работа, причитающаяся с «держателя гранта», которую следует завершить к сентябрю, поглотила все мое время и иссушила воображение. Продолжение к «Хоббиту» не продвинулось ни на шаг. Интерес к нему я утратил, и понятия не имею, что с ним делать. Начнем с того, что никакого продолжения к «Хоббиту» изначально не предполагалось: Бильбо «жил весьма счастливо до скончания дней своих, а дней ему было отмерено без числа и счета»: эта фраза кажется мне почти что непреодолимым препятствием к созданию убедительной связки. Более того, практически все подходящие «мотивы» я упихал в первую книгу, так что продолжение окажется либо более «разжиженным», либо придется повторяться. В-третьих: лично меня несказанно забавляют хоббиты как таковые: я могу до бесконечности обдумывать, как они едят, как отпускают свои, прямо скажем, дурацкие шуточки; но, как выясняется, даже самые мои преданные «поклонники» (такие, как мистер Льюис и —))[{32}] Рейнер Анвин) отнюдь не таковы. Мистер Льюис утверждает, что хоббиты забавны только в нехоббитских ситуациях. И последнее: что касается «историй», на самом деле все мои мысли поглощены «чисто волшебными» историями или мифологиями «Сильмариллиона», в которые даже мистер Бэггинс оказался затянут вопреки моему первоначальному замыслу, и не думаю, что сумею многого достичь за их пределами, — разве что закончу

их (и, возможно, опубликую); это всегда дает своего рода эффект освобождения. В запасе у меня имеется лишь одна независимая сюжетная линия — это «Фермер Джайлс» и Малое Королевство (со столицей в Тейме). В прошлом январе я переписал ее, увеличив процентов на пятьдесят, и прочел обществу Лавлейса{33} [55] вместо доклада «о волшебных сказках». Результат меня немало удивил. На то, чтобы прочесть текст вслух, мне потребовалось почти в два раза больше времени, чем на обыкновенный «доклад»; но аудитория, по всей видимости, не соскучилась — напротив, все покатывались от хохота. Боюсь, впрочем, это означает, что сказка приобрела чересчур взрослый, сатирический привкус. В любом случае требуемые две-три истории про Королевство к «Джайлсу» в компанию я так и не написал!

Похоже, судьба наша — это «Мистер Блисс». Если вы считаете, что он сгодится для публикации, я снова принесу вам рукопись, только скажите. Но не думаю, что лично я смог бы как-либо его улучшить.

Мне в самом деле очень жаль; ради себя самого и ради вас мне очень хотелось бы чего-нибудь произвести. Но в этом году о сентябре, по всей видимости, не идет и речи. Надеюсь, вдохновение и нужный настрой еще вернутся. Я ли не обхаживал свою Музу, я ли не уговаривал! Хотя последнее время любезничал я, что называется, от случая к случаю. Музам такая нерешительность не по душе.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

032 К Джону Мейсфилду

Мейсфилд, тогдашний поэт-лауреат, вместе с Невиллом Когхиллом летом 1938 и 1939 г. организовывал в Оксфорде развлекательные мероприятия под названием «Летние увеселения». В 1938 г. он пригласил Толкина сыграть роль Чосера и прочесть по памяти «Рассказ Монастырского Капеллана». Он написал Толкину, вложив в письмо стихотворный отрывок, чтеца «представляющий».

27 шюля 1938
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Мейсфилд!

Прелюдии собственного сочинения «для затравки» у меня нет, так что я как исполнитель абсолютно не возражаю против присланных вами строк в качестве вступления. В любом случае Распорядитель Увеселений — вы, а я у вас под началом.

В частном порядке, как один знаток Чосера другому, дерзну, пожалуй, заметить, что эти строки подсказаны ошибочным представлением о том, что Чосер — первый английский поэт и что до него и помимо него все — немота и варварство. Разумеется, это неправда, и, пожалуй, сбивает с толку, — даже как попытка подчеркнуть тот факт, что Чосер обладал своеобразным талантом, способным в любую эпоху произвести нечто оригинальное. Лично я не ассоциирую Север ни с ночью, ни с тьмой, тем более в Англии; а в ее продолжительной, длиной в тысячу двести лет, литературной традиции Чосер стоит, скорее, в Середине, нежели в начале. Опять-таки ничего весеннего я в нем не ощущаю, скорее дыхание осени (пусть даже ранней), и воплощает он не столько королевское величие, сколько средний класс. Однако ж, как я уже сказал, это все — профессиональные тонкости, и применительно к данному представлению копья из-за них ломать незачем.

Мне очень не по душе эффект, производимый Чосером в целом и «Рассказом Монастырского Капеллана» в частности в гипотетическом произношении XIV в. Я сделаю, что смогу, но мне остается только уповать, что прозвучит это все достаточно внятно и хоть сколько-нибудь смысла донести удастся. Сам я склонен считать, что модифицированное современное произношение (с восстановленными рифмами, но в остальном архаизации избегающее) подошло бы куда лучше: именно так вы на моей

памяти читали «Рассказ Монаха» много лет назад.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

033 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин» 31 августа 1938

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Ферт!

Я не столько задавлен делами, сколько подавлен (или раздавлен) морально. Стряслись новые неприятности, описывать которые нужды нет, и я рухнул (или склонился) под их бременем. С тех пор как мы с вами виделись, я все хвораю; собственно, дошел до грани срыва, так что доктор велел мне немедленно все бросить. Вот уже неделю-две я ничего не делаю — поскольку ни на что не способен. Однако мне уже значительно лучше. Вот-вот (уже завтра) уезжаю в двухнедельный отпуск; я его не планировал, да и позволить себе не могу, однако, похоже, мое собственное здоровье и здоровье моего младшего сына того требуют…..

Про «Фермера Джайлса» я не забыл: мне его перепечатали. Предоставляю рукопись вам на рассмотрение в новом варианте — и по объему, и по настроению. Очень многие находят историю весьма занимательной (пожалуй, это самое подходящее слово): но тут уж как получится, так получится! Я и сам вижу, что, скорее всего, история *недостаточно* длинна для отдельной публикации — по крайней мере, как коммерческий проект (если, конечно, о публикации вообще можно вести речь). Вероятно, к ней требуется еще несколько в том же роде. Я тут задумал продолжение[56] (хотя в продолжении она не нуждается); а еще у меня есть незаконченная псевдокельтская волшебная сказка с легким привкусом сатиры, тоже по-своему забавная на данной стадии, под названием «Король Зеленой Дюжины»[57]. Я мог бы закончить их в дополнение к «Джайлсу», если вы сочтете его достойным публикации и сопровождения.

В последние два-три дня, испытав на себе благой эффект безделья, свежего воздуха и санкционированного пренебрежения своими прямыми обязанностями, я вновь взялся за продолжение к «Хоббиту» — за «Властелина Кольца». История двинулась вперед — и совершенно выходит из-под контроля. Она достигла уже примерно главы VII — и стремится дальше, к каким-то абсолютно непредвиденным целям. Должен признаться, на мой взгляд, в отдельных местах и в некоторых отношениях эта книга получается куда лучше предыдущей; но это вовсе не значит, будто я считаю ее более подходящей и более приспособленной

для соответствующей аудитории. Хотя бы потому, что она, как и мои дети (а все права, безусловно, за ними) изрядно «повзрослела». Могу лишь сказать, что мистер Льюис (рьяно поддерживающий меня в «Таймс» и «Т.Л.С.») уверяет, будто в полном восторге. Если в ближайшие две недели погода продержится дождливая, возможно, мы продвинемся еще дальше. Вот только история эта не из тех, что читают детям на ночь…..

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

034 К Стэнли Анвину 13 октября 1938

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Анвин!

….Вот уже месяц я трудился не покладая рук (раз уж доктора велят мне отвлекаться на что-нибудь приятное!) над продолжением к «Хоббиту». Текст продвинулся до главы XI (правда, разобрать его можно с трудом!); я ушел в него с головой и держу в руках все нити — и вот вынужден отложить все в сторону, сам не знаю, надолго ли. Даже рождественские каникулы будут омрачены письменными работами из Новой Зеландии: мой друг Гордон[58] умер в разгар «онор-модерейшнз», и мне предстоит закончить разбираться с сочинениями. Однако живу надеждой, что в начале следующего года смогу предоставить вам готовую рукопись.

В предыдущем моем письме к мистеру Ферту, говоря, что продолжение «выходит из-под контроля», я вовсе не хотел тем самым сказать о процессе нечто лестное. На самом деле я имел в виду то, что книга развивается своим чередом, и забывает про «детей», и становится куда страшнее «Хоббита». Возможно, она окажется абсолютно непригодной. Она более «взрослая» — однако мои собственные дети, критикующие ее по мере написания, тоже повзрослели. Однако, от души надеюсь, в один прекрасный день судить об этом предстоит вам! Мрачная безысходность нынешних дней отчасти отразилась на книге. Хотя никакая это не «аллегория». (Мне тут уже прислали письмо из Америки с просьбой официально истолковать аллегорический смысл «Хоббита».)

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

035 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин» 2 февраля 1939

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Ферт!

К концу прошлого триместра новая книга — «Властелин Колец» — продвинулась до главы 12 (и несколько раз переписывалась); в ней уже свыше 300 страниц размером с этот лист, исписанных по большей части так же убористо. Для завершения истории в нынешнем ее виде потребуется еще по меньшей мере 200. Не могли бы вы мне хотя бы приблизительно назвать самый крайний срок, к которому мне следует представить вам законченную рукопись? Пока я работал, какие только неприятности на меня не сваливались, включая болезнь. А с начала декабря я даже взяться за нее не имел возможности. Среди прочих трудов и забот, обрушившихся на меня в связи со смертью моего друга, профессора Эрика Гордона, мне пришлось разбираться с новозеландскими экзаменационными работами, на что ушли почти все каникулы. После того я подхватил грипп, от которого только-только оправился. Однако грядут и другие тяжкие повинности. Я сейчас — на «пике» образовательно-финансовых проблем: второй мой сын жаждет поступить в университет, а младший хочет в школу (после года, проведенного под наблюдением врачей-кардиологов); так что мне приходится принимать экзамены, читать лекции и все такое прочее. Может, вам и в самом деле стоит поразмыслить над «Мистером Блиссом». А как насчет «Фермера Джайлса»? Я отдал вам рукопись расширенного варианта то ли в сентябре, то ли в октябре.

Думаю, «Властелин Колец» сам по себе на порядок лучше «Хоббита», но, может статься, в качестве продолжения не вполне уместен. Книга более взрослая — но ведь и аудитория, для которой был написан «Хоббит», тоже повзрослела. Во всем виноваты читатели, юные и старые, требовавшие «побольше про Некроманта»; ведь Н. — это вам не детские игрушки{34}. Мой старший сын в восторге, однако для меня было бы большим облегчением узнать, что и издатели вполне удовлетворены. Если уже написанная часть вас устроит, тогда и за всю книгу в целом бояться нечего. Я вот думаю, не разумно ли было бы перепечатать все то, что я уже написал, и показать вам? Я, разумеется, все равно закончу книгу рано или поздно, что бы вы о ней ни думали; однако если она — не совсем то, что вы хотели бы издать вслед за

«Хоббитом», тогда особо торопиться некуда. Писать «Властелин Колец» — дело трудоемкое; я стараюсь как могу, обдумываю каждое слово. Да и сама история (как я наивно надеюсь) заключает в себе некий смысл. В свободное время легче и проще было бы работать над уже придуманными сюжетами для историй повеселее — о Малом Королевстве, в дополнение к «Фермеру Джайлсу». Однако мне больше хотелось бы закончить длинную историю, чтобы не остыла.

Сообщите мне, что думаете на этот счет. Возможно, мне удалось бы освободить часть пасхальных каникул. Не все — мне предстоит покорпеть над письменными работами; да еще готовиться к возможной «чрезвычайной ситуации в стране» (значит, еще одна неделя выпадет)[59]. В марте или апреле мне придется съездить в Шотландию. Не исключено, что мне удалось бы закончить рукопись к июню. И это будет окончательный вариант (никакой перетасовки корректуры в верстке). Однако на иллюстрации у меня ни времени, ни сил не останется. В жизни не умел рисовать; и даже пробовать как-то расхотелось. Карта (совершенно необходимая) — вот и все, что я смогу произвести.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

036 К Ч. А. Ферту, «Аллен энд Анвин»

8 февраля Ферт выслал чек на сумму авторского гонорара за «Хоббита» и сообщил Толкину, что середина июня — крайний срок предоставления рукописи новой книги в «Аллен энд Анвин», чтобы издательство смогло опубликовать ее к Рождеству.

10 февраля 1939
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Ферт!

Огромное спасибо за письмо — и за вложенный чек; это тонизирующее средство пришлось весьма кстати. Грипп мне существенно не повредил, хотя и атаковал меня в состоянии экзаменационного истощения; однако горло болит все сильнее, и чувствую я себя не то чтобы бодро…..

Я отдам свои бумаженции в перепечатку и машинописный вариант предоставлю вам; и (если вы одобрите рукопись и значительной переработки не потребуется) думаю, что очень постараюсь, пожертвовав другими обязанностями, закончить ее до 15 июня…..

А был ли одобрен «Фермер Джайлс» в расширенном варианте? (Рукопись вернулась ко мне в целости и сохранности.) Стоит ли она хоть чего-нибудь? И стоит ли размышлять над двумя дополнительными историями или, сколько бы уж там их ни было, про Малое Королевство? Скажем, имеет ли смысл заканчивать в том же виде историю приключений принца Джорджа (фермерского сына) и толстого мальчишки Пузоветаурилиуса (в просторечии — Пуза) и битвы при Отмуре. Просто хотелось бы знать, эта семейная развлекаловка, разыгранная в наших краях, — только дурацкая шутка или потянет на большее?

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

037 К Стэнли Анвину

Издательство «Аллен энд Анвин» собиралось опубликовать перевод «Беовульфа» Кларка Холла в переработке Ч. Л. Ренна. Толкин дал согласие написать к этому изданию предисловие и в течение второй половины 1939 г. получил из издательства несколько запросов о состоянии дел. Он оставлял запросы без ответа вплоть до декабря; в декабре Стэнли Анвин написал ему сам, желая узнать, что, собственно, происходит.

19 декабря 1939
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Анвин!

Сегодня утром получил ваше любезное письмо, немало меня обнадежившее, даже при том, что оно все равно что высыпало раскаленные угли на мою голову. Несмотря на все мои неприятности, по правде говоря, меня ничто не оправдывает: мне следовало хотя бы написать и ответить на письма и запросы. В результате несчастного случая, приключившегося со мною перед самым началом войны[60], я надолго расхворался, а в придачу еще треволнения и бедствия, ставшие общим нашим уделом, и никаких отпусков, да еще я, по сути дела, оказался во главе факультета в этом обезумевшем университете; словом, от всего этого я сделался непростительно небрежен. Да еще новый удар — я просто не знал, как с ним справляться: заболела жена, и болезнь ее грозила обернуться кризисом на протяжении всего лета и осени.

Но теперь худшее вроде бы позади. Жена снова со мной: все еще нездорова, но, кажется, наконец-то идет на поправку; поначалу опасались рака, но, как я понимаю, подозрения не подтвердились. Меня в армию пока не берут; может, вообще не рекрутируют, поскольку здесь (пока) слишком много дел, а я разом утратил моего главного ассистента и его заместителя.

Я попытаюсь привести в порядок свои усталые мозги и написать подходящее предисловие к «Беовульфу» — *немедленно*…..

А теперь обратимся к «Хоббиту» и тому подобным делам. Над продолжением я работаю, почти не прерываясь. Дошел до главы XVI. Боюсь, книга получается слишком объемная. Я отнюдь не уверен, что она понравится примерно той же самой аудитории

(разве только учитывая, что аудитория тоже повзрослела). Есть ли у меня шанс на публикацию, если я сумею закончить рукопись до весны? Если вы не прочь опробовать ее на ком-нибудь отдельными выпусками, я готов посылать ее вам по главам. Однако чистовик у меня только один. По мере того как сюжет и план обретали четкость, мне приходилось возвращаться назад и перерабатывать первые главы; так что окончательного варианта для перепечатывания еще нет.

Я так понимаю, немецкого издания «Хоббита» теперь уже ждать бесполезно? Для нас с сыном это тяжкое разочарование. Мы промеж себя поспорили, как будет звучать в переводе первая фраза. Мой сын сейчас в Италии[61], куда увез и «Хоббита»; и время от времени просит выслать очередную порцию продолжения, — с ним он знаком, и то, что есть, вполне одобрил. Но времени абсолютно нет или есть совсем мало — далее если выкрадывать его у более законных обязанностей.

Вот если бы в промежутке вы опубликовали злосчастного «Фермера Джайлса»! Он-то по крайней мере закончен, хотя и тощ объемом. Однако он нравится тем же самым людям, хотя мистер Ферт, похоже, считает, что своего читателя он так и не найдет. «Джайлс» плесневеет себе в ящике письменного стола с тех самых пор, как в марте, когда я был в Кембридже, развлекал детишек Г. С. Беннетта[62]. Признаю, дети у него умненькие…..

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

038 К Стэнли Анвину

Толкин так и не прислал предисловия к изданию «Беовульфа» в переводе Кларка Холла. 27 марта издательство «Аллен энд Анвин» отправило ему отчаянное письмо, спрашивая, в чем дело, и говоря, что «пары слов» было бы достаточно. Текст, присланный Толкином вместе с нижеприведенным письмом, был использован в книге полностью, невзирая на его длину.

30 марта 1940
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Анвин!

Перед лицом моего возмутительного, недостойного поведения все извинения тщетны. Я уже давно понимал, что единственный возможный ответ на ваш повторный запрос от 5 марта — это готовый текст. Я сам добавил себе забот на свою голову — в придачу ко всем уже постигшим меня бедам{35}, — поскольку по глупости потратил массу труда и времени из-за сущего недоразумения, которого вполне удалось бы избежать, если бы я повнимательнее отнесся к нумерации страниц корректуры в верстке.

Я знал, что «пары слов» хватило бы (хотя мне не казалось, что статья, подписанная моим именем, так уж ценна, разве что в ней говорится что-либо стоящее — а для этого требуется место). Однако я находился под впечатлением, что от меня ждут чего-то большего. Никак не могу отыскать соответствующее письмо; и в любом случае теперь я сознаю, что речь шла о более раннем этапе, еще до верстки. Могу лишь сожалеть, что не выполнил работу раньше. Потому что на самом деле здесь требуется «предисловие» довольно значительное. Так называемое «Введение» все равно что отсутствует; оно, по сути, сводится к краткому пересказу[64]: нет никаких ссылок ни на проблемы перевода, ни на проблемы литературной критики. Изначально я отговаривал вас от попыток модернизировать справочный аппарат старого издания: студенты могут раздобыть его и в других местах. Однако я никак не ожидал, что от него останется всего десяток строк, в то время как «краткое изложение» (самая бесполезная часть) переработано весьма существенно.

Учитывая, как обстоят дела, я трудился долго и упорно, стараясь ужать (и при этом оживить) те замечания о переводе, которые могли бы оказаться небесполезными для студентов и

небезынтересными для тех, кто станет пользоваться книгой без оригинала. Однако в результате вышло 17 моих рукописных страниц (примерно по 300 слов на каждой), не считая приложения о метрических особенностях[65], самой любопытной части, такого же примерно объема!

На этой стадии я пребывал в начале марта и как раз ломал голову, что можно выкинуть, когда получил ваше письмо от 27 марта (а именно, вчера). Ужасно глупо все вышло. Ибо, согласно нумерации страниц, вклад с меня причитается очень небольшой.

Все, что я могу сделать сейчас, — это выслать вам то, что есть. Возможно, вы захотите подумать о том, чтобы использовать этот текст впоследствии (показав его Ренну), напр., если потребуется новое издание. (Его чуть подправить — и получится неплохое пособие для студентов. Разбор метрики — это нечто новое и, учитывая взаимосвязь стиля и размера, может показаться весьма заманчивым, поскольку в этом вопросе студенты обычно «плавают».)

На самый крайний случай — предполагаю (в горе и раскаянии, и крайне неохотно), что абзацы, выделенные *красным* (?1400 слов) или *синим* (750–800?), возможно, сгодятся. Если и это не слишком длинно.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

039 Из письма к Майклу Толкину 29 сентября 1940

В конце лета 1940 г. в дом Толкинов ненадолго подселили двух эвакуированных женщин.

Нынче утром наши эвакуированные с нами распрощались — уехали обратно домой, в Ашфорд (они из железнодорожников{36}), после ряда эпизодов комических и трогательных одновременно. В жизни не видел более простых, беспомощных, кротких и горестных душ (свекровь и невестка). Впервые за все время своей семейной жизни они оторваны от своих мужей — и, как выяснилось, предпочли бы, чтобы их взрывом разнесло в клочья.

040 Из письма к Майклу Толкину 6 октября 1940

В сентябре 1939 г. второй сын Толкина, которому шел девятнадцатый год, решил завербоваться добровольцем в армию, однако ему велели проучиться год в университете, прежде чем зачисляться на военную службу. Он поступил в Тринити-Колледж Оксфордского университета, а на следующее лето покинул университет, чтобы пройти обучение на стрелка-зенитчика.

Мне очень жалко, милый мой мальчик, что твоя университетская карьера рассечена надвое. Лучше бы ты был старшим и успел закончить до того, как тебя забрала армия. Но я все-таки надеюсь, что тебе удастся вернуться. И, безусловно, прежде ты многому научишься! Хотя в мирные времена мы, возможно (что вполне естественно и в определенном отношении правильно), слишком склонны воспринимать все на свете как подготовку, или обучение, или тренировку — для чего? В любой момент нашей жизни имеет значение только то, каковы мы и что делаем, а вовсе не то, какими мы планируем стать и что собираемся сделать. Однако не буду притворяться: эта мысль не особенно меня утешает при виде армейского милитаризма и зряшной траты времени. И дело даже не в тяготах фронтовой жизни. Меня туда зашвырнуло как раз тогда, когда я мог столько всего написать и столько всего узнать; а наверстать упущенное мне уже не удалось.

041 Из письма к Майклу Толкину 2 января 1941

Я тут все разгребал задолженности по переписке и наконец-то вот-вот снова засяду за свою книгу; но, как только я возьмусь за дело по-настоящему, впереди замаячит тень нового триместра, и придется мне думать о лекциях и комитетах.

042 К Майклу Толкину

Майкл Толкин вместе со своей зенитной батареей обеспечивал прикрытие аэродромов в «Битве за Англию»{37}, а после того, пострадав в результате аварии армейской машины во время ночных учений, был отправлен в вустерский госпиталь. Отец написал ему туда несколько писем; это — одно из них.

12 января 1941
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой Мик!

Кажется, так много времени прошло с тех пор, как я писал тебе в последний раз, — все это время увязаю в делах, ощущение безотрадное, гнусный восточный ветер дует, не стихая, день за днем, пробирающий до костей холод сменяется промозглой, пасмурной сыростью….. За последнее время один лишь раз поразвлекся: в прошлый вторник, в гололед и метель, доктор Хаварда[66] сводил вечером нас с братьями Льюис[67] в один паб в Эпплтоне. Дж. Б. подарил мне на день рождения коробочку нюхательного табака. И вот вытаскиваю я ее из кармана и читаю старинную этикетку: «ПОСТАВЛЯЕТСЯ ИХ ВЕЛИЧЕСТВАМ КОРОЛЯМ ГАННОВЕРА И БЕЛЬГИИ и т. д. ГЕРЦОГУ КАМБЕРЛЕНДСКОМУ И ГЕРЦОГИНЕ КЕНТСКОЙ» «Желающие есть?» — спрашиваю. Простые трудяги тянут ко мне мозолистые руки. Ну и расчихались они — шапки с голов послетали! Лучше не говори Дж. Б., что я сделал с драгоценным продуктом «Фрибург энт Трейэр» (ну, с небольшой его порцией). Майор Льюис, — он понятия не имел, что Блэкуэлл[68] живет в Эпплтоне и что у местных ушки на макушке, — поведал забавную историю о том, как заглянул в «Блэкуэллз» вместе с Хьюго Дайсоном[69]. Когда он дошел до того момента, как продавец возвратился к Хьюго и сказал: «Извините, сэр, подержанного экземпляра у нас нет, зато есть новый» (а Х. ему: «Ну, так поваляйте его по полу и сделайте подержанным; мне все равно»), — публика взорвалась аплодисментами. Если не считать этой коротенькой интерлюдии, жизнь довольно занудна: слишком уж много в ней комитетов и всяческой законодательной тягомотины — вот уже несколько раз приходилось засиживаться далеко за полночь…..

То и дело объявляют воздушную тревогу, но (пока) дальше предупреждений не идет… Полагаю, в этом году все «разразится» раньше, чем в прошлом, — погода позволяет, — то-то горячая

начнется пора во всех уголках этого острова! Ясно также, что наш добрый старый друг СССР затевает какую-то пакость[70]. Словом, гонки со временем, что называется, след в след….. Думаю, простые «граждане» ведать не ведают, что там происходит на самом деле. Однако здравый смысл вроде бы подсказывает, что очень скоро Гитлер атакует эту страну напрямую и оч. мощно, еще до лета. А тем временем на улицах вовсю торгуют «Дейли уоркер»[71] — свободно и беспрепятственно. Веселенькие деньки предстоят нам после войны, даже если победим мы — в том, что касается Германии.

Благослови тебя Господь, сынок. Непрестанно за тебя молюсь. Вспоминай обо мне. Не нужно ли тебе что-нибудь?

Очень тебя любящий папа.

043 Из письма к Майклу Толкину 6–8 марта 1941

На тему брака и взаимоотношений между полами.

Отношения мужчины с женщинами могут быть чисто плотскими (на самом-то деле, конечно же, не могут; но я имею в виду, что мужчина может отказаться принимать в расчет все остальное, причиняя тем самым великий вред своей душе (и телу) и их душам и телам тоже); или «дружескими»; или же он может быть «влюбленным» (задействуй и сплавляя все свои чувства, все силы разума и тела в сложном смешанном чувстве, ярко окрашенном и наэлектризованном «сексом»). Мы живем в падшем мире. И вывихнутый сексуальный инстинкт — один из главных симптомов Падения. На протяжении эпох мир скатывается все ниже. Одни модели общественного устройства сменяются другими, и каждый новый тип заключает в себе свои опасности; однако с тех пор, как пал Адам, «безжалостный дух вожделения» шествует по каждой улице и восседает, плотоядно ухмыляясь, на каждом углу. «Аморальные» последствия мы пока оставим. В них тебе вообще впутываться не хочется. К воздержанию склонности у тебя нет. Значит, «дружба»? В нашем падшем мире «дружба», что должна бы связывать всех представителей рода человеческого, между мужчиной и женщиной фактически невозможна. Дьявол неистребимо изобретателен, а секс — его любимый трюк. Он в совершенстве умеет уловлять вас и через великодушные романтические или чувствительные мотивы, и через потребности более низменные и животные. Эту самую «дружбу» опробовали неоднократно: практически всегда или одна сторона «сорвется», или другая. Позже, в зрелые годы, когда сексуальное влечение поостынет, дружба, пожалуй, и возможна. Вероятно, она случается между святыми. А в случае обычных людей это — большая редкость; да, два разума, что и впрямь родственны друг другу в первую очередь интеллектуально и духовно, могут по чистой случайности оказаться заключены в женском и мужском телах и все же могут пожелать и даже достичь «дружбы» абсолютно независимо от секса. Однако рассчитывать на это не стоит. Вторая сторона почти неминуемо подведет его (или ее) — и «влюбится». Но на самом деле молодой человек (как правило) «дружбы» вовсе не ищет, даже если уверяет в обратном. Ведь вокруг молодых людей полным-полно (как правило). А ищет он

любви: невинной и в то же время, пожалуй, лишенной ответственности. «Увы, увы, почто любовь — греховна!» — как пишет Чосер{38}. А тогда, если молодой человек — христианин и понятие греха ему ведомо, он хочет знать, что же теперь с этим делать.

В нашей западной культуре традиция романтической рыцарственности сильна до сих пор, хотя времена к ней враждебны, как к продукту христианского мира (однако же ни в коем случае не стоит ставить знак равенства между нею и христианской этикой). Традиция эта идеализирует «любовь» — и в этом смысле может оказаться весьма благой, поскольку вбирает в себя куда больше, нежели телесное удовольствие, и подразумевает если не чистоту, то по крайней мере верность, а значит — самоотречение, «служение», вежество, честь и отвагу. Слабость ее, конечно же, состоит в том, что возникла эта традиция как искусственная куртуазная игра, как способ наслаждаться любовью ради любви, безотносительно к (и даже вопреки) браку. В центре ее стоял не Господь, но выдуманные кумиры, Любовь и Дама. Она по-прежнему склонна видеть в Даме своего рода путеводную звезду или божество — от устаревшего «его божество» = его возлюбленная, — объект или причину благородного поведения. Это, разумеется, фальшь, в лучшем случае придумка «понарошку». Женщина — такое же падшее существо, чья душа подвергается тем же опасностям. Но в сочетании и в гармонии с религией (как случилось давным-давно встарь, — во многом через это и возникло прекрасное поклонение Пресвятой Деве, посредством которого Господь настолько очистил и облагородил нашу грубую мужскую природу и чувства и смягчил и расцветил нашу суровую, горькую религию) традиция эта может преисполниться и благородства, и величия. Вот тогда она порождает то, что, как мне кажется, даже в глазах тех, кто сохранил хотя бы рудименты христианства, воспринимается как высший идеал любви между мужчиной и женщиной. Однако ж я все равно считаю, что в ней заключено немало опасностей. Во-первых, она не вполне истинна и не абсолютно «теоцентрична». Она мешает молодому человеку или, во всяком случае, мешала в прошлом, увидеть в женщинах то, что они есть на самом деле: сотоварищей по кораблекрушению, а не какие-то там путеводные звезды. (В результате, помимо всего прочего, разглядев истинное положение дел, молодой человек становится циником.) Заставляет позабыть об *их* желаниях, потребностях и искушениях. Насаждает раздутые представления об «истинной любви» как об огне, дарованном извне, как о постоянной экзальтации, не имеющей отношения ни к возрасту, ни к деторождению, ни к

простой повседневной жизни, ни к воле и цели. (В результате, помимо всего прочего, молодые люди ищут «любви», способной обеспечить им тепло и уют в холодном мире без всяких усилий с их стороны; а закоренелые романтики не отступаются от поисков даже в грязи бракоразводных процессов.)

Сами женщины ко всему этому почти что и не причастны, хотя могут пользоваться языком романтической любви, раз уж он настолько прочно вошел во все наши идиомы. Сексуальный инстинкт делает женщин (разумеется, чем меньше испорченности, тем больше здесь бескорыстия) очень сочувственными и понимающими либо заставляет прицельно желать стать таковыми (или казаться таковыми), преисполняет готовности разделить по возможности все интересы молодого человека, к которому их влечет: от галстуков до религии. Это не обязательно сознательное стремление обмануть, но чистой воды инстинкт: инстинкт существа зависимого, инстинкт помощницы, в избытке подогретый желанием и молодой кровью. Под влиянием этого импульса женщины на самом деле зачастую обретают интуицию и понимание поистине удивительные, даже в том, что касается предметов вне сферы их естественных интересов. Ибо им дарована особая восприимчивость: мужчина их стимулирует, оплодотворяет (во многих других аспектах помимо чисто физического). Любому преподавателю это отлично известно. Как быстро умная женщина учится, перенимает его идеи, схватывает самую суть — и как (за редким исключением), отпустив руку наставника или утратив личный интерес к нему, дальше они продвинуться не в силах. Но таков их естественный путь к любви. Девушка, сама еще не сознавая, что происходит (и в то время как романтический юноша, ежели таковой наличествует, пока еще только вздыхает), уже, пожалуй, «влюбилась». Что для нее, не испорченной от природы, означает: она хочет стать матерью детей молодого человека, даже если сама она этого в полной мере и со всей отчетливостью не сознает. Вот тут-то все и начинается; а ежели события станут развиваться не так, как должно, то вреда и боли не оберешься. Особенно если молодому человеку путеводная звезда и божество требовались лишь на время (до тех пор, пока впереди не замаячит светило более яркое), и он всего лишь наслаждался лестным сочувствием, мило приправленным волнующим привкусом секса, — все, разумеется, *абсолютно* невинно, ни о каком «обольщении» не идет и речи!

Возможно, тебе доводилось встречать в жизни (и в литературе[{39}]) женщин, которые ветрены или откровенно распущенны, — я имею в виду не просто кокетство, тренировочный бой в преддверии настоящего поединка, но

женщин, которые слишком глупы, чтобы принимать всерьез даже любовь, или в самом деле настолько порочны, что наслаждаются «победами», — им даже доставляет удовольствие причинять боль; но это аномалии, хотя ложные теории, дурное воспитание и безнравственная мода могут их поддерживать. При том, что в современных обстоятельствах положение женщины существенно изменилось, равно как и общепринятые представления о благопристойности, природный инстинкт у них остался тот же. У мужчины есть труд всей жизни, есть карьера (и друзья мужского пола), и все это способно пережить крушение «любви» (и переживает ведь, если у мужчины есть хоть сколько-то характера). А девушка, даже та, что «экономически независима», как принято сегодня говорить (что на самом деле, как правило, означает, что экономически она зависит от работодателей мужского пола, а не от отца и не от родных), начинает практически сразу же думать о приданом и мечтать о собственном доме. И если она действительно влюблена, неудача и впрямь может обернуться для нее крушением всех надежд. В любом случае женщины в общем и целом куда менее романтичны и куда более практичны. Не обманывайся тем, что на словах они более «сентиментальны» — свободнее пользуются обращением «милый» и все такое. Им-то путеводная звезда не нужна. Возможно, они и идеализируют заурядного молодого человека, видя в нем героя; но на самом-то деле весь этот романтический ореол им не нужен — ни для того, чтобы влюбиться, ни для того, чтобы сохранить в себе это чувство. Если они в чем и заблуждаются, то разве что наивно веря, будто они способны «перевоспитать» мужчину. Они с открытыми глазами примут мерзавца и подлеца и, даже когда тщетная надежда перевоспитать его угаснет, будут любить его по-прежнему. И, конечно же, в том, что касается сексуальных отношений, они куда большие реалисты. Как правило, от «непристойностей» в речах они воздерживаются, разве что будучи испорчены дурной современной модой; но не потому, что они целомудреннее мужчин (это не так); просто им не смешно. Я знавал таких, что притворялись, будто это их забавляет, — но притворялись, не более. Такие разговоры могут заинтриговать их, заинтересовать, увлечь (и даже слишком); но это для них нечто абсолютно естественное, объект серьезного, самоочевидного интереса; а смеяться-то здесь где прикажете?

Разумеется, в сексуальных отношениях им по-прежнему приходится быть очень и очень осторожными, несмотря на все контрацептивы. Ошибки причиняют им немалый ущерб и на физическом, и на социальном плане (и на матримониальном). Однако если женщина не порочна, инстинктивно она склонна к

моногамии. *А вот мужчины, — нет…..* И притворяться тут бесполезно. Не склонны — и все тут, во всяком случае, по своей животной природе. Моногамия (при том, что испокон веков она лежит в основе наших унаследованных *идей*) для нас, мужчин, часть этики, «явленной в откровении», в согласии с верой, но не с плотью. Каждый из нас без всякого вреда для здоровья может зачать, за отпущенные нам лет тридцать расцвета мужской силы, несколько сотен детей — с превеликим удовольствием для себя. Бригам Янг{40} (сдается мне) был здоров и счастлив. Мир этот — пал, и нет в нем согласия между нашими телами, умами и душами.

Однако же суть *падшего* мира состоит в том, что *лучшее* достигается не через свободное наслаждение или то, что называется «самореализацией» (как правило, этим лестным термином обозначается потворство собственным слабостям, абсолютно неблагоприятным для самореализации других людей); но через самоотречение и страдание. Верность в христианском браке это подразумевает: вот воистину великое самоусмирение. Ибо для христианина *пути к отступлению нет*. Брак может помочь освятить и направить к подобающему объекту его сексуальные устремления; благодатью своею может помочь ему в борьбе; но борьба остается. Удовлетворения брак не даст — так, как посредством регулярного питания можно отогнать от себя голод. Брак сулит столько же трудностей в том, что касается чистоты, подобающей этому состоянию, сколь и подспорья. Ни один мужчина, сколь бы искренне он ни любил в юности свою нареченную невесту, не сохранил ей верность как жене в мыслях и на деле безсознательного и целенаправленного усилия воли, без самоотречения. Слишком мало кому об этом сообщают — даже тем, кто воспитан «в лоне Церкви». А те, кто пребывает за ее пределами, об этом, почитай что, и не слыхивали. Когда романтический ореол развеивается или просто слегка меркнет, молодые люди начинают думать, что совершили ошибку и что истинную родную душу им еще предстоит отыскать. А истинной родной душой слишком часто оказывается первая же подвернувшаяся под руку сексуально привлекательная личность. Кто-то, на ком они вполне могли бы жениться, с великой пользой для себя, если бы только… И вот вам развод — чтобы обеспечить «если бы только». И, конечно же, они, как правило, абсолютно правы: они и в самом деле совершили ошибку. Только *очень* мудрый человек *на закате* своей жизни может разумно и здраво оценить, на ком именно из всех возможных кандидатур ему следовало жениться с наибольшей пользой для себя! Практически все браки, даже счастливые, — это ошибка: в том смысле, что

практически наверняка (в бодре совершенном мире или проявив лишь малую толику осмотрительности в мире этом, весьма и весьма несовершенном) оба партнера могли бы подыскать себе более подходящих спутников жизни. Но «истинная родная душа» — это тот или та, с кем тебя соединили узы брака. И сам ты практически не выбираешь: жизнь и обстоятельства сделали за тебя почти все (хотя если есть Господь, значит, это — Его орудия или Его волеизъявления). Общеизвестно, что на самом-то деле счастливые браки встречаются куда чаще там, где у молодых людей «выбор» еще более ограничен родительским или семейным авторитетом, — главное, чтобы там действовала социальная этика простой, неромантичной ответственности и супружеской верности. Но даже в тех странах, где романтическая традиция затронула социальные устои настолько глубоко, чтобы люди поверили, будто выбор спутника жизни — это дело самих молодых людей и никого другого, — лишь редчайшая удача сводит вместе мужчину и женщину, которые в самом деле, как говорится, «суждены» друг другу и способны на любовь великую и удивительную. Эта мысль ослепляет нас и сегодня, просто-таки за горло берет: на эту тему написаны бесчисленные стихи и истории; пожалуй, в общем и целом их куда больше, нежели такого рода случаев в реальной жизни (и однако же величайшие из этих произведений рассказывают нам не о счастливом браке великих влюбленных, но об их трагической разлуке, как если бы даже в этой сфере истинное благородство и красота в падшем мире скорее достигается через «неудачи» и страдания). В такой вот великой и неотвратимой любви, зачастую — любви с первого взгляда, мы, как мне кажется, провидим образ брака таким, каким он был бы в мире непадшем. А здесь, в падшем мире, в проводники нам даны только благоразумие, мудрость (что в юности так редка, а в старости приходит слишком поздно), чистое сердце и верность *усилием воли*…..

Моя собственная история настолько исключительна, настолько неправильна и неблагоразумна почти во всех подробностях, что взывать к благоразумию мне непросто. Однако ж нельзя выводить закон из крайностей; а случаи исключительные не всегда могут послужить примером для других. Что разумно было бы здесь привести, так нечто вроде автобиографии: причем применительно к данной ситуации, с особым акцентом *на возраст* и *материальное положение*.

Я влюбился в твою маму в возрасте приблизительно восемнадцати лет. Влюбился вполне искренне, как подтвердилось впоследствии, — хотя, конечно же, в силу недостатков характера и темперамента я зачастую не дотягивал до идеала, с которого

начал. Твоя мама была старше меня и к католической церкви не принадлежала. В высшей степени прискорбная ситуация, по мнению моего опекуна[72]. В определенном смысле, это и впрямь было весьма прискорбно, и в некотором смысле — очень неудачно для меня. Такие вещи поглощают тебя с головой, эмоционально изматывают до крайности. Я был смышленым мальчиком, в поте лица своего зарабатывал себе оксфордскую стипендию (весьма и весьма необходимую). И это двойное напряжение едва не привело к нервному срыву. Я провалил экзамены, и, хотя (как поведал мне много лет спустя директор школы) я заслуживал приличной стипендии, в итоге я насилу отвоевал себе жалкие 60 фунтов в Эксетере: этого, в придачу к выходной школьной стипендии на ту же сумму, только-только хватило на университет (не без помощи моего доброго старого опекуна). Разумеется, были тут и свои плюсы, для опекуна моего не столь очевидные. Я был умен, но мне недоставало трудолюбия и упорства; провалился я главным образом из-за того, что просто-напросто не работал (по крайней мере над классическими дисциплинами), — и не потому, что влюбился, а потому, что изучал нечто совсем другое: готский и всякое такое прочее[73].

Воспитанный в романтическом духе, я воспринял юношеский роман абсолютно всерьез — и стал черпать в нем вдохновение. От природы — слабак и трус, я за два сезона из презренной мокрой курицы дорос до второй команды факультета{41}, а потом и «цвета» завоевал. Ну, и все прочее в таком духе. Однако возникла проблема: я встал перед выбором — не подчиниться опекуну и огорчить (или обмануть) человека, который был мне как отец, делал для меня больше, чем большинство отцов по крови делают для своих детей, при этом не будучи связан никакими обязательствами, или «оборвать» роман до тех пор, пока мне не исполнится двадцать один год. О своем решении я не жалею, хотя возлюбленной моей пришлось очень тяжело. Но моей вины в том нет. Она была абсолютно свободна, не давала мне никаких клятв, и по справедливости я ни в чем не мог бы ее упрекнуть (вот разве что взывая к вымышленному романтическому кодексу), выйди она замуж за другого. Почти *три* года я с моей возлюбленной не виделся и не переписывался. Мне было несказанно тяжко, больно и горько, особенно поначалу. Да и последствия оказались не вовсе хороши: я вновь сделался безалаберен и небрежен, и даром потратил большую часть моего первого года обучения в колледже. И все-таки не думаю, будто что-либо другое могло бы оправдать брак на основании юношеского романа; и, возможно, ничто другое не закалило бы волю настолько, чтобы подобный роман упрочить (при всей искренности первой любви). В ночь,

когда мне исполнялся двадцать один год, я снова написал твоей маме — 3 января 1913. 8 января я поехал к ней, и мы заключили помолвку, объявив об этом потрясенной семье. Я подтянулся, поднатужился, поработал малость (слишком поздно, чтобы спасти «модерашки»{42}[74] от полного краха) — а на следующий год началась война; мне же оставалось пробыть в колледже еще год. В те дни ребята шли в армию — либо подвергались остракизму. Ну и премерзкое же положение, — особенно для юноши, в избытке наделенного воображением и не то чтобы храброго! Ни ученой степени, ни денег, зато — невеста. Я выдержал поток злословия, намеки, на которые родня не скупилась, остался в университете и в 1915 году сдал выпускные экзамены с отличием первого класса. Сорвался в армию: на дворе — июль 1915. Понял, что больше не вынесу, и 22 марта 1916 года — женился. А в мае переплыл Ла-Манш (у меня до сих пор сохранились стихи, написанные по этому поводу!)[75] — и угодил в кровавую бойню на Сомме.

А теперь подумай о своей маме! И все-таки сейчас я ни на единое мгновение не усомнюсь: она лишь исполняла свой долг, не больше и не меньше; не то чтобы это умаляло ее заслуги. Я был совсем зеленым юнцом, с жалким дипломом бакалавра и со склонностью к виршеплетству, с несколькими фунтами за душой (20–40 фунтов годового дохода)[76], и те тают на глазах, при этом — никаких перспектив: второй лейтенант{43}, на жалованье 7 шиллингов 6 пенсов в день, в пехоте, где шансы на выживание очень и очень невелики (для младшего офицера-то!). Она вышла за меня замуж в 1916 году, а Джон родился в 1917 (зачат и выношен в голодный 1917 год и в ходе кампании немецких подлодок{44}) приблизительно во время битвы при Камбре, когда казалось, что войне конца не будет (прямо как сейчас). Я вышел из доли, продал последние из моих южноафриканских акций, мое «наследство», чтобы оплатить родильный дом.

Из мрака моей жизни, пережив столько разочарований, передаю тебе тот единственный, исполненный величия дар, что только и должно любить на земле: Святое Причастие….. В нем обретешь ты романтику, славу, честь, верность, и истинный путь всех своих земных Любовей, и более того — Смерть: то, что в силу божественного парадокса обрывает жизнь и отбирает все и, тем не менее, заключает в себе вкус (или предвкушение), в котором, и только в нем, сохраняется все то, что ты ищешь в земных отношениях (любовь, верность, радость) — сохраняется и обретает всю полноту реальности и нетленной долговечности, — то, к чему стремятся все сердца.

044 Из письма к Майклу Толкину 18 марта 1941

Предки Толкина по материнской линии, Саффилды, были родом из Западного Мидлендса и ассоциировали себя, в частности, с Вустерширом.]

Хотя по имени я — Толкин, по вкусам, способностям и воспитанию я — Саффилд, и любой уголок этого графства [Вустершир] (будь он красив или грязен) каким-то непостижимым образом воспринимаю как «дом родной»: ни одно другое место на земном шаре подобных чувств у меня не вызывает. Твоя бабушка, которой ты стольким обязан, — ибо она была дама на диво одаренная, редкой красоты и ума; Господь судил ей немало страданий и горя — умерла совсем молодой (в 34 года) от болезни, еще усугубившейся в результате травли за ее веру[77], — умерла в домике местного почтальона в Реднэле[78] и похоронена в Брумсгрове.

045 К Майклу Толкину

На тот момент Майкл был кадетом Сандхерстского военного колледжа.]

9 июня 1941
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой Майкл!

До чего я был рад получить от тебя весточку! Я бы тебе сегодня и раньше написал, вот только мамочка забрала твое письмо с собою в Бирмингем, я всего-то и успел взглянуть на него одним глазком. Боюсь, что в эпистолярном жанре я не блистаю; но если честно, пера я больше видеть не могу. В четверг закончились лекции; я понадеялся на небольшую передышку, чтобы: а) отдохнуть и б) привести в порядок сад, прежде чем в четверг начнутся «скулз»{45}[79] (Корпус-Кристи). Но из-за нескончаемого дождя под открытым небом не потрудишься; а из-за всякой дополнительной работенки не отдохнешь. Сочувствую я правительственным чиновникам! Последнее время только и делаю, что составляю всякие там правила да директивы[80], а как только их напечатают, нахожу там всевозможные лазейки, а те, кто работу не делал и даже не пытается понять, зачем все это, меня критикуют и клянут на чем свет стоит!….

Одной Войны любому более чем достаточно. Надеюсь, от второй судьба тебя убережет. Либо горечь юности, либо горечь зрелого возраста — на жизнь человеческую вполне хватит; и то и другое — это уж слишком. Некогда мне довелось пройти через то, что переживаешь сейчас ты, пусть и несколько иначе; я-то был ужасным неумехой, к войне совершенно не приспособленным (а мы с тобой схожи лишь в том, что оба глубоко симпатизируем и сочувствуем «томми»{46} — особенно простому солдату из сельскохозяйственных графств). В ту пору мне не верилось, что «старики» хоть сколько-то страдают. Теперь-то я знаю, как оно. Говорю тебе: чувствую себя, точно охромевшая канарейка в клетке. Исполнять прежнюю довоенную работу — яд, да и только! Мечтаю сделать хоть что-нибудь полезное. Но ничего не попишешь: я «уволен в бессрочный запас», и в результате делами завален по уши, даже в войсках местной обороны{47} послужить некогда. Да что там: вечерами не выберешься с приятелем потрепаться.

Однако ж ты — моя плоть и кровь, и носишь мое имя. Быть отцом храброго молодого солдата — это уже кое-что. Понимаешь

теперь, отчего я так за тебя беспокоюсь и почему все то, что ты делаешь, так близко меня затрагивает? И все же давай преисполнимся оба надежды и веры. Связь между отцом и сыном заключена не только в бренной плоти: наверняка есть в ней что-то и от *aeternitas*{48}. Есть такое место, «небеса» называется, где все то доброе, что не закончено здесь, обретает завершение; где находят продолжение ненаписанные истории и несбывшиеся надежды. Быть может, мы с тобой вместе еще посмеемся…

Ты видел отчет Максвелла («табачного инспектора»[81]) насчет того, что вытворяют оптовики? В тюрьму бы их всех упечь…..Коммерциализация — редкое свинство по сути своей. Однако ж, сдается мне, главный порок англичан — это лень. Именно лени — в той же степени, что и врожденной добродетели, если не больше, — мы обязаны тем, что избежали вопиющих жестокостей других стран. В лютом современном мире лень и впрямь начинает почти что походить на добродетель. И все же жутковато наблюдать ее повсюду, в то время как мы боремся с *Furor Teutonicus*{49}.

Жители этой страны, похоже, еще не осознали, что в немцах мы обрели врагов, чьи добродетели (а это именно добродетели) послушания и патриотизма в массе своей превосходят наши. Чьи храбрецы храбростью не уступают нашим. Чья промышленность превосходит нашу раз этак в десять. И которые — проклятием Господним — ныне ведомы человеком, что одержим безумным смерчем, демоном; тайфуном, страстью; в сравнении с ним бедный старина кайзер смахивает на старушку с вязаньем.

Большую часть своей жизни — начиная с твоего примерно возраста — я изучал германский материал (в общем смысле этого слова, включая Англию и Скандинавию). В «германском» идеале заключено куда больше силы (и истины), нежели представляется людям невежественным. Еще студентом я ужасно им увлекался (в то время как Гитлер, надо думать, малевал себе картиночки и про «германский» идеал еще и слыхом не слыхивал); в пику классическим дисциплинам. Чтобы распознать истинное зло, нужно сперва понять благую сторону явления. Да только «выступать по радио» меня никто не зовет и комментировать выпуски новостей — тоже! Однако ж, сдается мне, я знаю лучше многих, что такое эта «нордическая» чушь на самом деле. Как бы то ни было, у меня в этой Войне свои причины для жгучей личной обиды, — так что в 49 я, верно, оказался бы лучшим солдатом, чем в 22: ненавижу этого треклятого невеждишку Адольфа Гитлера (любопытно, что демоническая одержимость, этот стимул, интеллекта отнюдь не добавляет, но лишь подстегивает волю — и только). Не он ли уничтожает, извращает, растрачивает

и обрекает на вечное проклятие этот благородный северный дух, высший из даров Европе, — дух, который я всегда любил всем сердцем и тщился представить в истинном его свете. Нигде, к слову сказать, дух этот не проявился благороднее, нежели в Англии, нигде не был освящен и христианизирован так рано…..

Молись за меня. Мне это просто необходимо. Люблю тебя.

Твой родной папа.

046 Из черновика письма к Р. У. Чапману 26 ноября 1941

Джордж С. Гордон, умерший в начале 1942, в начале двадцатых годов был главой факультета в Лидском университете, на котором работал Толкин. Потом он занял должность профессора английской литературы в Оксфорде, а позже стал ректором Модлин-Колледжа. Этот черновик, по всей видимости, написан в ответ на просьбу Чапмана, секретаря при представителях «Оксфорд юниверсити пресс», предоставить ему воспоминания о Гордоне, возможно, для последующего включения их в некролог. В момент написания письма было уже известно, что Гордон неизлечимо болен.

Дат я не помню. Может, вы их знаете? Я набросал тут кое-какие впечатления, из которых при вашем опыте вам, возможно, удастся выбрать несколько подходящих замечаний или фраз. Лидс для меня ассоциируется с Гордоном, хотя, по правде говоря, из шести лет, что я там провел (1920–1925, и один год — в качестве совместителя[82]), большая часть времени прошла в обществе Эберкромби[83].

Я помню, что (еще до прошлой войны) отъезд Гордона из Оксфорда[84] был воспринят оксфордскими студентами английского факультета едва ли не с ужасом; но я, в ту пору заносчивый молодой филолог, этому событию особого значения не придал. Впервые я познакомился с Гордоном на собеседовании в Лидсе (июнь 1920): я претендовал на «должность лектора» по английскому языку, утвержденную после того, как утонул Мурман[85]. Полагаю, и должностью (для Лидса — новшество) и (сравнительно) высоким окладом[86] я обязан был Гордону и его дальновидной политике. Думается мне, меня выбрали лишь потому, что не удалось заполучить Сайзема[87] (именно он и обратил мое внимание на эту возможность, оказав мне тем самым услугу не из малых в числе многих других). Однако с первой же встречи Гордон отнесся ко мне с добротой и дружеским участием. Спас меня из холодного зала ожидания и повел к себе домой. Помню, в трамвае мы разговорились о Рали[88]. Как (все еще) заносчивый молодой филолог, я на самом деле был о Рали не особо высокого мнения: в качестве лектора он, конечно же, не блистал; но некий добрый дух подсказал мне назвать его

«олимпийцем». Очень удачно получилось; хотя на самом-то деле я имел в виду лишь то, что Рали мирно почивает на лаврах, вознесенный на головокружительную вершину, вне досягаемости для моей критики.

Мне невероятно повезло. И если рассказываю я о себе, а не прямо и беспристрастно о Гордоне, это лишь потому, что я представляю его и думаю о нем в первую очередь с глубокой личной признательностью, — скорее как о друге, нежели как об академической фигуре. В «университетах» как-то не принято, чтобы профессор забивал себе голову домашними проблемами нового подчиненного, которому еще и тридцати не исполнилось; а вот Г. именно так и делал. Он сам подыскал мне жилье, выделил мне место в своем собственном университетском кабинете. И не думаю, что мой случай — это исключение. *Он был великим знатоком людей*. Все, кто работал под его началом, видели (или по крайней мере подозревали), что некоторыми аспектами своей работы он благополучно пренебрегает: особенно утомляли его сырые «исследования» и занудные диссертации, сочиняемые серьезно настроенными, но малообразованными охотниками за М.А.{50}, каковых развелось полным-полно; вот от них-то он порою спасался бегством. И все-таки создал он не жалкий крохотный «факультет», но сплоченную команду. Команду, воодушевленную не только факультетским «кастовым духом», твердо вознамерившуюся поставить «английский» во главу угла гуманитарных факультетов, но исполненную также и миссионерского пыла…..

Личным его вкладом стала доктрина беззаботной беспечности: в Оксфорде, пожалуй, опасная, а в Йоркшире — абсолютно необходимая. Ни один йоркширский студент или студентка вовеки не подвергались опасности воспринять его предмет как маловажный на выпускных экзаменах (даже если на жалованье будущего школьного учителя он не то чтобы сказывался): поэт горазд «смеяться, угодивши в третий класс», но не йоркширский студент, нет. Однако йоркширского студента можно растормошить, чтобы поиграл немного, вышел за пределы «программы», взглянул на свои занятия как на нечто более значимое и увлекательное, нежели просто предмет, подлежащий заучиванию к экзамену. Вот какой тон брал Гордон, вот на чем настаивал; даже в печати эту мысль сформулировал — в тоненькой брошюрке, написанной им специально для своих учеников. Так что надутой серьезности в Лидсе почти не знали; проявлялась она редко, и то лишь среди студентов.

Что до меня: я обнаружил, что надежная основа для меня уже заложена, пути развития намечены. Но при неизменном его

ненавязчивом контроле я имел полную «свободу действий». Развитию средневекового и лингвистического аспектов оказывалась всяческая поддержка; со временем между двумя, по сути дела равными, отделениями развилось дружеское соперничество. На каждом велись свои «семинары»; порою проводились объединенные встречи. Более благополучной сбалансированной «Школы» в жизни своей не видел. Думаю, слово «Школа» здесь вполне уместно. До Гордона «английский» пребывал в Лидсе на положении одного из факультетских предметов (сдается мне, невозможно было получить степень, специализируясь на нем одном), а оставил он после себя целую школу разнообразных дисциплин (в зародыше). Только приехав, он вынужден был делить кабинет — этакую коробку, облицованную глазурованным кирпичом и меблированную разве что трубами парового отопления, — с профессором французского языка. Простые ассистенты довольствовались разве что крючком для шляпы где-нибудь в недрах здания. Уезжая, Гордон оставил нам «английский факультет», где у каждого сотрудника был свой офис (не говоря уже об «удобствах»!) и общая комната для студентов: с таким центром растущее студенческое сообщество стало сплоченным единством и до известной степени пользовалось преимуществами (или отдаленным их отображением), которые мы ассоциируем с настоящим университетом, а не со скромным муниципальным колледжем. На таком фундаменте строить — одно удовольствие. Однако сдается мне, что после отъезда Гордона все, как говорится, «пустили на самотек», и дело его оказалось в руках не столь опытных. Как бы то ни было, число студентов пошло на убыль, финансирование изменилось. Сменились и вице-канцлеры{51}. От сэра Майкла Садлера как от начальства, я так понимаю, помощи было немало; а он ушел примерно в то же время.

047 К Стэнли Анвину

В письме от 4 декабря Анвин сообщил, что лондонский книжный магазин «Фойлз» собирается выпустить «Хоббита» в своей серии «Клуб детской книги»; и благодаря этому «Аллен энд Анвин» получают возможность переиздать книгу. Это тем более желательно, что предыдущий тираж сгорел в результате воздушного налета на Лондон.

7 декабря 1942
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый мистер Анвин

Благодарю вас за письмо: в нем обнаружилось целых два обнадеживающих момента. Я вот уже давно собирался написать вам и спросить, стоит ли в создавшихся обстоятельствах пытаться закончить продолжение к «Хоббиту» (кроме как себе и семье на забаву). Я над ним работаю урывками с 1938 года, заполняя все те временные промежутки, что оставляют мне утроившиеся служебные обязанности, учетверившееся бремя домашних дел и «гражданская оборона»[89]. Книга уже близка к завершению. Хотелось бы верить, что на этих каникулах мне удастся выкроить немножко свободного времени; так что можно надеяться, что в начале следующего года я ее закончу. И все-таки на сердце у меня неспокойно. Должен вас предостеречь, что произведение получается ужасно длинное, а местами гораздо страшнее «Хоббита» и, по правде говоря, на самом деле абсолютно не «детское». Я дошел до главы XXXI[90]; до конца остается еще как минимум глав шесть (но их я уже набросал); и главы, как правило, выходят длиннее, чем в «Хоббите». Стоит ли в сложившихся обстоятельствах заводить речь о подобном «эпосе»? Предпочтете ли вы подождать, пока я не закончу книгу, или хотели бы взглянуть на значительную ее часть уже сейчас? Рукопись перепечатана (усилиями нескольких непрофессионалов) вплоть до гл. XXIII. Не думаю, что качество вас разочарует. Изначальная аудитория «Хоббита» (мои сыновья и мистер К. С. Льюис) ее одобрила: они эту историю и читали, и слышали не один раз. Но возникает проблема бумаги, и объема, и рынка! Потребуется две карты.

Сгоревший тираж «Хоббита» — это тяжкий удар. Мне очень стыдно, что не написал вам (как собирался) сразу и не выразил соболезнования по поводу понесенных вами убытков, наверняка

весьма тяжких, в которых моя доля просто-таки ничтожна. Удастся ли вам со временем получить хоть какую-нибудь «компенсацию»?….

Не заинтересует ли вас также издание, в которое вошли бы три-четыре «волшебных» истории покороче и стихи? «Фермер Джайлс», которого я вам некогда показывал, продолжает забавлять и детишек, и взрослых без числа. Если «Джайлс» слишком короток, я мог бы присовокупить к нему одну-две повести в том же духе, а также и стихи на близкие темы, включая «Тома Бомбадила»….

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

048 К К. С. Льюису

Льюис не имел привычки беречь письма; из тех, что посылал ему Толкин, сохранилось только два. (Касательно второго см. № 113). «Г. Л.» — аббревиатура для «Горе-Лекарь»: так инклинги прозвали своего собрата Р. Э. Хаварда, семейного доктора Толкина и Льюиса. «Ридли» — это М. Р. Ридли из Бейллиол-Колледжа; наряду с Толкином и Льюисом он занимался организацией оксфордских «ускоренных военных курсов» для морских кадетов. Льюис же тем временем еще и ездил по Англии, читая лекции о христианстве на базах Королевских военно-воздушных сил (RAF).

20 апреля 1943
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой Джек!

Оч. сочувствую расхворавшемуся — и ведь нет рядом верного старого Г. Л., который скажет, что на сей раз это, пожалуй, смертельно! Ты, должно быть, безутешен. Начинаю думать, что наши встречи по средам — это некий священный долг: иначе с чего бы врагу рода человеческого создавать нам столько помех и препятствий?

Надеюсь вскорости получить от тебя вести поутешительнее. Но ты не волнуйся. Ридли настолько потрясло невежество 22 кадетов, явленное во всей красе на первом же его занятии, что он просто-таки обеими руками уцепился за возможность провести еще одно, тем более что в противном случае на следующей неделе занятий по «практическому а[нглийскому]» не значилось. Ты сможешь (если захочешь) впихнуть «Артура»[91] в какой-нибудь другой день, когда окончательно поправишься. А что до консультаций, так это вообще ерунда.

Боюсь, ты слишком много на себя берешь. Даже если ты всего лишь подцепил грипп, ты, верно, загонял себя до такой степени, что сделался легкой добычей. Как всего лишь «директор», оч. надеюсь убедить тебя отдохнуть от разъездов (по возможн.) и с новой силой взяться за эту кадетскую дребедень. Она меня слегка тревожит. Мне все кажется, будто мой одинокий пулемет, с тех пор, как заработал, упорно бьет мимо цели; нужно еще хотя бы одно орудие мне в поддержку, — в придачу к бесценному Ридли.

Сегодня обедал в авиационной эскадрилье; на краткий миг окунулся в атмосферу, для тебя уже, наверное, давно привычную.

С любовью, Т[92]

P.S. В проверочной работе Ридли в качестве первого задания предложил студентам дать определение следующих слов: apposite, reverend, venal, choric, secular{52} и еще несколько. Никто из кадетов не определил правильно *ни единого* слова.

049 К К. С. Льюису (черновик)

Комментарий по поводу предложения Льюиса, высказанного в работе «Христианское поведение» (1943) о том, что «должно быть два отличных друг от друга вида брака»: христианский брак, неразрывно связывающий брачующихся на всю жизнь, и брачные контракты, регистрируемые только государством и подобных обязательств не налагающие. Этот черновик, по всей видимости, написанный в 1943 г., был обнаружен вложенным в принадлежащий Толкину экземпляр льюисовской брошюры.

Дорогой мой Л.!

Почитал я тут твою брошюру «Христианское поведение»[93]. Мне твои взгляды на христианскую «установку» касательно разводов никогда не нравились. Прежде я никак не мог сформулировать почему: ведь на первый взгляд твоя установка кажется вполне разумной; и, в конце концов, именно по этой системе католики и живут. На данный момент я не стану спорить, в самом ли деле такая установка правильна (на сегодня) и даже неизбежна как ситуация. Но хотелось бы мне указать на то, что твое мнение, высказанное в брошюре, основано на доводе, который свидетельствует о путанице в мыслях, характерной для брошюры в целом.

Стр. 34. «Я, например, знаю, что возмутился бы, если бы магометане постарались запретить всем нам, остальным, пить вино». И справедливо. Для начала рассмотрим только этот пункт. Почему? Ну, если попытаться сразу подняться до рационального уровня, оставив в стороне обычный гнев в адрес того, кто смеет мешать нашим привычкам (хорошим или дурным), ответ следующий: потому что тогда магометан можно будет упрекнуть в несправедливости. Они причинили бы нам зло, против нашей воли лишая нас нашей доли *общечеловеческого права*: употреблять вино в умеренных количествах. Об этом ты сказал со всей ясностью на стр. 13, в замечаниях о «Воздержанности».

А теперь обратимся к стр. 26, 30, 31. Там ты отмечаешь, что на самом деле придерживаешься (вместе с христианской церковью в целом) мнения о том, что *христианский брак* — моногамный, постоянный[94], обязывающий к безоговорочной «верности», на самом деле единственно верный образ сексуального поведения для *всего человечества*: это —

единственный путь к полному здоровью[95] (включая[96] секс на своем месте) для всех[97] мужчин и женщин. То, что это противоречит современной человеческой сексуальной психологии, твоего положения вовсе не опровергает, как ты сам видишь: «Сдается мне, что с нашим инстинктом что-то не в порядке», — говоришь ты. В самом деле, будь это не так, навязывание постоянной[98] моногамии даже христианам оказалось бы недопустимей жестокостью. Будь христианский брак в конечном счете «противоестественен» (также, как, скажем, запрет на употребление мяса в ряде монашеских уставов), его удалось бы предписать лишь особому «целомудренному ордену» в рамках Церкви, а не Церкви в целом. Любой из пунктов обязательной христианской морали действителен не только для христиан (см. самое начало раздела II, «Общественные нормы поведения»)[99]. Ну разве я не прав, утверждая, что, упомянув о магометанах на стр. 34, ты вопиющим образом передергиваешь? Не думаю, что ты можешь подкреплять свою «установку» подобным доводом: ведь он подрывает самые основы христианского брака. А основы состоят в том, что христианский брак — это правильный способ «управления человеческой машиной». Твой же аргумент низводит его всего лишь до способа (может быть?) выжимать из нескольких избранных машин дополнительный пробег{53}.

Ужас христиан, с которыми ты не согласен (а это — большинство во-церковленных христиан), перед юридически узаконенным разводом в конечном счете сводится именно к этому: ужас при виде того, как хорошие машины ломаются из-за дурного с ними обращения. Могу только надеяться, что, если однажды тебе представится возможность внести исправления, этот момент ты прояснишь. Терпимость к разводам, если христианин такое терпит, — это терпимость к дурному обращению с человеком, оправдываемая особыми местными и временными условиями (как, скажем, терпимость к ростовщичеству), если, конечно, развод или подлинное ростовщичество вообще следует терпеть просто-напросто из соображений целесообразности.

Учитывая недостаток места, ты, конечно же, не имел возможности подробнее раскрыть[100] свою «установку» — терпимость к злоупотреблению. Но полагаю, что ты ее обдумал — как практическую линию поведения в современном мире. Ты говоришь о системе двух браков не так, как если бы она подсказывалась только соображениями целесообразности, но как если бы она имела некое отношение к христианской добродетели милосердия. И все же думаю, что отстаивать ее можно только с

позиций целесообразности; так хирург, который, зная, что для здоровья пациента необходима операция, не оперирует, потому что не может (пациент и вздорные советчики пациента ему упрямо не позволяют), или операцию даже не предлагает, ведь Противооперационная Лига настолько могущественна и криклива, что хирург боится взбучки. Христианин из твоей работы, как мы уже убедились, придерживается мнения, что все люди, практикующие «развод» — в том виде, в каком он сегодня юридически узаконен, разумеется, — дурно обращаются с человеческой машиной (какими бы философскими теориями они себя ни оправдывали), — точно так же, как пьяницы (наверняка и у них тоже есть своя философская теория). Своим поведением они причиняют вред себе, другим людям и обществу. А дурное поведение (если с точки зрения универсальных принципов оно и впрямь дурно) неизменно усугубляется: оно никогда не остается на стадии «не очень-то хорошо», «посредственно» — оно либо исправляется либо переходит в никудышное, скверное, омерзительное. Особенно же это справедливо в отношении секса — как ты сам наглядно продемонстрировал своим сравнением между стриптизом и блюдом с ветчиной[101]. Ты также даешь понять, что и сам подозреваешь: сегодняшний отказ от умалчивания в том, что касается темы секса, положения не улучшил, но ухудшил. Как бы то ни было, любому ясно, что невероятное распространение и упрощение «разводов» в наши дни, со времен (скажем) общества Троллопа, обществу немало повредило. Это скользкий путь — и ведет он прямиком к Рено[102] и дальше: собственно говоря, к полному промискуитету, с минимальными юридическими ограничениями; ибо теперь парочка может благополучно развестись, поразвлечься с новыми партнерами, а затем «пожениться повторно». В нынешней ситуации, — она искусственно создается и уже создана, — обыкновенных, чуждых философии и религии людей закон не только *не* удерживает от непостоянства; напротив, к непостоянству они поощряемы и законом, и общественной традицией. Надо ли добавлять, что таким образом создается ситуация, в которой невыносимо трудно воспитать христианское юношество в духе христианской этики касательно секса (которая гипотетически справедлива для всех и которая неизбежно будет утрачена, — сохранение ее зависит как раз от христианского юношества).

Так на каких же основаниях ты расходишься с теми христианами, что последовательно противятся всем попыткам облегчить процедуру развода и распространить ее шире? (Я соглашусь лишь в одном. Я не считаю распространение

положений закона на все классы (вне зависимости от денег и статуса) популяризацией разводов — это скорее справедливость: если, конечно, истинная справедливость может быть заключена во зле. Думаю, в битве столь отчаянной (где решается вопрос столь фундаментальный и жизненно важный) можно оправдать даже противодействие «удешевлению» разводов: отчего бы не спасти бедняков через их бедность? Однако я признаю, что, как политику целесообразности, враг всегда может ее гнусно извратить.)

Хотелось бы мне знать, на каком таком фундаменте ты основываешь свою систему «двух браков»! Я так понимаю (начитавшись Хаксли и прочих), что с биологическо-социологической точки зрения моногамия для людского сообщества, по всей видимости, весьма благотворна. На этом уровне постоянство и строго соблюдаемая верность, на первый взгляд, жизненно необходимыми не покажутся. Все, чего требует «общественный распорядитель», — это вроде бы лишь сравнительно высокая степень сексуального воздержания. Но бывало ли то когда-либо, и возможно ли такое вне «санкций» или обязывающего церковного таинства, что облекает брачный контракт в «благоговение»? Не похоже на то. Битва, возможно, и безнадежна, однако поневоле подозреваю: правы те, кто в этом конфликте закона и религии сражается против *развода*. Sentire cum ecclesia:[103] как же часто обнаруживаешь, что вот он — истинный ориентир. Я говорю это с тем большей готовностью, что в этом вопросе я и сам противился догмату по внутреннему ощущению (не делом, ибо связан спасительным послушанием). Но в ту пору я еще пребывал в заблуждении, что христианский брак — это всего лишь такое особенное поведение, принятое в моей «секте или ордене».

Последний раз, когда я присутствовал при заключении христианского брака, это происходило по твоей системе: жених и невеста «поженились» дважды. Сперва они сочетались браком перед свидетелем от Церкви (священником), используя один набор формул и дав клятву хранить верность до самой смерти (а женщина поклялась в послушании); а затем сочетались браком еще раз, перед свидетелем от государства (регистратором, который в их случае оказался женщиной — на мой взгляд, это еще больше усугубило непристойность происходящего), используя другой набор формул и не обещая ни верности, ни послушания. На мой взгляд, омерзительная была процедура — и притом нелепая, поскольку первый набор формул и обетов уже включал в себя второй, как менее значимый. Собственно говоря, эпитет «нелепый» возможно убрать, только исходя из допущения, что государство на самом деле тем самым утверждает, пусть не

прямо, а косвенно: «Вашей церкви я не признаю; может, вы и обменялись какими-то там клятвами в месте ваших сходок, но это все вздор, личные табу, бремя, которое вы сами на себя взвалили; ограниченный, кратковременный контракт — вот и все, что на самом деле нужно для наших граждан». Иными словами, это самое «размежевание» — образчик пропагады, антипроповедь, адресованная молодым христианам, только что внимавшим торжественным словам христианского священника.

Здесь черновик заканчивается.

050 Из письма к Кристоферу Толкину 25 октября 1943

Тополя уже облетели, если не считать нескольких листиков на верхушке; и все-таки здесь у нас еще зелено и листвы полным-полно, несмотря на конец октября. Березки красивы, как никогда: кора снежно-белая под бледно-желтым солнцем, а сохранившиеся еще листочки сияют бледным золотом. В пятницу пришлось заночевать в штабе ГО[104]. Нынче вечером отправляюсь на дружеские посиделки к Льюису, вместе с… Джоу-дом из Джоуд-холла![54]

051 Из письма к Кристоферу Толкину 27 октября 1943

С. Э. М. Джоуд, известный благодаря своей радиопрограмме Би-би-си «Мозговой трест»{55}, только что опубликовал работу под названием «Возвращение к вере», свидетельство того, что автор от агностицизма вернулся к христианству. Он получил приглашение на ужин к Льюису в Модлин-Колледж.

В 9 отправился в Модлин, полюбовался на Джоуда. Он во всем (кроме черт лица) не только смахивает на жабу, но и характер у него точь-в-точь, как у мистера Жаба из Жаб-холла; вот теперь я вижу, что автор шутки проницательнее, чем мне казалось. И все же он умен, доброжелателен, и по многим ключевым вопросам наши мнения совпали. Он славится тем, что побывал в России — и преисполнился к ней отвращения. По его словам, «новые города» едва дотягивают до уровня Уиллздена{56}, а страна вообще ни до чего не дотягивает. Дескать, садишься ты в поезд, смотришь в окно, потом берешься за книгу, читаешь в течение нескольких часов, снова выглядываешь в окно — а снаружи ничто не говорит о том, что поезд трогался с места!

052 Из письма к Кристоферу Толкину 29 ноября 1943

Летом 1943 г. Кристофер в возрасте восемнадцати лет был призван в Королевские ВВС Великобритании. В момент написания этого письма он проходил обучение в тренировочном лагере в Манчестере.

Мои политические убеждения все больше и больше склоняются к Анархии (в философском смысле — разумея отмену контроля, а не усатых заговорщиков с бомбами) или к «неконституционной» Монархии. Я арестовал бы всякого, кто употребляет слово «государство» (в каком-либо ином значении, кроме «неодушевленное королевство Англия и его жители», то, что не обладает ни могуществом, ни правами, ни разумом); и, дав им шанс отречься от заблуждений, казнил бы их, ежели бы продолжали упорствовать! Если бы мы могли вернуться к именам собственным, как бы это пошло на пользу! Правительство — абстрактное существительное, означающее искусство и сам процесс управления; писать это слово с большой буквы или использовать его по отношению к живым людям должно объявить правонарушением. Если бы люди взяли за привычку говорить «совет короля Георга, Уинстон и его банда», как бы это прояснило мысли и приостановило жуткую лавину, увлекающую нас в Кто-то-кратию. Как бы то ни было, Человеку должно изучать что угодно, кроме Человека; а уж самое неподобающее занятие для любого и даже святых (они-то, по крайней мере, соглашались на него с крайней неохотой) — это распоряжаться Другими людьми. На миллион человек не найдется ни одного, кто бы подходил для такой роли, а уж менее всего — те, что к ней стремятся. По крайней мере, проделывается это с очень небольшой группкой людей, отлично знающих, кто их хозяин. Люди Средневековья были абсолютно правы, когда лучшим доводом, какой только мог привести человек в пользу того, чтобы его избрали епископом, считалось *nolo episcopari*[105]. Дайте мне короля, который интересуется главным образом марками, железными дорогами или скачками; который обладает властью уволить своего визиря (или как бы уж он там ни прозывался), если монарху вдруг не понравился покрой его брюк. И так далее, в том же духе. Но, конечно же, слабое место всего этого, — в конце концов, речь идет лишь о слабом месте всего хорошего и естественного в дурном, испорченном, противоестественном мире, — в том, что

оно срабатывает и срабатывало лишь тогда, когда весь мир валял дурака старым, добрым, бездарным, привычным человеку способом. Вздорные, тщеславные греки умудрились выстоять против Ксеркса; однако гнусные инженеры и химики вложили такую силу в Ксерксовы руки и во все государства-муравейники, что у людей порядочных, похоже, никаких шансов не осталось. Все мы пытаемся уподобиться Александру, а, как учит история, именно так Александр и все его военачальники набрались восточного духа. Бедный олух вообразил (или попытался внушить людям), что он — сын Диониса, и умер от пьянства. Та Греция, которую стоило спасать от Персии, все равно погибла, превратилась в нечто вроде Эллады Виши{57}, или Эллады Сражающейся (которая вовсе даже и не сражалась), рассуждающую об эллинской чести и эллинской культуре и богатеющую за счет продажи древнего эквивалента сальных открыток. Но особый ужас современного мира состоит в том, что весь он, треклятый, — в одном мешке. И бежать некуда. Подозреваю, что даже несчастные маленькие самоеды питаются консервами, а деревенский репродуктор рассказывает им на ночь сталинские сказочки про Демократию и гадких фашистов, которые едят младенцев и воруют упряжных собачек. Есть во всем этом лишь одна светлая сторона, и это — крепнущая привычка недовольных взрывать фабрики и электростанции; надеюсь, что этот обычай, ныне поощряемый как проявление «патриотизма», со временем войдет в привычку! Да только что с того толку, если привычка эта не распространится по всему миру!

Ну да ладно, всего тебе хорошего, дорогой мой сынок. В темную пору мы родились, в неподходящее (для нас с тобой) время. Утешение одно: в противном случае мы так и не узнали бы и не полюбили бы так сильно все то, что на самом деле любим. Думается мне, только рыба, вынутая из воды, имеет хоть какое-то представление о том, что такое вода. Кроме того, остались же у нас еще наши маленькие мечи. «Не сдамся пред Железною Короной, не отшвырну свой скипетр золоченый»[106]. Задай же оркам жару, забросай их крылатыми словами, hildenжddran (гадюками битвы), острыми стрелами — но только, прежде чем стрелять, хорошенько прицелься.

053 Из письма к Кристоферу Толкину 9 декабря 1943

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой!

Сдается мне, я тебе вот уже неделю не писал, или даже больше? Не помню в точности, жизнь такая суматошная….. К. С. Л. вот уже много недель не видел, дай Уильямса тоже[107]… Труд(ы) дневной(ые) и общность цели ++ дадут нам куда больше, чем мы на самом деле хотели{58}. Никакого буйного веселья, никаких развлечений; никаких новых и ярких идей; ни даже единой малюсенькой шуточки. Читать нечего — даже в газетах сплошная тегеранская шумиха[108] и ничего больше. Хотя, должен признать, что улыбнулся-таки этакой болезненной улыбочкой и «на пол перенес свой вес, к событиям дальнейшим вдруг утратив интерес»{59}, когда услышал, как этот кровожадный старый убийца Иосиф Сталин приглашает все нации присоединиться к счастливой семье народов, ратующей за избавление от тирании и нетерпимости! Надо признаться, что на фотографии главным злодеем *выглядит* все-таки наш милый херувимчик У.С.Ч.[109]. Гм, ну что ж! Интересно, оставят ли в мире, хотя бы из милости, укромный уголок для таких отсталых реакционеров, как я (и ты), если мы вообще переживем эту войну? На фоне всеобщего укрупнения шар земной делается все мельче и скучнее, и все более плоским. Вскорости весь мир превратится в один жалкий заштатный городишко, будь он неладен. Когда американская гигиена, подъем боевого духа, феминизм и поточное производство распространятся по всему Ближнему Востоку, Среднему Востоку, Дальнему Востоку, СССР, Пампасам, Гран-Чако, Дунайскому бассейну, Экваториальной Африке, Где-то-Таму и Внутренней Мумбо-Юмбо, по Гондване{60} и Лхасе, и деревням самых глухих уголков Беркшира, то-то счастливо мы все заживем! По крайней мере, на путешествиях удастся сэкономить. Ехать-то будет некуда. Так что люди (я полагаю) станут перемещаться еще стремительнее. Кол. Нокс[110] утверждает, что 1/8 населения мира говорит «по-английски» и что это — самое большое языковое сообщество. Если и так — то позор и еще раз позор, говорю я. Да поразит проклятие Вавилона все языки их, так, чтобы могли они выговорить разве что: «Бе-е-ее!» Смысл будет примерно тот же. Думаю, придется мне решительно и бесповоротно перейти на древнемерсийский.

Если серьезно, этот американский космополитизм меня и впрямь изрядно пугает. Как воплощение разума и духа, и презрев ничтожные страхи боязливой плоти, которой совсем не хочется быть изрешеченной пулями или изрубленной на куски зверской и беспутной солдатней (немецкой или любой другой), я на самом деле не уверен, что в конечном счете его победа миру в целом пойдет больше на пользу, нежели победа — — [111]. Не думаю, что *входящие* письма просматриваются. Но так это или нет, мне и добавлять не нужно, что таковы настроения многих и многих людей — причем о недостатке патриотизма они вовсе не свидетельствуют. Ибо я горячо люблю Англию (не Великобританию и, уж разумеется, не Британское Содружество (грр!); и будь я призывного возраста, я, надо думать, сейчас бы ворчал и брюзжал на боевых позициях, готовясь биться до последнего и неизменно надеясь, что для Англии все обернется лучше, нежели можно ожидать в сложившихся обстоятельствах. Порою у меня просто в голове не укладывается, что фантастическое везение (или благословение, как сказали бы мы, кабы понимали хоть смутно, с какой стати нас благословлять, — я имею в виду Господа), неизменно сопутствующее Англии, похоже, иссякает. «Chi vincera»{61} — спросили итальянцы (до того, как влипли сами, бедолаги), и Сталин ответил. Возможно, это не вполне справедливо. Наш вышеупомянутый херувимчик и сплутует — недорого возьмет; аты гадаешь, надеешься, пребываешь в неведении…..

Твой родной папа.

054 Из письма к Кристоферу Толкину 8 января 1944

Помни о своем ангеле-хранителе. Нет, не о пухленькой дамочке с лебедиными крыльями! Но — по крайней мере таковы мои представления и ощущения, — как души, наделенные свободой воли, мы, если можно так выразиться, поставлены так, чтобы смотреть в лицо (или быть в состоянии посмотреть в лицо) Господу. Однако Господь (так сказать) находится и у нас за спиной, поддерживая и питая (как существ тварных). Вот это яркое средоточие силы, эта точка соприкосновения со спасательным тросом, этой духовной пуповиной — это и есть наш Ангел, глядящий одновременно в обе стороны — на Господа позади нас, в направлении, нам недоступном, и на нас. Но, конечно же, не уставай глядеть и на Господа — по своему собственному праву и насколько хватит сил (и то, и другое даются нам «сзади», как я уже сказал). Если в час невзгод не можешь обрести внутреннего мира, а это дано столь немногим (мне меньше прочих), не забывай, что стремление к тому — не тщеславие, но конкретное действие. Извини, что так говорю, да притом еще и так невразумительно….. Но ведь ничего больше я сделать для тебя не могу, родной ты мой…..

Введи в привычку «молитвенные обращения», если до сих пор того не сделал. Я к ним часто прибегаю (на латыни): Gloria Patri, Gloria in Excelsis, Laudate Dominum, Laudate Pueri Dominum (эту я особенно люблю), один из воскресных псалмов и Magnificat; и еще литанию Лоретто (с молитвой Sub tuum praesidium)[{62}]. Если знаешь их наизусть, никогда не испытаешь недостатка в словах радости. Так же хорошо и похвально помнить чин мессы, чтобы произносить его в сердце своем всякий раз, когда суровые обстоятельства не позволяют тебе пойти на службу. Засим завершается Fжde lбr his suna[112]. С огромной любовью.

> Longap юonneюhy lжs юe him con lйоюha worn,
> оююе mid hondum con hearpan grйtan;
> hafaю him his glнwes giefe, юe God sealde.

Из Эксетерской книги. «Менее тоска тревожит того, кто знает множество песен или умеет руками прикасаться к арфе: удел его — дар «радости[{63}]» (=музыки и/или поэзии), коим наделил его Господь». Как же старинные эти слова потрясают нас из тьмы

глубокой древности! «Longap»! Во все эпохи люди ее ощущали (родственные нам души — особенно остро): тоска эта не обязательно вызвана страданием или суровостью мира, но обостряется благодаря им.

055 Из письма к Кристоферу Толкину

Теперь Кристофер отбыл в Южную Африку, учиться на летчика. Это — первое из длинной череды писем от отца к сыну; письма эти были пронумерованы, в силу оговоренных ниже причин.

18 января 1944
Нортмур-Роуд, 20. Оксфорд

Fжder his юriddan suna (1) [113]
Дорогой мой!

Боюсь, давненько я тебе не писал (по крайней мере, так мне кажется; на самом-то деле восемь дней прошло); однако я просто не совсем знал, что делать, пока вчера не пришло от тебя письмо….. Очень рад, что до отъезда ты получил-таки последнее мое длинное послание! Конечно же, мы пока не знаем, когда ты отбыл, и куда…..

Прочел вчера две лекции, затем потолковал с Габриэлем Тервилл-Питром[114] насчет Кардиффа….. Как раз успел к последней почте с моим кардиффским отчетом. Потом пришлось идти спать (???) в штаб ГО[115]. По части сна не преуспел — то есть не слишком. Мне отвели комнатушку СЗЗ: ужасно сырую и холодную. Однако благодаря эпизоду, меня весьма растрогавшему, эта ночевка запала мне в душу. Моим товарищем по несчастью оказался Сесил Роут (высокоученый историк-иудей) [116]. Оказался он человеком просто очаровательным, мягким и кротким (во всех отношениях); так что заболтались мы за полночь. Работающих часов в комнате не было, так что он одолжил мне свои, наручные: и тем не менее сам зашел и окликнул меня без десяти семь, чтобы я не опоздал к Причастию! Просто-таки мимолетный отблеск непадшего мира! Вообще-то я уже проснулся и как раз (как оно обычно за людьми водится) изобретал тысячу причин (иных, нежели усталость и невозможность побриться или хотя бы умыться), чтобы никуда не идти, — дескать, хорошо бы попасть домой пораньше, отпереть двери-окна, снять затемнение и все такое. Но появление этого кроткого иудея и то, как серьезно посмотрел он на четки у моего изголовья, решило дело. К Св. Алоизию я явился в 7.15, как раз вовремя, чтобы исповедаться перед мессой; а домой вернулся незадолго до окончания службы…..Прочел лекцию в 11 (забрав

предварительно рыбу[117]); удалось потолковать по душам с братьями Льюис и Ч. Уильямсом (в «Белой Лошади»)[118]. Вот, пожалуй, и все мои основные новости. Вот разве что наши *грязнухи*[119] не несутся; впрочем, логово их все равно чистить приходится…..

Начиная с сегодняшнего дня буду нумеровать каждое письмо и каждую страницу, так, чтобы ты знал, если что-то потеряется — а суть важных новостей можно будет пересказать заново. Это (№ 1) of Pater ad Filium Natu (sed haud alioquin) minimum:[120] Fжder suna his бgnum, юбm gingstan nalles unlйofestan[121]. (Полагаю, профессору древнеанглийского дозволено обращаться на сем языке к бывшему ученику? В случае чего — запрос к цензору.) По-русски писать не умею, а польский мой до сих пор оставляет желать лучшего. Небось бедный старина Поптавский[122] скоро начнет гадать, как я там продвигаюсь. Ох, и не скоро же смогу я ему посодействовать в составлении нового технического словаря!!! Впрочем, слов, как-нибудь да сложится сам по себе (если, конечно, на земле еще останутся поляки и Польша)….

056 Из письма к Кристоферу Толкину 1 марта 1944 (FS 6)

Касательно «Горе-Лекаря» см. вводные пояснения к письму № 48.

За последние недели я почти ни с кем не виделся, так что не смогу привести ни остроты, ни шутки, ни иного увеселительного словца. Горе-Лекарь снова в Оксфорде! Пожалуй, единственная ниточка, за которую я потянул, — и колокольчик звякнул. Так что вот он — форма, рыжая борода, ленивая улыбка — все при нем, по-прежнему служит во флоте, однако живет дома, работает в исследовательском бюро (тема — малярия). Он, похоже, всем доволен, бюро — тоже. Все благодаря «Митре»{64}: там-то я и запросил о его местонахождении: дескать, срочно требуется, без него — никак. В ту пору он находился на другой стороне земного шара. Льюис энергичен и весел, как всегда, вот только становится слишком известен — вся эта шумиха не по вкусу ни ему, ни нам. «Петерборо»{65}, обычно вполне здравомыслящий, оказал ему сомнительную честь в высшей степени превратным и идиотским абзацем в «Дейли телеграф» за прошлый вторник. Начинался он со слов: «Аскетический мистер Льюис» — !!! Это же надо! За нашу очень недолгую встречу не далее как нынче утром, он «уговорил» три пинты и сказал, что «соблюдает воздержание по случаю Великого Поста». Думаю, все, что мы читаем в печати касательно Тома, Дика и Гарри, соответствует истине примерно на столько же. Лучше бы газетчики оставили в покое *людей* и попытались понять, что те *говорят* (если оно того стоит): в любом случае должны же у них быть хоть какие-то критерии, не позволяющие сообщать о людях заведомую неправду, даже если неправда эта (вопреки обыкновению) не является неприятной, досадной или просто оскорбительной…..

По-прежнему очень холодно. Прошлой ночью шел снег. Однако мартовское солнце набирает силу, это точно. Кустики желтых крокусов уже расцвели, а бело-лиловые только вылезают; на ветвях — зеленые почки. Я вот гадаю, а как тебе — сезоны «в обратном порядке» к югу от экватора? У вас там, наверное, что-то вроде начала сентября, так? Мое самое первое воспоминание о Рождестве — это паляще-жаркий день[123].

057 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 30 марта 1944 (FS 12)

Вчера виделся с обоими бр. Льюис и обедал с К. С. Л.: простотаки выход в свет! Сей неутомимый труженик прочел мне кусок нового своего произведения! А сам меня так и теребит, чтобы я свою книгу заканчивал. В нажиме со стороны я и впрямь нуждался, так что, наверное, даже отзовусь; но от «каникул» уже добрая половина прошла, а экзам. дебри только-только расчищены.

058 К Кристоферу Толкину

Описание поездки в Бирмингем, куда Толкин был приглашен на обед, устроенный новым директором его бывшей школы короля Эдуарда; с тех пор, как Толкин там учился, школа переехала в новое здание в другой части города.

3 апреля 1944 (FS 13)
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой!

В прошлый четверг вечером написал тебе микрофильмированное письмо[124], но, к сожалению, отослать его в пятницу не удалось, а в субботу я спозаранку в страшной спешке укатил в Брам{66}. Так что ушло оно только сегодня. От тебя со времен последнего, от 13 марта (доставлено 28), — никаких вестей. Насчет пятницы ничего толком не помню, крометого, что утро убито на хождение по магазинам и стояние в очередях: результат — кус пирога со свининой; да вот еще в колледже пообедал — обед оказался жутко скверный и удручающе скучный, так что я счастлив был оказаться дома еще до девяти. Опять вернулся к «Хоббиту», понемножечку его поклевываю. Начал работу (тяжкую и нудную) над главой, где речь вновь заходит о приключениях Фродо и Сэма; чтобы настроиться, переписывал и шлифовал последнюю написанную главу (Камень Ортанка). Суббота — незабываемый день. Пасмурный, сырой, мерзкий. Все равно встал около девяти. На велосипеде допилил до Пембрука, там оставил машину и фонари. Успел на поезд 9.30, каковой (не иначе как только потому, что выехал я с запасом) отправился из Оксфорда вовремя (!!!), впервые в истории человечества, и в Брам опоздал всего на несколько минут. В одном вагоне со мной оказался офицер Королевских ВВС («крылышки» этой войны: побывал в Южной Африке, хотя на вид и староват) и очень приятный офицер-американец, из Новой Англии{67}. Я терпел их болтовню, сколько мог, но едва янки принялся разглагольствовать о «феодализме» и его влиянии на английскую систему классовых различий и социальное поведение, я открыл огонь. Бедный олух, конечно же, ни тени представления не имел ни о «феодализме», ни об истории в целом — он оказался инженером-химиком. Однако из американской головы «феодализм» ни за что не вышибешь, точно так же, как и «оксфордский акцент». Думаю, какое-то впечатление

я на него произвел, сказав, что английская манера обращения с носильщиками, дворецкими и торговцами имеет такое же отношение к «феодализму», как небоскребы — к вигвамам краснокожих, или обычай снимать шляпу перед дамой — к современным методам сбора подоходного налога; однако держу пари, он остался при своем мнении. Впрочем, мне удалось-таки вбить в его голову некое смутное представление о том, что «оксфордский акцент» (под этим термином он любезно подразумевал мой) не «обязаловка» и не «выпендреж», но нечто вполне естественное, усвоенное во младенчестве, — и потому ровным счетом нечего феодального и аристократического в нем нет; напротив, это изобретение вполне себе среднего класса, сиречь буржуазии. После того как я сообщил ему, что его собственный «акцент» мною воспринимается как английский, по которому прошлись грязной губкой, и в общем и целом наводит английского наблюдателя на мысль (ложную) о нации неряшливой и невоспитанной, тем более в сочетании с американской привычкой сутулиться, — вот тут-то мы даже подружились. Мы выпили прескверного кофе в привокзальном буфете на Сноу-Хилл{68} и распрощались.

Я пошел побродил немного по «родному городу». Если не считать ужасающей горы обломков (напротив того самого места, где когда-то стояла моя школа), похоже, город не слишком-то пострадал; во всяком случае, не от рук врагов. Что город действительно портит — так это рост огромных, унылых, безликих современных зданий. А хуже всего — гнусное многоэтажное сооружение на месте школы. Я долго не выдержал; а тут еще призраки прошлого, что встают над мостовой; так что я сел на трамвай на том же самом углу, где обычно на него садился, чтобы ехать за город, на стадион. По раздолбанной (тут и там изрытой бомбами) Бристоль-Роуд до Эдж-бастон-Парк-Роуд к 12.15 (на полчаса раньше, чем следовало). Не буду утомлять тебя своими впечатлениями от омерзительных, абсолютно третьесортных новых школьных построек. Просто попытайся себе представить, как здание, с которым не сравнится большинство оксфордских колледжей, заменено на некое подобие школы совета{69} для девочек, — и ты поймешь и оценишь мои чувства. И чувства нового директора, по всей видимости. В своей послеобеденной речи он намекнул (если не сказал прямо), что приходится им несладко и школа вовеки от удара не оправится, если ничего так и не будет сделано. Присутствовало около 120 «старичков» (приглашали 220); многие — моего поколения. Этих лиц я не видел с тех самых пор, как был в твоем возрасте; и с многими сумел бы соотнести разве что *инициалы*, но не имена.

Все Старожилы-Эдвардианцы помнят инициалы. К вящему моему изумлению, я обнаружил, что меня помнят главным образом за мои подвиги в рэгби (!!) и за приверженность к цветным носкам…..

059 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 5 апреля 1944 (FS 14)

Я твердо намерен закончить книгу и серьезно взялся задело: засиживаюсь допоздна; необходимо массу всего перечитать заново и исследовать подробно. И до чего же тягомотное это дело — снова включаться в работу. Я вернулся к Сэму с Фродо и пытаюсь продумать их приключения.

Несколько страниц — а с меня уже семь потов сошло: на данный момент они как раз встречают Голлума на краю пропасти. Сколько же труда вложил ты в перепечатку, как же красиво переписаны главы! До чего ж мне не хватает рядом моего личного секретаря и критика.

060 К Кристоферу Толкину (микрофильмированное письмо)

К тому моменту Кристофер уже прибыл в Южную Африку и находился в лагере в Трансваале.

13 апреля 1944 (FS 15)
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой: твое авиаписьмо от 25 марта (?), со штемпелем от 28 числа, пришло нынче утром: и добро ему пожаловать. Весточки от меня, надо думать, уже начали поступать: я писал примерно дважды в неделю. Не буду комментировать твое письмо, хотя мне оч. жаль. Воображаю, что чувствуешь ты! Особенно насчет отмененного отпуска. Кстати, письмо твое было «deur Sensor oopgemak»[125]. Похоже на то, что с самого сентября ты ничего толкового не делал! Тоже скучаю по тебе ежечасно; мне без тебя страх как одиноко. Конечно же, у меня есть друзья, да только вижусь я с ними крайне редко. Впрочем, сейчас вроде бы стало чуточку полегче. Сегодня помогал с приемом кадетов (такая же орава, как всегда), но, насколько я понимаю, в этом триместре они уже — не моя забота; о радость! Вчера почти два часа общался с К. С. Л. и Чарльзом Уильямсом (сбежал пораньше, потому что в 12.20 должен был пообедать с М. и П.[126]; с обедом не сложилось, так что пришлось нам вернуться домой). Прочел последнюю главу: ее одобрили. Начал следующую. По возможности попрошу перепечатать несколько лишних копий, чтобы послать тебе. Кажется, вот и все новости….. Собственно говоря, сегодня вечером иду в Модлин: К. С.Л., Уорни[127] (книгу пишет; весьма захватывающую), Ч. У., Дэвид Сесил[128] и возм. Горе-Лекарь (по-прежнему при бороде и в форме): для меня — целое событие….. А теперь вернусь-ка ненадолго к Фродо с Голлумом. Завтра, как только отошлю вот это, напишу больше….. Суббота, 15. Боюсь, не отослалось. В четв. очень приятно провел время. Явились все, кроме Сесила; засиделись за полночь. Лучшим развлечением оказалась глава из будущей книги майора Льюиса — на тему, мне неинтересную: двор Людовика XIV; однако написана она весьма остроумно (и эрудированно). Вот о заключительной главе нового произведения К. С. Л. я не столь высокого мнения — это моральная аллегория или «видение», основанное на средневековом мифе о «Рефригериуме», согласно которому погибшие души время от времени отправляются на

отдых в Рай. Сегодня утром выкроил часок-другой на сочинительство и довел Фродо почти до врат Мордора. Днем косил лужайку. Миссис К.[129] благополучно вернулась из Кармартена в четв., привезла съедобные гостинцы….. До десяти вечера вкалывал наученияx, устал страшно, затем поужинал с семьей и отправился «спать» в окружной штаб. Не преуспел: просто-таки глаз не сомкнул. Штаб стоит на самом шоссе: ночами ужасно шумно….. Сегодня мы с М. чаевничаем с Николом Смитом[130], а я ужинаю с Элейн[131] и прочими на небольшой вечеринке для донов. Славная неделька выдалась. А на следующей неделе начинается триместр, и работы из Уэльса уже пришли[132]. И все-таки буду продолжать «Кольцо» всякий раз, как удастся выкроить минутку…..

061 Из письма к Кристоферу Толкину 18 апреля 1944 (FS 17)

Сегодня великий день — пришла целая кипа твоих писем, так что позавтракали мы с большим опозданием….. Твои рассказы, цензуре не подвергшиеся, меня глубоко огорчили, но не удивили. Как мне это все напоминает мой собственный опыт! Только в одном мне повезло больше: радио в ту пору еще не изобрели. Полагаю, некие благие задатки в нем есть, но на самом-то деле оно по большей части превратилось в оружие для глупца, дикаря и злодея, дабы с его помощью угнетать меньшинство и уничтожать мысль. Радиослушание убило умение слушать. Могу лишь надеяться, что никаких новых «Альтмарков»[133] тебя не ждет! Я всегда был против твоего выбора рода войск (он устарел на целую войну); но по крайней мере авиация избавит тебя по большей части от животного ужаса боевой службы на земле — скажем, окопной войны, что выпала мне. Даже ХП[134] в сравнении с этим — просто Рай земной, да и «Альтмарк» (вероятн.) немногим хуже. По крайней мере, сейчас тебе урывками удается читать. Я очень рад. Господь благослови тебя. Þys dygor юu geюyld hafa wйana gehwylces, swб ic юe wйne to[135]. Да позволят мне цензор (и ты) процитировать древнего *английского* поэта, — а я не могу избавиться от мысли, что эти строчки куда уместнее в обращении отца к сыну, нежели в речах юного Беовульфа (примерно твоего возраста), к седобородому Хродгару! Þre жghwylc sceal ende gebidan worolde lнfes: wyrce se юe myte domes жr dйape[136]. Холодный, суровый совет; во многом зависит как от «того, кто сможет», так и от того, что подразумевать под «dym».

Я удивляюсь, что, отведав и невзлюбив прямо противоположное, ты также проникся антипатией к «манерам» стопятидесятилетней давности (примерно), как их описывает Джейн [Остин]. От этого всего мало что осталось, вот разве что пережитки правил поведения за столом (среди убывающего меньшинства). Но на самом деле жизнь они несказанно упрощали и сглаживали, снижали трения и неопределенность; маскировали или даже сдерживали (как и правила поведения за столом) неизменных кота, волка и пса, что таятся под самой нашей светской шкурой…..

Надеюсь повидать завтра утром К. С. Л. и Чарльза У. и прочесть мою новую главу — о переходе через Мертвые болота и о приближении к Вратам Мордора; я ее практически закончил. В

воскресенье убил сколько-то времени, отвечая на письмо из Восьмой армии (!). Я таких получаю великое множество, но это оказалось презабавным. «Профессора королевской кафедры{70} английского языка» просили вынести решение в споре, из-за которого столовая некоего легкого зенитного полка Королевской артиллерии раздираема войной фракций: как правильно читается имя поэта Купера (Cowper){71}. На кон поставлены Большие Деньги. Письмо было от адъютанта (который сего поэта, похоже, «в беспутной молодости» читал, причем даже «Задание»). Не могу избавиться от мысли, что в Армии встречаются проблески ума и образованности, — может, и ты в один прекрасный день на службе с чем-то подобным столкнешься (mais je le doute{72}). Сочтя, что недостойно «профессора королевской кафедры» выносить решение в вопросе Больших Денег, я послал ответ в самом что ни на есть дельфийско-оракульском духе, сообщив адъют. куда больше информации, нежели тот, я полагаю, хотел. Не то чтобы приходилось сомневаться в том, что сам поэт называл себя Купер (*Cooper*) (фамилия его — не более чем вариант старого написания): *oup, owp* в английском языке передается через *oop*: нет там никаких *aup* (как в латыни): так что — *stoup, group, soup,* а раньше также и *droup, stoup* (глагол), *troup, coup(er), whouping-cough, loup* и т. д. (не говоря уже о *mum, toumb*{73}). Вчера нас навестил Ф. Пакнем[137]: он организует в нашем городе объединенный Христианский Совет, куда войдут представители всех конфессий; то же самое сейчас происходит и в 50 других городах. В Совет я вступил, но от предложенной должности секретаря отказался (уж будь уверен!). Триместр уже можно считать что начался: час занимался с мисс Салю[138]. Вторую половину дня убил на водопровод (ликвидировал потоп) и вычищал курятник — уже с большей охотой, ведь птицы обильно несутся (вчера опять 9). Чудесное сегодня выдалось утро. Туман, вроде как в начале сент., в котором солнце — как перламутровая пуговица (8 утра, на самом деле 6{74}), вскорости сменился безмятежной голубизной, на цветах и листьях — серебристый отсвет весны. Листочки уже распустились: бело-серые на айве, серо-зеленые на молодых яблоньках, ярко-зеленые на боярышнике, даже ленивцы-тополя украсились сережками. Нарциссы смотрятся изумительно, но трава растет так быстро, что я чувствую себя парикмахером, очередь к которому ну никак не убывает (и не китайцев, нет, чтобы чик — и готово!)

Выразить не могу, как я по тебе скучаю, дорогой ты мой. Я бы и не возражал, будь ты счастливее или занимайся ты делом более полезным. До чего же все это глупо! — а война умножает глупость на 3, а затем возводит во вторую степень: так что

драгоценные дни человека подчиняются формуле $(3x)^2$, где x = стандартная человеческая бестолковость (и это прескверно). Однако надеюсь, что впоследствии опыт в том, что касается людей и вещей, хоть и болезненный, окажется небесполезен. Мне он пригодился. Касательно того, что ты говоришь или намекаешь о «местных» условиях: мне они знакомы. Не думаю, чтобы они сильно изменились (даже к худшему). Я слыхивал, как о них рассуждает моя матушка; и с тех пор та часть мира меня особенно интересует. Обращение с цветными повергает в ужас едва ли не всякого приезжего из Британии, и не только в Южной Африке. К сож., немногие сохраняют это благородное чувство надолго. Про положение дома ничего не скажу. Ты (полагаю) услышишь по радио все, что в моих силах тебе рассказать. На сегодня у нас все благополучно. Ждем. Интересно, долго еще осталось? Наверное, нет. Из газет узнал, что в Канаде выпуск экипажей сокращается; да и повсюду в целом авиационных экипажей готовят все меньше. Из твоего письма вроде бы следует, что ты уже не надеешься приехать в В.Б. для окончания подготовки. Надеюсь все же, что все сложится иначе. Но кто знает? Все мы — в руках Господа. В дурные времена довелось нам родиться; но вряд ли по чистой случайности. Береги себя всеми подобающими способами (aequam serva mentem, comprime linguam[139])…

062 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 23 апреля 1944 (FS 18)

Утром в ср. прочел вторую главу, «Путь через Мертвые болота», Льюису и Уильямсу. Они одобрили. Я уже и третью почти закончил: «Врата Земли Теней». Но история подчиняет меня себе; я уже целых три главы написал там, где предполагалась одна! И слишком многое ради этого запустил. С головой в нее ушел; приходится силой отрывать себя от книги, чтобы заняться проверкой экзаменационных работ и лекциями (начинаются со вторника).

063 К Кристоферу Толкину 24 апреля 1944 (FS 19)

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой Крис!

Твое авиаписьмо….. пришло нынче утром, во время завтрака. Я позволил себе редкую роскошь поваляться в постели, с тостом с домашним повидлом (в последнее время апельсинов и лимонов полным-полно) и твоим письмом. День Св. Георгия прошел бессобытийно; я «дежурил», не смыкая глаз, до 1.30 утра, а тогда решил отправиться на покой: сейчас так тепло, что можно спать с открытыми окнами, и сигнал тревоги непременно услышишь. Я как раз задергивал занавески, как вдруг заметил оч. яркий белый свет на ю.-з.{75}, и, не успел я забраться под желанные простыни, как тут-то и взвыла Улиссова Угроза[140]. Так что в постель я вернулся уже после 3.30, заснул не раньше 4, проснулся не раньше 8.45, встал не раньше 9.45….. Остаток утра провел в городе, за мелкими делами; среди прочего — сжал нивы на голове; урожай обильный: видать, почва до сих пор плодородная. «Митра»[141] стояла запертой! Пива не пробовал с прошлого четверга, когда наш бочонок опустел, а нового так и не поставили. Завтра у меня лекции, так что прервусь ненадолго…..

Ср. 26 апреля…..Вчера ощутил последствия воскресной ночи. Спозаранку съездил в город, исполнил кое-какие формальности по завещанию для миссис Райт[142], прочел скверную лекцию, ½ часа общался с Льюисами и Ч.У. (в «Белой лошади»); скосил три лужайки, написал письмо к Джону, поборолся с неподатливым эпизодом «Кольца». На данный момент мне необходимо знать, насколько позже луна встает каждую ночь в преддверии полнолуния и как именно тушат кроликов! Льюиса нынче утром не было; он получил должность лектора Кларка в Кембридже и по средам спозаранку уезжает туда, на лекции в 5 вечера…..

3.45, ср. Рекордное собрание колледжа (12 ½ минуты)! Вернулся, обнаружил, что Бидди опять разбила яйцо (уже, наверное, седьмое); отчаявшись, что этим делом займется «птичница», поразвлекся на славу, ловя ее (курицу, то есть), чистя ее, приводя в порядок, дезинфицируя птичку — а потом и себя. Грр! Четвертой лужайке придется подождать. Очень рад, что тебе удалось-таки побывать в церкви в конце Страстной недели, хотя не очень-то доволен этими твоими «собратьями-христианами» (even-chris-tians, как это называлось в др. — и среднеанглийском)

[143]. Однако ж тут ничем не поможешь. Единственное, что утешает, так это внезапно пришедшая мысль: один из них, возм., судит о себе несправедливо, — не без оснований, пожалуй, исходя из того, как человек выглядит и как себя ведет; но при этом он столь же далек от истинного видения своего внутреннего «я», как и любой из нас. God anawat[144]. Но проповеди! До чего же кошмарны, правда? Большая их часть, по крайней мере. Разгадка этой тайны, пож., не так уж и проста; однако частично в том, что «риторика» (а проповедование в эту область как раз и входит) — это искусство, для которого требуется (а) врожденный талант и (б) образование и практика. Здесь пользуются инструментом оч. сложным, куда сложнее пианино, и, однако ж, большинство исполнителей уподобляются человеку, который садится за пианино и рассчитывает взволновать слушателей, нот при этом вообще не зная. Искусству возможно научиться (при наличии малой толики способностей), и, по-своему, эффекта оно достигнет, даже будучи совершенно чуждо искренности, праведности и т. д. Но проповедование усложняется еще и тем, что мы от него ждем не только эффектного исполнения, но правды и искренности, — по крайней мере, ни единое слово, ни интонация, ни оттенок не должны наводить на мысль о наличии пороков (таких, как лицемерие, тщеславие) или недостатков (таких, как недомыслие, невежество) в проповеднике.

Для хороших проповедей необходимо искусство, и добродетель, и знания. Истинным проповедям требуется некая особая благодать, что пределов искусства не преступает, но приходит словно по наитию или «вдохновению»; воистину порою кажется, что Дух Святой вещает человеческими устами, наделяя проповедника и искусством, и добродетелью, и пониманием, коих ему недостает; однако такие случаи нечасты. А порою мне кажется, что от человека образованного вовсе не требуется подавлять в себе критическое начало; просто следует его сдерживать, непрестанно пытаясь относить правду (если она есть), даже в виде штампов, исключительно к себе самому! Непростое упражнение…..

Твой рассказ о путешествии в Йо-бург в Великий Четверг ужасно меня позабавил….. Если окажешься в Блумфонтейне — я вот гадаю, стоит ли еще то маленькое старое каменное здание банка (Южноафриканский банк), где я родился{76}. И сохранилась ли могила отца. Я так ничего и не предпринял на этот счет, но, сдается мне, матушка распорядилась поставить там каменный крест или отсюда его выслала[145]. (А. Р. Толкин умер в 1896 г.). Если нет, так могилу уже, возм., и не найдешь, разве что остались какие-нибудь записи…..

064 К Кристоферу Толкину 30 апреля 1944 (FS 20)

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой!

Вот, решил послать тебе еще одно авиаписьмо вместо микрофильмированного, в надежде подбодрить тебя чуть больше….. Я по тебе ужасно скучаю, и выносить это все невероятно трудно, как из-за тебя, так и из-за меня самого. Сплошной ущерб от этой войны, не только материальный, но моральный и духовный, — как же тяжко тем, кому приходится все это выносить. Так было всегда (вопреки поэтам), так будет всегда (вопреки пропагандистам), — нет, конечно же, не пойми меня превратно: было, есть и будет необходимо встречать это все лицом к лицу в нашем жестоком мире. Но столь коротка людская память, столь быстро сменяются поколения, что уже лет через тридцать останутся лишь единицы или вообще никого из напрямую переживших то, что действительно «пробивает» До самого сердца. Обожженная рука расскажет о пламени убедительнее всего прочего.

Порою меня просто в ужас повергает мысль о том, сколько же повсюду в мире в настоящий момент человеческого горя: миллионы людей оторваны друг от друга, досадуют и злятся, растрачивают свои дни попусту — не говоря уже о пытках, боли, смерти, утратах, несправедливости. Будь страдания зримой субстанцией, эту погруженную в ночь планету почти полностью окутало бы густое темное марево, сокрыв ее от изумленных небес! А последствия всего этого обернутся по большей части злом — с исторической точки зрения. Но, разумеется, исторический подход — далеко не единственный. Все явления и все деяния обладают значимостью сами по себе, помимо «причин» и «результатов». Ни один человек не в состоянии оценить, что на самом деле происходит в настоящем sub specie aeternitatis{77}. Знаем мы только то (в значительной степени по собственному опыту), что зло пускает в ход громадные силы и с неизменным успехом — да только тщетно; оно лишь подготавливает почву, на которой пустит ростки нежданное добро. Так оно происходит в общем и целом; так оно происходит с нашими собственными жизнями…..Однако всегда есть надежда, что для нас все сложится удачнее, и даже на здешнем, временном плане, по милости Божией. И хотя нам необходимы вся наша врожденная

человеческая храбрость и мужество (а необъятный запас человеческой храбрости и выносливости просто поражает, не правда ли?), и вся сила нашей веры, чтобы выстоять перед лицом приключившегося с нами зла (что приключается и с другими, по Божьей воле), все равно нам дано молиться и надеяться. Для меня это так. А ты стал для меня столь драгоценным даром в пору горя и душевных терзаний; и твоя любовь, что открылась мне почти сразу же, как ты появился на свет, предрекла мне, словно вслух, на словах, что мне суждено вечно утешаться уверенностью: так будет всегда. Возможно, будь на то воля Божия, очень скоро мы встретимся снова, «в здравии и единстве», мой дорогой; и, конечно же, та особая связь между нами сохранится и за пределами жизни; с учетом, разумеется, тайны свободы воли, благодаря которой любой из нас двоих может отказаться от «спасения». В таком случае Господь, надо думать, распорядится иначе!….

Во вторник прочел две лекции; провернул одно хлопотное дело в городе; ужасно устал, так что даже к Льюису на «сеанс» не пошел. Надеюсь увидеться с ним завтра и прочесть еще немного «Кольца». История снова разрастается и разветвляется во все стороны (вчера весь день над ней сидел, забросив многое другое) и развивается самым неожиданным образом. В новых главах Фродо и Сэм уже переправились через Сарн Гебир, спустились вниз с утесов, встретили и временно приручили Голлума. Гол-лум провел их через Мертвые болота и мордорские отвалы; хоббиты затаились у главных ворот, убедились, что внутрь не пробраться, и отправились к тайному проходу близ Минас Моргула (бывший М. Итиль). Выяснится, что это — гибельный Кирит Унгол, и Голлум их предаст. Но пока они все в Итилиэне (чудесный край, как оказалось); пришлось здорово повозиться с тушеным кроликом; а потом их захватили гондорцы; на глазах у хоббитов они напали из засады на армию свертингов (смуглокожих южан), идущую на помощь Мордору. Огромный слон доисторических размеров — боевой слон свертингов — вырвался на волю; так сбылось заветное желание Сэма поглядеть на олифанта; про этого зверя у хоббитов есть детский стишок (хотя сам олифант считается существом легендарным). В следующей на очереди главе они доберутся до Кирит Унгола и Фродо попадет в плен. Вот стишок, который цитировал Сэм: «Серый как мышь, /Рост-выше крыш, / Нос — как змея, / Гулко топаю я. /Иду — мнется трава, / Трещат дерева. / В пасти — рога-дуги; / Живу я на Юге. / Вислые уши; / Издревле по суше / Я хожу-брожу, / На земле не лежу. / Толстокожий гигант, / Я зовусь — олифант. / Стар, могуч, тяжел — / Всех зверей превзошел. / Те, кто меня встречали — /

Забудут едва ли. / Кто не видел, тот / Небылицей сочтет. / Но я — олифант, / Бессмертный гигант»{78}. Надеюсь, что-то от «детского стишка» в этом есть. В целом Сэм ведет себя вполне достойно и репутацию свою оправдывает. А с Голлумом обращается, вроде, как Ариэль с Калибаном{79}…..

Судя по траве и деревьям, можно подумать, что май уже в разгаре. А вот в небесах — мятеж и рев. Теперь в саду не побеседуешь, даже крича в полный голос, кроме как в час ночи и в семь вечера; разве что погода совсем плохая, «нелетная». Хотелось бы мне, чтобы этот треклятый двигатель «внутреннего страдания» вовеки не изобрели! Или (что еще труднее, поскольку человечество в целом и инженеры в частности сущие идиоты и при этом еще и, как правило, злокозненны) чтобы его использовали в разумных целях — сам не знаю, в каких…..

Увы, сейчас нас связывает лишь этот тонкий бумажный листок! Нуда полетит письмо к тебе со всей доступной скоростью и да прибудет в целости и сохранности. Хотел бы я написать его рунами, перед коими померкло бы искусство Келебримбора из Падуби, — рунами, сияющими серебром, заключающими в себе видения и горизонты, что открываются моему разуму! Хотя без тебя мне и мыслями-то поделиться не с кем. Я начал писать «И. номов»[146] в военных бараках, где людей набилось — не протолкнуться и граммофон гремел во всю мощь, — а теперь вот и ты угодил в ту же темницу! Пусть и тебе удастся бежать из плена — укрепившись духом! Побереги себя, в том, что касается и души, и тела, всеми возможными и допустимыми способами, ради той любви, что питаешь к папе.

065 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 4 мая 1944 (FS 21)

В понедельник видел Льюиса (одного), прочел очередную главу; сейчас занимаюсь следующей; скоро мы наконец-то окажемся среди теней Мордора. Вышлю тебе копии, как только мне их сделают.

066 Из письма к Кристоферу Толкину 6 мая 1944 (FS 22)

Вчера послал тебе микрофильмированное письмо, FS 21 (написанное в четверг); а тем утром сказать тебе об этом уже места не хватило. (В пятницу) пришло твое авиаписьмо (Z); а теперь вот еще одно (Y), так что мне предстоит отвечать на оба. Ты ворчи себе, мы нисколечко даже не возражаем: у тебя ведь никого больше нет, а я так понимаю, это помогает снять напряжение. Помню, я сам писал нечто в том же стиле или даже хуже бедному старому отцу Винсенту Риду[147]. Жизнь в военном лагере, похоже, нимало не изменилась; а что раздражает превыше меры, так это тот факт, что все ее наихудшие черты абсолютно никому не нужны и являются лишь следствием человеческой глупости, каковую до бесконечности умножает «организация» (а «плановики» этого в упор не видят). Но Англия 1917—18 гг. здорово бедствовала; тем оно обиднее, что в стране относительного изобилия ты вынужд. жить в таких условиях. Налогоплательщики очень хотели бы знать, куда уходят все эти миллионы, если с их лучшими сыновьями обращаются так постыдно. Как бы то ни было, люди таковы, каковы они есть, никуда от этого не денешься, а единственный выход (помимо всеобщего Обращения) — это отказаться от войн, и от планирования, и от организации, и от создания новых воинских частей. Твой род войск, разумеется, один из худших — об этом знают все, способные видеть, слышать и думать; он только и держится, что на славе нескольких смельчаков, а ты еще, по всей видимости, угодил в особенно гнусную дыру. Но все Великие Свершения, спланированные с размахом, с точки зрения жабы под колесом именно так и воспринимаются, — при том, что в общем и целом они вроде бы и функционируют благополучно, и работу свою выполняют. Работу, что в конечном счете ведет ко злу. Ибо мы пытаемся победить Саурона с помощью Кольца. И даже преуспеем (по крайней мере, на то похоже). Но в качестве расплаты, как ты и без меня знаешь, мы наплодим новых Сауронов, а люди и эльфы постепенно превратятся в орков. Не то чтобы в реальной жизни все это настолько очевидно, как в придуманной истории; да и с самого начала на нашей стороне орков было немало….. Ну, вот тебе, пожалуйста: ты — хоббит среди урукхаев. Так поддерживай в сердце неугасимый хоббитский дух и думай о том, что все истории таковы, если посмотреть изнутри. А ты попал в легенду и впрямь великую! А

еще мне кажется, что тебе не дает покоя «писательский зуд», тобою безжалостно подавляемый. Возможно, в том моя вина. В тебе слишком много от меня самого, от моего своеобразного образа мысли и способа реагировать. А поскольку мы с тобой настолько похожи, все это подчиняет тебя. Вероятно, даже сковывает. Сдается мне, если бы ты смог начать писать и обрел свой собственный стиль, или даже (поначалу) подражал моему, тебе это принесло бы великое облегчение. Среди всех твоих страданий (часть из них — чисто физические) я ощущаю потребность каким-то образом выразить свои чувства касательно добра и зла, красоты и безобразия: осмыслить их, вскрыть, так сказать, нарыв. В моем случае это все породило Моргота и «Историю номов». Немало ранних эпизодов (и языков), впоследствии отвергнутых или принятых, создавались в грязных армейских столовках, на лекциях в промозглом тумане, в бараках, под богохульства и непристойности или при свете свечи в круглых палатках, а кое-что так даже в блиндажах под артиллерийским обстрелом. Разумеется, оперативности и присутствию духа это не способствовало, так что офицер из меня получился не ахти себе…..

С тех пор как я отписал тебе во вторник, ничего примечательного не произошло. Погода премерзкая. Холодно, ветрено; дороги усыпаны сорванной с веток листвой и обломанными бутонами. Ветер меняет направление: ЮЗ > З > СЗ > СВ. Бакан опять за свое (как обычно)[148]. Утром писал, вторая половина дня потрачена впустую — языком трепал на заседаниях комиссии; потом снова взялся за перо. В 6 П. с мамой отправились в драматический театр. Я ненадолго вздохнул спокойно; поужинал вместе с ними довольно поздно (около 9). На сцене возник новый персонаж (честное слово, я его не придумывал; он мне, по правде говоря, и не нужен был вовсе, хотя и пришелся весьма по душе; но вот, откуда ни возьмись, явился и отправился бродить по итилиэнским лесам): Фарамир, брат Боромира — и теперь он оттягивает «катастрофу», распространяясь на тему истории Гондора и Рохана (и рассуждая, несомненно, очень здраво, о воинской славе и славе истинной); но если он намерен продолжать в том же духе и дальше, придется ему по большей части переселиться в приложения: туда уже отправился прелюбопытнейший материал о табачной промышленности у хоббитов и о языках Запада. Произошла битва — включая эпизод с чудовищным олифантом (мамуком{80} из Харада); а после небольшой передышки в пещере за водопадом я, надо думать, наконец заведу-таки Сэма с Фродо в *Кирит Унгол* и в паучьи сети. Затем начнется Великое Наступление. И тогда, со

смертью Теодена (от руки одного из назгул) и с прибытием воинств Белого Всадника к Вратам Мордора, дойдет дело и до развязки и стремительного раскручивания всех сюжетных линий до конца. Как только перепишу разборчиво весь этот новый материал, отдам текст в перепечатку и вышлю тебе.

067 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 11 мая 1944 (FS 23)

Я закончил четвертую по счету новую главу («Фарамир»), что в понедельник утром б. целиком и полностью одобрена К. С. Л. и Ч. У. Побывал за тебя в церкви. Перекусил с мамой в городе. Во вторник утром повидался с К. С. Л. Пообедал в Пембруке (в качестве гостя был Райс-Оксли[149]): скукотища. Маккаллум успехами Мика вроде бы весьма доволен[150]. Все остальное время поглощают лекции, дом, сад (сейчас он — на первом месте: лужайки, изгороди, грядки под кабачки, прополка) — да удается выкроить минутку-другую для «Кольца». Уже принялся за следующую главу, ту, что завершится катастрофой в Кирит Унголе, где Фродо попадет в плен. После того события вновь переносятся в Гондор, и сюжет довольно быстро (я надеюсь) продвигается к развязке. Итилиэн (если помнишь, где он расположен на карте, которую ты же и чертил) оказался просто-таки чудесным краем. Жаль, что тебя рядом нет; ты бы занимался чем-нибудь полезным и приятным, карты бы доводил до ума или на машинке печатал…

068 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 12 мая 1944 (FS 24)

Все утро провел за письменным столом; впереди уже маячит Минас Моргул. Во второй половине дня поработал в саду на жаре (вполне себе полуденной) и в духоте….. Пока что ничего ровным счетом не предпринял касательно перепечатки свеженьких глав, для тебя предназначенных: тороплюсь продвинуться вперед как можно дальше, пока есть возможность; не могу отвлекаться, чтобы сделать беловую копию….. Крепко люблю тебя; мои мысли и молитвы неизменно с тобою. Сколько всего мне хотелось бы знать! «Когда ты вернешься в землю живых и мы примемся заново пересказывать все, что было, устроившись у стены под солнышком и смеясь над былыми бедами, вот тогда ты мне обо всем и поведаешь» (Фарамир — к Фродо).

069 К Кристоферу Толкину 14 мая 1944 (FS 25)

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Ну вот, дорогой мой, снова сажусь за нормальное письмо… Вчера поработал сколько-то над книгой, но приключились две помехи: необходимость прибраться в кабинете (там воцарился хаос, неизменный признак литературных или филологических занятий) и заняться делами; и проблема с луной. Я, понимаешь ли, обнаружил, что луны у меня в решающие дни между бегством Фродо и нынешней ситуацией (прибытие в Минас Моргул) выкидывали нечто совершенно невозможное, вставали в одной части страны и одновременно садились в другой. Словом, переписывал отрывки из старых глав вплоть до самого вечера!…. Отец К.[151] прочел весьма впечатляющую проповедь на тему трех дней перед Вознесением (следующие понедельник — среда), в которой намекнул, что все мы — толпа необученных роботов, раз не молимся перед трапезой; и не просто намекнул, а прямо-таки категорически заявил, что Оксфорд заслуживает ни много ни мало, как погибнуть в крови и пламени, распалив гнев Господень, ибо погряз во грехе и мерзости. Все мы разом проснулись. Боюсь, слишком много в его словах ужасной правды. Но так ли много в них правды — сейчас? Даже при поверхностном знании истории тебя угнетает ощущение неизбывной тяжести и гнета человеческого беззакония: о, эта старая, старая как мир, унылая, бесконечная, повторяющаяся, неизменная, неискоренимая греховность! Все до одного города, все деревни, все обиталища людские — сплошные выгребные ямы! И в то же время знаешь, что добро там тоже есть, и всегда: куда более потаенное, куда менее очевидное, нечасто раскрывающееся в узнаваемых, зримых красотах слова, деяния или лика, — даже в присутствии святости куда более великой, нежели зримая, афишируемая греховность. Но боюсь я, что в случае индивидуальных человеческих жизней баланс не в нашу пользу: мы делаем так мало позитивного добра, даже если и избегаем по умолчанию деятельного зла. Ужасна, должно быть, участь священника!….

Понедельник, 4.00…..Утром с 10.45 до 12.30 общался с К. С. Л., прослушал две главы из «Кто возвращается домой?»[152], его новой аллегории на тему Небес и Ада; прочел шестую новую главу, «Дорога до Перепутья», каковая была полностью одобрена. Пока все идет хорошо; но приближаюсь к самой сути, где

придется собрать воедино все сюжетные линии, синхронизировать время и соткать единое повествовательное полотно, а вся эта вещь обрела такую значимость и глубину, что наброски заключительных глав (сделанные сто лет назад) уже никуда не годятся, уж больно они «детские»…..

Мне тут пришла в голову идея новой повестушки (длиной примерно с Ниггля[153]) — боюсь, что пришла в церкви, вчера. Человек сидит у высокого окна и прослеживает взглядом судьбы не отдельно взятого человека и не целого народа, но маленького участка земли (размером с садик) в глубь веков. Видит этот клочок земли, озаренный солнцем, в окаймлении тумана, а всякие там существа, звери и люди, просто приходят и уходят, а Цветы и деревья растут, умирают, меняются. А суть рассказа, помимо всего прочего, заключена в том, что растения и животные преображаются, меняют фантастические очертания, но люди (не считая различий в одежде) не меняются вообще. Через определенные промежутки времени на протяжении всех веков, от палеолита до сегодняшнего дня, пара женщин (или мужчин) проходит через сцену, говоря в точности одно и то же (напр. «Нельзя такого позволять. Надо покончить с этим раз и навсегда». Или: «А я ей и говорю: я, конечно, шум поднимать не буду, я не из таковских, но…»)….

Твой родной дорогой и любящий папа.

070 К Кристоферу Толкину 21 мая 1944 (FS 26)

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой!

Боюсь, что давно тебе не писал…..Неделя выдалась холодная и пасмурная (так, что трава на лужайках не росла, несмотря на мелкий дождичек); воспользовавшись этим, я засел за работу, но дошел до места, в котором совершенно увяз. Все, что я набросал и написал прежде, оказалось совершенно бесполезным: время, мотивации и т. д. — все поменялось. Однако ж наконец-то ценой оч. больших усилий и жертвуя иными обязанностями, я дописал или почти дописал все вплоть до захвата Фродо на горном перевале у самых границ Мордора. Теперь мне предстоит вернуться к остальным и попытаться побыстрее довести события до финального столкновения. Как думаешь, Шелоб — подходящее имя для чудовищной паучихи? Разумеется, это всего-навсего «she + lob[{81}]» («она + паук»); но написанное слитно, выглядит вполне мерзко…..

Понедельник, 22 мая….. Вчера день выдался страх какой холодный (воскресенье). Работал над главой не покладая рук — жутко утомительное занятие; особенно теперь, в преддверии кульминации, когда приходится поддерживать напряжение; легкомысленный тон здесь не годится; да в придачу еще всевозможные мелкие проблемы сюжета и техники. Я писал, рвал и переписывал большую часть всего этого по сто раз; но нынче утром был вознагражден по заслугам: и К. С. Л., и Ч. У. нашли мой труд превосходным, а последние главы — даже лучше всех прочих. Голлум все усложняется, постепенно превращаясь в необыкновенно интригующего персонажа. Прошлой ночью «дежурил при ключах»; спать ложиться мне не полагалось, однако ж все равно лег в 3:30 утра. Нынче чувствую себя слегка усталым. А мне всю ночь предстоит провести в штабе ГО…..

Твой родной папа.

071 К Кристоферу Толкину (микрофильмированное письмо) 25 мая 1944 (FS 27)

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Милый мой Крис, стократ долгожданные письма так и хлынули….. Наконец-то я был склонен слегка тебе позавидовать или, скорее, пожалеть, что меня с тобой «в холмах» не было. Есть что-то такое в местах, где ты родился; и хотя картинок у меня в памяти почти не отложилось, любые рассказы об Африке всегда глубоко меня трогают, пробуждают престранное ощущение чего-то знакомого. Удивительно, что тебя, дорогой мой, угораздило оказаться именно там….. О себе со времен понедельника рассказывать почти нечего. Этой ночью вообще глаз не сомкнул (в буквальном смысле): отчасти из-за оглушительного рева моторов (on moldan **J** on uprodore[154]); в 6 утра перестал и пытаться. В результате на лекции во вторник не то чтобы блистал. Однако ж главная причина состоит в том, что все мысли мои поглощает Фродо: он полностью завладел моим вниманием и совсем меня вымотал: главу про Шелоб и про несчастье в Кирит Унголе переписывал несколько раз. В результате вся эта история разворачивается совершенно не так, как в предварительных набросках! Если не считать того, что соорудил клетку для кур и загон для цыплят (я наконец-то сдался: просто смотреть уже не мог на неопрятный ящик и спутанную сетку, «украшающие» собою лужайку), все свои силы посвятил этой работе. Сегодня утром — две лекции; а вечером «сбегу» в Модлин, там вроде бы собрание в полном составе намечается, включая Дайсона….. Надеюсь, тебе вскорости еще увольнительную дадут, чтобы «настоящую» Африку посмотреть. Подальше от «меньших слуг Мордора». Да, я считаю, что орки — создания не менее реальные, нежели любое порождение «реалистической» литературы: твои прочувствованные описания воздают этому племени должное; вот только в реальной жизни они, конечно же, воюют на обеих сторонах. Ибо «героический роман» вырос из «аллегории»; и войны его по-прежнему восходят к «внутренней войне» аллегории, где добро — на одной стороне, а всевозможные виды зла — на другой. В реальной (внешней) жизни люди принадлежат к обоим лагерям: что означает разношерстные союзы орков, зверей, демонов, простых, от природы честных людей и ангелов.

Однако ж весьма важно, кто твои вожди и не подобны ли они оркам сами по себе! А также ради чего все это (хотя бы в теории). Даже в этом мире возможно оказаться (более или менее) на стороне правой или неправой. «Праздничная ночь»[155] невыносима. Я следил за похождениями П. Уимзи от многообещающего начала и до сих пор, и за это время преисполнился к нему (и его создательнице) такого отвращения, какого у меня ни один другой литературный персонаж не вызывает, разве что его Херриет. Тот, что про медовый месяц («М.м. за работой»{82}) еще хуже. Меня чуть не стошнило….. Благослови тебя Господь. Твой родной папа. Закончено в 3:45, 25 мая 1944.

072 К Кристоферу Толкину 31 мая 1944 (FS 28)

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Милый мой Крис!

Пора мне снова дать о себе знать… В четверг обедал в колледже в обществе трех престарелых джентльменов (Дрейк, Рамзден и казначей[156]), Все — весьма приветливы и милы. На собрании «Инклингов»…. посидели очень даже приятно. Хьюго[157] тоже был: выглядит усталым, но шуму от него достаточно. Гвоздем программы стали глава из книги Уорни Льюиса о временах Людовика XIV (мне очень понравилось); и отрывки из «Кто возвращается домой?» К. С. Л. — эту повесть про ад я предложил переименовать в «Дом Хьюго»{83}. Вернулся с собрания уже за полночь. Все остальное время, за вычетом хлопот по дому и в саду, посвящено отчаянным попыткам довести «Кольцо» до логической паузы — до захвата Фродо орка-ми на перевалах Мордора, — прежде чем придется отвлечься на экзамены. Работая не покладая рук с утра до ночи, я преуспел: уже в понедельник утром прочел К. С. Л. последние две главы («Логово Шелоб» и «Выбор мастера Сэмуайза»). Он все одобрил — просто-таки в бурный восторг пришел, чего за ним обычно не водится, а последняя глава так и вовсе растрогала его до слез, так что вроде бы пока все идет как надо. К слову сказать, Сэм — это сокращение вовсе не от Сэмюэля, но от Сэмуайза (что на древнеанглийском означает «полоумный»); точно так же, как имя его отца, Папаши, (Хэм) восходит к древнеанглийскому Хэмфаст или «Домосед». Как правило, у хоббитов этого класса имена очень саксонские; так что фамилией Гэмджи я на самом деле недоволен; я бы заменил ее на Гудчайльд, только боюсь, ты будешь против. Я вот-вот отдам эти новые восемь глав, XXXIII–XL — те, что ты еще не видел, — в перепечатку и сразу вышлю тебе — по одной за раз, с небольшими промежутками….. С понедельника серьезно за работу не брался. Сегодня до полудня корпел над секционными работами[158], в два отнес мои рукописи в типографию — а то сегодня крайний срок….. Вчера: лекция — съездил за рыбой и проколол шину, пришлось тащить на себе эту штуку в город и обратно; сдать в ремонт не удалось — Денис[159] болен, работа почти не движется; в итоге всю вторую половину дня провозился в грязи; в результате снял-таки шину, залатал 1 прокол в камере и разрыв — в шине и снова водрузил все на

место. Io! triumphum[160]. Однако тяжкая это работенка — за шиллинг-то!….

Воскресенье: 3 июня….. Одна из причин этого второго затянувшегося промежутка со времен среды состоит в том, что, поскольку с письменными я разобрался, а экзаменационные работы еще не пришли, я пытаюсь перепечатать хотя бы несколько глав, чтобы дубликаты отослать тебе. Уже закончил две. Поначалу мне пришлось тяжко: я ведь очень давно не печатал. Помимо этого, о себе написать почти что и нечего….. Приска с мамой пошли смотреть Анну Ниггл в «Эмме» по роману Джейн Остин; остались очень довольны. Я прошелся с ними до дома: сам-то я пообедал в Пембруке. Обед не то чтобы удался. Теперь, когда армии приближаются к Риму, от вульгарных комментариев престарелых глупцов просто душа разрывается. Нынешнее положение дел угнетает меня все больше и больше. Гадаю про себя, суждено ли тебе снова услышать слова Папы. Кстати (уже в связи с совсем другим эпизодом): оцени, сколь в ходу такт и учтивость в моем распрекрасном колледже. Во второй вторник триместра я пригласил на обед Райса-Оксли. Только что объявили о результатах выборов на должность ректора Линкольна: колледж избрал К. Марри, молодого казначея-шотландца, ответственного за этот кошмар на Терл-Стрит[161]. Самоочевидным (и, как мне казалось, самым подходящим) кандидатом был В. Дж. Брук (цензор Св. Екат.[162]); баллотировался также и Ханбери[163]. Глава колледжа, сидевший рядом со мною, громко объявил: «Слава Богу, что в ректоры не выбрали какого-нибудь там паписта: для колледжа это просто катастрофа, иначе и не скажешь!» «Как вы правы, — подхватил доктор Рамзден, — катастрофа и есть». Мой гость оглянулся на меня, улыбнулся и прошептал: «Образцы учтивости и такта!»….

Твой родной и любимый папа.

073 Из письма к Кристоферу Толкину 10 июня 1944 (FS 30)

Написано четыре дня спустя после того, как войска антифашистской коалиции вторглись в Нормандию.

Вчера за чаем получил твое авиаписьмо…..В этой части мира много чего происходит. Но в подробности вдаваться не буду: ты, вне всякого сомнения, узнаешь те же новости, что и мы, и ничуть не позже нас; а если бы кто и знал что-либо сверх этого, так упоминать о том было бы «неосмотрительно». К слову сказать, я-то ничего не знаю. Слава Богу, нынче вечером вроде бы слегка прояснилось. Ветер улегся, потеплело, проглянуло солнышко и кое-где — синее небо. Сдается мне, погода — явление первостепенной важности…..

Последний раз брался за перо 6 июня, вдень «D»{84}. Вер. печатал не покладая рук. Что до остального, помню лишь унылый обед в Пембруке в четверг; с него отправился в Модлин, где собрались Льюисы, Ч. Уильямс и Эдисон{85} (автор «Уробороса») [164]. С 9 до 12:30-чтение. Длинная глава от Капитана[165], главным образом о системе правления при ancien regime во Франции, что в его изложении вышло весьма занимательно (хотя и очень длинно); затем — новая глава из незаконченного романа Эдисона[166], ничуть не менее сильного и притом написанного превосходным языком, затем — я и К. С. Л. Весьма приятно; но в разгар экзаменов и войн воспринимается уже не так легко, как прежде, — тем более что встал я в 5 утра (или в 7 утра БДЛВ{86}), чтобы успеть на мессу в Корпус-Кристи…..

Утром…. занимался экзаменами; во второй половине дня — собрание в Родс-Хаус по поводу учреждения местного Христианского Совета….. Был

074 Из письма к Стэнли Анвину 29 июня 1944

22 июня Анвин написал письмо, вложив в конверт «очередной чек на внушительную сумму» авторских отчислений с продаж «Хоббита», и сообщил Толкину, что его сын Рейнер сейчас в Оксфорде и изучает английский в числе прочих морских кадетов: «На следующей неделе он в увольнении, но когда он вернется, мне бы очень хотелось, чтобы вы повидались».

Сперва о Рейнере. Ваши новости меня одновременно обрадовали и огорчили. Обрадовали — поскольку представился шанс с ним повидаться. Надеюсь, обойдется он со мной отнюдь не как с профессором и, как только вернется, просто сообщит мне, где и когда нам встретиться: можно ли мне заявиться к нему на квартиру или он сам не прочь заглянуть ко мне в любое удобное время и попить чайку (жиденького) у нас в саду (весьма неопрятном). А огорчен я, поскольку даже подумать страшно: этот кошмар затянулся настолько, что поглотил и его тоже. Моего младшенького (тоже из Тринити) похитили в июле прошлого года — в самый разгар перепечатки и переработки продолжения к «Хоббиту», он как раз рисовал чудесную карту, — и теперь он невесть в какой дали и очень несчастен, в Оранжевой провинции[167]; тот факт, что это — моя родина, с тамошним краем его вроде бы нисколько не примиряет. Второй мой сын, весьма пострадавший в боях солдат, сейчас в Тринити, пытается позаниматься хоть сколько-то и восстановить хотя бы тень былого здоровья[168]…

Боюсь, я обошелся с вами не лучшим образом. Со времен моего последнего к вам письма судьба обходилась со мною сурово — хотя и не суровее, чем с другими, увы! — и сил и времени едва-едва хватало на дела домашние. И все равно мне следовало поблагодарить вас за весточку насчет «Фойлза»[169] и два экземпляра издания. А также надо было бы держать вас в курсе касательно того, как продвигаются дела с продолжением «Хоббита». В течение целого года не имел возможности написать ни строчки. Но в результате освобождения от работ по линии Королевского флота и Королевских военно-воздушных сил (и пока меня не поглотила экзаменационная пучина), мой труд (великий) наконец-то близится к завершению, и я вот-вот его

закончу, пренебрегая всеми прочими повинностями, насколько возможно.

Надеюсь, вы до сих пор в нем хоть сколько-то заинтересованы, невзирая на дефицит бумаги, — по крайней мере в обозримом будущем. В этом городе перепечатать хоть что-нибудь жутко трудно и/или дорого; а когда у меня машинка сломалась, никто так и не взялся ее ремонтировать. Так что рукопись до сих пор существует в одном-единственном экземпляре; да и тот нуждается в правке — по мере продвижения к финалу. Но надеюсь, что скоро наконец-то смогу предоставить вам изрядный кус. Жаль, что Рейнер сейчас поглощен иными, более серьезными делами. В любом случае, боюсь, книга выходит слишком длинная и совсем не детская.

Огромное спасибо за чек. Даже половина этой суммы придется более чем кстати. Я все еще изнываю под бременем долгов, главным образом из-за того, что пытаюсь завершить образование своего семейства, после того, как война поглотила едва ли не все средства; обычная история, не так ли?

075 К Кристоферу Толкину 7 июля 1944 (FS 36)

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой. вот, подумал, а напечатаю-ка я, эксперимента ради, авиаписьмо на машинке, мелким шрифтом[170]. Буквы получаются ничуть не крупнее рукописных, зато куда разборчивее. Со времен моего последнего письма к тебе прошло только два дня, но мне ужас как хочется поговорить с тобой. Не то чтобы есть какие-то новости — если не считать сущих мелочей. Пока не удалось написать ни строчки. Сегодня утром на мне были покупки и кадеты; а когда второй раз возвращался в город, задняя шина с громким треском лопнула: камера вылезла наружу сквозь дыру в шине. По счастью, стряслось это неподалеку от Дениса, так что я смог утешиться в «Гербе садовников»: ни Звезды, ни Полосы[171] этого заведения еще не обнаружили, а подают там смесь «университетского эля» и горького пива. Но после ланча пришлось ехать в город в третий раз; а с 5 до 8 с помощью кусков старых досок и сэкономленных гвоздей надстраивал дом для новых представителей куриного племени, чтоб им провалиться. Только что послушал новости; а день между тем и миновал. Тут завелась семейка снегирей — верно, свили гнездо у нас в саду или где-то рядом; птички совсем ручные, и последнее время немало веселят нас своими проделками, пока птенцов кормят, порою — прямо под окном гостиной. Их любимый деликатес — насекомые в кронах деревьев и семена осота. А я и не знал, что снегири ведут себя совсем как щеглы. Пузатенький старый папенька в розовом жилете и при параде висит вниз головой на побеге осота и трезвонит не переставая. Летают и пара-тройка крапивников. А больше ничего примечательного и нет; хотя всевозможных птиц и впрямь развелось немало, после теплых-то зим, тем более что в наши дни кошки почти повывелись. Сад как всегда — жуткая глушь; весь утопает в сочной зелени; и повсюду, куда ни глянь — розы. Ясный летний день к ночи опять обернулся дождем; вот дожди льют часто, хотя случаются и просветы…..

[9 июля] *Кстати*, о снегирях, а ты знаешь, что снегири имеют отношение к благородному искусству пивоварения? Я тут на днях заглянул в «Калевалу» — сдается мне, это — одна из тех книг, до которых у тебя до сих пор не дошли руки? Или дошли? И открылась она на руне XX; а эта руна мне когда-то ужасно нравилась: в ней речь идет главным образом о происхождении

пива. Когда впервые удалось заставить пиво забродить, стояло оно в березовых кадках и, вспенившись, разлилось по всему дому; и, конечно же, герои сбежались к питью, жадно его вылакали — ну, и надрались в стельку. «Пьян был Ахти, пьян был Кауко, весельчак напился пьяным этим пивом дочки Осмо…» — перевод Керби[172] забавнее оригинала. Так вот, снегирь подсказал дочке Осмо перелить пиво в дубовые бочки, окованные медными обручами, и вынести их на погреб. «Вот как пиво появилось… оттого и имя славно, хорошо прозванье пива, что оно возникло дивно, что мужам оно приятно, что на смех наводит женщин, а мужам дает веселье… а глупцов на драку гонит»{87}. Весьма здравые рассуждения.

Бедолаги финны с этим их чудным языком, похоже на то, что их изведут под корень. Жаль, что не удалось мне побывать в Стране Десяти Тысяч Озер до войны. Финский язык едва не загубил мне «модерашки»[173] и положил начало «Сильмариллиону»…..

Я вот все думаю, как там у тебя дела с полетами — с тех пор как ты в первый раз вылетел в одиночку: мы ведь больше ничего об этом не слышали. Мне особенно запомнились твои замечания насчет скользящих в воздухе ласточек. В этом — самая суть, не так ли? Вот — безысходная трагедия всех машин, как на ладони. В отличие от искусства, которое довольствуется тем, что создает новый, вторичный мир в воображении, техника пытается претворить желание в жизнь и так создать некую могучую силу в этом Мире; а ведь на самом деле подлинного удовлетворения это ни за что не принесет. Трудосберегающие машины лишь порождают труд еще более тяжкий и нескончаемый. А к этому врожденному бессилию тварного существа добавляется еще и Падение, в силу которого наши изобретения не только не исполняют наших желаний, но обращаются к новому, кошмарному злу. Так мы неизбежно приходим от Дедала и Икара к Тяжелому Бомбардировщику. Это ли не прогресс, разве не обогатились мы новой мудростью? Эта страшная правда, давным-давно угаданная Сэмом Батлером{88}, в наше время настолько бросается в глаза, так кошмарно выставляется на всеобщее обозрение, при всей ее еще более жуткой угрозе будущему, что создается впечатление, будто весь мир страдает повальным умопомешательством, раз увидеть эту правду способно лишь жалкое меньшинство. Даже если люди и слыхали древние легенды (а таких становится все меньше), они и не подозревают о заложенном в них предостережении. Ну, как производитель мотоциклов мог назвать свою продукцию «Иксион»? Ик-сион, навеки прикованный в аду к беспрерывно вращающемуся колесу!

Ну вот, я умудрился втиснуть в это тонюсенькое авиаписьмо более 2000 слов; так что я готов простить мордорским аппаратам часть их грехов, если они доставят его тебе поскорее…..

076 Из письма к Кристоферу Толкину 28 июля 1944 (FS 39)

Что до Сэма Гэмджи, абсолютно с тобою согласен; я и думать не думал менять его имя без твоего одобрения; но цель замены как раз и состоит в том, чтобы выявить комичность, фермерскую приземленность и, если угодно, английскость этого бриллианта среди хоббитов. Если бы я подумал об этом с самого начала, я бы всех хоббитов наделил самыми что ни на есть английскими именами, под стать Ширу. Первым возник Папаша; а Гэмджи — следом, точно отголосок давних ламорнских шуток[174]. Я вообще сомневаюсь, что это имя английского происхождения. Я знаю его только через «гэмджи» (в смысле, повязки): так называли перевязочный материал, изобретенный человеком с такой фамилией в прошлом веке{89}. Однако ж предполагаю, что теперь все твои представления об этом персонаже неразрывно связаны с именем. Просто новости прочтешь в микрофильмированном письме; единственное событие, достойное упоминания, — это постановка «Гамлета»[175], на которой я побывал незадолго перед тем, как написал предыдущее письмо. На тот момент я был ею просто-таки переполнен, но мирские заботы вскорости сгладили впечатление. Однако спектакль доказал нагляднее всего, мною виденного прежде, как глупо читать Шекспира (и комментировать его в кабинете), иначе, нежели как своего рода сопровождение к просмотру на сцене. Постановка и впрямь удалась — с молодым, довольно свирепым Гамлетом; пьеса шла в убыстренном ритме и без купюр; получилось на редкость захватывающе. Если бы только можно было посмотреть это все, не читав предварительно книги и не зная сюжета, вышло бы просто потрясающе. Режиссура отличная; вот только с убийством Полония как-то неуклюже получилось. Но, к вящему моему изумлению, самым волнующим, просто-таки душераздирающим эпизодом оказался тот, что при чтении казался мне скукой смертной: сцена, когда обезумевшая Офелия распевает обрывки песен.

077 Из письма к Кристоферу Толкину 31 июля 1944 (FS 41)

Игнорируя прочие обязанности, я немало часов затратил на перепечатку и уже почти расправился с новыми эпизодами «Кольца»; так что скоро продолжу и закончу; надеюсь вскорости отослать тебе новую пачку….. В суб. к чаю заходил Бинни, в настроении весьма приятственном; П. слегка развеялась; ей тоже оч. одиноко, никого рядом нет, кроме двух старых ворчунов, а из занятий — только книги. Она только что прочла «За пределы безмолвной планеты» и «Переландру» и, при ее хорошем вкусе, предпочла вторую из книг. Однако ей трудно смириться с мыслью, что Рансом вовсе не задумывался как мой портрет (хотя, как филолог, возможно, я к нему сколько-то причастен; я узнаю в нем кое-какие мои мнения и мысли, только льюисифицированные)…..Сегодня — добрые новости. Теперь события, возможно, начнут развиваться быстрее, пусть даже не столь быстро, как кое-кому кажется. Интересно, как долго фон Папен продержится в живых?[176] Вот когда рванет во Франции, тогда и настанет время радоваться. Долго ли еще ждать? И как насчет красной Хризантемы на востоке? А когда все закончится, останется ли у простых людей хоть сколько-то свободы, левого толка или правого, или за нее придется сражаться, или они слишком устанут, чтобы оказать сопротивление? Кажется, кое-кто из Верзил склоняется к последнему. Ну, тех, которые по большей части наблюдали за этой войной с выигрышной позиции — из окон громадных автомобилей{90}. Слишком многие ныне бездетны. Но я полагаю, одним из неизбежных результатов всего этого станет дальнейший рост гигантских стандартизированных объединений с их поставленными «на поток» понятиями и эмоциями. Музыка уступит место джазу: насколько я понимаю, это означает устраивать «джам-сешн»{91} вокруг пианино (инструмента, изначально предназначенного к тому, чтобы производить звуки, созданные, скажем, Шопеном) и лупить по клавишам так, чтобы оно сломалось. Говорят, в США это изысканное, интеллектуальное развлечение вызывает «фурор». О Господи! О Монреаль! О Миннесота! О Мичиган! Что за коллективные психозы способны породить Советы, покажут мир и процветание, как только развеется военный гипноз. Возможно, что не такие зловещие, как западные (я надеюсь!). Однако не удивительно, что несколько государств поменьше по-прежнему желают оставаться «нейтральными»; они, что называется,

оказались меж двух огней — между дьяволом и дебрями (ауж какое «Д» к какой из сторон относится — решай сам!). Однако ж так было всегда, пусть и на иных декорациях; ты и я принадлежим к вечно проигрывающей, но так и не покоренной до конца стороне. Во времена Римской империи я бы ее ненавидел (как ненавижу и сейчас) и при этом оставался бы римским патриотом, тем не менее, ратуя за свободную Галлию и усматривая нечто доброе в карфагенянах. *Delenda est Carthago*[177]. Сегодня мы эту фразу слышим как-то слишком часто. В школе меня даже учили, что это — превосходный афоризм; и я тут же «отреагировал» (к слову сказать, в данном случае этот термин уместнее, нежели обычно). Так что это оставляет место надежде, что, по крайней мере в нашей возлюбленной Англии, пропаганда сработает против себя же самой и даже произведет эффект прямо противоположный. Говорят, что в России все именно так; и держу пари, в Германии тоже…..

[1 августа] Я слышал, вот-вот выходят «Первые шорохи ветра в ивах»; и рецензии вроде бы вполне положительны. Книгу публикует вдова Кеннета Грэма; но, как я понимаю, это вовсе не наброски книги, а рассказы (про Жаба, Крота и т. д.), которые он включал в письма к сыну. Надо будет по возможн. раздобыть экземпляр. Боюсь, я совершил огромную ошибку: мое продолжение слишком длинное, слишком сложное и при этом еще пишется так медленно! Что за проклятие: обладать эпическим складом ума в перенаселенный век, приверженный к блестящим, остроумным отрывкам!

078 Из письма к Кристоферу Толкину 12 августа 1944 (FS 43)

Со времен моего микроф. от 8 августа я не писал дольше, чем собирался… Я очень внимательно прочитываю твои письма; разумеется, ты абсолютно прав, что открываешь нам свое довольно обеспокоенное сердце; но не думай, что подробности твоей внешней жизни — твои друзья, знакомые или самые что ни на есть пустячные события — не заслуживают описания и интереса не представляют. Я очень рад, что ладить с людьми тебе становится легче (порою). И я бы не стал особо переживать, если этот процесс порою кажется отходом от более высоких стандартов (по крайней мере, интеллектуальных и эстетических, но никак не этических). По мне, так деградировать к худшему навсегда тебе нисколько не грозит; и, я бы сказал, неплохо бы тебе обрасти шкурой потолще, хотя бы в качестве защиты более уязвимой внутренней сути; а если ты такой шкурой обзаведешься, так она тебе здорово пригодится позже в любой области жизни этого сурового мира (который, похоже, становиться мягче и не собирается). И, разумеется, как ты уже начинаешь понимать, одно из открытий, связанных с этим процессом, — это осознание тех ценностей, что порою скрываются под отталкивающей наружностью. Урукхаи — это только фигура речи. Настоящих уруков — то есть народа, создатель которого намеренно сотворил его дурным, — не существует; и очень немногие развращены настолько, чтобы утратить надежду на спасение (хотя, боюсь, приходится признать, что есть на свете люди, которые и впрямь кажутся безнадежными; таких исправит разве что особое чудо; вероятно, таких чрезвычайно много в Дойчлянде и Ниппоне{92}; но, разумеется, эти злополучные страны монополией не обладают, отнюдь: я таких встречал (по крайней мере, мне так казалось) и в зеленой Англии родной{93}. Все, что ты говоришь о сухости, пыли и запахе вылизанной сатаной земли, напоминает мне мать: она Африку ненавидела (как землю) и с тревогой подмечала в отце симптомы растущей любви к ней. Говорили, что ни одна уроженка Англии в жизни не преодолеет этой неприязни и навсегда останется в Африке лишь изгнанницей; но мужчины-англичане (в более свободных условиях мира) могут полюбить Африку и обычно и впрямь к ней привязываются (к Африке как к земле; я ничего не говорю про ее обитателей). Как ни странно, все, что ты говоришь, в том числе и нелестное, лишь усиливает во мне неизменную тоску и желание увидеть ее снова. При том, что

я дорожу и восхищаюсь узкими тропками, изгородями, шелестящими деревьями и плавными очертаниями изобильных холмистых равнин, более всего волнует меня, более всего радует мое сердце простор; так что я даже готов смириться с каменистой пустошью; на самом деле, кажется, каменистая пустошь мне нравится сама по себе, — всякий раз, как вижу что-то подобное. Сердце мое до сих пор — среди высокогорных скальных пустынь, среди морен{94} и горных руин, безмолвных, если не считать голосок тоненького ледяного ручейка. Разумеется, это — чисто интеллектуальные и эстетические предпочтения: человеку на камне и песке не выжить; но, как бы то ни было, я-то жив не хлебом единым; и не будь в мире голых скал, и бескрайних песков, и бесплодных морей, я бы, верно, возненавидел всю зелень, точно некую плесень…..

Что до «Кольца», вдохновение у меня совершенно иссякло; я опять таков же, как по весне, во власти все той же апатии. То-то я вздохну с облегчением, когда закончу! Как мне тебя не хватает — хотя бы только поэтому! Я забыл пометить, какого числа выслал рукопись; думаю, где-то с месяц назад, так что ты, верно, скоро ее получишь. Новой порции посылать не буду, пока не узнаю твоего нового адреса; хотя последующие части куда лучше. Мне не терпится узнать, как они тебе. Эта книга с каждым днем все больше предназначается тебе, так что твое мнение важнее всякого другого.

079 Из письма к Кристоферу Толкину 22 августа 1944 (FS 45)

Ответ на отзывы Кристофера о Крунстаде, где находилась его авиабаза, и о Йоханнесбурге.

Крунстад — истинный продукт нашей культуры, такой, какова она есть и живет сейчас; Йобург (в наиболее удачных его местах) таков, какой ей хотелось бы быть, но какой она может быть лишь в особых экономических обстоятельствах, которые крайне нестабильны и преходящи. В Англии — и здесь меньше, чем в большинстве других европейских стран, — эта культура вплоть до сегодняшнего дня смягчалась и скрывалась за наследием былых веков (которое сводится отнюдь не только к руинам). Через десять-двадцать лет в этой земле появится множество новых Крунстадов — в том, что касается архитектуры, морали и менталитета, когда Портальные Дома{95}, эти «времянки» облупятся и скукожатся, точно гниющие жестяные поганки, но ничего нового им на смену не появится. И, как в прошлые темные века, одна лишь христианская церковь сохранит хоть сколько-то значимую традицию (возможно, в измененном виде, а возможно, что и в поврежденном) цивилизации более высокого духовного уровня — ну, то есть, если церковь не загонят в новые катакомбы. Мрачные мысли; о таких вещах на самом деле знать не дано: будущее постичь невозможно — тем более мудрецам; ведь то, что на самом деле важно, от современников неизменно сокрыто, а семена грядущего тихо прорастают себе во тьме, в каком-нибудь позабытом уголке, пока все глаз не сводят со Сталина или Гитлера, или читают иллюстрированные статьи про Бевериджа{96} («Глава Юниверсити-Колледжа у себя дома») в «Пикчерпост»…..

Сегодня утром прочел лекцию; обнаружил, что «Птичка и Младенец»[178] закрыт, но тут меня окликнул голос, долетевший ко мне через поток машин, заменивший собою Сент-Джайлс, и углядел я на противоположной стороне дороги обоих Льюисов и Ч. Уильямса, неприкаянных и изнывающих от отсутствия влаги, точно вытащенное на берег судно. В конце концов мы разжились четырьмя пинтами сносного эля в «Королевском гербе» — по цене 5 шиллингов 8 пенсов….. Надеюсь увидеться с ребятами завтра; в остальном жизнь такая же яркая, как вода в канаве…..

Ну вот, пожалуйста, день уже и заканчивается. Такого роскошного заката я вот уже много лет не видел: прямо над

горизонтом разливается далекое бледное сине-зеленое море, а над ним, гряда за грядой, воздвигается берег — пламенеющие херувимы огня и золота, тут и там пронизанные туманными струями — точно пурпурный дождь. Возможно, это — предвестие какого-нибудь небесного веселья поутру: барометр, во всяком случае, поднимается.

080 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 3 сентября 1944 (FS 46)

О Г. К. Честертоне

П[рисцилла]…. вот уже много вечеров, как продирается через «Балладу о белом коне»; пытаясь объяснить ей наиболее трудные для понимания моменты, я убеждаюсь, что книга не так хороша, как мне казалось. Финал вообще абсурден. Трескучие, блестящие слова и фразы (когда это не кричащие краски, а и впрямь нечто стоящее) не в силах замаскировать того факта, что Г.К.Ч. ни малейшего представления не имел о «Севере», будь то языческом или христианском.

081 К Кристоферу Толкину

Кристофера перевели в лагерь под Стандертоном в Трансваале.

23–25 сентября 1944 (FS 51)
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой!

Нынче утром получили от тебя еще одно микрофильмированное письмо, как раз накануне твоего отъезда в Стандертон….. Мне ужасно приятно, что главы ты одобрил. Как только получу их назад, вышлю тебе следующую порцию; на мой взгляд, она еще лучше («О кролике, тушеном с травами», «Фарамир», «Запретная заводь», «Дорога до перепутья», «Лестницы Кирит Унгола», «Логово Шелоб» и «Выбор мастера Сэмуайза»)…..

Дома новостей немного. В Оксфорде света становится все больше. С окон постепенно снимают затемнение; на Банбери-Роуд — фонари в два ряда; а кое-где в переулках — обычные фонари. В четверг вечером отправился к «Инклингам» и, представляешь, впервые за пять лет ехал при свете, прямо как в мирное время, до самого Модлина. Были оба Льюиса и Ч. Уильямс; в придачу к приятной беседе — вот уже много лун был лишен-такого удовольствия, — послушали последнюю главу из книги Уорни, статью К. С. Л. и длинный образчик его перевода из Вергилия[179]. Домой отправился уже за полночь, часть пути прошел вместе с Ч. У., и разговор зашел о том, как трудно понять, что общего в понятиях, ассоциируемых со свободой в нынешнем значении этого слова, — если в них вообще есть нечто общее. Я в наличие этого общего не верю; само слово настолько затаскано пропагандой, что уже утратило какую бы то ни было значимость для разума и превратилось просто-напросто в дозу эмоций, стимулирующую накал страстей. В большинстве случаев оно вроде бы подразумевает следующее: те, кто над тобой стоит, должны говорить (от рождения) на том же самом языке — вот все, к чему в конце концов сводятся все запутанные представления о расе или нации; а в Англии — о классе, если на то пошло….. Разумеется, западные военные новости изрядно занимают наши умы; но тебе они известны ничуть не хуже, чем нам. Тревожные ныне времена, невзирая на преждевременное ликование.

Закованные в броню парни пока еще в гуще событий, и полагают (сдается мне), что гущи еще много будет. Не понимаю я

позиции Би-би-си (а также и газет — так что, видимо, главный источник — М[инистерство] И[нформации]): утверждается, что немецкая армия — это разношерстное сборище маркитантов и деморализованных неудачников, при том, что, судя по их же отчетам, эта армия оказывает яростнейшее сопротивление отборнейшим, превосходно экипированным войскам (а они и впрямь таковы), лучше которых в жизни не выходило на поле битвы. Англичане гордятся (или гордились раньше) своей способностью «вести себя спортивно» (что означает, между прочим, отдавать противнику должное); впрочем, один раз побывав на футбольном матче между командами высшей и первой лиги, убеждаешься, что умением вести себя спортивно обладают отнюдь не большинство обитателей этого острова. Однако грустно видеть, как наша пресса раболепствует и пресмыкается, прямо как Геббельс в его лучшие времена, вопя, что, дескать, любой немецкий командующий, который еще держится в этой отчаянной ситуации (при том, что это сопротивление со всей отчетливостью идет на пользу военным нуждам его стороны), — не иначе как пьяница и одураченный фанатик. Не вижу особой разницы между нашим общим настроем и пресловутыми «идиотами-военными». Мы отлично знаем, что Гитлер — вульгарный, невежественный хам, в придачу к прочим своим недостаткам (или их источнику); но при этом на свете полным-полно в. и н. хамов, которые по-немецки не говорят и которые в подобных же обстоятельствах продемонстрировали бы большинство гитлеровских характеристик. Вот в местной газете была основательная такая статья, которая на полном серьезе призывала к последовательному уничтожению всей германской нации: дескать, после военной победы иной образ действий просто немыслим; потому что, изволите ли видеть, немцы — они что, гремучие змеи, и в упор не видят разницы между добром и злом! (А как насчет автора?) Немцы столь же вправе объявлять поляков и евреев подлежащими уничтожению паразитами и недочеловеками, как мы — выбирать для этой цели немцев; иначе говоря, ни малейшего права у нас на это нет, что бы они ни натворили. Разумеется, здесь все еще ощущают некоторую разницу. На статью был ответ; ответ тоже напечатали. Вульгарный, Невежественный Хам пока еще не сделался большой шишкой; однако ж на этом родном зеленом острове у него на это куда больше шансов, нежели прежде. И обо всем об этом ты отлично знаешь. И все же не ты один хочешь порою выпустить пар и побушевать; а уж если я открою клапан, пару будет столько, что в сравнении с ним (как говаривала Королева Алисе) все это — еще цветочки. И ничего тут не поделаешь. Нельзя сражаться с

Врагом при помощи его же Кольца, не превращаясь во Врага; но, к сожалению, мудрость Гандальва, похоже, давным-давно ушла вместе с ним на Истинный Запад…..

Северо-западный ветер над Па-де-Кале унесся прочь, и у нас вновь — погожий сентябрьский денек, серебристое солнышко мерцает в вышине сквозь клочья облаков, что все еще довольно быстро летят с с.-з. Надо постараться управиться с «Перлом» и бросить его в алчную утробу Бэзила Блэкуэлла[180]. Но на меня тут накатила осенняя жажда странствий: как бы мне хотелось отправиться в путь с рюкзаком за плечами, не ставя себе никакой определенной цели — кроме череды тихих гостиниц. Одно из чересчур давно откладываемых удовольствий, которые непременно надо пообещать себе, когда Господу будет угодно освободить нас и позволить нам воссоединиться, — как раз вот такая пешая прогулка, желательно в гористом краю, неподалеку от моря, где шрамы войны, порубленные леса и расчищенные бульдозерами поля не так бросаются в глаза. Инклинги уже договорились, что отпразднуют победу — если, конечно, до нее доживут, — арендовав деревенскую гостиницу по меньшей мере на неделю и проведя это время исключительно за пивом и беседами, на часы даже не глядя!… Да пребудет с тобою Господь, да направит он тебя всегда и везде.

С любовью — твой родной папа.

082 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 30 сентября 1944 (FS 52)

Мы втроем только что вернулись сквозь дождливый вечер золотого дня из драмтеатра, с крайне жалкой постановки «Оружия и человека»: устарела пьеска, однако! Я встретил (в театре, с Ч. Уильямсом) достойную даму, которая перепечатывает «Кольцо», и надеюсь, что вскорости вышлю тебе еще. Не думаю, что стал бы писать дальше, если бы не надеялся показать это все тебе. В данный момент занимаюсь переработкой; не могу продвигаться дальше, не освежив в памяти все предыдущее. Помнишь главу «Король Золотого Чертога»? Выглядит неплохо, теперь, когда «отлежалась» и можно взглянуть на нее беспристрастно.

083 Из письма к Кристоферу Толкину 6 октября 1944 (FS 54)

Неделя выдалась на удивление интересная. Сам знаешь, как, нежданно-негаданно обнаружив в старом кармане позабытый Щиллинг, начинаешь чувствовать себя едва ли не богатеем, — даже если в тот момент и не на мели. И я вовсе не о том, что заработал около 51 фунта на возне с кадетами во время каникул, хотя и это неплохо. Я про то, что у меня в запасе *целая неделя*! Триместр начинается вовсе не сегодня, а лишь на следующей неделе! При одной этой мысли испытываю чудесное (пусть и безосновательное — за него мне еще придется расплачиваться) ощущение свободы….. Во вторник в полдень заглянул в «Птичку и м.» вместе с Ч. Уильямсом. К вящему моему удивлению, обнаружил внутри Джека и Уорни[181]: эти двое уже устроились за столиком. (Сейчас пиво уже не в дефиците, так что пабы вновь сделались почти пригодны для обитания.) Мы увлеченно беседовали — хотя сейчас уже ровным счетом ничего не помню, вот разве что рассказ К. С. Л. про одну знакомую старушку. (Она была студенткой английского отделения в стародавние дни сэра Уолтера Рали. На *viva* ее спрашивают: «В какую эпоху вам бы хотелось жить, мисс Б.?» «В XV в.», — отвечает она. «Да право, мисс Б., неужели вам не хотелось бы познакомиться с поэтами-лейкистами{97}?» «Нет, сэр, я предпочитаю общество джентльменов». Экзаменаторы оседают.) И тут приметил я в уголке высокого сухопарого чужака наполовину в хаки, наполовину в штатском, в широкополой шляпе, с живым взглядом и крючковатым носом. Остальные сидели к нему спиной, но я-то по его глазам видел, что наш разговор его явно занимает, — причем это не обычное страдальческое изумление британской (и американской) публики, оказавшейся в пабе рядом с Льюисами (и со мной). Прямо как Непоседа{98} в «Гарцующем пони»[182]; правда, ужасно похоже! И тут нежданно-негаданно он вмешался в беседу, подхватил какую-то реплику насчет Вордсворта — с престранным, ни на что не похожим акцентом. Спустя несколько секунд выяснилось, что это — Рой Кэмпбелл (автор «Цветущей винтовки» и «Пламенеющей черепахи»){99}. Немая сцена! Тем более что К. С. Л. не так давно опубликовал на него язвительный пасквиль в «Оксфорд мэгэзин», а его «вырезальщики» ни одного печатного издания не пропустят. В К. С. Л. все еще очень много ольстерского, даже если он сам того не видит. После того все завертелось стремительно и бурно, и на ланч я опоздал. Приятно

(пожалуй) было обнаружить, что этот яркий поэт и воин в Оксфорд приехал главным образом затем, чтобы познакомиться с Льюисом (и со мной). Мы договорились встретиться в четверг (то есть вчера) вечером. Если бы я только запомнил все то, о чем вчера вечером говорили в комнате у К. С. Л., этого бы на несколько авиаписем хватило. К. С. Л. воздал должное портвейну и сделался слегка агрессивен (настоял на том, чтобы еще раз зачитать вслух свой пасквиль, а Р. К. над ним хохотал); но главным образом мы довольствовались тем, что слушали гостя. Окно в большой мир; и при этом сам по себе это человек мягкий, скромный, сострадательный. Больше всего потрясло меня то, что этот умудренного вида, потрепанный войной Непоседа, прихрамывающий от недавних ран, на девять лет меня младше, и я, возможно, знавал его еще подростком: он жил в О[ксфорде], когда мы жили на Пьюзи-стрит (снимали квартиру на пару с композитором Уолтоном[183], общались с Т. В. Эрпом, родоначальником олухов, и с *Чайльдом Уильфридом*[184], твоим крестным, — чьи работы он ставит весьма высоко). Ас тех пор он столько всего совершил, что просто описанию не поддается. Вот вам отпрыск прот.{100} ольстерского семейства, обосновавшегося в Южной Африке, — причем большинство его представителей воевало в обеих войнах; обратился в католицизм после того, как укрывал в Барселоне отцов-кармелитов; все напрасно, их схватили и безжалостно убили, а Р. К. едва не поплатился собственной жизнью. Но он спас архивы кармелитов из горящей библиотеки и пронес их через всю «коммунистическую» страну. Он бегло говорит по-испански (был профессиональным тореадором). Как ты знаешь, потом он всю войну сражался на стороне Франко и, помимо всего прочего, оказался в авангарде отряда, который выдворил «красных» из Малаги так быстро, что их генерал (Вильальба, кажется) даже награбленную добычу унести не смог — и оставил на столе руку святой Терезы вместе со всеми драгоценностями. Он массу всего интересного порассказал о ситуации на Гиб. со времен войны (в Испании). Но при этом он — истинный патриот, и с тех самых пор сражается в Б. армии. Ну-ну. Мартин д'Арси[185] за него ручается и наказал ему нас разыскать. Жаль, я не запомнил и половины его пикарескных историй, все про поэтов, музыкантов и тому подобную публику, от Питера Уорлока до Олдоса Хаксли. Больше всего мне понравилась байка про грязнулю Эпстайна (скульптора): про то, как он с ним подрался и на неделю уложил его в госпиталь. Однако ж передать впечатление от личности столь незаурядной — он и солдат, и поэт, и новообращенный христианин — просто невозможно. Как он не похож на «левых» —

этих вояк в вельветовых штанах{101}, что бежали в Америку (в их числе Оден, который заодно со своими дружками добился от городского совета Бирмингема «запрета» на книги Р. К.!) Надеюсь на следующей неделе увидеться с ним снова. Из Модлина мы разошлись уже за полночь; я прошел с ним вместе до Боумонт-стрит. К. С. Л. отреагировал крайне странно. Вот вам высший комплимент «красной» пропаганде: он (отлично зная, что во всем остальном они — лжецы и клеветники), свято верит всему, что говорится против Франко, и ничему — в его пользу. Даже открытая речь Черчилля в парламенте нисколько его не поколебала. Но, в конце концов, ненависть к нашей церкви — вот единственное подлинное основание а[нгликанской] ц[еркви]: заложенное столь глубоко, что остается непоколебимым даже тогда, когда надстройка вроде бы снята (так, К. С. Л. чтит Святое причастие и восхищается монахинями!). Однако ж, если засадить в тюрьму лютеранина, он «под ружье» встает, а ежели перебить католических священников, он просто не верит (и смею предположить, думает про себя, что святые отцы сами напросились). Впрочем, Р. К. слегка его встряхнул…..

Ты будь добр, «болтай о пустяках» и дальше. Письма, они ведь не обязательно про внешние события (хотя любые подробности всячески приветствуются). То, что ты думаешь про себя, ничуть не менее важно: Рождество, гудение пчел и все такое прочее. И с какой стати ты полагаешь, будто встреча с химиком-ботаником…. не стоит упоминания, просто взять в толк не могу. По-моему, так прелюбопытная встреча….. На самом-то деле страшны и невыносимы вовсе не *люди* (пусть даже дурные) и не то, что *к людям отношения не имеет* (например, погода), а *создания рук человеческих*. Если бы рагнарек[186] выжег все трущобы, и газовые заводы, и обветшалые гаражи, и освещенные дуговыми лампами бесконечные пригороды, так мог бы заодно и все произведения искусства спалить — а я бы вернулся к деревьям.

084 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 12 октября 1944 (FS 55)

Во вторник снова попытался писать (ну еще бы, триместр на носу!), но обнаружил крайне неприятную ошибку (на один-два дня) в синхронизации, на данной стадии оч. важной, в том, что касается передвижений Фродо и остальных; пришлось немало поразмыслить и потрудиться; а теперь вот потребуется вносить жуткую уйму всяких мелких поправок в разные главы; но, как бы то ни было, наконец-то приступил к Книге Пятой (и последней; на «книгу» приходится глав по десять). Сегодня отослал «Лист работы Ниггля» в «Даблин ревью»: мне написал их редактор, прося стихов или прозы.

085 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 16 октября 1944 (FS 56)

Все сражаюсь с беспорядочной хронологией «Кольца»; ужасно раздражающее занятие: не только отвлекает от других, более насущных и скучных обязанностей, но и дальше продвигаться не дает. Надеюсь, я наконец разрешил все проблемы, внеся мелкие изменения в карту, приписав добавочный день к Энтмуту и растянув еще на несколько дней погоню Непоседы и путешествие Фродо (небольшая поправка к первой главе, которую я только что отослал: два дня от Моранноне до Итилиэна). Но теперь у меня снова лекции, и «Перл» в придачу.

086 Из письма к Кристоферу Толкину 23 октября 1944 (FS 57)

Только что выходил взглянуть на небо: шум стоит жуткий; давненько уже в небесах такой Великой Армады не собиралось. Полагаю, упоминать об этом можно; к тому времени, как ты получишь это письмо, какое-то место уже перестанет существовать, и весь мир об этом узнает — и успеет позабыть…..

Ничего толком не получается сделать: времени абсолютно нет; все время чувствую себя усталым — или смертельно скучаю. Кажется, если бы явился ко мне джинн и предложил исполнить желание: «Чего бы тебе действительно хотелось?» — я бы ответил: «Ничего. Поди прочь!»….

Что до богохульства, здесь уместно лишь вспомнить (там, где они применимы) слова: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают»{102}, — или говорят. И отчего-то кажется мне, что Господа Нашего на самом деле куда больше огорчают те обиды, что мы наносим друг другу, нежели те проступки, что мы совершаем противу него, в особ, его воплощенной личности. А с лингвистической точки зрения нет особой разницы между «черт тебя побери», — произнесенного бездумно и даже в неведении о том, сколь велик и грозен Единый Судия, — и тем, о чем ты пишешь. Слова как сексуальные, так и сакральные утратили всякий смысл, сохранив разве что тень былой эмоциональности. Нет, я вовсе не отрицаю, что это дурно; более того, это и впрямь утомляет, удручает и бесит, но это, конечно же, не *богохульство* в прямом смысле слова.

087 К Кристоферу Толкину 25 октября 1944

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой друг, вот тебе еще немного «Кольца»: понаслаждаться (я надеюсь!) и покритиковать; а вот возвращать не нужно. До конца «Четвертой Книги» осталось две главы; а после того надеюсь докончить «Пятую» и последнюю. Вчера написал длинное авиаписьмо; до твоего дня рождения напишу и еще (уж, разумеется!). Боюсь, эта посылочка вовремя к тебе не поспеет.

«Дорогой мистер Толкин, я только что прочел вашу книгу «Хоббит» в одиннадцатый раз и хочу рассказать вам, что я о ней думаю. Я думаю, что ничего более замечательного я не читал. Просто описанию не поддается… Ух, класс! Просто удивляюсь, почему она не популярна еще больше… Если вы написали еще какие-нибудь книги, пожалуйста, не сообщите ли вы мне, как они называются? Джон Барроу, 12 лет

Уэст-таунская школа, Уэст-таун, Пенсильвания».

Вот, подумал, выдержки из полученного вчера письма тебя позабавят. Эти письма — а я их до сих пор время от времени получаю (если не считать ароматов фимиама, которых человек падший ну никак не может не посмаковать) — меня отчасти удручают. Сколько же тысяч зерен доброго человеческого злака, верно, падает на бесплодную каменистую почву, если столь крохотная капелька воды способна так опьянить! Но, наверное, надо быть благодарным за милость и удачу, позволившие мне дать людям хотя бы эту каплю. Благослови тебя Господь, любимый мой. Как ты думаешь, удастся ли «Кольцо» и дойдет ли до жаждущих?

Твой родной папа.

До чего славно обнаружить, что американские мальчики на самом Деле до сих пор говорят: «Ух, класс!»

088 Из письма к Кристоферу Толкину 28 октября 1944 (FS 58)

Этот пустопорожний год тонет в унылой, пасмурной, скорбной тьме; такой тягучий и вместе с тем такой мимолетный и эфемерный. Что несет нам новый год и весна? Уж и не знаю.

089 Из микрофильмированного письма к Кристоферу Толкину 7–8 ноября 1944 (FS 60)

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

….То, что ты заговорил о заботе твоего ангела-хранителя, внушает мне опасения, что в нем и впрямь нужда превеликая. Думаю, так оно и есть….. А еще ты напомнил мне о внезапном озарении (или, может статься, осознании, которое сей же миг облеклось у меня в голове в форму картинки), что я пережил совсем недавно, пробыв полчаса в церкви Св. Григория перед Святым причастием, в то время как там шло Quarant'Ore[187]. Я видел Свет Божий (или думал о нем); и в нем подрагивала одна крошечная пылинка (или миллионы пылинок, к одной-единственной из которых и был прикован мой смиренный разум), и мерцала белизной, потому что отдельный луч Света удерживал ее — и озарял. (Не то чтобы Свет разбивался на множество отдельных лучей; но само по себе существование пылинки и ее местонахождение по отношению к Свету образовывало прямую линию, и эта линия тоже была Свет.) И луч этот был Ангелом-Хранителем пылинки; не нечто, вставшее между Господом и его творением, но само внимание Господа — олицетворенное. Говоря «олицетворение», я не имею в виду просто-напросто фигуру речи, как это в языке людей принято, но вполне реальное (конечное) существо. А размышляя об этом с тех самых пор — ибо все это произошло мгновенно, нескладными словами этого не передашь, — и, уж конечно, не передашь великого чувства радости, что этому переживанию сопутствовало, равно как и понимания, что сияющая уравновешенная пылинка — это я (или любой другой человек, о котором я способен подумать с любовью), — я вот вдруг подумал, что (я говорю с опаской и понятия не имею, допустимо ли подобное представление; в любом случае, оно стоит особняком от видения Света и парящей пылинки) это — конечная параллель Бесконечного. Как любовь Отца и Сына (каковые беспредельны и равны) Олицетворена, вот так и любовь и внимание Света к Пылинке — тоже олицетворены (то есть одновременно пребывают и с нами, и в Небесах): любовь эта конечна, но божественна; т. е. ангельской природы. Как бы то ни было, милый ты мой, я получил утешение, что отчасти облеклось в эту причудливую форму, которую (боюсь) я так и не

смог внятно передать: скажу лишь, что теперь я отчетливо представляю, как ты паришь и сияешь в Свете — хотя лицо твое (как лица всех нас) от него отвращено. Однако нам дано различить этот отблеск в лицах других (а также и в людях, воспринятых через любовь)…..

В воскресенье мы с Приской поехали на велосипедах в церковь Св. Григория, под дождем и ветром. П. как раз сражалась с простудой и иной немощью, так что поездка непосредственной пользы ей почти не принесла, хотя сейчас ей уже лучше; зато мы послушали одну из лучших (и самых длинных) проповедей о. К. Превосходнейший комментарий на воскресное Евангельское чтение (исцеление женщины и дочери Иаира) благодаря сравнению трех евангелистов прозвучал необыкновенно ярко и живо. (П. особенно позабавило замечание, что святой Лука, сам будучи врачом, не порадовался предположению о том, что бедной женщине из-за докторов сделалось еще хуже, так что эту подробность он смягчил.) А еще — благодаря его ярким иллюстрациям из числа современных чудес. Сходный случай с женщиной, страдающей тем же самым недугом (из-за разросшейся маточной опухоли), которая мгновенно исцелилась в Лурде, так что опухоль пропала бесследно, а пояс оказался ей вдвойне широк. И еще одна невероятно трогательная история про маленького мальчика с туберкулезным перитонитом: он кг обрел исцеления, и родители горестно увезли его прочь на поезде, уже умирающего, в сопровождении двух медсестер. Поезд тронулся, проехал в пределах видимости грота. Мальчик сел на постели. «Я хочу пойти поговорить с девочкой», — в том же поезде ехала одна исцеленная малышка. Он встал, дошел до девочки, поиграл с ней, потом вернулся и сказал: «Я проголодался». Ему дали кекс, и две чашки шоколада, и гигантские сэндвичи с консервированным мясом, — и он все это съел! (Это было в 1927 году.) Вот так Господь наш велел дать маленькой дочке Иаира поесть. Так просто, так обыденно: ибо чудеса именно таковы. В реальной, повседневной жизни они — инородное явление (как в заблуждении своем говорим мы); но жизнь, в которую они вторгаются, реальная, и поэтому чудеса требуют самой обычной пищи и прочего. (Разумеется, о. К. не устоял перед искушением добавить: а еще был один монах-капуцин; страдая от смертельного недуга, он ничего не ел многие годы, и вот исцелился, и так обрадовался, что немедленно побежал и слопал целых два обеда; и в ту ночь мучился не привычными болями, но приступом самого что ни на есть обычного несварения желудка!) Но история про маленького мальчика (разумеется, *факт* должным образом засвидетельствованный), — когда, казалось,

все кончится плохо, а затем вдруг, нежданно-негаданно, закончилось счастливо, — глубоко меня растрогала; я испытал это ни на что не похожее чувство, что всем нам доводится переживать, хотя и нечасто. Ни на какое другое ощущение оно не похоже. И внезапно я понял, что это такое: то самое, о чем я пытаюсь писать, что пытался объяснить в пресловутом эссе о волшебных сказках, — мне так хочется, чтобы ты его прочел, так что я, наверное, все-таки тебе его вышлю.

Для обозначения этого чувства я создал термин «эвкатастрофа»: внезапный счастливый поворот сюжета, от которого сердце пронзает радость, а на глазах выступают слезы (я доказывал, что высшее предназначение волшебных сказок как раз и состоит в том, чтобы вызывать это чувство). И тут меня подтолкнули к мысли: а ведь особое воздействие его объясняется тем, что чувство это — внезапный отблеск Истины; все твое существо, скованное материальными причинно-следственными связями, этой цепью смерти, внезапно испытывает глубочайшее облегчение: как если бы вывихнутая рука или нога внезапно встала на место. Все твое существо вдруг понимает — если история обладает литературной «истинностью» на вторичном плане (подробнее смотри эссе): вот, оказывается, как на самом деле оно все действует в Великом Мире, для которого мы созданы. И в заключение я сказал, что Воскресение явилось величайшей «эвкатастрофой», возможной в величайшей Волшебной Сказке, и вызывает это ключевое чувство: христианскую радость, от которой слезы на глаза наворачиваются, потому что, по сути своей, она так сходна со страданием и приходит из тех пределов, где Радость и Страдание неразделимы и примирены, точно так же, как себялюбие и альтруизм теряются в Любви. Разумеется, я отнюдь не хочу сказать, что Евангелия рассказывают *только* волшебную сказку и не более того; но я решительно утверждаю: да, Евангелия и впрямь рассказывают волшебную сказку: самую великую из всех. Человеку-рассказчику предстоит спастись тем способом, что созвучен его природе: посредством волнующей истории. Но поскольку автор ее — высший Художник и Автор Реальности, — его волей эта история тоже сбылась и стала истинной на Первичном Плане. Так что в Главном Чуде (Воскресении) и в меньших христианских чудесах тоже, хотя и в меньшей степени, ты провидишь не только внезапный отблеск истины за кажущейся *Anankк*[188] нашего мира, но отблеск, который на самом деле — луч света, пробившийся сквозь щели Вселенной вокруг нас. В один прекрасный день, совсем недавно, я ехал на велосипеде мимо Рэдклифф-ской больницы, как вдруг со мной приключилось

одно из тех внезапных озарений, что порою приходят во сне (и даже под наркозом). Помню, как воскликнул вслух с абсолютной убежденностью: «Ну, конечно же! Конечно же, вот как оно все на самом деле работает!» Но я не смог воспроизвести последовательность аргументов, к этой мысли приведшую, хотя ощущение было такое, как если бы убедили меня доводы рассудка (пусть минуя рассуждения). И с тех пор я все думаю, что одна из причин, почему, когда просыпаешься, не удается уловить этот чудесный довод или секрет, заключается просто-напросто в том, что никаких доводов и не было; было (и, наверное, часто бывает) то, что ум (т. е. рассудок) воспринял истину напрямую, вне последовательности аргументов, с которыми приходится иметь дело в нашей растянутой по времени жизни. Впрочем, как есть, так есть. Спускаясь на грешную землю: я понял, что «Хоббит» — и в самом деле хорошая история, когда, перечитывая книгу (после того, как она как следует «отлежалась» и я смог от нее абстрагироваться), я внезапно ощутил довольно сильное «эвкатастрофическое» чувство от восклицания Бильбо: «Орлы! Орлы летят!»…. И в последней главе «Кольца» из мною уже написанных, я надеюсь, ты заметишь, когда получишь (скоро уже отправлю!), как лицо Фродо становится мертвенно-бледным, убеждая Сэма в смерти хозяина, как раз в тот момент, когда Сэм утрачивает надежду.

А пока мы еще, так сказать, не ушли с крыльца церкви Св. Григория в воскресенье 5 ноября, мне там явилось трогательнейшее зрелище. Мы вышли из церкви: прислонясь к стене, там стоял оборванный старик-бродяга, на ногах — что-то вроде сандалий, прикрученных веревкой, на запястье висит старая жестянка, в другой руке — грубый посох. У него была бурая борода и, на удивление, «чистое» лицо; синие глаза завороженно глядели в даль; погруженный в свои мысли, он не обращал внимания на людей и уж точно не попрошайничал. Я не удержался: подал ему небольшую милостыню; бродяга принял деньги серьезно и кротко, учтиво поблагодарил меня — и вернулся к созерцанию. В кои-то веки я несколько ошеломил о. К., сказав ему, что, по-моему, старик куда больше похож на святого Иосифа, нежели статуя у нас в церкви, — по крайней мере, на святого Иосифа на пути в Египет. Казалось, это (что за счастливая мысль в наши подлые дни, когда нищета порождает только грех и несчастья!) святой бродяга! Я в любом случае за это поручился бы, но вот П. говорит, Бетти[189] ей поведала, что старик был на утренней мессе и причастился, а набожность его видна невооруженным глазом — настолько, что многим стала уроком. Не знаю уж почему, но меня это несказанно обрадовало и

утешило. О. К. говорит, старик объявляется здесь примерно раз в год.

Что за необычное вышло письмо! Надеюсь, оно не покажется тебе совершенной невнятицей; ибо события подтолкнули меня к темам, о которых не порассуждаешь без вымарывания и переписывания, а в авиаписьмах такое невозможно!…. Ну, так докончим дневник….. В понедельник (если не путаю) скончалась курица — одна из близняшек-бентамок; разумеется, в тот же день была предана земле. Примерно с 10:40 до 12:50 общался с К. С. Л. и Ч.У., однако о пиршестве разума и диалоге душ почти ничего не помню; главным образом оттого, что мы настолько сходимся во взглядах. Утро выдалось ясное, шелковица в рощице под окном у К. С. Л. сияла бледным золотом на фоне кобальтово-синего неба. Но погода вновь ухудшилась; во второй половине дня разобрался с препакостнейшим делом. Поставил клеевые кольца на все деревья (в смысле, яблони): приладил 16 липких ловушечек. Потратил на это два часа, и примерно столько же на то, чтобы отмыть от этой гадости руки и инструменты. В прошлом году я этим делом пренебрег — и потерял 1/2 роскошного урожая в пользу «плодожорки». Не удивлюсь, если на следующий год яблони не зацветут: чего и ждать от этого «какокатастрофичного», падшего мира. Вторник: лекции; краем глаза увидел в «Птичке» бр. Льюис и Уильямса. В «Птичке» — пусто, просто красота! Пиво улучшилось, хозяин так и сияет, так и расплывается в приветственных улыбках! Даже камин ради нас растопил!….

Кстати, ты спрашивал про «лорда Нельсона», — это было на предварительном заседании по поводу учреждения Объединенного Христианского Совета, — уж он-то ни одного не пропустит. Забыл тебе рассказать: на гилгудовском «Гамлете» он дождался паузы и заорал с бельэтажа: «Отличная постановка; мне очень нравится, вот только ругательства повыбрасывайте!» То же самое он проделал в драмтеатре. В Новом театре его едва не линчевали. А ему все — как с гуся вода…..

Твой родной папа.

090 К Кристоферу Толкину 24 ноября 1944 (FS 64)

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой, с тех пор, как я в последний раз тебе писал, от тебя письма, нам на радость, так и посыпались…..Нас ужасно позабавил твой рассказ о церемонии вручения «крылышек». Интересно, как «местному оркестру» понравилось со свистом носиться в воздухе! А еще я подивился про себя: и как это тебя угораздило прочесть и запомнить цитату из гномических стихов Эксетерской книги. И впрямь убедительный довод (а ведь прежде мне это и в голову не приходило) в защиту поющих в ванне! При виде англосаксонских строчек я ужасно порадовался; от души надеюсь, что вскорости ты вернешься и усовершенствуешь свои познания в этом благородном наречии. Как говорил отец сыну: «Is nu fela folca paette fyrnge-writu healdan wille, ac him hyge brosnap». Что можно считать комментарием по поводу переполненных университетов — и заката учености. «Ныне толпы народу хотят добраться до древних рукописей, но разум их угасает!» Мне приходится преподавать древнеанглийский либо рассуждать о древнеанглийском с таким количеством юнцов, напрочь лишенных таланта или хотя бы склонности усвоить предмет или извлечь из него хоть какую-то пользу….. Вчера 2 лекции; потом переписал заключения комиссии по досрочным экзаменам…. а затем великое событие: вечер у «Инклингов». В «Митру» добрался к 8; там ко мне присоединились Ч. У. и Рыжий Адмирал{103} (Хавард), вознамерившиеся подзаправиться топливом, прежде чем присоединяться к слегка подгулявшим сотрапезникам в Модлине (К. С. Л. и Оуэну Барфилду). К. С. Л. так соловьем и разливался, но и мы были в неплохой форме. О. Б. — единственный, кто справляется с К. С. Л., заставляет его всему давать определения и перебивает его самые догматические утверждения ненавязчивыми *distingue*{104}. В результате получился самый что ни на есть занимательный дискуссионный вечер, на котором (если бы нас подслушивал посторонний) могло показаться, будто сошлись заклятые враги и осыпают друг друга оскорблениями, прежде чем повыхватывать пистолеты. Уорни был в превосходной «майорской» форме. В какой-то момент, когда аудитория наотрез отказалась дослушать до конца рассуждение Джека и его определение понятия «Случай», Джек объявил: «Хорошо же, отложим до другого раза; но если нынче ночью вы вдруг

скончаетесь, вы умрете, зная о Случае куда меньше, чем могли бы». Уорни: «Это лишний раз иллюстрирует то, что я всегда говорил: нет худа без добра». Но было и немало всего интересного. Небольшая пьеска про Язона и Медею за авторством Барфилда, 2 превосходных сонета, присланных К. С. Л. одним начинающим поэтом; и весьма поучительная дискуссия о «призраках» и об особой природе гимнов (К. С. Л. состоит в комиссии по пересмотру «Древних и современных»{105}). Ушел я никак не раньше 12.30 и до постели добрался в первом часу утра…..

Твой родной папа.

091 К Кристоферу Толкину 29 ноября 1944

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой!

Вот небольшая порция «Кольца»: последние две из написанных глав и конец Четвертой Книги этого великого романа, в котором, как ты сам увидишь (что в общем несложно), я загнал героя в такой переплет, что теперь даже сам автор не вытащит его без труда и усилий. Последняя глава растрогала Льюиса едва ли не до слез. И все равно, мне главным образом хочется узнать твое мнение; ведь я уже давно пишу, имея в виду в основном тебя.

Вижу по моему «журналу», что послал тебе 3 главы 14 октября и еще 2—25 октября. Это, я так понимаю, были: «Кролик, тушеный с травами», «Фарамир», и «Запретная заводь», и «Дорога до Перепутья», и «Лестницы Кирит Унгола». Первая посылка уже должна была до тебя дойти, надеюсь, примерно ко дню рождения; вторая вскорости воспоследует; хотелось бы верить, что новая партия прибудет к тебе в начале нового года. С нетерпением жду твоего вердикта. Ужасно раздражает, когда твой главный читатель от тебя в Десяти Тысячах Миль или летает туда-сюда на Грохочущем Ставне. Для читателя оно, конечно же, еще тяжелее, но авторы, будучи авторами, безнадежно эгоцентричное племя. Книга Пятая и Последняя открывается тем, что Гандальв скачет в Минас Тирит; этим эпизодом заканчивается последняя глава Третьей Книги, «Палантир». Кое-что из этого уже написано или существует в набросках. Далее последует снятие осады Минас Тирита благодаря атаке всадников Рохана, в ходе которой падет король Теоден; Гандальв и Арагорн отбросят врага назад к Черным Вратам; переговоры, в ходе которых Саурон предъявит разнообразные свидетельства (такие, как митрильную кольчугу), доказывающие, что Фродо у него в руках, однако Гандальв обсуждать условия откажется (и все равно — страшная дилемма, даже для мага). Затем действие переместится назад к Фродо и к его спасению Сэмом. С высоты они увидят, как из Черных Врат хлынут все громадные Сауроновы резервы, и поспешат вдвоем через всеми покинутый Мордор к горе Рока. С уничтожением Кольца, — как именно это произойдет, я не уверен: все эти последние отрывки были написаны давным-давно и теперь уже не годятся ни в том, что касается подробностей, ни в том, что

касается размаха (ибо вся вещь сделалась куда грандиознее и возвышеннее), — Бараддур{106} рушится, и войска Гандальваустремляются в Мордор. Фродо и Сэма, что сражаются с последним из назгул на скальном островке, в окружении огня, извергающегося из горы Рока, спасает орел Гандальва; а затем придется распутать все разрозненные сюжетные линии, вплоть до пони Билла Ферни. Немало этой работы придется на последнюю главу, где Сэм зачитывает своим детишкам отрывки из огромной книги и отвечает на все их вопросы о том, что и с кем случилось (это будет перекликаться с его рассуждениями о сути историй на Лестницах Кирит Унгола)[190]. Однако заключительным эпизодом станет поездка Бильбо, Эльронда и Галадриэль через Ширские леса по дороге к Серым Гаваням. Фродо присоединится к ним и уйдет за Море (перекличка с его видением дальней зеленой страны в доме Тома Бомбадила). Так заканчивается Средний Век и начинается Владычество Людей, и Арагорн на далеком троне Гондора трудится не покладая рук, чтобы установить некоторый порядок и сохранить память о прошлом среди беспорядочной людской массы, что хлынула на Запад волею Сауро-на. Но Эльронд уплыл, и все Высокие эльфы — тоже. Что сталось с энтами, я пока не знаю. Возможно, когда я начну записывать, все получится совсем не так, как в этом плане; книга словно сама собою пишется, стоит мне начать, как если бы только тогда и обнаруживается истина, лишь частично угаданная в предварительных набросках…..

С любовью — твой родной папа.

092 Из письма к Кристоферу Толкину 18 декабря 1944 (FS 68)

То, что ты о себе рассказываешь, не то чтобы способствует моему душевному спокойствию: опасное это ремесло, ну да сохранит тебя Господь, милый мой мальчик; но, поскольку отчасти оно радует тебя куда больше, нежели все, что происходило с тобою до сих пор, я тем утешаюсь. Мне было бы куда приятнее, если бы день твой планировался разумнее, чтобы ты имел возможность отдохнуть как следует: обучение посредством стрессов кажется мне абсурдом. Но, боюсь, Воздушные Силы в основе своей абсурдны *per se*{107}. Как бы мне хотелось, чтобы ты не имел ничего общего с этим кошмаром. По правде говоря, для меня это — тяжкое потрясение, что мой родной сын служит этому современному Молоху. Однако подобные сожаления тщетны; я отчетливо понимаю, что твой долг — выполнять эту службу настолько хорошо, насколько хватит сил и способностей. В любом случае это, наверное, лишь своего рода брезгливость: так человек, обожающий (или обожавший) бифштекс и почки, не желает ничего знать о скотобойне. Пока война ведется таким оружием и любая выгода принимается (как, скажем, сохранение собственной шкуры и даже «победа»), ужасаться военным самолетам означает лишь уходить от проблемы. И все равно я ужасаюсь…..

Нынче утром….. пообщался немного с К. С. Л. У него назревает четвертая (или пятая?) книга, которая, по всей вероятности, пересечется с моей (смутно намеченной третьей[191]). Я тут последнее время набираюсь всяких новых идей насчет доисторической эпохи (через Беовульфа и разные другие источники, о которых, может, и писал) и хочу включить это все в одну историю про путешествие во времени, которую я некогда начал и давным-давно отложил в долгий ящик. К. С. Л. обдумывает историю про потомков Сета и Каина. А еще мы прикидываем, не написать ли нам в сотрудничестве книгу о «языке» (его природе, происхождении, функциях)[192]. Где бы только взять времени на все эти проекты!

093 К Кристоферу Толкину 24 декабря 1944 (FS 70)

Я оч. рад, что тебе понравились следующие три главы «Кольца». Третья посылка должна попасть к тебе около 10 декабря, а последняя — 14 января. Буду рад новым комментариям — как только выкроишь время. Разум., Сэм — наиболее тщательно прорисованный персонаж, преемник Бильбо из первой книги; истинный хоббит. Фродо не так интересен, потому что по необходимости возвышен и обременен (так сказать) миссией. Книга, пож., закончится на Сэме. По выполнении великого Квеста{108} Фродо, естественно, сделается слишком благородным и изысканным и уйдет на Запад вместе со всеми выдающимися личностями; а вот С. обоснуется в Шире, среди садов и пабов. Ч. Уильямс, который тоже читает это все, говорит: замечательно, что в центре ее — не раздор, война и героизм (хотя и они тоже изображены с пониманием), но свобода, мир, повседневная жизнь и доброе расположение духа. И тем не менее он согласен, что для всего этого необходимо существование огромного мира за пределами Шира, — иначе все это станет избитым и банальным в силу привычки и погрязнет в рутине…..

К слову сказать, ты сперва написал *Harebell*, а потом переправил на *Hairbell*. Не знаю, интересно ли тебе это; просто я однажды подробно изучил вопрос с этим названием — поспорив с одним догматиком-ученым. Совершенно очевидно, что (а) старый вариант названия — *harebell* («животное» название, подобно многим другим старым названиям цветов), и (б) означает оно «гиацинт» (*hyacinth*), а не «колокольчик» (campanula). *Bluebell* — название сравнительно новое, было придумано как раз для колокольчика; шотландские *«bluebells»* — конечно же, колокольчики, а вовсе никакие не гиацинты{109}. За перенос названия (в Англии, не в Шотландии; и, если на то пошло, не в неиспорченных провинциальных диалектах отдельных областей Англии), а также и за надуманное написание *hairbell*, кажется, ответственность несут невежественные (в том, что касается этимологии) и надоедливые педанты-ботаники нашего времени, — из тех, что предлагали *folk'sglove* вместо *foxglove*{110} — и вводят нас в заблуждение. Что до последнего, корень, вызывающий здесь некоторое сомнение, это *glove*, а не *fox*. *Foxes glofa* встречается в древнеанглийском; в таком варианте, а также и в форме — *clyfa*: в старинных травниках, где несколько

необдуманно используется для обозначения растений с крупными широкими листьями, напр., лопуха (его еще называют *foxes clife*, ср. *clifwyrt*{111} = *foxglove*). Об этих древних ассоциациях с животными почти ничего не известно; расшифровке они не поддаются. Возможно, в ряде случаев они восходят к утраченным сказкам о животных. Любопытно было бы попробовать сочинить сами сказки под эти названия.

А ты по-прежнему придумываешь названия для встреченных неизвестных цветов? Если да, то помни: древние названия не всегда описательны, но очень часто загадочны! Мне лучше всего удались (на эльфийском языке, на диалекте номов) *эланор* и *нифредиль*; очень мне нравятся также англосаксонские *сюмбельминэ*, или *незабвенники*, что растут на Великом Роханском кургане. Пожалуй, надо будет придумать еще чего-нибудь для Сэмова садика в финале.

094 К Кристоферу Толкину 28 декабря 1944 (FS 71)

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой!

Тебе вовсе незачем себя упрекать! Писем от тебя приходит множество, иоч. быстро….. Я очень рад, что третья порция «Кольца» уже прибыла — и тебе понравилась; хотя, кажется, еще больше усилила твою тоску по дому. Вот вам разница между литературой и реальностью: любой, оказавшись на лестнице Кирит Унгола на самом деле, немедленно захотел бы перенестись в любой другой уголок мира, кроме пресловутого Мордора. Но если лит. нас хоть чему-нибудь учит, так вот чему: есть в нас некая извечная составляющая, свободная от забот и страха, которая в силах глядеть на те явления, что в «жизни» мы благодушно называем злом (нет, не то, что мы их недооцениваем, просто нашего душевного равновесия они не нарушают). Не в точности так же, но сходным образом мы, вне всякого сомнения, окинем взглядом нашу собственную историю, когда ее узнаем (а заодно узнаем и Всю Историю куда полнее и подробнее). Боюсь, следующие две главы придут нескоро (примерно в середине января), о чем весьма жалею: и дело не только в том, что они оч. увлекательные и волнующие (сдается мне), но еще в уста Сэма вложены небезынтересные замечания о соотнош. историй и «приключений» как таковых. Но я почитаю за триумф то, что эти две главы, которые казались мне не такими удачными, как остальные в Четвертой Книге, заставили тебя позабыть о шуме в комнате отдыха экипажей!….

Погода для меня — одно из главных событий Рождества. Ударил мороз, лег густой туман, так что у нас тут роскошная изморозь: на моей памяти в Оксфорде такое бывало лишь однажды (кажется, еще в том доме[193]), и лишь дважды — за всю мою жизнь. Одно из красивейших чудес Северной Природы. Мы проснулись (довольно поздно) в день Св. Стефана и обнаружили, что все окна сделались матовыми и украсились морозными узорами, а снаружи смутно угадывается безмолвный, одетый в дымку мир, белый-белый, искрящийся драгоценными кристаллами инея; каждая паутинка — обрывок кружева, и даже старый навес для кур превратился в разубранный бриллиантами шатер. Я провел день (покончив с домашними делами, стало быть, где-то начиная с 11:30, потому что встал поздно) на свежем

воздухе, хорошенько закутавшись во всякое старье: вырубил сухую ежевику и развел костер; дым неподвижной, неколебимой колонной поднимался вертикально вверх, прямо к затянутому туманом своду…..

Вчера иней лег еще плотнее, еще сказочнее. Когда проглянуло солнце (около 11), стало так красиво, что просто дух захватывало: деревья точно застывшие фонтаны белых, ветвящихся струй на фоне золотого зарева и бледной прозрачной голубизны высоко над головой. И все это не тает. Около 11 часов туман развеялся, и круглая луна с высоты затопила пейзаж мертвенно-белым светом: просто-таки видение иного мира или иного времени. Ветер совсем стих; я стоял в саду без шляпы и пальто и даже не Дрожал, хотя температура наверняка была изрядно минусовая…..

Мистер Иден на днях выразил в палате[194] огорчение по поводу событий в Греции, «на родине демократии». Он что, невежда или лицемер? **δημοχρατὶα** в греческом языке термин нисколько не лестный и означал приблизительно «власть черни»; мистер Иден и не подумал отметить, что греческие философы — а Греция куда в большей степени родина философии, — демократию отнюдь не одобряли. А великие греческие города-государства, особ. Афины в зените могущества и в пору расцвета искусств, представляли собою скорее диктатуры, если не военные монархии, как в случае Спарты! А современная Греция имеет столь же мало отношения к древней Элладе, как, скажем, мы — к Британии до Юлия Агриколы{112}…..

Твой родной папа.

095 Из письма к Кристоферу Толкину 18 января 1945 (FS 76)

Читал до 11:50, пролистывая такие насыщенные и для меня просто захватывающие страницы «Англосаксонской Англии» Стентона. Вот период, заполненный по большей части самыми что ни на есть интригующими Вопросительными Знаками. Чего бы я не отдал за машину времени! Но, разумеется, при моем-то складе ума (столь отличном от стентоновского) привлекают меня и западают в память главным образом расовые и лингвистические подробности. И однако ж надеюсь, что в один прекрасный день ты сможешь (если захочешь) углубиться в эту интригующую повесть о происхождении нашего необычного народа. В частности, нас. Ибо, если не считать Толкинов (а этот род, надо думать, давным-давно истощился), ты — мерсиец или уичиец (житель Уичвуда, стало быть) по обеим линиям.

096 К Кристоферу Толкину 30 января 1945 (FS 78)

Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой мой Крис!

….Мелкий бесенок из племени Гада{113}, специально приставленный препятствовать нашим с К. С. Л. встречам, нынче утром устроил особый аттракцион: на кухне кран протек, а раковина возьми и засорись! Устранял неполадки едва ли не до 11 утра. Но до Модлина все ж таки добрался. Подрожав немного над двумя унылыми вязовыми поленьями (вяз упрямо отказывается гореть!), мы решили устремиться к теплу и пиву «Митры»; обрели и то, и другое (пабы знают свое дело куда лучше университетских казначеев: честное слово, эти господа в Королевских ВВС и в должности киви{114} не удержались бы!) Денек выдался весьма событийный. Отдых мой грубо нарушил деловой телефонный звонок, из которого я, к слову сказать, узнал, что в субботу скончался профессор Г. С. Уайлд[195]. Господь упокой его душу. Но мне в наследство он оставил целый ворох земных неприятностей. Во-первых, мне предстоит решать что-то насчет преемника. Пять лет назад я бы задумался, как бы заполучить должность мертоновского профессора самому: в ту пору я спал и видел, чтобы нам с К. С. Л. обоим пробиться в мертоновские профессора[196]. Славно было бы оказаться в одном и том же колледже; а для меня это означало бы попасть наконец в настоящий колледж и отрясти с ног своих прах жалкого Пембрука. Но, наверное, все-таки нет — даже если шанс и выпадет… Но продолжим. К ужину барометр упал, а темпер. поднялась; и разыгралась великая снежная буря с ветром (от З до ЮЗ). Еще до полуночи к дверям намело высокие сугробы, вот только снизу они подтаивали; и хотя так оно все продолжалось с перерывами всю ночь, снег лежал глубиной никак не больше полуфута, лишь в отдельных местах заносы высились по колено. И все равно уголь, и кокс, и куры исчезли; так что утром пришлось попотеть, выкапывая это все из-под снега, прежде чем идти на лекцию. Явился с опозданием (езда с элементами акробатики, просто ужас какой-то!), вырядившись под стать «скегнесскому» рыбаку[197]; мои извинения (дескать, с опозданием взошел на кафедру (Тейлоровского института{115}), потому что сардинок ловил были приняты весьма благосклонно, куда благосклоннее, чем последующие рассуждения об Оффе

Англском{116} или об исходе народа Израильского из Египта к Красному морю. На последующее заседание в «Птичке и М.» (слава небесам, в портвейне рыб не попадалось!) Г. Л. (иначе Честный Хамфри) явился, снаряженный альпинистом. Когда же его спросили, отчего он вдруг расстался с формой, он ответствовал: «В швейцарском флоте я не состою. А британский флот под снегом не плавает». Увы, скоро его переводят в Ливерпуль. Неописуемая смесь льда и слякоти. Трижды падал; и, уж разумеется, эти милейшие люди, водители «личных автомобилей», и в канаву меня спихивали, и грязной жижей окатывали. Почти до 3:30 разгребал снег и прочищал трубы, а потом уселся за твои чудесные письма. Пришли они за завтраком; вот только с тех пор у меня и минутки свободной не было на них глянуть. Впрочем, они произвели эффект одним своим прибытием, как ты можешь судить по моей игривости на кафедре и по замечанию К. С. Л. в «П. и М.»: «Да что с ним такое нынче утром, уж больно заносится!»….

Касательно Эдема. Полагаю, большинство христиан, за исключением разве что совсем простодушных и необразованных, или иным образом защищенных, затолкали «Книгу Бытия» в чулан сознания, как вышедшую из моды мебель, — так затормошили и затеребили их несколько поколений самозванцев-ученых. Ну, сами понимаете, как-то неловко держать в доме всякое старье, когда молодые, блестящие умники в гости заглядывают: я, конечно же, имею в виду даже *fideles*{117}, тех, которые не перепродали этот товар старьевщику и не сожгли его, как только современный вкус принялся глумиться. А в результате они и в самом деле (и я заодно с прочими), как говорится, позабыли о красоте предмета, и даже «в качестве истории». Льюис недавно написал прелюбопытнейшее эссе (не знаю, опубликовал ли)[198], показывая, сколь ценна «художественная ценность» (в качестве пищи для ума) — всего хр. предания (особенно Н. З.). Эта работа написана в защиту как раз того отношения, над которым мы склонны насмехаться: малодушный утрачивает веру, но цепляется хотя бы за красоту самой «истории», поскольку в ней заключена некая безусловная ценность. Льюис доказывал, что таким образом толику пищи они все-таки получают и не вовсе отрезаны от источника жизни: ибо красота истории, при том, что не обязательно гарантирует ее истинность, истинности обычно сопутствует, а *fidelis*{118} призван черпать пищу не только в истинности, но и в красоте. Так что малодушный «приверженец», в сущности, все равно кое-что получает, — то, что даже кое-кто из верующих (глупцы, невосприимчивые, исполненные ложного стыда), возможно, и упускают. Но отчасти как следствие развития

моих собственных мыслей по поводу моих интересов и моей работы (как специализированной, так и литературной), отчасти в результате общения с К. С. Л. и во многом не в последнюю очередь — под твердой направляющей рукой Alma Mater Ecclesia{119} я ныне не стыжусь «мифа» об Эдеме и не ставлю его под сомнение. Разумеется, мы не найдем в нем той историчности, что в Н. З., который, по сути дела, — свод свидетельств современников, в то время как Книга Бытия отделена от Падения невесть сколькими поколениями горьких изгнанников; но, бесспорно, на этой нашей злосчастной земле Эдем некогда существовал. Все мы о нем тоскуем, и все мы непрестанно его прозреваем; вся природа наша в лучшем своем, наименее испорченном проявлении, в наиболее кротком и человечном, до сих пор насквозь пропитана ощущением «изгнания». Если задуматься, твой (более чем оправданный) ужас по поводу бессмысленного убийства ястреба и твои стойкие воспоминания об этом твоем «доме» в идиллический час (когда часто возникает иллюзия того, что время и разложение остановились, и ощущение мира и покоя) — ἐ**ίθ**εγενο**ίμ**ην[199], — «три часа вот-вот пробьет, будет к чаю сладкий мед» — заимствованы как раз из Эдема. Сколь бы далеко назад в прошлое мы ни заглянули, благороднейшая часть человеческого сознания всегда была исполнена мыслей о *sibb*{120}, мире и доброй воле — и мысли об их утрате. Этого нам вовеки не вернуть: путь покаяния не таков, движение идет по спирали, а не по замкнутому кругу; возможно, мы обретем нечто подобное, только на более высоком уровне. Вот так (используем сравнение помельче) «обращенный» горожанин получает от деревни куда больше, нежели простак-деревенщина, но настоящим крестьянином ему не стать, он ведь и больше, и в определенном смысле меньше этого (менее приземленный, так скажем). Разумеется, я полагаю, что по дозволению Господнему весь род человеческий (и каждый его представитель в отдельности) свободен не подниматься снова, но отправиться на погибель и в Падении своем достичь самого что ни на есть горького дна (как может каждый человек singulariter[200]). А в определенные периоды — и настоящее именно таково! — подобный исход кажется не только вероятным, но просто-таки неизбежным. И все-таки, думается мне, настанет-таки «millenium» — предсказанное тысячелетнее царство святых, тех, кто при всех своих несовершенствах так и не склонился всецело сердцем и волей к миру или злому духу (в современном, хотя и не универсальном представлении: технике, «научному» материализму, социализму в любой из его ныне воюющих промеж себя фракций).

Я так рад, что на твой взгляд «Кольцо» по-прежнему на высоте и (кажется) добивается того эффекта, что в длинной повести так трудно достижим: поддерживает различие в тоне и атмосфере событий, что так легко могут скатиться к «однообразности». Меня самого, пож., более всего тронуло рассуждение Сэма насчет бесшовного полотна истории и та сцена, когда Фродо засыпает у него на груди, и трагедия Голлума, который в тот момент был на волосок от раскаяния — если бы не одно-единственное грубое слово из уст Сэма. Но «трогательность» всего этого находится на ином плане, нежели *Келебримбор* и т. п. Есть две абсолютно разн. эмоции: одна волнует меня несказанно, и вызываю я ее без труда: мучительное ощущение утраченного прошлого (лучше всего выраженное в словах Гандальва о палантире); а вторая — эмоция более «обыденная», триумф, пафос, трагедия самих персонажей. Ее-то я и учусь добиваться, по мере того, как понемногу узнаю моих героев, но, по правде говоря, она не столь близка моему сердцу и навязана мне фундаментальной литературной дилеммой. Историю полагается рассказывать, иначе никакой истории не будет; однако более всего волнуют истории нерассказанные. Думаю, тебя так берет за душу *Келебримбор*, поскольку имя это вызывает внезапное ощущение бесконечных *нерассказанных* историй: увиденные вдалеке горы, на которые не дано подняться, далекие деревья (вроде как у Ниггля), к которым не дано приблизиться; а если и удастся, так они всего-навсего станут «ближними деревьями» (иное возможно лишь в Раю да в Приходе Н.).

Что ж, место почти закончилось, а времени уже девять вечера; а мне еще предстоит написать несколько важных писем, да завтра еще две лекции, так что надо бы уже и закругляться. Я жадно читаю обо всех подробностях твоей жизни — обо всем, что ты видишь и делаешь, — и обо всем, что тебе приходится терпеть, в том числе про джаз и буги-вуги. Это все ты от сердца оторвешь без труда (ибо по сути своей они вульгарны, музыка, искаженная механизмом, эхом отдающаяся в унылых, пустых головах); но, вернувшись сюда, в иную землю, ты будешь вспоминать иное — даже бури и иссушенный вельд, и даже запахи лагеря. Я и сегодня отчетливо вижу внутренним взором давнишние окопы, грязные лачуги и долгие дороги Артуа; я бы снова побывал там, кабы мог…..

Только что слышал новости….. Русские в 60 милях от Берлина. Похоже, вскорости и впрямь произойдет нечто решающее. Ужасающее разорение и несчастья, следствия этой войны, умножаются с каждым часом: разорение всего того, что могло бы составить (и составляет) общее достояние Европы и

мира, не будь человечество настолько одурманено, — богатство, утрата которого скажется на нас всех, и на победителях, и на побежденных. И, однако ж, люди торжествуют и злорадствуют, слушая про бесконечные потоки несчастных беженцев, растянувшиеся на 40 миль, о женщинах и детях, что хлынули на запад — и умирают в пути. Похоже, в этот темный дьявольский час в мире не осталось ни тени жалости и сострадания, ни искры воображения. Нет, не спорю, что это все, в нынешней ситуации, созданной главным образом (но не исключительно) немцами, и необходимо, и неизбежно. Но злорадствовать-то зачем! Предполагается, что мы достигли той стадии цивилизованности, на которой, возможно, казнить преступника по-прежнему необходимо, но нет нужды злорадствовать или вздергивать рядом его жену и ребенка, под гогот орочьей толпы. Уничтожение Германии, будь оно сто раз заслужено, — одна из кошмарнейших мировых катастроф. Ну что ж, мы с тобой бессильны тут что-либо поделать. Такова и должна быть мера вины, по справедливости приписываемая любому гражданину страны, который не является при этом членом ее правительства. Ну что ж, первая Война Машин, похоже, близится к своему конечному, незавершенному этапу — при том, что в результате, увы, все обеднели, многие осиротели или стали калеками, а миллионы погибли, а победило одно: Машины. А поскольку слуги Машин становятся привилегированным классом, Машины обретут непомерно большую власть. Каков же будет их следующий шаг?

….*С неизменной любовью — твой родной папа.*

097 Из письма к Кристоферу Толкину 11 февраля 1945 (FS 80)

На этой неделе потратил некоторое количество драгоценного времени на письмо в «Католический вестник». Какой-то их сентиментальный корреспондент написал об этимологии названия «Ковентри» и, похоже, всерьез считает: ежели только не сказать, что оно образовано от слова convent [монастырь (*англ.*). — С. Л.], ответ «противоречит католической традиции». «Я так понимаю, монастырь Святого Осбурга был не из самых значимых», пишет этот олух. Поскольку слово convent вошло в английский язык только после 1200 от Р. Х. (и поначалу означало всего лишь «собрание»), азначение «монастырь» зафиксировано лишь в 1795 г., яразо-злился. И спросил, не хотел бы он поменять название «Оксфорд» на «Донкастер»; впрочем, возможно, он настолько глуп, что и этой мелкой подначки не поймет.

098 К Стэнли Анвину

Старший сын Анвина Дэвид — детский писатель «Дэвид Северн» — прочел повесть Толкина «Лист работы Ниггля», опубликованную в «Даблин ревью» в январе 1945 г. Он порекомендовал ее отцу, назвав «изысканной вещицей», и предложил опубликовать ее в сборнике вместе с прочими небольшими произведениями Толкина. Стэнли Анвин переслал это предложение Толкину.

Дата не проставлена; около 18 марта 1945
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогой Анвин!

За последние месяцы я написал вам несколько воображаемых писем и половину настоящего, — и тут пришло ваше послание от 24 февраля. Главным образом я все собирался спросить, а как там Рейнер. Надеюсь, вести от него добрые. Кадеты Королевских Военно-Воздушных Сил его курса переживают время крайне неприятное; но во флоте беспорядка и бесполезных растрат вроде бы поменьше; так что что он, возможно, и избежал худших проявлений убожества и разочарований, что сегодня становятся уделом молодых людей (зачастую без всякой необходимости).

Также мой третий сын, Кристофер, долгое время находится под Стандертоном, в Трансваале; и там близко сдружился с Крисом Анвином[201]… Мой мальчик, как я сегодня узнал, уже «в пути» к Англии, пробыв вдали от нее год с четвертью; так что я надеюсь, Анвин — тоже. Во всяком случае, 3 марта они еще были вместе. Но один из их группы уже погиб, во время первого же вылета на «Харрикейне»{121}, — сокурсник моего мальчика, и первый в выпуске. Вот вам одно из объяснений моей неработоспособности и (кажущегося) небрежения. Сердце мое истерзано тревогой. И в любом случае мой Кристофер был моей первой настоящей аудиторией: он читал, выверял и перепечатывал весь законченный материал из нового «Хоббита», или «Кольца». Его у меня забрали в разгар работы над картами. А я трачу, почитай что, последние крохи свободного времени, что мог бы посвятить сочинительству, на эпистолярное продолжение нашего прерванного диалога: роли его разнообразны — он для меня и читатель, и критик, и сын, и студент моего факультета, и мой непосредственный ученик — я был его тьютором[202]! Однако он получил копии всех глав, написанных залпом в течение прошлого года. А с тех пор бремя мое еще утяжелилось; или

пропорция между долгом и усталостью сместилась не в мою пользу…..

Поскольку «Лист работы Ниггля» вы видели — я сам собирался уже о нем упомянуть, отчасти оправдываясь, отчасти раскаиваясь, — что тут еще скажешь? Разве то, что эта история — единственная из всех мною написанных, что не стоила мне ни малейших усилий. Обычно я сочиняю лишь с превеликим трудом, до бесконечности все переписывая. Как-то утром я проснулся (более двух лет назад) — и в голове моей эта странная вещица была практически готова. Мне понадобилось только несколько часов на то, чтобы перенести ее на бумагу — а потом переписать набело. По-моему, я о ней вовсе не «думал» и не сочинял ее в обычном смысле этого слова. И все равно я не настолько от нее отчужден, чтобы замечания вашего сына меня не порадовали — да что там порадовали, просто-таки потрясли! В конце концов, это единственный на моей памяти отзыв или комментарий на «Лист» за пределами моего круга.

Что ж! «Ниггль» настолько не похож на все когда-либо мною написанные или начатые небольшие произведения, что я и не знаю, совместим ли он с ними. Два других, подобного же тона и стиля, остаются всего лишь распускающимися почками, каких у бестолкового Ниггля полным-полно[203]. Устроит ли вас, если я свалю в кучу все, что найду, а вы скажете, велик ли у этих писаний шанс составить отдельный том — если одно переписать, второе убрать, третье добавить? Есть еще одно-два небольших повествования в стихах (некоторые уже публиковались в «Оксфорд мэгэзин»); возможно, сгодились бы и они, ежели их ненавязчиво запихнуть в середину. А имеете ли вы в виду «Фермера Джайлса»? Довольно длинная коротенькая вещица. Выправленный и набело перепечатанный экземпляр «ушел», странствует обычными путями, как всегда; но у меня есть вполне сносная копия «домашнего производства», каковую и высылаю на суд «Дэвида Северна». (Продолжение задумано, но не написано, и, скорее всего, так ненаписанным и останется. «Малое Королевство» утратило душу, а леса его и равнины превратились в аэродромы и мишени для практического бомбометания. Однако другая шуточная волшебная сказка в подобном же жанре, «Король Зеленой Дюжины», уже наполовину написана; если вы одобрите «Фермера Джайлса», так закончить ее нетрудно.

Что до произведений более крупных. Разумеется, на самом-то деле я мечтаю лишь об одном — опубликовать «Сильмариллион»{122}: если помните, ваш рецензент усмотрел-таки в нем некоторую красоту, но «кельтского» характера, раздражающую англосаксов. Однако есть еще и великое

продолжение к «Хоббиту» — боюсь, я использую эпитет «великий» лишь в количественном смысле. А в этом смысле для нынешней ситуации оно чрезмерно «велико». Однако урезать и сокращать его никак невозможно. На лучшее я не способен, разве что (а это вполне допустимо) судья из меня никудышный. Однако книга до сих пор не закончена. В прошлом году я попытался завершить сей труд — и не преуспел. Трех недель полного безделья — да так, чтобы сперва слегка отдохнуть и отоспаться, — мне, пожалуй, хватило бы. Вот только надеяться на такое напрасно; а эта штука — не из тех, которые можно писать урывками. Я, как и Ниггль, мечтаю о «государственном пособии» и, подобно ему, вряд ли его когда-нибудь получу! Разумеется, я представлю рукопись на ваше рассмотрение, как только закончу, — если в один прекрасный день такое случится. Сдается мне, я обещал послать вам на суд хотя бы отрывок. Но это произведение настолько тесно увязано воедино, причем продолжает разрастаться во всех частях одновременно, так что я не в состоянии выпустить из рук ни одну из глав — понимаете, я все надеюсь, что вот сейчас за них возьмусь. Как бы то ни было, в пригодном для прочтения виде существует лишь один-единственный экземпляр (перепечатанный дома или переписанный сыновними и моими руками), и я просто боюсь с ним расстаться, а в наши суровые дни от расходов на профессиональную перепечатку я пока увиливаю — по крайней мере до тех пор, пока не допишу до конца и не выверю весь текст. Но не хотите ли в самом деле взглянуть на кусок-другой? Книга поделена на пять частей, в каждой — по 10–12 глав (!). Четыре уже закончены; к последней я приступил. Я мог бы высылать ее вам часть за частью, со всеми наличествующими изъянами — дополнениями, поправками, изменениями в именах собственных — до тех пор, пока вы не возопите: «Довольно! Пусть отправляется вслед за «Сильмариллионом» в Лимб для неопубликованных гигантов!»

Надо бы мне остановиться, а не то вы решите, что бумагу и время лучше бы употребить на сочинительство, а не на разговоры о нем. До Пасхи у меня «дополнительные экзамены» и возня с университетом Уэльса. А прибавьте к этому еще и все напасти, свалившиеся на меня в результате смерти коллеги Г. С. К. Уайлда; заниматься на каникулах подбором преемника предстоит главным образом мне. Я подвожу Блэкуэлла: он уже отдал в набор мой перевод «Перла», и теперь ему требуются исправления и предисловие. Я подвожу вдову профессора Э. В. Гордона из Манчестера: я взялся привести в порядок и издать посмертно его труд о «Перле», видя в том мой долг перед покойным другом и учеником; и долга своего не выполнил. Но, думаю, в этом году

мне удастся-таки выкроить пару-тройку недель на свои дела. А еще я серьезно подвожу «Кларендон пресс»{123} и моего утраченного было друга мадемуазель Симоннуд'Арденн, что внезапно появилась из ниоткуда, чудом пережив немецкую оккупацию и Рундштедтское{124} наступление (прокатившееся прямо по ней), потрясая рукописью внушительного труда, каковой мы начали вместе и обещали «Общ. по изд. ранних английских текстов»{125}[205]. А Общество не забыло ни о нем, ни о моей собственной книге об «Ancrene Riwle»[206], которая уже даже перепечатана. Если вместо БДЛВ[207] вы могли бы изобрести схему, день удваивающую (и освободить меня от обязанностей мальчика на побегушках), я бы просто завалил вас материалом, как любой другой. И все же остаюсь глубоко признателен вам за вашу доброту и заботу,

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

099 К «Мелхоле» Уильямс, вдове Чарльза Уильямса{126}

Написано в день смерти Уильямса после операции.

15 мая 1945
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Дорогая миссис Уильямс!

Всем сердцем вам сочувствую; могу ли я сказать больше? Я ведь отчасти разделяю вашу потерю: за те (слишком краткие) годы с тех пор, как я впервые познакомился с вашим мужем, я проникся к нему глубоким восхищением и любовью и скорблю сильнее, нежели в силах выразить.

Позже, если вы сочтете, что я хоть в чем-то могу помочь вам и вашему сыну, пожалуйста, известите меня. В субботу в 8 утра отец Джервас Мейтью отслужит мессу в Блэкфрайарз{127}, а я буду ему прислуживать; но, конечно же, я помолюсь за вас всех немедленно — и буду молиться непрерывно, пусть от молитв моих толку и немного. Простите мне эту сбивчивую записку.

Искренне ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

100 Из письма к Кристоферу Толкину 29 мая 1945

По возвращении из Южной Африки Кристофер был направлен на авиабазу Королевских военно-воздушных сил в Шропшире. Он надеялся добиться перевода в военно-морскую авиацию.

Если бы тебе удалось наконец сбежать из Королевских ВВС, я бы по крайней мере хоть сколько-то успокоился. И я надеюсь, если перевод и впрямь состоится, это будет на самом деле перевод и переаттестация. Просто выразить тебе не могу всю степень моего отвращения к третьему роду войск, — которое тем не менее может (а для меня так и есть) сочетаться с восхищением, признательностью и превыше всего жалостью к юношам, в него угодившим. Но истинный злодей — это военный самолет. И ничто не в силах утишить моего горя от того, что ты, мой самый любимый человек, с ним хоть сколько-то связан. Чувства мои более-менее сопоставимы с теми, что испытал бы Фродо, если бы обнаружил, что какие-то хоббиты учатся летать на назгульских птицах «во имя освобождения Шира». Хотя в этом случае, поскольку все, что я знаю о британском или американском империализме на Дальнем Востоке, внушает мне лишь сожаление и отвращение, боюсь, что в этой продолжающейся войне меня не поддерживает ни искры патриотизма. Будь моя воля, так я бы и пенни на нее не пожертвовал, не говоря уже о родном сыне. Она выгодна только Америке или России; возм., как раз последней. Но, по крайней мере, американо-русская война в этом году не разразится.

101 Из письма к Кристоферу Толкину 3 июня 1945

Во второй половине дня в парке состоится парад в честь расформирования гражданской обороны, на который мне, видимо, придется тащиться. Но я боюсь, в моих глазах это все — сущее посмешище, ведь Война не закончена (а та, что закончена, или, по крайней мере, часть ее, в значительной мере проиграна). Но, конечно же, такой настрой неправилен; Войны неизменно оказываются проиграны, а Война неизменно продолжается; и падать духом смысла нет!

102 Из письма к Кристоферу Толкину 9 августа 1945

Сегодняшние новости про «атомные бомбы» столь ужасны, что просто кровь стынет в жилах. Что за безумцы эти помешанные физики: согласиться выполнять подобную работу в военных целях, то есть хладнокровно разрабатывать уничтожение мира! Эти взрывчатые вещества в руках людей, в то время как их моральный и интеллектуальный уровень падает, — все равно что раздать пистолеты всем обитателям тюрьмы, а потом говорить, что вы надеетесь тем самым «обеспечить мир». Но, наверное, кое-что хорошее из этого выйдет, если только газетные отчеты не грешат чрезмерным пылом: Японии придется сдаться. Что ж, все мы в Господних руках. Вот только на строителей Вавилонской башни Он взирает не то чтобы благосклонно!

103 Из письма к Кристоферу Толкину 11 октября 1945

Будучи избран на должность Мертоновского профессора английского языка и литературы, Толкин покинул Пембрук-Колледж и стал профессором и членом совета Мертон-Колледжа. В этом письме изложены его первые впечатления от Мертона.

Вчера в 10 утра был, как полагается, введен в должность, а потом пришлось вытерпеть самое впечатляющее Заседание Колледжа из всех мною виденных, — шло до 1:30 без перерыва, а потом в беспорядке разбрелось. Ректор говорил просто-таки не умолкая. Я пообедал в Мертоне, уладил кое-какие дела: внес свое имя в канцелярии казначея в список обеспечения жильем[208] и получил Главный Ключ ко всем дверям и воротам. Просто невероятно: я стал членом настоящего колледжа (и при этом весьма крупного и богатого). Мне просто не терпится тебе здесь все показать. Сегодня вечером прошелся по Мертону вместе с Дайсоном,[209] который был должным образом избран вчера и теперь утвердился в комнатах, на которые уповал я сам, с видом на луг! Нынче собираюсь к «Инклингам». Мы будем вспоминать о тебе.

104 Из письма к Кристоферу Толкину 22 октября 1945

В четверг впервые поужинал в Мертоне за «высоким столом»{128}; очень мило, хотя и необычно. Из экономии комната отдыха не отапливается, так что доны сходятся и дружески болтают на возвышении, пока кто-нибудь не решит, что народу собралось довольно и пора бы прочесть молитву. А после того садятся за стол, ужинают, пьют портвейн и кофе, курят, листают вечерние газеты, и все — за высоким столом, в манере хоть и приятно непринужденной, но изрядно шокирующей тех, кто привык к более строгим церемониям и жесткой иерархии средневекового Пембрука. Около 8:45 мы с Дайсоном прогулялись по «нашему парку» к Модлину, навестили Уорни и Хаварда — Джек был в отлучке. Разошлись около 10:30.

105 К сэру Стэнли Анвину

Анвин, недавно получивший рыцарское звание, послал Толкину письмо, спрашивая, как продвигается «Властелин Колец».

21 июня 1946
Нортмур-Роуд, 20, Оксфорд

Уважаемый сэр Стэнли!

Я очень виноват перед вами. Но, думаю, если бы вы узнали истинную повесть моих несчастий, домашних и академических, вы бы не отказали мне в прощении. Но я вас от нее избавлю — и попытаюсь исправиться.

Я был болен — главным образом из-за переутомления и беспокойства, — но теперь мне гораздо лучше; и я наконец-то могу предпринять некоторые шаги к тому, чтобы снизить хотя бы переутомление, — академическое во всяком случае. Впервые за 25 лет, если не считать того года, когда я ходил на костылях (перед самым выходом «Хоббита», как мне помнится), я свободен от экзаменов, и хотя я до сих пор сражаюсь с целой горой запущенных дел, из которой только что выкопал целую стопку писем от «Джордж Аллен энд Анвин», и с множеством докучных забот в наше время хаоса и «восстановления», надеюсь, что уже на следующей неделе начну — писать! Во-первых, пытаться управлять нашим английским факультетом одного меня уже не бросят. Я уже не профессор англосаксонского. Я перебрался в Мертон, на должность Мертоновского профессора английского языка и литературы; в октябре из лондонского Кингз-Колледжа приедет профессор Ренн, дабы снять с моих плеч англосаксонский; и мы вот-вот изберем еще одного Мертоновского профессора (современной литературы). Надо бы К. С. Льюиса или, может статься, лорда Дэвида Сесила, однако ктознает?

Но письмо это я начал в первую очередь не для того, чтобы поговорить о себе. Мне хотелось сперва извиниться, что не написал сразу, как собирался, едва услышал новость, — дабы поздравить вас с вашей почетной наградой. Я за вас несказанно рад. Кроме того, мне не терпится узнать вести о Рейнере. От души надеюсь, они окажутся добрыми, хотя и сегодня о сыновьях по-прежнему расспрашивать страшишься. Мой Кристофер — он перевелся в военно-морскую авиацию и по сей день официально числится во флоте — в этом триместре вернулся в Тринити; так

что я вот размышляю про себя, а может, и Рейнер вот-вот приедет? Славно было бы снова повидаться…..

Не знаю, по-прежнему ли Дэвид Северн не прочь взглянуть на «Фермера Джайлса». Если да, то высылаю, после более чем годовой задержки. Будь у меня хоть немного свободного времени, я бы мог добавить еще несколько вещиц такого же плана, до сих пор не оконченных. Но «Ниггль» так и не породил хоть чего-то, с ним мало-мальски совместимого.

Не знаю, заинтересуют ли вас новые сведения о столь «многообещающем» (буквально!) и при этом ничего не производящем авторе. Но я предпринял величайшие усилия закончить продолжение к «Хоббиту»; главы путешествовали в Африку и обратно, к моему главному критику и помощнику Кристоферу, который сейчас работает над картами. Однако ж я не преуспел. Уж слишком ополчились на меня злоключения и недуги. Теперь придется мне досконально изучать свой собственный труд, чтобы иметь возможность к нему вернуться. Но я в самом деле надеюсь закончить книгу до осеннего триместра, в крайнем случае — до конца года. Хотя не знаю, найдется ли у вас бумага, даже если произведение хорошо себя зарекомендует.

Кстати, в декабре 1945 я опубликовал в «Уэлш ревью» одну повесть в стихах[210]; и вот-вот опубликую значительно расширенный вариант эссе о «Волшебных сказках» (первоначально прочитанного в виде лекции в университете Сент-Эндрюз) в сборнике памяти покойного Чарльза Уильямса; а в течение сравнительно свободных рождественских двух недель написал три части еще одной книги[211], где на совершенно иной основе и декорациях задействовано то немногое ценное, что наличествовало в едва начатом «Утраченном пути» (некогда у меня хватило дерзости показать вам эту рукопись: от души надеюсь, она благополучно позабыта), и кое-что еще. Я надеялся все это по-быстрому закончить, но после Рождества здоровье мое подкосилось. Довольно глупо вообще об этом упоминать, пока оно не завершено. Но книгу «Властелин Колец», продолжение к «Хоббиту», я ставлю на первое место, если не считать обязанностей, от которых просто не отвертеться.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

106 Из письма к сэру Стэнли Анвину 30 сентября 1946

Издательство «Аллен энд Анвин» весьма одобрило «Фермера Джайлса», но поинтересовалось, не найдется ли у Толкина других коротких произведений, из которых возможно было бы составить достаточно внушительный том.

Если вы сочтете возможным опубликовать «Фермера Джайлса из Хэма», я, конечно же, безмерно тому порадуюсь… На досуге я бы создал ему компанию, но в академическом плане положение у меня сейчас не из простых, и надежды на свободное время не предвидится — до тех пор, пока не прибудут несколько новых профессоров. Не могу обещать, что вскорости закончу хоть что-нибудь. Или, пожалуй, и смог бы, но это будет сложно, — и, право же, продолжение к «Хоббиту» настолько лучше (как мне кажется) всех этих вещиц, что мне бы хотелось посвящать ему все свободные часы. На прошлой неделе я вновь взялся за рукопись и написал главу (неплохую), а затем с головой утонул в служебных обязанностях — и барахтаюсь в них с тех пор, как 10 дней назад получил ваше любезное письмо.

Иллюстрировать «Фермера Джайлса» я никогда не пробовал; и не знаю никого, кого бы мог посоветовать.

107 Из письма к сэру Стэнли Анвину 7 декабря 1946

О немецком издании «Хоббита».

Бедолага Горус Энгельс[212] мне все пишет и пишет насчет перевода на немецкий. Он, кажется, вовсе не предлагает в переводчики непременно себя. Прислал мне несколько иллюстраций (троллей и Голлума); невзирая на ряд типично немецких достоинств, боюсь, на мой вкус, они слишком «диснеефицированы»: шмыгающий носом Бильбо и Гандальв, этакое вульгарное посмешище, а вовсе не странник в духе Одина, каким представляется мне…..

Я вскоре переезжаю в домик поменьше (№ 3 по Мэнор-Роуд)[213], надеясь тем самым разрешить нестерпимые домашние проблемы, что крадут так много от и без того жалких крох свободного времени. По-прежнему надеюсь вскорости закончить свое «magnum opus»{129}, «Властелин Колец», и показать его вам не нынче — завтра, еще до января. Я уже на последних главах.

108 Из письма в «Аллен энд Анвин» 5 июля 1947

В «Аллен энд Анвин» решили издать «Фермера Джайлса из Хэма» отдельной книгой.

Высылаю назад (неделей позже) в отдельном конверте рукопись «Фермера Джайлса из Хэма», отредактированную для печати. Как видите, я по ней прошелся весьма тщательно — внес изрядное количество изменений, улучшающих (я думаю и надеюсь) и сюжет, и стиль…..

Имейте в виду, кто бы уж там впоследствии ни купил ее, написана эта история не для детей; хотя, как в случае многих других книг, это не обязательно означает, что детей она не позабавит. Думаю, стоит подчеркнуть тот факт, что повесть сочинялась специально для чтения вслух: в этом смысле она очень хороша — для тех, кто любит такие вещи. Собственно говоря, написал я ее, чтобы прочесть в обществе Лавлейса Вустер-Колледжа; и прочел за один вечер.

В силу этой причины я бы хотел поставить на форзаце посвящение С. Х. Уилкинсону[214], поскольку именно полк. Уилкинсон из этого колледжа подтолкнул меня написать «Фермера» и с тех пор непрестанно подзуживал отдать его в печать.

109 К сэру Стэнли Анвину

9 июля Толкин обедал с Анвином в Лондоне и согласился показать Рейнеру Анвину книгу I «Властелина Колец», перепечатанную набело. 28 июля Толкин получил комментарии Рейнера. Рейнер писал: «Запутанные, противоборствующие потоки событий в этом мире внутри мира просто-таки ошеломляют…. Борьба между тьмою и светом (порою кажется, что благодаря ей история как таковая перетекает в чистой воды аллегорию) мрачна и на порядок обострена по сравнению с «Хоббитом»…. Превращение изначального Кольца в это новое, могучее орудие требует некоторых объяснений, так что Гандальву непросто выявить мотивы многих действий в исходном «Хоббите»; но в целом связать произведения удалось вполне успешно…. Положа руку на сердце, не знаю, для кого эта книга предназначена… Если взрослые не сочтут ниже своего достоинства прочесть ее, многие, вне сомнения, получат массу удовольствия…. Корректору придется вносить множество пропущенных исправлений с «Гамилькара» на «Белизария»». Невзирая на сомнения и критические замечания, Рейнер счел книгу «блестящей и захватывающей». 31 июля Толкин написал нижеприведенный ответ, однако отослал его только 21 сентября, в силу причин, оговоренных в письме, датированном этим числом.

31 июля, 1947
Мертон-Колледж, Оксфорд

Уважаемый Анвин,

Всенепременно буду обращаться к вам именно так, cum permissu{130}, хотя отказ от «профессора» — утрата совершенно несопоставимая; этот титул, скорее, стараешься искупить, нежели на нем настаиваешь.

Я крайне удивился, получив назад порцию «Кольца» так быстро. Возможно, книга и объемна, но, однако ж, по всей видимости, для любителей такого рода чтения вовсе не так уж и длинна. С вашей стороны было очень любезно переслать мне отзывы Рейнера. Любые критические замечания из-за пределов узкого кружка, который знакомился с этой вещью по мере ее роста (и, привыкая к ее миру, давным-давно перестал

ошеломляться) весьма приветствуются; однако к этому критику еще и прислушаться стоит.

Теперь приготовлюсь терпеливо ждать, пока он прочтет дальше. Следующую порцию вышлю в конце августа. Вот теперь у меня появилась еще одна веская причина закончить книгу, — помимо бурных требований узкого кружка, — чтобы наконец ее можно было оценить.

Возвращаю комментарии Рейнера с благодарностью вам обоим. Мне очень жаль, что произведение его ошеломило; особенно же мне недостает хоть каких-нибудь замечаний по поводу комизма, которым, как мне казалось, первая «книга» достаточно насыщена. Возможно, осечка. Я сам терпеть не могу юмористических книг или пьес, — я имею в виду те, что преподносятся как целиком и полностью комичные; но, сдается мне, в реальной жизни, как здесь, комическое возникает именно что на фоне мировой тьмы, и наиболее удачно, когда не скрывается. По всей видимости, ужас мне удалось изобразить действительно ужасно, и это меня несказанно обнадеживает, — поскольку в любом героическом романе, написанном всерьез, должен присутствовать призвук страха и ужаса, если ему предстоит отображать реальность, пусть отдаленно или символично, а не сводиться к чистой воды эскейпизму. Но если создается ощущение, что простые, приземленные хоббиты не в силах справиться с такого рода вещами, значит, я потерпел неудачу. Сдается мне, нет такого ужаса, что эти существа не смогли бы преодолеть, в силу особой благодати (здесь облеченной в мифологические формы) в сочетании с тем, что, если придется совсем туго, их природа и здравый смысл наотрез откажутся покоряться или идти на компромисс.

И тем не менее пусть Рейнер выбросит из головы «Аллегорию». В любой стоящей истории, я полагаю, есть «мораль». Но это — далеко не то же самое. Даже борьба между светом и тьмой (это он говорит, не я) для меня — всего лишь особая фаза истории, возможно, один из образчиков ее узора, но не сам Узор; и в качестве актеров выступают отдельные личности — каждая из них, разумеется, содержит в себе универсалии, иначе они бы вообще не жили, однако они вовсе не олицетворяют их как таковые.

Разумеется, Аллегория и История сходятся воедино, встречаясь где-то в Истине. Так что единственной полностью последовательной аллегорией является реальная жизнь; и единственной вполне понятной историей является аллегория. И как обнаруживается, даже на материале несовершенной

человеческой «литературы», чем лучше и последовательнее аллегория, тем проще ее прочесть как «просто историю»: а чем лучше и плотнее соткана история, тем скорее усмотрят в ней аллегорию те, кто к тому склонен. Однако обе они начинают с противоположных концов. Можно сделать из Кольца аллегорию нашего собственного времени, если угодно: аллегорию того неизбежного исхода, что венчает любые попытки победить силу зла — силой. Но только потому, что любая сила, магическая или механическая, всегда именно так и действует. Нельзя написать историю о якобы простеньком магическом кольце без того, чтобы в повествование не ворвалось еще и это, если воспринимать кольцо серьезно и заставлять случаться события, которые и в самом деле случились бы, если бы такой предмет действительно существовал.

Рейнер, конечно же, углядел слабое место: связка (что неизбежно). Я очень рад, что, по его мнению, в целом связать книги удалось вполне успешно. На большее я не мог и надеяться. Я сделал все, что в моих силах: поскольку без хоббитов (люблю ж я их!) было никак нельзя; ну, и Бильбо полагалось промелькнуть, — в память о прошлом. Однако меня нисколько не тревожит, что кольцо, как выяснилось, вещь куда более серьезная, нежели казалось; уж так оно за легкими выходами из положения водится. А в объяснениях, сдается мне, нуждаются вовсе не поступки Бильбо. Слабое место — это Голлум и его поступок, когда он предлагает кольцо в подарок[215]. Однако позже Голлум станет главным героем, и я вовсе не полагаюсь на то, что Гандальв прояснит что-то в его психологии. Надеюсь, все получится, и окажется, что Гандальв скорее проницателен, нежели «ему непросто». И все же я это непременно приму во внимание, перерабатывая главу II для печати: в любом случае я намерен ее сократить. Правильный способ справиться с проблемой — это слегка переделать главу V в первоначальной истории. Это — вопрос отнюдь не практического свойства; хотя я со всей определенностью надеюсь оставить после себя данную вещь в отредактированном, окончательном варианте, — дабы мир швырнул ее в корзину для бумаг. В конце концов туда попадают все книги — во всяком случае, в этом мире.

Что до того, для кого книга предназначена? Мир, кажется, все больше и больше распадается на замкнутые фракции, на морлоков и элоев, и всяких там прочих. Однако те, кто любит такого рода вещи, любят их очень сильно; им таких книг вечно не хватает, а те, что есть, недостаточно длинны и голода не утоляют. В численном отношении вкус, возможно, и ограничен (увы!), даже

если, как я подозреваю, и растет, и для дальнейшего роста нуждается главным образом в ресурсах. Но там, где этот вкус существует, он не ограничен возрастом или профессией (разве что исключить тех, кто всей душой предан машинам). Читательская аудитория, что до сих пор следила за созданием «Кольца», глава за главой, перечитывала его и жадно требовала еще, включает в себя некоторое количество престранного народа со сходными литературными вкусами: таких, как К. С. Льюис, покойный Чарльз Уильямс, мой сын Кристофер; они, по всей вероятности, составляют совсем небольшое, не приносящее прибыли меньшинство. Однако в аудиторию эту входят и другие: адвокат, доктор (профессионально занимающийся раком), пожилой армейский офицер, учительница начальной школы, художник и фермер[216]. Подборка довольно широкая, даже если исключить тех профессионалов от литературы, чьи собственные интересы вроде бы лежат совсем в другой области, — как, скажем, Дэвид Сесил.

Как бы то ни было, корректору, если когда-либо дойдет и до этого, я надеюсь, особо мучиться не придется. На меня навалилось много другой работы, и у меня просто времени не было просмотреть отсылаемые вам главы. По всей видимости, в нескольких местах «Белизарий» было нацарапано как вариант над именем «Гамилькар»[217]. Что выбрать, не так уж и важно; хотя замена преследовала определенную цель; но, как бы то ни было, надеюсь, что омерзительная неряшливость с путаницей в именах даже второстепенных персонажей не обезобразит окончательного варианта. И еще: знание предыдущей книги неизбежно предполагается; однако существует Предисловие или вступительная глава, «Касательно хоббитов». В ней дается краткий пересказ главы V «Загадки во тьме» и содержится информация, приведенная на первых двух-трех страницах предыдущей книги, и, кроме того, объясняются многие подробности из тех, про которые спрашивают «поклонники»: табак, например, и ссылки на полицию и короля (стр. 43)[218], и домики, фигурирующие на иллюстрации Хоббито-на. «Хоббит», в конце концов, был не так прост, как кажется; он вроде как наудачу выдернут из мира, в котором уже существовал, и мир этот вовсе не придумывался заново только продолжения ради. Единственная вольность, если можно так сказать, которую я себе позволил, это сделал Кольцо Бильбо Единым Кольцом: все кольца произошли из одного источника задолго до того, как Бильбо нащупал его в темноте. Ужасы уже таились там, вот, например, на стр. 36 и 303[219]; и Эльронд понимал: разогнать их не под силу никакому Белому Совету.

Что-то разболтался я о своих личных причудах. Задача моя в том, чтобы закончить эту вещь в соответствии с замыслом — и представить ее на суд. Уж простите великодушно! Написана она кровью моего сердца, густой или жидкой, уж какая есть; другого не могу. Боюсь, книге придется выстоять или пасть в том виде, в каком она в общем и целом создана. Бесполезно притворяться, что я не мечтаю о публикации; ведь искусство для самого себя — это не искусство; и не то, чтобы хвала меня не радовала, ибо малая толика тщеславия человека падшего отпущена и мне (в писания свои он вкладывает не больше, чем в детей своей плоти, но им-то без предназначения никак нельзя); однако ж главное — это завершить свой труд, если завершение имеет хоть какой-то смысл.

Я глубоко признателен вам за то, что меня воспринимает всерьез деловой человек, имевший и имеющий дело со множеством авторов куда более образованных и талантливых. Желаю вам с Рейнером счастливого путешествия, успеха в бизнесе, а потом — чудесных дней в Горах[220]. Как я мечтаю еще раз увидеть снега и головокружительные вершины!

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

Что до редактуры «Хоббита». Какие-либо изменения радикального характера, разумеется, невозможны, да и нужды в них нет. Однако же в книге по-прежнему полным-полно опечаток. Я, кажется, уже дважды посылал вам список таковых; надеюсь, что на сей раз они исправлены. Кроме того, наличествуют мелкие погрешности, обнаруженные благодаря усердию поклонников и несколько более пристальному вниманию с моей стороны. Хотелось бы мне иметь возможность их исправить. Список снова прилагается.

110 Из письма в «Аллен энд Анвин» 20 сентября 1947

> Американские издатели «Хоббита», «Хоутон-Мифлин», обратились в «Аллен энд Анвин» за разрешением использовать несколько загадок из «Хоббита» в антологии поэзии. В письме к Толкину «Аллен энд Анвин» высказали предположение, что «загадки заимствованы из общераспространенного фольклора и придуманы вовсе не вами».

Что до Загадок: все они «мое собственное творение», кроме «Тридцати белых коней» (это народная загадка) и «Безногой». Остальные, хотя по стилю и методу они соотносятся с древними литературными (но не «фольклорными») загадками, ни к каким образцам не восходят, насколько мне известно, вот разве что загадка про яйцо: это сокращенная (мною) до рифмованного двустишия более длинная литературная загадка, что фигурирует в некоторых сборниках детских стихов, главным образом американских. Так что, на мой взгляд, попытаться воспользоваться ими бесплатно столь же справедливо, как, скажем, унести чье-нибудь кресло, потому что оно — копия чиппендейла{131}, или выпить чье-то вино, потому что на нем — этикетка «разновидность портвейна». Также вынужден отметить, что «Ромашки под солнцем» — вовсе не в стихах (не больше, чем «Безногая»): это всего лишь этимология слова «daisy»{132}, изложенная в форме загадки.

111 Из письма к сэру Стэнли Анвину 21 сентября 1947

Я написал вам в последний день июля, но отложил письмо, уж больно много в нем болтовни насчет моих писаний…..

Хайд (или Джекилл) вынужден был настоять на своем, так что пришлось мне посвятить себя главным образом филологии, тем более что моя коллега из Льежа[221], вместе с которой я начал одно «исследование» еще до войны, гостила здесь, помогая готовить наш труд к печати.

А теперь мне снова предстоит уехать на несколько дней по делам колледжа. Настала моя очередь вместе с ректором и казначеем инспектировать недвижимость в Кембридже и Линкольншире. Так что, чем оставлять ваше письмо от 28 июля без ответа и дальше, я высылаю настоящим мой первоначальный и теперь уже изрядно потрепанный ответ. Вкладываю также комментарии Рейнера; кроме того, некоторые замечания по поводу «Хоббита», и (возможно, это позабавит вас с Рейнером) образец переписанной главы V из этой книги, каковая упростила бы, хотя не обязательно бы улучшила, мою теперешнюю работу.

Безуспешно пытался втиснуть в промежутки между «исследованием» и разъездами редактуру книги II «Властелина Колец». Но, поскольку мне очень бы хотелось узнать мнение Рейнера (и ваше, если у вас найдется время), высылаю ее в отдельном конверте, с многочисленными погрешностями в том, что касается деталей. Возможно, Рейнер заметит, если у него найдется время возиться с этой пачкой, что глава XIV была переписана так, чтобы соответствовать переписанной главе II, «Древняя история, которую он уже читал. Глава II теперь называется «Тень прошлого»; «исторический» материал из нее по большей части вырезан, и чуть больше внимания уделено Голлуму. Так что если XIV и покажется повторением, на самом деле это не так; практически ничего из того, что сейчас содержится в XIV, во II не войдет.

Высылаю также вводную главу Предисловия ко всей книге: «Касательно хоббитов», которая служит связкой к предыдущей книге и в то же время отвечает на задаваемые вопросы.

112 К Катерине Фаррер

Открытка, по всей видимости, написанная 30 ноября 1947 г. руническим алфавитом, использованным в «Хоббите»; транслитерация приводится в примечании к данному письму. Миссис Фаррер, автор детективов, была замужем за теологом Остином Фаррером, на тот момент капелланом Тринити-Колледжа Оксфордского университета. Очевидно, она попросила Толкина подписать ей экземпляр «Хоббита».

ПРИМЕЧАНИЯ

Для удобства читателей здесь приводится транслитерация рунического текста латиницей (пары букв, выделенные курсивом, передаются одной руной) и перевод английского текста на русский язык.

*TH*RE MANOR ROAD

SUNDAY NOV[E]MBER THE *TH*IRTIE*TH*

DEAR MRS FARRER: OF COURSE I WILL SIGN YOUR COPY OF THE HOBBIT. I AM HONOURED BY THE RECWEST. IT IS GOOD NEWS THAT THE BOOK IS OBTAIN ABLE AGAIN. THE NEXT BOOK WILL CO[N]TAIN MORE DETAILED INFORMATION ABOUT RUNES AND OTHER ALFABETS IN RESPO[N]SE TO MANYENCWIRIES. IN THE MEANTIME WHILE THE GREAT WORK IS BEING FINIS[H] ED I WONDER IF YOU WOULD LIKE A PROPER KEY TO THE SPECIAL DWARVIS [H] ADAPTATION OF THE ENGLIS[H] RUNIC ALFABET ONLY PART OF WHICH APPEARS IN THE HOBBIT INCLUDING THE COVER. WE ENIOYED LAST MONDAY EUENIMG VERY MU CH AND HOPE FOR A RETURN MATCH SOON.

YOURS SINCERELY J.R.R.TOLKIEN

Мэнор-Роуд, 3

Воскресенье, 30 ноября

Дорогая миссис Фаррер! Конечно же, я подпишу вам экземпляр «Хоббита». Эта просьба для меня — великая честь. Приятно узнать, что книга вновь появилась в продаже. В следующую книгу войдет более подробная информация о рунах и других алфавитах в ответ на многочисленные расспросы. А тем временем, пока великий труд близится к завершению, не хотите ли ключа к особому гномьему варианту английского рунического алфавита, из которого в «Хоббите» использована только часть, в том числе и на обложке. Мы чудесно провели вечер в понедельник и надеемся на ответный матч в недалеком будущем.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

113 К К. С. Льюису

Точные обстоятельства написания этого письма неизвестны; вероятно, Толкин и Льюис переписывались по поводу критических замечаний Толщина к отрывку из работы Льюиса, зачитанной вслух «Инклингам». Возможно, это была часть монографии Льюиса «Английская литература в XVI веке», выпущенная в серии «Оксфордская история английской литературы» («OHEL»), о которой упоминается в письме.

Septuagesima[{133}] *1948*

Дорогой мой Джек!

Очень любезно с твоей стороны прислать ответ. Однако пишешь ты главным образом насчет «обиды»; хотя я ведь вроде бы исправил в моем письме «обижен» на «огорчен», разве нет? Не в наших силах не огорчаться тому, что огорчает. Я отлично понимал, что ты не позволишь огорчению перерасти в озлобленность, даже если (или скорее вопреки) тому, что таково, возможно, свойство твоей натуры. Однако ж горе тому, чрез кого приходят искушения! Мне жаль, что я причинил боль, даже если и при том, что у меня было на это право; и еще больше сожалею о том, что причинил ее чрезмерно и без нужды. Мои стихи и мое письмо — следствие того, что я вдруг резко осознал (и нескоро о том забуду), сколько боли может примешаться к авторству, в том, что касается как творения, так и «публикации», каковая является существенной частью процесса в целом. А яркость осмысления, конечно же, объясняется тем, что ты, к кому я питаю глубокую привязанность и сочувствие, оказался жертвой, а сам я — обвиняемым. Я и сам вздрагивал под полупокровительственной, полуиздевательской плетью, в то время как дорогие моему сердцу мелочи становились просто-напросто предлогом для словесной живодерни.

Порою (по счастью, нечасто) на меня находит нечто вроде furor scribendi[{134}], когда слова подбирает перо, а не голова и не сердце; вот это как раз оно и было. Но ничто ни в речах твоих, ни в поведении не дало мне повода заподозрить, что ты счел себя «обиженным». Однако я видел, что некие чувстваты испытываешь — ведь ничто человеческое тебе не чуждо в конце-то концов! — и письмо твое показывает, насколько сильны были эти чувства. Дерзну заметить, что по Божьей милости оно должно бы скорее причинить пользу, нежели вред, но это уж между тобою и Богом.

Одна из тайн боли в том, что для страдающего она — залог блага, дорога вверх, пусть и непростая. Однако остается она «злом», и совесть любого человека должна бы устрашиться причинять ее по беспечности или чрезмерно, не говоря уже о том, что умышленно. И даже при необходимости или по особому праву, как в случае наказывающего отца или господина, или даже когда человек бьет собаку, боль — это розга Господня, и применять ее должно с трепетом. Возможно, одно-два моих замечания оказались справедлиры и обоснованны; но мне следовало ими и ограничиться и высказать их иначе. Жесток тот врач, который не вовсе неприятную на вкус пилюлю покрывает оболочкой из желчи!

А теперь перейдем к твоему восприятию меня как «критика», уж мудро там или глупо выполняю я эту функцию. Я вовсе не критик. И быть им не желаю{135}. От случая к случаю (и после долгих раздумий) я способен на «критику», но по природе я человек, критической жилки лишенный. Меня к тому отчасти и в каком-то смысле вопреки моей натуре подталкивает сильная «критическая» тенденция братства. На самом деле я не «гиперкритичен». Ибо обычно я просто пытаюсь выразить «предпочтение», а не универсально значимое критическое замечание. Как правило, я на самом деле просто-напросто теряюсь в чужом, неисследованном море. Мне требуется *пища* определенного сорта, а не упражнение для моих аналитических способностей (которые обычно используются в иных областях). Ибо есть у меня то, что я всей душой желаю *создать*, и к созиданию этому склоняется (как правило, тщетно) моя натура. Даже если оставить в стороне тщеславие и преувеличенные представления о вселенской значимости этого созидания, факт остается фактом: все остальное для меня менее значимо. Я уверен, что по большей части для мира это «остальное» куда более важно. Но моего положения это не меняет. Думаю, поэтому из меня и не получается сносного критика (как правило); а хуже всего я, наверное, выгляжу тогда, когда мысли другого писателя оказываются настолько близки (как порою твои); того и гляди, случится короткое замыкание, вспышка, взрыв — и даже вонь, одним из ингредиентов которой вполне может оказаться элементарная зависть. И все же справедливее будет сказать обо мне, что я скорее не столько ограничен собственными вкусами, сколько обременен своей собственной мелкой, но своеобразной «идеей». На самом деле страдая (в силу многих причин, и не только предосудительных) от «подавленного сочинительства». Действительно: свирепый тип, разъяренный медведь (если, конечно, я имею право сравнивать себя с существом настолько крупным) — друг, с которым очень тяжко. Но благослови тебя

Господь за твою доброту. А вместо того чтобы признать за грех естественное и неизбежное чувство боли и реакцию на него (которую ты, я уверен, всегда сдерживаешь, и немедленно), сделай мне великое одолжение, подари мне всю ту боль, что я причинил, чтобы я смог разделить то благо, к коему ты их обратил.

Не знаю, понятно ли я выражаюсь. Но думаю я, в нашей власти, как членов Тела Христа, делать такие подарки с пользой. Простейший случай: если человек украл у меня какую-то вещь, тогда я перед лицом Господа объявляю ее даром. Это, конечно же, очень простой способ воспользоваться несправедливостью и вытащить жало, но не в этом состоит прямая цель (иначе оно бы не срабатывало); мне представляется очень даже вероятным, что подобный подарок влияет на положение виноватого перед лицом Господа, и в любом случае в любом искреннем желании «простить» желание, чтобы все так и вышло, должно присутствовать. Чудесно было бы, представ на суд Божий, чтобы ответить на бесчисленные обвинения в грехах против братьев своих, внезапно обнаружить, что многие из них вообще против тебя не выдвинуты! А вместо того ты причастен к добру, рожденному из зла. А для дарителя это обернется не меньшим чудом. Вечное взаимодействие облегчения и благодарности. (Но виноватый должен сожалеть о содеянном. В противном случае, я полагаю, в кошмарном царстве рока раскаленные угли станут жечь нестерпимо.)

(А что случится, если виноватый искренне раскаивается, но пострадавший глубоко озлоблен и наотрез отказывает в «прощении»? Что за ужасная мысль — она любого удержит от риска причинять подобное «зло» без нужды. Разумеется, власть милосердия лишь передается другому и всегда осуществляется Высшей Властью, при нашем содействии или без такового. Но ведь радости и исцеление через содействие непременно будут утрачены?)

Пока я обо всем об этом размышлял, мне тут попался отрывок насчет очаровательных отношений между Дж. М. Хопкинсом и его «другом по переписке» каноником Диксоном. Эти двое изголодались по «признанию». Бедняга Диксон, чья «История англиканской церкви» (и стихи тоже) удостоилась лишь беглого взгляда, и Хопкинс, недооцененный в собственном ордене. Х., похоже, отчетливо сознавал, что «признание» с некоторой долей понимания в этом мире — непременная составляющая авторства, а отсутствие такового — страдание, отличное от простого желания насладиться славой и хвалой (даже когда с ним и смешано). Диксон был просто потрясен тем, что его оценил

Хопкинс; кроме того, его очень растрогали слова Берн-Джонса (сказанные Х., который их и процитировал), что «на самом деле трудишься для одного-единственного человека, который, возможно, сумеет тебя понять». Но потом Х. усомнился, понимая, что надежда Берн-Джонса в этом мире тоже может не сбыться, столь же легко, как надежда на широкую популярность; вполне вероятно, что художник (подобно Нигглю) трудится ради того, что будет полностью уничтожено: картина ли сгорит, или почитателя постигнет безвременная кончина. И он подводит итог: единственный справедливый литературный критик — это Христос; он восхищается дарами, которыми Сам же и наградил, больше любого человека. Так давайте же «bekenne either other to Crist»{136}. Господь тебя храни.

Я пишу потому лишь, что мне легче высказать вот так все, что я хочу высказать на самом деле. Если слова мои глупы или кажутся таковыми, так когда они не сработают, меня рядом не будет. (Мои ремарки шепотом чаще всего вызваны чистой воды малодушием и опасением, что общее собрание меня высмеет.)

Отвечать на это письмо не нужно. Но что до тебя: покойся в мире — насколько я «критик» поведения. По крайней мере, ты — the fautlest freke[222] из всех, кого я знаю. «Шумность», сказал ты? [223] Нет! Это по большей части лишь слух, распускаемый Хьюго самозащиты ради. Если слух этот основан хоть на чем-нибудь (в его глазах), так лишь на том, что из шума родится шум. В твоем присутствии и под твоим председательством мы ограждены от раздоров, недоброжелательства, клеветы и беспочвенных обвинений. Вне всякого сомнения, как говоришь ты, я, как член братства, обладаю правом критиковать, ежели мне угодно. Но я нескоро позабуду о видении ран; и сам намерен от опрометчивых порицаний воздержаться. Право слово, я вовсе не считаю, что ценная «критика» обычно обретается с пылу с жару, на месте; в тот момент слишком много к ней подмешивается первой реакции. Давайте *послушаем* еще раз — запасшись терпением. И позволь смиренно попросить тебя принести OHEL — ничего не стыдясь.

Но предупреждаю: если ты заставишь меня заскучать, я отомщу. (Долг инклинга — скучать с готовностью. Привилегия инклинга — при случае выступать в роли зануды.) Порою я придумываю и пишу много чего помимо стихов и романов! Глядишь, отплачу той же монетой! В конце концов, если наш любимый и глубокоуважаемый доктор излагает перед нами проблемы земли как динамо-машины, я в силах придумать и представить его вниманию проблемы, не менее запутанные, хотя и масштабом помельче, хотя бы ради злорадного удовольствия полюбоваться на Хьюго (буде таковой случится), который, слегка

разгоряченный алкоголем, изображает способного ученика в классе. Но Господь спаси вас всех! Не вижу необходимости упражняться в *снисходительности* по отношению к любому из вас — разве что в крайне редких случаях, когда сам я устал и вымотан; вот тогда меня раздражают и просто *шум*, и грубость. Но я еще не настолько дряхл (и не настолько утончен), чтобы данное состояние стало постоянным. И шума мне частенько хочется. Не знаю звуков более отрадных, нежели, явившись в «П. и М.»[224], заслышать гул и гвалт, зная, что можно окунуться в них с головой.

Твой, Дж. Р. Р. Т.

Как видишь, я почти неделю выжидал, прежде чем это отослать. Перечитав письмо, я не нахожу, что оно способно причинить вред. В любом случае отправляю, чтобы ты не подумал, что мое отсутствие на последних «инклинговских» встречах как-то с этим связано. Я пропустил три: одну— поскольку отчаянно устал, другие — по домашним обстоятельствам; последнюю — потому что моя дочка (благослови ее Господь! она-то всегда помнит о четвергах!) в тот вечер вынуждена была отлучиться.

114 Из письма к Хью Броугану 7 апреля 1948

Броуган, на тот момент — школьник, написал Толкину, расхвалив «Хоббита» и попросив более подробных сведений об описанном в книге мире.

Я рад, что «Хоббит» вам понравился. Собственно говоря, я вот уже десять лет пишу еще одну (более длинную) книгу про тот же самый мир и исторический период, из которой, по меньшей мере, можно узнать все о Некроманте и копях Мории. Вот только проблемы с написанием последних глав и дефицит бумаги пока что не позволяют ее опубликовать. Надеюсь закончить ее хотя бы в этом году; и, конечно же, извещу вас заранее. Я давным-давно написал (и год назад сдал корректуру) еще одну (коротенькую) книжку о несколько ином времени: «Фермер Джайлс из Хэма». Не знаю, что, помимо проблем с бумагой, задерживает ее выход; думаю, она появится этой осенью или зимой. Но любопытства касательно мира более древнего она не утолит. Боюсь, в обычных справочниках вы никакой информации на этот счет не найдете; все материалы у меня, а издатели издавать их отказываются. Что вам на самом деле нужно, так это «Сильмариллион», каковой по сути своей — история эльдалиэ (или эльфов: перевод не очень точен), начиная с их появления и до Последнего Союза и первого, временного низвержения Саурона (Некроманта): а оттуда до эпохи «Хоббита» уже рукой подать. Пригодились бы также кое-какие карты, хронологические таблицы и начальные сведения о языках эльдар (эльфов). У меня, конечно же, все это есть; все это известно в узком кругу, куда входят мои сыновья (все они некогда учились в Дрэгон-Скул{137} [225]). Если удастся выкроить время на то, чтобы как-нибудь скопировать их все или хотя бы часть, скажем, на машинке перепечатать, а ваш интерес к этой малоисследованной области доисторического периода еще не угаснет, часть материалов я вам предоставлю.

115 К Катерине Фаррер

Миссис Фаррер, по всей видимости, выразила желание прочесть «Сильмариллион» и связанные с ним рукописи.

15 июня [год не проставлен; возможно, 1948]
Мертон-Колледж, Оксфорд

Дорогая миссис Фаррер!

Извините, что так долго не отвечал; возможно, вы сочли меня неблагодарным, в то время как на самом деле меня несказанно тронуло ваше любезное письмо — и взволновало тоже. Ведь хотя я трудился над этими текстами (выкраивая минутку-другую!) со времен приблизительно 1914 года, никто еще, кроме К. С. Л. и моего Кристофера, не изъявлял желания их прочесть; и все упорно отказываются их публиковать. С тех пор как вы написали, я все свободное время, сколько мог выделить, тратил на то, чтобы выбрать из незаконченной груды вещицы более-менее законченные и читаемые (я имею в виду, разборчиво написанные). Возможно, «краткая история» или «Сильмариллион» покажется вам вполне сносным — хотя на самом деле эти материалы отредактированы едва ли наполовину.

Длинные повести, на основе которых они составлены («Пенголодом») [226] либо не завершены, либо не приведены в соответствие.

• Падение Гондолина
• Лэ о Берене и Лутиэн (в стихах)
• Дети Хурина

Мне крайне жаль (самому), что никак не удается отыскать «Колец Власти»; этот текст вместе с «Падением Нуменора» является связующим звеном между миром «Сильмариллиона» и «Хоббита». Но основная суть его изложена в главе II «Властелина Колец». Эту книгу, конечно же, было бы куда проще написать, если бы сперва опубликовали «Сильмариллион»!

Так что сегодня в течение дня я занесу вам несколько единственных в *своем роде* рукописей.

Спасибо за то, что вспоминаете меня в своих молитвах.

Искр. Ваш, РОНАЛЬД ТОЛКИН.

116 Из письма в «Аллен энд Анвин» 5 августа 1948

Иллюстрировать «Фермера Джайлса» выбрали художницу Милейн Козман; издатели попросили Толкина высказать свое мнение по поводу образцов иллюстраций, присланных мисс Козман лишь после долгих проволочек.

Лично меня не то чтобы волнует «стильность» этих рисунков или их сходство с Топольским{138} или Ардизоном{139}. Мне скорее бросается в глаза их несоответствие тексту. Эта история четко привязана к местности (одно из ее достоинств, если таковые вообще есть): Оксфордшир и Бакс{140}, с кратким заходом в Уэльс. Тамошние места по большей части названы или достаточно ясно обозначены. Воспроизвести их художница даже не попыталась. Кстати, столкновение пса с драконом происходит близ Роллрайта{141}, и, хотя напрямую об этом не говорится, по крайней мере очевидно, что речь идет об Оксфордшире.

Великан сойдет — хотя деревья художница рисует неважно. Дракон просто нелеп. Смехотворно жеманен и абсолютно не способен выполнить хоть какую-то из задач, возложенных на него автором. В толк взять не могу, с какой стати он так по-дурацки оглядывается через правое плечо на юго-восток, в то время как схематично изображенный пес со всей очевидностью убегает на северо-запад. Вопреки тому факту, что пес, по счастью, столкнулся не с тем концом, где голова, но поджал собственный хвост, едва завидев драконий. Фермер, дюжий здоровяк, покрупнее своих приятелей, в книге смахивает на малютку Джоуда под конец допроса с применением пыток силами железнодорожных служащих{142}. А ту убогую лачугу, в дверь которой стучатся мельник со священником, он не стал бы использовать даже под хлев! Он был весьма зажиточным йоменом или Франклином{143}.

Я так понимаю, вы моих чувств не разделяете. Ну что ж, если вы считаете, что иллюстрации такого сорта, целиком и полностью выбивающиеся из стиля и художественной манеры текста, подойдут или, учитывая современные вкусы, послужат книге на благо, то я в ваших руках. Но намерены ли вы убедить наконец мисс К. придать своим творениям завершенность, не надорвавшись при этом и не слишком расстроившись, — короче говоря, закончить работу? И когда вы рассчитываете выпустить

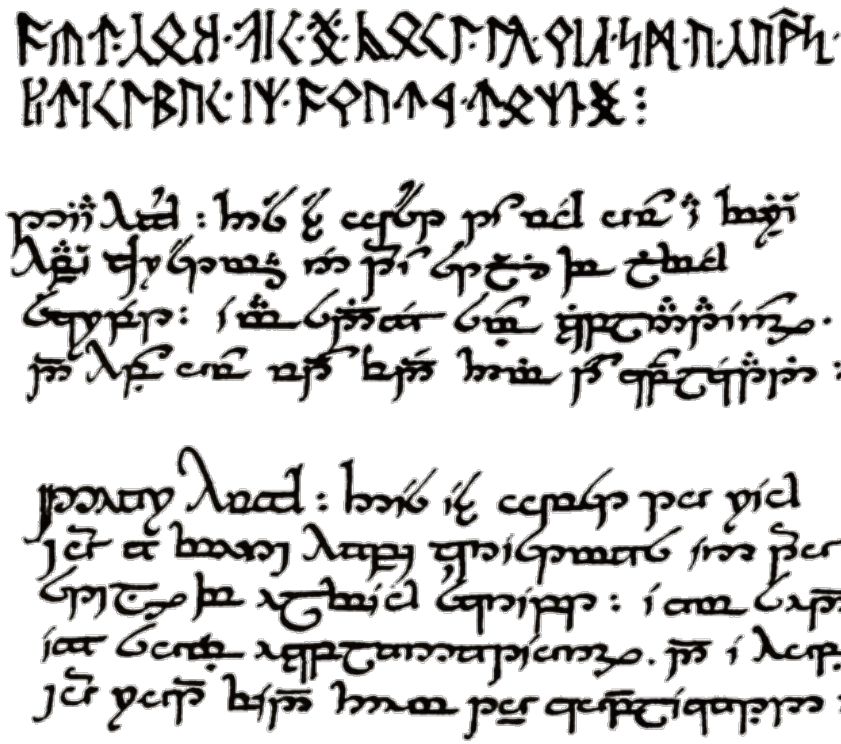
книгу?

117 Из письма к Хью Броугану 31 октября 1948

Этим летом мне удалось на время «сокрыться от мира», и я счастлив объявить, что наконец-то сумел привести «Властелина Колец» к успешному завершению. Кроме того, книгу прочел и одобрил Рейнер Анвин (первый рецензент «Хоббита»), который за то время, что продолжение сочинялось, успел вырасти и теперь учится здесь, в Тринити. Думаю, есть шанс, что книга все-таки выйдет, хотя сей массивный том слишком велик, чтобы хоть сколько-то обогатить издателя (не говоря уже об авторе): в нем страниц 1200 наберется. Однако объем — не препятствие для тех, кому такие вещи по душе. Если бы только не нагрянул очередной триместр, я бы все это уже отредактировал — в крупном произведении невероятно трудно избежать ошибок, путаницы в именах и всевозможных несоответствий в деталях, о чем забывают критики, в жизни не пытавшиеся создать ничего подобного, — и отдал бы его в перепечатку. Надеюсь вскорости это сделать, и могу сказать лишь, что, как только разживусь лишним экземпляром, непременно ссужу его вам, вместе с изрядным количеством пояснительного материала, алфавитов, исторических хроник, календарей и генеалогий, припасенных для истинных «почитателей». Надеюсь, очень скоро это станет возможным; так, чтобы вы получили это все на рождественские каникулы; но обещать не могу. Эта университетская деятельность, когда зарабатываешь на хлеб тем, что преподаешь, читаешь филологические лекции и ежедневно посещаешь заседания и прочие «говорильни», ужасно мешает серьезной работе.

118 К Хью Броугану

Поздравление с Рождеством; дата не проставлена; возможно, написано под Рождество 1948 г. Это — разновидность *ангертас* или гномьих рун, очень близкая к той, что использована во «Властелине Колец», но не идентичная ей, и два варианта Фэанорова алфавита; в первом для обозначения гласных используются *техтар* (значки над согласными); во втором гласные обозначаются буквенно. Транслитерация приводится в примечании к данному письму.



ПРИМЕЧАНИЯ

Для удобства читателей здесь приводится транслитерация текстов латиницей (в рунической надписи пары букв, выделенные курсивом, передаются одной руной; для звонкого S используется буква Z) и перевод английского текста на русский язык.

D*E*AR HU*GH* THIS [I]Z JUST TO WI*SH* Y*OU* A HA*PP*Y *CH*RISTMAS IN DWARF RUNEZ.

dear hugh: this iz just to wish you a very happy Christmas
in two styles of elvish script: i am sending some explanations,
and hope you wont find them too complicated.

Третья надпись в точности повторяет вторую, только между «and» и «hope» вставлено слово «I».

ДОРОГОЙ ХЬЮ, ЭТО ПРОСТО ПОЖЕЛАНИЕ ТЕБЕ СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА ГНОМЬИМИ РУНАМИ.

Дорогой Хью, это просто пожелание тебе самого счастливого Рождества в двух вариантах эльфийского алфавита: посылаю также разъяснения и надеюсь, ты не сочтешь их слишком сложными.

119 Из письма в «Аллен энд Анвин» 28 февраля 1949

У меня нет времени заново перепечатывать [«Фермера Джайлса»], и думаю, что на самом деле необходимости в том нет. Для меня перепечатка набело «Властелина Колец» — оч. великий труд, а отдать профессиональной машинистке невозможно по причине дороговизны….. Кажется, после 25 лет работы мне вскорости дадут «творческий отпуск» длиной в триместр, отчасти из медицинских соображений. Если так, тогда я, возможно, и в самом деле смогу кое-что закончить.

120 Из письма в «Аллен энд Анвин» 16 марта 1949

От услуг Милейн Козман отказались; иллюстрировать «Фермера Джайлса из Хэма» пригласили Полин Бэйнс

Образцы мисс Бэйнс, надо полагать, пришли в Мертон в субботу; но в силу ряда причин просмотрел я их только вчера. Пишу лишь для того, чтобы сообщить: я ими доволен даже больше, чем ожидал, судя по первым рисункам. Это больше, чем иллюстрации, это сопутствующая тема. Я показал их друзьям; те любезно отметили, что благодаря им мой текст теперь сводится просто-напросто к подписям под картинками.

121 Из письма в «Аллен энд Анвин» 13 июля 1949

По поводу продолжения к «Фермеру Джайлсу из Хэма».]

Что до новых «легенд Малого Королевства»: я сослался на одну из них в предисловии, на случай, если из них и впрямь однажды что-то выйдет или вдруг ненароком обнаружится обрывок старинной рукописи. Но Георгий и Пуз остаются лишь наброском, и непросто ныне возродить дух былых дней, когда мы, бывало, объезжали границы М.К. в стареньком автомобильчике. «Детям» ныне от 20 до 32. Но когда я наконец-то буду иметь на руках текст «Властелина Колец», — а я уже почти перепечатал чистовой вариант набело, — пружина распрямится, и, может, что-то и выйдет.

122 К Наоми Митчисон

Миссис Митчисон расхвалила в письме «Фермера Джайлса из Хэма», опубликованного осенью 1949.

13 декабря 1949
Мэнор-Роуд, 3, Оксфорд

Уважаемая миссис Митчисон!

Необыкновенно любезно с вашей стороны было мне написать….. Что до «Фермера Джайлса», боюсь, он писался крайне легкомысленно, изначально — о «никаковском времени», где вполне возможны и мушкетоны, и все, что угодно. Благодаря легкому налету академизма, — в том варианте, что был зачитан общ. Лавлейса и в опубликованном, — мушкетон смотрится вопиюще — но, по правде говоря, ничуть не ужаснее, нежели все эти средневековые переложения артуровского материала. Однако его уже не заменишь, слишком уж крепко врос в текст; а многих анахронизмы забавляют. Сам я никак не мог отказаться от цитаты из «Оксфордского словаря» (ну Марри как живой!{Имеется в виду сэр Джеймс Марри, первый из издателей Оксфордского словаря (один из «четырех ученых клириков из Оксенфорда»), который якобы и дал определение слова «мушкетон».}). Греческий огонь, должно быть, более смахивал на огнемет: на греческих кораблях он, похоже, представлял собою смертоносную силу. Но на острове Британия, судя по археологическим данным, не было ровным счетом ничего напоминающего огнестрельное оружие. Но и доспехов четырнадцатого века — тоже.

По мне, драконы — увлекательнейшее создание фантазии. Впрочем, о беовульфовском я не самого высокого мнения. Но что до проблемы вторжения «дракона» в северное воображение и его трансформации там — о ней я знаю недостаточно. Фафнир из поздних норвежских вариантов истории Сигурда куда лучше; и Смауг с его красноречием явно многим ему обязан.

Я знаю исландский весьма неплохо (да мне и полагается!) и немного валлийский; но, невзирая на все мои усилия, древнеирландский мне упорно не дается, равно как и его современные производные. Смешение в политическом и культурном плане было весьма ощутимым и сложным, — но в исландском языке следов почти не оставило, разве что в заимствованиях некоторых имен, таких, например, как Бриан и Ньяль, что прижились в Исландии. Влияние на ирландский оказалось куда значительнее. Но в любом случае имена, хоть

сколько-то схожие по звучанию, обычно сливались или смешивались…..

Надеюсь вскорости подарить вам две книги, о которых по крайней мере одно критическое замечание окажется справедливым: они чрезмерно длинны! Одна — продолжение к «Хоббиту», которое я только что закончил спустя 12 лет (нерегулярных) трудов. Боюсь, эта книга в три раза длиннее, предназначена не идя детей (хотя вовсе не обязательно для них совсем уж непригодна) и местами довольно мрачна. Мне *кажется*, она гораздо лучше (но по-другому). Вторая — чистой воды миф, легенды прошлого, достаточно далекого уже во времена Бильбо.

Еще раз спасибо за письмо. Надеюсь, ответ местами читабелен.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

123 Из черновика письма к Мильтону Уолдману 5 февраля 1950

Примерно в то время, когда Толкин заканчивал работу над «Властелином Колец», его познакомили с Мильтоном Уолдманом, редактором лондонского издательства «Коллинз». Уолдман весьма заинтересовался новой книгой, а также и «Сильмариллионом»: Толкин надеялся издать его вместе с «Властелином Колец». Поскольку «Аллен энд Анвин» от «Сильмариллиона» отказались (Толкин предлагал им рукопись в 1937 г.), теперь он решил попробовать сменить издателя; соответственно, Толкин показал Уолдману те части «Сильмариллиона», что существовали в беловом варианте. Уолдман ответил, что охотно опубликовал бы их, если бы Толкин закончил книгу. Тогда Толкин предъявил ему текст «Властелина Колец». Уолдман вновь пришел в восторг и предложил опубликовать рукопись при условии, что Толкин «не связан никакими обязательствами, будь то юридического или морального характера, с издательством «Аллен энд Анвин». Отосланный ответ Толкина отыскать не удалось; ниже приводится отрывок из черновика этого письма.

Мне страшно жаль, что столько дней пролетело с тех пор, как я получил вашу записку….. Едва я обрушил на вас рукопись [«Властелина Колец»], я тут же и устыдился: взвалить на человека в отпуске такую работу способен лишь авторский эгоизм. И, исследовав собственную совесть, я вынужден был признать, что — как человек, который одиноко трудился в своем уголке и слышал отзывы лишь нескольких друзей-единомышленников, — я был в значительной степени побуждаем желанием услышать от «свежего человека», обладает ли мое произведение какой-нибудь общечеловеческой ценностью или это лишь бесплодное личное хобби.

И в то же время не думаю, что на самом деле обременил вас под обманным предлогом….. Я так понимаю, никаких *юридических* обязательств перед «Аллен энд Анвин» у меня нет, поскольку пункт договора на «Хоббита» касательно предоставления им следующей книги выполнен либо (а) когда они отвергли «Сильмариллион» или (б) когда они наконец приняли и опубликовали «Фермера Джайлса». Я был бы (как вы

подметили) рад от них отказаться, поскольку они по многим статьям меня не устраивают. Однако я состою в дружеских отношениях со Стэнли (которого тем не менее не слишком-то люблю) и с его вторым сыном Рейнером (которого люблю и даже очень). Всегда подразумевалось, что я пишу продолжение к «Хоббиту». Рейнер прочел почти всего «Властелина Колец», и книга ему нравится: еще маленьким мальчиком он прочитал рукопись «Хоббита». Сэр Стэнли давно знает о том, что «Властелин Колец» перерос свое предназначение, и недоволен, поскольку думает, что доходов от него никому не дождаться (так он говорил); и тем не менее ему все равно очень хочется взглянуть на окончательный вариант. Если это является моральным обязательством, значит, я им связан: по крайней мере, мне следует объясниться. А не упоминал ли я обо всем об этом в моем письме от 13 декабря? Ведь собирался же. Однако я со всей определенностью попытаюсь высвободиться сам или, по крайней мере, спасти «Сильмариллион» и всю его родню из затягивающих пут «А. энд А.», если смогу — по-хорошему, если удастся.

124 К сэру Стэнли Анвину

«Аллен энд Анвин» переслали Толкину вопрос читателя о том, правда ли он написал «Подлинную историю Фэери».

24 февраля 1950
Мертон-Колледж, Оксфорд

Уважаемый Анвин!

Боюсь, я — самый необязательный человек на свете. В настоящий момент я «в отпуске» и то и дело в отъезде; хотя попытка разобраться с горой литературных и «научных» задолженностей — предполагается, что отпуск этой попытке всячески содействует, — оказалась мне не по силам, тем более что в последнее время меня беспокоит горло, и чувствую я себя не наилучшим образом.

Но, как бы то ни было, мне давным-давно следовало ответить на ваш запрос, поступивший от мистера Селби. И хотя датирован он 31 января, на самом деле письмо написано 31 декабря.

Даже вообразить себе не могу и так и не сумел выяснить, что имеет в виду мистер Селби. Разумеется, никакой «Подлинной истории Фэери» я не писал (и уж названия такого, конечно же, не выбрал бы); равно как и не порождал слуха или пророчества о том, что такое произведение существует. Мне остается предположить, что мистер Селби ассоциирует меня с «Фэери» и приписал мое имя произведению, написанному кем-то другим. Маловероятно, чтобы он подслушал литературную болтовню (о каковой я, по крайней мере, понятия не имею), в ходе которой кто-нибудь сослался бы на мой «Сильмариллион» (давным-давно отвергнутый и убранный на полку). Название не то чтобы вполне подходит, а произведение это прочли в рукописи лишь примерно человек пять, включая двоих моих детей и вашего рецензента.

Это, однако, подводит меня к теме более важной (для меня, по крайней мере). В одном из ваших последних писем вы по-прежнему выражали желание взглянуть на рукопись моего предполагаемого произведения, «Властелина Колец», изначально задуманного как продолжение к «Хоббиту». На протяжении вот уже восемнадцати месяцев я жил ожиданием дня, когда смогу объявить его завершенным. Но достиг я этой цели только после Рождества. Книга закончена, даже если и не до конца отредактирована, и пребывает, сдается мне, в том состоянии, когда рецензент вполне мог бы ее прочесть, если бы не увял при

одном ее виде.

Поскольку перепечатка рукописи набело стоила бы в районе 100 фунтов (что мне не по карману), я был вынужден почти все перепечатывать сам. И теперь, когда я гляжу на результат, я осознаю всю грандиозность катастрофы. Мое детище вырвалось из-под контроля, я породил монстра: невероятно длинный, сложный, довольно горький и крайне пугающий роман, совершенно непригодный для детей (если вообще для кого-то пригодный); и на самом деле это продолжение не к «Хоббиту», но к «Сильмариллиону». По моим подсчетам, в нем содержится, даже без нескольких необходимых приложений, около 600 000 слов. Одна из машинисток предположила, что больше. Со всей отчетливостью вижу, насколько это нереально. Но я устал. Я сбросил книгу с плеч и боюсь, что ничего уже не смогу с ней сделать, кроме как выправить мелкие огрехи. Хуже того: я чувствую, что роман накрепко связан с «Сильмариллионом».

Возможно, это произведение вы помните: длинный свод легенд вымышленных времен в «высоком штиле», где полным-полно эльфов (в некотором роде). Много лет назад по совету вашего рецензента рукопись отклонили. Если мне не изменяет память, он признал за мифами некую кельтскую красоту, в больших дозах для англосаксов непереносимую. Вероятно, он был абсолютно прав и справедлив. А вы заметили, что из этой работы скорее стоит черпать материал, нежели публиковать ее как есть.

К сожалению, я — не англосакс, и даже убранный на полку (вплоть до прошлого года) «Сильмариллион» вместе со всем прочим бурно о себе заявлял. Он кипел и пузырился, просачивался и, возможно, портил все (имеющее хотя бы отдаленное отношение к «Фэери»), что я с тех пор пытался написать. Мне с трудом удалось не впустить его в «Фермера Джайл-са», но написать продолжение он мне не дал. Он отбросил густую тень на последние главы «Хоббита». Он завладел «Властелином Колец» так, что роман просто-напросто превратился в его продолжение и завершение и требует «Сильмариллиона» для полной внятности — без кучи ссылок и разъяснений, что громоздятся в одном-двух местах.

Вы сочтете меня вздорным надоедой, но я хочу опубликовать их вместе — «Сильмариллион» и «Властелина Колец», будь то сразу или по очереди. «Я хочу» — разумнее сказать «я хотел бы», поскольку пачечка объемом, скажем, в миллион слов[227] воспроизведенного без сокращений материала, который англосаксы (или англоговорящая публика) способны вынести лишь в умеренных дозах, света, скорее всего, не увидит, даже если бы в бумаге недостатка не ощущалось.

И тем не менее именно этого мне бы хотелось. Или ну их совсем. Мысль о радикальном переписывании или сокращении я даже не рассматриваю. Разумеется, будучи писателем, я хотел бы видеть свои слова напечатанными; но уж как есть, так есть. Для меня главное, что я чувствую: ныне сей предмет «экзорцирован» и более меня не мучит. Теперь я могу заняться другими вещами, такими, скажем, как Малое Королевство Уормингов[228], или совсем иными темами и историями.

Простите, что письмо получилось такое длинное — и главным образом обо мне. На самом деле я вовсе не одержим непомерным тщеславием в том, что касается моих нелепых личных хобби. Но вы были крайне терпеливы — все эти долгие годы ожидая, что продолжение к «Хоббиту» подойдет той же самой аудитории; хотя, как я знаю, вы понимаете, что я свернул с накатанной колеи. Так что я задолжал вам какое-никакое объяснение. Сообщите мне, что думаете. Я вручу вам всю эту гору писанины, если хотите. Боюсь, рецензенту, который действительно читает, на нее потребуется уйма времени; хотя, возможно, он составит себе мнение по отрывку. Однако я не затаю обиды (и не слишком-то удивлюсь), если вы отвергнете предложение настолько явственно невыгодное, и попросите меня поторопиться и представить вскорости книгу более подходящую.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

P.S. Бедняга Рейнер, конечно же, прочел значительную часть «Властелина Колец», хотя и не до самого конца: последнюю «книгу» я закончил совсем недавно. Надеюсь, у него все благополучно. Кстати, как поживает малыш «Фермер Джайлс»?

ДЖ. Р. Р. Т.

125 К сэру Стэнли Анвину

6 марта Анвин ответил, спрашивая, нельзя ли разрешить проблему объемности двух вместе взятых книг, разбив их на «три-четыре более или менее самостоятельных тома». В ответ на вопрос Толкина о «Фермере Джайлсе из Хэма» он сообщал, что из первого, пятитысячного тиража продано 2 000 экземпляров и что «пока книга расходится не так хорошо, как мы рассчитывали», хотя добавлял, что она, вне всякого сомнения, будет постепенно продаваться и дальше.

10 марта 1950
Мэнор-Роуд 3, Оксфорд

Уважаемый Анвин!

Спасибо большое за письмо от 6 марта. Усматриваю в нем знак вашего доброго расположения; но также, боюсь, усматриваю и ваше мнение о том, что эта гора писанины на самом деле издателю невыгодна, но, напротив, потребует некоторых денежных вложений. Я не удивлен.

Касательно вашего вопроса насчет «делимости». Очень длинное произведение, конечно же, можно искусственно разбить на более удобные объемы: такого рода процесс породил тома большого «Оксфордского словаря», озаглавленные «ONOMASTICAL-OUTING» и «от SIMPLE до SLEEP»[{144}]. Но естественным образом Сага о Трех Самоцветах и Кольцах Власти делится лишь на две части и не иначе (в каждой около 600 000 слов): «Сильмариллион» и другие легенды; и «Властелин Колец». Последнюю из которых я создал настолько неделимой и цельной, насколько мог.

Разумеется, в сюжетообразующих целях она делится на отдельные части (всего шесть) и две-три из них, более-менее равной длины, можно было бы переплести в один том, но они ни в коем случае не самостоятельны.

Я теперь не уверен (должен в том признаться, хотя как «продавцу», наверное, мне полагалось бы выказать больше убежденности), что многие, помимо моих друзей, — из которых отнюдь не всё выдержали до конца, — прочтут произведение столь затянутое, даже если бы и любили такого рода вещи в умеренных дозах. А еще я не уверен, станут ли люди читать, не говоря уже о том, чтобы покупать такое произведение выпусками, и не перегорит ли у них интерес, так сказать. Но вы в таких вещах

наверняка разбираетесь лучше меня.

Я отдаю себе отчет в финансовых трудностях и осознаю, что шанс окупить непомерные расходы крайне невелик. Денег, чтобы утопить в этой трясине, у меня нет, и на вас я в этом отношении не имею права рассчитывать. Пожалуйста, не думайте, что я сочту себя незаслуженно обиженным, если вы без особых колебаний откажетесь ввязываться в это дело. В конце концов предполагалось, что вы охотно примете продолжение «Хоббита», но данное произведение таковым никак не назовешь, ни в практическом смысле, ни в том, что касается атмосферы, настроя и целевой аудитории.

Мне страшно жаль, что я создал такую проблему. Причем можно сказать, что нарочно, ведь я давным-давно знал, что ищу неприятностей на свою голову и, скорее всего, у меня получается нечто непубликуемое и непродаваемое. На данный момент у меня нет для вас ничего законченного; но я вполне готов в ближайшее время написать что-нибудь попроще и покороче. Под конец моего «творческого отпуска» я ощущаю прилив энергии, и, как только нынешние испытания завершатся (вчера начался процесс изъятия всех моих зубов, а вот-вот начнется и изъятие всей моей домашней утвари), надеюсь ощутить его еще в большей степени. Думаю, вскорости примусь за другие вещицы, давно вынашиваемые *in petto*{145}.

И тем не менее, если бы «Фермер Джайлс» зарекомендовал себя удачнее, все было бы не так печально! Итак, перед нами лишь жалкая академическая шутка? По-моему, о нем немногие слышали. Кажется, рекламируют его не слишком-то активно.

Я всегда полагал, что, при какой-никакой его ценности он изрядно выиграет в комплекте с другими историями про то же самое королевство и в том же стиле; но мир, более удаленный, подчинял меня себе настолько, что я просто не смог за них взяться. Теперь, возможно, все будет иначе.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

126 К Мильтону Уолдману (черновик) 10 марта 1950

Мэнор-Роуд 3, Оксфорд

Уважаемый Уолдман!

Сэр Стэнли Анвин наконец-то соизволил ответить лично. Цитирую абзац, имеющий отношение к делу:

«Ваше письмо и впрямь создало нам проблему! Ее и до войны было бы непросто разрешить; а теперь, когда производственные расходы выросли раза в три по сравнению с тогдашними временами, это тем более непросто. Чтобы конкретнее оценить, что нам предстоит, ответьте, пожалуйста, возможно ли разбить миллион слов на, скажем, три-четыре более-менее самостоятельных тома. Вы, может быть, помните, что, когда мы опубликовали великое произведение Мурасаки «Повесть о Гэндзи», мы начали с того, что выпустили книгу шестью отдельными томами, каждый — под своим названием, хотя первые четыре, разумеется, все были «Повесть о Гэндзи», а в последних речь шла скорее о его сыне».

Я ответил в том смысле, что рассматриваю письмо как знак его доброго расположения, но также вижу, что его мнение таково: эта гора писанины просто для публикации не годится и требует денежных вложений. (В письме я особо подчеркнул, что «Сильмариллион» и т. д. и «Властелин Колец» идут вместе, как одна длинная Сага о Самоцветах и Кольцах, и что я твердо намерен рассматривать их как единое целое, уж как бы их формально ни издали.) Я отметил, что гора эта делится естественным образом только на «Сильмариллион» и «Властелин Колец» (в каждом примерно по 600 000 слов), но последнюю книгу возможно поделить на фрагменты разве что искусственно. Я добавил, что не удивлюсь, если он откажется ввязываться в историю с этой чудовищной Сагой; и что теперь, когда я сбросил ее с плеч, я вполне готов произвести для него что-нибудь попроще и покороче (и даже «для детей») — причем вскорости.

Вот так на данный момент обстоит дело. Я очень сильно надеюсь, что он оставит меня в покое, не потребовав рукописи и двух месяцев «на рецензию». Но оптимизма не испытываю. Однако время поджимает. Вскоре я вновь с головой уйду в дела — уже постепенно втягиваюсь, поскольку, как выясняется, за время моего отсутствия все пошло наперекосяк, — и за перо смогу взяться лишь после возвращения из Ирландии в начале июля.

Анвин сообщает, что из тиража «Фермера Джайлса» продано только 2000 экземпляров. Я ответил, что рекламы что-то не вижу….

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

Я переезжаю в дом № 99 по Холиуэлл[229], однако, когда точно, еще не знаю: здание нуждается в основательном ремонте. Надеюсь, хотя и почти не рассчитываю, вселиться ко дню св. Георгия{146}. В Мертоне меня всегда отыщут. Дж. Р. Р. Т.

127 К сэру Стэнли Анвину

3 апреля, как только Толкин отослал ему коротенькую записку с просьбой ответить на письмо от 10 марта, Анвин написал, сообщая, что спросил мнение своего сына Рейнера, который на тот момент учился в Америке, в Гарвардском университете. Комментарии Рейнера Анвин вложил в конверт, хотя для глаз Толкина они на самом деле предназначены не были. Рейнер Анвин писал: «Властелин Колец» — по-своему великая книга, своеобразная, но весьма любопытная, и, так или иначе, издавать ее стоит. Читая ее, янехватки «Сильмариллиона» не ощущал….. Наверняка редактор сумел бы включить действительно существенно важный материал из «Сильмариллиона» во «Властелина Колец»….. А если так не получится, я бы сказал: опубликуйте «Властелина Колец» в дорогом варианте, как своего рода рекламу издательства, а на «Сильмариллион» гляньте еще раз — да и ну его».

14 апреля 1950
Мэнор-Роуд 3, Оксфорд

Уважаемый Анвин!

Забавно, что письма наши пересеклись. Я мог бы отправить свое днем позже, но вопрос крайне необходимо решить поскорее. Каждая неделя на счету. Мне нужен определенный ответ: да или нет; причем ответ на мое предложение, а не по поводу неких воображаемых возможностей.

Ваши письма[230], как всегда, более чем любезны; хотя первое меня озадачило, равно как и вложенный отрывок из письма Рейнера. Он, как вы отметили, для меня не предназначался; в силу чего заинтересовал меня еще сильнее (и я не имею в виду содержащийся в нем комплимент). Озадачивает то, что он был сочтен не подходящим для моих глаз (с вашей точки зрения); так что я гадаю, зачем же вы тогда мне его прислали.

У меня складывается впечатление, будто в общем и целом вы с Рейнером согласны и решили, что показать мне его советы — отличный способ сообщить мне, на что в самом лучшем случае я вправе надеяться, — поскольку Рейнер, пожалуй, самый благосклонный из критиков, на какого я только могу рассчитывать. Но мне хотелось бы убедиться наверняка.

Особенно хороша, скажу я вам, последняя фраза отрывка (до

привета мне): «Если так не получится и т. д.» По-моему, разоблачает политику как есть. А еще демонстрирует поразительную неспособность понять ситуацию — равно как и мое письмо. Но больше не скажу ни слова, пока не получу от вас ответа…[231]

Искренне Ваш,
ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

128 Из письма в «Аллеи энд Анвин» 1 августа 1950

В ответ на ультиматум Толкина сэр Стэнли Анвин ответил: «Поскольку вы требуете немедленного «да» или «нет», ответ будет «нет; хотя вполне мог бы быть и «да», если бы вы дали мне время и возможность взглянуть на законченную рукопись». До поры дело на том и закончилось. В июле «Аллен энд Анвин» переслало Толкину корректуру нового издания «Хоббита», куда вошли мелкие поправки к тексту и, к вящему удивлению Толкина, новый вариант части главы V, «Загадки во тьме», которую он передал в издательство в 1947 г. всего лишь как «образец переписанной главы» (см. № 111) и которую совсем не обязательно предназначал для публикации.

«Хоббит»: настоящим возвращаю корректуру. Править много не потребовалось, зато понадобилось серьезно поразмыслить. То, что я получил, в известной степени застало меня врасплох. Слишком много времени прошло с тех пор, как я прислал предполагаемые изменения к главе V и гипотетически предложил слегка изменить первоначального «Хоббита»[232]. В ту пору я все еще пытался приладить к месту продолжение, — а изменения мою задачу существенно облегчили бы, не говоря уже о том, что удалось бы сократить это непомерно длинное произведение почти на целую главу. Однако ж вы не отозвались ни словом, и я так понял, что возможность изменений первоначальной редакции даже не рассматривается. Теперь продолжение основано на раннем варианте; и если исправленный текст в самом деле будет опубликован, потребуется существенная переработка продолжения.

Должен отметить, я бы предпочел, чтобы мне хотя бы намекнули, что (при каких бы то ни было обстоятельствах) такие изменения возможны, — до того, как все это обрушилось на меня в виде корректуры. Однако ж теперь я решился принять изменения и последствия. Эта вещь для меня уже достаточно стара, чтобы взглянуть на нее беспристрастно, и кажется мне, что исправленный вариант сам по себе лучше, и по мотивировкам, и по сюжету, — и, разумеется, с ним продолжение (если оно когда-нибудь выйдет), покажется куда более естественным.

Я вовсе не собирался публиковать исправленный вариант; но

получилось вроде бы очень даже неплохо.

129 Из письма к сэру Стэнли Анвину 10 сентября 1950

> «Аллен энд Анвин» попросило Толкина прислать «точную формулировку» примечания к новому изданию «Хоббита», которое объясняло бы внесенные в текст изменения.

Ну вот, пожалуйста: поправки сделаны и, надо думать, их уже не отменить. Те, с кем я советовался, считают, что переделка сама по себе — улучшение (безотносительно к вопросу с продолжением). Это уже что-то. Но когда я попытался прикинуть «точную формулировку» для примечания к переработанному английскому изданию, проблема, вопреки ожиданию, оказалась не из простых.

У меня на руках оказались два опубликованных варианта ключевого эпизода. Либо первый надо вообще списать со счетов, как просто-напросто недоразумение, увидевшее свет по чистой случайности; либо вся эта история должна принять во внимание существование двух версий и использовать этот факт. Первое я бесхитростно имел в виду поначалу, хотя это и не вполне удобно (поскольку «Хоббит» достаточно широко известен в прежнем варианте), если мы хотим поддержать художественную иллюзию историчности с опорой на некие письменные источники. Второе можно проделать вполне убедительно (думаю я), но в примечании этого вкратце не объяснишь.

В первом случае, или во власти сомнений, единственное, что можно сделать, сдается мне, — это просто промолчать. Я пребываю в сомнении, так что на данный момент предлагаю просто-напросто не говорить ничего; хотя мне это не по душе. Ведь, насколько я понимаю, вопрос о том, чтобы включить примечание в американское переиздание, даже не стоит. И вы, конечно же, предупредите меня заранее, когда потребуется английское.

А тем временем высылаю вам образец того, что мне бы хотелось вставить в измененное издание, — если я решу признать обе версии нахождения Кольца частью подлинной легенды. Этот текст — не для печати, но, если вы вернете его, сопроводив какими угодно комментариями, я был бы весьма признателен.

130 Из письма к сэру Стэнли Анвину 14 сентября 1950

> Хорошенько поразмыслив, Толкин решил, что объяснительное примечание в новом издании со всей определенностью понадобится.

Я решил признать существование двух версий главы пятой в том, что касается продолжения — хотя на данный момент у меня нет времени переписывать его в нужных местах. Потому вкладываю кратчайший вариант вводного примечания; это текст для печати, если вы сочтете возможным использовать его в переиздании[233].

131 К Мильтону Уолдману

После того как «Аллен энд Анвин», от которого Толкин требовал однозначного ответа, поневоле отказалось публиковать «Властелина Колец» вместе с «Сильмариллионом», Толкин был уверен, что Мильтон Уолдман из «Коллинза» в ближайшее время выпустит обе книги в своем издательстве. Весной 1950 г. Уолдман сообщил Толкину, что надеется приступить к набору уже осенью. Но возникли задержки, главным образом из-за частых отъездов Уолдмана в Италию и его болезни. К концу 1951 г. никаких определенных договоренностей касательно публикации достигнуто не было, а в издательстве «Коллинз» общий объем обеих книг вызывал все большее опасение. По всей вероятности, именно по просьбе Уолдмана Толкин написал нижеследующее письмо — длиной почти в десять тысяч слов, с целью доказать, что «Властелин Колец» и «Сильмариллион» взаимозависимы и неразделимы. Письмо, заинтересовавшее Уолдмана настолько, что он отдал его в перепечатку (см. конец № 137), не датировано, но написано, вероятно, в конце 1951 г.

Дорогой Мильтон!

Вы попросили дать краткое описание материала, имеющего отношение к моему воображаемому миру. Трудно сказать хоть что-нибудь, не сказав при этом слишком многого: при попытке найти пару слов распахиваются шлюзы энтузиазма, эгоист и художник немедленно желает сообщить, как этот материал разрастался, на что похож и что (как ему кажется) автор имеет в виду или пытается изобразить. Кое-что из этого я обрушу на вас; однако приложу и просто краткое резюме содержания: это (возможно) все, что вам нужно, или до чего дойдут руки и на что времени хватит.

Если говорить о том, когда и как это сочинялось и разрасталось, все это началось одновременно со мной, — хотя не думаю, что это кому-то интересно, кроме меня самого. Я имею в виду, что не помню такого периода в моей жизни, когда бы я это все не созидал. Многие дети придумывают, — или по крайней мере берутся придумывать, — воображаемые языки. Сам я этим развлекаюсь с тех пор, как научился писать. Вот только перестать я так и не перестал, и, конечно же, как профессиональный филолог (особенно интересующийся эстетикой языка) я

изменился в том, что касается вкуса, и усовершенствовался в том, что касается теории и, возможно, мастерства. За преданиями моими ныне стоит целая группа языков (по большей части лишь схематично намеченных). Но тем созданиям, которых по-английски я не вполне правильно называю эльфами{147}, даны два родственных языка, почти доработанных: их история записана, а формы (воплощающие в себе два разных аспекта моих лингвистических предпочтений) научно выводятся из общего источника. Из этих языков взяты практически все *имена собственные*, использованные в легендах. Как мне кажется, это придает ономастике определенный характер (единство, последовательность лингвистического стиля и иллюзию историчности), чего заметно недостает иным сходным творениям. Не всякий, в отличие от меня, сочтет это важным, поскольку меня судьба покарала болезненной чувствительностью в подобных вопросах.

Но страстью столь же основополагающей для меня *ab initio*{148} был миф (не аллегория!) и волшебная сказка, и в первую очередь — героическая легенда на грани волшебной повести и истории, которых на мой вкус в мире слишком мало (в пределах моей досягаемости). Уже в студенческие годы мысль и опыт подсказали мне, что интересы эти — разноименные полюса науки и романа — вовсе не диаметрально противоположны, но по сути родственны. Впрочем, в вопросах мифа и волшебной сказки я не «сведущ»{149}, ибо в таких вещах (насколько я с ними знаком) я неизменно искал некое содержание, нечто определенного настроя и тона, а не просто знание. Кроме того, — и здесь, надеюсь, слова мои не прозвучат совсем уж абсурдно — меня с самых юных лет огорчала нищета моей любимой родины: у нее нет собственных преданий (связанных с ее языком и почвой), во всяком случае того качества, что я искал и находил (в качестве составляющей части) в легендах других земель. Есть эпос греческий и кельтский, романский, германский, скандинавский и финский (последний произвел на меня сильнейшее впечатление); но ровным счетом ничего английского, кроме дешевых изданий народных сказок. Разумеется, был и есть обширный артуровский мир, но при всей его величественности он не вполне прижился, ассоциируется с почвой Британии, но не Англии; и не заменяет того, чего, на мой взгляд, недостает. Во-первых, его «фэери»-составляющая слишком уж обильна и фантастична, слишком непоследовательна и слишком повторяется. Во-вторых, что более важно: артуриана не только связана с христианством, но также явным образом его в себе содержит.

В силу причин, в которые я вдаваться не буду, это мне

кажется пагубным. Миф и волшебная сказка должны, как любое искусство, отражать и содержать в растворенном состоянии элементы моральной и религиозной истины (или заблуждения), но только не эксплицитно, не в известной форме первичного «реального» мира. (Я говорю, конечно же, о нынешней нашей ситуации, а вовсе не о древних, языческих, дохристианских днях. И я не стану повторять того, что попытался высказать в своем эссе, которое вы уже читали.)

Только не смейтесь! Но некогда (с тех пор самонадеянности у меня поубавилось) я задумал создать цикл более-менее связанных между собою легенд — от преданий глобального, космогонического масштаба до романтической волшебной сказки; так, чтобы более значительные основывались на меньших в соприкосновении своем с землей, а меньшие обретали великолепие на столь обширном фоне; цикл, который я мог бы посвятить просто стране моей, Англии. Ему должны быть присущи желанные мне тон и свойства: нечто холодное и ясное, что дышит нашим «воздухом» (климат и почва северо-запада, под коими я разумею Британию и ближайшие к ней области Европы, не Италию и не Элладу, и уж конечно, не Восток); обладая (если бы я только сумел этого достичь) той волшебной, неуловимой красотой, которую некоторые называют кельтской (хотя в подлинных произведениях древних кельтов она встречается редко), эти легенды должны быть «возвышенны», очищены от всего грубого и непристойного и соответствовать более зрелому уму земли, издревле проникнутой поэзией. Одни легенды я бы представил полностью, но многие наметил бы только схематически, как часть общего замысла. Циклы должны быть объединены в некое грандиозное целое — и, однако, оставлять место для других умов и рук, для которых орудиями являются краски, музыка, драма. Вот абсурд!

Разумеется, сей самонадеянный замысел сформировался не сразу. Сперва были просто истории. Они возникали в моем сознании как некая «данность», и по мере того, как они являлись мне по отдельности, укреплялись и связи. Захватывающий, хотя и то и дело прерываемый труд (тем более что, даже не говоря о делах насущных, разум порою устремлялся к противоположному полюсу и сосредотачивался на лингвистике); и, однако ж, мною всегда владело чувство, будто я записываю нечто, уже где-то, там, «существующее», а вовсе не «выдумываю».

Разумеется, я сочинял и даже записывал много всего другого (особенно для моих детей). Кое-каким вещицам удалось выскользнуть из тисков этой разветвляющейся, всепоглощающей темы, будучи в основе своей и радикально с нею не связанными:

например, «Лист работы Ниггля» и «Фермер Джайлс», единственные две, что увидели свет. «Хоббит», в котором куда больше внутренней жизни, задумывался абсолютно независимо; начиная его, я еще не знал, что и он оттуда же. Однако ж, как выяснилось, он оказался настоящей находкой: он завершал собою целое, обеспечивал ему спуск на землю и слияние с «историей». Как высокие Легенды начала дней предполагают эльфийский взгляд на вещи, так промежуточная повесть о хоббите принимает, по сути дела, человеческую точку зрения, — а последняя история соединяет их воедино.

Я терпеть не могу Аллегорию — аллегорию сознательную и умышленную, — и, однако ж, все попытки объяснить сущность мифа и волшебной сказки по необходимости задействуют язык иносказания. (И, конечно же, чем больше в истории «жизни», тем с большей легкостью к ней применимы аллегорические интерпретации; а чем лучше сделана намеренная аллегория, тем скорее ее воспримут просто как историю.) Как бы то ни было, во всей этой писанине{150} речь идет главным образом о Падении, Смертности и Машине. О Падении — неизбежно, и мотив этот возникает в нескольких формах. О Смертности, тем более что она оказывает влияние на искусство и тягу к творчеству (или скорее к вторичному творчеству), у которой вроде бы нет никакой биологической функции и которая не имеет отношения к удовлетворению простых, обыкновенных биологических потребностей, с каковыми в нашем мире она обычно враждует. Это стремление одновременно сочетается со страстной любовью к первичному, настоящему миру и оттого исполнено ощущения смертности — и в то же время миром этим не насыщается. В нем заключены самые разные возможности для «Падения». Оно может стать собственническим, цепляясь за вещи, созданные «как свои собственные»; творец вторичной реальности желает быть Богом и Повелителем своего личного произведения. Он упрямо бунтует против законов Создателя — особенно же против смертности. И то, и другое (поодиночке или вместе) непременно ведет к жажде Власти, и того, чтобы воля срабатывала быстрее и эффективнее, — и отсюда к Машине (или Магии). Под последним я разумею любое использование внешних систем или приспособлений (приборов) вместо того, чтобы развивать врожденные, внутренние таланты и силы или даже просто использование этих талантов во имя искаженного побуждения подчинять: перепахивать реальный мир или принуждать чужую волю. Машина — наша более очевидная современная форма, хотя и соотносится с магией теснее, нежели обычно признается.

Слово «магия» я использовал не вполне последовательно;

эльфийская королева Галадриэль даже вынуждена объяснять хоббитам, что они ошибочно употребляют это слово как для обозначения уловок Врага, так и действий эльфов. Моя непоследовательность объясняется тем, что термина для обозначения последнего не существует (ведь все человеческие истории страдают той же путаницей). Однако эльфы призваны (в моих историях) продемонстрировать разницу. Их «магия» — это Искусство, освобожденное от многих его человеческих ограничений: более легкое и непринужденное, более живое, более полное (произведение и замысел идеально соответствуют друг другу). А целью ее является Искусство, а не Власть, вторичное творчество, а не подчинение и не деспотичная переделка Творения. «Эльфы» «бессмертны», по меньшей мере пока длится этот мир, и потому их скорее занимают горести и тяготы бессмертия среди изменчивого времени, нежели смерть. Врага в последовательных его обличиях всегда «естественным образом» занимает абсолютная Власть, он — Владыка магии и машин; но проблема, — что это страшное зло может родиться и рождается от вроде бы доброго корня, из желания облагодетельствовать мир и других{151} — быстро и в соответствии с собственными планами благодетеля, — становится повторяющимся мотивом.

Циклы начинаются с космогонического мифа: «Музыки Айнур». Явлены Бог и Валар (или власти; в английском языке именуемые богами). Последние являются, скажем так, ангелическими силами, функция которых — осуществлять делегированную власть в своих сферах (правления и руководства, но *не*творения, созидания или переделывания). Они «божественны», то есть изначально пришли «извне» и существовали «до» сотворения мира. Их могущество и мудрость проистекают из Знания космогонической драмы, которую они восприняли сперва как драму (как в некотором смысле мы воспринимаем историю, сочиненную кем-то другим), а позже — как «реальность». С точки зрения чисто художественного приема это, разумеется, дает нам существ того же уровня красоты, могущества и величия, что и «боги» высших мифологий, которых, тем не менее, способен признать, — ну, скажем прямо, — разум, верующий в Святую Троицу.

Сразу же после этого мы переходим к «Истории эльфов», или «Сильмариллиону» как таковому; к миру, как мы его воспринимаем, но, конечно же, преображенному, по-прежнему полумифическому: то есть в нем действуют разумные воплощенные создания, более-менее сопоставимые с нами. Знание Драмы Творения было неполным: неполным у каждого

отдельно взятого «бога»; и осталось бы неполным, даже если соединить воедино все знание пантеона. Ибо (отчасти, чтобы исправить зло бунтаря Мелькора, отчасти ради того, чтобы замысел был исполнен и завершен до мельчайших подробностей) Творец явил отнюдь не все. Двумя величайшими из тайн стали создание и природа Детей Господних. Боги знали лишь то, что Дети явятся в назначенный срок. Таким образом, Дети Господни изначально сродни и связаны друг с другом и изначально — различны. Поскольку они также — существа, совершенно «иные», нежели боги, и в создании их боги участия не принимали, боги тянутся к ним душой и исполнены к ним любви. Это — *Перворожденные*, эльфы, и *Пришедшие Следом*, люди. Судьба эльфов — бессмертие и любовь к красоте этого мира, которая расцветет пышным цветом благодаря их утонченным, совершенным дарам; их бытию дано длиться, пока существует мир, и не покидают они его, даже будучи «убиты», но возвращаются — и, однако же, с появлением Пришедших Следом удел эльфов — наставлять их, и уступать им место, и «угасать» по мере того, как Пришедшие Следом обретают силу и вбирают в себя жизнь, от которой оба рода произошли. Судьба (или Дар) людей — это смертность, свобода от кругов мира. Поскольку весь цикл представлен с эльфийской точки зрения, смертность через миф не объясняется; это — тайна Господа, о которой ведомо лишь одно: «то, что Господь назначил людям, сокрыто»: и здесь — источник печали и зависти для бессмертных эльфов.

Как я уже сказал, свод легенд «Сильмариллион» — вещь необычная, и отличается от всех известных мне подобных произведений тем, что он не антропоцентричен. В центре его внимания и интереса не люди, но «эльфы». Люди неизбежно оказываются вовлечены в повествование: в конце концов, автор — человек, и, если обретет аудиторию, это будут люди, и люди по необходимости фигурируют в наших преданиях как таковые, а не только преображенные или отчасти представленные под видом эльфов, гномов, хоббитов и проч. Однако они остаются на периферии — как пришедшие позже, и, хотя значимость их неуклонно растет, вовсе не они — главные герои.

На космогоническом плане имеет место падение: падение ангелов, сказали бы мы. Хотя, конечно же, по форме совершенно отличное от христианского мифа. Эти предания «новые», они не заимствованы напрямую из других мифов и легенд, но неизбежно содержат в себе изрядную долю древних широко распространенных мотивов или элементов. В конце концов, я считаю, что легенды и мифы в значительной степени сотканы из «истины» и, несомненно, представляют отдельные ее аспекты,

которые воспринять можно только в такой форме; давным-давно определенные истины и формы воплощения такого рода были открыты и неизбежно возникают вновь и вновь. Не может быть «истории» без падения — все истории в конечном счете повествуют о падении — по крайней мере для человеческих умов, таких, какие мы знаем и какими наделены.

Итак, продолжаем: эльфы пали — прежде, чем их «история» смогла стать историей в повествовательном смысле этого слова. (Первое падение людей, в силу приведенных причин, нигде не фигурирует: когда люди появляются на сцене, все это осталось в далеком прошлом; существуют лишь слухи о том, что на какое-то время люди оказались под властью Врага и что некоторые из них раскаялись.) Основной корпус предания, «Сильмариллион» как таковой, посвящен падению одареннейшего рода эльфов, изгнанию их из Валинора (некое подобие Рая, обитель Богов) на окраинном Западе, их возвращению в Средиземье, землю, где они родились, но где давно уже господствует Враг, их борьбе с ним, пока еще зримо воплощенной силой Зла. Название книги объясняется тем, что связующей нитью для всех событий становится судьба и суть Первозданных Самоцветов, или *Силгмарилли* («сияние чистого света»). Сотворение драгоценных камней главным образом символизирует собою эльфийскую функцию вторичного творчества, однако ж Сильмарилли — нечто большее, чем просто красивые вещицы. И был Свет. И был Свет Валинора зримо явлен в Двух Древах, Серебряном и Золотом{152}. Враг убил их из злобы, и на Валинор пала тьма, хотя от них, прежде чем они умерли окончательно, был взят свет Солнца и Луны. (Характерное различие между этими легендами и большинством других состоит в том, что Солнце — не божественный символ, но вещь «второго порядка», и «солнечный свет» (мир под солнцем) становятся терминами для обозначения падшего мира и искаженного, несовершенного видения).

Однако главный искусник эльфов (Фэанор) заключил Свет Валинора в три непревзойденных самоцвета, Сильмарилли, еще до того, как Древа были осквернены и погибли. Таким образом, впредь сей Свет жил лишь в этих драгоценных камнях. Падение эльфов является следствием собственнического отношения Фэанора и его семерых сыновей к этим камням. Враг завладевает ими, вставляет их в свою Железную Корону и хранит их в своей неприступной твердыне. Сыновья Фэанора дают ужасную, кощунственную клятву вражды и мести, — против всех и кого угодно, не исключая и богов, кто дерзнет посягнуть на Сильмарилли или станет утверждать свое право на них. Они сбивают с пути большую часть своего народа; те восстают против

богов, покидают рай и отправляются на безнадежную войну с Врагом. Первым следствием их падения становится война в Раю, гибель эльфов от руки эльфов; и это, а также их пагубная клятва неотступно сопутствуют всему их последующему героизму, порождая предательство и сводя на нет все победы. «Сильмариллион» — это история Войны эльфов-Изгнанников против Врага, все события которой происходят на северо-западе мира (в Средиземье). В него включено еще несколько преданий о триумфах и трагедиях, однако заканчивается это все катастрофой и гибелью Древнего Мира, мира долгой *Первой эпохи*. Самоцветы обретены вновь (благодаря вмешательству богов под самый конец) — однако для эльфов они навсегда утрачены: один канул в море, другой — в земные недра, а третий стал звездой в небесах. Этот легендариум завершается повествованием о конце мира, о его разрушении и возрождении, о возвращении Сильмарилли и «света до Солнца» — после последней битвы, которая, как мне кажется, более всего прочего навеяна древнескандинавским образом Рагнарека, хотя не слишком-то на него похожа.

По мере того как предания становятся менее мифологичными и все более уподобляются историям как таковым и эпосам, в них вступают люди. По большей части это «хорошие люди» — семьи и их вожди, что, отрекшись от служения Злу и прослышав о Богах Запада и Высоких эльфах, бегут на запад и вступают в общение с эльфами-Изгнанниками в разгар их войны. В преданиях фигурируют главным образом люди из Трех Домов Праотцов; их вожди стали союзниками эльфийских владык. Общение людей и эльфов уже предвещает историю более поздних эпох, и повторяющейся темой звучит мысль о том, что в людях (таковых, каковы они сейчас) есть толика «крови» и наследия эльфов и что людские искусство и поэзия в значительной степени зависят от нее или ею определяются{153}. Таким образом, имеют место два брачных союза представителей рода смертных и эльфов: оба впоследствии объединяются в роду потомков Эарендиля, представленном Эльрондом Полуэльфом, который фигурирует во всех историях и даже в «Хоббите». Главное из преданий «Сильмариллиона», и притом наиболее полно разработанное — это «Повесть о Берене и эльфийской деве Лутиэн»{154}. Здесь, помимо всего прочего, мы впервые встречаемся со следующим мотивом (в «Хоббитах» он станет доминирующим): великие события мировой истории, «колесики мира», зачастую вращают не владыки и правители, и даже не боги, но те, кто вроде бы безвестен и слаб, — благодаря тайной жизни творения и той составляющей части, неведомой никому из мудрых, кроме Единого, которую привносят в Драму Дети Господни. Не кто

иной, как Верен, изгой из рода смертных, добивается успеха (с помощью Лутиэн, всего лишь слабой девы, пусть даже эльфийки королевского рода) там, где потерпели неудачу все армии и воины: он проникает в твердыню Врага и добывает один из Сильмарилли Железной Короны. Таким образом он завоевывает руку Лутиэн и заключается первый брачный союз смертного и бессмертной.

История как таковая (мне она представляется прекрасной и впечатляющей) является героико-волшебным эпосом, что сам по себе требует лишь очень обобщенного и поверхностного знания предыстории. Но одновременно она — одно из основных звеньев цикла, и, вырванная из контекста, часть значимости утрачивает. Ибо отвоевание Сильмариля, высшая из побед, ведет к катастрофе. Клятва сыновей Фэанора вступает в действие, и желание завладеть Сильмарилем обрекает все эльфийские королевства на гибель.

В цикл входят и другие предания, почти столь же полно разработанные и почти столь же самодостаточные — и, однако ж, связанные с историей в целом. Есть «Дети Хурина», трагическая повесть о Турине Турамбаре и его сестре Ниниэль, где в качестве главного героя выступает Турин: персонаж, как сказали бы (те, кому нравятся такого рода рассуждения, хотя толку в них чуть), унаследовавший ряд черт Сигурда Вельсунга, Эдипа и финского Куллерво. Есть «Падение Гондолина»: главной эльфийской твердыни. А еще — предание, или ряд преданий, о «Страннике Эарендиле»{155}. Это крайне значимый персонаж, поскольку он приводит «Сильмариллион» к финалу; он же через своих потомков обеспечивает основные связки и персонажей для преданий более поздних эпох. Его функция как представителя обоих Народов, людей и эльфов, заключается в том, чтобы отыскать путь через море назад в Землю Богов и в качестве посланника убедить их вновь вспомнить об Изгнанниках, сжалиться над ними и спасти их от Врага. Его жена Эльвинг происходит от Лутиэн и до сих пор владеет Сильмарилем. Однако проклятье по-прежнему действует, и сыновья Фэанора разоряют дом Эарендиля. Но тем самым обретен выход: Эльвинг, спасая Самоцвет, бросается в Море, воссоединяется с Эарендилем, и благодаря силе великого Камня они наконец-то попадают в Валинор и выполняют свою миссию — ценою того, что отныне им не позволено вернуться ни к людям, ни к эльфам. Тогда боги вновь выступают в поход, великая рать является с Запада, и Твердыня Врага разрушена; а сам он выдворен из Мира в Пустоту, дабы никогда более не возвращаться в воплощенном виде. Оставшиеся два Сильмариля извлечены из Железной Короны — и

снова утрачены. Последние двое сыновей Фэанора, побуждаемые клятвой, похищают Самоцветы — и через них находят свою гибель, бросившись в море и в расщелину земли. Корабль Эарендиля, украшенный последним Сильмарилем, вознесен в небеса как ярчайшая из звезд. Так заканчивается «Сильмариллион» и предания Первой эпохи.

В следующем цикле речь идет (или пойдет) о Второй эпохе. Но для Земли это — темные времена, об истории которых рассказывается немного (да больше и не стоит). В великих битвах против Изначального Врага материки раскололись и подверглись разрушениям, и Запад Средиземья превратился в бесплодную пустошь. Мы узнаем, что эльфам-Изгнанникам если не приказали, то по крайней мере настоятельно посоветовали возвратиться на Запад и жить там в покое и мире. Им предстояло навечно поселиться не в Валиноре, но на Одиноком острове Эрессэа в пределах видимости Благословенного Королевства. Людей Трех Домов вознаградили за доблесть и верность союзникам тем, что позволили им поселиться «западнее всех прочих смертных», в Нуменорэ{156} [235], на огромном острове-«Атлантиде». Смертность, судьбу или дар Господень боги, конечно же, отменить не в силах, однако нуменорцам отпущен долгий срок жизни. Они подняли паруса, отплыли из Средиземья и основали великое королевство мореходов почти в виду Эрессэа (но не Валинора). Большинство Высоких эльфов тоже возвратились на Запад. Но не все. Часть людей, тех, что в родстве с нуменорцами, остались в землях неподалеку от морского побережья. Некоторые из Изгнанников возвратиться вообще не пожелали или отложили возвращение (ибо путь на запад для бессмертных открыт всегда, и в Серых Гаванях стоят корабли, готовые уплыть без возврата). Да и орки (гоблины) и прочие чудовища, выведенные Изначальным Врагом, уничтожены не все. Кроме того, есть *Саурон*. В «Сильмариллионе» и Преданиях Первой эпохи Саурон, один из обитателей Валинора предался злу, перешел на сторону Врага и стал его главным полководцем и слугою. Когда Изначальный Враг терпит сокрушительное поражение, Саурон в страхе раскаивается, но в итоге не является, как ему приказано, на суд богов. Он остается в Средиземье. Очень медленно, начиная с благих побуждений, — преобразования и восстановления разоренного Средиземья, «о котором боги позабыли», — он превращается в новое воплощение Зла и существо, алчущее Абсолютной Власти, — и потому снедаем все более жгучей ненавистью (особенно к богам и эльфам). На протяжении сумеречной Второй эпохи на Востоке Средиземья растет Тень, все больше и больше

подчиняя себе людей — которые умножаются в числе по мере того, как эльфы начинают угасать. Таким образом, три основные темы сводятся к следующему: задержавшиеся в Средиземье эльфы; превращение Саурона в нового Темного Властелина, повелителя и божество людей; и Нуменор-Атлантида. Они представлены в виде анналов и в двух Преданиях, или Повестях, «Кольца Власти» и «Низвержение Нуменора». Оба важны в качестве фона для «Хоббита» и его продолжения.

В первом представлено что-то вроде второго падения или по крайней мере «заблуждения» эльфов. По сути не было ничего дурного в том, что они задержались вопреки совету, по-прежнему скорбно с[236] смертных землях их древних героических деяний. Однако ж им хотелось один пирог да съесть дважды. Им хотелось наслаждаться миром, блаженством и совершенной памятью «Запада» — и в то же время оставаться на бренной земле, где их престиж как высшего народа, стоящего над дикими эльфами, гномами и людьми, был несравненно выше, нежели на нижней ступени иерархии Валинора. Так они стали одержимы «угасанием» — именно в этом ключе они воспринимали временные изменения (закон мира под солнцем). Они сделались печальны, искусство их (скажем так) обращено в прошлое, а все их старания сводились к своего рода бальзамированию — даже при том, что они сохранили древнее стремление своего народа к украшению земли и исцелению ее ран. Мы узнаем об уцелевшем королевстве под властью Гильгалада{157} — на окраинном северо-западе, примерно на тех древних землях, что остались еще со времен «Сильмариллиона», и о других поселениях — таких, как Имладрис (Ривенделл) близ Эльронда{158}; и обширный край Эрегион у западного подножия Туманных гор, близ Копей Мории, главного гномьего королевства Второй эпохи. Там в первый и единственный раз возникла дружба между обычно враждебными народами (эльфами и гномами), а кузнечное ремесло достигло высшей ступени развития. Однако многие эльфы прислушались к Саурону. В те стародавние дни он еще обладал прекрасным обличием, и его побуждения вроде бы отчасти совпадали с целями эльфов: исцелить разоренные земли. Саурон отыскал слабое место эльфов, предположив, что, помогая друг другу, они сумеют сделать западное Средиземье столь же прекрасным, как Валинор. На самом-то деле то был завуалированный выпад против богов; подстрекательство попытаться создать отдельный, независимый рай. Гильгалад все эти предложения отверг, как и Эльронд. Но в Эрегионе закипела великая работа — и эльфы оказались на волосок от того, чтобы взяться за «магию» и машины. При помощи Сауроновых познаний они сделали *Кольца*

Власти («власть» (*power*) во всех этих преданиях — слово зловещее и недоброе, за исключением тех случаев, когда оно применяется по отношению к богам{159}).

Главное их свойство (в этом кольца были схожи) состояло в предотвращении или замедлении *упадка* (т. е. «перемен», воспринимаемых как нечто нежелательное), в сохранении всего желанного или любимого, или его подобия, — такой мотив более или менее характерен для эльфов в целом. Но при этом кольца усиливали врожденные способности владельца — тем самым приближаясь к «магии», а это побуждение легко исказить и обратить во зло, в жажду господства. И, наконец, они наделены и другими свойствами, которыми они обязаны Саурону уже непосредственно («Некроманту»: так именуется он, роняющий мимолетную тень, как предзнаменование, на страницы «Хоббита»): например, делают невидимыми материальные объекты и видимыми — сущности незримого мира.

Эльфы Эрегиона создали, почти исключительно силой своего собственного воображения, без подсказки, Три несказанно прекрасных и могущественных кольца, направленных на сохранение красоты: эти невидимостью не наделяли. Но тайно, в подземном Огне, в своей Черной Земле, Саурон создал Единое Кольцо, Правящее Кольцо, что заключало в себе свойства всех прочих и контролировало их, так что носящий его мог прозревать мысли всех тех, кто пользовался меньшими кольцами, мог управлять всеми их действиями и в конечном счете мог целиком и полностью поработить их. Однако Саурон не принял в расчет мудрости и чуткой проницательности эльфов. Едва он надел Единое Кольцо, эльфы узнали об этом, постигли его тайный замысел и устрашились. Они спрятали Три Кольца, так что даже Саурон не сумел отыскать их, и они остались неосквернеными. Остальные же Кольца эльфы попытались уничтожить.

В последовавшей войне между Сауроном и эльфами Средиземье, особенно в его западной части, подверглось новым разрушениям. Эрегион был завоеван и разорен, и Саурон захватил в свои руки немало Колец Власти. Их он раздал тем, что согласились принять кольца (из честолюбия или жадности), дабы окончательно исказить и поработить их. Отсюда — «древние стихи», ставшие лейтмотивом «Властелина Колец»:

> Три — эльфийским владыкам в подзвездный предел;
> Семь — для гномов, царящих в подгорном просторе;
> Девять — смертным, чей выверен срок и удел.
> И Одно — Властелину на черном престоле
> В Мордоре, где вековечная тьма.{160}

Таким образом, Саурон обретает в Средиземье почти абсолютную власть. Эльфы еще держатся в потаенных укрытиях (до поры не обнаруженных). Последнее эльфийское королевство Гильгалада расположено на окраинном западном побережье, где находятся гавани Кораблей: положение его крайне непрочно. Эльронд Полуэльф, сын Эарендиля, хранит своего рода зачарованное убежище в Имладрисе (Ривенделл по-английски) на восточной границе западных земель{161}. Однако Саурон повелевает умножающимися ордами людей, которые никогда не общались с эльфами, а через них, косвенно — с истинными и непадшими Валар и богами. Он правит растущей империей из гигантской темной башни Барад-дур в Мордоре, близ Горы Огня, владея Единым Кольцом.

Но, чтобы достичь этого, ему пришлось вложить большую часть своей собственной внутренней силы (распространенный и весьма значимый мотив в мифе и волшебной сказке) в Единое Кольцо. Когда он надевал Кольцо, его власть над землей, по сути дела, возрастала. Но, даже если Кольца он не надевал, эта сила все равно существовала и пребывала «в контакте» с ним: он не «умалялся». До тех пор пока кто-либо другой не захватил бы Кольца и не объявил бы его своим. Если бы такое произошло, новый владелец мог бы (если бы был от природы достаточно силен и героичен) бросить вызов Саурону, овладеть всем, что тот узнал или сотворил со времен создания Единого Кольца и, таким образом, сверг бы Саурона и узурпировал бы его место. В этом-то и заключался основной просчет: пытаясь (по большей части безуспешно) поработить эльфов и желая установить контроль над умами и волей своих слуг, Саурон сам неизбежно оказывался уязвим. Было и еще одно слабое место: если Единое Кольцо уничтожить, истребить, тогда сила Саурона растаяла бы, а само его существо умалилось бы вплоть до полного исчезновения, так что он превратился бы в тень, в жалкое воспоминание о злонамеренной воле. Но такой возможности он не рассматривал и не опасался этого. Кольцо не сумел бы уничтожить ни один кузнец, уступающий искусством самому Саурону. Его нельзя было расплавить ни в каком огне, кроме лишь того неугасимого подземного пламени, где оно было отковано, — недосягаемого пламени Мордора. И так силен был соблазн Кольца, что любой, кто им пользовался, подпадал под его власть; ни у кого не достало бы силы воли (даже у самого Саурона) повредить Кольцо, выбросить его или пренебречь им. По крайней мере, так он

думал. В любом случае Кольцо он носил на пальце.

Таким образом, на протяжении Второй эпохи у нас есть великое Королевство и теократия зла (ибо Саурон также — божество для своих рабов), что набирает силу в Средиземье. На западе — собственно говоря, северо-запад — единственная подробно описанная область в этих преданиях, — находятся ненадежные прибежища эльфов, а люди тех земель остаются более-менее неиспорченными, пусть и невежественными. Лучшие, более благородные люди, по сути дела, являются родней тех, кто уплыл в Нуменор, но пребывают в состоянии «гомеровской» простоты патриархально-племенной жизни.

Тем временем богатство, мудрость и слава *Нуменора* все росли под властью рода великих королей-долгожителей, прямых потомков Эльроса, сына Эарендиля, брата Эльронда. «Низвержение Нуменора», Второе Падение людей (людей исправленных и все-таки смертных) оборачивается катастрофой, что положила конец не только Второй эпохе, но и Древнему Миру, первозданному миру легенды (представленному как плоский и имеющий предел). После этого начинается Третья эпоха, Век Сумерек, Medium Aevum{162}, первая эпоха расколотого, измененного мира и последняя для длительного владычества зримых, полностью воплощенных эльфов; и последняя, когда Зло принимает единое, исполненное могущества, воплощенное обличие.

«Низвержение» отчасти является результатом внутренней слабости в людях — следствия, если угодно, первого Падения (о котором в этих преданиях речи не идет): люди раскаялись, но окончательно исцелены не были. Награда на земле для людей куда опаснее наказания! Падение свершилось благодаря тому, что Саурон коварно воспользовался этой слабостью. Центральной темой здесь (как мне кажется, в истории о людях это неизбежно) является Воспрещение, или Запрет.

Нуменорцы живут у предела видимости самой восточной из «бессмертных» земель, Эрессэа; и, поскольку они единственные из людей говорят по-эльфийски (этот язык они выучили во времена Союза), они постоянно общаются со своими давними друзьями и союзниками, — и теми, что живут на благословенном Эрессэа, и теми, что из королевства Гильгалада на берегах Средиземья. Таким образом они сделались и видом, и даже способностями почти неотличимы от эльфов, однако ж оставались смертны, хотя наградой им стал тройной и более чем тройной срок жизни. Награда оборачивается для них гибелью — или орудием искушения. Их Долгая жизнь способствует достижениям в искусстве и умножению мудрости, но порождает

собственническое отношение к тому и к другому; и вот они уже жаждут больше *времени* на то, чтобы всем этим наслаждаться. Отчасти, предвидя это, боги с самого начала наложили на нуменорцев Запрет: никогда не плавать к Эрессэа и на запад — лишь до тех пор, пока виден их собственный остров. Во всех прочих направлениях они могли путешествовать, куда хотели. Людям не дозволялось ступать на «бессмертные» земли, чтобы те не пленились бессмертием (в пределах мира), которое противоречит предписанному им закону, особой судьбе или дару Илуватара (Господа): сама их природа, по сути дела, бессмертия не выдержала бы{163}.

В отпадении нуменорцев от благодати можно проследить три фазы. Сперва — покорность, послушание свободное и добровольное, пусть и без полного понимания. Затем на протяжении долгого времени они повинуются неохотно, ропща все более и более открыто. Под конец они восстают — возникает раскол между людьми Короля, бунтовщиками, и небольшим меньшинством преследуемых Верных.

На первой стадии, будучи народом мирным, нуменорцы проявляют свою доблесть в морских плаваниях. Потомки Эарендиля, нуменорцы стали превосходными мореходами, и, поскольку на Запад им путь был закрыт, они плавают до самого Крайнего Севера, и на юг, и на восток. По большей части пристают они у западных берегов Средиземья, где помогают эльфам и людям в борьбе с Сауроном и навлекают на себя его непримиримую ненависть. В те дни они являлись к дикарям почти как божественные благодетели, принося дары искусства и знания, и вновь уплывали, — оставляя по себе немало легенд о королях и богах, приходящих со стороны заката.

На второй стадии, во дни Гордыни и Славы, и недовольства Запретом, они стали стремиться, скорее, к богатству, нежели к благоденствию. Желание спастись от смерти породило культ мертвых; богатства и искусства расточались на гробницы и монументы. Теперь они основали поселения на западном побережье, но поселения эти становились, скорее, крепостями и «факториями» владык, взыскующих богатств; нуменорцы превратились в сборщиков дани и увозили за море на своих огромных кораблях все больше и больше добра. Нуменорцы принялись ковать оружие и строить машины.

Со вступлением на престол тринадцатого[237] короля из рода Эльроса, Тар-Калиона Золотого, самого могущественного и гордого из всех королей, эта фаза закончилась и началась последняя. Узнав, что Саурон присвоил себе титул Короля Королей и Владыки Мира, Тар-Калион решил усмирить

«узурпатора». В ореоле мощи и величия он отправляется в Средиземье, и столь громадна его армия, и столь ужасны нуменорцы в день своей славы, что слуги Саурона не смеют противостоять им. Саурон смиряется, преклоняется перед Тар-Калионом и отвезен в Нуменор в качестве заложника и пленника. Но там, благодаря своему коварству и познаниям, он стремительно возвышается от слуги до главного королевского советника и своими лживыми наветами склоняет ко злу короля и большинство; лордов и жителей острова. Он отрицает существование Бога, утверждая, что Единый — это лишь выдумка завистливых Валар Запада, оракул их собственных желаний. А главный из богов — тот, что обитает в Пустоте, тот, что в конце концов одержит победу и создаст в пустоте бесчисленные королевства для своих слуг. Запрет же — не более чем обманная уловка, подсказанная страхом и рассчитанная на то, чтобы не позволить Королям Людей отвоевать для себя жизнь вечную и соперничать с Валар.

Возникает новая религия и поклонение Тьме, со своим храмом, выстроенным по наущению Саурона. Верных преследуют и приносят в жертву. Нуменорцы приносят зло и в Средиземье и становятся там жестокими и злыми владыками-некромантами, убивая и мучая людей; древние легенды заслоняются новыми преданиями, мрачными и ужасными. Однако на северо-западе ничего подобного не происходит; ибо туда, где живут эльфы, приплывают только Верные, оставшиеся эльфам друзьями. Главная гавань неиспорченных нуменорцев находится близ устья великой реки Андуин. Оттуда влияние Нуменора, все еще благое, распространяется вверх по Реке и вдоль побережья на север вплоть до самого королевства Гильгалада, по мере того, как складывается Всеобщее наречие.

Но наконец замысел Саурона осуществляется. Тар-Калион чувствует, как к нему подступают старость и смерть, прислушивается к последнему наущению Саурона и, построив величайшую из флотилий, отплывает на Запад, нарушая Запрет, и идет на богов войной, дабы силой вырвать у них «жизнь вечную в пределах кругов мира». Перед лицом подобного бунта, этого вопиющего безумства и кощунства, а также и перед лицом вполне реальной опасности (ибо нуменорцы, направляемые Сауроном, вполне могли учинить разор в самом Валиноре) Валар слагают с себя доверенную им власть, взывают к Богу и получают силу и дозволение действовать; старый мир разрушен и изменен. Разверзшаяся в море пропасть поглощает Тар-Калиона и его флотилию. Сам Нуменор, оказавшись на краю разлома, обрушивается и навечно исчезает в бездне вместе со всем своим

величием. После этого на земле не остается зримых обиталищ существ божественной и бессмертной природы. Валинор (или Рай) и даже Эрессэа изъяты и сохранились лишь в памяти земли. Теперь люди могут плыть на Запад, если захотят, и так далеко, как только могут, но к Валинору и к Благословенному Королевству они не приблизятся, а вновь окажутся на востоке и так возвратятся обратно; ибо мир стал круглым и ограниченным, и из сферы его не вырваться иначе, как через смерть. Лишь «бессмертные», задержавшиеся на земле эльфы, до сих пор могут, ежели пожелают, устав от кругов мира, взойти на корабль и отыскать «прямой путь», достичь древнего или Истинного Запада и обрести там покой.

Итак, ближе к концу Второй эпохи происходит великая катастрофа; однако эпоха еще не окончена. Остались те, кто выжил в катаклизме: *Элендиль* Прекрасный, предводитель Верных (имя его означает *«Друг эльфов»*) и его сыновья *Исильдур* и *Анарион*. Элендиль, персонаж, уподобленный Ною, не принимал участия в бунте; на восточном побережье Нуменора стояли его корабли, подготовленные к отплытию и с людьми на борту. Он бежит прочь перед всесокрушающей бурей гнева Запада и подхвачен и высоко вознесен вздымающимися волнами, разрушившими запад Средиземья. Он и его люди выброшены на берег; отныне они — изгнанники. Там они основывают нуменорские королевства: Арнор на севере, близ владений Гильгалада, и Гондор близ устьев Андуина дальше к югу. Саурон, будучи бессмертным, едва спасается при гибели Нуменора и возвращается в Мордор, где спустя некоторое время набирает достаточную силу, чтобы бросить вызов изгнанникам Нуменора.

Вторая эпоха завершается созданием *Последнего Союза* (людей и эльфов) и великой осадой Мордора. Она заканчивается низвержением Саурона и уничтожением второго зримого воплощения зла. Однако победа досталась дорогой ценой, и при одной пагубной ошибке. Гильгалад и Элендиль пали в битве с Сауроном. Исильдур, сын Элендиля, срубил кольцо с руки Саурона — и сила покинула Саурона, а дух его бежал во тьму. Однако зло начинает действовать. Исильдур объявляет Кольцо своим как «виру за отца» и отказывается бросить его в Огонь тут же, рядом. Он уводит войско, но тонет в Великой Реке; Кольцо утрачено и исчезает бесследно неведомо куда. Однако оно не уничтожено, и Темная Башня, отстроенная с его помощью, все еще стоит, пустая — но и не разрушенная. Так заканчивается Вторая эпоха — с утверждением нуменорских владений и гибелью последнего короля Высоких эльфов.

В Третью эпоху события вращаются в основном вокруг

Кольца. Темный Властелин уже не восседает на троне, но его чудовища истреблены не полностью, и его жуткие слуги, рабы Кольца, по-прежнему здесь — тени среди теней. Мордор обезлюдел, Темная Башня пуста, на границах этой недоброй земли выставлена стража. У эльфов еще остались потаенные убежища: в Серых Гаванях, где стоят их корабли, в Доме Эльронда и в других местах. На севере королевством Арнор правят потомки Исильдура. Южнее, по обоим берегам Великой Реки Андуин, стоят города и крепости нуменорского королевства Гондор, где правят короли из рода Анариона. Далеко на неизведанных (в контексте этих преданий) Востоке и Юге находятся страны и королевства людей диких или злобных, схожих лишь в своей ненависти к Западу, почерпнутой у своего хозяина Саурона: однако Гондор и его мощь преграждают им путь. Кольцо потеряно — есть надежда, что навсегда; и Три Кольца эльфов в руках у тайных хранителей действуют, сохраняя память о красоте древности и поддерживая зачарованные островки мира, где Время словно бы застыло и распад обуздан, — подобие благоденствия Истинного Запада.

Но на севере Арнор приходит в упадок, распадается на мелкие княжества и наконец исчезает. Остатки нуменорцев становятся потаенным бродячим народом, и, хотя род истинных Королей, наследников Исильдура, отнюдь не прервался, известно это только в Доме Эльронда. На юге Гондор достигает апогея могущества, почти уподобившись Нуменору, а затем медленно угасает до упаднического средневековья — нечто вроде надменной, освященной веками, но все более беспомощной Византии. Надзор за Мордором ослабевает. Натиск восточан и южаков усиливается. Род Королей прерывается, в последнем городе Гондора, в Минас Тирите («Башне Стражи»), правят потомственные Наместники. Заключен бессрочный союз с Коневодами Севера, рохиррим или Всадниками Рохана; они расселяются на ныне безлюдных зеленых равнинах, что некогда составляли северную часть королевства Гондор. На обширный первозданный лес, Зеленолесье Великое, расположенный к востоку от верховьев Великой Реки, падает тень; тень растет, лес становится Мирквудом, т. е. Лихолесьем. Мудрые обнаруживают, что источник ее — Чародей («Некромант» «Хоббита»), чей потаенный замок находится на юге Великого Леса{164}.

В середине этой эпохи появляются хоббиты. Происхождение их неизвестно (даже им самим){165}, поскольку великие, они же цивилизованные, народы, из тех, что составляют летописи, их своим вниманием обошли, а сами хоббиты ничего не записывали, довольствуясь лишь невразумительными устными преданиями,

пока не покинули границ Мирквуда, спасаясь от Тени, и не забрели на Запад, вступив в сношения с последними обитателями королевства Арнор.

Главное их поселение, все обитатели которого — хоббиты и где поддерживается упорядоченная, цивилизованная, пусть простая деревенская жизнь, — это *Шир*, изначально — пахотные земли и леса земель короны Арнора, пожалованные в лен; однако к тому времени, как о *Шире* стало хоть что-то известно, «Король», создатель законов, давно сгинул, оставив по себе лишь воспоминания. Бильбо — хоббит и герой одноименной повести — отправляется «в приключение» в 1341 году Шира (или, 2941 году Третьей эпохи: то есть в последнем ее столетии).

В этой истории, заново пересказывать которую нет смысла, сущность хоббитов и положение дел с хоббитами никак не объясняются, но представлены как нечто само собою разумеющееся, и то немногое, что рассказывается об их истории, преподносится в форме случайного упоминания о чем-то и без того известном. «Мировая политика» в целом, обрисованная выше, разумеется, тоже подразумевается; на нее также периодически ссылаются мимоходом как на события, подробно записанные где-то в другом месте. Эльронд — персонаж весьма значимый, хотя его величавость и благородство, его великое могущество и происхождение несколько затушевываются и в полной мере не явлены. Есть также отсылки к истории эльфов, к падению Гондолина и так далее. Тени и зло Мирквуда обеспечивают, на сниженном плане «волшебной сказки», одну из главных составляющих приключения. Лишь в одном эпизоде вся эта «мировая политика» срабатывает как часть сюжетного механизма. Маг{166} Гандальв отозван по крайне важному делу — это попытка справиться с угрозой Некроманта — и бросает хоббита в разгар «приключения» без помощи и совета, вынуждая его научиться стоять на своих собственных ногах и стать по-своему героем. (Многие читатели отметили этот момент и догадались, что Некромант непременно должен сыграть весьма заметную роль в продолжении или в других преданиях о тех временах.)

Тон и стиль «Хоббита», в общем и целом иной, объясняется тем (с точки зрения происхождения), что это произведение воспринималось мною как материал из грандиозного цикла, который можно обработать в виде «волшебной сказки» для детей. Кое-какие особенности тона и манеры изложения, как мне теперь видится, ошибочны — даже с этой точки зрения. Но мне не хотелось бы менять слишком много. Ведь, в сущности, это — эскиз простого, заурядного человека, не наделенного ни

творческим потенциалом, ни благородством и героизмом (впрочем, не без зачатков всего этого) на возвышенном фоне; и по сути дела (как отметил один из критиков), тон и стиль меняются по мере развития хоббита, от волшебной сказки к благородному и высокому, — и вновь снижаются в эпизоде возвращения.

Поход за драконьим золотом, главная тема повести «Хоббит» как таковой, в рамках общего цикла является периферийной и не то чтобы значимой, — и связана с ним главным образом через историю гномов, а таковая ни в одном предании не выдвигается на первый план, хотя зачастую роль играет важную{167}. Но в ходе приключения хоббит вроде бы «по чистой случайности» становится владельцем «волшебного кольца», главное и единственно очевидное на первый взгляд свойство которого заключается в том, чтобы делать владельца невидимым. И хотя в контексте повести это лишь случайность, непредвиденная и ни в какие планы похода не включенная, она оказывается залогом успеха. По возвращении хоббит, ставший мудрее и дальновиднее, пусть его манера изъясняться ничуть не изменилась, сохранил кольцо как свой маленький секрет.

Продолжение, «Властелин Колец», самая объемная и, хотелось бы надеяться, пропорционально лучшая часть всего цикла, все это дело завершает: я попытался включить в роман и довести до логического разрешения все элементы и мотивы предшествующего материала: эльфов, гномов, Королей Людей, героических «патриархально-эпических» всадников, орков и демонов, ужасы слуг Кольца и некромантии, и неизъяснимый ужас Темного Трона, а что до стиля — будничную разговорность хоббитской речи, поэзию и самый что ни на есть возвышенный прозаический слог. Нам предстоит увидеть низвержение последнего воплощения Зла, уничтожение Кольца, окончательный уход эльфов и возвращение истинного Короля в величии своем, которому предстоит принять Владычество над людьми, унаследовав все то, что можно заимствовать из эльфийского мира через судьбоносный брак с Арвен, дочерью Эльронда, равно как и через происхождение по прямой линии от королевского дома Нуменора. Но в то время, как самые ранние Предания воспринимаются, так сказать, глазами эльфов, это последнее великое Предание, спускающееся с уровня легенды и мифа на бренную землю, воспринимается главным образом глазами хоббитов; таким образом оно становится, по сути дела, антропоцентричным. Глазами хоббитов, а не людей как таковых, поскольку последнее Предание должно со всей отчетливостью проиллюстрировать повторяющуюся тему: какое место занимают в «мировой политике» непредвиденные и непредсказуемые

волеизъявления и достойные деяния тех, кто на первый взгляд мал, невелик, позабыт в уделах Великих и Мудрых (как добрых, так и злых). А мораль всего этого (в придачу к непосредственной символике Кольца, которое олицетворяет желание власти как таковой, стремящееся реализоваться посредством физической силы и машин, а также неизбежно посредством лжи) очевидна: без возвышенного и благородного простое и вульгарное непередаваемо гнусно; без простого и обыденного благородная героика бессмысленна.

«Властелин Колец» невозможно «втиснуть» в абзац-другой, пусть даже весьма пространные….. Книга начата в 1936 году[238], и все ее части переписывались по много раз. Едва ли хоть одно из ее 600000 слов осталось непродуманным. Тщательно взвешивалось местоположение, размер, стиль и отношение к целому любой черты, главы, эпизода. Я говорю это не похвальбы ради. Сдается мне, очень может быть, что я сам себя ввел в заблуждение, запутался в паутине пустых фантазий, для других особой ценности не представляющих, — невзирая на то, что несколько читателей книгу в целом одобрили. А сказать я пытаюсь вот что: существенно менять текст я не могу. Я роман закончил, «из сердца вон», так сказать; труд был колоссальный; так что пусть выстоит или падет таким, каков есть.

> Далее в письме дается краткое содержание (без комментариев) сюжета «Властелина Колец», после чего Толкин пишет:

Вот вам длинное и, тем не менее, бесцветное резюме. Многие важные для произведения персонажи ни словом не упомянуты. Опущены даже целые вымышленные расы, как, скажем, примечательные энты, Пастыри Дерев, древнейшие из живущих разумных созданий. Поскольку здесь мы пытаемся иметь дело с «повседневностью», что упрямо поднимается, вовеки неистребимая, под тяжкой поступью мировой политики и мировых событий, затрагиваются там и любовные истории, или любовь в разных обличиях, в «Хоббите» целиком и полностью отсутствующая. Но возвышеннейшая из любовных историй, история Арагорна и Арвен, дочери Эльронда, лишь упоминается вскользь, как нечто уже известное. Пересказана она в другом месте, в коротенькой повести «Об Арагорне и Арвен Ундомиэль». Думается мне, простенькая «деревенская» любовь Сэма и его Рози (подробно нигде не описанная) *абсолютно необходима* для постижения его (главного героя) характера и для темы взаимоотношения жизни обыденной (в которой мы дышим, едим, трудимся, зачинаем детей) и квестов, самопожертвования,

великих дел, «тоски по эльфам» и чистой красоты. Но больше я не скажу ни слова и не стану отстаивать тему любви-заблуждения, явленной в Эовин{168} и ее первой любви к Арагорну. Кажется мне, что теперь вряд ли возможно исправить недостатки этой огромной, всеобъемлющей книги — или сделать ее «пригодной для печати», если на данный момент она не такова. Небольшая поправка (уже осуществленная) ключевого эпизода в «Хоббите», проясняющая характер Голлума и его отношение к Кольцу, позволит мне сократить главу II Книги I «Тень прошлого», упростить ее и оживить — а также слегка упростить весьма спорное начало Книги II. Если *прочие материалы*, «Сильмариллион» и некоторые другие предания или связки, такие, как «Низвержение Нуменора», будут опубликованы или приняты к публикации, тогда возможно было бы обойтись без значительного количества разъяснений предыстории, в частности, всего того, что содержится в главе «Совет у Эльронда» (Кн. II). Однако в целом все это сведется от силы к удалению одной-единственной длинной главы (из приблизительно 72).

Не знаю, прочтете ли вы в итоге это все (даже если разберете почерк)??

132 Из письма к Джону Толкину 10 февраля 1952

В этом письме к старшему сыну Толкина, ставшему католическим священником, описывается один из тех ужинов, что время от времени устраивали «Инклинги».

В четверг мы с К. С. Льюисом устроили «ветчинный пир» (американская ветчина от доктора Ферора из университета Джона Хопкинса), просто как в добрые старые времена: такие спокойные и рассудительные (Хьюго-то не позвали!) К. С. Л. пригласил Ренна[239], и получилось очень даже удачно: он весьма порадовался, ну, и сам был всем в радость: шаг вперед в направлении отлучения его от «политики» (университетской).

133 К Рейнеру Анвину

Весной 1952 г. Толкин утратил терпение: «Коллинз» все откладывал и откладывал публикацию его книг, — и объявил издательству, что либо они опубликуют «Властелин Колец» немедленно, либо он забирает рукопись. Издательство «Коллинз», устрашившись объема книги, решило, что рукопись придется отвергнуть заодно с «Сильмариллионом», и вышло из переговоров. В июне Рейнер Анвин написал Толкину, чтобы узнать подробнее о его стихотворении «Приключение», о котором стало известно в «Аллен энд Анвин»; он также поинтересовался, как обстоят дела с публикацией «Властелина Колец» и «Сильмариллиона».

22 июня 1952
Холлуэлл 99, Оксфорд

Мой дорогой Рейнер!

Как любезно с вашей стороны написать еще раз! Я очень виноват перед вами. Вы написали мне 19 ноября[240], а я по сей день молчу. А теперь вот на меня свалилось великое бедствие, но тянуть с ответом и дальше я не могу. Итак, бедствие: меня опять выбрали в председатели экзаменационной комиссии по английскому языку, и ныне удел мой — семидневная рабочая неделя и двенадцатичасовой рабочий день, а продлится эта каторга до самого 31 июля, когда меня, измученного и обессиленного, волна вынесет на августовское мелководье.

Что до «Приключения»: ужасно странное совпадение, что вы о нем спросили. Потому что не далее как несколько недель назад я получил письмо от незнакомой мне леди с тем же самым вопросом. Она сообщает, что приятель недавно записал ей по памяти некие стихи, которые настолько пришлись ей по душе, что она твердо вознамерилась выяснить их происхождение. Приятель узнал их от своего зятя, а тот выучил их в Вашингтоне, округ Колумбия (!): но откуда они взялись, никто не ведал, если не считать смутного ощущения, что стихи как-то связаны с английскими университетами. Будучи дамой весьма настойчивой, она, по всей видимости, обратилась к нескольким вице-канцлерам, и Баура[241] направил ее к моим дверям. Должен признаться, то, что я становлюсь «фольклором», меня весьма заинтриговало. А еще было куда как любопытно получить устный вариант, подкрепляющий мои представления об устной традиции

(по крайней мере, на ранних этапах): т. е. что «сложные слова» сохраняются хорошо[242], а более распространенные подвергаются изменениям; причем зачастую нарушается размер.

Некогда существовал один такой студенческо-преподавательский литературный клуб (заправлял там Тэнджи Лин, студент Юнив{169}.: мы частенько собирались у него)[243]; «Приключение» впервые появилось в записках клуба и, надо полагать, с этой отправной точки и пустилось в странствия из уст в уста. Хотя, сдается мне, строчка, которая вывела на сэра Джона Бернет-Стюарта{170} [244] и его зятя, возможно (исходя из внутритекстовых свидетельств), заимствована из опубликованной версии, что появилась позже в «Оксфорд мэгэзин» 9 ноября 1933 г. Не исключено, что с вашим источником информации — та же история. Этот вариант можно назвать А.В. Я отослал обратившейся ко мне даме копию такового, и один из И.В.[245], и я так понял, гостившая у нее компания целый день напролет забавлялась тем, что составляла «аннотированный текст», в то время как сама хозяйка (миссис Роберте из Лайтуотер-Мэнор) лежала с переломом руки.

Она пишет, что не может «взять в толк, как это стихи до сих пор не опубликованы», — «О.М.» в расчет не идет! — «ведь столько времени прошло! Боюсь, ваш литагент крайне некомпетентен». Разгадка, конечно же, кроется в том, что я слишком занят делами служебными, чтобы уделять такого рода вещам должное внимание. Но скажу также, что я не раз и не два *пытался* протолкнуть в печать «Приключение» и всякое такое, да только безуспешно. Одно время «О.М.» (особенно при Ноуэлле Смите)[246] выделял мне местечко для публикации; но более — никто. Конечно же, я буду очень рад предоставить вам всю подборку, как только выкрою время. Но «Приключение» — вещица наиболее заманчивая. Во-первых, написано оно размером, мною же и изобретенным (на основе трехсложных ассонансов или неполных рифм — и размер этот настолько труден, что, за исключением этого одного-единственного образчика, я так и не смог воспользоваться им снова — он просто исчерпал себя единым духом, и все)[247].

Что до «Властелина Колец» и «Сильмариллиона», с ними все по-прежнему. Первый окончен (и конец отредактирован), второй до сих пор не окончен (или не отредактирован); оба пылятся без дела. Я тут время от времени прихварывал, да и бремя всяких дел навалилось, так что до рукописей просто руки не доходили; да и духом пал. Наблюдая, как растет дефицит с бумагой и затраты на производство — все против меня! Однако я отчасти поумерил свои притязания. Лучше хоть что-нибудь, чем вовсе ничего! Хотя

для меня эти две книги — одно, и «Вл. Колец» воспринимался бы лучше (и легче) в составе единого целого, я охотно рассмотрю возможность публикации хотя бы части. Годы теперь на вес золота. Уход на пенсию (до которого рукой подать) сулит мне, как я понимаю, не избыток свободного времени, но нищету, так что поневоле придется наскребать на хлеб насущный «экзаменами» и тому подобными приработками.

Как только выкрою минутку-другую, отберу фрагменты «Сильмариллиона», близкие к завершению, — или, скорее, первоначальный набросок, более-менее законченный, и представлю вам на прочтение. Проблема, конечно же, в том, что в силу дороговизны услуг машинисток и нехватки времени на то, чтобы сесть за машинку самому (я сам перепечатал почти всего «Властелина Колец»), лишних экземпляров на выдачу у меня нет. Но как насчет «Властелина Колец»? Возможно ли что-либо сделать, чтобы отпереть двери, которые я сам же и захлопнул? Терзаюсь угрызениями совести на ваш счет. Я знаю, что вы женились. И даже дату знал. И хотя я, конечно же, желал вам всяческого счастья и собирался написать — да вот, так и не собрался. В делах моих по-прежнему царила полная неразбериха, а тут еще в октябре со мной приключился ужасный приступ — фибрит и неврит руки, — так что я целый месяц даже писать (и вообще ничего делать) не мог. С тех пор наверстываю упущенные дни. Кроме того, я вечно откладывал ответ, потому что (наверное) мне хотелось разобраться с моими злополучными литературными делами, равно как и с вашими личными. Великое это благо — назойливые, упрямые друзья, не позволяющие тебе навеки уйти в гробовое молчание. Нет слов, как я вам признателен за ваше повторное письмо. Моя жена и Присцилла шлют вам свой горячий привет. Непременно заходите снова! Я уж выкрою время, чем бы я там ни занимался.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

Вкладываю единственный обнаруженный экземпляр И.В. «Приключения».

134 Из письма к Рейнеру Анвину 29 августа 1952

В ответе от 1 июля Рейнер Анвин расхвалил «Приключение» и попросил Толкина по возможности прислать один из машинописных экземпляров «Властелина Колец» заказной почтой. Он писал Толкину: «Мы в самом деле хотим опубликовать вас — загвоздка лишь в способах и средствах». Рейнер также изъявлял желание взглянуть на «Сильмариллион» и на все прочее, вышедшее из-под пера Толкина, и предлагал встретиться лично.

Наконец-то руки дошли до собственных дел. Ситуация следующая: я очень хочу опубликовать книгу «Властелин Колец» как можно скорее. Я считаю, что это великое (хотя и не безупречное) произведение. А с остальным — как выйдет, так выйдет. Но поскольку расходы на перепечатку оказались непомерно высоки, мне пришлось все делать самому, так что существует лишь один (более-менее) чистовой экземпляр. Доверять его почте я опасаюсь; и, в любом случае, я как раз собираюсь посвятить несколько дней окончательной правке. Ради этой цели завтра я удаляюсь от шума и вони Холиуэлл-Стрит и перебираюсь в коттедж моего сына на вершине Чилтерна{171}, пока тот с детьми в отъезде[248]… Вернусь 10 сентября.

После того загляну со своей тяжкой ношей на Мьюзиум-Стрит[249] в какой-нибудь удобный для вас день…. или, если это не значит требовать слишком многого, вы могли бы навестить меня (вы любезно упомянули о такой возможности)…..

На днях я записал на магнитофон несколько отрывков из «Хоббита» и «Властелина» (в частности, эпизоды с Голлумом и фрагменты на «эльфийском») и, к вящему своему удивлению, обнаружил, сколь хороши они для декламации и (да позволено мне будет заметить) сколь хорош я сам в роли рассказчика. Голлум и Древобород мне удались очень недурно. Может, Би-би-си заинтересуется? Запись находится в руках Джорджа Сэйера (преподавателя английского языка в Молверне{172}); я уверен, что он охотно перешлет ее для прослушивания — вам или кому скажете. Записывалось это все без подготовки, экспромтом, так что качество можно и улучшить[250].

Я бы с удовольствием приехал в Лондон, хотя бы только затем, чтобы повидаться с вами и познакомиться с вашей женой.

Но я даже «седьмой Международный Лингвистический Конгресс» (1 сент.) собираюсь пропустить, а я там — лицо ответственное; времени катастрофически не хватает, и я ужасно устал. У меня на руках не только «великие труды», но и давно просроченный профессиональный проект, который я заканчивал в Кембридже (издание «Ancrene Wisse»); лекция памяти У. П. Кера{173} в Глазго; «Сэр Гавейн»; и новые лекции! Однако ваш неугасающий интерес меня подбадривает. Поклонники со всех уголков англоговорящего мира заваливают меня письмами, требуя «еще» — зачастую, что любопытно, «еще про Некроманта»; этому запросу «Властелин» безусловно удовлетворяет.

135 Из письма к Рейнеру Анвину 24 октября 1952

Рейнер Анвин навестил Толкина в Оксфорде 19 сентября; вскоре после этого Толкин передал ему рукопись «Властелина Колец». 23 октября Рейнер Анвин сообщил, что, по оценкам типографии, цена книги будет три фунта десять шиллингов (по меньшей мере); в противном случае производственные расходы не окупятся; а если книгу придется поделить на два тома, то цена неминуемо поднимется еще выше. Теперь Рейнер отослал рукопись в другую типографию и ожидал ответа, надеясь, что ему предложат вариант подешевле.

Я глубоко сожалею (в некотором роде), что произвел этакого монстра во времена столь неблагоприятные, и очень признателен вам за все ваши хлопоты. Однако от души надеюсь, что очень скоро вы сможете сказать «да» или «нет». Неопределенность ложится на сердце тяжким бременем. Сей труд угнетает мои мысли, а я не могу ни списать его со счетов как неудачу и заняться другими делами, ни продолжать работать над ним и сопутствующим материалом (скажем, над картами).

J 3.10.0 (или больше) — безусловно, цена очень высокая для любой книги, и даже теперь. А если вы предполагаете опубликовать монстра за такую цену, то каким же тиражом? И сколько экземпляров вам нужно продать, чтобы хотя бы возместить затраты? Безусловно, людей, жадных до такого угощения, на свете куда больше, нежели кажется; обычно объем их только радует, и иногда они даже заплатить способны — ценя одну толстую книгу выше четырех тоненьких и не удивляясь, что она выходит в четыре раза дороже одной тонкой. Но угадать точно их общую численность я не берусь, равно как и предсказать, велик ли шанс с ними встретиться!

Наконец-то, после трех недель неустанных трудов самого что ни на есть изнурительного и нудного свойства, я вступаю в воды поспокойнее. Я стряхнул со своих плеч председательство в комиссии, завершил ряд работ, и вот теперь, не считая лекций и преподавания, мне предстоит лишь (до того, как в феврале начнется подготовка к «скулз») рассмотреть скучнейшую диссертацию (о Волшебных Сказках!), прочесть и отредактировать монографию для некоей серии, ко 2 декабря представить материал в «Эссе и очерки»[251], закончить с изданием «Ancrene

Wisse» и написать лекцию памяти У. П. Кера для Глазго[252]. А еще (если удастся) подыскать какое-нибудь другое жилье и переехать! В этом прелестном особнячке жить стало абсолютно невозможно: ни поспать, ни поработать, дом дрожит-сотрясается от шума и насквозь пропитан выхлопными газами. Уж такова современная жизнь. Мордор среди нас. И с сожалением вынужден отметить, что недавно описанное грибообразное облако отнюдь не свидетельствует о падении Барад-дура, но произведено его союзниками — или, по крайней мере, людьми, решившими использовать Кольцо во имя своих (конечно же, самых что ни на есть благих) целей[253].

136 К Райнеру Анвину

Издательство «Аллен энд Анвин» решило опубликовать книгу «Властелин Колец» в трех томах, по цене двадцать один шиллинг за каждый. В договоре Толкина значилось, что рукопись книги должна быть предоставлена в готовом для печати виде к 25 марта 1953 г. Издатели также попросили Толкина написать аннотацию к книге для рекламных целей, длиной не более ста слов.

24 марта 1953
Холиуэлл 99, Оксфорд

Дорогой Рейнер!

Давно уже собирался вам написать, ведь «контрактная дата», 25 марта, неумолимо приближалась, а я по-прежнему с головой увязал в злоключениях, что обрушились на меня, едва я подписал договор. И вот уже канун назначенного дня.

В двух словах о том, что со мной случилось: прежде всего, здоровье моей жены неуклонно ухудшалось, и с самого ноября я покоя не знаю. В результате докторского ультиматума я был вынужден львиную долю того времени, что оставляли мне мои обязанности, тратить на поиски и переговоры по поводу покупки дома где-нибудь повыше и посуше, желательно в тихом квартале. Так что сейчас я «in articulo mortis»{174} по крайней мере, ощущение именно такое, — собственно говоря, как раз в процессе переезда. Кошмар, одно слово. В придачу злая воля Мордора постановила, чтобы и сам я расхворался, так что рождественские каникулы по большей части пропали для меня даром. Бреши в броне прошлого триместра так и не нашлось; а сейчас я, как председатель, по-прежнему контролирую возню с письменными работами по английскому для «онор-модерейшнз» на июнь и уже на неделю с этим запаздываю.

Боюсь, в вопросе даты придется мне просить вашего снисхождения. Но в вашем письме я вижу для себя проблеск надежды; я так понял, *первых двух книг* вроде бы достаточно для того, чтобы работа не стояла. Я практически закончил детальную правку этих двух, прежде чем на меня навалились несчастья; я смогу отдать их вам к концу месяца.

Поможет ли это делу, если я прямо сейчас отошлю *первую книгу* (самую длинную из всех), которая вполне готова, и к ней есть лишний выправленный экземпляр. Если вы телеграфируете

или позвоните, я отправил бы Книгу I уже завтра.

Мне оч. неловко, что причиняю вам столько неудобств, но вы наверняка представляете, как это для меня мучительно: предполагаемый труд для души превратился в сущий кошмар, а все потому, что на 1953 год пришлось столько обязанностей и неприятностей.

Надеюсь, что между 23 апреля и 17 июня у меня достанет свободного времени на то, чтобы привести в порядок последующие книги (они серьезной правки не требуют), дабы не тормозить работу, как только она начнется. Но с 17 июня до 27 июля я ныряю в экзаменационный туннель и трудиться мне предстоит по двенадцать часов в сутки. После того надеюсь, что приподниму усталую голову. Как бы то ни было, с поста экзаменатора я ухожу, но в этом году отвертеться не удалось.

Если бы вы мне только намекнули, что именно требуется вашему рекламному отделу, моим истрепанным мозгам это пошло бы куда как на пользу. Как можно охарактеризовать книгу четко и ясно, особо подчеркнув ее достоинства, в ста словах? Могу ли я призвать на помощь кого-нибудь из тех, кто ее прочел, например К. С. Л.?….

Неизменно Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

P.S. Я тут поразмыслил насчет подзаголовков для отдельных томов: вам казалось, что это неплохая идея. Однако дело это, как выяснилось, непростое, поскольку «книги», хотя их и предстоит сгруппировать попарно, на самом деле пар не образуют; а срединные две (III/IV) вообще между собою не связаны.

Не устроят ли вас следующие «книжные заглавия»: напр. «Властелин Колец»: том I, «Кольцо отправляется в путь» и «Кольцо уходит на юг»; том II, «Предательство Айзенгарда» и «Кольцо уходит на восток»; том III, «Война Кольца» и «Конец Третьей эпохи»?[254]

Если нет, то на данный момент не могу придумать ничего лучше, чем: I «Тьма растет», II «Кольцо во Тьме», III «Война Кольца или Возвращение Короля».

ДЖ. Р. Р. Т.

137 К Рейнеру Анвину 11 апреля 1953

Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой Рейнер!

Мне страшно неудобно, ведь с конца месяца (марта) прошло уже одиннадцать дней! Но мне пришлось очень несладко, куда хуже, чем я опасался. Невзирая на все предосторожности, переезд оказался катастрофически беспорядочным; я трудился не покладая рук, вместо двух дней — десять; и все равно никак не могу отыскать множество нужных мне бумаг и заметок. Вдобавок, с экзаменами, за которые я, к несчастью своему, отвечаю, все пошло наперекосяк; а во вторник утром я уезжаю в Глазго читать лекцию памяти У. П. Кера, которая на данный момент готова только наполовину.

Я наконец-то закончил редактуру для печати — надеюсь, вплоть до последней запятой! — Части I «Властелина Колец»: «Возвращение Тени», Книги I и II. К несчастью, сегодняшнюю почту я пропустил; но отошлю рукопись двумя отдельными бандеролями в понедельник.

Высылаю вам первоначальное Предисловие, которое, конечно же, пока публиковать не надо, потому что я все никак не отыщу своих записей по поводу добавок и изменений, которые вы сочли необходимыми ввиду публикации книги в трех томах. Кроме того, вопрос с «приложениями» в конце тома III, после завершающей, довольно короткой шестой «книги» так и не был решен. Неразумно обещать то, что в итоге так и не появится; но я от души надеюсь: то, что здесь обещано, все-таки окажется возможным, пусть и в каком угодно сокращенном виде[255].

На сей раз пока не возвращаю в перерисованном виде картинку, необходимую для Гл. iv[256] Книги II, поскольку просто не успел ее переделать. Займусь этим, как только картинка понадобится{175}.

Что до «факсимиле» обожженных и вырванных страниц Рунической Книги, что изначально предполагалось поместить в начале Гл. v[257] Книги II, я их пока оставлю у себя. Мне очень жаль, что их не будет, но, невзирая на все ваши доводы, сдается мне, что клише для этой цели не подходят. На каждую требуется по отдельной странице, иначе получится неразборчиво, так что интерес пропадет (или слишком уж недостоверно, так что и включать незачем). Искренне надеюсь, что удастся поместить их в

«приложение».

В том, что касается оставшегося материала, тут я нагромождать новые сложности не стану. Первые две книги были написаны давным-давно, не раз и не два переделывались, и для того, чтобы согласовать их с остальными, пришлось придирчиво проработать все в целом. В результате более поздние части практически готовы; могу прислать еще две книги сразу, как понадобится (то есть том II). Не подскажете ли, когда мое участие вновь потребуется, с корректурой, скажем, и все такое? После всех этих долгих проволочек я, конечно же, хочу лишь одного: поспешить, теперь, когда публикация сдвинулась с мертвой точки. Но в этом году на меня ужас сколько всего навалилось. Примерно до 20 июня у меня выдастся небольшая передышка, зато после — ни минуты свободной ни для чего, кроме экзаменационных работ, где-то до 1 августа. К тому времени смертельно устану, зато в августе-сентябре буду свободен (более-менее).

Меня тревожат карты. Как минимум одна (которая, в таком случае, должна быть довольно большой) абсолютно необходима. Думаю, понадобятся три: 1. Карта Шира; 2. Карта Гондора; и 3. Общая мелкомасштабная карта всего театра событий. Разумеется, они существуют, хотя и не в том виде, что годится для воспроизведения, — ибо, конечно же, в такой истории никак нельзя подгонять карту под повествование, нужно сперва начертить карту и согласовывать повествование с ней. Третья нужна ко всему тексту. Первая нужна в первом и последнем томах. Вторая важна для томов II и III. Что, если я попытаюсь перерисовать их в подходящем виде, как только смогу, и представлю их на рассмотрение производственного отдела?

А теперь, как водится, я вынужден поневоле отвлечься и заняться другим делом: на сей раз *moralitas*{176} «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря»[258].

Но кажется, я напрочь позабыл про Рекламу. Чтобы мне не писать отдельного письма, не будете ли вы так добры извиниться перед отделом, если там сочли, будто я вел себя грубо? Их письмо немало меня удручило. Я попытался что-нибудь произвести, без особого успеха, впрочем, при том, что вышло у меня слов триста. Результат, какой ни есть, высылаю. Может, сгодится на что-нибудь, если почерк разобрать сумеете.

Кроме того, я обратился к моему другу Джорджу Сэйеру, преподавателю английского в Молверне, как к самому что ни на есть обычному читателю и почитателю сего труда; и он прислал рекламку в 95 слов. Пересылаю вам его письмо и рекламку — вряд ли она подойдет, но, может, фразу-другую удастся

использовать; кроме того, она, пожалуй, подскажет, что именно люди, которым по душе такие книги, ценят во «Властелине Колец». Он меня немало удивил. Вот уж не думал, что он так воодушевится! Но хотя «величайший из ныне живущих поэтов» — чушь несусветная, по крайней мере, я утешаюсь мыслью о том, что стихи вполне себе на уровне и (как мне кажется) адекватны и уместны; хотя К. С. Льюис в целом считает их убогими, жалкими и совершенно неуместными. Некогда я попытался вкратце объяснить одному знакомому, о чем это все; выяснилось, что, даже в режиме жесткой экономии мне потребовалась 41 страница и 10 000 слов[259]. Знакомого это все заинтересовало настолько, что он отдал письмо в перепечатку. Возможно, когда-нибудь и вы захотите на него взглянуть; а не то, чай, и нет.

С премногими благодарностями и наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

138 Из письма к Кристоферу Толкину 4 августа 1953

В середине июля Толкину прислали корректурные гранки к «Властелину Колец».

Корректура в гранках, как выясняется, занудство редкостное! Им, похоже, конца-краю не предвидится; кроме того, благодаря им я изрядно разочаровался в отдельных частях Великого Шедевра, которые в напечатанном виде выглядят, надо признаться, местами чрезмерно затянутыми. Но сама печать очень хороша, что и неудивительно, при наборе с почти безупречного экземпляра; вот только наглые наборщики взяли на себя труд якобы поправить мне правописание и грамматику: по всему тексту меняя *dwarves* на *dwarfs*{177}; *elvish* на *elfish, further* на *farther* и, что хуже всего, *elven* — на *elfin*. Я выместил раздражение, задав нагоняй «А. энд А.»; те пали мне в ноги.

139 Из письма к Рейнеру Анвину 8 августа 1953

Рейнер Анвин сообщил Толкину, что желательно было бы снабдить отдельными заголовками каждый из трех томов «Властелина Колец» и сослался на собственное письмо Толкина от 24 марта, где высказывалось предложение насчет подзаголовков для каждой части.

Весной я писал в большой спешке и письма от 24 марта не скопировал. Не могли бы вы возвратить мне оригинал или хотя бы копию? Тем не менее я не согласен с мыслью об отдельных заглавиях для каждого тома при отсутствии общего названия. На мой взгляд, «Властелин Колец» в качестве общего названия звучит очень даже неплохо, но вот в качестве заглавия для одного только тома I не годится, более того — для первого тома подходит меньше всего. Если не встает вопрос дополнительных затрат, я не вижу возражений по поводу следующего:

«Властелин Колец».

• I Возвращение Тени

• II Тень растет

• III Возвращение Короля

Безусловно, только использование единого общего названия поможет с гарантией избежать упомянутой вами путаницы.

Ни за один из предложенных подзаголовков я особо не держусь и предпочел бы обойтись без них. Ведь на самом деле просто невозможно придумать такие, что соответствовали бы содержанию; в каждый том мы включаем по две «книги» исключительно удобства ради, исходя из длины; ни ритм, ни структура повествования здесь ни при чем…..

Как там дела с воспроизведением обожженных страниц «Книги Мазарбул» в начале главы V второй книги? Текст как таковой без них не имеет смысла. Первоначальные «факсимиле» у меня сохранились. А еще — рисунок потайной двери, который должен быть расположен напротив текста в нижней части гранки 98 или включен в него, — ближе к концу главы IV второй книги. Я попытаюсь перерисовать его и улучшить, и пришлю вам как можно скорее, поскольку правку гранок на черновых листах я уже закончил.

Извините за задержку с перерисовыванием основных карт; продохнуть не мог от мелких повседневных дел. Займусь ими

немедленно.

140 Из письма к Рейнеру Анвину 17 августа 1953

Это письмо, напечатанное красным, было отослано сразу после визита Анвина к Толкину.

Бесконечно любезно было с вашей стороны заехать ко мне в гости и все прояснить. И, только проводив вас до автобуса, я вспомнил, что так и не угостил вас пивом, и подкрепиться не предложил. Я страшно извиняюсь. Боюсь, по хоббитским меркам мое поведение — ниже всякой критики.

В качестве подзаголовков томов под общим названием «Властелин Колец» я предлагаю: Том I «Братство Кольца». Том II «Две крепости». Том III «Война Кольца» (или, если вы по-прежнему настаиваете: «Возвращение Короля»).

«Братство Кольца», как мне кажется, вполне подойдет; и неплохо согласуется с тем фактом, что последняя глава тома называется «Братство распалось». «Две крепости» — сгодится, насколько вообще возможно подобрать общее заглавие для столь непохожих Книг 3 и 4; и пусть себе остается неоднозначным — кто знает, имеются ли в виду Айзенгард и Барад-дур, или Минас Тирит и Б., или Айзенгард и Кирит Унгол[260]. По зрелом размышлении для тома III я предпочел бы заголовок «Война Кольца», поскольку там опять возникает Кольцо; кроме того, оно более неопределенное и меньше намекает на исход событий; названия глав тоже подобраны так, чтобы по возможности заранее ничего не выдать. Но на выборе своем я не настаиваю.

Вспоминая наш разговор: сомневаюсь, что красные буквы теперь так уж важны для огненной надписи на Кольце в Книге I гл. 2 (гранка 15), чтобы стоило тратиться на изменения. Думаю, недурно было бы воспроизвести последнюю страницу с рунами из «Книги Мазарбул» (Книга II гл. 5) в качестве фронтисписа (?). Последнюю, потому что, хотя сфабрикована она, пожалуй, наименее удачно, она непосредственно касается повествования как такового.

1 сентября я лично занесу экземпляр тома И. Он уже практически выправлен. А теперь я займусь картами — и Предисловием.

Извините за красные чернила: это никоим образом не свидетельство каких-то пламенных эмоций. Экономия — и только. Сейчас я много печатаю — берегу руку, — так что на ленту трачусь изрядно; а на этой красная часть почти что и не

израсходована!

141 Из письма в «Аллен энд Анвин» 9 октября 1953

Карты. Не знаю, что делать. Просто-таки в панике. Они абсолютно необходимы, причем срочно; но начертить их не могу — и все тут. Я на них пропасть времени убил — а результата никакого. Отсутствие умения плюс нервотрепка. Кроме того, очертания и пропорции «Шира», каким он описан в произведении, никак невозможно (моими силами) втиснуть в пределы страницы; не говоря уже о том, что при таком размере никакой информации из карты не извлечешь…..

На мой взгляд, карты следует выполнить как следует. «Обгоревшие рукописи», настолько приглянувшиеся моим читателям, исчезли — так что текст начала гл. 5 Книги ii выглядит довольно абсурдно, да и руны пропали, притягательные, как мне кажется, для читателей всех возрастов (тех, у кого хватает глупости вообще браться за подобное чтиво). Даже при невысокой цене в книге должны быть колоритные карты, являющиеся чем-то большим, нежели просто указатель к тексту. Я вполне мог бы нарисовать карты, тексту соответствующие. Меня ставят в тупик лишь попытки урезать их, сделать бесцветными (и в словесном плане, и в ином), свести к черно-белому убожеству, в масштабе столь мелком, что и слов не разберешь.

142 К Роберту Марри, ОИ{178}

Отец Роберт Марри, внук сэра Джеймса Марри (создателя «Оксфордского словаря английского языка») и близкий друг семьи Толкинов, прочел часть «Властелина Колец» в корректурных гранках и в машинописной копии и, по просьбе Толкина, прислал свои комментарии и критические замечания. Он писал, что книга оставила по себе сильное чувство «безусловной совместимости с состоянием Благодати» и сравнил образ Галадриэли с Девой Марией. Он выразил сомнение в том, многие ли критики сумеют толком разобраться в книге — «для нее не найдется полочки с подходящим ярлычком».

2 декабря 1953
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой мой Роб!

Чудесно было получить от тебя нынче утром такое длинное письмо….. Мне ужасно жаль, если слова, мною брошенные мимоходом, заставили тебя попотеть, разбирая по косточкам мое творение. Но, сказать тебе по правде, хотя похвала (или изъявления удовольствия, что не совсем то же самое, а даже лучше) и отрадна, меня особенно воодушевило то, что ты говорил, и в этот раз, и прежде, потому что ты гораздо более чуток, особенно в определенных областях, нежели все прочие; тебе даже удалось разъяснить мне кое-что о моей же книге. Сдается мне, я отлично понимаю, что ты имеешь в виду под состоянием Благодати; и, конечно же, под ссылками на Пресвятую Деву, на образе которой основаны все мои собственные смиренные представления о красоте, исполненной как величия, так и простоты. Разумеется, «Властелин Колец» в основе своей произведение религиозное и католическое; поначалу так сложилось неосознанно, а вот переработка была уже вполне сознательной. Поэтому я или не вкладывал, или решительно устранял из вымышленного мира практически все ссылки на «религию», на культы и обряды. Ведь религиозный элемент вобрали в себя сюжет и символика. Тем не менее ужасно неуклюже все это сказано, а звучит куда более самоуверенно, нежели я на самом деле чувствую. Ибо, по чести говоря, на сознательном уровне я планировал крайне немного; и главным образом должен благодарить судьбу за то, что воспитан (с восьми лет) в Вере, которая вскормила меня и научила тому немногому,

что я знаю; этим я обязан моей матери, которая крепко держалась своей новообретенной веры и умерла совсем молодой, главным образом из-за тягот нищеты, с обращением сопряженной.

Уж конечно, на английской литературе я отнюдь не вскормлен; не думаю, что в этой области я начитан лучше тебя; по той простой причине, что никогда не находил в ней ничего такого, на чем бы упокоилось сердце (или сердце заодно с головой). Я воспитывался на античных авторах; и впервые открыл для себя ощущение наслаждения литературой в поэмах Гомера. Кроме того, будучи филологом и получая доступное мне эстетическое удовольствие по большей части от *формы* слов (и особенно от *свежих* ассоциаций между словоформой и ее смыслом), я всегда больше любил написанное на иностранном языке или на языке настолько далеком, чтобы он казался иностранным (как, скажем, англосаксонский). Но довольно обо мне.

Боюсь, это слишком похоже на правду: то, что ты пишешь про критиков и публику. Я с ужасом жду публикации: ведь не обращать внимания на то, что станут говорить, будет невозможно. Я выставил свое сердце под выстрелы. Думается мне, издатели тоже изрядно тревожатся; и всячески стараются, чтобы как можно больше людей прочли сигнальные экземпляры и составили какое-никакое мнение, прежде чем за перо возьмутся наемные писаки…..

Мне страшно жаль, что ты теперь остался без виолончели, после того, как сколько-то продвинулся (как мне рассказывали) в освоении этого чудесного и сложного инструмента. Любой, кто умеет играть на струнном инструменте, кажется мне магом, достойным глубочайшего почтения. Я обожаю музыку, вот только способностей к ней у меня нет; усилия, затраченные на попытки обучить меня скрипке в годы юности, оставили во мне лишь чувство благоговения, каковое я испытываю в присутствии скрипачей. Славянские языки для меня проходят едва ли не по той же категории. Много языков перепробовал я в свое время, но я никоим образом не «лингвист» в обычном значении этого слова; время, что я некогда затратил на попытки выучить сербский и русский, никаких практических результатов не дало, лишь сильное впечатление от структуры и эстетики слов…..

Пожалуйста, не сочти отпечатанное на машинке письмо знаком недружелюбия{179}: я прошу прощения! Мои машинописные навыки по-прежнему оставляют желать. Вот только скорость выросла. Я сейчас справляюсь куда быстрее, нежели выводя буквы вручную, руку-то приходится щадить, поскольку устает она быстро и начинает ныть. Не сомневаюсь, что

вскорости ты получишь весточку и от Эдит.

С огромной любовью, РОНАЛЬД ТОЛКИН.

143 Из письма к Рейнеру Анвину 22 января 1954

Высылаю вам Книгу III, первую половину тома II, тщательно вычитанную. Книга IV почти закончена и будет отправлена в понедельник.

Я также отредактировал том III и могу передать вам рукописный вариант (до самого конца) по первому слову. За дополнительные 50 страниц[261] я прямо сейчас взяться не могу.

Название «Две крепости» меня отнюдь не радует. Если оно действительно имеет какое-то отношение к тому II, то, вероятно, должны подразумеваться Ортанк и башня Кирит Унгол. Но, поскольку всячески обы-грывается ключевое противостояние Темной Башни и Минас Тирита, эта ассоциация представляется весьма обманчивой. Хотя, на самом деле, Книги III и IV, будучи вырваны из контекста и помещены в отдельный том, никак между собою не связаны.

144 К Наоми Митчисон

Миссис Митчисон вычитывала корректуру в верстке первых двух томов «Властелина Колец». В письме к Толкину она задает ему ряд вопросов по книге.

25 апреля 1954
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемая миссис Митчисон!

С моей стороны было грубостью и черной неблагодарностью не написать и не поблагодарить вас за все ваши письма, подарки и приветы — тем более что ваш интерес очень поддерживает и ободряет меня в унынии, каковое вполне предсказуемым образом сопутствует трудоемкой публикации такого произведения, как «Властелин Колец». Очень неудачно вышло, что все это свалилось на меня именно тогда, когда я был крайне сильно загружен другими делами и обязанностями, так что у меня порою просто голова идет кругом.

Попытаюсь ответить на ваши вопросы. Должен сказать, что очень им рад. Я сам люблю, когда все проработано в подробностях и на все разумные вопросы могут быть даны ответы. Ваше письмо, я надеюсь, подскажет мне, какие сведения следует отобрать (как обещано) для приложения, и укрепит мои позиции в глазах издателей. Поскольку третий том окажется заметно тоньше второго (события ускорились, разъяснений требуется меньше), сколько-то места в нем, я полагаю, найдется. Моя проблема не в том, что материала не хватает, а в том, как выбрать нужное из целой горы уже написанного.

Разумеется, возникает конфликт между литературной «техникой» и увлеченностью детальной проработкой воображаемого мифического Века (мифического, не аллегорического: я аллегориями не мыслю). В том, что касается самого повествования, сдается мне, это хорошо, что остается столько всего необъясненного (особенно когда объяснение на самом-то деле существует); и с этой точки зрения я, пожалуй, допустил ошибку, пытаясь объяснить слишком многое и сообщив слишком многое из предыстории. Так например, многие читатели в «Совете Эльронда» просто-таки увязли. А ведь даже в мифическом Веке должна оставаться загадка-другая, как оно всегда и бывает. Вот, например, Том Бомбадил (умышленно).

Но дополнительных исторических сведений (о более ранних периодах) существует сколько душе угодно — в

«Сильмариллионе» и связанных с ним преданиях и поэмах, составляющих «Историю эльдар» (эльфов). Думается мне, в случае (на что надежды мало), если достаточное число людей заинтересуются «Властелином Колец» настолько, чтобы оплатить расходы на публикацию, достойные издатели, возможно, сочтут нужным выпустить и кое-что из этого. Собственно говоря, «Сильмариллион» написан раньше, и мне хотелось бы публиковать материал в исторической последовательности, тогда в настоящей книге не понадобилось бы такого количества аллюзий и разъяснений. Однако «Сильмариллион» у меня так и не взяли.

Третий том, конечно же, был завершен много лет назад, в том, что касается повествования как такового. Я уже закончил необходимую редактуру, и текст вот-вот пойдет в набор. А тем временем я посвящаю жалкие урывки свободного времени тому, что ужимаю исторический, этнографический и лингвистический материал для Приложения. Если вам это интересно, я пришлю вам экземпляр статьи (сущий черновик), где речь идет о Языках (и Письменности), Народах и Переводе.

О последнем я много думал. Прочие создатели воображаемых миров, при всех своих талантах рассказчика (как, например, Эддисон) об этом вопросе как-то забывают. Но я, в конце концов, филолог, и, как бы мне ни хотелось добиться большей точности в отображении иных сторон и аспектов культуры, все они — вне моей компетенции. Как бы то ни было, «язык» — важнее всего, ведь именно на языке рассказывается сюжет и ведутся диалоги; однако в те времена на английском ни один народ говорить просто не мог. Так что поступил я вот как: приравнял к английскому вестрон или повсеместно распространенное Всеобщее наречие Третьей эпохи; и перевел с вестрона на английский все, включая названия вроде «Шира», слегка варьируя стиль, чтобы обозначить диалектные различия. Языки, совершенно чуждые В.н., остались как есть. За исключением нескольких обрывков Черного наречия Мордора и нескольких имен и боевого клича на языке гномов, все они — почти целиком и полностью эльфийские (*эльдарин*).

Однако ж языки, вестрону родственные, представляли особую проблему. Я облек их в наречия, родственные английскому языку. Поскольку *рохиррим* представлены как недавние выходцы с севера и говорят они на архаическом языке людей, сравнительно мало затронутом влиянием *эльдарина*, я придал их именам формы, подобные (но не идентичные) древнеанглийским. Язык Дейла и Долгого озера, если бы таковой фигурировал в повествовании,

был бы более-менее стилизован под скандинавский; но представлен он лишь несколькими именами, в частности именами гномов, уроженцев тамошних краев. Все это — древнеисландские имена карликов.

(Предполагается, что гномы хранят свой собственный родной язык более или менее в тайне и для всех «внешних» целей используют язык людей, рядом с которыми живут; своих собственных, «истинных» личных имен на своем языке они не открывают никому.)

Подразумевается, что вестрон или В.н. происходит от *адунаика*, языка людей, нуменорцев, источником распространения которого стали нуменорские королевства времен Королей и особенно *Гондор*, где до сих пор используется более возвышенная и несколько более архаичная форма этого языка (тем же стилем обычно изъясняются и эльфы, когда переходят на этот язык). Однако все *гондорские* имена и названия, за исключением нескольких, предположительно доисторического происхождения, являются эльфийскими, поскольку нуменорская знать по-прежнему использовала эльфийский язык или, по крайней мере, его знала. Объясняется это тем, что нуменорцы были союзниками эльфов в Первую эпоху и по этой причине получили в дар остров Нуменор-Атлантиду.

В книге представлены два эльфийских языка. Они более-менее существуют на самом деле, поскольку их я разработал довольно полно, а также их историю и подробности их родства. Они задумывались как (а) отчетливо европейские по стилю и структуре (не в деталях); и (б) особенно эстетически приятные. Первого достичь нетрудно; вот со вторым приходится непросто, поскольку личные, индивидуальные предпочтения, особенно в том, что касается фонетической структуры языков, сильно разнятся, даже будучи сформированы под влиянием усвоенных языков (включая так называемый «родной»).

Так что я решил угодить себе самому. Архаический язык мудрости выступает чем-то вроде «эльфийской латыни», а транслитерируя его так, чтобы написание близко напоминало латынь (вот только у используется исключительно в качестве согласного, как в английском «yes»), я усилил сходство с латынью еще и зрительно. Собственно, можно сказать, что язык этот создан на латинской основе с добавлением еще двух (основных) ингредиентов, доставляющих мне «фоноэстетическое» удовольствие: финского и греческого. Однако ж он в меньшей степени построен на согласных, нежели любой из этих трех. Это — Высокое эльфийское наречие или, если использовать термин из самого языка, *квенья* (эльфийский).

Живой язык Западных эльфов (*синдарин* или наречие Серых эльфов) встречается значительно чаще, особенно в именах и названиях. Восходит он к общему с *квенья* источнику; однако благодаря специально разработанным изменениям он сделался лингвистически очень похож на брито-валлийский (хотя ему и не идентичен): потому что такое свойство, в определенном лингвистическом настроении, я нахожу весьма привлекательным, и еще потому, что оно вроде бы соответствует довольно-таки «кельтскому» характеру легенд и историй, в которых фигурируют его носители.

«Эльфы» — это перевод слова «квенди», теперь, наверное, не вполне подходящий, а поначалу вполне сносный. Они представлены как раса, сходная с людьми внешним обликом (и чем дальше в прошлое, тем больше), а в былые дни — и статью. Нет, в подробности отличий эльфов от людей я здесь вдаваться не буду! Но я так полагаю, что *квенди* этих преданий, по сути, имеют мало общего с европейскими эльфами и фэйри; и если бы от меня потребовали рационалистического объяснения, я бы сказал, что на самом деле они олицетворяют собою людей, наделенных многократно увеличенным эстетическим и творческим потенциалом, большей красотой, более долгой жизнью и благородством, — то Старшие Дети, обреченные угаснуть, уступая путь Пришедшим Следом (людям) и выжить лишь в тонкой ветви родословной, смешавшей кровь с народом людей, среди которых только это одно и дает право на истинное «благородство».

Предполагается, что эльфы в самом начале разделились на две или даже три разновидности. 1. *Эльдар*, внявшие призыву Валар или Властей покинуть Средиземье и отправиться за Море на Запад; и 2. Меньшие эльфы, на призыв не откликнувшиеся. Большинство *эльдар* по завершении великого похода достигли Западных берегов и уплыли за Море; то были Высокие эльфы, чьи способности и познания несказанно умножились. Но часть их в конце концов осела на северо-западном побережье: это были *синдар* или Серые эльфы. Меньшие эльфы в истории почти не фигурируют, разве что как часть народа эльфийских королевств, Северного Мирквуда и Лориэна, где правят *эльдар*; их языки не представлены.

Высокие эльфы, фигурирующие в этой книге, это Изгнанники, возвратившиеся из-за Моря обратно в Средиземье, после событий, составляющих главную тему «Сильмариллиона»; они принадлежат к одному из основных родов *эльдар*: нолдор{180} (Владеющие Знанием). Или, скорее, последние оставшиеся из их числа. Ибо сам «Сильмариллион» и Первая эпоха завершились

уничтожением изначальной Темной Власти (Саурон был при ней всего лишь местоблюстителем) и прощением Изгнанников, которые вновь вернулись за Море. Остались только те, что всей душой полюбили Средиземье и тем не менее жаждали неизменной красоты Земли Валар. Затем-то и созданы Кольца: ибо Три Кольца как раз и наделены силой сохранения, но не рождения. Пусть и неосквернённые, поскольку Саурон не участвовал в их создании и даже не касался их, они тем не менее отчасти — результат его наставлений и в конечном счете оказываются под контролем Единого. Так что, как вы еще увидите, после того, как не станет Единого Кольца, последние хранители мудрости и красоты Высоких эльфов лишатся силы задерживать ход времени — и уйдут.

Прошу прощения за географию. Страх как трудно, должно быть, обходиться без карты или даже нескольких. В том I войдет карта части Шира и мелкомасштабная общая карта всего театра событий, включая также и места, в тексте лишь упомянутые (карта в конце «Хоббита» — ее с.-в. уголок). Их перерисовал с моих куда менее изящных карт мой сын Кристофер, в сей мудрости весьма искушенный. Однако ж пробный отпечаток у меня только один, да и тот надо вернуть. Я благоразумно начал с карты и подогнал под нее повествование (как правило, тщательно выверяя расстояния). Метод «наоборот» чреват путаницей и ляпами; в любом случае утомительная это работенка — составлять карту по сюжету; боюсь, вы уже и сами в этом убедились.

Свои собственные рабочие карты выслать вам не могу; но, может быть, вот эти черновые и не везде точные наброски, состряпанные в спешке и в разные периоды времени для читателей, вам хоть сколько-то помогут….. Можно ли вас попросить, когда вы с этими рукописными картами закончите или сделаете для себя заметки, выслать их назад? Мне они еще пригодятся для составления новых; но пока до этого руки никак не дойдут. Скажу лишь, что карты моего сына восхитительно четки, насколько позволяет уменьшение при воспроизведении; да только, увы, содержится в них отнюдь не все!

Ответы на то и се. *Драконы*. Они вовсе не сгинули; поскольку заявляли о себе во времена гораздо более поздние, ближе к нашим. Разве я сказал что-то, наводящее на мысль о полном исчезновении драконов? Если так, то придется исправить. Единственное, что приходит на ум, так это абзац в томе I на стр. 70: «Ныне не осталось на земле ни одного дракона, в ком древнее пламя пылало бы достаточно жарко». Но, как мне кажется, отсюда

следует, что драконы еще живы на свете, пусть и не во всей своей первозданной мощи. У меня есть длинная историческая таблица событий от Начала до Конца Третьей эпохи. Довольно полная; но я вполне согласен, что краткий вариант, включающий в себя значимые для книги события, может оказаться небесполезен. Если вам пригодились бы распечатки этого материала: напр. «Кольца Власти», «Низвержение Нуменора», «Списки Наследников Элендиля», «Дом Эорла» (генеалогия); «Генеалогия Дурина и гномьих владык *Мориа*» и «Повесть Лет» (особенно Второй и Третьей эпох), я попытаюсь вскорости разжиться копиями…..

Орки (само слово я лично возвожу к древнеанглийскому ore, «демон», но только потому, что подошло фонетически): о происхождении их нигде внятно не говорится. Но поскольку они — прислужники Темной Власти, а позже — Саурона, ни один из которых не мог и не стал бы производить ничего живого, они должны быть «искажениями». К моему непосредственному опыту они отношения не имеют; но многим, как мне кажется, обязаны легендам о гоблинах (слово «гоблин» используется в «Хоббите» как перевод; слово «орк» там встречается только один раз, если не ошибаюсь), особенно в варианте Джорджа Макдональда, за исключением мягких, неслышно ступающих лап — вот в это я так и не поверил. Синдарская форма этого слова — «orch» (мн.ч. «yrch»); в Черном наречии — «uruk».

Черное наречие использовалось только в Мордоре; представлено оно лишь надписью на Кольце, фразой в устах орков *Барад-дура* (том II стр. 48)[262] и словом «назгул» (ср. «назг» в надписи на Кольце). Никакой другой народ по доброй воле его не употреблял, и в результате даже географические названия в Мордоре — английские (вместо В.н.) или эльфийские. «Мораннон» по-эльфийски — «Черные Врата»; ср. «Мордор» — «Черная Земля», «Мор-ия» — «Черная Бездна», «Мор-тонд» — «Черный Корень» (название реки). «Рохир-рим» — это эльфийское (гондорское) название народа, который сам себя именовал Всадниками Марки или эорлингами. С ивритом такая форма ничего общего не имеет. В языках эльдар по форме и употреблению различаются «партитивное», или «частичное» множественное число и общее или совокупное множественное число. Таким образом, «yrch» — «орки, несколько орков, *des orques*{181}» встречается в т. I стр. 359, 402; для обозначения орков как расы или всей упомянутой ранее группы употреблялось бы слово «orchoth». В наречии Серых эльфов общее множественное число очень часто образуется путем прибавления к имени (или географическому названию) какого-нибудь слова, обозначающего «племя, воинство, орда, народ». Отсюда — «харадрим» (*Haradrim*),

южаки: кв. *rimbe*, синд. *rim*, «воинство»; «онод-рим» (*Onod-rim*), энты. Слово «рохиррим» (*Rohirrim*) восходит к *roch*(кв. *rokko*) — «конь», и эльфийской основе *kher* — «владеть»; отсюда синдарское *Rochir* — «повелитель коней» и *Rochir-rim*, «воинство повелителей коней». В гондорском произношении *ch* (как в немецком, валлийском и т. д.) перешло в *h* (не немое); и так в *Rochann* («Гиппия») — на *Rohan*.

Беорн уже умер; см. том I стр. 241. Он фигурировал в «Хоббите». Тогда шел 2940 год Третьей эпохи (1340 по ширскому летосчислению). А теперь У нас — 3018–3019 (1418–1419). Пусть и оборотень, и, вне всякого сомнения, немножко волшебник, Беорн все-таки был человеком.

Том Бомбадил — персонаж не слишком-то важный (для повествования). Думаю, он сколько-то значим как «комментарий». Я хочу сказать, так я на самом деле не пишу: он просто выдумка (впервые появившаяся в «Оксфорд мэгэзин» около 1933 г.), и представляет собою нечто, что мне кажется важным, хотя в подробностях проанализировать это чувство я не готов. Однако ж я бы Тома не оставил, не обладай он своего рода функцией. Скажем, так. Повествование основывается на том, что есть сторона добра и есть сторона зла: красота противостоит безжалостному уродству, тирания — королевской власти, умеренная свобода по доброму согласию противостоит принуждению, которое давным-давно утратило какую бы то ни было цель, кроме власти как таковой, и так далее; но обе стороны, в определенной степени, защищают ли они или разрушают, нуждаются в некотором контроле. Но если вы, так сказать, дали «обет бедности», отказались от контроля и радуетесь вещам ради них самих, безотносительно к себе, смотрите, наблюдаете, отчасти познаете, тогда вопрос правоты и неправоты контроля и власти утратит для вас всякий смысл, а орудия власти станут бесполезными побрякушками. Это — естественный пацифистский взгляд на вещи, что всегда приходит на ум, если идет война. Но, похоже, с точки зрения Ривенделла подобный подход к жизни, конечно, прекрасен, однако есть в мире вещи, с которыми ему не справиться; и от них, тем не менее, зависит само его существование. В конечном итоге лишь победа Запада позволит Бомбадилу остаться или даже просто выжить. В мире Сауронау него нет будущего.

В моем представлении с женами энтов Том Бомбадил никак не связан. Что с ними случилось, в данной книге не разъясняется. Он в некотором роде ответ им в том смысле, что он, — по сути дела, нечто диаметрально противоположное, олицетворяя, скажем, Ботанику и Зоологию (как науки) и Поэзию в

противопоставлении Скотоводству, Сельскому Хозяйству и практичности.

На самом деле, как мне думается, жены энтов исчезли безвозвратно, будучи уничтожены вместе со своими садами в войне Последнего Союза (Вторая эпоха 3429–3441), когда Саурон использовал тактику «выжженной земли» и спалил их владения дотла, чтобы помешать наступлению Союзников вниз по Андуину (в томе II на стр. 79 есть на это ссылка[263]). Сохранились они только в «земледелии», переданном людям (и хоббитам). Безусловно, есть вероятность того, что иные из них бежали на восток или даже попали в рабство: тираны, даже в таких преданиях, должны обеспечивать экономическими и сельскохозяйственными тылами своих солдат и кузнецов. Если кто-то из них и выжил таким образом, они наверняка непомерно отдалились от энтов, так, что возобновление отношений стало бы крайне затруднительным, — разве что, соприкоснувшись с индустриализированным и милитаризованным земледелием, они чуть набрались бы анархического духа. Надеюсь, что так. Я не знаю.

Хоббитята очаровательны, но боюсь, что в этой книге увидеть их можно лишь в начале тома I, и то мельком. Эпилог, содержащий в себе картинку более подробную (хотя и довольно неординарного семейства) удостоился столь дружного осуждения, что включать его я не стану. Надо же где-то поставить точку. Да, *Сэм Гэмджи* в некотором смысле в родстве с *доктором Гэмджи* — в том смысле, что имя его не облеклось бы в такую форму, если бы я не слышал о повязках «гэмджи»; и, помнится мне, некий доктор Гэмджи (наверняка родственник) жил в Бирмингеме в пору моего детства. Как бы то ни было, это имя мне всегда казалось знакомым. Первым возник Папаша Гэмджи; для моих детей он — персонаж просто-таки легендарный (прототипом ему послужил вполне реальный старикан, вот только звали его иначе). Но, как вы прочтете в разъяснении, в этой истории Гэмджи является «переводом» подлинного хоббитского имени, восходящего к названию деревни (занимающейся плетением веревок), англизированному как «Gamwich» (произн. «Гэммидж») близ Тайфилда (см. том II стр. 217)[264]. Поскольку Сэм был близким другом семейства Коттонов{182} (еще одна производная от названия деревни), я поддался искушению состряпать что-то вроде хоббитской шутки и написал «Gamwichy» [произносится «Гэммиджи». — С.Л.] как «Gamgee» [«Гэмджи». — С.Л.], хотя не думаю, что в настоящем хоббитском диалекте такая шутка когда-либо возникала на самом деле.

Персонажей, четко противопоставленных Магам, в книге нет;

это перевод (возможно, неадекватный, но на протяжении всего текста противопоставляемый другим терминам, обозначающим «колдунов») кв. — эльфийского *истари*. В Третью эпоху об их происхождении было известно лишь немногим (скажем, Эльронду и Галадриэль). Говорят, что впервые они появились около 1000 года Третьей эпохи, когда тень Саурона только начала расти и обретать новый облик. Они всегда выглядели как старцы, но в ходе трудов своих медленно старели еще больше, и исчезли, когда пришел конец Кольцам. Считалось, что они — Посланники (в терминах этого предания — с Дальнего Запада из-за Моря), и истинная их миссия — Гандальв сохранил ей верность, а Саруман извратил ее — поддерживать и пробуждать врожденные силы Врагов Саурона. Противоположностью Гандальва был, строго говоря, Саурон, в одном из аспектов Сауроновой деятельности; как Арагорн — в другом.

Уцелевший *балрог* явился из «Сильмариллиона» и легенд Первой эпохи. Так же, как и *Шелоб*. *Балроги*, чьим главным оружием служили бичи, были первозданными духами уничтожающего огня, главными слугами первозданной Темной Власти Первой эпохи. Предполагалось, что всех их уничтожили при низвержении *Тангородрима*, северной крепости Темного Властелина. Но выясняется (в любой эпохе обычно присутствуют пережитки предыдущих, чаще дурные), что один из них спасся и укрылся под горами Хитаэглина (Туманные горы). Примечательно: только эльф знает, что это за существо — и, конечно же, Гандальв.

Имя Шелоб (английский, изображающий В.н. «she+lob» = паучиха) является переводом эльфийского «унгол», «паук». Она представлена в т. II стр. 332 как потомок гигантских пауков долин Нандунгортина, что фигурируют в легендах Первой эпохи, особенно в главной из них, в повести о Берене и Лутиэн. Ссылки на нее встречаются то и дело, поскольку, как указывает Сэм (том II стр. 321)[265], данная история в известном смысле является ее продолжением. Оба — Эльронд (и его дочь Арвен Ундомиэль, очень похожая на Лутиэн и внешностью, и судьбой) являются потомками Берена и Лутиэн; точно так же, как в гораздо более дальнем колене Арагорн. Сами гигантские пауки были лишь отпрысками Унголиантэ, первозданной поглотительницы света, что в обличий паучихи пришла на помощь Темной Власти, но в итоге рассорилась с сообщником. Таким образом, Шелоб и Саурон, сподвижник Темной Власти, не связаны никаким союзом, но лишь общей ненавистью.

Галадриэль — ровесница Шелоб, или даже старше. Она — последняя из Великих, кто еще остался среди Высоких эльфов;

она «пробудилась» в Эльдамаре за Морем, задолго до того, как Унголиантэ явилась в Средиземье и расплодила там свое потомство…..

Ну что ж, после долгого моего молчания вы истребовали-таки вполне себе длинный ответ. Надеюсь, не слишком длинный даже для такого отрадного, ободряющего интереса. Я глубоко вам за него признателен; и надеюсь, все живущие в Каррадейле[266] примут мою благодарность.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

145 Из письма к Рейнеру Анвину 13 мая 1954

Издательство «Хоутон-Мифлин» прислало Толкину черновик «рекламки» для размещения на суперобложке американского издания «Властелина Колец». Ему также продемонстрировали подборку отзывов на книгу, которые «Аллен энд Анвин» предполагали разместить на обложке британского издания. В их числе цитировался и К. С. Льюис: он высоко отзывался о книге, сравнивая ее с Ариосто; Ричард Хьюз отмечал, что ничего сопоставимого по масштабу не появлялось в литературе со времен «Королевы Фей» Спенсера; а Наоми Митчисон назвала произведение Толкина «потрясающей научной фантастикой». Рейнер Анвин также сообщил Толкину о рождении сына, Мерлина, — Рейнер предположил, что это имя подходит ребенку больше, чем «Гандальв».

Большое спасибо за присланные мне варианты «рекламок», каковые вам возвращаю. Американцы, как правило, критики и поправок не терпят; но их творение кажется мне настолько убогим, что не могу не попытаться его улучшить, при том на результат надеясь ничуть не больше, нежели в случае с омерзительной обложкой, которую они произвели для «Хоббита». Вкладываю листок с предложениями; не перешлете ли вы его в «Хоутон-Мифлин»?….

Могу ли я настоятельно попросить вас постараться выпустить книгу в июле? А то жаль будет, если энтузиазм возьмет да и схлынет. Мне также кажется, что июль для многих — время куда более удобное, особенно для преподавателей и «университетских»; в июле они приподнимают головы, а в сентябре опять склоняют их под бременем забот. Есть у меня и веские личные причины. Вот одна из них: мне крайне важно, чтобы том I стал достоянием общественности до того, как я приеду в Дублин получать степень Д. Лит{183}. 20 июля на торжествах в честь столетней годовщины. (Хотя у ирландцев денег на такие дорогие книги не наберется, возможно, вы уломаете Дублин приобрести экземпляр-другой в честь праздника!)

Дождь идет — ливмя льет (как наверняка сказал бы мистер Баттербер); мне еще докторскую степень в Льеже получать 2 октября; но полагаю, том I уж к тому-то времени по крайней мере

выйдет…..

Радуюсь, что предварительные отзывы оказались так хороши, хотя сдается мне, что сравнения со Спенсером, Мэлори и Ариосто (не говоря уже о потрясающей научной фантастике) для моего тщеславия это уж слишком! Я показал ваш черновик Джеффри Мьюру (ректору), который нынче утром надоедлив был преизрядно и грозился вытурить меня из моего кабинета в пользу жалкого тьютора. Он явно испытал глубокое потрясение: видать, прежде и не подозревал, кого колледж приютил в своих стенах. И даже соизволил обронить, что Мертону очень повезло, хотя, на его взгляд, до Роджера Баннистерамне далеко[267]. Как бы то ни был о, мои акции поднялись настолько, что кабинет мне достался еще получше прежнего, пусть даже ценой изгнания персоны столь блистательной, как Распорядитель{184}. Так что, если у вас в запасе есть еще положительные рецензии, которых я не видел, пожалуйста, уж позвольте мне взглянуть на них одним глазком. Обещаю, что мистеру Жабу{185} не уподоблюсь…..

Счастлив узнать, что у вас все хорошо. Это уже второй Мерлин в числе моих знакомых. Второй сын профессора Тервилл-Питра именуется Мерлин Освальд (нет-нет, о восстановлении дружественных отношений между Англией и Уэльсом речи не идет; думается мне, что имя Освальд унаследовано от отца и деда). Конечно же, вы правы: Гандальв, разумеется, всегда был стар. Как Посланник, это обличие он принял изначально; однако в Средиземье все изнашивается, так что до того, как миссия его завершилась, он состарился еще больше. Такое имя — не для дитяти человеческого!

146 Из письма в «Аллен энд Анвин»

Производственный отдел представил на одобрение Толкина дизайн суперобложки для «Властелина Колец».

Хотелось бы мне сказать, что я всецело одобряю пробные оттиски суперобложки, к сему прилагающиеся. Но я их не одобряю, отнюдь. Напротив, нахожу до крайности безобразными. Однако для того, чтобы замечания мои имели смысл, надо было предоставить мне возможность для критики на более ранней стадии.

То, как выглядит обложка, сдается мне, сейчас куда менее важно, нежели выпустить книгу как можно скорее; и будь я к ней непричастен, я бы и не возражал. Но поскольку мотив Кольца со всей отчетливостью принадлежит мне (хотя и исполнен куда более неуклюже), те немногие, чье мнение мне дорого, того и гляди, заподозрят меня в том, что замысел целиком мой…..

Отвечаю, что думаю, раз уж меня спросили: унылая безвкусица. Нона-верняка выяснение моего мнения — это чистой воды формальность. Не думаю, что мои критические замечания возможно учесть, не вызвав тем самым серьезных задержек. *Я скорее предпочел бы оставить все как есть, нежели создавать новые проволочки. Но если проволочек возможно избежать,* мне хотелось бы по меньшей мере поменять шрифт в заглавии (на обложке спереди; на корешке — сойдет).

147 Из письма в «Аллен энд Анвин» 15 июня 1954

Издатели изменили обложку «Властелина Колец» в свете замечаний Толкина, изложенных в предыдущем письме.

Вчера настал великий момент: я получил сигнальный экземпляр «Братства Кольца». Сама книга выглядит очень даже достойно.

На мой взгляд, суперобложка значительно улучшилась и смотрится просто замечательно. Мне нравится серая бумага; этот цвет я предпочту всем другим. Однако образцы обложек для II и III навели меня на мысль, которая прежде мне в голову как-то не приходила: хорошо бы их как-то различать. Поскольку в целях экономии используется один и тот же рисунок, уж слишком они похожи; и выбор цвета, пожалуй, менее важен, нежели возможность различения. Но, вероятно, этого проще добиться, варьируя цвета основной надписи? Заглавие и имя автора — красным?

Сам я абсолютно не возражаю; оставляю это все на ваше усмотрение.

148 Из письма к Катерине Фаррер 7 августа 1954

Первый том «Властелина Колец», «Братство Кольца», был опубликован 29 июля 1954 г.

Боюсь, в томе I остались-таки опечатки! Включая ту, что на стр. 166. Но *nasturtians* там стоят намеренно: в знак окончательного триумфа над своевольными типографами. В «Джарролдз», похоже, главным корректором числится какой-то весь из себя высокообразованный педант, так что мне стали поправлять мой английский, у меня не спросившись: *elven* на *elfin, further* на *farther, try and say* на *try to say*{186} и так далее. А мне пришлось взять на себя труд доказывать ему его же собственное невежество, равно как и корить за наглость. Так что, хотя мне, по большому счету, все равно, в вопросе с *nasturtians* я уперся. Я всегда так говорил. По-моему, так это слово естественным образом англизировалось вскорости после того, как «настурции» прижились на здешней почве (завезли их из Перу, сдается мне) в XVIII веке; однако так говорит меньшинство. Я предпочитаю эту форму, потому что *nasturtium*, скажем так, звучит как надуманный ботанический термин и отдает лжеученостью.

Я справился у садовника при колледже. Результат следующий: «Как вы называете вот эти растения, садовник?»

«*Tropaeolum*, сэр».

«А в разговоре с донами?»

«Я говорю «*nasturtians*», сэр».

«А не *nasturtium*?»

«Нет, сэр; это ж кресс водяной».

Кажется, именно таковы факты ботанической терминологии.

Год выдался (и остается) невыносимо напряженный! Столько всего сразу навалилось, и каждое дело требует безраздельного внимания. Теперь вот вынь да положь «Гавейна»[268]. (В следующем месяце его повторят). А я пытаюсь отобрать из всей массы личной писанины о языках, письменности, календарях и истории Третьей эпохи то, что могло бы заинтересовать любителей такого рода вещей и втиснулось бы в отведенное место (около 40 страниц). Время летит; где-то в середине сентября мне придется опять ехать в Ирландию, а потом — в Бельгию, а там и триместр начнется…..

149 Из письма к Рейнеру Анвину 9 сентября 1954

В августе начали появляться рецензии на «Братство Кольца».

Что до рецензий, они куда лучше, чем я боялся, и, думаю, могли бы оказаться еще лучше, если бы мы не процитировали это замечание насчет Ариосто, или, если на то пошло, не оказались объектом всей этой повышенно бурной враждебности, что К. С. Л. вызывает в определенных кругах. А ведь он давным-давно меня предупреждал, что его поддержка может причинить мне столько же вреда, сколько и пользы. Я его слова всерьез не воспринял, да и в любом случае никогда не стал бы делать вид, будто не имею к нему никакого отношения: ведь лишь благодаря его поддержке и дружбе я наконец-то довершил свой труд. И тем не менее многие комментаторы, похоже, предпочли проехаться по его замечаниям и рецензии, а не книгу читать.

(Неизбежный) недостаток публикации в трех частях проявился в том, что некоторые читатели усмотрели «бесформенность», — а ведь так оно и есть, если воспринимать первый том как нечто самостоятельное. А отчасти всему виной — «трилогия», что само по себе не совсем точно. В томе I, отдельно взятом, слишком много «хоббитщины»; а кое-кто из критиков, по всей очевидности, дальше главы I не особо продвинулся.

Должен сказать, не повезло мне угодить в лапы «Д. телеграф» в отсутствие Бетджемана. Мое произведение — не по его части, но он, по крайней мере, не невежда и не ставленник бульварной прессы. А вот Питер Грин, похоже, и то, и другое. Я не знаком с ним лично и ничего про него не знаю, но он настолько груб, что поневоле заподозришь недоброжелательство[269]. Хотя на самом деле я подозреваю, что «насморк» послужил для него отличным оправданием, чтобы воспользоваться Эдвином Мьюи-ром из «Обсервера»[270] и Ламбертом из «С. таймс»[271], слегка их «поперчив».

Больше всего меня озадачивают замечания насчет стиля. Я вовсе не рассчитываю, да и никогда не рассчитывал, что многие сочтут забавными хоббитов или заинтересуются историей в целом и разными ее уровнями, но расхождение во мнениях по поводу стиля (который вроде бы вполне на должном уровне, независимо от личных предпочтений) очень странно — от хвалебных цитат до «Бойз оун пейпер»{187} (где единого стиля нет)!

Я так понимаю, вы не вовсе разочарованы. Ведь попадаются и вполне доброжелательные отзывы, помимо К. С. Л. (у него есть преимущество: он читал все), хотя, как правило, не в самых высших сферах. Черриман в «Трут»[272] и Говард Спринг в «К. лайф»[273] очень даже польстили тщеславию, равно как и завершающие строки Черримана: что он, дескать, жадно возьмется за второй и третий тома! Очень похвальные чувства: вот всем бы так!

Фосетт в «М. гардиан»[274] сказал пару-тройку лестных слов; особенно же меня заинтересовал длинный отзыв в «Оксфорд таймс» (за авторством самого редактора)[275], поскольку он-то как раз не из наших, а ему книга вроде бы понравилась. Он прислал ко мне корреспондента, но что уж там парень накропает для «О. мейл» на этой неделе, прямо и не знаю…..

Что ж, это письмо уже и без того вышло чрезмерно длинным. А пока я писал, прибыла профессор д'Арденн из Льежа — изводить меня филологическим проектом, над которым мы, как предполагается, работаем.

150 Из письма в «Аллен энд Анвин» 18 сентября 1954

Очень сожалею, что до сих пор никак не вышлю вам экземпляр Приложений. Могу сказать лишь, что приложу все усилия, чтобы составить Приложения до конца месяца. Беда моя — нерешительность (и противоречивые советы); попробуй отбери хоть что-нибудь из этакой кипы материала! Массу времени убил впустую, пытаясь удовлетворить злополучные обещания тома I стр. 8[276].

Указатель в черновом варианте дошел до середины тома П.

Для «алфавитов», упрощенных до крайности, понадобятся клише…..

Самое срочное сейчас — это, пожалуй, карта территории Гондора. Надеюсь уговорить моего сына Кристофера перерисовать ее с моих набросков как можно скорее.

151 Из письма к Хью Броугану 18 сентября 1954

Если хотите знать мое мнение, своей «притягательностью» «Властелин Колец» отчасти обязан намекам на иные легенды и исторические события, которых данное произведение полностью не раскрывает. И пока что довольно об этом. Если в книге и есть недостаток, который сам я вижу ясно, так это то, что я, возможно, перегрузил часть I попытками изобразить по ходу повествования фон и предысторию. Разумеется, в реальности как таковой эта предыстория уже «существует», то есть написана, причем написана была первой. Вот только опубликовать ее мне так и не удалось в хронологическом порядке, до тех пор и пока не отыщется аудитория, жадная до смеси эльфийско-нуменорской легенды с хоббитами…..

Ваше предпочтение *гоблинов оркам* — это большая проблема, и вопрос вкуса, и, возможно, исторический педантизм с моей стороны. Лично я предпочитаю орков (поскольку эти существа — вовсе не «гоблины» и даже не гоблины Джорджа Макдональда, которых до некоторой степени напоминают). Кроме того, теперь я глубоко сожалею, что использовал «эльфов», хотя это слово по происхождению и первоначальному значению вполне подходит. Но пагубное «опошление» этого слова, в чем непростительную роль сыграл Шекспир, в самом деле отяготило его достойными сожаления оттенками, преодолеть которые слишком сложно. Надеюсь, в Приложения к т. III удастся включить примечание «О переводе», где будет прояснен вопрос эквивалентов и моих вариантов словоупотребления. Трудность состояла в том, что, поскольку я попытался представить нечто вроде свода легенд и истории «позабытой эпохи», все специфические термины давались на иностранном языке, а точных эквивалентов в английском не существует…..

Вот за что я вам до глубины души признателен: если не считать одной-единственной строчки в «Манчестер гардиан», никто еще ни словом не упомянул тот факт, что в книге есть стихи — по крайней мере, мне кажется, что никто…..

Фродо вовсе не задумывался как второй Бильбо. Хотя в первых главах его поведение в чем-то с ним сродни. Однако ж он — скорее пример хобби-та, сломленного бременем страха и ужаса — сломавшегося и в конце концов преобразившегося в нечто совсем иное. Никто из хоббитов не вышел из всей этой истории прежним, в лучших ширских традициях. Куда там! Зато есть

Сэмуайз Гэммиджи (или Гэмджи).

Средиземье — это всего лишь архаичное английское слово для обозначения ἡοἰκον***μ***ένη обитаемого мира людей. Тогда он был таким же, как и теперь. На самом деле, в точности таким же: круглым и замкнутым — так что бегство невозможно. Отчасти в том-то и суть. Новое мироустройство, установившееся в начале Третьей эпохи, в итоге неизбежно перетекает в обычную, повседневную историю, и здесь мы наблюдаем кульминацию процесса. Если бы вы, или я, или любой из смертных (или хоббитов) времен Фродо отправились бы через море на запад, мы, как и сейчас, в конце концов вернулись бы (как и сейчас) туда, откуда вышли. Кануло в прошлое «мифологическое» время, когда Валинор (или Валимар), Земля Валар (богов, если угодно) физически существовала на Окраинном Западе, или эльдарский (эльфийский) бессмертный остров Эрессэа; или Великий Остров Западной Земли (Нуменор-Атлантида). После Низвержения Нуменора и его уничтожения все они были изъяты из «материального» мира, так что при помощи обычных средств их не достичь. Лишь эльдар (или Высокие эльфы) по-прежнему могли доплыть туда, оставив позади время и смертность, но назад им дороги не было.

Огромное спасибо за то, что не забыли стареющего профессора и подбодрили его своим письмом. Я знаю, 21/{188} — цена кошмарная, однако не забывайте, что мне надо продать ужасную прорву, прежде чем окупятся эти жуткие расходы. И то, что я и полпенни не получудо тех пор, пока этого не произойдет, абсолютно не важно в сравнении вот с чем: если продастся достаточное количество экземпляров, возможно, мне удастся опубликовать что-нибудь еще. Так что сделайте мне еще одно одолжение, убедите тех, кого сможете, выпросить, одолжить или стибрить скорее гинею, нежели книжку!

Иллюстрации непомерно дороги, даже если бы у меня достало таланта нарисовать их самому и сэкономить тем самым на гонораре художнику. Я пытался, но увы! — могу изобразить оч. далеко от совершенства только то, что могу, а не то, что вижу. Суперобложка — это все, что осталось от трех отдельных эскизов, мною сделанных, по одному на каждую часть. Предполагалось, что часть I будет вся в черном цвете, с красными и золотыми буквами, и три кольца друг напротив друга: Нарья (красное), Вилья (синее) и Ненья (белое)…[277] Но это все упростили; а чудесные (намой взгляд) факсимиле трех обгоревших страниц «Книги Мазарбул» тоже исчезли — чтобы эту штуку возможно было приобрести за пустячную сумму в 21/-!

152 Из письма Рейнеру Хеппенстоллу, Би-би-си 22 сентября 1954

3 декабря 1954 г. по третьей программе Би-би-си транслировалась инсценированная радиопостановка «Возвращение Беорхтнота» Толкина. Режиссер-постановщик Рейнер Хеппенстолл загодя уточнил у Толкина, какого «диалектного произношения» следует придерживаться актерам.

Что до диалога на английском, никакого «диалектного произношения» или деревенского говора вообще не требуется. Между двумя собеседниками не предполагается того, что мы назвали бы различием в общественном положении. Одному требуется голос помоложе и повыше, второму — постарше и пониже. Различаются они скорее складом характера и темпераментом, нежели принадлежностью к определенному «классу». Юный певец разражается торжественными стихами и, таким образом, переходит на архаичный стиль — как в те времена сделал бы любой, способный к поэзии; вот и Тидвальд переходит на него, передразнивая Торхтхельма.

Из какой области оба они родом, не уточняется. Торхтхельм, на самом деле, скорее всего, из Западного Мидлендса, как и многие другие, погибшие при Мэлдоне. Но в период, когда «диалект» всего лишь указывал на место происхождения, а не на ранг и род занятий, и в любом случае особенности грамматики и гласных не являлись показателями положения в обществе, лучше всего было бы избегать современного просторечия. Все равно любые современные восточно-английские характеристики были бы анахронизмом, поскольку в ту пору не существовали: слияние элементов датского и английского, со временем их породившее, тогда еще не произошло. А Эссекс восточных саксов представлял (и представляет) собою нечто совсем отличное от Норфолка и Суффолка.

153 К Питеру Гастингсу (черновик)

Питер Гастингс, директор книжного магазина «Ньюман» (магазин католической литературы в Оксфорде) выразил в письме свой восторг по поводу «Властелина Колец», однако задавал вопрос, а не «зашел ли автор слишком далеко в вопросах метафизики». Он привел несколько примеров: во-первых, «заявление Древобородa о том, что Темный Властелин сотворил троллей и орков». Гастингс предположил, что зло не в состоянии сотворить что бы то ни было, а даже если бы и могло, то его порождения «никак не обладали бы склонностью к добру, пусть даже самой ничтожной»; в то время как, доказывал он, один из троллей в «Хоббите», Уильям, испытывает к Бильбо что-то вроде жалости. Кроме того, он процитировал слова Златеники касательно Бомбадила: «Он есть». По мнению Гастингса, эти слова якобы подразумевают, что Бомбадил — это Бог. Более всего Гастингса волновала реинкарнация эльфов, о которой Толкин упомянул в личной беседе. По этому поводу он писал: «Господь не наделил этим свойством ни одно из известных нам созданий, и кажется мне, воспроизводить его как нечто вполне действующее означает превысить права творца вторичной реальности, поскольку творец вторичной реальности, воспроизводя отношения между творцом и тварными существами, должен использовать те каналы, которыми, как ему известно, уже воспользовался создатель….. «Кольцо» столь хорошо, что жаль лишать его реалистичности, выходя за пределы писательского ремесла». Он также спрашивал, а не создает ли реинкарнация эльфов проблем чисто практического свойства: «Что происходит с потомками от брака человека и эльфа?» И по иному поводу осведомлялся, каким образом Саурон, будучи воплощением зла, мог «заручаться содействием эльфов» вплоть до того времени, как были откованы Кольца Власти.

Сентябрь 1954

Уважаемый мистер Гастингс!

Огромное спасибо за ваше длинное письмо. Мне очень жаль, что нет времени ответить на него так подробно, как оно того

заслуживает. По крайней мере, вы мне польстили, восприняв меня всерьез; хотя поневоле задаюсь вопросом, а не «слишком ли всерьез» и в тех ли направлениях. Как-никак, роман мой, в конечном счете — это роман, литературное произведение, рассчитанное на литературный эффект, а вовсе не подлинная история. То, что избранный подход — придать его фону ощущение и атмосферу историчности и (иллюзию?) трехмерности — себя оправдал, вроде бы явствует из того факта, что уже несколько написавших мне людей восприняли его именно так — в соответствии со своими различными интересами или познаниями: т. е. как рассказ о «реальных» временах и местах, каковые я в силу собственного невежества или нерадивости кое-где представил в ложном свете, а кое-где не смог описать должным образом. Экономика, наука, образчики материальной культуры, религия и философия в нем изображены неполно или по крайней мере весьма схематично.

Я, разумеется, уже обдумывал все затронутые вами моменты. Но, чтобы представить мои размышления вам (в ином виде), потребовалась бы целая книга{189}, а любой серьезный ответ на ваши более основательные расспросы должно отложить по меньшей мере до тех пор, пока у вас на руках не окажется новых материалов: тома III, например, не говоря уже о более мифичных рассказах о Космогонии, Первой и Второй эпохах. Поскольку во всех этих писаниях, от начала до конца, речь идет главным образом об отношении Творения к созиданию и вторичному творчеству (и дополнительно о близкой проблеме «смертности»), ясно, что упоминания обо всем об этом не случайны, но существенны: очень может статься, что они существенно «ошибочны» с точки зрения Реальности (внешней реальности). Однако внутри этого воображаемого мира ошибочными они быть не могут: ведь именно так этот мир устроен.

Мы резко расходимся в том, что касается сути отношения вторичного творчества к Творению. Я бы сказал, что в освобождении «от каналов, которыми, как известно, уже воспользовался создатель», и состоит основополагающая функция «вторичного творчества», дань бесконечности Его потенциального многообразия, более того — один из способов, которыми это многообразие проявляется, как я, на самом деле, писал в «Эссе». Я не метафизик; но я бы счел престранной метафизикой, — а ведь их не одна, но множество, просто-таки потенциально неисчислимое, — ту, что объявит каналы, которые, как известно (в том ограниченном уголке, о котором мы имеем некоторое представление), были использованы единственно возможными, или имеющими силу, или, например, приемлемыми и

допустимыми в Его глазах!

«Реинкарнация» может восприниматься как дурная теология (конечно же, скорее так, нежели метафизика) применительно к роду людскому; и мой легендариум, в особенности «Низвержение Нуменора», что составляет непосредственную предысторию к «Властелину Колец», основан на этом воззрении: люди, по сути своей, смертны и не должны пытаться обрести «бессмертие» во плоти{190}. Но не вижу, каким образом даже в Первичном Мире теолог или философ — разве что он куда лучше информирован о взаимоотношении духа и тела, нежели, на мой взгляд, для человека доступно, — может отрицать возможность реинкарнации как способа существования, предписанного для определенных разновидностей разумных воплощенных существ.

Я полагаю, на самом деле основные мои трудности — научного и биологического характера, и тревожат они меня не меньше теологических и метафизических (хотя вас вроде бы особо не занимают). Эльфы и люди, по всей очевидности, на биологическом плане — одна и та же раса, иначе они бы не смогли скрещиваться и производить способное к размножению потомство, даже в редких случаях: в моих легендах есть лишь два подобных союза, и они сливаются в роду потомков *Эарендиля*[278]. Но, поскольку некоторые считают, что продолжительность жизни — это биологическая характеристика, допускающая варьирование в определенных пределах, невозможно, чтобы эльфы в определенном смысле были «бессмертны» — не вечны, но не подвержены смерти от «старости», — а люди смертны, более-менее так, каковы они сейчас в Первичном Мире, — и при этом находились в достаточно близком родстве. Я мог бы ответить, что подобная «биология» стоит лишь на уровне теории, что современная «геронтология» или как бы уж ее ни называли, считает «старение» процессом куда более загадочным и не настолько очевидно неизбежным в телах, подобных человеческим. Но на самом деле я отвечу: мне все равно. Таков биологический закон в моем вымышленном мире. Это всего лишь (пока) недостаточно домысленный мир, «вторичный» в зачаточном состоянии; но, ежели угодно будет Создателю наделить его (в исправленном виде) Реальностью на каком-либо плане, тогда вам просто придется войти в него и взяться за изучение его иной биологии — вот и все.

Но так, как есть — хотя этот мир словно бы вырвался из-под контроля, так что отдельные его составляющие, как кажется (мне), скорее явлены через меня, нежели мною, — цель его по-прежнему главным образом литературная (и, если термин вас не испугает, дидактическая). Эльфы и люди в данной «истории»

представлены как биологически родственные расы, поскольку эльфы воплощают в себе определенные аспекты людей и их талантов и устремлений, воплощенных в моем крохотном мирке. Они наделены определенными свободами и способностями, о которых мечтаем мы, и красота, и опасность, и скорбь обладания этими свойствами явлена в них…..

Саурон, конечно же, не был «зол» изначально. Он был одним из тех «духов», кого склонил ко злу Изначальный Темный Властелин (Изначальный Бунтарь в плане вторичного творчества) Моргот. Когда же Моргот был повержен, Саурону дали возможность раскаяться, но он не смог вынести унизительного отречения и о прощении молить не стал; так что его временное возвращение к добру и «благу» закончилось еще более грандиозным отступничеством, пока он не стал главным воплощением Зла последующих эпох. Но в самом начале Второй эпохи он был еще прекрасен с виду или мог до поры принимать прекрасное зримое обличие, и на самом деле не вполне предался злу, если только не считать, что всецело преданы злу все «реформаторы», желающие ускорить «реконструкцию» и «преобразование», — еще до того, как их изгложут гордыня и жажда утвердить свою волю. Отдельный род Высоких эльфов, нолдор или Владеющие знанием, всегда были на стороне, как бы мы сказали, «науки и техники»; они хотели перенять знания, которыми Саурон действительно обладал; а эльфы Эрегиона не вняли предостережениям Гильгалада и Эльронда. Это особое «желание» эрегионских эльфов — «аллегория» любви к механизмам и техническим приспособлением, если угодно, — символизируется также их близкой дружбой с гномами Мории.

Я бы счел их не более дурными или безрассудными (хотя и подвергающими себя той же опасности), нежели католиков, занятых определенными видами физических исследований (напр., тех, в результате которых производятся, пусть в качестве побочных продуктов, ядовитые газы и взрывчатые вещества): предметы, которые не обязательно являются злом сами по себе, но которые, скорее всего, послужат злым целям, — при нынешнем положении вещей и при том, что суть и мотивы хозяев экономики, обеспечивающих исследователей всем необходимым для работы, таковы, каковы они есть. И здесь не обязательно вина лежит на них, даже если они об этих целях знают.

Что до прочих замечаний, думаю, что соглашусь насчет «неспособности зла к творению». Но вы используете слово «творение» в более широком смысле, нежели я{191}. Древобород вовсе не говорит, что Темный Властелин «сотворил» троллей и орков. Он говорит, что Темный Властелин их «сделал», в

подражание неким уже существующим созданиям. На мой взгляд, эти два утверждения разделяет зияющая пропасть, настолько широкая, что утверждение Древоборода может (в моем мире) и соответствовать истине. В том, что касается орков, на самом деле это не так; в основе своей они — раса «разумных воплощенных» существ, хотя и страшным образом испорченных, пусть и не более, нежели очень многие из числа наших современников-людей. Древобород в моей истории — один из *персонажей*, а вовсе не я сам; и, хотя он наделен обширной памятью и некоторым количеством житейской мудрости, к числу Мудрых он не принадлежит и очень многого не знает и не понимает. Он не знает, кто такие «маги» и откуда они пришли (хотя я — знаю, даже если, осуществляя свое право творца вторичной реальности, я подумал, что лучше в этом Предании оставить данный вопрос «загадкой», но не без намеков, подводящих к ответу). Страдание и опыт (и, возможно, само Кольцо) наделили Фродо большей проницательностью; и в гл. I Книги VI вы прочтете его слова, обращенные к Сэму: «Тень, расплодившая их, может лишь подражать; ничего по-настоящему нового она создавать не в силах. Не думаю, что она наделила орков жизнью; она лишь погубила их и извратила». В легендах Древних Дней предполагается, будто сам Дьявол поработил и склонил ко злу часть первых эльфов, еще до того, как они услышали о «богах», не говоря уже о Боге.

Насчет троллей я не уверен. Думаю, они просто «подделки» и потому (хотя здесь я, конечно же, лишь использую элементы старого варварского мифотворчества, не обладающего «осознанной» метафизикой) при свете превращаются просто-напросто в каменные изваяния. Однако помимо этих довольно нелепых, хотя и свирепых, Каменных троллей, существуют и другие разновидности, предположительно иного происхождения. Разумеется (поскольку мой мир неизбежно весьма несовершенен Даже на своем собственном плане, не вполне согласованном — наш Реальный Мир тоже не *кажется* вполне логичным; и, по правде говоря, сам я не вполне убежден, что даже в нашем мире — хотя в каждом мире на любом плане все должно в итоге итогов подчиняться Воле Божией, — не найдется нескольких «попускаемых» подделок вторичного творчества!), наделяя троллей даром *речи*, вы даете им способность, которая в нашем мире (вероятно) ассоциируется с наличием «души». Но я не согласен (если признать этот элемент волшебной сказки), что мои тролли выказывают хоть какой-то признак «добрых наклонностей», строго говоря и без сентиментальщины. Я не скажу, что Уильям испытал *жалость* — для меня это слово

обладает этической и образной значимостью: только благодаря Жалости Бильбо и позже — Фродо Квест в итоге завершается успехом, — и не думаю, что Жалость он проявил. Возможно, я бы не стал использовать выражение «вот бедолага» (будь «Хоббит» проработан с большим тщанием и будь мой мир так же хорошо продуман лет двадцать назад), точно так же, как и тролля не назвал бы *Ушьямом*. Но даже тогда я никакой жалости в этих словах не усматривал, и вот вам простейший довод в мою пользу. Жалость должна удерживать от совершения чего-то непосредственно желаемого и представляющегося выгодным. Здесь же не больше жалости, чем когда хищный зверь зевает или лениво похлопывает лапой существо, которое мог бы съесть, да не хочет, потому что не голоден. Равно как и в поступках многих людей, истинная причина которых коренится в пресыщенности, лени или просто-напросто внеморальной врожденной мягкотелости, пусть они даже дают им громкое название «жалости».

Что до Тома Бомбадила, честное слово, сдается мне, вы слишком серьезно к нему отнеслись, а кроме того, сути не уловили. (И снова скажу: эти слова произносят Златеника и Том, а не я в качестве комментатора.) Вы мне очень напоминаете одного моего родственника-протестанта, который в разговоре со мной выдвигал возражения против (современного) католического обычая называть священников отцами, поскольку именование «отец» принадлежит лишь Богу-Отцу, цитируя апостольское Послание из последней воскресной службы — совершенно не к месту, поскольку цитата вырвана из контекста. Многих других персонажей называют Хозяин; и если «во времени» Том первозданен, во Времени он — Древнейший. Но Златеника и Том имеют в виду тайну *имен*. Перечитайте и поразмыслите над словами Тома в т. I стр. 142[279]. Вы ведь, наверное, в состоянии представить себе свою собственную уникальную связь с Создателем без всяких имен, не так ли, — поскольку в отношениях такого рода местоимения становятся именами собственными? Но стоит вам оказаться в мире иных конечных явлений со сходным, пусть в каждом случае уникальным и отличным, отношением к Изначально Сущему, и кто вы тогда? Фродо спросил не «что такое Том Бомбадил», но «кто он». И мы, и он, вне всякого сомнения, зачастую не задумываясь, смешиваем эти два вопроса. Златеника, на мой взгляд, дает правильный ответ. Нам не стоит углубляться в тонкости «Я есмь Сущий» — что резко отличается от *«он есть»*{192}. В качестве уступки она добавляет утверждение, частично объясняющее «что он такое». Он — *хозяин* в особом смысле: он не ведает ни страха, ни тени

желания владеть и подчинять. Он просто знает и понимает все то, что касается его в принадлежащем ему маленьком природном царстве. Он даже судить не берется, и создается впечатление, что не пытается исправить или устранить даже Иву.

Не думаю, что о Томе стоит философствовать; лучше он от этого не станет. Однако многие сочли его странным или даже неуместным персонажем. Исторический факт состоит в следующем: я его включил потому, что уже «придумал» его отдельно от всего прочего (впервые он появился в «Оксфорд мэгэзин»)[280], и мне нужны были «приключения» по дороге. Но я его сохранил, причем таким, каков он есть, поскольку он воплощает в себе некие вещи, которых в противном случае недоставало бы. Я вовсе не задумывал его как аллегорию — иначе не наделил бы его таким характерным, оригинальным и дурацким именем, — однако «аллегория» — единственный способ продемонстрировать определенные функции: таким образом, он — «аллегория» или образец, особое воплощение чистой (подлинной) науки о природе: дух, взыскующий знания о других явлениях, их истории и сути, *потому что они «другие»* и совершенно независимы от вопрошающего разума, дух, столь же древний, как и мыслящий разум, и совершенно не озабоченный тем, чтобы со знанием этим что-то «делать»: Зоология и Ботаника, но не Скотоводство и Сельское Хозяйство. Даже в эльфах это свойство почти не проявляется: они в первую очередь — художники. Кроме того Т. Б. иллюстрирует еще один аспект в своем отношении к Кольцу и неспособности Кольца на Тома воздействовать. Надо сосредоточиться на некоторой части Мира (Вселенной), возможно, относительно небольшой, хочешь ли ты рассказать историю, какую бы то ни было длинную, или узнать что-нибудь, сколь бы то ни было основополагающее, — и тем самым многое с этой «точки зрения» окажется выпущенным из виду, искаженным на окружности или покажется диссонирующей странностью. Власть Кольца над всеми заинтересованными лицами, даже над магами, или Посланниками, это не иллюзия, — но это еще не вся картина, даже на тот момент, при тогдашнем положении дел в данной части вселенной.

С биологическими затруднениями брака между представителями людского и эльфийского родов я уже разобрался. Разумеется, такое случается в «волшебных сказках» и в фольклоре, хотя не во всех случаях идеи за ними стоят те же. Но у меня это — нечто куда более исключительное. Не вижу, чтобы возникающие в результате проблемы были хоть как-то связаны с «реинкарнацией». С «бессмертием» (в моем мире — только в пределах ограниченного срока существования Земли), конечно

же, да. Как и во многих волшебных сказках. В исходном предании о Лутиэн и БеренеЛутиэн в качестве абсолютного исключения дозволено избавиться от «бессмертия» и стать «смертной» — но, когда Верен убит Волком, стражем Врат Ада, Лутиэн получает краткую отсрочку, на время которой оба возвращаются в Средиземье «живыми» — хотя с другими не общаются: что-то вроде легенды об Орфее наоборот, но основанной на Жалости, а не на Неумолимости. Туор женится на Идриль, дочери Тургона, короля Гондолина; и «предполагается» (не утверждается), что он, как уникальное исключение, обретает эльфийское ограниченное «бессмертие»: исключение и в том, и в другом случаях. Эарендиль — сын Туора и отец Эльроса (первого короля Нуменора) и Эльронда; их мать — Эльвинг, дочь Диора, сына Берена и Лутиэн; так что проблема полуэльфов объединяется в одном роду. Точка зрения следующая: полуэльфы имеют возможность выбирать (бесповоротно), судьбу какого из народов они разделят; изменить принятое решение нельзя, его возможно отсрочить, но не до бесконечности. Эльрос предпочел стать Королем и «longaevus»{193}, но смертным, так что все его потомки тоже смертны и принадлежат к особо благородному роду, хотя долголетие их убывает: таков Арагорн (обладавший, однако, более долгим сроком жизни, нежели его современники: двойным по меркам людей, хотя и не тройным, как изначально у нуменорцев). Эльронд предпочел остаться среди эльфов. Его детям — с обновленной эльфийской наследственностью, поскольку матерью их стала Келебриан, д. Галадриэли, — пришлось делать выбор. Арвен — не «реинкарнация» Лутиэн (такое в свете данной мифической истории было бы невозможно, ведь Лутиэн умерла как смертная и покинула мир времени), но ее потомок, очень похожая на нее внешностью, характером и судьбой. Став женой Арагорна (их история любви, пересказанная в ином предании, здесь центральной не является; на нее лишь ссылаются время от времени), она «совершает выбор Лутиэн», так что горе ее при прощании с Эльрондом особенно остро. Эльронд уходит За Море. Что сталось с его сыновьями, Элладаном и Эльрохиром, не вполне ясно: они отсрочивают выбор и до поры остаются на земле.

Что до того, «чьей властью решаются такие вещи?» Непосредственные «власти» здесь — Валар (Власти, или Блюстители): «боги». Но они — лишь сотворенные духи — высшего ангельского чина, сказали бы мы, с сопутствующими им меньшими ангелами — и, следовательно, достойны почитания, но не поклонения{194}; и хотя они наделены могучей способностью к «вторичному творчеству» и живут на Земле, с каковой связаны

узами любви, ибо помогали в ее созидании и упорядочивании, менять по своей воле какие-либо основополагающие законы они не могут. В кризисной ситуации нуменорского бунта они воззвали к Единому — когда нуменорцы попытались захватить Бессмертную Землю силой громадной армады, одержимые жаждой физического бессмертия, — что повлекло за собою катастрофу, изменившую форму Земли. Бессмертие и Смертность — особые дары, коими Господь наделил *эрухини* (в их задумываний и сотворении Валар никакого участия не принимали); так что должно предположить, что никакого изменения этого фундаментального свойства Валар не могли осуществить даже в одном-единственном случае: положение дел с Лутиэн (и Туором) и их потомками — прямое деяние Господа. То, что кровь эльфов примешалась к людской, на самом деле представлено как часть Божественного Замысла во имя облагораживания человеческой расы, которой изначально предназначено заменить эльфов.

А есть ли «пределы писательскому ремеслу», кроме тех, что положены его собственными ограничениями? Никаких пределов — лишь законы несоответствия, думается мне. Но, разумеется, требуется смирение и осознание опасности. Писатель может «хотеть только добра» — как он его понимает (надеюсь, что я таков); и при этом не оказывать «положительного воздействия» из-за собственных заблуждений и глупости. Я бы утверждал, если бы не считал это самонадеянностью в человеке настолько непросвещенном, что одна из моих задач — прояснение истины и улучшение нравов в здешнем, реальном мире, посредством старинного приема: проиллюстрировать их в непривычном обличий, чтобы скорее «дошли до сознания». Но, конечно же, я могу и заблуждаться (в некоторых моментах или сразу во всех): мои истины, возможно, истинными не являются или, возможно, искажены; а созданное мною зеркало, возможно, тусклое и потрескавшееся. Но меня понадобится целиком и полностью убедить в том, что нечто мною «придуманное» на самом деле вредоносно, *per se*{195}, а не просто потому, что понято неверно, прежде чем я отрекусь и перепишу хоть что-нибудь.

Разумеется, посредством «мифа», этого могучего средства, возможно причинить великий вред — в особенности умышленно. Среди людей падших право на «свободу» творца вторичной реальности отнюдь не гарантирует, что им не воспользуются так же дурно, как Свободной Волей. Меня утешает тот факт, что некоторые, превосходящие меня и благочестием, и ученостью, не усмотрели ничего дурного ни в самой Истории, ни в том, что она выдается за «миф»…..

И в завершение: упомянув Свободную Волю, я мог бы сказать, что в моем мифе я использовал «вторичное творчество» особым образом (иначе, нежели «вторичное творчество» как термин в литературно-художественной критике, хотя я попытался продемонстрировать аллегорически, как на некотором плане оно может вплетаться в Творение в моей «чистилищной» повести «Листработы Ниггля» («Даблин ревью», 1945), чтобы сделать зримыми и осязаемыми последствия Греха или злоупотребления людьми Свободной Волей. Свободная Воля — это производная и потому действует лишь в пределах предоставленных обстоятельств; но для того, чтобы она могла существовать, необходимо, чтобы Автор ее гарантировал, что бы ни случилось: т. е., когда, как мы говорим, нечто идет «вопреки Его Воле», во всяком случае, как это видится с ограниченной точки зрения. Он не останавливает грешных деяний и их последствий и не делает их «небывшими». Вот так и в этом мифе «предполагается» (на законной основе, неважно, является оно свойством реального мира или нет), будто Он даровал особые способности к «вторичному творчеству» некоторым из Своих высших созданий: тем самым гарантируя — то, что они изобретут и создадут, обретет реальность Творения. Разумеется, в определенных пределах и, разумеется, согласно некоторым требованиям или запретам. Но если они «падут», как пал Diabolus{196} Моргот, и начнут создавать «для себя, чтобы стать Владыкой над своими творениями», таковые «будут», даже при том, что Моргот нарушил высший запрет на создание иных «разумных» творений, подобных эльфам и людям. Они «будут» по меньшей мере реальными физическими сущностями в физическом мире, какими бы исчадиями зла ни оказались, пусть даже «пародирующими» Детей Господа. Они станут величайшими Прегрешениями Моргота, злоупотреблениями его высочайшей привилегией; то будут порождения Греха и по природе своей дурные. (Я едва не написал «дурные и неподвластные искуплению»; но это значит зайти чересчур далеко. Ведь раз создание их принимается или попускается — что необходимо для их бытия, — даже орки становятся частью Мира, который от Господа и, следовательно, в конечном счете благ.) Но могут ли они обладать «душой» или «духом», это уже совсем иной вопрос; и поскольку (в моем мифе, во всяком случае) я не представляю себе создание душ или духов, — явлений того же порядка, что и Валар, если не равных им в могуществе, — как возможную «передачу полномочий», я представил по крайней мере орков как уже существовавших реальных созданий, которых Темный Властелин, используя все свое могущество, переделал и исказил, но не произвел. То, что

Господь «попустил» это, представляется мне не более чем дурной теологией, нежели попущение сознательному обесчеловечиванию людей волей тиранов, которое происходит сегодня. Тем не менее могут быть и другие «создания», больше похожие на марионеток, наполненных (лишь на расстоянии) разумом и волей их создателя, или подобные муравьям, что действуют, направляемые из центра маткой.

Вот теперь (скажете вы, и не без оснований) я воспринимаю себя куда более серьезно, нежели вы, и устраиваю бурю и шторм в стакане воды из-за недурной истории, которая, конечно же, обязана своей убедительностью просто-напросто авторскому умению. Это так. Однако то, о чем я пописываю, возникает в той или иной форме из всех сочинений (или произведений искусства), которым недостает осмотрительности держаться в рамках «доступных наблюдению» фактов.

Здесь черновик заканчивается. Сверху Толкин написал: «Не отослано», — и добавил: «Создается впечатление, что уж слишком я заношусь».

154 К Наоми Митчисон 25 сентября 1954

Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемая миссис Митчисон!

Дела, неприятности, болезнь и разъезды меня совсем одолели, а не то бы я вам написал гораздо раньше, особенно после вашего любезного послания от прошлого месяца: временно затерявшегося в ворохе экзаменационных работ, гранок и всего прочего; после того, как дочитал до конца текст «Властелина» и т. д.

Ваша доброта и поддержка всегда очень много для меня значили; за вашу великодушную, глубокую рецензию[282] я перед вами в долгу. Только в вашем отзыве из всех мною виденных, помимо того, что книга трактуется как «литература», по крайней мере по замыслу, и даже воспринята всерьез (и восхваляется или высмеивается соответствующим образом), она также рассматривается как сложная разновидность *игры* в придумывание страны — игры бесконечной, поскольку даже комиссия специалистов в самых разных областях не смогла бы завершить общую картину. Я отдаю себе отчет, что археология и *realien*[283] у меня набросаны более схематично, нежели экономика: одежда, сельскохозяйственные орудия, работа по металлу, гончарное дело, архитектура и т. д. Не говоря уже о музыке и ее инструментарии. Не то чтобы я совершенно не способен к экономическому мышлению или вовсе ему чужд; и я так думаю, что постольку, поскольку это касается «смертных», людей, хоббитов и гномов[284], ситуация задумана так, что экономическое правдоподобие там присутствует и может быть вычленено: у Гондора достаточно «городских земель» и фьефов с нормальным водоснабжением и дорожным сообщением, дабы обеспечить нужды населения; и со всей очевидностью там наличествуют многочисленные отрасли промышленности, хотя упоминания о них практически отсутствуют. Расположение Шира относительно гор, обилие воды, расстояние до моря и широта обеспечивают ему естественное плодородие почвы, даже если не принимать во внимание, что земли эти уже были хорошо освоены, когда на них обосновались новые жители (вне всякого сомнения, переняв также более древние искусства и ремесла). Ширские хоббиты в металлах особой потребности не испытывают, но гномы — торговцы, и в восточной части гор Люн находятся

гномьи копи (как явствует из более древних легенд): вне всякого сомнения, это и есть причина (или одна из причин) того, что гномы часто проезжают через Шир. Некоторые обнаруженные у них атрибуты современной жизни (я, в частности, имею в виду *зонтики*), возможно, и я даже полагаю, что наверняка являются ошибкой того же плана, что и их нелепые имена, и терпимы лишь как намеренная «англизация», для подчеркивания контраста между ними и другими народами наиболее доступным образом. Я не думаю, что народ такого типа, уровня жизни и развития может одновременно отличаться мирным характером, исключительной храбростью и стойкостью «в час нужды»{197}. Опыт двух войн укрепил меня в этом мнении. Но хоббиты — это не утопический образ и вовсе не рекомендуются как идеал своего века или любого другого. Они, как любой народ в определенной ситуации, — историческая случайность (как эльфы указывают Фродо), и в перспективе преходящая. Я — не реформатор и не «бальзамировщик»! Не «реформатор» (через применение власти), поскольку это, как мне кажется, обречено на саруманизм. Но и «бальзамирование» таит свои опасности.

Некоторые рецензенты охарактеризовали мое сочинение как примитивное: дескать, самая обыкновенная борьба между Добром и Злом, где все хорошее хорошо, и только; а дурное дурно, и только. Пожалуй, оно простительно (хотя Боромира по меньшей мере проглядели) для людей, читающих в большой спешке, да притом лишь отдельный фрагмент, и, конечно же, при отсутствии написанных раньше, но так и не увидевших света эльфийских хроник. Но эльфы *не* всецело благи и не всегда правы. И не столько потому, что заигрывали с Сауроном, сколько потому, что, с его ли помощью или без таковой были «бальзамировщиками». Им хотелось один пирог да съесть дважды: жить в смертном историческом Средиземье, поскольку эльфы прониклись к нему любовью (и, может статься, потому, что там они пользовались преимуществом высшей касты), так что они попытались остановить процесс перемен и ход истории, остановить его рост, сохранить его как декоративный садик или даже по большей части как глушь, где сами они могут быть «художниками», — и притом их тяготила печаль и ностальгические сожаления. Люди Гондора были по-своему таковы же: угасающий народ, чьи единственные «святыни» — это его гробницы. Но в любом случае это — повесть о войне, и, если война дозволена (по крайней мере в качестве темы и декораций), нет смысла жаловаться, что все приверженцы одной стороны отчего-то выступают против тех, кто на другой. Но у меня даже здесь не все так просто: есть, скажем, Саруман, и Денетор, и Боромир; и даже среди орков случаются

раздоры и предательство.

Собственно говоря, в воображаемой реальности этой истории мы сейчас живем на физически круглой Земле. Однако весь «легендариум» в совокупности заключает в себе переход от мира плоского (или по крайней мере со всех сторон ограниченной οἰκουμένη) к сфере: переход неизбежный, на мой взгляд, для современного «мифотворца», чье сознание настроено на те же «иллюзии», как у древних, и отчасти вскормлено их мифами, но при этом с младенчества приучено к мысли о том, что Земля круглая. И столь глубокое впечатление произвела на меня «астрономия», что не думаю, будто я смог бы иметь дело с плоским миром или создать его в воображении, хотя мир, в котором Земля неподвижна, а Солнце обращается вокруг нее, мне представить проще (при помощи фантазии, если не разума).

Конкретный миф, который стоит за этой историей и за мироощущением людей и эльфов того времени, это Низвержение Нуменора: специфический вариант легенды об Атлантиде. Этот миф видится мне настолько существенным для «мифической истории», — неважно, есть ли у него какие-нибудь основания в истории реальной, с дозволения Сора и прочих, — что хоть какую-то его версию включить следовало.

Повесть о Низвержении я записал; возможно, вам интересно будет с ней ознакомиться. Но непосредственно нас касается вот что: до Низвержения за морем и за пределами западного побережья Средиземья находился земной эльфийский рай Эрессэа и *Валинор*, земля *Валар* (Властей, Владык Запада{198}), места, до которых возможно было добраться физически, на самых обычных парусных кораблях, пусть даже Моря заключали в себе немало опасностей. Но после того, как нуменорцы, Короли Людей, жившие на острове, расположенном далее всего к западу из всех смертных земель, взбунтовались и в итоге, обуянные непомерной гордыней, попытались захватить Эрессэа и Валинор силой, Нуменор был уничтожен, а Эрессэа и Валинор изъяты с Земли за физически достижимые пределы; путь на запад был открыт, но вел лишь обратно в исходную точку — Для смертных.

Элендиль и его сыновья возглавляли небольшую партию «верных», которая не принимала участия в попытке силой захватить власть над миром и бессмертие; при затоплении Нуменора они спаслись; великая буря пригнала их на восток и выбросила на западный берег Средиземья, где они и основали свои королевства. Однако вернуться им было не дано, равно как и прочим смертным; отсюда — их ностальгическая грусть.

Но обещание, данное эльдар (Высоким эльфам, но не другим разновидностям; те давным-давно сделали свой окончательный и

бесповоротный выбор и предпочли Средиземье раю) за их страдания в борьбе с первоначальным Темным Властелином, все равно должно было быть выполнено: состояло же оно в том, что эльфы всегда смогут покинуть Средиземье, если того пожелают, и уплыть за Море на Истинный Запад по Прямому Пути, и так добраться до Эрессэа, — однако тем самым они уйдут из истории и из времени и никогда более не вернутся. Полуэльфы, такие, как Эльронд и Арвеи, вправе выбрать свой род и свою судьбу: выбрать раз и навсегда. Потому столь горько для Эльронда и Арвен их расставание.

Но в данной истории предполагается, что возможны определенные редкие исключения или компромиссы (предполагается на законном основании? исключения, сдается мне, бывают всегда); так что и некоторые «смертные», сыгравшие важную роль в делах эльфов, могут отправиться вместе с эльфами в Эльфийский дом. Например, Фродо (благодаря особому дару от Арвен) и Бильбо, а со временем и Сэм (как предрек Фродо); ив качестве единственного исключения — гном Гимли, как друг Леголаса и «паладин» Галадриэли.

Об этом я в своей книге не упомянул ни словом, но в основе лежит следующая мифическая концепция: для смертных, поскольку их «род» нельзя изменить навечно, это, со всей определенностью — лишь временное вознаграждение: исцеление и воздаяние за страдания. Жить вечно они не могут, и, хотя возвратиться на смертную землю не могут тоже, могут «умереть», и «умрут» — по доброй воле, и покинут мир. (В этих условиях возвращение Артура было бы абсолютно невозможным — как просто-напросто досужий вымысел.)

Мне очень жаль, что Ледяной залив Форохель[285] не сыграл (до сих пор) хоть сколько-нибудь значительной роли. Это название «по-эльфийски» всего-навсего означает «Северный лед»: это все, что осталось от холодов Севера, королевства изначального Темного Властелина более ранних эпох. На самом деле, говорится, будто Арведуи, последний король Арнора, бежал туда и попытался спастись оттуда на корабле, но погиб во льдах; и вместе с ним сгинул последний из *палантири* Северного Королевства.

Боюсь, письмо вышло несообразно длинное; пожалуй, есть в этакой длине что-то от самонадеянности, хотя ваши доброта и интерес послужат мне некоторым оправданием.

Вскорости после вашего визита, столь же приятного, сколь и неожиданного, я сделал копию хронологий Второй и Третьей эпох, вам на прочтение — это лишь анналы, без всяких объяснений. Если они по-прежнему вас интересуют, я их вышлю.

С сожалением обнаружил по возвращении рукописи, что статья про «языки» и тому подобное была отослана в неправленном виде, уйма слов и фраз остались невычеркнутыми, так что местами текст с трудом поддавался прочтению.

Возможно, вам будет небезынтересно узнать, что, как я понял, уже возникла потребность в переиздании «Братства». Впрочем, сдается мне, первый тираж был не то чтобы велик.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

155 К Наоми Митчисон (черновик)

Отрывок из черновика вышеприведенного письма, в итоге не включенный в отосланный вариант.

Боюсь, что в вопросе «магии» и особенно в том, что касается употребления этого слова, я проявил вопиющую небрежность; хотя Галадриэль и прочие, критикуя «смертных», неправильно применяющих это слово, тем самым свидетельствуют, что самая эта мысль возникла не просто так, из ниоткуда. Но это оч. обширный вопрос, и крайне трудный; и история, которая, как вы совершенно правильно указываете, посвящена главным образом мотивациям (выбору, искушениям и т. д.) и намерениям, с которыми используется все то, что есть в мире, вряд ли стоит обременять псевдофилософскими изысканиями! Я вовсе не собираюсь углубляться в дебаты насчет того, реальна ли и возможна ли в мире «магия» в каком-либо смысле этого слова. Но я так понимаю, в контексте данной истории есть, так сказать, скрытое отличие, — то, что некогда называлось отличием между *магией (magia)* и *гоэтейей (goeteia)*[286]. Галадриэль говорит об «обольщениях Врага». Очень хорошо, но *магия* могла считаться и считалась благой (сама по себе), а *гоэтейя* — дурной. Ни то, ни другое в данном предании не являются ни хорошим, ни плохим (само по себе), но лишь в силу мотивации, или цели, или применения. Обе стороны используют и то, и другое, но из разных побуждений. Самый дурной мотив (в рамках данной истории, поскольку именно этому она и посвящена) — это подчинение чужой «свободной» воли. Нельзя сказать, что Враг использует лишь обольщения гоэтейи; нет, пользуется он и «магией», реально воздействующей на физический мир. Однако *магию* свою он использует для того, чтобы подмять под себя все живое и неживое, а *гоэтейю* — чтобы запугивать и подчинять. Используют *магию* и эльфы с Гандальвом (в умеренных количествах): их магия производит реальные результаты (как, скажем, поджигает отсыревший хворост) в определенных благих целях. А вот «гоэтические» эффекты носят исключительно *художественный* характер и на обман не направлены: эльфов они никогда не обманывают (хотя могут обмануть или сбить с толку неподготовленных людей), ведь для эльфов разница столь же очевидна, как для нас — различие между литературным вымыслом, живописью, скульптурой и «жизнью».

Обе стороны пользуются главным образом «обыкновенными» средствами. Враг или те, кто ему уподобились, выбирают

«технику» — с целями губительными и вредоносными, — поскольку «чародеи», привыкшие пускать в ход *магию* главным образом ради утверждения собственной власти, именно так и поступят (и поступают!). Ключевой мотив для Использования *магии* — не вдаваясь в философские рассуждения касательно того, как она сработает, — это непосредственность воздействия: быстрота, сокращение затрачиваемых усилий, а также сведение к минимуму (или к нулю) разрыва между представлением или желанием и результатом или эффектом. Но *магией* не всегда разживешься, и в любом случае, если в вашем распоряжении множество рабов или машин (что на поверку зачастую то же самое), при помощи таких средств можно также быстро или достаточно быстро сокрушить горы, свести под корень леса или выстроить пирамиды. Разумеется, тогда вступает в действие еще один фактор, фактор морали или патологии: тираны уже не видят цели, становятся жестоки, теперь им просто нравится крушить, причинять вред и осквернять само по себе. Вне всякого сомнения, возможно было бы оправдать введение беднягой Лото более производительных мельниц; но не то, как Шарки и Сэндимен ими воспользовались.

Как бы то ни было, характерная особенность использования «магии» в моей истории состоит в том, что ни через «знание», ни через заклинания к ней не приходят; это — врожденная способность, и люди как таковые ею не владеют и обрести ее не в состоянии. «Целительский дар» Арагорна можно рассматривать как «магический», или по крайней мере как сочетание магии, фармацевтики и «гипнотических» приемов. Но о нем (в теории) сообщают хоббиты, с наукой и философией почти незнакомые; в то время как А. — не просто «человек», но через многие поколения — один из «детей Лутиэн»[287].

156 К Роберту Марри, ОИ (черновик)

Ответ на новые комментарии к «Властелину Колец».

4 ноября 1954
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой мой Роб!

Ужасно любезно с твоей стороны написать такое длинное письмо, да еще боюсь, что изнывая от усталости. Отвечаю тотчас же, поскольку преисполнен благодарности и поскольку только так письма у меня без ответа не остаются, и еще главным образом потому, что пакет от тебя пришел как раз тогда, когда я покончил с «домашней работой» — разобрался с протоколами и резолюциями долгого и многословного вчерашнего заседания колледжа (ни одного злоумышленника; всего лишь 24 человека, проявлявших обычную человеческую бестолковость. Я ощущал себя вроде как наблюдателем на заседании хоббитских старейшин, собравшихся, дабы проконсультировать мэра по поводу последовательности и выбора блюд на ширском банкете), — и у меня оказалось свободных полчаса до того, как спускаться вниз по холму{199} на совещание с секретарем колледжа. Вот такого рода фраза удается мне легко и непринужденно…..

Нет, «Смеагол», конечно же, с самого начала полностью продуман не был, но, сдается мне, характер его уже подразумевался и нуждался лишь в проработке. Что до Гандальва: конечно же, покритиковать вовсе не означает примкнуть к П. Г. [288]! Да я бы и сам наговорил бы замечаний куда более уничижительных! Полагаю, в любом крупномасштабном произведении найдутся недочеты; особенно же в тех литературных формах, что основаны на материале более раннем и используют его по-новому: вот взять, например, Гомера, или «Беовульфа», или Вергилия, или греческую и шекспировскую трагедию! В этот класс — как представитель класса, не как конкурент! — «Властелин Колец» как раз и попадает, при том, что основан всего лишь на первых черновиках самого автора! Я полагаю, возвращение Гандальва и в самом деле представлено не лучшим образом; и еще один критик, столь же подпавший под очарование книги, как и вы, как ни странно, использует то же самое выражение: «надувательство». Отчасти причиной тому — вездесущие требования повествовательной техники. Гандальву полагается вернуться в такой-то момент, и здесь же следует

объяснить, каким образом он выжил, во всех допустимых подробностях, — но сюжет развивается стремительно, невозможно тормозить повествование ради пространных рассуждений, задействующих весь «мифологический» фон. И так-то без небольшой задержки не обойтись; хотя рассказ Г. о себе я безжалостно урезал. Возможно, мне следовало бы слегка прояснить дальнейшие замечания в т. II (и т. III), относящиеся к Г. или вложенные в его уста, но я умышленно сводил все аллюзии на высшие материи к всего лишь намекам, заметить которые способны лишь самые внимательные, либо оставлял их в виде символов, вовсе никак не объясненных. Так что Господь и «ангелические» боги, Владыки или Власти Запада, лишь едва-едва проглядывают в таких местах, как, скажем, разговор Гандальва с Фродо: «за всем этим действует некая иная сила — превыше любых замыслов создателя Кольца»; или в нуменорской молитве Фарамира за трапезой.

Гандальв действительно «умер» и был преображен: и это кажется мне единственным настоящим надувательством — изобразить то, что может быть названо «смертью», как если бы оно не имело ни малейшего значения. «Я — Г. *Белый*, возвратившийся из пределов смерти». Возможно, ему скорее следовало сказать Змиеусту: «Я не для того прошел сквозь смерть (*не* «огонь и воду»), чтобы перебрасываться лукавыми словесами со слугой». И так далее. Я мог бы добавить еще многое, да только оно посодействует лишь разъяснению (возможно, занудному) «мифологических» идей, существующих в моем сознании; боюсь, оно не устранит того факта, что возвращение Г., так, как оно представлено в этой книге, — «недочет», который я вполне сознаю и, возможно, не исправил лишь потому, что недостаточно постарался. Но Г., конечно же, вовсе не принадлежит к людскому роду (он — не человек и не хоббит). И, разумеется, в современном языке не найдется термина для описания того, что же он на самом деле такое. Я бы дерзнул сказать, что он — *воплощенный* «ангел»: в прямом смысле слова ἄγγελος[289], строго говоря: то есть один из *истари*, магов, «тех, кто знает», посланец от Владык Запада, отправленный в Средиземье, когда на горизонте замаячила великая угроза Саурона. Говоря «воплощенный», я имею в виду, что они облеклись в физические тела, способные испытывать боль, и усталость, и угнетать дух физическим страхом, и быть «убитыми», хотя, поддерживаемые ангелическим духом, они могли просуществовать весьма долго, и признаки утомления от забот и трудов проявлялись в них крайне медленно.

То, зачем им понадобилось облекаться в такую форму,

связано с «мифологией» «ангелических» Властей мира этой легенды. На данном этапе легендарной истории цель как раз и состояла в том, чтобы ограничить и воспрепятствовать демонстрации их «силы» на физическом плане, дабы они делали все то, для чего главным образом были посланы: учили, советовали, наставляли, воодушевляли сердца и умы тех, кому угрожал Сау-рон, вдохновляя их на сопротивление своими силами; а не просто исполняли за них всю работу. Таким образом, маги являлись в обличий «престарелых» мудрецов. Но в данной «мифологии» все «ангелические» стихии, связанные с этим миром, были способны на заблуждения и слабости самых разных уровней: от абсолютного сатанинского бунта и зла Моргота и его приспешника Саурона до бездеятельности некоторых иных стихий или «богов» высшего порядка. И «маги» исключения не составляли; напротив, как существа воплощенные, еще больше тяготели к заблуждениям и ошибкам. Гандальв единственный выдержал испытания до конца, по крайней мере, в морально-этическом плане (он способен на ошибочные суждения). Ибо в его положении погибнуть на Мосту, защищая своих спутников, было *самопожертвованием*, возможно, меньшим, нежели для смертного человека или хоббита, поскольку он обладал куда большей внутренней силой; но при этом и большим, ибо означало смирение и самоотречение в соответствии с «Правилами»; ведь на тот момент он знал лишь, что только он *один* способен успешно возглавить сопротивление Саурону, и вся *его* миссия пошла прахом. Он вверялся Высшей Власти, установившей Правила, и отказывался от личной надежды на успех.

Именно этого, сказал бы я, Высшая Власть и желала, как противопоставление Саруману. «Маги» как таковые потерпели неудачу; или, если хотите, кризис слишком обострился и силу требовалось умножить. Так что Гандальв принес себя в жертву, был принят, наделен еще большей силой и возвратился. «Да, так звучало это имя. Я был Гандальв». Разумеется, он остается тем же и по характеру, и по манере держаться, но и мудрость его, и могущество возросли несказанно. Стоит ему заговорить, и внимание всех приковано к нему; прежний Гандальв не смог бы так обойтись с Теоденом, не говоря уже о Сарумане. Он по-прежнему обязан скрывать свою силу и скорее наставлять, нежели заставлять и подчинять чужую волю, однако там, где физическая мощь Врага слишком велика для того, чтобы добрая воля его противников имела успех, при крайней необходимости Гандальв может выступить как «ангел» — воспользовавшись методами не более насильственными, нежели в эпизоде с избавлением святого Петра из темницы. К этому он прибегает нечасто и действовать

предпочитает через других, однако в одном-двух случаях в ходе Войны (в т. III) он и впрямь внезапно являет свое могущество: он дважды спасает Фарамира. Он единственный, кто остается преградить вход Предводителю Назгул в Минас Тирит, когда город повержен, а Врата разрушены, — и все-таки столь мощна волна людского сопротивления, которое сам же Гандальв вдохновил и организовал, что в итоге в битву эти двое не вступают: эта миссия переходит в руки других смертных. В финале, прежде, чем уйти навсегда, Гандальв подводит итог тому, что он такое: «Я был противником Саурона». Он мог бы добавить: «За этим меня и послали в Средиземье». Но под этими словами в конце он разумел бы нечто большее, нежели в начале. Послан он был в соответствии с просто-напросто благоразумным планом ангелических Валар, или управителей; но Высшая Власть этот план подхватила и расширила в тот самый миг, когда он закончился провалом. «Нагим прислан я назад — на краткий срок, до тех пор, пока не исполню назначенного мне». Прислан назад — кем и откуда? Не «богами», ведь их дело — только этот, воплощенный мир и его время; а Гандальв ушел «за пределы мысли и времени». «Нагой» — увы! — не вполне понятно. Это следовало воспринять буквально, «нагишом, точно младенец» (не развоплощенный), и, следовательно, готовый облечься в белые одежды высших. Сила Галадриэли не заключает в себе ничего божественного, так что его исцеление в Лориэне, как подразумевается, явилось не более чем физическим исцелением и восстановлением сил.

Однако если изображать «смерть» как нечто, значения не имеющее, — это «надувательство», то не следует забывать и о телесной оболочке. Возможно, Гандальв и обрел большую силу (то есть в контексте данной легенды, святость), но, оставаясь по-прежнему воплощенным, он по-прежнему обречен терзаться тревогой, и беспокойством, и нуждами плоти. У него не больше (если не меньше) уверенности и свободы, нежели, скажем, у живого теолога. В любом случае в моем изображении ни одно из существ «ангельской» природы не знает будущего целиком и полностью, да, собственно говоря, не знает вообще в том, что касается чужой *воли*. Отсюда — их постоянный соблазн совершить (или попытаться совершить) то, что для них *предосудительно* (и губительно): принудить меньшие воли силой: через благоговение, если не прямо посредством страха или физического подчинения. Но что именно боги знают об истории Мира и какую роль боги сыграли в его созидании (до того, как мир обрел воплощение или стал «реальностью») — откуда они черпают свои познания о будущем, те, что есть, — это все часть

основной мифологии. Там, по крайней мере, показано, что вторжение эльфов и людей в историю к богам никакого отношения не имеет, но задумано заранее: потому эльфы и люди звались Детьми Господними; и потому боги либо любили, либо ненавидели их особенно остро: поскольку связь Детей с Творцом равнозначна их собственной, хотя в силе они богам и уступают. Вот такова мифологически-теологическая ситуация на данный исторический момент, изображенная вполне подробно и ясно, хотя сами тексты до сих пор не опубликованы.

Люди «пали» — любые легенды, облеченные в форму вымышленной древней истории нашего, здешнего мира, не могут этого не признавать, — но народы Запада, те, что на стороне добра, вернулись ко благу. То есть они — потомки людей, которые попытались раскаяться и бежали на Запад от власти Изначального Темного Властелина и его ложного культа, и по контрасту с эльфами возродили (и обогатили) свои познания об истине и природе Мира. Таким образом, они бежали от «религии» в языческом смысле в чисто монотеистический мир, в котором все предметы, существа и стихии, что могли бы показаться достойными поклонения, поклонению не подлежат, в том числе и боги (Валар), будучи не более чем созданиями Единого. А Он — бесконечно далек.

Высокие эльфы были изгнаны из Благословенного Королевства Богов (после их собственного, отдельного эльфийского падения), и «религии» (или, скорее, религиозных обрядов) у них не было, ибо обряды пребывали в руках богов, восхваляющих и почитающих Эру, «Единого», *Илуватара*, Отца Всего Сущего, на горе Амана.

Высшие среди людей, представители Трех Домов, что помогали эльфам в решающей Войне против Темного Властелина, получили в награду дар — Землю Звезды, или Западную землю (=Нуменор), остров, что находился западнее всех смертных земель, почти в пределах видимости Эльфийского дома (Эльдамара) у побережья Благословенного Королевства. Там они стали нуменорцами, Королями Людей. Им был отпущен тройной срок жизни, но не эльфийское «бессмертие» (каковое не вечно, но измеряется продолжительностью существования Земли); ведь в контексте данной мифологии считается, что «смертность», или краткий срок, и «бессмертие», или неопределенный срок — часть того, что мы назвали бы биологической и духовной *природой* Детей Господа, людей и эльфов (перворожденных) соответственно, и *не* может быть изменена никем (даже Властью или божеством), и не будет изменена Единым, если не считать тех странных исключений из всех правил и установлений, что словно

бы возникают в истории Вселенной и являют Перст Господень как единственную целиком и полностью свободную Волю и Действующую Силу{200}.

Таким образом, нуменорцы начали великое новое благо, и как монотеисты; но, подобно иудеям (только в большей степени) с одним-единственным вещественным центром «поклонения»: вершиной горы Менельтарма, «Столп Небес» — буквально, ибо они не воспринимали небо как обитель богов, — в центре Нуменора; однако там не было ни строения, ни храма, поскольку все это вызывало дурные ассоциации. Однако люди «пали» снова — неизбежно, из-за Запрета или воспрещения. Им не разрешалось плавать на запад за пределы видимости своей собственной земли, поскольку им не дозволялось быть или пытаться стать «бессмертными»; а в этом мифе Благословенное Королевство представлено как область реального мира, до сих пор обладающая реальным физическим бытием, — нуменорцы, будучи великими мореходами, вполне могли доплыть туда на кораблях. Пока нуменорцы не выходили из повиновения, обитатели Благословенного Королевства часто их навещали, так что познания и искусства нуменорцев достигли почти эльфийских высот.

Однако близость Благословенного Королевства, сама продолжительность их жизни, дарованная в награду, и возрастающее наслаждение жизнью привели к тому, что нуменорцы возжаждали «бессмертия». Запрета они не нарушали, но преисполнились недовольства. Вынужденные плавать на восток, они, появляясь на берегах Средиземья, от благодеяний перешли к гордыне, жажде богатства и могущества. Так они вступили в конфликте Сауроном, местоблюстителем Изначального Темного Властелина, который вновь обратился ко злу и теперь претендовал на власть королевскую и божественную над людьми Средиземья. Именно по поводу королевской власти Ар-фаразон{201} 13-й[290], самый могущественный из королей Нуменора, в первую очередь и бросил ему вызов. Королевская армада, причалившая в гавани Умбара, оказалась так велика, а нуменорцы в расцвете славы — столь грозны и блистательны, что слуги Саурона его покинули.

И Саурон прибег к хитрости. Он покорился и был увезен в Нуменор как заложник и пленник. Но он, конечно же, был существом «божественной» природы (в терминах данной мифологии; один из меньших представителей народа Валар) и потому слишком могуществен, чтобы его удалось подчинить таким образом. Он сам постепенно подчинил себе разум Арфаразона{202} и в конце концов склонил ко злу многих

нуменорцев, уничтожил само представление об Эру, выставив его лишь выдумкой Валар или Владык Запада (вымышленный авторитет, к которому они взывают, если кто-либо оспаривает их власть), и утвердил взамен сатанистскую религию с огромным храмом, культ изгнанного старшего из Валар (мятежного Темного Властелина Первой эпохи)[203]. Наконец он подстрекает Ар-фаразона, напуганного приближением старости, построить величайшую из флотилий, выступить с войной против самого Благословенного Королевства и силой отвоевать для себя и Королевство, и связанное с ним «бессмертие»[204].

На этот чудовищный мятеж у Валар ответа не было — ибо на Детей Господа их юрисдикция в конечном счете не распространялась; Валар не дозволялось уничтожать их или принуждать их, демонстрируя ту «божественную» власть, которой они обладали над физическим миром. Валар воззвали к Господу; и произошло катастрофическое «изменение замысла». В момент, когда Арфаразон ступил на запретный берег, возник разлом: Нуменор обрушился и канул в бездну; флотилию поглотила пучина, а Благословенное Королевство оказалось навеки изъято из кругов физического мира. После того можно было обойти на корабле вокруг света — и так и не найти его.

Так сгинул Нуменор-Атлантида и вся его слава. Но, как в истории Ноя, небольшая группа Верных Нуменора, отказавшихся участвовать в мятеже (хотя многие из них были принесены в жертву в Храме приверженцами Саурона) спаслись на Девяти Кораблях (т. I. 379, т. И. 202) под предводительством *Элендиля* (=Эльфвине, Друг эльфов) и его сыновей *Исильдура* и *Анариона* и основали своего рода поблекшее подобие Нуменора в Изгнании на берегах Средиземья — унаследовав ненависть Саурона, дружбу с эльфами, знание об Истинном Боге и (что печальнее) тоску по долгожительству и традицию бальзамирования и возведения роскошных гробниц — их единственных или почти единственных «святилищ». Однако «святилище» Господа и Гора погибли, и замены им, по сути дела, не было. Также, когда пришел конец «Королям», никакого эквивалента «священству» тоже не осталось: эти два понятия в сознании нуменорцев отождествлялись. Так что в то время, как Бог (Эру) был данностью философии «хороших» нуменорцев[205] и основным фактом в их представлении об истории, во времена Войны Кольца Ему не поклонялись и святилищ не возводили. Такой вариант «истины по умолчанию» был характерен для Запада и всей области под нуменорским влиянием: по сути дела, дальше отказа поклоняться какому бы то ни было «творению» и превыше всего — «темному властелину» или сатанинскому демону, Саурону или любому другому, они не

шли. У них (как мне кажется) не было просительных молитв к Господу; но обычай благодарения не исчез бесследно. (Те, что находились под особым влиянием эльфов, могли взывать к ангелическим стихиям о помощи, перед лицом непосредственной опасности или в страхе перед жестокими врагами{206}.) Позже выясняется, что на Миндоллуине было «святилище», доступ к которому имел только Король; там в древние времена он возносил благодарность и хвалу от имени своего народа; однако о том давно позабыли. Вновь туда вступил Арагорн; там он отыскал росток Белого Древа и пересадил его во Двор Фонтана. Следует предположить, что с возрождением наследственных королей-священников (прародительницей которых была Лутиэн, Благословенная эльфийская дева) поклонение Богу возобновится и Его Имя (или именование) будет звучать чаще. Однако, пока длится влияние нуменорцев, *храмов* Истинного Бога возводить не будут.

Однако они все еще жили на границах мифа — или, скорее, эта повесть изображает, как «миф» перетекает в Историю, или Владычество Людей; поскольку, конечно же, Тень так или иначе воспрянет снова (как недвусмысленно предсказано Гандальвом), но никогда более (разве что перед великим Завершением) дух зла не воплотится вновь как враг физический; он станет направлять людей и все запутанные сложности «меньшего зла» и «сомнительного добра», и сумерек сомнений касательно сторон, — такие ситуации ему особенно милы (вы видите, как они возникают уже в Войне Кольца, в которой стороны разграничены далеко не столь однозначно, как утверждают некоторые критики): они станут и нашим более непростым уделом — да, собственно, уже и стали. Но, если вы представите себе людей в таком мифическом состоянии, где Зло по большей части воплощено и где физическое сопротивление Злу есть величайшее деяние верности Господу, думаю, «хорошие люди» именно в таком состоянии и окажутся: сосредоточатся на отрицании, на противлении лживому, в то время как «истина» остается понятием, скорее, философским и историческим, нежели религиозным.

Но «маги» ни в коей мере и ни в каком смысле не являются «сомнительными». Только не у меня. Передо мной стоит сложная задача: подобрать английские соответствия для мифологических существ с иными названиями, поскольку люди не «воспримут» череду эльфийских слов, а я бы предпочел, чтобы они восприняли моих легендарных созданий даже при наличии ложных ассоциаций «перевода», нежели не восприняли вовсе.

Даже гномы (*dwarfs*) на поверку вовсе не германские «гномы»

(*Zwerge, dweorgas, dvergar*); чтобы это подчеркнуть, я и зову их *«dwarves»*. По природе своей они вовсе не злы и совсем не обязательно враждебны, и представляют собою вовсе не подобие личинок, что плодятся в камне, но одну из разновидностей воплощенных разумных созданий. «Истари» переведено как «маги» (*wizards*), поскольку слово «wizard» соотносится со словом *«wise»* (мудрый), и, значит, с «веданием» (*witting*) и знанием. На самом деле они — посланники с Истинного Запада и опосредованно от Господа, отправленные именно для того, чтобы упрочить сопротивление «добра», когда Валар осознали, что тень Саурона вновь обретает форму.

Черновик заканчивается рассуждением о природе *истари* и смерти и реинкарнации Гандальва, сходным с отрывком на ту же тему в начале письма.

157 Из письма к Катерине Фаррер 27 ноября 1954

11 ноября был опубликован второй том «Властелина Колец» под названием «Две крепости».

Я чувствую себя сущим подлецом: я ведь знал, что вы и болеете, и на вас свалились всяческие неприятности, а я так и не написал ни разу, и не зашел, и помощи не предложил (и даже не посочувствовал). А ведь, вы не поверите, всякий день собирался! В любых глазах, кроме ваших, исполненных милосердия, я бы показался «другом» из породы тех, что обрушивают на вас свои труды, когда у вас и без того дел невпроворот, упиваются похвалами и одобрением, рассчитывают на рецензии, а едва вы начинаете сдавать, только их и видели…..

Разумеется, финансовые трудности — проблема, мне очень понятная. Настоящий отпуск должен быть не просто «оплаченный», но «больше, чем оплаченный». Готов поручиться, где-то непременно существуют фонды, предназначенные как раз для такого случая. А ежели фонды найти и «подоить» не удастся, *ничто* не доставит мне такого удовольствия, как выступить в этой роли. Я, например, *с легкостью* уделил бы 50 фунтов (и *более*, если жалованье мне таки повысят). Но, возможно, слова мои покажутся неуместной дерзостью. Ежели так, то забудьте их. (Могу лишь сказать, что Тринити обошелся со мной крайне великодушно, когда в первые военные годы я оказался в жутко стесненных обстоятельствах[291], и мне хотелось бы выразить свою признательность именно так — посодействовать его самому выдающемуся на данный момент члену с супругой «на пути к солнцу».) Благослови Господь вас обоих…..

Возвращаю вашего Льюиса[292]. Высылаю также экземпляр «Энкаунтера», в котором прогремел один из оденовских залпов: примерно все то же самое, только подлиннее, чем в «Н.Й.С. таймс»[293]. «Энкаунтер» я раздобыл для вас, так что возвращать не нужно. Энты в общем и целом вроде бы имеют успех (даже у Мьюира)[294]; но О. как критик куда лучше. Как это у меня обычно происходит, они, скорее, выросли из имени, нежели наоборот. Мне всегда казалось, что надо что-то сделать с любопытным а. — саксонским словечком *ent*, означающим «великана» или могучее существо давних времен — кому приписываются все древние сооружения. А если в нем ощущается еще и легкий философский оттенок (хотя в обыкновенной филологии слово «никак не

связано с причастием настоящего времени глагола *to be*»), так меня это тоже заинтриговало.

Я безнадежно запаздываю с «Приложениями» к т. III; вечно отвлекает то одно, то другое, да и Крист. слишком завален делами, чтобы помогать с картами. Просто ничего не попишешь. Что называется, влип.

158 Из письма к Рейнеру Анвину 2 декабря 1954

Комментарий по поводу «рекламки» на суперобложке издания «Хоутон-Мифлин» «Двух крепостей».

У меня только-только руки дошли глянуть на то, что там Х. М. понаписали на «супере»….. Такой отзыв мог состряпать лишь человек, книги не читавший, а знающий о ней лишь понаслышке, притом что и запомнил неточно. Это «выбалтывание сюжета», разумеется, процедура дурацкая (и никому не нужная); но, по крайней-то мере, выбалтывать стоит сюжет той книги, о которой, собственно, и идет речь. Или таковы правила игры?

159 Из письма к Доре Маршалл 3 марта 1955

Ответ на письмо читательницы «Властелина Колец».]

Опубликовать свою книгу я смог лишь с превеликим трудом (на это ушло несколько лет), и трудно сказать, кто больше удивляется результату, я сам или издатели! И тем не менее не устаю ликовать, что вера моя оправдалась: что «волшебная сказка» — на самом деле взрослый жанр, и для него вполне существует изголодавшаяся аудитория. Примерно то же самое я писал в своем эссе о волшебных сказках в сборнике, посвященном памяти Чарльза Уильямса. Но то было лишь предположение, не более — нуждающееся в доказательстве. Как давным-давно сказал мне К. С. Льюис, приблизительно в следующих словах (полагаю, я запоминаю его изречения ничуть не более точно, чем он — мои: я зачастую обнаруживаю, что мне в его работах приписываются престранные высказывания) — «если никто упорно не желает писать те книги, что нам хотелось бы читать, придется написать их самим; вот только тяжкая это повинность». Льюис — человек невероятной силы и трудолюбия, так что его «трилогия» была закончена куда раньше и при избытке другой работы; но наконец и моя более мешкотная и педантичная машина (равно как и более ленивая и менее организованная) произвела некий результат. Труда-то сколько! Я своими руками почти все это перепечатал дважды, а отдельные части — и того чаще; не говоря уже об этапах переписывания! Но я щедро вознагражден и ободрен, обнаружив, что старания мои не пропали даром. Одного такого письма, как ваше, уже достаточно — оно «даст все, о чем бы авторы радели»{207}.

Я хорошо знал Чарльза Уильямса в последние несколько лет его жизни: отчасти благодаря похвальной привычке Льюиса писать понравившимся авторам (так мы оба с Уильямсом и познакомились); а главным образом из-за того, что — нет худа без добра, — Уильямса во время войны перевели в Оксфорд. Но не думаю, что мы друг на друга хоть как-то влияли! Слишком уж мы «устоявшиеся» и слишком разные. Мы оба слушали (на квартире у К. С. Л.) пространные и по большей части невразумительные отрывки из произведений друг друга, зачитываемые вслух; потому что К. С. Л. (удивительный человек!), похоже, умудрялся ценить нас обоих. Но, думаю, мы оба находили образ мыслей друг друга (или скорее способ выражения

и настрой) столь же чуждым в контексте «литературы», сколь наслаждались обществом друг друга и беседой.

160 Из письма к Рейнеру Анвину 6 марта 1955

Толкин передал в издательство часть материалов для Приложений к тому III «Властелина Колец», и «Аллен энд Анвин» настойчиво требовало остального. 2 марта Рейнер Анвин написал Толкину, умоляя переслать тексты; в противном случае издателям придется «уступить давлению, ибо сроки поджимают все больше и опубликовать [третий том] без всяких дополнительных материалов».

Вынужден принять ваш вызов. Придется обойтись тем материалом, что я смогу предоставить к вашему возвращению. Я надеюсь, карту, без которой на самом деле никак нельзя, включить удастся.

Теперь я уже жалею, что наобещал всяческих приложений! Потому что, думается мне, в усеченном и сжатом виде они никого не удовлетворят; меня — так точно нет; а из (жуть какой уймы) писем, которыми меня заваливают, явствует, что и читатели, которым это все по душе, довольными не останутся — а их на удивление много; в то время как те, кто восприняли книгу всего лишь как «роман героического жанра» и сочли «неразъясненные перспективы» частью литературного эффекта, приложения просто-напросто проигнорируют и будут правы.

Теперь я уже совершенно не уверен в том, что тенденция воспринимать все это как своего рода грандиозную игру на самом деле так уж хороша — по кр. мере для меня, для кого такие вещи обладают слишком уж фатальной притягательностью. Полагаю, то, что столь многие жаждут «информации» как таковой или «знания» — это дань любопытному эффекту, производимому историей, когда в основе ее — тщательно и детально проработанные и продуманные география, хронология и язык. Однако, чтобы удовлетворить требования этих людей, понадобилась бы еще одна книга, размером по меньшей мере с т. I.

В любом случае, «фоновый» материал крайне запутан, при отсутствии точности абсолютно бесполезен, и сокращение его до допустимых пределов никакого удовлетворительного результата не даст. Он требует самого пристального внимания (и свободного времени), а поскольку представляет собою неразделимое целое, по кускам с ним не справишься. Я убедился в этом с тех пор, как

часть из рук выпустил.

161 Из письма к Рейнеру Анвину 14 апреля 1955

Эта карта — сущий ад! Я не так тщательно отслеживал расстояния, как следовало бы. Сдается мне, крупномасштабная карта просто-напросто выдает все слабые места — и в придачу должна хоть сколько-то отличаться от уже напечатанной мелкомасштабной карты с вкраплениями картинок. Возможно, на сей раз приеду без нее!

162 Из письма к Рейнеру Анвину 18 апреля 1955

Я отослал отдельным заказным письмом замечательную карту, перерисованную Кристофером с крупномасштабного черновика, набросанного мною для той области, в которой главным образом и разворачивается действие тома III.

Надеюсь, вы ее одобрите….. Масштаб (как я заметил, Кристофер его не проставил) увеличен ровно в 5 раз в сравнении с общей картой.

163 К У. Х. Одену

Одену, который опубликовал «Братство Кольца» в «Нью-Йорк таймс бук ревью» и в «Энкаунтер», выслали корректуру третьего тома, «Возвращение Короля». Оден написал Толкину в апреле 1955 г., задавая различные вопросы, возникшие в ходе чтения книги. Ответ Толкина не сохранился (Оден обычно выбрасывал письма по прочтении). 3 июня Оден написал еще раз, сообщая, что его пригласили выступить на тему «Властелина Колец» по третьей программе Би-би-си в октябре. Он спрашивал Толкина, не хочет ли тот, чтобы в выступлении прозвучали какие-то конкретные вещи, и не добавит ли он несколько «чисто человеческих штрихов» на тему того, как была написана книга. Ответ Толкина сохранился, поскольку в этом случае, — и когда он писал Одену впоследствии, — он сберег экземпляр, отпечатанный «под копирку», с которого и снят этот текст.

7 июня 1955
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой Оден!

Был очень рад получить от вас весточку и счастлив узнать, что вы не умерли со скуки. Боюсь, ждет вас еще одно длиннющее письмо; ну да делайте с ним что хотите. Печатаю на машинке, чтобы по крайней мере читалось быстро. Вот уж не думаю, что я такая важная птица. Я написал Трилогию[295] собственного удовольствия ради, вынужденный к тому скудностью литературы того сорта, что мне хотелось читать (да и та, что была, зачастую содержала массу примесей). Тяжкий труд; и, как говорит автор «Ancrene Wisse» в конце своего сочинения: «Я бы охотнее, Господь мне свидетель, дошел бы пешком до Рима, нежели заново взялся за эту работу!» Но, в отличие от него, я не сказал бы: «Читайте от сей книги понемногу на досуге всякий день; уповаю, что, если станете обращаться к ней часто, она принесет вам немалую пользу; а иначе дурно потратил я все эти долгие часы». О пользе или удовольствии для других я не слишком-то задумывался; хотя на самом-то деле никто не может писать или производить чего бы то ни было исключительно для себя.

Однако же, когда Би-би-си приглашает такого авторитета, как вы, для публичного выступления на тему Трилогии, и не без

ссылок на автора, самый скромный (или, во всяком случае, застенчивый) из людей, чей инстинкт подсказывает облекать то, что сам он о себе знает и свое недовольство жизнью, как она ему видится, в одеяние легенд и мифов, не может не воспринять это в личном ключе, — и скажу, что прелюбопытное и непростое это дело — выразиться и кратко, и точно.

«Властелин Колец» как произведение был закончен настолько давно, что теперь я уже могу взглянуть на него по большому счету беспристрастно и всласть посмеяться над «интерпретациями»; и даже теми, что мог бы предложить сам, по большей части в виде *постскриптума*: какой момент ни возьми, я не имел в виду практически никакой особой, осознанной, интеллектуальной концепции{208}. Если не считать нескольких намеренно уничижительных рецензий, — как, скажем, в «Нью стейтсмен» на т. II[297], в которой нас с вами бичевали такими определениями, как «подростковый» и «инфантилизм», — то, что восприимчивые читатели почерпнули из книги или усмотрели в ней, кажется вполне обоснованным, даже если сам я с этим не согласен. За исключением, конечно, любых «интерпретаций» в духе простой аллегории: то есть как нечто отдельно взятое и злободневное. В более широком смысле, полагаю, вообще невозможно написать «историю», которая не была бы аллегоричной пропорционально тому, как она «оживает»; ведь каждый из нас — это аллегория, воплощенная в отдельной повести и облаченная в одежды времени и места, универсальной истины и вечной жизни. В любом случае на большинство читателей, которым понравился «Властелин Колец», книга произвела впечатление в первую очередь как увлекательная история; именно так она и сочинялась. Хотя, конечно же, от вопроса «о чем все это?» через такой черный ход не сбежишь. Это все равно что отвечать на вопрос эстетического характера, рассуждая о какой-нибудь чисто технической подробности. Думаю, что, если в определенный момент правильно выбрать, что такое «хорошее повествование» (или «хорошая драматургия»), то и описанное событие окажется самым что ни на есть «важным».

Возвращаясь, если можно, к «человеческим Штрихам» и вопросу о том, когда я все это начал. Это все равно что спрашивать у человека, откуда пошел язык. Это неизбежное, хотя и обусловленное внешними обстоятельствами, развитие заложенного при рождении. Оно всегда было со мною: чуткость к лингвистическим моделям, которые воздействуют на мои чувства, подобно цвету или музыке; страстная любовь ко всему растущему; и глубокий отклик на легенды (за отсутствием лучшего слова), в которых есть то, что я назвал бы северо-западным темпераментом

и температурой. В любом случае, если хотите написать такого рода историю, необходимо обратиться к корням; и уроженец северо-запада Старого Света устремится сердцем и изберет местом действия для своей повести воображаемый мир с такой атмосферой и таким местоположением: чтобы на Западе раскинулось Безбрежное Море его бесчисленных предков, а на Востоке простирались бескрайние земли (откуда по большей части приходят враги). Хотя, в придачу, в сердце своем он может помнить, даже будучи отрезан от какой бы то ни было устной традиции, распространенные по всему побережью слухи о Людях из-за Моря.

Я заговорил про «сердце», поскольку есть у меня так называемый «комплекс Атлантиды». Возможно, унаследованный, хотя родители мои умерли слишком рано, чтобы я успел узнать о них такие вещи, и слишком рано, чтобы передать эти сведения на словах. В свою очередь унаследованный от меня (как мне кажется) лишь одним из моих детей[298], хотя вплоть до недавнего времени я этого за своим сыном даже не подозревал, а он не знал ничего подобного про меня. Я имею в виду повторяющийся ночной кошмар (начинающийся с воспоминания) о Великой Волне, что, вздымаясь до неба, неотвратимо надвигается и погребает под собою деревья и зеленые поля. (Я завещал этот сон Фарамиру.) Кажется, этот сон перестал мне сниться с тех пор, как я написал «Низвержение Нуменора» как последнюю из легенд Первой и Второй эпох.

По происхождению я — уроженец Западного Мидлендса (ранний вариант западно-мидлендского среднеанглийского полюбился мне как язык уже знакомый, едва попавшись мне на глаза), но, возможно, одно из обстоятельств моей жизни отчасти объяснит, почему «атмосфера северо-запада» привлекает меня и как «дом родной», и как нечто обретенное. Собственно говоря, родился я в Блумфонтейне, так что все глубоко вживленные впечатления и укоренившиеся образы раннего детства, — эти яркие картинки, до сих пор доступные для изучения, — для меня это жаркая, выжженная солнцем страна. Мои первые рождественские воспоминания — это палящее солнце, задернутые занавески и жухлый эвкалипт.

Боюсь, я начинаю невыносимо занудствовать и что-то уж больно много всего понаписал, куда больше, чем «сей презренный тип пред вами» заслуживает. Но, раз уж взялся за тему столь животрепещущую, как ты сам, то остановиться куда как непросто. Что до обусловленности: я отдаю себе отчет главным образом в обусловленности лингвистической. Я учился в школе короля Эдуарда и большую часть времени посвящал изучению

латинского и греческого; но занимался и английским. Не английской литературой, нет! Если не считать Шекспира (которого я всем сердцем терпеть не мог), с поэзией я имел дело главным образом тогда, когда нас заставляли худо-бедно переводить стихи на латынь. Неплохой способ знакомства, хотя и несколько бессистемный. Я имею в виду, я усвоил кое-что насчет английского языка и его истории. В школе я учил англосаксонский (а еще — готский, но это — чисто случайно, совершенно вне учебной программы, хотя случайность оказалась решающей: через готский я открыл не только современную историческую филологию, созвучную моим историческим и научным наклонностям, но еще впервые в жизни — изучение языка просто удовольствия ради: я имею в виду ради сильнейшего эстетического наслаждения, которое дарит язык сам по себе, освобожденный не только от соображений пользы, но даже от функции «проводника литературы»).

Получается две нити или даже три. С самого детства меня завораживали валлийские названия, пусть даже увиденные на вагонах с углем: вот вам еще одна ниточка; хотя, когда я принимался расспрашивать, мне лишь выдавали книги, для ребенка непонятные. Валлийский я начал изучать только в студенческие годы и обрел в нем неиссякаемый источник лингво-эстетического удовольствия. Добавьте сюда еще и испанский: мой опекун был наполовину испанец, и еще подростком я таскал у него книги и пытался выучить язык — единственный из романских языков, доставляющий мне то особенное наслаждение, о котором я говорю, — и это не вполне то же самое, что просто восприятие красоты: я чувствую красоту, скажем, итальянского или, если на то пошло, современного английского (который моему личному вкусу абсолютно не близок): оно больше похоже на потребность в жизненно необходимой пище. Вероятно, наиболее важным событием после готского стало обнаружение в библиотеке Эксетер-Колледжа, где мне полагалось готовиться к «онор-модерейшнз», финской грамматики. Все равно что найти винный погреб, доверху наполненный бутылками потрясающего вина, причем такого букета и сорта, какого ты в жизни не пробовал. Я просто опьянел; я оставил попытки изобрести «не сохранившийся в письменном виде» германский язык; а фонетика и структура моего «личного языка» — или череды придуманных языков — приобрела отчетливый финский колорит.

Разумеется, все это — дело прошлое. С течением времени лингвистические предпочтения меняются, как и все остальное, либо колеблются между двумя полюсами. Ныне настала очередь латыни и островных кельтских языков; и тут же маячит

великолепно согласованный и структурированный (пусть и по несложным моделям) англосаксонский, а чуть подальше — древнеисландский вместе с сопредельным, но чуждым финским. Не назвать ли это все «римско-британским»? С мощной, хотя и более сравнительно недавней струей из Скандинавии и Балтики. Что ж, дерзну предположить, что подобные лингвистические предпочтения, с должной поправкой на поверхностный лоск образования, в качестве теста на происхождение не хуже или даже лучше, чем группы крови.

Все это для историй — только фон, хотя языки и имена для меня от сюжета неотделимы. Они являются и являлись, так сказать, попыткой создать фон или мир, в котором могли бы найти выражение мои лингвистические вкусы. Истории возникли сравнительно поздно.

Впервые я попытался написать историю в возрасте лет семи. Причем про дракона. Я ничего о ней не помню, за исключением одного-единственного филологического факта. Моя матушка насчет дракона ни слова не сказала, зато обратила мое внимание на то, что говорить следует не «зеленый огромный дракон», а «огромный зеленый дракон». Я еще недоумевал, почему; недоумеваю и по сей день. Тот факт, что я это запомнил, возможно, что-то значит; хотя бы потому, что, сдается мне, на протяжении многих лет я историй больше не писал, а увлекся языком.

Я упомянул финский потому, что именно он дал толчок историям. Меня чем-то бесконечно привлекала атмосфера «Калевалы», даже в бездарном переводе Керби. Финский я толком так и не выучил, мог лишь с трудом продираться через отрывок-другой оригинала, точно школьник с Овидием; меня главным образом занимало влияние финского на «мой язык». Но начало легендариуму, частью которого (завершающей) и является Трилогия, положила попытка переделать часть «Калевалы», в частности историю о злосчастном Куллерво, и облечь этот материал в собственную форму. Это началось, как я уже сказал, в период «онор-мод.»; и чуть не обернулось катастрофой, поскольку я едва не лишился стипендии, и, чего доброго, вылетел бы из университета. Скажем, примерно в 1912—13 гг. По мере того как эта штука продвигалась, я, собственно говоря, писал в стихах. Хотя первое настоящее предание этого воображаемого мира, сложившееся практически целиком таким, как оно выглядит сейчас, было написано в прозе во время отпуска по болезни в конце 1916 г.: «Падение Гондолина», которое у меня хватило нахальства зачитать в Эссеистском клубе Эксетер-Колледжа в 1918 г.[299]. Я много чего еще понаписал в госпиталях, прежде чем

Первая мировая закончилась.

По возвращении я продолжил; но когда я попытался опубликовать хоть что-нибудь, я не преуспел. «Хоббит» изначально был произведением совершенно независимым, хотя неизбежно оказался вовлечен в сферу творения более великого; и в конце концов его видоизменил. К несчастью, на самом деле «Хоббит» задумывался, насколько я сам это сознавал, как «детская повесть», и, поскольку в ту пору я здравого смысла еще не набрался, а дети мои были недостаточно взрослыми, чтобы меня образумить, книга отчасти вобрала в себя дурашливость стиля, по неразумию усвоенную из того чтива, которым некогда кормили меня; вот также Чосер, не думая, мог подцепить рефрен какого-нибудь менестрелишки. Я о том глубоко сожалею. Умные дети — тоже.

Все, что я помню насчет того, откуда пошел «Хоббит», — я сидел, проверяя школьные экзаменационные работы, во власти непреходящей усталости этого ежегодного труда, каковой ложится на плечи безденежных многодетных преподавателей. На чистом листке я нацарапал: «В земляной норе жил себе хоббит». Почему — я сам не знал; не знаю и сейчас. Долгое время я ничего по этому поводу не предпринимал, и за несколько лет продвинулся не дальше того, что начертил карту Трора. А в начале тридцатых все это стало «Хоббитом» и со временем увидело свет — не потому, что собственные мои дети были в восторге от книги (хотя им она вполне себе нравилась{209}), но потому, что я ссудил рукопись тогдашней матери-настоятельнице Черуэлл-Эдж{210}, когда та заболела гриппом, и текст попался на глаза одной бывшей студентке, в ту пору работавшей в издательстве «Аллен энд Анвин». Кажется, рукопись опробовали на Рейнере Анвине; если бы не он (повзрослевший), сдается мне, я бы Трилогию в жизни не опубликовал.

Поскольку «Хоббит» имел успех, потребовали продолжения; Эльфийские Легенды, к «Хоббиту» имеющие отношение крайне далекое, отклонили. Рецензент издательства сказал, что слишком уж в них много той кельтской красоты, которая в больших дозах англосаксов раздражает. Скорее всего, так оно и есть. И тем не менее сам я видел значимость хоб-битов в том, что они «романтику» низводят на грешную землю и обеспечивают объекты для «облагораживания» и героев, более достойных похвалы, нежели профессионалы: *nolo heroizari*{211} для героя, разумеется, столь же достойное начало, как *nolo episcopari* — для епископа. Не то чтобы я был демократом хоть в каком-либо из современных смыслов этого слова; разве что, как мне кажется, говоря в книжных терминах, все мы равны перед лицом Великого Автора,

qui deposuitpotentes de sede et exaltavit humiles[300].

И тем не менее я не был готов писать «продолжение» в виде еще одной истории для детей. Я давно уже размышлял о «Волшебных сказках» и отношении их к детям — кое-какие результаты я использовал в лекции, прочитанной в Сент-Эндрюз, а со временем расширил и опубликовал в отдельном эссе (в числе прочих, что в ОЮП значатся как «Эссе в честь Чарльза Уильямса»; сейчас их нигде не достать, поскольку тираж распродан — ну, не подлость ли?). Поскольку я высказал мысль о том, что связь, существующая в современном сознании между детьми и «волшебными сказками» надуманна и случайна и портит истории сами по себе, и в глазах детей в том числе, я решил попробовать написать историю, которая абсолютно не была бы адресована детям (как таковая); кроме того, мне хотелось масштабной картины.

Разумеется, это потребовало немалых трудов, поскольку пришлось создавать привязку к «Хоббиту»; а более того — к фоновой мифологии. И ее тоже пришлось переписывать. «Властелин Колец» представляет собою лишь финальную часть творения приблизительно в два раза длиннее[301], над которым я работал между 1936 и 1953 гг. (Мне хотелось опубликовать это все в хронологическом порядке, но это оказалось невозможным.) А еще ведь языками следовало заняться! Если бы я больше думал о собственном удовольствии, нежели об аппетитах возможной читательской аудитории, эльфийского в книге было бы не в пример больше. Но даже для того, чтобы представленные там небольшие отрывки имели смысл, потребовались две разработанные фонологические и грамматические системы и изрядный словарный запас.

Задача и сама по себе оказалась бы не из легких; но в придачу я был еще и умеренно добросовестным администратором и преподавателем, а в 1945 г. перешел с одной профессорской должности на другую (повыбрасывав все мои старые лекции). И, конечно же, во время Войны зачастую ни на что осмысленное времени не оставалось. В конце Книги Третьей я застрял на целую вечность. Книга Четвертая писалась «выпусками» и отсылалась моему сыну, который в 1944 г. служил в Африке. Последние две книги написаны между 1944 и 1948 гг. Отсюда, разумеется, вовсе не следует, что ключевая мысль этой истории — продукт военного времени. К ней я пришел в одной из первых глав, сохранившихся и по сей день (Книга I, 2). На самом деле эта мысль приводится и присутствует в зародыше, с самого начала, хотя в «Хоббите» я на сознательном уровне еще не представлял себе, что такое означает Некромант (кроме разве вечно

проявляющегося зла), равно как и его связи с Кольцом. Но ежели писать продолжение, отталкиваясь от финала «Хоббита», думаю, кольцо неизбежно послужило бы необходимой связкой. А ежели при этом задумаешь крупномасштабное произведение, Кольцо тут же обретет заглавную букву; и сей же миг возникнет и Темный Властелин. Что он, собственно, и проделал, объявившись без приглашения у камина в Бэг-Энде, едва я дошел до этого момента. Так что основной Квест начался сразу же. Но вот в пути я встретил много чего такого, чему сам удивлялся. Тома Бомбадила я уже знал; зато в Бри не бывал ни разу. Бродяжник, устроившийся в уголке гостиницы, меня совершенно ошеломил; кто он таков, я представлял себе ничуть не лучше Фродо. Копи Мории оставались всего лишь названием; и никакие вести о Лотлориэне не достигали моего смертного слуха до тех пор, пока я там не оказался. Я знал, что далеко, на окраинах древнего Королевства людей, живут Повелители коней, однако лес Фангорна оказался приключением совершенно непредвиденным. Я никогда не слыхивал ни о Доме Эорла, ни о Наместниках Гондора. Хуже того, Саруман до сих пор себя не обнаруживал, и я был озадачен не менее Фродо, когда 22 сентября Гандальв так и не появился. О *палантири* я тоже ничего не ведал, хотя в тот миг, когда из окна был выброшен камень Ортанка, я его узнал и понял значение «строк древнего знания», что крутилось у меня в голове: *«семь звезд, семь камней и белое древо одно»*. Эти стихи и названия всплывают то и дело, вот только объяснить их возможно не всегда. Мне еще предстоит выяснить хоть что-нибудь про кошек королевы Берутиэль[302]. Но вот о Голлуме и его роли я знал более-менее все, и о Сэме тоже; знал и то, что проход охраняет Паучиха. И если это имеет хоть какое-то отношение к тому, что в детстве меня ужалил тарантул[303], да пусть себе народ воспользуется этой версией на здоровье (предполагая невероятное, что кто-то и впрямь заинтересуется). Сам я могу лишь сказать, что ничего подобного не помню, и ведать бы о том не ведал, если бы мне не рассказали; и особой неприязни к паукам не испытываю, равно как и настоятельной потребности убивать их. Тех, что я нахожу в ванной, я обычно спасаю!

Ну что ж, вот теперь я и впрямь заболтался. От души надеюсь, что не наскучу вам до смерти. Также надеюсь в один прекрасный день снова с вами увидеться. Ауж тогда мы, я надеюсь, побеседуем о вас и ваших произведениях, не о моих. Как бы то ни было, ваш интерес к моим трудам очень меня поддерживает.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. Т.

164 Из письма к Наоми Митчисон 29 июня 1955

Времечко выдалось жутко напряженное, работы навалилось столько, что уже не справляюсь, *плюс* т. III. Чувствую, что выдохся, точно спущенная шина; но есть надежда, что оживу — завтра, когда (или если, как обещано) прибудет окончательная корректура т. III.

Книгопродавцы — среди них мистер Уилсон из «Бампуса» — говорят, что после задержки столь долгой лучшим временем для публикации будет конец сентября…..

Думаю, «А. энд А.» теперь, возможно, возьмет «предысторию» хоть в каком-нибудь виде. Когда я в прошлую пятницу был в городе, оно вроде бы не возражало рассмотреть книгу размером приблизительно с т. I.

165 В «Хоутон-Мифлин»

5 июня 1955 г. обозреватель «Нью-Йорк таймс бук ревью» Харви Брейт включил в свою еженедельную рубрику «Книги снаружи и внутри» рассказ о Толкине и его произведениях. Был там и следующий пассаж: «Что, спросили мы доктора [sic!] Толкина, служит вам горючим? Доктор Т., — он преподает в Оксфорде, когда не пишет романов, — с ответом не задержался: «Я в горючем не нуждаюсь. Я, в конце концов, не машина. (А вот если бы во мне и в самом деле работал двигатель, так я бы никакого мнения на этот счет не имел, а вам следовало бы спросить механика.) Сочинение мое отнюдь не «развилось» в серьезный труд. Оно было таким с самого начала. Так называемая «детская повесть» [«Хоббит»] представляла собою лишь фрагмент, вырванный из уже существующей мифологии. В той мере, в какой она закамуфлирована «для детей» по стилю и манере изложения, я о том жалею. И дети тоже. Я — филолог, и все мои труды носят филологический характер. Хобби я избегаю; я — человек весьма серьезный и не делаю различий между личным удовольствием и долгом. Я приветлив, хотя необщителен. Работаю я исключительно личного удовольствия ради, поскольку обязанности мои доставляют мне лично массу удовольствия». Эти замечания были, по всей видимости, заимствованы из письма, написанного Толкином в ответ на расспросы представителя «Нью-Йорк таймс». 30 июня 1955 г. Толкин написал своим американским издателям, в «Хоутон-Мифлин»: «Прошу вас, не вините меня за то, что сотворил этот Брейт с моим письмом!…. В оригинале наблюдался какой-никакой смысл; однако к этому качеству Харви Б. явно не восприимчив. Мне задали ряд вопросов и попросили ответить на них коротко, остроумно и афористично….. Из чистой жалости [к очередному корреспонденту, нуждающемуся в информации]…. прилагаю несколько заметок по вопросам, иным, нежели просто факты моего «curriculum vitae»{212} (каковые можно почерпнуть из справочников)». Ниже приводятся эти «несколько заметок». Текст воспроизведен по машинописной копии, по всей видимости, сделанной в «Хоутон-Мифлин» с

оригинала письма; этот машинописный вариант в разное время высылался целому ряду корреспондентов, обращавшихся за сведениями; некоторые впоследствии цитировали его в собственных статьях о Толкине. Толкину тоже предоставили машинописный экземпляр; он внес в него ряд примечаний и поправок, которые включены в приведенный ниже текст.

Фамилия моя — ТОЛКИН (TOLKIEN, не — *hein*). Фамилия немецкая (из Саксонии), представляет собою англизированную форму *Tollkiehn*, т. е. *tollkьhn*. Но, кроме как в качестве руководства к написанию, этот факт столь же обманчив, как любые голые факты. Ибо я и не «отчаянно-храбр»[304], и не немец, кем бы уж там ни были мои далекие предки. Они эмигрировали в Англию более 200 лет назад и очень быстро сделались самыми что ни на есть англичанами (не британцами), хотя музыкальную одаренность сохранили — этого таланта я, к сожалению, не унаследовал{213}.

На самом деле я куда в большей степени — Саффилд[305] (семейство родом из Ившема, что в Вустершире); и своим пристрастием к филологии, особенно германских языков, и к эпосу, я обязан не кому иному, как моей матушке, которая сама меня обучала (до тех пор, пока я не получил стипендию в старинной классической школе города Бирмингема). Действительно, если говорить об Англии, я — западно-мидлендец и чувствую себя дома только в пограничных графствах между Англией и Уэльсом; и я так думаю, что англосаксонский, западный среднеанглийский и аллитерационная поэзия стали для меня детским увлечением и основной сферой профессиональной деятельности столько же в силу происхождения, сколько и обстоятельств. (Кроме того, меня особенно привлекает валлийский{214}.) Я с удовольствием пишу аллитерационные стихи, хотя, помимо нескольких фрагментов во «Властелине Колец», опубликовал совсем мало, если не считать «Возвращения Беорхтнота» (в «Эссе и очерках Ассоциации английского языка», 1953, Лондон, Джон Марри); этот драматический диалог о сути «героики» и «рыцарственности» за последнее время дважды транслировался по Би-би-си. Все еще надеюсь закончить длинную поэму «Гибель Артура», написанную тем же стихом[306].

И тем не менее родился я в Блумфонтейне, в Оранжевой провинции — еще один обманчивый факт (хотя в самых первых моих воспоминаниях фигурирует жаркая страна), поскольку в 1895 г. меня кораблем увезли домой, и большую часть последующих шестидесяти лет я провел в Бирмингеме и в

Оксфорде, если не считать пяти или шести лет в Лидсе: свою первую должность после войны 1914–1918 гг. я получил в тамошнем университете. Путешествовал я очень мало, хотя я неплохо знаком с Уэльсом, часто бывал в Шотландии (никогда — севернее реки Тей), немного знаю Францию, Бельгию и Ирландию. В Ирландии я провел немало времени, и с прошлого июля, собственно говоря, являюсь доктором литературы дублинского Юниверсити-Колледжа; но попрошу заметить, что впервые я ступил на землю «Эйре» в 1949 г., после того, как «Властелин Колец» был закончен, и нахожу, что и гаэльский язык, и самый воздух Ирландии мне абсолютно чужды — хотя последний (не язык) очень даже притягателен.

Могу добавить, что в октябре получил степень (Doct. en Lettres et Phil.{215}) в Льеже (Бельгия) — хотя бы лишь отмечая тот факт, что меня, к превеликому моему изумлению, приветствовали по-французски как «le createur de M. Bilbo Baggins»{216}; а еще более изумился я, когда, в пояснение аплодисментов, мне сообщили, что я — «поставлен в учебную программу»?????? Увы!

Да позволено мне будет прояснить то, что Х. Брейт оставил от моего письма: замечание насчет «филологии» относилось к тому, что я считаю ключевым «фактом» касательно моего труда: а именно, что он представляет собою единое целое, и вдохновлен *в основе своей лингвистикой*. Университетское начальство вполне может считать это чудачеством престарелого профессора филологии — писать и публиковать волшебные сказки и романы, и называть это «хобби» — простительным, раз уж оно оказалось (к вящему удивлению как меня самого, так и любого другого) таким успешным. Но на самом деле никакое это не «хобби», если «хобби» — это нечто, не имеющее никакого отношения к основному занятию и выбранное в качестве своего рода отдушины. В основании его — придумывание языков. Скорее «истории» сочинялись для того, чтобы создать мир для языков, нежели наоборот. В моем случае сперва возникает имя, а затем уж — история{217}. Я бы вообще предпочел писать на «эльфийском». Но, конечно же, такое произведение, как «Властелин Колец», было основательно отредактировано, и осталось в нем ровно столько «языка», сколько, на мой взгляд, читатели смогли бы «переварить». (Атеперь вот обнаруживается, что многие не отказались бы и от порции побольше.) Однако в книге изрядное количество лингвистического материала (в придачу к непосредственно «эльфийским» именам и словам) включено в текст или выражено мифологически. В любом случае, для меня это произведение в немалой степени — эссе по «лингвистической эстетике»; как я порою и сообщаю тем, кто

меня спрашивает «о чем это все?»

Оно о себе самом, и «ни о чем» другом. Разумеется, в книге *нет* никакого аллегорического смысла, ни общего, ни частного, ни злободневного, ни нравственного, ни религиозного, ни политического. Единственное критическое замечание, меня задевшее, сводилось к тому, что в книге «нет религии» (и еще «нет Женщин», хотя это-то как раз неважно, да и, в любом случае, неправда). Это — монотеистический мир «естественной теологии». Тот странный факт, что там нет церквей и храмов, а также и религиозных обрядов и церемоний, просто-напросто часть воспроизводимой в романе исторической атмосферы. Он получит исчерпывающее разъяснение, если (как теперь представляется вполне вероятным) увидят свет «Сильмариллион» и прочие легенды Первой и Второй эпох. Как бы то ни было, сам я — христианин; но «Третья эпоха» — это мир не христианский.

«Средиземье», к слову сказать, это вовсе не название для земли «нети-небудет», не имеющей никакого отношения к нашему миру (как Меркурий у Эддисона)[307]. Я просто-напросто воспользовался среднеанглийским *middel-erde* (или *erthe*), вариантом древнеанглийского *Middangeard*: названия для населенных людьми земель «между морями». И хотя я отнюдь не пытался соотнести очертания гор и материков с тем, что геологи утверждают или предполагают касательно недавнего прошлого, в плане художественного вымысла подразумевается, что эта «история» имеет место быть в некий временной период реального Старого Света нашей планеты.

Есть, разумеется, отдельные моменты и темы, что особенно меня волнуют. Например, взаимоотношения между «благородным» и «простым» (обычным, заурядным). Особенно меня трогает облагораживание низкого. Я (со всей очевидностью) влюблен в растения, и более всего — в деревья, и всегда был влюблен; и когда люди дурно с ними обращаются, мне это так же трудно вынести, как некоторым — жестокое обращение с животными.

Я считаю так называемую «волшебную сказку» одним из высших видов литературы, который совершенно ошибочно ассоциируется с детьми (как таковыми). Но мои взгляды на это я изложил в лекции, прочитанной в Сент-Эндрюз (под эгидой фонда Эндрю Лэнга; впоследствии текст был опубликован в «Эссе в честь Чарльза Уильямса», «Оксфорд юниверсити пресс», под названием «О волшебных сказках»). Мне кажется, это довольно важная работа, по крайней мере в глазах того, кто считает, что меня вообще стоит принимать во внимание; но ОЮП, как ни возмутительно, допустило, чтобы тираж был полностью

распродан, хотя сейчас на это издание спрос есть, — а мой единственный экземпляр украден. Однако ж в библиотеке книга, наверное, отыщется; или, может, мне удастся где-нибудь ею разжиться.

Если все это вышло невразумительным, многословным и эгоцентричным, а вовсе не «коротко, остроумно и афористично», уж извините. Требуются ли вам какие-либо еще сведения?

Искренне Ваш, Дж(он) Р(ональд) Р(уэл) ТОЛКИН

P.S. Книга, конечно же, «трилогией» появляется. И это, и названия томов — глупая выдумка, которую сочли необходимой для публикации, учитывая объем и расходы. На самом деле никакого членения на три части здесь нет; и ни одна из частей сама по себе не понятна. История создавалась и писалась как единое целое, и единственное естественное деление — это на «книги» I–VI (первоначально имевшие собственные названия).

Большая часть основного текста этого автобиографического очерка вошла в статью «Толкин о Толкине», опубликованную в октябрьском выпуске журнала «Дипломат» от 1966 г. Эта статья включала в себя три абзаца, не входящие в процитированный выше текст и предположительно написанные около 1966 г.:

Все это дело началось невероятно давно, можно сказать, что с рождения. Где-то лет шести от роду я попытался сочинить стишки про *дракона*, о которых сейчас ничего уже не помню, кроме того, что там было выражение *«зеленый огромный дракон»*, и меня надолго озадачила поправка, что говорить надо *«огромный зеленый»*. Но мифология (и связанные с ней языки) впервые начали оформляться во время войны 1914–1918 гг. «Падение Гондолина» (и рождение Эарендиля) было написано в госпитале и во время отпуска после того, как я пережил битву на Сомме 1916 г. Ядро мифологии, история о *Лутиэн Тинувиэль* и *Берене*, возникло благодаря небольшой лесной полянке, заросшей «болиголовом» (или другими белыми зонтичными растениями), близ Руса на полуострове Хольдернесс — куда, находясь в составе хамберского гарнизона в 1918 г… я время от времени наведывался, получив увольнительную.

Со временем, мало-помалу, я стал писать книгу «Властелин Колец», чтобы доставить удовольствие самому себе; и, разумеется, не доставил — максимум процентов на 75. Но теперь (когда произведение уже «остыло» и уже не настолько насущно и личностно значимо) определенные его черты и особенно определенные места по-прежнему трогают меня несказанно. Сердце книги — описание Керин Амрота (конец т. I, Кн. ii, гл. 6),

но более всего волнует меня топот коней рохиррим на рассвете; а больше всего огорчает то, что Голлум уже (вот-вот) готов был раскаяться, а Сэм ему помешал: на мой взгляд, в точности так же случается в реальном мире, где орудия справедливого возмездия редко бывают справедливы или святы сами по себе; а хорошие люди зачастую оказываются камнями преткновения…..

Меня (и моих издателей, думаю, тоже) несказанно удивил добрый прием, оказанный «Властелину Колец». Но для меня это, конечно же, — неиссякаемый источник утешения и удовольствия. И, смею добавить, исключительное везение, которому кое-кто из современников завидует черной завистью. Чудеснейшие люди книгу до сих пор *покупают*, а для старика «на пенсии» это и отрадно, и в помощь.

166 Из письма в «Аллеи энд Анвин» 22 июля 1955

Корректура Приложений к третьему тому, «Возвращение короля», доставила Толкину немало хлопот. Получив ее из типографии с опозданием, Толкин обнаружил, что страница, где предполагалось разместить фонетический «ключ» к *ангертас* или гномьим рунам, напечатана без фонетичеких символов, которые должны были там стоять. Толкин отослал страницу назад, вписав знаки от руки, после чего типографы воспроизвели этот черновой набросок в виде факсимиле, что в намерения автора отнюдь не входило: он-то рассчитывал, что для фонетических символов подберут специальный шрифт. Его также беспокоило, что он до сих пор не получил страничную корректуру основного текста «Возвращения Короля» с внесенными поправками, которую отослал в типографию какое-то время назад. Нижеприведенное письмо, где обо всем об этом идет речь, представляет собою типичный образчик многочисленных тревожных посланий, написанных Толкином в течение тех недель.

Возвращаю в отдельном конверте присланные мне материалы (прибыли в среду днем). Сделал все, что в моих силах, и как можно быстрее, но боюсь, что сегодняшнюю почту пропустил и раньше завтрашнего дня пакет не уйдет. Время поджимает, а материалы довольно сложные!

По-прежнему озадачен и недоволен процедурой — в любом случае, моя задача усложнится, а шансы на появление в опубликованном томе ошибок и несоответствий значительно повысятся.

Я знаю, что выслал исправления после того, как отредактированная страничная корректура была возвращена. Но с тех пор прошло уже очень много времени, и я так и не понял, с какой стати теперь получаю «Вопросы», возникшие у главного корректора в ходе *«последней вычитки основного текста»*, и при этом основаны они не на окончательном варианте, но на том, в который не входят многочисленные (и порою пространные) поправки. В этих местах непременно кое-где возникнут или уже возникли ошибки. Набирая мой рукописный текст, наборщики вечно допускают оплошности!

А еще я слегка встревожен тем, что хотя отдельные страницы

«Вопросов» отведены «только для вопросов» и содержат исправления мелких погрешностей (и вопросы в том числе) по всему тексту, на этих же страницах попадаются *ошибки*, не помеченные вопросительным знаком и не исправленные. Например, колонтитул «Дом Исцеления» на протяжении всей гл. 8 Кн. V, несмотря на то, что глава называется не совсем так.

Однако времени у меня осталось оч. мало; со всем тем, что прибудет позже, чем утром в среду, я уже ничего не смогу сделать. Не будучи удовлетворен и (если откровенно) не вполне успокоившись на этот счет, я составил список всех поправок, вставок и изменений в основном тексте, которых в корректуре *не* обнаружил. Список я постарался сделать как можно более разборчивым; надеюсь, его тщательно сверят с текстом…..

Могу лишь надеяться, что с *ангертас* в итоге все утрясется благополучно! Но мне все равно неспокойно. «Джарролдз» вроде бы согласились с моим предложением и теперь собираются использовать фонетический значок ŋ вместо моего n͡g. Но присланная мною Таблица в пригодном для печати виде, которую вы (по телефону) одобрили, содержит n͡g.

☞ Надеюсь, вы проследите, чтобы на протяжении всего текста использовалось либо n͡g, либо ŋ. *Кроме того, пожалуйста, НЕ заменяйте ng значком* ŋ. Меня встревожил вопрос корректора по поводу *ng* в конце строки 23 (стр. 404). Отсюда явствует, что, несмотря на всю его орлиную зоркость, проводимого здесь простейшего различия он не понял; или на то похоже…..

Надеюсь, почерк удастся разобрать, хотя бы местами. Я оч. устал.

167 Из письма к Кристоферу и Фейт Толкинам 15 августа 1955

С конца июля до середины августа Толкин вместе с дочерью Присциллой находился в Италии.

До сих пор потрясен фресками в Ассизи. Вам просто необходимо здесь побывать. Приехали мы на великий праздник Санта-Кьяры и в канун 11–12 августа. Торжественную мессу служит кардинал Микара, а при вознесении даров трубили серебряные трубы!

Печатаю на машинке дневник. По-прежнему влюблен в итальянский и скорблю и горюю, не имея шанса попытаться на нем поговорить! Надо бы поддерживать его на уровне…..

В целом, в том, что касается просто развлечений и удовольствия, больше всего мне понравились первые дни в Венеции. Зато в Ассизи мы жили оч. дешево; я привез назад примерно фунтов пятьдесят. Оперу нашу утопило: в четверг весь вечер напролет лил ливень; однако в пятницу (наш последний день в Венеции) дали дополнительное представление, на которое наши билеты были действительны. Так что без «Риголетто» мы не остались. Абсолютно потрясающе.

168 К Ричарду Джеффери

Ответ читателю, который попросил перевести начало одной из песен Дре-воборода (Книга III, глава 4), а также объяснить ряд имен и названий, включая «онодрим» (*Onodrim*), название энтов на эльфийском языке синдарин.

7 сентября 1955
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемый мистер Джеффери!

Огромное спасибо за письмо…. Оно пришло, когда я был в отъезде, в Гондоре (т. е. в Венеции), для разнообразия решив отдохнуть от Северного Королевства, а не то бы я ответил раньше.

Как бы то ни было, эльфийским алфавитом (не рунами) вы овладели достаточно хорошо, чтобы на нем читать. Однако, разумеется, никаких правил для приложения к английскому нет, а, значит, ошибок насажать невозможно, разве что в пределах вашей же собственной системы — так что, как я понимаю, зовут вас Ричард, хотя написали что в рамках вашей системы должно читаться как Риджард (вместо). Однако в Приложениях к т. III найдется довольно описаний «букв» (*тенгвар*) и «рун» (*кертар*) для любого, кому это интересно….

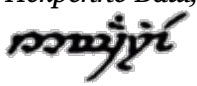
К сожалению, вопреки моим надеждам, дать указатель имен и названий (с переводом), который послужил бы также неплохим словарем эльфийских слов, возможности нет. Уж слишком много их оказалось; так что возникла проблема места и дополнительных затрат. Однако на составление списка я затратил массу времени, и это — одна из причин задержки т. III…..

Думаю, в т. III отыщутся ответы на большую часть ваших вопросов….. *Орофарнэ, лассемиста, карнемириэ* — это слова Высокого эльфийского наречия (энты предпочитали этот язык), означающие «живущая в горах, серо-листная, украшенная алыми самоцветами».

«Правильная» форма множественного числа от *onod* будет *enyd*, или собирательное множественное число onodrim; хотя, возможно, в Гондоре использовалась форма *ened*. Но *en, ened* = «середина, центр», как в *Эндор, Эндорэ* — «Средиземье» (синд. *ennorath*); и *enedwaith* = «срединный народ»/ или «срединная область», точно так же, как *Фородвайт* = «северная область» и т. д. Когда название давали, эта земля еще не представляла из

себя бесплодную пустошь; но стала таковой в ходе Третьей эпохи[308]. См. Хронологии Второй и Третьей эпох в Приложениях к т. III. Перегрин, конечно же, реально существующее современное имя, хотя означает оно «путешественник по чужим землям». Фродо — подлинное имя, заимствованное из германской традиции. Его древнеанглийская форма — *Froda*. Со всей очевидностью восходит оно к древнему слову *fryd*, что этимологически означает «мудрый благодаря опыту»; однако связано оно мифологически и с северными легендами о Золотом Веке…..

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.



169 Из письма к Хью Броугану 11 сентября 1955

Обнаружив слово «Нуминор» в романе К. С. Льюиса «Мерзейшая мощь», ты обнаружил плагиат: ну, не совсем плагиат, ведь автор воспользовался этим названием, заимствованным из моих легенд Первой и Второй эпох, будучи убежден, что они вскоре увидят свет. Этого не случилось; но полагаю, что теперь надежда на это есть. Написание *Нуминор* объясняется тем, что он это слово слышал, но не видел. *Нуменорэ*, или *Нуменор*, на Высоком эльфийском наречии означает просто «Западная земля». Что до очертаний мира в Третью эпоху, боюсь, они сформировались скорее «драматически», нежели под влиянием геологических или палеонтологических факторов. Порою мне бы очень хотелось, чтобы возможно было хоть сколько-то согласовать мою карту с вымыслом или теориями геологов. Но это только внесло бы еще больше путаницы в историю рода человеческого.

170 Из письма в «Аллен энд Анвин» 30 сентября 1955

Когда же теперь ждать выхода т. III? Меня растерзают, если вскорости не произойдет хоть чего-нибудь.

171 К Хью Броугану

В декабре 1954 г. Броуган в письме к Толкину раскритиковал архаичный стиль отдельных мест «Двух крепостей», особенно главу «Король Золотого Чертога»; он назвал этот стиль «оссиановским» и сказал, что согласен с критиком, употребившим определение «высокопарщина». В тот раз Толкин на письмо не ответил; но, когда 18 сентября Броуган написал снова, извиняясь за «нахальство, глупость или подхалимаж», Толкин взялся за нижеприведенный черновик. В итоге он его так и не послал, но вместо того набросал несколько строчек, в которых говорилось, что проблему архаизмов в письме «обсуждать слишком долго», так что придется ей подождать до следующей встречи.

[Сентябрь 1955]

Дорогой Хью,

….Не тревожься: я не заметил в твоих письмах никакого нахальства (или подхалимажа); а любой читатель настолько благодарный и чуткий имеет право на критику. Как бы то ни было, я вовсе не привык дышать одним лишь неразбавленным фимиамом! Отклика (найдись у меня время), пожалуй, требовало вовсе не то, что ты сказал (в предпоследнем письме, не в том, на которое я ответил) и не то, имел ли ты право это сказать; но боль, что я всегда испытываю, когда кто-либо — в эпоху, когда допускается любое авторское издевательство над английским языком (особенно деструктивное) во имя искусства или «самовыражения», — решительно отметает намеренную «архаизацию». Определение «высокопарщина» на самом деле относится к тем подделкам под «средневековье», что тщатся (ничего в этом деле не смысля) создать якобы древний колорит при помощи восклицаний, таких, как «фуй», «прах побери», «черт подери», «эге» и тому подобное. Но подлинный архаичный английский куда более «лаконичен», нежели современный; притом многое из того, что говорилось, на нашем расхлябанном и зачастую легковесном наречии и не скажешь. Разумеется, поскольку в современном английском я не слишком-то начитан и куда лучше знаком с произведениями на древнем и «среднем» наречиях, мой собственный слух до некоторой степени находится под их влиянием; так что хотя я с легкостью вспоминаю, как выразить на современном то и это, первым приходит на ум и

срывается с пера не совсем оно. Но возьмем пример из главы, которую ты выделил среди прочих (и назвал кошмарной): Книга iii, «Король Золотого Чертога». «Нет, Гандальв! — молвил король. — Ты сам не ведаешь, сколь ты искусен в целительстве. Не быть по сему. Я сам поскачу в битву и паду в первых рядах, коли суждено. Тем слаще буду я спать».

Вот удачный пример — умеренная или разбавленная архаизация. Используя лишь те слова, что употребляются или известны в среде образованных людей и по сей день, королю на самом деле полагалось бы сказать: «Нет, ты сам не чуешь[309], сколь успел в целенье. Того не будет. Я сам поскачу в битву и паду…» — и т. д. Я отлично знаю, как выразился бы человек современный. «Ничего подобного, дорогой мой Г.! Да вы сами не представляете, какой вы замечательный доктор. Нет-нет, исключено. Я отправлюсь на войну лично, даже если войду в число первых жертв», — а потом что? Теоден, конечно же, подумает и, пожалуй, скажет вслух: «Тем слаще буду я спать»! Но люди, которые так мыслят, на современном языке просто не говорят. Можно написать «Тем спокойнее мне будет лежать в могиле» или «Я крепче усну в могиле, нежели спал бы, оставшись дома», — если угодно. Но этот образ мыслей отдает фальшью, возникает разлад между словом и значением. Ибо король, который изъясняется современным стилем, в таких терминах просто не мыслит, и любая ссылка на мирный сон в могиле окажется в его устах нарочито архаичным оборотом речи (при любой формулировке), гораздо большей подделкой, нежели собственно «архаический» английский, которым я воспользовался. Все равно как если бы какой-нибудь нехристианин ссылался на христианскую догму, которая на самом деле нимало его не трогает.

Или взять стр. 127 как пример «архаизации», которую никак нельзя оправдать как «драматическую», поскольку использована она не в диалоге, но в авторском описании того, как гости вооружаются, — кажется, этот момент особенно тебя удручил. Но подобные «героические» сцены не встречаются в современных условиях, к которым принадлежит и современный язык. Так зачем же сознательно игнорировать и отвергать богатства английского языка, предоставляющие нам такой выбор стилей — не оставляющих места для непонимания.

Я вижу не больше причин к тому, чтобы не воспользоваться более *лаконичным* и живым старинным *стилем*, нежели к тому, чтобы заменить устаревшее оружие, шлемы, щиты и кольчуги на современную военную форму.

«И шлемы тоже выбрали они» — архаика. Некоторые

(ошибочно) классифицируют это как «инверсию», поскольку нормальный порядок слов — «Также они выбрали шлемы» или «заодно они выбрали и шлемы». (Настоящий совр. англ.: «А еще они подобрали себе по шлему и круглому щиту».) Но это не есть нормальный порядок, и если совр. англ. утратил умение ставить слово, подлежащее выделению (в силу соображений образности, эмоциональности или логики) на приметное первое место, не добавляя при этом множества маленьких «пустопорожних» словечек (как говорят китайцы), так тем хуже для него. И тем для него лучше, чем скорее он этот фокус освоит заново. И надо же кому-то начать обучение — на собственном примере.

Мне очень жаль обнаружить, что *и ты* оказался во власти грандиозного заблуждения XX в.: что, дескать, его словоупотребления *per se*{218} и просто как «современные» — независимо от того, действительно ли они более лаконичны, ярки (или благородны!) — отчего-то более уместны, нежели словоупотребления всех иных времен, так что не воспользоваться ими (даже когда по тону они абсолютно не подходят) — это солецизм{219}, ложный шаг, промах, от которого друзья передергиваются или выходят из себя. Стряхни же с себя сию временную ограниченность! А кроме того (скажу, не педантствуя), научись отличать подделку от подлинного антиквариата — ведь если не хочешь, чтобы торговец обвел тебя вокруг пальца, так уж поневоле расстараешься!

Здесь черновик заканчивается.

172 Из письма в «Аллен энд Анвин» 12 октября 1955

«Аллен энд Анвин» назначило публикацию «Возвращения Короля» на 20 октября 1955 г.

Так не подведите же: непременно 20 октября! Позже уже никак нельзя. 21 числа мне предстоит читать первую «О'Доннелловскую лекцию»{220} (с опозданием), и остается лишь надеяться, что значительная часть моей аудитории будет клевать носом, засидевшись допоздна накануне, и не заметит толком, насколько явно не гожусь я в лекторы по кельтологии[310]. Как бы то ни было, хочу деликатно сослаться на книгу, поскольку говорить я собираюсь в том числе и о «кельтскости» и в чем она, собственно, состоит как лингвистическая модель.

173 Из письма к Катерине Фаррер 24 октября 1955

Книга «Возвращение Короля», как и было обещано, вышла 20 октября.

Поскольку (несмотря на то, что я свалился с больным горлом, так что ни о каких лекциях вплоть до прошлой пятницы речь вообще не шла) я сумел-таки прочесть О'Доннелловскую лекцию об английском и валлийском (в пятницу), неакадемические обязанности с меня сняли, и Книга закончена — вот только к т. III уже требуется список опечаток для переиздания, включающий в себя существенные ошибки по всему тексту: эта неделя закончится — и я стану куда свободнее…..

Не устаю удивляться тому, как приняли «Кольцо», и радуюсь несказанно. Однако я вовсе не считаю, будто дал толчок некоему новому течению. Не думаю, что маленькое, смахивающее на хоббита существо — равно как и человек любых габаритов, — на такое способны. Если течение действительно существует (а мне кажется, что да), тогда мне просто повезло его уловить, а сам я — всего лишь его частица…..

Мне по-прежнему кажется, что без Сэмуайза с Эланор картина неполна, но я так и не смог придумать ничего такого, что бы не испортило финала, помимо намеков (возможно, вполне достаточных) в приложениях.

174 К лорду Холсбери

Лорд Холсбери, на тот момент — главный менеджер Национальной корпорации по развитию научных исследований, в письме предложил организовать публикацию «Сильмариллиона» по подписке, если «Аллен энд Анвин» не захочет осуществить издание на коммерческой основе.

10 ноября 1955
Мертон-Колледж, Оксфорд

Уважаемый лорд Холсбери!

С вашей стороны было очень любезно мне написать; ваше одобрение и интерес доставили мне немалую радость. А еще я глубоко признателен вам за предложение публикации по подписке.

И тем не менее, благодаря поразительному энтузиазму, с которым встречен «Властелин Колец», необходимость в этой процедуре, возможно, что и отпадет; ведь твердое намерение издательства сперва выпустить нынешнюю книгу вполне оправдалось; хотя сам я хотел представить материалы в «хронологическом порядке». Помимо прочего, это бы прояснило и ускорило повествование о Третьей эпохе!

Не думаю, чтобы во «Власт. К.» упоминалось бы хоть что-нибудь, чего не существовало бы в легендах, написанных еще до того, как я начал эту книгу, или, по крайней мере, принадлежащих к более раннему периоду, — кроме разве «кошек королевы Берутиэль»[311]. Однако боюсь, что все предания Первой и Второй эпох ужасно «высоко-мифологичные» либо эльфийские и героические, и совсем никакой «хоббитщины» там нет: а ведь именно этот ингредиент, насколько я понимаю, сделал опубликованную смесь в целом более удобоваримой.

Поскольку теперь издатели жадно требуют «Сильмариллиона» и т. д. (каковой давным-давно отклонили), я твердо намерен, как только выкрою время, попытаться привести все эти материалы в порядок для публикации. Хотя я изрядно устал и уже не настолько молод, чтобы грабить ночь, дабы возместить нехватку часов в дне….

Возможно, вам небезынтересно было бы глянуть на отрывок-другой [«Сильмариллиона»], прежде чем я приведу его в должный вид и отредактирую, памятуя при этом, что он скорее всего существенно изменится в том, что касается подробностей и

манеры изложения — и конечно же, стиля.

Еще раз благодарю за поддержку.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

175 Из письма к миссис Молли Уолдрон 30 ноября 1955

В течение 1955 и 1956 гг. книга «Властелин Колец» транслировалась по третьему каналу Би-би-си. В числе многочисленного состава исполнителей роли Гандальва и Тома Бомбадила играл актер Норман Шелли.

Мне кажется, для «инсценировки» книга абсолютно не подходит; и передачи мне не понравились — хотя они, безусловно, улучшились. По-моему, Том Бомбадил просто ужасен — а хуже всего вводные замечания ведущего насчет того, что Златеника приходилась ему дочерью (!), а Ива, оказывается, — союзник Мордора (!!) Неужто люди не в состоянии вообразить существ, враждебных людям и хоббитам, что охотятся на них, даже не будучи в союзе с Дьяволом!

176 Из письма к Наоми Митчисон 8 декабря 1955

Мне пришлось выступать со вступительной лекцией в рамках только что основанной программы «О'Доннелловские лекции по кельтологии» — уже запоздавшей: и я ее сочинял «во власти всех горестей мира», как пишет автор «Гавейна» о злополучной лисице, за которой по пятам мчатся гончие. И тем оно горестнее, что я в этой области всего лишь жалкий любитель, а кельтологи — народ склочный и придирчивый; а еще горестнее то, что меня подкосил ларингит.

От радиопостановок я абсолютно не в восторге. За исключением нескольких деталей, сделаны они, на мой взгляд, из рук вон плохо, даже допуская наличие сценария и уместность всего предприятия (а я этого не допускаю). Однако с именами они хоть сколько-то поработали. На мой взгляд, гном (Глоин, не Гимли, хотя, сдается мне, Гимли будет копией отца — видимо, таковы чьи-то представления о немцах) удался неплохо, хотя и слегка гротескный. Мне «гномы» представляются сродни иудеям: чужаки в родных своих местах, говорят на местном языке, но с акцентом, свойственным их собственному наречию…..

А сейчас вот на меня свалилась докучная докторская диссертация, придется возиться с нею, вместо того, чтобы заняться чем-нибудь менее полезным…..

Прошу прощения за то, что по-детски забавляюсь с арифметикой, но уж что есть, то есть: нуменорский календарь самую малость точнее григорианского: григорианский в среднем спешит на 26 сек. р.а.{221}, а н[уменорский] отстает на 17.2 сек.

177 Из письма к Рейнеру Анвину 8 декабря 1955

> Радиопостановка «Властелина Колец» обсуждалась на Би-би-си в программе «Критики»; 16 ноября У. Х. Оден в своем радиовыступлении на тему книги Толкина сказал: «Если книга кому-то не нравится, суждениям этого человека о литературе я в жизни больше доверять не стану». Тем временем Эдвин Мьюир, отрецензировавший «Возвращение Короля» в «Обсервере» за 27 ноября, писал: «Все персонажи — мальчишки, вырядившиеся в одежды взрослых героев…. эти до половой зрелости никогда не дорастут….. Из них едва ли хоть кто-нибудь разбирается в женщинах».

С мнением «критиков» насчет радиопостановки я согласился; однако меня возмутило другое: признавшись, что никто из них книги не читал, они, видите ли, сосредоточили внимание именно на ней и на мне — включая предположения касательно моей религиозной принадлежности. Оден мне тоже ужасно не понравился — во всяком случае стихи читать он не умеет, поскольку чувством ритма обделен; очень сожалею, что он превратил книгу в «тест на литературный вкус». Ни одно произведение для этой цели не годится; а если попробуешь — так только публику разъяришь. Я был вполне готов к тому, что Роберт Робинсон{222} обзовет его в отместку «ярмарочным крикуном». Но, наверное, это все способствует спросу. Моя корреспонденция ныне пополнилась негодующими письмами, в которых бранят и критиков, и постановку. Одна престарелая дама — отчасти прототип «Лобелии», если честно, хотя сама она об этом и не подозревает, — сдается мне, непременно отделала бы Одена (и прочих), окажись они в пределах досягаемости ее зонтика…..

Надеюсь, что уже на этих каникулах приступлю к разборке «Сильмариллиона»; хотя злая судьба обрушила на меня докторскую диссертацию…..

Чума на Эдвина Мьюира с его затянувшимся подростковым инфантилизмом! В его годы пора бы и поумнеть. Хорошо бы ему послушать, что думают женщины насчет его «способности разбираться в женщинах», особенно в качестве теста на зрелость! Будь он М.А.{223}, я бы выдвинул его в кандидаты на должность профессора поэзии[312] — воистину сладкая месть!

178 Из письма в «Аллен энд Анвин» 12 декабря 1955

Содержит упоминание о деревушке Сэрхоул, где Толкин провел несколько лет своего детства.

Кстати, менять «мистер» на «профессор» нет никакой необходимости. В настоящей оксфордской традиции это вовсе не обращение — по крайней мере, прежде такое было не принято, хотя этот обычай уже просочился из тех мест, где «профессора» — властные домашние царьки и тираны. Держу пари, что без «профессора» я бы не наслушался стольких рассуждений о моем «академизме» и никто не сказал бы: «Шир лежит неподалеку от северного Оксфорда». На самом-то деле Шир — это в некотором роде уорикширская деревенька времен приблизительно Бриллиантового юбилея{224}, — каковая не менее далека, чем Третья эпоха, от унылого и совершенно безликого нагромождения домов к северу от старого Оксфорда, что даже за почтовый адрес не считается.

179 Из письма к Хью Броугану 14 декабря 1955

> В письме от 4 декабря Броуган упоминал, что его «преследуют кошмары», не проявил ли он глупость или бестактность и не создал ли ложного впечатления при том, что «искренне восхищается великой книгой [Толкина]».

Долой кошмары! Критику я пережить вполне способен — не то чтобы я чрезмерно зазнался от успеха (оч. неожиданного) «Властелина Колец», — даже когда замечания глупы, или несправедливы, или даже (как я порою склонен заподозрить) отчасти подсказаны недоброжелательством. В противном случае хорош бы я был, при всяческих там милых эпитетах вроде «выхолощенный»! Но ты-то как раз давай волю перу, не стесняйся (до чего ужасно — писать письма людям, с которыми приходится «осторожничать»), — с твоим-то пристальным интересом к моим трудам и чуткостью восприятия.

180 К «мистеру Томпсону» [черновик]

Письмо к читателю, оставшемуся неизвестным.

14 января 1956 Мертон-Колледж, Оксфорд

Уважаемый мистер Томпсон!

Большое вам спасибо за ваше любезное, ободряющее письмо. Раз уж я поставил перед собою задачу, самонадеянность которой полностью осознавал с трепетом душевным — а именно возродить для англичан эпическую традицию и даровать им собственную мифологию, — чудесно это, когда тебе говорят, что ты преуспел, по крайней мере в глазах тех, сердце и разум которых доселе не затемнены.

Труд оказался не из малых, и начался, сказать по правде, сразу, как только в моих силах оказалось начать что бы то ни было, хотя в полную силу развернулся только в мои студенческие годы, когда я стал опробовать мою собственную лингвистическую эстетику в конструировании языков. Как раз тогда, когда на меня обрушилась война 1914 г., я сделал открытие, что «легенды» зависят от языка, к которому принадлежат; но также и живой язык в равной степени зависит от «легенд», которые передает посредством традиции. (Например, что греческая мифология куда больше зависит от удивительной эстетики ее языка и, следовательно, номенклатуры, и куда меньше — от содержания, нежели люди осознают; хотя, конечно же, зависит и оттого, и от другого. И *vice versa*{225}. Воляпюк, эсперанто, идо, Novial[313] и т. д., и т. п. — все они мертвы, куда мертвее древних, вышедших из употребления языков, потому что авторы их так и не создали легенд на эсперанто.) Так что, хотя, будучи филологом от природы и по роду деятельности (пусть и таким, что в первую очередь интересуется эстетикой, нежели функциональными аспектами языка), я начал с языка, я втянулся в придумывание «легенд», обладающих сходным «вкусом». Первые тексты были написаны по большей части в военных лагерях и госпиталях между 1915 и 1918 гг. — когда позволяло время. Но, сдается мне, во многом такая работа происходит на иных (сказать «на более низких, глубоких или высоких» означает ввести ложную градацию) уровнях, в то время, как ты болтаешь ни о чем или даже просто «спишь». Я давно перестал *придумывать* (при том, что даже покровительственно настроенные или ехидные критики

мимоходом восхваляют мою «богатую фантазию»): я дожидаюсь, пока мне не покажется, будто я знаю, что произошло на самом деле. Или пока оно само не напишется. Так, хотя я на протяжении многих лет знал, что Фродо угодит в приключение с деревом где-то далеко вниз по течению Великой реки, я совершенно не помню, чтобы придумывал энтов. Но наконец я дошел до нужного момента и написал главу «Древобород», без каких бы то ни было предварительных размышлений, именно такой, какова она сейчас. И только тогда понял, что, конечно же, произошло это все вовсе не с Фродо.

Наверняка все это ужасно скучно, потому что, на первый взгляд, эгоцентрично; но я (увы!) достаточно стар, чтобы питать к подобного рода вещам беспристрастный, научный (действительно чисто научный) интерес и цитировать себя только потому, что меня занимает «мифотворчество» и тайна литературного творчества (или вторичного творчества, как я называл этот процесс в других работах), а я сам — наиболее доступный *corpus vile*{226} для эксперимента и наблюдения.

А рассуждения свои веду я главным образом вот к чему: разумеется, все эти вещи более-менее записаны. Во «Властелине Колец» практически не найдется ни единой ссылки на то, чего на самом деле не *существует*{227} на его собственном плане (плане вторичной реальности, или реальности вторичного творчества): т. е. чего не существовало бы в записанном виде. «Сильмариллион» предлагался для публикации много лет назад, и был отклонен. Но даже такие неприятности порою оборачиваются благом. Результатом стал «Властелин Колец». Хоббитов уже приняли с распростертыми объятиями. Да я и сам их полюбил, поскольку люблю заурядное и простое не меньше, чем благородное, и ничто так не растрогает моего сердца (превыше всех страстей и горестей мира), как «облагораживание» (от Гадкого Утенка до Фродо). Я взял хоббитов за основу. И понял, что мне *назначено* это сделать (как сказал бы Гандальв{228}), поскольку, без всякой задней мысли, в «рекламке» для обложки «Хоббита» я упомянул о времени между Древними Днями и Владычеством Людей. Из этого возникло и «недостающее звено»: «Низвержение Нуменора», — высвобождая некий скрытый «комплекс». Ибо когда Фарамир говорит о своем видении Великой Волны, говорит он от моего имени. Это видение и сон неизменно пребывали и пребывают со мною; их унаследовал (как я обнаружил совсем недавно) один из моих сыновей[315].

Однако таков был успех — (не финансовый, нет: затраты потребовались огромные, а сегодня никто не купит книгу, если ее можно одолжить: я до сих пор не получил ни фартинга{229}) —

«Властелина Колец», что гадкий утенок превратился в издательского лебедя; а меня просто терроризируют, требуя, чтобы я привел в порядок «Сильмариллион» и что угодно еще!

Черновик не закончен.

181 Из письма к Майклу Стрейту [черновики]

Прежде чем написать рецензию на книгу «Властелин Колец», Майкл Стрейт, редактор «Нью рипаблик» в письме задал Толкину ряд вопросов: во-первых, есть ли некий «смысл» в роли Голлума во всей этой истории и в нравственном провале Фродо в решающий момент; во-вторых, имеет ли глава «Освобождение Шира» прямое отношение к современной Англии; и, в-третьих, отчего в конце книги вместе с Фродо из Серых Гаваней отправляются и другие путешественники — «Уж не по той же ли самой причине, что победителям порою не дано воспользоваться плодами победы?»]

[Не датировано; написано, вероятно, в январе-феврале 1956 г.

Уважаемый мистер Стрейт!

Спасибо вам за письмо. Надеюсь, «Властелин Колец» вам *понравился? Понравился* — вот ключевое слово. Ибо писалась книга для того, чтобы *развлечь* (в высшем смысле этого слова): чтобы ее было приятно читать. Ровным счетом никакой аллегории в ней *не* содержится: ни нравственной, ни политической, ни современной.

Это «волшебная сказка», однако написанная, — согласно убеждению, которое я некогда высказал в пространном эссе «О волшебных сказках», что именно они — аудитория наиболее подходящая, — для взрослых. Потому что, как мне кажется, волшебная сказка отражает «истину» по-своему, иначе, нежели аллегория или (развернутая) сатира, или «реализм», причем в определенном смысле куда более действенно. Но прежде всего она должна состояться просто как история, увлечь, понравиться и даже в определенных случаях растрогать, и в пределах своего собственного вымышленного мира обрести (литературную) убедительность. В этом и состояла моя первоначальная цель.

Но, конечно же, если собираешься обратиться к «взрослым» (духовно зрелым людям, по крайней мере), их не удастся порадовать, увлечь или растрогать, если только все в целом или отдельные эпизоды не окажутся посвящены чему-то достойному рассмотрения, — более, например, нежели просто опасность и бегство: должна быть некая соотнесенность с «участью человеческой» (всех времен). Так что нечто от собственных

размышлений и «ценностей» рассказчика в повествование неизбежно проникнет. И это — не то же самое, что аллегория. Мы все, группами или индивидуально, *иллюстрируем* некие общие принципы, но мы их не *олицетворяем*. Хоббиты — ничуть не более «аллегория», нежели (скажем) пигмеи африканских лесов. Голлум для меня — просто-напросто «персонаж», вымышленная личность, которая, оказавшись в такой-то ситуации, повела себя так-то и так-то под давлением обстоятельств, поскольку такое представлялось вполне *вероятным* (в любой личности, реальной или вымышленной, есть элемент непредсказумости; в противном случае он/она представляли бы собою не индивидуальность, но «типаж»).

Попытаюсь ответить на ваши конкретные вопросы. Финальная сцена Квеста оформлена так просто потому, что, применительно к ситуации и к «характерам» Фродо, Сэма и Голлума, данные события показались мне технически, нравственно и психологически убедительными. Но, конечно же, если вам требуются дополнительные соображения, скажу, что, в плане данной истории «катастрофа» *служит примером* (одного из аспектов) знакомых слов: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого»{230}.

«Не введи нас в искушение и т. д.» — моление более трудное, и над ним реже задумываются. В контексте моей книги предполагается, что, хотя у каждого события или ситуации есть (по меньшей мере) два аспекта: история и развитие индивидуума (нечто такое, откуда он может почерпнуть добро, добро наивысшее, для себя самого, или потерпеть в этом неудачу) и история мира (которая зависит от его действия самого по себе) — есть тем не менее исключительные ситуации, в которых можно оказаться. «Жертвенные» ситуации, сказал бы я: т. е. положения, в которых «благополучие» мира зависит от поведения индивидуума в обстоятельствах, которые требуют от него страдания и стойкости, далеко выходящих за обычные рамки, — и может даже случиться так (или показаться, с человеческой точки зрения), что потребуется сила тела и духа, которой он не обладает; он в определенном смысле обречен на провал, обречен поддаться искушению или сломаться под давлением вопреки его «воле»: то есть вопреки любому выбору, который он мог бы совершить или совершил бы, не будучи ничем стеснен, не под принуждением.

Фродо оказался именно в таком положении: по всей видимости, в безвыходной ловушке; персонаж, наделенный большей врожденной силой, возможно, не смог бы противиться соблазну власти Кольца так долго; персонаж более слабый не мог

бы надеяться противостоять Кольцу в миг финального решения. (Еще до того, как отправиться в путь, Фродо уже не хотел причинять вред Кольцу и был не способен уступить его Сэму.)

След., Квест был обречен на неудачу как часть мирского замысла и был обречен закончиться катастрофой как история «облагораживания» смиренного Фродо, его «освящения». Неудачей он и обернулся бы; так оно и вышло с отдельно взятым Фродо. Он «отступился» — и я даже получил одно яростное письмо, в котором утверждалось, что его надо было не чествовать, а казнить как предателя. Поверьте, до того, как я его прочел, я и сам не догадывался, насколько эта ситуация «актуальна». Она естественным образом возникла из «сюжета», в общих чертах набросанного в 1936 г.[316]. Я даже не подозревал, что, еще до того как книга увидит свет, все мы вступим в темную эпоху, в которой методы пыток и ломки личности успешно посостязаются с Мордором и Кольцом, и поставят перед нами практическую проблему того, что честные люди доброй воли, будучи сломлены, превращаются в отступников и предателей.

Но в этот самый миг «спасение» мира и самого Фродо осуществляется благодаря проявленной им прежде *жалости* и прощению обиды. В любой момент всякий, кто наделен благоразумием, сказал бы Фродо, что Голлум непременно{231} его предаст и в конце концов, чего доброго, ограбит. «Пожалеть» его и не убить было сущим безрассудством — или проявлением мистической веры в абсолютную самоценность жалости и великодушия, даже если во временном мире они пагубны. И Голлум в самом деле ограбил Фродо и причинил ему зло в финале — но, благодаря «благодати», это последнее предательство произошло в тот самый момент, когда завершающий злой поступок обернулся высшим благодеянием, какое только возможно было совершить для Фродо! Через ситуацию, созданную его «прощением», он спасся сам и освободился от своего бремени. И высочайшие почести ему оказали по справедливости: ведь ясно, что они с Сэмом и не подумали скрывать истинного хода событий. Что до итогового приговора Голлуму, об этом мне бы задумываться не хотелось. Это означало бы пытать «Goddes privitee»{232}, как говорили в Средние века. Голлум жалок, однако он погиб, упорствуя во злобе, и тот факт, что это послужило добру, — не его заслуга. Его потрясающие храбрость и выносливость — здесь он не уступал Фродо с Сэмом, а может, и превосходил их, — поставленные на службу злу, изумительны, но чести ему не делают. Боюсь, во что бы мы ни верили, мы вынуждены взглянуть в лицо тому факту, что есть на свете субъекты, которые уступают искушению,

отказываются от своего шанса на благородство или спасение и кажутся «проклятыми». Их «проклятость» не измеряется в терминах макрокосма (где может привести и к добру). Номы, все, кто находится «в той же лодке», не должны узурпировать место Судии. Подчиняющая власть Кольца оказалась чересчур сильна для подлой душонки Смеагола. Однако он никогда не подпал бы под нее, если бы не стал подлым воришкой еще до того, как Кольцо оказалось у него на пути. А надо ли ему было вообще оказываться у него на пути? А надо ли вообще опасностям возникать на пути у любого из нас? Попытавшись вообразить, как Голлум преодолевает искушение, мы получим своего рода ответ. История сложилась бы совсем по-другому! Оттягивая решение и не укрепив все еще не до конца извращенную волю Смеагола в стремлении к добру во время спора в шлаковой расщелине, он ослабил сам себя в преддверии последнего своего шанса, когда у логова Шелоб зарождающуюся любовь к Фродо слишком легко иссушила Сэмова ревность. После того он погиб.

«Шир» никаких таких особых отсылок к Англии в себе не заключает — кроме того, конечно же, что, как англичанин, выросший в «почти сельской» местности, в уорикширской деревушке на окраине процветающего буржуазного Бирмингема (примерно во времена Бриллиантового юбилея!), я свои «модели» заимствую, как любой другой, из той «жизни», которую знаю сам. Но никаких таких намеков на послевоенный период в книге нет. Я не «социалист» в каком бы то ни было смысле — ибо терпеть не могу «планирования» (что вроде бы самоочевидно), главным образом потому, что «планировщики», дорвавшись до власти, становятся хуже некуда, — но я бы не сказал, что нам тут довелось пострадать от злого умысла Шарки и его Головорезов. Хотя дух «Айзенгарда», если не Мордора, конечно же, вечно о себе заявляет. Взять вот хоть нынешний проект уничтожить Оксфорд, чтобы открыть путь автомобилям[317]. Однако наш главный противник — член правительства «тори». Впрочем, в наши дни это может относиться к чему угодно.

Да: я считаю, что «победители» никогда не могут воспользоваться «победой» — во всяком случае, так, как они себе представляли; и чем более сражались они за что-то, *чем бы хотели воспользоваться сами* (будь то приобретение или просто сохранение), тем менее удовлетворительной покажется «победа». Но уход Хранителей Колец заключает в себе и совсем иной аспект в том, что касается Трех. Разумеется, за всей этой историей стоит определенная мифология. Собственно, написана она была первой, а теперь вот, возможно, будет опубликована хотя бы частично. Должен сказать, что это — «монотеистическая, но «вторично-

творческая» мифология». Там нет воплощения Единого, Господа, который остается вдали, за пределами Мира, и напрямую доступен лишь для Валар, или Управителей. Они-то и занимают место «богов», будучи при этом сотворенными духами, созданиями первичного творения, что по собственной своей воле вступили в мир{233}. Но Единый сохраняет за собою всю полноту верховной власти и (или так кажется при последовательном рассмотрении) оставляет за собою право внедрять в историю перст Божий: то есть производить явления, которые невозможно вывести даже из полного представления о предшествующем прошлом, но которые, будучи реальными, становятся частью неотъемлемого прошлого для всех последующих времен (возможное определение «чуда»). Согласно преданию, эльфы и люди явились первым из таких «внедрений», будучи созданы еще тогда, когда «повествование» было только повествованием, повествованием «неосуществленным»; потому они ни в коем смысле не были задуманы и созданы богами, Валар, и звались эрухини или «Дети Господни», и для Валар оказались непредсказуемым элементом: то есть они были разумными созданиями, наделенными по отношению к Господу свободной волей, принадлежали к той же исторической категории, что и Валар, хотя и обладали значительно меньшей духовной и интеллектуальной силой и уступали им в статусе.

Разумеется, на самом-то деле, вне моей истории, эльфы и люди — это всего лишь разные аспекты Человечности и символизируют проблему Смерти с точки зрения личности конечной, однако обладающей самосознанием и свободной волей. В данном мифологическом мире эльфы и люди в своих воплощенных обличиях приходятся друг другу родней, но в том, что касается отношения их «духа» к миру во времени, представляют собою различные «эксперименты», каждый из которых наделен своей собственной врожденной направленностью, а также и слабостью. Эльфы воплощают, так сказать, художественный, эстетический и чисто научный аспекты человеческой натуры, возведенные на уровень более высокий, нежели обычно видишь в людях. То есть: они самозабвенно любят физический мир и желают наблюдать его и понимать ради него же самого и как «нечто иное» — т. е. как реальность, исходящую от Господа в той же степени, что и они сами, — а вовсе не как материал для использования или как платформу для власти. А еще они наделены непревзойденной способностью к художеству или «вторичному творчеству». Потому они «бессмертны». *Не* «навечно»; им суждено существовать вместе с сотворенным миром и в его пределах, пока длится его история. Будучи «убиты», путем

повреждения или разрушения их воплощенной оболочки, они не вырываются из-под власти времени, но остаются в мире, либо развошгощенны-ми, либо возрождаясь заново. По мере того как длятся века, это становится тяжким бременем, тем более в мире, где существует злоба и разрушение (мифологическую форму, в которую облеклась Злоба или Падение Ангелов в этом предании, я опустил). Сами *перемены* как таковые не представлены как «зло»: перемены — это развертывание истории, и отказываться принять их, конечно же, означает противиться замыслу Божьему. Однако эльфийская слабость в этом контексте, естественно, состоит в том, чтобы жалеть о прошлом и не желать иметь дело с переменами: как если бы человек возненавидел очень длинную книгу, которая все никак не кончается, и захотел остановиться на любимой главе. Таким образом, эльфы в определенной степени поддались Сауроновым обольщениям: они пожелали «власти» над явлениями как таковыми (которая от искусства разительно отлична), чтобы реализовать свое стремление к сохранению: остановить перемены и сберечь все вокруг себя навечно прекрасным и свежим. «Три Кольца» оставались «неосквернеными», поскольку эта цель в ограниченном смысле являлась благой, ведь она включала в себя исцеление подлинного вреда, причиненного злобой, а не только замедление перемен; и эльфы не желали подчинять себе чужую волю, не говоря уже о том, чтобы узурпировать весь мир собственного удовольствия ради. Но с ниспровержением «Власти» их собственные слабые попытки сохранить прошлое пошли прахом. В Средиземье для них ничего не осталось, только усталость. Потому-то Эльронд и Галадриэль уходят. Гандальв — случай особый. Он не ковал Кольца и изначально не он им владел: Кольцо передал ему Кирдан, дабы помочь в его миссии.

Гандальв возвращался, завершив свои труды и исполнив поручение, домой, в землю Валар.

Уход за Море — это не Смерть. Данная «мифология» эльфоцентрична. Согласно ей, изначально подлинный Земной Рай, дом и королевство Валар, существовал как физическая составляющая земли.

Ни в этой истории, ни в мифологии в целом «воплощения» Творца нет. Гандальв — это «сотворенное» существо; хотя возможно, что и дух, существовавший прежде в физическом мире. Его функция как «мага» — *angelos*{234}, или посланника Валар, или Управителей, — содействовать разумным созданиям Средиземья в их сопротивлении Саурону, чья власть оказалась слишком велика, чтобы справиться с ней без помощи свыше. Но поскольку в контексте данного предания и мифологии Власть — когда она

подчиняет или стремится подчинить чужую волю и умы (кроме как с их осознанного согласия) — есть зло, эти «маги» приняли облик обитателей Средиземья и потому испытывали боль как физическую, так и душевную. Они также, по той же причине, тем самым подвергались опасности существ воплощенных: возможности «падения», греха, если угодно. В их случае опасность главным образом облекалась в форму нетерпения, что вело к желанию принудить других поступать во благо им же самим, и так, неизбежно, под конец — к просто-напросто желанию утверждать свою волю любыми средствами. Этому злу и предался Саруман. А Гандальв — нет. Однако с падением Сарумана положение настолько ухудшилось, что от стороны «добра» потребовалось больше усилий и жертв. Так Гандальв встретил и принял смерть; и вернулся, или был послан назад, как говорит он сам, обретя еще большую силу. Но хотя это отчасти напоминает Евангелие, на самом деле это — совсем не то же самое. Воплощение Господа — явление *бесконечно* более великое, нежели все, о чем я дерзнул бы написать. Здесь меня интересует только Смерть как составляющая природы Человека, как физической, так и духовной, и Надежды без каких-либо гарантий. Вот почему я считаю повесть об Арвен и Арагорне наиболее важным из Приложений; это — часть ключевой истории, и помещена она в Приложения лишь потому, что невозможно было включить ее в основное повествование, не нарушив его структуры: оно задумано как «хоббитоцентричное», то есть в первую очередь как рассказ об облагораживании (или освящении) смиренных и малых.

Ни один из черновиков, из которых составлен этот текст, закончен не был.

182 Из письма к Анне Барретт, «Хоутон-Мифлин»

Не датировано; 1956

Теперь я непременно, если получится, частично опубликую те грандиозные исторические хроники, что были написаны первыми — и отвергнуты. Но (оч. неожиданно для меня) успех «Властелина Колец», по всей видимости, заставит пересмотреть отказ. Хотя не думаю, что эта книга сравнится по притягательности с «В.К.» — без хоббитов-то! Зато там полным-полно мифологии, эльфийскости и всего этого «heigh stile»{235} (как выразился бы Чосер), от которых столько рецензентов воротят нос. Однако руки до нее просто не доходят. Я тону с головой не только в проблемах с «В.К.» (без секретаря), но еще и в делах профессиональных — один из способов заставить нас, профессоров, «тихо уйти» практически без всякой пенсии, это сделать для нас последние два-три года пребывания на должности невыносимо тяжкими — в то время как с выходом «В.К.» меня просто-таки взяли в клещи. Большинство моих коллег-филологов шокированы{236} (безусл. за моей спиной, но порою и открыто) тем, что филолог опустился до «банальной беллетристики»; в любом случае молва трубит: «Вот теперь-то мы знаем, на что вы разбазаривали свое время двадцать лет кряду!» И ныне вот гайки закручиваются в том, что касается множества всяческих работ более профессионального плана, давным-давно просроченных. Увы! Мне нравится и то, и другое, однако времени-то мне отпущено на одного человека. Кроме того, лет мне уже немало; чтобы не сказать, одряхлел я! Этим летом ушли на пенсию сэр Джон Бизли и лорд Черуэлл, и я остаюсь самым старшим из профессоров этого древнего учебного заведения: я сижу на своей должности с 1925 г. — 31 год, хотя никто вроде бы этого факта не замечает. За исключением одного-двух, которые взывают: «Доколе, о Господи, доколе же?» — мечтая о мягком кресле (на самом-то деле набито оно чертополохом, как один из них однажды обнаружит).

183 Заметки по поводу рецензии У. Х. Одена на «Возвращение Короля»

Комментарий, написанный Толкином, по всей видимости, для себя самого, и никому более не отосланный и не показанный, по поводу рецензии на «Возвращение Короля» под названием «В финале Квеста — победа» за авторством У. Х. Одена, опубликованной в «Нью-Йорк таймс бук ревью» от 22 января 1956 г. Приведенный здесь текст представляет собою переписанную впоследствии раннюю версию, ныне утраченную, и, по всей вероятности, составленную в 1956 г. В рецензии Оден писал: «Жизнь, как я испытал на своем опыте, в первую очередь — непрерывная череда выборов между разными возможностями….. Естественным наглядным воплощением этого опыта является образ путешествия с некоей определенной целью, связанного с преодолением серьезных опасностей и препятствий….. Но, когда я гляжу на своих ближних, образ этот кажется мне фальшивым… Вижу я, например, что путешествовать могут лишь богачи и те, кто в отпуске; большинство людей большую часть времени вынуждены работать на одном и том же месте. Я не вижу, чтобы они делали выбор; вижу лишь их действия и, если я знаю человека достаточно хорошо, то обычно могу предсказать, как он поведет себя в данной ситуации….. И тогда, если я попытаюсь зафиксировать то, что вижу, точно беспристрастный фотоаппарат, у меня выйдет не Квест, но «натуралистический» документ….. Разумеется, обе крайности жизнь искажают. Средневековые квесты подтверждают критическое замечание Эриха Ауэрбаха из его книги «Мимесис»: «Мир рыцарских испытаний — это мир приключений….. [Рыцарские] подвиги…. это деяния, свершенные наобум, они не вписываются в систему политических целей»….. В использовании традиционных свойств Квеста мистер Толкин преуспел куда лучше всех предшествующих авторов, работавших в этом жанре».

За эту рецензию я крайне признателен. Очень воодушевляет, тем более что вышла она из-под пера поэта и известного критика. Который, однако (как мне кажется), в мастерстве рассказчика не

то чтобы поднаторел. В любом случае я отчасти удивлен, ведь, невзирая на все похвалы, в рецензии отчетливо звучит скорее голос критика, нежели автора. На мой взгляд, неправильно так подходить ни к Квестам в целом, ни к моей истории в частности. Думается мне, как раз потому, что я не пытался и Даже и не думал пытаться «наглядно воплощать» мой личный жизненный опыт, рассказ о Квесте Кольца сумел доставить удовольствие Одену (и прочим). Возможно также, что во многих случаях в силу именно этой причины книга не угодила ряду читателей и критиков. История эта вовсе не про Дж. Р. Р. Т. и ни в одном из своих эпизодов не пытается трактовать аллегорически его жизненный опыт, — ибо именно это, по всей видимости, и означает наглядно воплощать субъективные ощущения в книге, — если означает хоть что-нибудь.

Мыслю я исторически. Средиземье — это не воображаемый мир. Само название — это современная форма (возникшая в XIII в. и сохранившаяся до сих пор) слова *midden-erd* > *middel-erd*, древнее название *oikoumenē*, обиталища людей, объективно существующего реального мира, употребляющееся именно в противопоставление мирам воображаемым (как Волшебная Страна) или мирам незримым (как Небеса и Ад). Театр действий моих преданий — это наша земля, та, на которой мы живем сейчас, хотя исторический период — воображаемый. Основные элементы этого обиталища все в нем присутствуют (по крайней мере для жителей С-З. Европы), так что вполне естественно, что оно кажется знакомым, хотя отдаленность во времени придает ему определенное очарование.

Люди действительно отправляются и испокон веков отправлялись в путешествия и квесты, вовсе не ставя себе целью разыграть аллегории жизни. Сказать, будто «путешествовать могут лишь богачи и те, кто в отпуске», было бы неправдой, идет ли речь о прошлом или о настоящем. Большинство людей хоть сколько-то да путешествуют. Далеко или близко, по делам или просто чтобы съездить «туда и обратно», это особого значения не имеет. Как я попытался выразить в дорожной песне Бильбо, даже послеобеденная прогулка может оказаться важной. Не успел Сэм добраться до Лесного Края, как уже испытал потрясение. Потому что если и есть что-то в путешествии любой протяженности, так для меня это вот что: избавление от растительного состояния беспомощного, пассивного страдальца, упражнение воли и подвижности, пусть и малое, — и любопытства тоже, без которого разум притупляется. (Хотя, конечно же, все это — мысли «задним числом» и основная суть — не в этом. Для рассказчика путешествие — замечательный прием. Это — прочная нить, на

которую возможно нанизать множество всего им задуманного, чтобы создать нечто новое, разнообразное, непредсказуемое и в то же время гармоничное. В выборе именно этой формы я руководствовался соображениями чисто техническими.)

В любом случае я не рассматриваю тех моих ближних, за которыми наблюдал, описанным способом. Мне уже много лет, и наблюдал я за ними достаточно долго, чтобы составить себе представление о том, что Оден, наверное, назвал бы их основополагающим или врожденным характером, подмечая при этом изменения (порою значительные) в их манере поведения. Я не считаю, что путешествие в пространстве — удачное сравнение, способствующее пониманию этих процессов. Я считаю, что сравнение с зерном куда более поучительно: с зерном, наделенным некой врожденной жизненной силой и наследственностью, способностью расти и развиваться. Значительная часть «перемен» в человеке — вне всякого сомнения, раскрытие задатков, заложенных в зерне; хотя они, конечно же, видоизменяются под воздействием ситуации (географической или климатической), в которой зерно оказалось, и могут быть искажены в ходе земных катаклизмов. Но это сравнение неизбежно упускает одну важную подробность. Человек — это не только зерно, развивающееся по заложенной в него программе, хорошо или плохо в зависимости от ситуации или врожденных дефектов как образчик своего биологического вида; человек — зерно и одновременно в некотором роде садовник, к добру или к худу. Меня потрясает, насколько развитие «характера» *действительно может* явиться результатом сознательного намерения, волевого решения изменить врожденные тенденции в желаемых направлениях; в отдельных случаях перемена может быть значительной и постоянной. Я знавал пару-тройку мужчин и женщин, к которым в этом смысле подходило определение «сам себя сделал» — и это было отчасти верно — по крайней мере, не менее, чем это верно по отношению к тем, чье богатство или положение завоевано, можно сказать, главным образом благодаря их собственной воле и усилиям, почти или вовсе без помощи унаследованного состояния или положения в обществе.

В любом случае я лично считаю, что в любой конкретной ситуации или в чрезвычайных обстоятельствах большинство людей непредсказуемы. Возможно, потому, что я не лучшим образом разбираюсь в людях. Но даже Оден говорит лишь, что он в состоянии «обычно предсказать», как они себя поведут; и этим «обычно» вводится элемент неточности, который, хоть и невелик, а для его утверждения все-таки губителен.

Некоторые люди более предсказуемы, нежели другие (или так кажется). Но это объясняется скорее их судьбой, нежели природой (как личностей). Люди предсказуемые живут в относительно неизменных обстоятельствах, так что трудно застать их и понаблюдать за ними в ситуациях, которые (для них) необычны. Вот еще одна весомая причина для того, чтобы отправить «хоббитов» — образ простых, предсказуемых людей в простых, давно устоявшихся обстоятельствах, — в путешествие далеко от благоустроенного дома в чужие земли навстречу опасностям. Особенно если у них есть серьезный повод стойко переносить трудности и приспосабливаться. Хотя в путешествиях люди меняются (или, скорее, проявляют скрытые возможности) и без каких-либо высоких побуждений; это — факт, подсказанный самым обыкновенным наблюдением, никакие символические объяснения здесь не требуются. В путешествии достаточно долгом, чтобы обеспечить какие-никакие тяготы, от неудобств до страха, перемена в спутниках, хорошо знакомых по «обыденной жизни» (и в самом себе) зачастую просто поражает.

В данном контексте слово «политический» мне не нравится; уж больно фальшиво звучит. На мой взгляд, совершенно ясно, что долг Фродо — это долг «человечности», а не политики. Естественно, в первую очередь он думал о Шире, поскольку там — его корни, однако квест преследовал целью не сохранение той или иной формы правления, как, скажем, полуреспубликанское, полуаристократическое устройство Шира, но освобождение от злой тирании всего «гуманного человечества»{237} — включая и тех, кто, как «восточане» и харадрим, все еще служили тирании.

Денетор *был* запятнан политикой как таковой; отсюда его падение и его недоверие к Фарамиру. Для него главной целью стало сохранение государства Гондор как такового, противостояние иному правителю, который сделался могущественнее, и бояться его и дать ему отпор следовало именно поэтому, а отнюдь не потому, что он безжалостен и злобен. Меньших людей Денетор презирал, и можно с уверенностью сказать, что не проводил различия между орками и союзниками Мордора. Если бы он выжил и победил, даже не пользуясь Кольцом, он далеко продвинулся бы по пути к тому, чтобы самому стать тираном, и с обманутыми народами востока и юга обошелся бы жестоко и мстительно. Он стал «политическим» лидером: т. е. Гондор против всего остального.

Однако не такую политику и не такие цели выдвинул Совет Эльронда. Лишь выслушав споры и осознав суть квеста, Фродо принял на себя бремя своей миссии. Более того, эльфы погубили свое собственное государство во имя долга «человечности». И это

— не просто злосчастные последствия Войны; эльфы с самого начала знали, что таков будет неизбежный результат победы, которая эльфам ровным счетом никакой выгоды не принесет. Нельзя сказать, что Эльронд преследовал политическую цель или исполнял политический долг.

Слово «политический» в Ауэрбаховом смысле, на первый взгляд, кажется более оправданным; но и оно, сдается мне, неуместно — даже если признать, к какой скукотище свелись «рыцарские приключения» как таковые в качестве развлекательного чтива для класса, главным образом интересующегося ратными подвигами и любовью{238}. Для нас (или для меня) это примерно столь же занимательно, как рассказы об игре в крикет или байки о заезжей команде, для тех, кто (подобно мне) считает крикет (каков он сейчас) жутким занудством. Однако ратным подвигам в (скажем) артуровских романах или романах, затянутых на периферию этого грандиозного воображаемого мира, вовсе незачем «вписываться в систему политических целей»{239}. В ранней артуровской традиции так оно и было. Или, по крайней мере, эта нить примитивного, но могучего воображения являлась в ней важным элементом. Как и в «Беовульфе». Ауэрбаху «Беовульфа» полагалось бы одобрить: ведь в нем автор попытался вписать деяние «рыцарственности» в сложную политическую ситуацию: в английские предания о международных отношениях с Данией, Готландом{240} и Швецией в древние времена. Однако не в этом сила повествования, — в этом, скорее, его слабость. Личные цели Беовульфа, отправляющегося в путешествие в Данию, — это именно что цели Рыцаря более поздних времен: прославиться самому и превыше этого — возвеличить своего короля и лорда; но все это время мы прозреваем нечто более глубокое. Грендель — это враг, который атаковал самое сердце королевства и принес в королевский чертог тьму кромешную, так что король может восседать на троне лишь при свете дня. Это нечто совсем иное и куда более ужасное, нежели «политическое» вторжение равных — людей такого же соседнего королевства, как, скажем, случилось впоследствии, когда на Хеорот напал Ингельд{241}.

Поражение Гренделя — отличный сюжет для волшебной сказки, поскольку он слишком силен и опасен, обыкновенному человеку его не одолеть, однако этой победе могут радоваться все, поскольку Грендель — чудовище, враждебное всем людям и всему человеческому братству и радости. В сравнении с ним даже давние политические враги даны и геаты были Друзьями, то есть на своей стороне. Это благодаря чудовищности и сказочности Гренделя повесть сделалась действительно важной и дожила до

тех времен, когда политика позабылась и восстановление дано-геатских отношений в «entente cordiale»{242} между двумя правящими домами стало всего лишь малозначительным эпизодом древней истории. В этом политическом мире Грендель выглядит глупо, хотя он, разумеется, не глуп, при всей наивности поэтического воображения и его описания.

Разумеется, в «реальной жизни» стороны не так четко разграничены — хотя бы потому, что тираны-люди редко настолько порочны, чтобы превратиться в абсолютное воплощение злой воли. Насколько я могу судить, некоторые кажутся таковыми, однако им приходится управлять подданными, из которых лишь часть порочна в равной степени, а многим по-прежнему необходимо предъявлять «достойные мотивы», подлинные или вымышленные. Что мы наблюдаем и сегодня. И все же есть однозначные случаи: напр, деяния жестокой агрессии и ничего более, в которых, следовательно, *правота* с самого начала целиком и полностью на одной стороне, уж какое бы там зло ни вызвала со временем в представителях правой стороны *обида* на зло причиненное. Есть также конфликты из-за важных понятий и идей. В таких случаях меня больше занимает исключительная важность того, чтобы оказаться на правой стороне, нежели беспокоит выявление неразберихи сбивчивых мотивов, личных целей и индивидуальных поступков (благородных или низких), в которую, как правило, впутаны *«правое и неправое дело»* реальных человеческих конфликтов. Если конфликт на самом деле возник из-за того, что по праву называется *«хорошим и плохим»* или *«добром и злом»*, тогда правота или добро одной из сторон не доказывается и не утверждается обоюдными притязаниями; они должны зависеть от ценностей и убеждений, что превыше данного конфликта и от него независимы. Судья обязан назвать *правого* или *неправого* в соответствии с принципами, которые имеют для него силу во всех случаях. При таком положении дел *правота* останется неотъемлемой собственностью правой стороны и станет оправдывать ее дело от начала и до конца.

(Я говорю о сторонах, не о личностях. Разумеется, для судьи, чей моральный кодекс основан на религии или философии, да собственно, для любого, не ослепленного оголтелым фанатизмом, правота дела вовсе не оправдает поступков его приверженцев как личностей, если поступки эти дурны с этической точки зрения. Но хотя «пропаганда» может воспользоваться ими как доказательством того, что их дело на самом деле «неправое», это необоснованно. Агрессоры сами в первую очередь виновны в дурных поступках, что стали следствием их исходного попрания

справедливости, и в кипении страстей, что их собственная злобность непременно должна была (по их же собственным стандартам) всколыхнуть. В любом случае они не вправе требовать, чтобы их жертвы, будучи атакованы, не требовали воздаяния: око за око и зуб за зуб.)

Точно так же добрые поступки тех, кто находится на неправой стороне, дела их не оправдывают. И на неправой стороне могут встречаться героические и доблестные деяния, или даже в ряде случаев поступки более высокого морального уровня: деяния милосердия и терпимости. Судья, возможно, воздаст им почести и порадуется тому, что некоторые в силах подняться над ненавистью и гневом конфликта: точно так же он может сокрушаться о дурных поступках, совершенных на правой стороне, и горевать при виде того, как однажды разожженная ненависть тащит людей вниз. Но это все не изменит его суждения насчет того, которая из сторон — правая; и он по-прежнему станет приписывать изначальную вину за все последующее зло противной стороне.

В моей истории я не имею дела с Абсолютным Злом. Даже не думаю, что такое существует, потому что это — Ноль. В любом случае я не считаю, что какое бы то ни было «разумное существо» целиком и полностью — зло. Сатана пал. В моем мифе Моргот пал еще до Сотворения материального мира. В моей истории Саурон воплощает собою максимально возможное приближение к абсолютно злой воле. Он прошел путь всех тиранов: начал хорошо, по крайней мере в том, что, желая все обустроить по своему разумению, он все же поначалу учитывал и благополучие (экономическое) других обитателей Земли. Однако в гордыне и в жажде власти он зашел дальше тиранов-людей, будучи по происхождению бессмертным (ангельским) духом{243}. Во «Властелине Колец» конфликт в основе своей сводится не к проблеме «свободы», хотя, естественно, речь идет и об этом. Суть конфликта — Бог, и Его исключительное право на божественные почести. Эльдар и нуменорцы верили в Единого, истинного Бога, и почитали поклонение иным существам омерзительной гнусностью. Сау-рон желал быть Богом и Королем; таковым его и признавали его прислужники{244}; если бы он одержал победу, он бы потребовал божественных почестей от всех разумных существ и абсолютной временной власти над целым миром. Так что даже если бы «Запад» в отчаянии вывел или нанял орды орков и безжалостно разорил земли прочих людей как союзников Саурона, или просто чтобы помешать им помогать Саурону, Дело Запада все равно осталось бы неоспоримо правым. Как и Дело тех, кто ныне противостоит Богу-Государству и Маршалу Такому-

то и Сякому-то как его Верховному Жрецу, даже если правда то, что многие их поступки дурны (увы, так оно и есть), и даже будь правдой то, что обитатели «Запада», все, за исключением небольшого меньшинства высокопоставленных богатеев, живут в страхе и в нищете, в то время как почитатели Бога-Государства живут в мире и изобилии, во взаимном уважении и доверии (а это не так).

Так что кажется мне, что вся эта чепуха в рецензиях и переписке по их поводу, на предмет того, в самом ли деле мои «хорошие персонажи» добры и милосердны, и щадили врагов (на самом деле щадили) или нет, к вопросу отношения не имеет. Некоторые критики вознамерились выставить меня глуповатым подростком, начитавшимся «Под знаменем в Преторию»{245}, и намеренно искажают то, о чем говорится в книге. Я вовсе не одержим этим духом ура-патриотизма, и в книге его нет. Для доказательства достаточно одного лишь образа Денетора; однако я изобразил народы «правой» стороны, будь то хоббиты, рохиррим, люди Дейла или Гондора, ничуть не в лучшем свете, нежели люди были, и есть, или могут быть. У меня представлен вовсе не «воображаемый» мир, но воображаемый исторический момент «Средиземья», где живем и мы с вами.

184 К Сэму Гэмджи

13 марта Толкину написал некий мистер Сэм Гэмджи, проживающий по адресу Брикстон-Роуд, Лондон, S.W.9: «Надеюсь, вы не возражаете, что я вам пишу касательно вашей книги, «Властелина Колец», транслируемой по радио по частям…. Мне стало интересно, откуда вы взяли имя одного из персонажей по имени Сэм Гэмджи, потому что меня тоже так зовут. Сам я постановки не слышал по причине отсутствия радио, зато слышал кое-кто из моих знакомых…. Я знаю, что это художественное произведение, однако совпадение получилось удивительное, поскольку имя само по себе довольно редкое, хотя в медицинской профессии хорошо известное».

18 марта 1956

Ответ присылать на адрес: Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемый мистер Гэмджи!

С вашей стороны очень любезно было мне написать. Можете представить себе мое изумление, когда я увидел подпись! Могу лишь сказать вам в утешение, я надеюсь, что этот самый «Сэм Гэмджи» из моей истории — персонаж весьма героический, и его от души полюбили множество читателей, даже несмотря на его деревенское происхождение. Так что, возможно, вы не рассердитесь, что имя этого вымышленного персонажа (жившего, как предполагается, много веков назад) совпадает с вашим. А воспользовался я этим именем вот по какой причине. В детстве я жил неподалеку от Бирмингема, и мы называли словом «гэмджи» вату; так что в моей истории семейства Коттон и Гэмджи связаны между собою. В детстве я этого не знал, хотя знаю сейчас, что «Гэмджи» — это сокращение от «повязки гэмджи», названной так в честь изобретателя (хирурга, если не ошибаюсь), который жил между 1828 и 1886 гг. Возможно (я думаю), тот Гэмджи, что умер в этом году, 1 марта, в возрасте 88 лет, и на протяжении многих лет занимал должность профессора хирургии в Бирмингемском университете, приходился ему сыном. По всей видимости, имя «Сэм» или что-то вроде этого{246} часто встречается в этом семействе — хотя узнал я об этом не далее как несколько дней назад, когда мне на глаза попался некролог профессора Гэмджи, я обнаружил, что он — сын *Сэмпсона Гэмджи*, и, заглянув в

словарь, выяснил, что изобретатель звался *С. Гэмджи* (1828–1896), и, значит, возможно, это он и есть.

А нет ли у вас какого-нибудь семейного предания касательно истинного происхождения вашего прославленного и редкого имени? Поскольку у меня у самого имя редкое (порою от него масса беспокойства!), мне это тем более интересно.

«Этимология», приведенная в моей книге, конечно же, абсолютно вымышленная и придумана исключительно в целях моей истории. Я не льщу себя надеждой, что вы возьмете на себя труд *прочесть* произведение столь длинное и фантастическое, тем более если истории про мифические миры вам не нравятся, но ежели все-таки полюбопытствуете, я знаю, что книга (а она имеет потрясающий успех) есть в большинстве публичных библиотек. Увы! — стоит она немало: три фунта три шиллинга. Но если вы или кто-то из вашей семьи в нее заглянете и найдете достаточно занимательной, могу лишь сказать, что буду счастлив и горд послать вам все три тома с автографом, как дань автора достославному семейству Гэмджи.

Искр. Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН

30 марта мистер Гэмджи прислал ответ, сообщив новые сведения о своей семье. От предложения Толкина выслать ему тома с автографом он пришел в восторг. Толкин отправил ему книги; мистер Гэмджи сообщил, что прибыли они в целости и сохранности, добавив: «Уверяю вас, я твердо намерен их прочесть».

185 Из письма к Кристоферу и Фейт Толкин 19 марта 1956

Я тут получил письмо от живого Сэма Гэмджи из Тутинга! Звучит на диво по-хоббичьи, верно? — хотя, боюсь, само место на Шир совсем не похоже.

Кроме того, «А. энд Анвин» прислало замечательно добрые вести или предсказания насчет возможных прибылей в будущем.

186 Из письма к Джоанне де Бортадано (черновики)

Не датировано; апрель 1956

Конечно же, моя история — ни в коем случае не аллегория ядерной угрозы, но угрозы Власти как таковой (направленной на Подчинение). Ядерную физику для этой цели вполне можно использовать. Но не обязательно. Не обязательно вообще ее использовать. Если моя история и содержит какую-то ссылку на современность, так на то, что представляется мне самым распространенным предрассудком нашего времени: если что-то сделать можно, значит, сделать надо. Эта мысль кажется мне насквозь фальшивой. Величайшие примеры подвигов духа и разума заключаются в *отречении*. Когда вы утверждаете, что А[томная] Э[нергия] «есть и будет», я вспоминаю слова Честертона: всякий раз, как он это слышит, он знает: то, о чем идет речь, вскорости заменят и сочтут убогим и старомодным. Так называемая «атомная» энергия будет посерьезнее всего, что имел в виду Честертон (я слышал, как то же самое говорилось о трамваях, газовом освещении, паровозах). Но со всей очевидностью ясно: понадобится определенное «отречение» в ее использовании, сознательный отказ делать кое-что из того, что с нею делать возможно, в противном случае не останется ничего! Однако ж здесь как раз ничего сложного нет: проблема современная, и, по всей видимости, преходящая и мимолетная. Не думаю, что даже Власть или Подчинение составляли истинный центр моей истории. Тем самым вводится тема Войны из-за чего-то темного и достаточно угрожающего, чтобы на тот момент показаться предельно важным, но все это главным образом — «декорации» для героев, на фоне которых они смогут проявить себя. На мой взгляд, истинная тема романа затрагивает проблемы куда более вечные и сложные: это Смерть и Бессмертие; загадка любви к миру, владеющей сердцами расы, «обреченной» покинуть его и, по всей видимости, утратить; тоска, владеющая сердцами расы, «обреченной» не покидать мир, пока не завершится его подстегиваемая злом история. Но если вы уже прочли т. III и историю Арагорна, вы, конечно же, это заметили. (Эта история вынесена в приложение, поскольку предание целиком и полностью я рассказывал более-менее через «хоббитов»; а это потому, что еще одна ключевая мысль книги, на мой взгляд, заключена в замечании Эльронда в т. I: «Зачастую таков ход

деяний, что вращают колеса мира: малые руки совершают их, ибо в том их долг; в то время как взоры великих устремлены в иные пределы». Хотя не менее важна реплика Мерри (т. III стр. 146): «Почва Шира глубока. И однако ж есть то, что глубже и выше; и ни один старичина не смог бы возделывать свой сад «спокойно», как он это называет, если бы не все это».) Я *не* «демократ» только потому, что «смирение» и равенство — это духовные категории, которые неизбежно искажаются при попытке их механизировать и формализировать; а в результате мы получаем не всеобщее умаление и смирение, но всеобщее величие и гордыню, пока какой-нибудь орк не завладеет кольцом власти — и тогда мы получим и получаем рабство. Но все это — своего рода размышления «задним числом». На самом деле моя книга — это история того, что случилось в году X до Рождества Христова, просто случилось с вот таким народом!….

Надеюсь, вы уже «разжились» т. III! Боюсь, мне всегда крайне приятно узнать, что кому-то пришлось *купить* книгу! Библиотечные абонементы авторов не кормят!

На днях вот получил письмо от одного известного и уж точно не бедного человека, который сообщил мне, как высший комплимент, что, будучи просто околдован моей книгой, брал ее в библиотеке несколько раз и платил большие штрафы за то, что не возвращал в срок. Просто слов не нахожу для ответа. Начнем с того, что публикация «В.К.» обошлась примерно в 4000 фунтов — после того, как я выпустил книгу из рук. А до того, не считая всех прочих трудов, я ее дважды вручную перепечатал (кое-какие места и по несколько раз). Профессиональная машинистка запросила бы фунтов 200. Даже в возвышенной героике есть своя трудоемкая, утилитарная сторона — кто-кто, а хоббиты об этом не забывают!

187 Из письма Х. Коттону Минчину (черновик)

Не датировано; апрель 1956. Сверху Толкин приписал: «Примерно в таком виде и отослано 16 апреля (с некоторыми сокращениями)».

Как неизменно обнаруживают аспиранты, сколь бы долгий срок им ни был отпущен, сколь бы тщательно ни работали они над своим трудом и примечаниями, в финале, когда крайний срок сдачи диссертации стремительно приближается, всегда начинается спешка. Вот так вышло и с этой книгой, и с картами тоже. Мне пришлось прибегнуть к помощи сына — К. Т. или К. Дж. Р. Т., как гласят скромные инициалы на картах, — признанного знатока «хоббитоведения». Причем оба мы не обладали полной свободой действий. Помню, когда стало ясно, что «общей карты» для последней Книги недостаточно, или, скорее, что по ней недостаточно подробно прослеживаются передвижения Фродо, рохиррим и Арагорна, мне пришлось посвятить немало дней — последние три я практически не ел и не спал — рисованию, изменению масштаба и подгонке большой карты, над которой он потом проработал 24 часа (с 6 утра до 6 утра, не ложась) — и перерисовал-таки, едва-едва уложившись в срок. Непоследовательность в написании — это из-за меня. Только на последних стадиях (вопреки протестам моего сына; он до сих пор утверждает, что никто в жизни не произнесет название «Кирит», написанное через «с», правильно; на его карте оно значилось как *Kirith*, точно так же, как ранее в тексте) я решил быть «последовательным» и писать эльфийские названия и слова по всему тексту без *«k»*. Вне всякого сомнения, попадаются и другие расхождения…..

Однако ж я в первую очередь филолог и до некоторой степени каллиграф (хотя, глядя на это письмо, поверить в это наверняка непросто). А сын мой пошел в меня. Для нас, несомненно, всепоглощающий интерес — это эльфийские языки и основанная на них система имен; и алфавиты. Мои планы насчет «тома для специалистов» касались главным образом лингвистики. Его предполагалось снабдить указателем имен и названий, который, благодаря этимологическим пояснениям, включал бы в себя еще и довольно обширный эльфийский словарь; конечно, это то, что требуется в первую очередь. Я проработал над ним много месяцев и составил указатель по первым двум томам (из-за него-

то главным образом т. Ш и задержался), пока не стало ясно, что объем и расходы — непосильны. Пришлось мне также, скрепя сердце, отказаться, под давлением «производственного отдела», и от «факсимиле» трех страниц из «Книги Мазарбул», обгоревших, изорванных и запачканных кровью, — а я столько времени затратил на их изготовление или, скорее, подделку! Без них начало Книги Второй, гл. 5 (туда предполагалось поместить факсимиле и тут же — расшифровку) очень проигрывает, а Руны в Приложениях вообще ни к чему.

Однако проблемы (приятнейшие, будь только у меня время), что возникают в связи с дополнительным томом, станут понятнее, если я скажу вам: при том, что многие, подобно вам, требуют карт, других интересуют скорее *геологические*{247} данные, а не топонимика; многие стремятся получить сведения по эльфийской грамматике, фонологии или образцы текстов; а многих занимает метрика и просодия, и хотят они не просто коротких отрывков на эльфийском, но и «переведенных», менее привычных стихотворных форм, как, например, те, что написаны самым что ни на есть формализованным англосаксонским аллитерационным стихом (напр, фрагмент в финале «Битвы на Пеленнорских полях», V vi 124). Музыканты требуют мелодий и нотного письма; археологам подавай керамику и металлургию. Ботаники желают более точного описания «маллорна», «эланора», «нифредиля», «алфирина», «маллоса» и «сюмбельминэ»; а историкам нужны дополнительные подробности о социальном и политическом устройстве Гондора; те же, кто интересуется всем в целом, расспрашивают про кибитников, про Харад, про происхождение гномов, про Мертвых, про беорнингов и про двух недостающих магов (из пяти). Том получится здоровенный, даже если я займусь только тем, что доступно моему ограниченному разумению!

188 Из письма в «Аллен энд Анвин» 3 апреля 1956

В марте издательство «Аллен энд Анвин» сообщило Толкину, что подписан договор на публикацию «Властелина Колец» на нидерландском языке. Толкин ответил, что о таком предложении впервые слышит и хотел бы узнать о нем подробнее. Издатели ответили, что «изо всех сил стараются» продать права за границу и попросили подтвердить, хочет ли этого сам Толкин.

Разумеется, я хочу, чтобы вы продолжали свою деятельность в отношении иностранных изданий…..Однако ж, надеюсь, самоочевидно, что автора, пока он жив, глубоко и непосредственно затрагивает вопрос *перевода*. А данный конкретный автор, к несчастью, еще и профессиональный лингвист, педант-преподаватель, обладающий обширными личными и дружескими связями с виднейшими научными светилами в области английского языка по всему континенту….. Перевод «Властелина Колец» — задача грандиозная, и не вижу, как с ней возможно справиться удовлетворительным образом без содействия автора{248}. Каковое содействие я готов оказать, и незамедлительно, если со мной посоветуются.

Мне бы не хотелось, чтобы снова получилось так, как с переводом «Хоббита» на шведский[318]. Я обнаружил, что в нем непозволительно вольно обошлись с текстом и прочими подробностями, не проконсультировавшись со мною и без моего на то одобрения; кроме того, об этом переводе крайне нелестно в общем и целом отозвался один знаток шведского, знакомый с оригиналом, на суд которого я перевод предоставил. А к тексту «Властелина Колец» (во всех его подробностях) я отношусь куда более ревниво. Никакие изменения, крупные или мелкие, никакие переделки или сокращения данного текста я не одобрю — разве что исходить они будут от меня или станут результатом консультаций со мной напрямую. Искренне надеюсь, что эту мою озабоченность примут в расчет.

189 Из письма к миссис М. Уилсон 11 апреля 1956

Как я вижу, многие дети, начиная примерно от десяти и старше, заинтересовались — да что там, просто захвачены — «Властелином Колец». На самом деле, я скорее об этом жалею. Книга-то писалась не для них. Но, с другой стороны, я сам не принадлежу к числу «ненасытных» читателей, и, поскольку я редко могу себя заставить перечитать вещь дважды, я думаю о многих книгах, которые прочел — слишком рано! Ничто, ни даже (возможно) более глубокое понимание не заменяет для меня благоухания, свежести еще непрочитанного. И все же, что именно мы читаем и когда, назначает «судьба» — как и людей, что встречаются нам на пути.

190 Из письма к Рейнеру Анвину 3 июля 1956

> В июне отдел прав на зарубежные издания «Аллен энд Анвин» прислал Толкину список переводов топонимов к «Властелину Колец», составленный переводчиком на нидерландский, с просьбой: «Не будете ли вы так любезны прислать его обратно — с вашим одобрением, как мы надеемся?»

Надеюсь, вы и отд. прав на заруб, изд. простят мне, что насчет перевода на нидерландский я наконец пишу *вам*. Вопрос этот (для меня) важен; он немало взволновал меня и раздосадовал; и в результате мне пришлось проделать немало совершенно ненужной работы в самое неподходящее время…..

В *принципе* я со всей категоричностью вообще возражаю против «перевода» имен собственных (даже компетентным специалистом). Удивляюсь, с какой стати переводчик считает себя призванным или обязанным это делать. То, что это — «воображаемый» мир, не дает ему никаких прав перекраивать его по своему капризу, даже будь он способен в течение нескольких месяцев воссоздать согласованную систему, над которой сам я трудился долгие годы.

Я так полагаю, что, если бы мои хоббиты разговаривали по-итальянски, по-русски, по-китайски или как угодно, он оставил бы имена в покое. Или если бы я сделал вид, что «Шир» — это какой-нибудь там вымышленный Ломшир[319] реально существующей Англии. Однако на самом деле в вымышленной стране и в вымышленный период, со своей внутренней логикой, как в данном случае, система имен и названий — элемент более важный, нежели в «историческом» романе. Конечно, если опустить «вымысел» далекого прошлого, «Шир» основан на сельской Англии и ни на какой иной стране мира — и из всех европейских стран здесь, пожалуй, менее всего уместна Голландия, ландшафт которой не имеет ничего общего с ландшафтом Шира. (По правде сказать, они настолько разные, что, невзирая на родство языков и во многом — идиоматики, что должно бы отчасти облегчить труд переводчику, ее *топонимика* крайне не подходит для этой цели.) Топонимы *Шира*— взять хоть первый список — это «пародия» на названия сельской Англии, почти в той же степени, что и его обитатели; они нераздельны, и так оно и задумано. В конце концов, книга написана по-

английски и англичанином; и, по всей видимости, даже те, кто хотел бы переложить повествование и диалог на понятный им язык, не станут требовать от переводчика, чтобы он сознательно попытался уничтожить местный колорит. Вот и я от переводчика этого не требую, хотя я, возможно, порадовался бы глоссарию, в тех случаях, когда (очень редко) значение топонима играет важную роль. Мне бы не хотелось в книге, где в первых главах дается картина вымышленной Голландии, встретить «Плетень», «Герцогс'куст», «Орлодом» или «Яблонев-шип», даже *будь* они «переводом» названий «'sGravenHage», «Hertogen-bosch», «Arnhem» или «Apeldoorn»! Эти «кальки» вообще не английские, они просто безродные.

Собственно говоря, карта Шира играет в повествовании роль крайне незначительную, и цель ее главным образом — описательная экспозиция. Разумеется, она основана на некотором знакомстве с историей английской топонимики, которого у переводчика, судя по всему, нет (как я подозреваю, о нидерландской он тоже мало что знает). Но ему эти сведения и *не нужны*, если он только оставит названия в покое. Правильный подход к первой карте — это изменить ее заголовок на *Een Deel von «Шир»*, и не более того; хотя, сдается мне, *naar* для «на» в указателях вроде *«На Литтл Делвинг»* вреда не причинит.

Переводчик (судя по внутритекстовым свидетельствам) в Приложения заглянул, но воспользоваться ими — не воспользовался. И, между прочим, совершенно не отдает себе отчета, сколько проблем создает себе на будущее. «Англосаксонский» рохиррим не очень-то похож на нидерландский. На самом деле переводчик неуклюжими пальцами разрывает на мелкие клочки ткань, структуру которой даже не попытался толком понять…..

Разумеется, здесь упущена вот какая ключевая мысль: даже когда носители языка способны понять смысл топонима (случай нечастый), как правило, они все равно над ним не задумываются. Если в воображаемой стране используются *настоящие* названия или названия, тщательно составленные так, чтобы соответствовать знакомым образцам, они становятся неотъемлемой составляющей, «звучат как настоящие», и переводить их, разлагая по смыслу, вовсе не следует. Нидерландские названия этого голландца должны бы звучать по-нидерландски и не иначе. Так вот, на самом-то деле в нидерландском я не специалист и мало что знаю о своеобразной истории нидерландской топонимики, однако не думаю, что в большинстве случаев это так. Как бы то ни было, большинство названий — сущая *бессмыслица* или вообще ошибочны; все равно

как если бы в тексте встретились такие названия, как Цветково, Новоград, озеро Как, Документы, Ветчинбери и Румянник, а потом оказалось, что автор-то писал: Флоренция, Неаполь (озеро или Лаго ди) Комо, Шартр, Гамбург и Флашинг = Флиссинген!

Вкладываю, в подтверждение моих придирок, подробный комментарий к спискам…..Уверен: правильный (равно как и более экономичный, как для издателя, так и для переводчика?) подход — это по возможности оставить карты и имена собственные в покое, а вместо нескольких наименее важных Приложений поместить глоссарий названий (где бы давались значения, но без ссылок). Я могу такой список предоставить — для перевода.

И да позволено мне будет заявить сейчас и немедленно, что я *не* потерплю подобной халтуры в отношении *имен*. Равно как и в отношении названия/слова «хоббит». Избавьте меня от новшеств вроде «Hompen» (где меня не спросились), или «Hobbel», или что угодно. Эльфы, гномы (при любом написании: Dwarfs/ves), тролли — да; это всего лишь современные эквиваленты правильных терминов. Но *хоббит* (и *орк*) принадлежат к тому миру и таковыми должны остаться, независимо от того, насколько по-нидерландски звучат эти слова…..

Если вы сочтете, что я веду себя нелепо, я глубоко огорчусь; но, боюсь, мнения своего не изменю. Должен признаться, те немногие люди, с которыми мне удалось посоветоваться, высказываются не менее резко. В любом случае, не позволю обращаться с собою на манер миссис Тигги-винкль = Poupette a l'йpingle{249}. Впрочем, уж Б[еатрикс] П[оттер]{250} задала переводчикам жару! Хотя, возможно, с позиций более надежных, нежели в моем случае. Я — не лингвист, однако в *именах и топонимах* мало-мальски разбираюсь, специально их изучал и, если честно, зол просто ужасно.

191 Из письма к мисс Дж. Берн (черновик) 26 июля 1956

Если вы перечитаете все те эпизоды, где речь идет о Фродо и Кольце, думаю, вы убедитесь, что для него не только было *абсолютно невозможно* уступить Кольцо, на деле или в мыслях, особенно в момент наивысшего могущества Кольца, но что провал этот предвещался с самого начала. Фродо воздали почести, поскольку он добровольно принял бремя и затем сделал все, что можно было сделать ценой высшего напряжения его физических и духовных сил. Он (и Миссия) были спасены — благодаря Милосердию: благодаря высшей ценности и действенности Жалости и прощения обид.

На первый взгляд «Послание к Коринфянам» I x.12–13[321] здесь не подходит — разве что «перенести искушение» означает сопротивляться ему, пока ты еще свободен действовать и распоряжаешься собственной волей. Я скорее задумываюсь о загадочном последнем прошении молитвы «Отче Наш»: «И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого». Моление против чего-то, что случиться не может, бессмысленно. Всегда существует возможность, что ты окажешься в ситуации за пределами твоих сил. В этом случае (как мне кажется) спасение от гибели будет зависеть от чего-то вроде бы не имеющего отношения к делу: общей праведности (и смирения, и милосердия) жертвы. Я в этом случае избавление не «подстроил»: оно снова вытекает из логики повествования. (У Голлума был шанс раскаяться и отплатить за великодушие — любовью; и на лезвии бритвы он не устоял.) Для тех, кто сегодня выходит из тюрьмы «с промытыми мозгами», сломленным или потерявшим разум, восхваляя своих мучителей, как правило, избавления столь скорого не предвидится. Но мы по меньшей мере можем судить их по воле и намерениям, с которыми они вступили в *Саммат Наур*; и не требовать невероятных подвигов воли, которые возможны лишь в историях, не имеющих отношения к настоящему этическому и ментальному правдоподобию.

Да, Фродо «потерпел неудачу». Не исключено, что после уничтожения кольца последняя сцена практически изгладилась из его памяти. Однако приходится посмотреть в лицо правде: в конечном счете в этом мире воплощенные создания силе Зла до конца сопротивляться неспособны, какими бы «хорошими» они ни были; а Сочинитель Повествования — не один из нас.

Боюсь, что у меня ощущение точно такое же — мне пришлось

публиковать это все вверх тормашками и в обратном порядке; а после великого краха (когда зримо воплощенное Зло перестало существовать) до Владычества Людей (или просто Истории), к чему все это и вело, мифологические и эльфийские легенды Древних Дней уже не те. Но, возможно, если в итоге их прочтут от начала к концу в правильном порядке, обе части только выиграют. Я не пишу «Сильмариллион», он давно уже написан; но пытаюсь измыслить способ и систему для приведения легенд и анналов в пригодную для публикации форму. И при этом я еще по уши завален всякой другой работой.

192 Из письма к Эми Рональд 27 июля 1956

Я тут как раз получил еще одно письмо на тему провала Фродо. Похоже, мало кто обращает внимание на эту подробность. Но, исходя из логики сюжета, неудача эта, как событие, отчетливо неизбежна. И уж конечно она — событие куда более значительное и реальное, нежели обычный «сказочный» финал, где герой оказывается непобедим! Для добрых, и даже праведных, существует возможность оказаться перед лицом силы зла настолько великой, что справиться с нею они не в состоянии — сами по себе. В данном случае миссия (не «герой») увенчалась победой, потому что благодаря жалости, милосердию и прощению обид возникла ситуация, в которой все было исправлено, а несчастье — предотвращено. Ган-дальв явно это предвидел. См. т. I стр. 68–69[322]. Разумеется, он вовсе не имел в виду, что надо быть милосердными, потому что оно может пригодиться впоследствии — тогда это уже не будет милосердие или жалость, ведь они на самом деле присутствуют только там, где противоречат здравому смыслу. Планировать — не нам! Но нас убеждают, что нам самим должно проявлять непомерное великодушие, если сами мы уповаем на непомерное великодушие, выраженное в том, что нам самую малость облегчат последствия наших собственных сумасбродств и заблуждений — или вообще от них избавят. Атакое милосердие в этой жизни порою случается.

Фродо заслужил высшие почести, поскольку истратил всю силу своей воли и тела до капли, и этого как раз хватило, чтобы довести его до назначенного рубежа, и не более. Мало кто другой, а, возможно, и никто другой из его современников не дошел бы так далеко. А затем происходящее взяла на себя Иная Сила: Сочинитель Повествования (и я имею в виду отнюдь не себя), «та неизменно наличествующая Сущность, что всегда присутствует и никогда не упоминается»{251} (как сказал один из критиков). См. т. I стр. 65[323]. Третий (и последний) из толкователей данной проблемы несколько месяцев назад обозвал Фродо негодяем (которого следовало вздернуть, а не чествовать), да и меня заодно. До чего грустно и странно, что в наши недобрые времена, когда ежедневно люди доброй воли подвергаются пыткам, «промыванию мозгов» и оказываются сломлены, кто-то может быть столь воинствующе ограничен и самоуверен.

Я не думаю, что Уолтер де ла Мар забредал в мои

владения{252}, что бы вы под этим ни разумели: читал ли он мою книгу до того, как скончался, или жил в сходном мире, или и то, и другое. Я встречался с ним только раз, много лет назад, и нам было почти нечего сказать друг другу; но, насколько я чувствую и понимаю его творчество, я бы предположил, что живет он в мире куда более темном и безнадежном; во всяком случае, меня этот мир не на шутку пугает.

193 Из письма к Теренсу Тиллеру 2 ноября 1956

Тиллер, автор и режиссер-постановщик инсценировки «Властелина Колец» на третьем канале Би-би-си (см. № 175), спрашивал у Толкина совета по поводу «говоров» для второго сериала из шести эпизодов книги, основанных на «Двух крепостях» и «Возвращении Короля».

Если под словом «говор» подразумевается, как обычно в непрофессиональной речи, «более-менее последовательные изменения гласных/согласных по сравнению с «нормативным» английским»: я бы сказал, что, в случаях, о которых вы запрашиваете, никакие различия произношения вообще не нужны и нежелательны. Так, например, возможно, лучше было бы избегать определенных, реальных или условных, характеристик современного английского «просторечия» в передаче речи орков, как, например, «проглатывание» «h»{253} (в тексте, как мне помнится, буквы «эйч» *не* опускаются, причем сознательно).

Но, разумеется, для большинства людей «говор», как он определен выше, ассоциируется также с впечатлением от иной интонации, артикуляции и темпа. Вам, видимо, придется прибегнуть к этим средствам, чтобы речь орков зазвучала отвратительно!

Я не сомневаюсь, что, будь эта «история» реальной, всех, кто говорит на В[сеобщем] наречии, отличало бы свое, характерное произношение, разное в зависимости от места, народа и общественного положения, но когда в роли В.н. выступает английский, передать это не представляется возможным — да (как мне кажется) и не нужно. Я обращал самое пристальное внимание на те речевые характеристики, что в данном случае допустимы: в лексике, оборотах речи и т. д.; и сомневаюсь, что возможно добавить что-то еще, разве что отдельно взятый актер выразит свое восприятие персонажа через тон и стиль.

Поскольку у источника В. наречия стоит Минас Тирит, он для В.н. — все равно что Лондон для современного английского, своего рода эталон! Ни у кого из его обитателей никаких «особенностей произношения» быть не должно — в том, что касается гласных и т. д.

Рохиррим, вне всякого сомнения (как и наши древнеанглийские предки на сходной стадии культурного и

общественного развития) говорили, по крайней мере, на своем языке, более медленно и более отчетливо проговаривая звуки, нежели современные «городские жители». Но я думаю, когда они используют В.н., как практически всегда они и поступают (в силу очевидных причин), вы не ошибетесь, если у вас они заговорят на образцовом м[инас]-т[иритском]. Возможно, даже на слишком правильном, поскольку для них это — неродной язык и в их устах звучит несколько медленнее и более выверенно, нежели в устах носителя. Но на эту тонкость можно смело махнуть рукой; кроме того, не всегда она и уместна: *Теоден*, например, родился в Гондоре, и в дни его отца в Золотом Чертоге говорили на В.н. («Возвращение Короля», стр. 350)[324].

194 К Теренсу Тиллеру 6 ноября 1956

Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемый Тиллер!

«Властелин Колец»

Я пока что успел только дважды по-быстрому проглядеть три присланных мне эпизода; но, сдается мне, для того, чтобы мои комментарии принесли хоть какую-то пользу, ответить придется «теперь или никогда». По мелочам я замечаний делать не буду. Ваши цели в создании инсценировки вроде бы вполне понятны, и (допуская, что они обладают некоей ценностью или правом на существование) не думаю, что достичь их удалось бы успешнее. Так что я всячески желаю вам, чтобы ваши усилия увенчалисьуспехом.

Но, между нами говоря, хотелось бы мне, чтобы вы, например, нашли время объяснить, почему с книгой так обошлись и какой в том смысл — на третьем канале. Лично я не верю, что многие слушатели (если вообще хоть кто-то) из тех, которые книги не читали, сумеют уловить сюжет или вообще поймут, что происходит. А текст (учитывая отпущенное время) настолько упрощен и примитивен, что мне с трудом верится, будто он способен привлечь внимание слушателей третьего канала.

Перед вами — книга, совершенно непригодная для театральных постановок или инсценировок. Если уж за это браться, требуется больше места — гораздо больше! Абсолютно невозможно втиснуть две книги в отведенное время, — неважно, хотите ли вы создать нечто, само по себе занимательное для публики, или дать представление об оригинале (или и то, и другое). Тогда отчего бы не отклонить проект как неподходящий, если больше времени ему не отведут?

Разумеется, мне приятно и лестно, что моей книге уделяется столько внимания; однако ж я по-прежнему недоумеваю: ну почему в такой форме? Лично я считаю, что ей требуется, скорее, более древнее искусство чтеца-«мима»{254}, а совсем не инсценировка, в результате которой чрезмерно акцентируется диалог (а декорации по большей части отсутствуют). Взять хотя бы два примера: (1) эпизод с болотными огнями урезан до полной невыразительности; (2) тот решающий момент, где Голлум едва не раскаивается, заменен заурядным: «И вот Голлум отыскал их… и т. д.» III/12. Тем самым и «пейзажи», и «персонажи» утрачивают

выразительность; первые — расплывчатые, бесцветные, вторые — без мотиваций и конфликтов. Поневоле начинаю думать, что более пространные отрывки как таковые, зачитанные вслух, — своего рода ожерелье на нити повествования (в котором рассказчик мог бы время от времени давать пояснения, а не только излагать события сюжета) покажутся или могли бы показаться интереснее для слушателей и достойнее — в глазах автора. Но, как я уже сказал, в радиовещании я разбираюсь плохо, и это никоим образом не критика вашего текста, но сокрушение о чем-то совершенно ином — о недосягаемой луне{255}, не иначе. Последний вопрос: а возможно ли инсценировать историю, задуманную не в виде драмы, но (за отсутствием термина более точного) в виде эпоса — разве что инсценировщику дать волю или он сам примется вольничать как лицо независимое? Сдается мне, задача перед вами оказалась не из простых.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

195 Из письма к Эми Рональд 15 декабря 1956

Одно уточнение: отношение Фродо к оружию — это нечто личное. Он никакой не «пацифист», в современном смысле этого слова. Разумеется, его главным образом ужасала перспектива гражданской войны среди хоббитов[325]; но он также (я полагаю) пришел к выводу, что борьба с применением силы на самом деле куда менее эффективна, нежели думает большинство людей (хороших людей)! Собственно говоря, я — христианин, и притом католик, так что в моих глазах история — не что иное, как «продолжительное поражение» — хотя в ней и содержатся (а в легендах представлены еще более ясно и волнующе) образчики или отблески финальной победы.

196 Из письма к Катерине Фаррер 21 марта 1957

Написано, хотя сам Толкин этого не знал, в день, когда К. С. Льюис обвенчался по англиканскому обряду с Джой Дэвидмен; обряд был совершен в госпитале у ее больничной койки; предполагалось, что Джой умирает.

Вы, кажется, очень обеспокоены невзгодами бедняги Джека Льюиса. О них я мало что знаю, помимо осторожных намеков исключительно сдержанного Хаварда. Когда я с Джеком вижусь, он, естественно, ищет спасения в «литературной» беседе (а любви к ней до сих пор не охладили даже домашние горести и тревоги).

197 Из письма к Рейнеру Анвину 9 мая 1957

Издательство «Аллен энд Анвин» прислало Толкину внушительный чек — прибыль автора с продаж «Властелина Колец». Рейнер Анвин сообщил, что книга превосходно продается, и предрекал, что роман будет пользоваться спросом и дальше.

Ваша «бомба» обрушилась в разгар жуткой «запарки»….. В противном случае я поблагодарил бы вас за ваше любезное письмо куда раньше.

Знай я об этом, я бы всерьез подумал о том, чтобы уйти на пенсию в положенное время (уже в июле) и отказаться от двух дополнительных лет, ведь на скудном пенсионном вспомоществовании они скажутся не настолько, чтобы стоило из сил выбиваться. А при нынешнем положении вещей меня попросту оштрафуют за то, что продолжаю «работать»{256}, на сумму, примерно равную моему жалованью, если только мой Налоговый] [И]нспектор не преувеличил мрачность перспективы в связи с этой внушительной второй выплатой. Кроме того, пока я в штате, совершенно не представляется возможным поработать над «Сильмариллионом» иначе как урывками. Книга с прошлой осени так и лежит, отложенная в сторону; хотя от души надеюсь вновь за нее взяться в конце следующего месяца. Последнее время я себя неважно чувствую, да и артрит мало-помалу дает о себе знать — за письменным столом долго уже не просидишь, боли начинаются.

Как мне ни жаль лишиться плодов многолетнего труда (что означает принести в жертву не только досуг, но и другие занятия, приносящие прямую ежегодную прибыль), должен сказать, что ваше сообщение о продажах и надеждах на ближайшее будущее немало меня ободрило, и радуюсь я не только за себя, но и за вас тоже (и за «А. энд А.»). Вы выказали по отношению ко мне столько доброты и терпения; и без вашей поддержки и великодушной «авантюры», полагаю, «В.К.» до сих пор оставался бы лишь кипой рукописей. Боюсь, не могу не думать про себя, что можно многое сказать в пользу «более вульгарных проявлений литературного успеха», как выразился недавно ехидный критик (не про мой случай, но про гораздо более «вульгарный»).

198 Из письма к Рейнеру Анвину 19 июня 1957

Американский кинорежиссер интересовался, нельзя ли сделать мультфильм по «Властелину Колец».

Что до меня лично, я готов приветствовать идею мультипликационного фильма, при всем риске опошления; и это — безотносительно к слепящему блеску золота; хотя, в преддверии ухода на пенсию, это — перспектива не самая неприятная. Сдается мне, опошление я вынесу легче, нежели оглупление Би-би-си.

199 Из письма к Кэролайн Эверетт 24 июня 1957

Хотя это — комплимент не из малых, я на самом деле не очень-то рад оказаться героем диссертации. В автобиографические подробности мне вдаваться не хочется. Сомневаюсь, что они имеют хоть какое-то отношение к литературоведению. Во всяком случае, в ином виде, нежели полная биография, охватывающая жизнь внешнюю и внутреннюю, написать которую мог бы только я, чего делать не намерен. На мой взгляд, главный факт моей биографии — это завершение «Властелина Колец», чему я до сих пор не устаю изумляться. Будучи печально известен своей способностью браться за всевозможные начинания и ничего не заканчивать, отчасти в силу недостатка времени, отчасти в силу неспособности сосредоточиться на чем-то одном, я до сих пор гадаю, как и почему я умудрился корпеть над этой штукой год за годом, зачастую — под бременем вполне реальных проблем, и довести ее до конца. Наверное, потому, что с самого начала она принялась улавливать в тенета повествования образы едва ли не всего того, что я всей душою любил или ненавидел.

В закрытой частной школе, то есть в интернате, я не учился; я ходил в замечательную «классическую школу», что корнями своими уходит в средневековье. Таким образом, мой школьный опыт не имеет ничего общего с опытом мистера Льюиса. Я учился в одной и той же школе с 1900 по 1911 год с одним-единственным небольшим перерывом. Я был так же счастлив или наоборот в школе, как и в любом другом месте, причем все проблемы возникали по моей собственной вине. Как бы то ни было, я дошел до последнего класса вполне себе уважаемым и умеренно преуспевающим учеником. К играм я неприязни не питал. По счастью, они не были принудительными, поскольку крикет мне всегда казался сущим занудством; правда, главным образом потому, что он мне не давался…..

Из других коротких повестей я опубликовал всего одну: «Лист работы Ниггля». Не придумываются они у меня. А вот «Лист работы Ниггля» придумался — мгновенно и почти законченным. И записал я его буквально за один присест, практически в том виде, в каком он существует сейчас. Теперь, глядя на него со стороны, я бы сказал, что, в придачу к моей любви к деревьям (первоначально повесть называлась «Дерево»), он возник из моей поглощенности «Властелином Колец», из сознания, что книга

будет отделана до мельчайших подробностей — или вообще останется незаконченной; и из страха (почти уверенности), что вероятнее — «вообще нет». Разразившаяся война омрачила все перспективы. Но такого рода анализ никогда не содержит в себе исчерпывающего объяснения даже самой что ни на есть коротенькой повести…..

Я прочел книги [Э. Р.] Эддисона спустя много времени после их выхода в свет; и однажды с ним встречался. Я слышал его у мистера Льюиса в Модлин-Колледж: он читал вслух отрывки из своих произведений — из «Владычицы владычиц», насколько я помню[326]. И делал это превосходно. Я читал его книги, от души наслаждаясь их чисто литературными достоинствами. Мое мнение о них почти совпадает с тем, что высказал мистер Льюис на стр. 104 «Эссе, посвященных памяти Чарльза Уильямса»[327]. Вот только персонажи его мне не нравились (за неизменным исключением лорда Гроу); и я презирал то, чем он, похоже, восхищался, — презирал куда сильнее, нежели мистер Льюис, во всяком случае, счел возможным сказать от себя. Эддисон считал то, чем восхищаюсь я, «мягкотелостью» (его собственное словечко: для него это был приговор без тени снисхождения, насколько я понимаю); а мне казалось, что, отравленный недоброй и, по правде говоря, вздорной «философией», он постепенно все более и более восхищался надменностью и жестокостью. К слову сказать, его систему имен я находил неряшливой и зачастую бестолковой. Однако, невзирая на это все, я по-прежнему считаю его величайшим и самым убедительным автором «придуманных миров» из всех, кого читал. Но никакого «влияния» он на меня не оказал.

Общий замысел «Властелина Колец» со всей определенностью сложился у меня уже на самом раннем этапе: то есть считая с первого варианта главы 2 Книги I, написанной в 1930-х гг. Время от времени я составлял черновые наброски или краткие планы дальнейшего развития событий, на ближайшие несколько эпизодов или с дальним прицелом; но они пригождались редко: история развивалась словно бы сама по себе. Согласования удалось добиться — постольку-поскольку — путем постоянного переписывания от конца к началу. У меня был календарь со множеством колонок, где проставлялись даты и вкратце обозначалось, где в каждый из указанных дней находятся все главные действующие лица или группы и что они делают.

Последний том, разумеется, оказался самым трудным, поскольку к тому времени я накопил изрядное количество сюжетных долгов и создал несколько непростых проблем с подачей материала при собирании вместе разрозненных нитей.

Однако проблема состояла не столько в «что случилось?», в чем я сомневался лишь изредка, — хотя меня хвалят за «богатую фантазию», отчетливых воспоминаний о том, чтобы я садился за стол и целенаправленно выдумывал какой бы то ни было эпизод, у меня не сохранилось, — сколько в том, чтобы упорядочить рассказ о происходящем. Решение не идеально. Неудивительно.

Очевидно, главная проблема такого рода состояла в том, как неожиданно привести Арагорна к снятию Осады и при этом сообщить читателям, что он поделывал до того. Если подробно рассказать об этом в должном месте (т. III, гл. 2), глава 6 просто погибла бы, хотя для самого эпизода оно вышло бы лучше. А если рассказать полностью или частично в ретроспекции, эти сведения устарели бы и затормозили бы действие (как это происходит в главе 9).

Решение, увы, несовершенное, свелось к тому, чтобы вырезать весь эпизод (который в полном варианте принадлежал бы скорее к «Саге об Арагорне, сыне Араторна», нежели к моей истории) и вкратце пересказать его финал во время неизбежной паузы после Пеленнорской битвы.

На самом деле особенно надолго я застрял — в силу внешних обстоятельств, равно как и внутренних, — на моменте, сейчас представленном заключительными словами Книги ш (до нее я дошел около 1942 или 1943 г.). После того глава 1 Книги v очень долго пребывала лишь на стадии первых абзацев (до прибытия в Гондор); главы 2 не существовало вовсе; а глава 3, «Рохан собирает войска», продвинулась лишь до прибытия в Харроудейл. Глава 1 Книги iv продвинулась не дальше первых слов Сэма (т. II стр. 209). Были написаны (но в конце концов отвергнуты) некоторые эпизоды из приключений Фродо с Сэмом на границах Мордора и в самом Мордоре.

200 Из письма к майору Р. Боуэну 25 июня 1957

Я обратил внимание на ваши замечания о Сауроне. Он, будучи повержен, неизменно развоплощался. Теория, если возможно использовать термин столь громкий применительно к данной истории, сводится к тому, что он был духом, правда, из меньших, но все же «ангельской» природы. Согласно соответствующим мифологическим представлениям, это означало, что, даже будучи, разумеется, сотворенным, он принадлежал к роду разумных существ, созданных раньше материального мира, которым было дозволено в меру своих сил содействовать в его созидании. Те, что оказались наиболее вовлечены в это произведение Искусства, каковым мир был сперва, настолько им пленились, что, когда Создатель сделал его реальным (то есть наделил его вторичной реальностью, второстепенной по отношению к его собственной, каковую мы называем первичной реальностью, и, следовательно, в данной иерархии на одном уровне с ними), они пожелали вступить в него с самого начала его «осуществления».

Им это было разрешено, и величайшие среди них стали аналогами «богов» традиционных мифологий; но с условием, что они останутся «внутри», пока не завершится Повествование. Таким образом, они пребывали в мире, но не принадлежали к числу тех, чья природная суть — иметь материальное воплощение. При желании они «самовоплощались»; но их воплощенные формы скорее уподоблялись нашим одеждам, нежели нашим телам, разве что больше, нежели одежда, выражали собою их желания, настроения, волю и функции. Знание Повествования на момент его сочинения, еще до осуществления, дало им некоторую меру предвидения; объем его заметно разнился, от почти полного знания помыслов Творца в этом деле, каковым обладал Манвэ, «Старший Король», до знания меньших духов, которые, возможно, интересовались лишь второстепенными явлениями (как, например, деревья или птицы). Некоторые примкнули к таким главным художникам и узнавали о мире главным образом косвенно, через постижение сознания своих владык. Саурон состоял при величайшем из них, Мелькоре, который в конце концов стал неизбежным самовлюбленным Бунтовщиком мифологий, которые начинаются с трансцендентального единого Создателя. Олорин (т. II стр. 279) состоял при Манвэ[328].

Создатель не держался в стороне. Он ввел в первоначальный замысел новые темы, осуществления которых многие духи могли и не предвидеть; случались также и непредвиденные события (происшествия, предсказать которые не помогло бы даже полное знание прошлого).

В первом случае главной стала тема воплощенного разума, эльфов и людей; ни один из Духов о ней не задумывался и участия в ней не принимал. Поэтому их назвали Детьми Господа. Иные, чем Духи, уступающие им «в силе», и все же — существа того же порядка, они вызывали в великих духах любовь и надежду; те знали кое-что об их обличий и природе, а также и приблизительное время их появления в осуществлении. Однако сознавали они и то, что Детей Господа не должно «подчинять», хотя они окажутся к тому особенно восприимчивы.

Именно потому, что Дети Господни настолько их занимали, духи столь часто принимали обличие и подобие Детей, особенно после их прихода. Вот почему Саурон являлся в этом облике. В мифологии подразумевается, что, когда облик «настоящий», то есть физическая реальность в физическом же мире, а не образ, передаваемый от разума к разуму, на создание его требуется некоторое время. И тогда он оказывается подвержен разрушению, как прочие материальные организмы. Но дух, конечно же, при этом не уничтожается — и не покидает мира, с которым связан вплоть до самого конца. После битвы с Гильгаладом{257} и Элендилем Саурону потребовалось немало времени на «воссоздание», дольше, нежели после Низвержения Нуменора (потому, полагаю, что каждое «восстановление» использовало часть внутренней энергии духа, которую можно назвать «волей» или действенным связующим звеном между неуничтожимым разумом и существом и воплощением его представлений). Невозможность «воссоздания» после уничтожения Кольца достаточно очевидна с «мифологической» точки зрения в самой книге.

Извините, если все это кажется занудным и «напыщенным». Но в том беда всех попыток «растолковать» мифологические образы и события. Естественно, истории первичны. Зато, сдается мне, если мифология доступна разумным и рациональным толкованиям, это отчасти доказывает ее последовательность.

201 Из письма к Рейнеру Анвину 7 сентября 1957

4 сентября Толкина посетили представители американской компании, заинтересованной в создании мультфильма по «Властелину Колец». Толкину выдали краткое содержание предполагаемого мультфильма; он согласился его прочесть.

В понедельник вы получите копию «Сценария» или краткое содержание предполагаемого мультфильма по «Властелину Колец». Вчера отправить не смог…..

Сокращением счет подборки хорошего визуального материала было бы очень даже приятно и, возможно, пошло бы на пользу популярности фильма; но данный сценарий — это скорее *ужимание*, что влечет за собою перенасыщенность, путаницу, размывание кульминационных моментов и ухудшение в общем и целом: шаг назад к более традиционным «волшебным сказкам». Персонажи носятся туда-сюда на орлах по малейшему поводу; Лориэн превращается в волшебный замок с «изящными минаретами» и все такое прочее.

Но я вполне готов к сотрудничеству, если они согласны прислушаться к советам — и если вы решите, что они вполне искренни и дело того стоит.

202 Из письма к Кристоферу и Фейт Толкин 11 сентября 1957

Мое сердце и мысли принадлежат «Сильмариллиону», вот только времени на него не находится…..

Возможно, вас позабавит, что я вдруг (без какой бы то ни было инициативы с моей стороны) оказался лауреатом Международной премии фэнтези, присужденной (как утверждается) «в качестве достойной кульминации пятнадцатого Всемирного конвента научной фантастики». Все это свелось к ланчу с речами в «Крайтерионе» вчера и к вручению нелепого «приза». Массивная металлическая «модель» установленной перпендикулярно ракеты (в комплекте с зажигалкой «Ронсон»{258}). Однако речи оказались куда более осмысленными, особенно вводная, — ею блеснула Кле-менс Дейн, монументальная дама наружности просто-таки ситвеллианской{259}. Присутствовал сам сэр Стэнли собственной персоной. Поскольку особой пользы в призе я не видел (кроме как реклама = продажи = наличные), я поместил его в витрину дома № 40 по Мьюзиум-Стрит{260}. Отголоском Конвента стал визит некоего представителя американской кинокомпании (одного из членов судейской коллегии) — он на прошлой неделе прикатил на такси из самого Лондона только ради того, чтобы со мной повидаться, и заполонил дом № 76 на С[эндфилд-Роуд] чужими мужчинами и еще более чужестранными женщинами — я уж думал, такси вовеки не кончит извергать пассажиров. Но этот мистер Акерман привез действительно потрясающие рисунки (ближе к Ракему{261}, чем к Диснею) и несколько замечательных цветных фотографий. Они, по-видимому, исколесили всю Америку, снимая пустыни и горы, которые вписались бы в мое произведение. Однако либретто или сценарий оказался уровнем пониже. Скажем честно: скверным. Но похоже на то, что с ними можно делать дело. Стэнли А. и я согласовали политику: *либо искусство, либо деньги*. То есть либо исключительно выгодные условия, либо абсолютное авторское вето на все нежелательные детали или изменения.

203 Из письма к Герберту Широ [329] 17 ноября 1957

Моя история *не* заключает в себе «символизма» или сознательной аллегории. Аллегории типа «пять магов = пять чувств» моему образу мыслей абсолютно чужды. Магов было пять, и это — просто-напросто специфическая составляющая истории. Спрашивать, правда ли, что орки «на самом деле» — коммунисты, по мне, не более разумно, чем спрашивать, являются ли коммунисты орками.

Но отсутствие аллегории не означает невозможность соотнесения. Соотнесение возможно всегда. И поскольку борьба порой весьма неоднозначна: тут и леность и тупость среди хоббитов, и гордыня и [неразборчиво] среди эльфов, и зависть и алчность в сердцах гномов, и безрассудство и жестокость среди «Королей Людей», и предательство и жажда власти даже среди магов, — я полагаю, моя история вполне соотносима с современностью. Но если бы меня спросили, я бы ответил, что в истории на самом деле речь идет не о Власти и Господстве, это — только двигатели сюжета; моя история — о Смерти и жажде бессмертия. А это почти то же самое, что сказать: эта история написана человеком!

204 Из письма к Рейнеру Анвину 7 декабря 1957

Во второй половине 1957 г. Толкин предложил лорду Холсбери (см. № 174) прочесть в рукописи несколько эпизодов «Сильмариллиона». В декабре Рейнер Анвин приехал к Толкину обсудить эту книгу, позаимствовал на время часть рукописи и сообщил ему подробности касательно перевода книги «Властелин Колец» на шведский.

Как только вы уехали, я обнаружил письмо Холсбери — на самом видном месте….. Хотя его комментарии и критические замечания (на сегодня получил еще 14 страниц) для меня весьма интересны и кое-где даже полезны, сопроводительное письмо представляет интерес главным образом как свидетельство того, что, как то ни удивительно, эти «сильмариллионовские» писания все-таки какую-никакую аудиторию обретут. Он просмотрел то, что я передал вам. И написал: «Спасибо за разрешение ознакомиться с этой удивительной мифологией: для меня это — великая честь. В жизни не читал ничего подобного и дождаться не могу публикации. Вы просто *обязаны* ее опубликовать, пока «Властелин Колец» все еще пользуется большим спросом…. Предвижу, что обработать это все и привести в подобающий для публикации вид будет стоить вам немалого труда, и желаю вам удачи»…..

Теперь я со всей отчетливостью понял, что должен, в качестве обязательной предварительной меры перед «обработкой», снять копии со всего, что возможно скопировать. И я за это возьмусь, как только смогу. Однако, сдается мне, лучше всего (на данном этапе, когда такое количество материала представлено в единственном, невосстановимом экземпляре) поступить так: посадить машинистку в моем кабинете в колледже так, чтобы ни одна рукопись не ушла у меня из рук, пока не будет размножена. Надеюсь, тогда, возможно, вы заинтересуетесь настолько, чтобы запросить хотя бы краткое изложение оставшейся части.

Швеция. Вложенные материалы, полученные вами от «Альмквист» и т. д.[330] меня озадачили и разозлили. Письмо на шведском от fil.dr{262}. Оке Ольмаркса[331] и огромный список (9 стандартных писчих листов) имен и названий из «Властелина Колец», им переделанных. Надеюсь, что в силу моих скудных познаний в шведском — шведский я знаю ничуть не лучше

нидерл., зато мой нидерландский словарь куда лучше! — я склонен слишком сгущать краски. Однако ж впечатление следующее: доктор Ольмаркс — самодовольный тип, еще менее компетентный, нежели милейший Макс Шухарт[332], хотя сам он о себе мнит весьма высоко. На протяжении всего письма он читает мне лекцию о характере шведского языка и о том, как этот язык органически не приемлет иностранных заимствований (замечание не по существу); причем рассуждения эти особенно нелепы в свете языка письма, более чем на №/i состоящего из «заимствований» из немецкого, французского и латыни: *thriller-genre*{263} — вот вам отличный образчик старого доброго чистого шведского!

Подобный подход изрядно меня озадачил, потому что и само письмо, и список не имеют никакого смысла, если автора не интересуют мое мнение и критические замечания. Но если цель ставилась именно такая, тогда я бы сказал, что момент выбран как непрактично, так и невежливо; под дулом пистолета объявляется: «Мы уже приступаем к набору». Равнокак и о моем удобстве никто не справился: письмо свалилось на меня, точно гром среди ясного неба, в разгар второй самой занятой учебной недели года. Мне пришлось просидеть до поздней ночи для того, чтобы хотя бы проглядеть список. Даже если предположить, что перевод уместен или необходим (а я так не считаю — разве что в очень умеренной степени), данный перевод, на мой взгляд, далеко не блестящий и содержит изрядное количество вопиющих ошибок{264}. Даже если, учитывая сложность материала, они простительны, все равно, на мой взгляд, это весьма удручает; ошибок вполне можно было избежать, проконсультировавшись со мною заранее. Мне представляется очевидным, что д-р О. просто продирался сквозь текст, решая проблемы по мере поступления и не особенно заботясь ни о будущем, ни о согласованности, и что Приложений{265} он не прочел вовсе, а ведь там он нашел бы немало ответов…..

От души надеюсь, что, если и когда начнутся переговоры о новых переводах, удастся устроить так, чтобы *со мной консультировались на раннем этапе* — не спугнув робкую пташку с гнезда. В конце концов, я же денег не требую и могу сэкономить переводчику массу времени, да и головы ломать не придется; а если со мной *проконсультируются* на раннем этапе, мои замечания будут куда меньше смахивать на сварливые придирки.

Теперь я вижу, что отсутствие «указателя имен и названий» — серьезная помеха в решении проблем такого рода. Будь у меня указатель имен (пусть даже только со ссылками на том и главу, а не на страницы), было бы сравнительно нетрудно сразу же

пометить, какие названия подлежат переводу (будучи сами по себе, согласно авторскому вымыслу, «переводом» на английский) и добавить несколько примечаний по вопросам, на которых (как я теперь убедился) переводчики наверняка споткнутся…..

Данный «алфавитный список» окажется мне *крайне полезен* для будущих поправок и в составлении указателя (который, как мне кажется, должен заменить часть теперешних приложений); а также и в работе над «Сильмариллионом» (в который необходимо задним числом вписать кое-что из «В.К.», чтобы увязать эти две книги воедино). Нельзя ли что-нибудь с этим поделать?

205 Из письма к Кристоферу Толкину 21 февраля 1958

Кристофер Толкин, на тот момент университетский лектор, прочел доклад в научном обществе Сент-Эннз-Колледж под названием «Варвары и граждане», темой для которого послужили различные трактовки героев северных легенд в сочинениях германских поэтов и латинских авторов. На чтении доклада присутствовал его отец.

По-моему, выступил ты просто отлично. Я был просто в восторге: во-первых, потому, что доклад оказался ужасно интересный — после целого дня трудов и беготни (в моем случае) мне ни разу не захотелось закрыть глаза или мысленно отвлечься хоть на миг — причем повсюду вокруг я ощущал то же самое; а во-вторых, в силу родительской гордости. (Не то чтобы я считал, что чувство это на самом деле — из числа *hwelpes of юе luin*{266}: это вполне законное удовлетворение с наималейшей примесью эгоизма (совсем без него не обходится) при мысли о том, что отведенную тебе роль ты не вовсе провалил и выплатил будущему хотя бы часть того долга, который причитается прошлому.)

Доклад имел потрясающий успех; вот теперь я понимаю, чем ты подкупаешь аудиторию. Да, конечно, фразы твои искрятся жизнью и энергией, но излагаешь ты четко, как правило, бесстрастно, и, всего-то-навсего правильно распределив и оформив информацию, позволяешь материалу говорить самому за себя. И все равно я вдруг понял, что я — *чистой воды* филолог. Я люблю историю, она меня волнует, но лучшие моменты для меня — те, которые проливают свет на слова и имена! Несколько знакомых (и я с ними согласен) говорили мне о том, с каким искусством ты изобразил Аттилу с пронзительным взглядом на ложе, прямо как живого. Однако, как ни странно, меня лично больше всего волнует то, что ты упомянул лишь мимоходом: «atta, attila»[334]. Без этих слогов вся великая драма как истории, так и легенды для меня аромат утрачивает — или утратила бы.

Сам не знаю, что имею в виду, поскольку «эстетику» просто невозможно уловить в тенета слов. Никто мне не верит, когда я говорю, что моя большая книга — это попытка создать мир, в котором язык, отвечающий моим личным эстетическим предпочтениям, показался бы настоящим. Но это правда. Один любопытствующий (в числе многих других) желал знать, о чем

вообще «В.К.» и не «аллегория» ли это. А я сказал, что это — попытка создать ситуацию, в которой самым обычным приветствием было бы «элен сила луменн' оментиэлмо»[335], и что фраза эта возникла задолго до книги. Больше ни о чем меня не спрашивали. Но сам я получил бездну удовольствия и спать ложусь по-настоящему счастливым. Со всей очевидностью в том, что касается *всей сферы* академического мира, мяч упал к твоим ногам. (Собственно говоря, мне он представляется исполненным благородного величия и значимости.)

206 Из письма к Рейнеру Анвину 8 апреля 1958

В конце марта 1958 г. Толкин посетил Голландию по приглашению роттердамских книготорговцев «Фоорхувэ эн Дитрих»; дорожные расходы взяло на себя «Аллен энд Анвин». Толкин присутствовал на «Хоббитском обеде» и произнес речь. В меню, помимо всего прочего, значился «Мэггот-суп»{267}, название которого задумывалось как аллюзия на грибы фермера Мэггота во «Властелине Колец».

Поскольку этим памятным и в итоге оказавшимся исключительно приятным путешествием в Голландию я обязан щедрости «А. энд А.», полагаю, с меня причитается что-то вроде отчета. Я уже успел слегка «остыть» и хоть сколько-то прийти в себя. Фимиам курился густо и ударял в голову; любезность просто обезоруживала. Путешествие прошло благополучно, места мне забронировали потрясающие; корабль был битком набит, а поезд от Л[иверпуль-] Стрит состоял из двух частей. Прибыл я в тумане, под моросящим дождичком, но к тому времени, как добрался до Роттердама, солнце уже светило вовсю, и так — два дня. Ауботер из «Ф[оорхувэ] и Д[итрих]» размахивал «Властелином Колец», так что опознать его в толпе труда не составило; однако я его ожиданий не оправдал, как он сам признался (после ужина); письмо мое «подготовило» его чересчур успешно, и он высматривал кого-нибудь помельче, позастенчивей, словом, больше смахивающего на хоббита.

(Мне он показался милейшим, умнейшим человеком; однако ж он все еще слегка сокрушался по поводу всеобщего веселья, вызванного «мэггот-супом», что значился в меню. Разумеется, это было не что иное, как грибной суп; но он говорил, что ни за что не выбрал бы этого названия, если бы знал «названия всех английских паразитов».) Я пообщался с представителем «Хэт Спектрум»[336] и насмотрелся на удручающие картины разрушенного и наполовину отстроенного Роттердама. Думаю, главным образом из-за разрыва между этим неуютным миром, загроможденным гигантскими, по большей части безликими зданиями и естественными, патриархальными вкусами голландцев, они (как мне кажется) — и в Р[оттердаме] особенно — просто-таки опьянены *хоббитами*! Практически ни о чем другом, кроме хоббитов, они и не говорили.

В 5.30 в пятницу я предстал перед довольно внушительным собранием в актовом зале. Я так понял, свыше 200 человек (по большей части самых что ни на есть обыкновенных) заплатили за вход, а многим пришлось уйти ни с чем. Профессор Хартинг[337] поразился еще больше меня. Обед со всей определенностью получился «обильным и затяжным»{268}: продолжительным, поскольку перемены блюд перемежались речами. В конечном счете все они оказались на английском; и все, кроме одной, были вполне разумными (если закрыть глаза на непомерные славословия, просто в краску вгоняющие). Исключением стал помешанный *phychолog*{269}, но умница председатель выделил ему не больше пяти минут. Мой заключительный ответ прозвучал, я надеюсь, достойным образом и, сдается мне, вполне внятно; но подробно останавливаться на нем нужды нет. Отчасти он стал пародией на прощальную речь Бильбо в главе I[338].

На этой родине «курева» *трубочное зелье*, похоже, особенно привилось. На столе лежали глиняные трубки и внушительные упаковки табака — предоставленные, если не ошибаюсь, фирмой «Ван Россем». На стенах красовались рекламы «Ван Россема» с напечатанными поверх рисунка надписями: «Трубочное зелье для хоббитов. Три сорта: *«Лонгботтомский лист», «Старый Тоби» и «Южная звезда»*. «В. Россем» с тех пор уже успел прислать мне и трубок, и табака! Одну из рекламок я увез с собой. Возможно, вам любопытно будет на нее взглянуть…..

Просто не знаю, как и благодарить вас за то, что подарили мне эту недолгую, но памятную поездку — единственную, что, в конце концов, мне, похоже, сулил мой «отпуск», — и за то, что деликатно убедили меня поехать.

207 Из письма к Рейнеру Анвину 8 апреля 1958

Переговоры с американской кинокомпанией продолжались. Краткий сценарий предполагаемого фильма по «Властелину Колец» написал Мортон Грейди Циммерман.

Циммерман — «Сюжетная линия»

Конечно же, я немедленно им займусь — теперь, когда Пасха уже позади, а голландский фимиам постепенно развеивается. Спасибо за текст «сюжетной линии», я непременно просмотрю его еще раз.

Совершенно не представляю себе, как по книге делаются «мультфильмы», и в киношном жаргоне не разбираюсь. Не могли бы вы сообщить мне в точности, что такое «сюжетная линия» и какова ее функция в процессе?

Не вижу необходимости (да и смысла) тратить время на речевые обороты как таковые, если они — просто-напросто указания для режиссеров. Но данного документа в нынешнем его виде довольно, чтобы внушить мне серьезную тревогу касательно *диалога* как такового, который (как мне представляется) войдет в фильм. Смею заметить, что Циммерман, сочинитель этой с. — л., абсолютно не способен отобрать из книги фрагменты «прямой речи» или их адаптировать. Он тороплив, нечуток и в придачу нахален.

Книг он *не читает*. По мне, так очевидно, что он на скорую руку пролистал «В.К.», а потом составил свою с. л. по изрядно сбивчивым воспоминаниям, возвращаясь к оригиналу по минимуму. Так, большинство имен он пишет неправильно — не время от времени, в силу случайной ошибки, но постоянно (повсюду — *Боримор* вместо *Боромира*) или употребляет неправильно: *Радагаст* у нас теперь орел. То, как персонажи вводятся, и указания на то, что им полагается говорить, к книге имеют отношение весьма слабое или вовсе никакого. Бомбадил входит, «тихо посмеиваясь»!….

Меня бесконечно удручает исключительная глупость и некомпетентность Ц. и его полное отсутствие уважения к оригиналу (складывается впечатление, что Ц. его намеренно искажает, без каких бы то ни было видимых технических причин, просто-таки на каждом шагу). Но мне нужны деньги — а вскорости понадобятся еще больше, — и я отлично понимаю, что

у вас тоже есть свои права и интересы; так что я попытаюсь сдержаться и по возможности избежать обид. Я вышлю вам свои замечания, частные и общие, как только смогу; и, конечно же, Акерман[339] не получит ни строчки иначе как через вас и, по крайней мере, с вашего одобрения.

208 Из письма к С. Оуботеру, «Фоорхувэ эн Дитрих», Роттердам 10 апреля 1958

Что до «ключевой идеи»: на самом деле ее у меня нет, если под этими словами подразумевать сознательную цель при написании «Властелина Колец» — поучение или преподнесение видения истины, явленного конкретно мне! Я сочинял в первую очередь увлекательную историю, атмосфера и фон которой привлекательны лично для меня. Но в ходе подобного процесса собственные вкусы, мысли и убеждения неизбежно проявятся. Хотя лишь прочтя книгу сам (и памятуя о критических замечаниях), я осознал, что в ней доминирует тема Смерти. (Не то чтобы в этом заключалась какая-либо оригинальная «ключевая идея»: большая часть человеческого искусства и мыслей посвящены тому же.) Но, со всей определенностью, Смерть — не то же самое, что Враг! Я сказал или пытался сказать, что «ключевая мысль» сводится к тому, сколь страшна опасность перепутать истинное «бессмертие» с бесконечным периодически повторяющимся долгожительством. Свобода от Времени — и цепляние за Время. Эта *путаница* — работа Врага и одна из главных причин человеческой трагедии. Сравните смерть Арагорна с участью Кольцепризрака. Эльфы называют «смерть» Даром Господа (людям). Их собственное искушение состоит в ином: склонность к праздной меланхолии, обремененной Памятью, что ведет к попытке остановить Время.

209 Из письма к Роберту Марри, ОИ 4 мая 1958

Марри написал Толкину, спрашивая, нельзя ли «использовать ваши мысли насчет «священных» слов». Он интересовался, что думает Толкин об исходном значении и взаимосвязях между разнообразными словами, передающими понятие «священный» в индоевропейских языках.

Эти проблемы насчет «исходных» значений слов (или групп слов, связанных друг с другом по форме) и впрямь завораживают: в прямом смысле — то есть они притягательны, но влечение это не всегда здоровое! Я зачастую гадаю, что нам пользы (за исключением *исторической*: знание или мимолетные проблески того, что слова *значили* и как менялись, насколько это поддается прояснению) в подобных изысканиях. Ведь практически невозможно избежать порочного круга — когда обнаруживаешь в истории слов, реальной или воображаемой, «первичные» значения и ассоциации, а затем используешь их, чтобы проследить историю значений. Но разве не возможно *сегодня* обсуждать «значение» слова «святость» (например), не ссылаясь на историю значения словоформ, используемых в этом значении сегодня? А если действовать наоборот, это все равно, что описывать место (или этап путешествия) через разнообразные маршруты, которыми туда добираются, пусть даже место обладает собственным положением и бытием, совершенно независимым от этих маршрутов, прямых или кружных.

В любом случае при историческом исследовании нам приходится одновременно иметь дело с двумя переменными, каждая из которых, по сути, трансформируется самостоятельно, даже когда они «случайно» влияют друг на друга: значения и ассоциации значения — это одно, словоформы — другое, а меняются они независимо. Словоформа может пройти через целый цикл изменений, пока не станет фонетически неузнаваемой, а значение останется практически тем же; при этом в любой момент, без каких-либо фонетических изменений, «значение» «слова» возьмет да и изменится. Абсолютно неожиданно{270} (судя по имеющимся данным) слово *yelp*, означавшее «говорить с гордостью» и употреблявшееся, в частности, применительно к гордым обетам (например, когда рыцарь клялся совершить какой-либо опасный подвиг), разом

утратило это значение и стало использоваться по отношению к звукам, издаваемым собаками и лисицами! Почему? Во всяком случае, не оттого, что изменились представления о бахвальстве или о животных! От ὀδοντ до *tooth* дорожка долгая, но изменения формы смысла почти не затронули (да и tine [зубец, острие (*англ.*) — С. Л.], эквивалент *dent-*, недалеко от него ушел)[271].

«Исходных» значений слов мы не знаем, а уж значений основ и подавно (т. е. той составляющей, что у слова общая, или кажется, что общая, с другими родственными словами; то, что некогда называлось их «корнем»): всегда наличествует некое утраченное прошлое. Так что мы не знаем исходного значения слов **θ**έος, или *deus*, или *god*[272]. Мы, конечно, можем строить предположения насчет образования этих трех совершенно разных слов, а затем попытаться вывести общее значение из смыслов их производных — *но* я не думаю, что таким способом мы непременно хоть сколько-то приблизимся к представлению о «боге» в какой бы то ни было отдельно взятый момент развития какого-либо языка, использующего одно из этих слов. Любопытно, что английское *dizzy* (olim[273] *dysig*) и *giddy* (*olim gydig*), по всей видимости, связаны с беос; и god соответственно. В английском языке эти слова некогда означали «неразумный», а сейчас означают «страдающий головокружением», но от этого пользы мало (вот разве что поневоле задумаешься о том, сколь много времени прошло, прежде чем **θ**έος; или *god* обрели свои формы или смыслы, так что не исключено, что в незапамятные времена происходили изменения столь же удивительные). Мы, конечно же, можем догадываться, что ощущаем некий отдаленный эффект древних представлений о «вдохновении» (для XVIII в[ека] слово «энтузиаст» означало примерно то же, что англосакс назвал бы *dysiga*!). Но много ли с того толку для теологии? *Перед нами — бесчисленные крохотные параллели к тайне воплощения*. Разве сама идея бога в конечном счете не независима от тех способов, посредством которых создавалось обозначающее его слово? [274] — будь то через √*dh(e)wes* (что, *кажется*, в основе своей означало волнение и возбуждение); или √*d(e)jew* (что, *кажется*, в основе своей означало яркость (особ. неба)); или, возможно, (это уже чистой воды догадка) √*ghew* (крик, зов) — *god* изначально среднего рода и предположительно «обозначает» «то, к чему взывают»; древнее причастие прошедшего времени. Возможно, табуированное слово. Древнее *deiwos* (от которого происходят *divus, deus*) сохранилось только в слове *Tuesday* [вторник (*англ.*). — С. Л.][275].

Берясь за такое слово, как *holy* [священный (*англ.*). — С.Л.], филолог старой закалки (такой, как я), сперва обратится к

истории формы. В соответствии с подробно разработанными правилами (на мой взгляд, безусловно, имеющими силу в определенных пределах{276}), он ответит, с чем именно это слово, *возможно*, связано по форме. Но он не в силах совсем избежать зыбучих песков *семантики*. Прежде чем предположить наличие неких отношений (то есть реальную историческую связь изменений) — между *holy* и прочими словами того же языка (или другого, что считается родственным английскому), ему сперва потребуется как фонологически возможное родство, так и «возможное родство» по смыслу. И при этом филолог будет не без опаски учитывать два факта, встречающихся в лингвистической практике: (1) неизбежное наличие «омофонов», или двух (или более) фонетически неразличимых элементов, обладающих *различными* смыслами и потому являющихся «разными словами»{277}; как, скажем, и[ндо]-е[вропейские] основы *men* («торчать, высовываться») и *men* («думать»); и (2) семантические изменения порою происходят весьма бурно и, проявившись в темном прошлом, вполне могли не оставить по себе никаких следов. Например, эквивалентность форм √*sequ* в греческом гяоцш и латинском *sequor* (и других языках) в значении «следовать» в точности совпадает с германской глагольной основой *sekw*; но означает она «видеть». Что более весомо: форма или смысл? На основе имеющихся данных нельзя прийти к окончательному выводу; хотя, по-любительски играя с «семантикой», филолог может представить переход смыслов куда менее невозможным, нежели кажется на первый взгляд, сославшись на употребление глагола «следовать» = «следовать за мыслью, понимать» и на тот факт, что и.-е. слова со значением «видеть» (как и английское *see*) зачастую означают, сами или их «основы», «знать, понимать».

(Это особенно справедливо по отношению к основе √*WID*: латинское *video* полностью соответствует а. — сакс. *witian* «стеречь, бдеть»; но **Foiδα** (= лат. *vidi*) — англ. — сакс. *wāt «wot»*, «я знаю»). Но, возможно, сопоставив германское слово *salwo* — (наше *sallow*) и латинское *salvus (saluos)*, он решит, что невозможно перекинуть мост между понятиями «грязно-желтый» и «надежный, безопасный»; так что, либо с фонологическим соотнесением что-то не так, либо речь идет об «омофонах». (Кроме того, всегда остается еще и та возможность, что либо *sallow*, либо *salvus* не восходят к общей древности — слова порою *изобретаются*, или заимствуются, и в обоих случаях могут быть очень похожи на слова более древние.) Формальным эквивалентом (и единственно известным) нашего *harp* (арфа) является латинское слово *corbis*. (Романское *arpa* и т. д.

заимствованы из германских языков.) Однако бедняге филологу придется воззвать к какому-нибудь знатоку археологии, прежде чем он установит, что между «арфами» и «корзинами» возможна какая-то связь: предполагая, что герм. *harpō* всегда означало «арфа», а *corbi-s* всегда означало «плетеная корзина»! — *corbita* означает «корабль с выпуклыми бортами».

210 Из письма к Форресту Дж. Акерману

Не датировано; июнь 1958]

[Комментарии Толкина по поводу предварительной версии киносценария{278} к «Властелину Колец».

Я наконец-то закончил комментировать «Сюжетную линию». То, сколь длинны и подробны мои заметки, я надеюсь, послужит доказательством моей заинтересованности в этом деле. По меньшей мере кое-что из того, что я говорю или предлагаю, может оказаться приемлемым, даже полезным, или, по крайней мере, интересным. Комментарии изложены постранично, в соответствии с текстом мистера Циммермана, копия которого была мне предоставлена и которую я теперь возвращаю. От души надеюсь, что кто-нибудь возьмет на себя труд это все прочитать.

Если Ц. и/или другие за это возьмутся, их, возможно, раздосадует или огорчит тон многих моих замечаний. Ежели так, то мне очень жаль (хотя я и не удивлюсь). Но я бы попросил их напрячь воображение и попытаться понять досаду (а порой и обиду) автора, который обнаруживает, чем дальше, тем больше, что с его произведением, кажется, обращаются в общем и целом небрежно, местами бездумно, и, по всему судя, вообще не понимая, о чем оно…..

Каноны построения сюжета сохраняют силу применительно к любому виду искусства; и недостатки плохих фильмов зачастую объясняются именно что преувеличением и вторжением неприемлемого материала, причиной чему — неспособность разглядеть глубинную суть оригинала.

Ц…. втиснул «волшебный замок» и целую уйму орлов, не говоря уже о заклинаниях, синих огнях и некотором количестве неуместной магии (как, скажем, парящий в воздухе Фарамир). Он вырезал те части повествования, от которых главным образом зависит его характер и особая атмосфера, отдавая предпочтение дракам; и не предпринял никакой серьезной попытки адекватно представить суть истории: поход Хранителей Кольца. Последняя, наиболее важная ее часть просто зарублена — не побоюсь этого слова — на корню.

Далее приведено несколько отрывков из пространных комментариев Толкина по поводу «Сюжетной линии».

«Ц.» используется как сокращение для обозначения (автора) сценария. Ссылки даются на страницы (и, при необходимости, на отдельные строчки); ссылки на текст оригинала даются на том и страницу.

2. С какой стати фейерверки включают в себя изображения «флагов» и «хоббитов»? В книге этого нет. Какие-такие «флаги»? Предпочитаю свой собственный выбор фейерверков.

Гандальв, извольте запомнить, «слюной» не «брызжет». Хотя ему порою случается и вспылить, хотя он наделен чувством юмора и вроде как фамильярничает с хоббитами, он — существо, облеченное высшей властью, исполненное благородства, и держится с исключительным достоинством. Не следует забывать об описании в I стр. 239[340].

4. Здесь мы имеем дело с первым вторжением орлов. На мой взгляд, орлы — главная ошибка Ц., и притом совершенно неоправданная.

Орлы — опасный «механизм». Я их использовал очень умеренно, и это — абсолютный «потолок» их убедительности или полезности. Приземление Великого Орла с Туманных гор посреди Шира — это абсурд; кроме того, это делает неправдоподобным последующее пленение Г. Саруманом и портит рассказ о его бегстве. (Один из основных недостатков Ц. — его тенденция предвосхищать сцены или приемы, использованные позже, тем самым опошляя сюжет.) *Радагастом* зовут не орла, а мага; в книге приводится несколько орлиных имен. Для меня эти подробности важны.

Здесь да позволено мне будет заметить, что я абсолютно не вижу, зачем понадобилось сознательно *ужимать* временной расклад. В оригинале и без того плотность событий весьма высока: основное действие происходит с 22 сентября по 25 марта следующего года. Некритично настроенный зритель, возможно, что и проглядит множество невероятных нелепостей, вызванных еще большим ускорением; но я не понимаю, зачем без всякой на то необходимости их вводить. Естественно, что время в фильме неизбежно более расплывчато, нежели в книге; но в толк не могу взять, на что нужны *определенные* утверждения касательно времени, вопреки книге и достоверности…..

Сезонам в оригинале уделяется внимание самое пристальное. Они ярки и красочны, и должны бы, и с легкостью могут стать основным средством, с помощью которого художники показывают ход времени. Главное действие начинается осенью и длится всю зиму вплоть до ясной, погожей весны: на этой основе зиждется содержание и атмосфера повести. «Ужимание» времени и

пространства у Ц. уничтожает это впечатление. Так, по его раскладам мы угодим в снежную бурю, в то время как на дворе еще лето. «Властелин Колец», возможно, и «волшебная сказка», однако действие его происходит в Северном полушарии этой земли: мили — это мили, дни — это дни, погода — это погода.

Ужимание такого рода вовсе не то же самое, что необходимое сокращение или отбор сцен и событий для воплощения в зрительных образах.

7. Первый же параграф создает превратное представление о Томе Бомбадиле. Он — *не* владелец лесов; и к такой угрозе он бы никогда не прибег.

«Старый плут!» Вот хороший пример общей тенденции, что я замечаю за Ц., — тенденции к снижению и упрощению тона под стать сказочке более детской. Это выражение никак не согласуется с тоном последующей долгой речи Бомбадила; и хотя речь эта вырезана, вовсе незачем игнорировать содержащиеся в ней указания.

Извините, но, на мой взгляд, Златенику вводят ужасно нелепым образом, под стать «старому плуту». Опять-таки в моей истории для этого нет никаких оснований. Мы не в «волшебной стране», а в самом что ни на есть реальном краю рек осенней порой. Златеника воплощает собой смену времен года в таких землях. Лично я считаю, что лучше ей вообще исчезнуть, нежели появляться таким бессмысленным образом.

8 строка 24. Хозяин гостиницы кепросит Фродо «зарегистрироваться»![341] Да и зачем бы? Там нет ни полиции, ни властей. (Равно как и комнаты он у меня не номерует.) *Если нужно добавлять лишние подробности в картину, и без того загроможденную, они должны хотя бы соответствовать описываемому миру*.

9. Покидать гостиницу *ночью* и убегать в темноту — здесь это совершенно невозможное разрешение трудностей с подачей материала (а я их вижу). Арагорн никогда бы так не поступил. Данная сцена основана на абсолютно неправильном представлении о Черных Всадниках; очень прошу Ц. его пересмотреть. Опасны они главным образом тем, что внушают иррациональный *страх* (подобно призракам). У них не так много физической силы, чтобы одолеть бесстрашного; но та, что есть, и внушаемый ими *страх* несказанно возрастает в *темноте*. Король-чародей, их предводитель, во всех отношениях могущественнее остальных; однако ж не следует до поры наделять его мощью т.

III. Там, будучи поставлен Сауроном во главе войска, он обретает добавочную демоническую силу. Но даже в Пеленнорской битве тьма только-только начала рассеиваться. См. III 114[342].

10. Ривенделл — никакой *не* «мерцающий лес». Это — неуместное предвосхищение Лориэна (на который он никоим образом не похож). С Заветери его не видно: Ривенделл находится от нее в 200 милях и сокрыт в ущелье. Не вижу ни визуальных, ни сюжетообразующих выгод в том, чтобы без нужды ужимать географию. В книге Бродяжник вовсе не «выхватывает меч». Еще бы: его меч сломан. (Клинок, сияющий эльфийским светом, — еще одно ложное предвосхищение перекованного Андуриля. Предвосхищение — один из главных недостатков Ц.) Так зачем ему это делать здесь — в поединке, в котором, как ясно указывалось, оружие не задействовано?

11. Арагорн не «пел песню о Гиль-галаде». Что вполне естественно: она крайне неуместна, поскольку повествует о *гибели* эльфийского короля от руки Врага. Черные Всадники не вопят, но хранят куда более пугающее молчание. Арагорн не бледнеет. Всадники медленно подходят пешими в темноте, а вовсе не «пришпоривают коней». Никакой битвы нет. Сэм вовсе не «вонзает свой клинок в бедро Кольцепризрака», равно как и удар его вовсе не спасает Фродо жизнь. (А будь это так, результат оказался бы практически таким же, как в III 117—20[343]: Призрак рухнул бы на землю, а меч исчез бы.)

С какой стати мой рассказ об этом эпизоде переписан целиком и полностью, без учета оставшейся части повествования? Я понимаю, что сцена в темноте заключает в себе ряд трудностей, но они вполне преодолимы. Полумрак, озаренный маленьким алым костерком, и Призраки, медленно приближающиеся как тени более темные, — вплоть до того мгновения, когда Фродо надевает Кольцо и Король выступает вперед в истинном обличье, — представляется мне картиной куда более внушительной, нежели очередные вопли и довольно бессмысленное размахивание мечами…..

На этот отрывок я затратил некоторое время как на пример того, с чем сталкиваюсь слишком часто, чтобы испытать «удовлетворение или удовольствие»: намеренное изменение сюжета, фактическое и смысловое, без всякой практической или художественной цели (насколько я могу судить), и обезличивающий эффект, что неминуемо возникает из-за уподобления одного эпизода другому.

15. Время вновь ужимается и ускоряется, а в результате снижается значимость Квеста. Гандальв вовсе не говорит, что они отправятся в путь, как только упакуют вещи! Проходит два месяца. Без временных указаний вообще можно обойтись. Ход времени следует просто отобразить хотя бы тем, что по пейзажу и деревьям будет видно: наступила зима.

В конце страницы снова появляются орлы. *На мой взгляд, столь вольное обращение с книгой просто недопустимо*. «Девять Пеших» — и нате вам, они тут же взмывают в воздух! Такая отсебятина разве что снижает правдоподобие, а сюжетный ход с орлами становится избитым к тому времени, когда они наконец действительно понадобятся. Кинематографу вполне по силам наметить, относительно кратко, долгое и утомительное путешествие, *скрытно*, пешком, навстречу трем зловещим горным пикам.

Ц., похоже, не слишком-то интересуют времена года или пейзажи, хотя из того, что я видел, я сказал бы, что главное достоинство и привлекательность фильма, скорее всего, окажутся заключены именно в них. А что, на взгляд Ц., эффект фильма, скажем, о восхождении на Эверест несказанно улучшится, если ввести вертолеты и подвезти альпинистов до середины подъема (вопреки достоверности)? *Куда лучше* было бы вырезать снежную бурю и волков, нежели превратить трудное путешествие в фарс.

19. С какой стати Ц. наделил *орков* — клювами и перьями?! (*Орки*— это вам не *гагарки*![279]) Со всей определенностью говорится, что орки — это искажение «человекоподобного» обличил эльфов и людей. Они (есть или были) приземистые, раздавшиеся вширь, с плоскими носами, землистой кожей, широкими пастями и раскосыми глазами: по сути дела, ухудшенные и отталкивающие разновидности самых непривлекательных (с точки зрения европейцев) монголоидных типов.

20. Балрог вообще *не разговаривает и не издает никаких звуков*. И уж тем более *не* хохочет и *не* глумится…..Возможно, Ц. и считает, что разбирается в балрогах лучше меня, но пусть не рассчитывает, что я с ним соглашусь.

21 и далее. *«Чудесное зрелище. Это — дом Галадриэли… эльфийской королевы»*. (Вообще-то таковой она не была.) *«Изящные шпили и миниатюрные минареты эльфийского цвета гармонично вписываются в прелестные очертания замка»*. По-моему, этот отрывок сам по себе прискорбен, а местами еще и сущая наглость. Не будет ли Ц. так добр отнестись к моему тексту с толикой

уважения, хотя бы в описаниях, которые со всей очевидностью являются ключевыми для общего тона и стиля книги! Я ни при каких обстоятельствах не потерплю такого обращения с Лориэном, даже если лично Ц. предпочитает «крохотных феечек» и дешевые безделушки традиционных современных волшебных сказочек.

Исчезновение искушения Галадриэли глубоко показательно. Практически все, что заключает в себе нравственный смысл, из сценария убрано.

22. *Лембас*, «дорожные хлебцы», названы «пищевым концентратом». Как я уже давал понять, я не выношу, когда мое произведение приближают к стилю и характеру *«contes des fües»*, или французских волшебных сказочек. В равной степени я терпеть не могу любые поползновения в сторону «наукообразия», примером которого является данное выражение. И та, и другая стилистика моей истории чужды. Мы не Луну осваиваем и не какую-либо другую, еще более неправдоподобную область. Никакой лабораторный анализ не выявил бы у *лембас* химических свойств, благодаря которым *лембас* превосходят любые другие пшеничные хлебцы.

Я комментирую здесь это выражение лишь как показатель подхода в целом. Вне всякого сомнения, оно случайно и (надеюсь) в сам диалог ничего подобного в стилевом плане не вкрадется.

В книге у *лембас* две функции. Это «механизм» или прием для того, чтобы придать правдоподобия длинным переходам при малом количестве провианта в мире, в котором, как я уже сказал, «мили и мили». Однако это как раз относительно неважно. А еще лембас обладает куда большей значимостью — «религиозного» характера, как я бы сказал с определенными оговорками. Это впоследствии становится очевидным, особенно в главе «Гора Рока» (III 213[344] и далее). Не вижу, чтобы Ц. использовал *лембас* хотя бы как сюжетный прием; а вся «Гора Рока» исчезла в искаженной неразберихе, в которую Ц. превратил финал. Насколько я могу судить, *лембас* вообще можно убрать заодно с остальным.

Я от души надеюсь, что при вкладывании определенных речей в уста персонажей они будут воспроизведены в точности так, как у меня: по стилю и настрою. Я буду возмущен искажением характеров персонажей (и уже возмущаюсь, насколько это видно по данному наброску) даже больше, нежели порчей сюжета и декораций.

Части II и III. Я много места уделил критике части I, и даже отдельных ее деталей. Это оказалось проще, потому что часть I в целом воспроизводит сюжетную линию книги и отчасти сохраняет ее логическую последовательность. Часть II воплощает в себе все недостатки части I; но при этом гораздо более неудовлетворительна, а уж часть III — еще хуже, причем в отношении вещей куда более важных. Складывается впечатление, что Ц. затратил массу времени и труда на часть I и теперь обнаружил, что ему не хватает не только места, но и терпения для проработки двух более трудных томов, где действие ускоряется и усложняется. Как бы то ни было, он предпочел трактовать их так, что возникает хаос, к финалу перерастающий едва ли не в бред сумасшедшего…..

Теперь повествование распадается на две основные линии: 1. Основное действие: Хранители Кольца. 2. Второстепенное действие: оставшаяся часть Отряда, уводит к «героическим» темам. *Важно рассматривать эти две линии в логической последовательности.* Как для внятности истории, так и потому, что они столь различны по тону и декорациям. Смешивать их без толка и смысла означает полностью погубить и то, и другое.

31. Я глубоко сожалею о подобном обращении с главой «Древобород», подсказано оно необходимостью или нет. Я уже заподозрил Ц. в том, что деревья его не интересуют; и очень жаль, поскольку в данной истории им отведено немало места. Но, честное слово, то, что осталось, в любом случае — совершенно невразумительное мимолетное впечатление, разве нет? Кто вообще такие энты?

31—32. Теперь мы добрались до жилища людей в «героическом веке». Ц., похоже, этого не понимает. *От души надеюсь, что поймут художники.* Но и ему, и им на самом деле достаточно лишь следовать тексту и не менять его по собственному капризу (совершенно неуместному).

В те времена личные «покои» не использовались. У Теодена, скорее всего, их и не было, разве что «спальня» в отдельной небольшой «пристройке». Гостей или посланцев он принимал, восседая на возвышении в своем королевском чертоге. Из книги это вполне понятно; и такую сцену можно проиллюстрировать куда успешнее.

31—32. Отчего Гандальв и Теоден не выходят на открытое место перед дверями, как сказано у меня? Да, я отчасти обогатил культуру «героических» рохиррим, однако до застекленных окон,

которые можно распахнуть, дело *не* доходит!! Можно подумать, мы в отеле. («Восточные окна» чертога, II 116, 119[345], представляли собою лишь узкие, незастекленные прорези под свесами крыши.)

И даже если бы король такого народа имел отдельный «покой», этот покой никогда бы не превратился в «бурлящий деятельностью улей»! Бурная деятельность имеет место быть снаружи и в городе. То, что подлежит показу, должно происходить на широкой мощеной террасе перед массивными дверями.

33. Боюсь, что изображенная мимоходом «защита Хорнбурга» — такое название подошло бы лучше, поскольку Хельмова Падь, ущелье за крепостью, вообще не фигурирует, — меня не вполне удовлетворяет. Сдается мне, втиснутая в таком виде в фильме эта сцена покажется довольно бессмысленной. Вообще-то сам я склоняюсь к тому, чтобы ее безжалостно вырезать, раз уж никак нельзя сделать ее более внятной и более значимой частью истории…..Если и на энтов, и на Хорнбург не остается достаточно места, чтобы получилось вразумительно, придется от чего-то одного избавиться. И лучше от Хорнбурга, поскольку по отношению к главной сюжетной линии это — побочный эпизод; кроме того, мы выигрываем еще и в том, что большая битва нам еще предстоит (а ее по возможности нужно изобразить как можно эффектнее), но битвы обычно чересчур похожи одна на другую: отсутствие конкуренции главной битве пойдет только на пользу.

34. С какой стати Ц. взбрело в голову утверждать, что хоббиты «жуют смехотворно длинные сэндвичи»? И впрямь смехотворно. Не понимаю, с чего автор должен «радоваться» таким дурацким переделкам. Один из хоббитов спал, другой курил.

Винтовая лестница, «вьющаяся» вокруг Башни [Ортанк], — продукт фантазии Ц., а не моего произведения. Я же предпочитаю второе. Высота башни составляла 500 футов. К большой двери вела лестница из 27 ступеней; над ними было окно и балкон.

Ц. чересчур любит слова *«гипноз»* и *«гипнотический»*. Ни гипноз как таковой, ни его научно-фантастические разновидности в моем произведении не фигурируют. Голос Сарумана не гипнотизировал, но убеждал. Те, кто ему внимал, подвергались опасности не впасть в транс, но согласиться с его доводами, будучи в полном сознании. Для любого всегда была открыта возможность отвергнуть, *посредством свободной воли и разума*, как сам его голос в момент говорения, так и последующее

произведенное им впечатление. Саруман искажал способности к рассуждению.

Ц. вырезал финал книги, включая смерть Сарумана как таковую. В таком случае не вижу повода его убивать. Саруман ни за что не покончил бы с собой: та личность, которой он стал в итоге, станет цепляться за жизнь вплоть до последнего, жалчайшего ее остатка. Если Ц. желает-таки решить вопрос с Саруманом (не вижу, почему, при том, что столько нитей остается болтаться как попало), Гандальву, когда отлученный Саруман падает наземь, следует сказать что-нибудь вроде: «Раз ты упорно отказываешься выйти и помочь нам, так оставайся в Ортанке, пока не сгниешь, Саруман. И пусть об этом позаботятся энты!»

Часть III…. *в моих глазах абсолютно неприемлема, как целиком, так и в подробностях*. Если предполагается, что это — лишь наброски для раздела, по длине приблизительно равного I и II, тогда при заполнении необходимо привести его в соответствие с книгой и устранить вопиющие переделки. А если предполагается, что это — лишь своего рода короткий финал, тогда могу сказать лишь одно: так искажать книгу «Властелин Колец» недопустимо.

211 К Роне Бир

Рона Бир задала в письме ряд вопросов, с целью представить ответы Толкина на собрании группы поклонников «Властелина Колец». Отчего, спрашивала она, в главе «Выбор мастера Сэмуайза» Сэм произносит обращение на эльфийском как «О Эльберет Гильтониэль», в то время как в другом месте используется форма «А Эльберет Гильтониэль»? (Это написание использовалось в первом издании книги.) Что это обращение означает и что означают слова Фродо в предыдущей главе: «Айя Эарендиль Эленион Анкалима!»? Кроме того, мисс Бир задала ряд пронумерованных вопросов. «Вопрос 1: Почему (в первом издании, I.221) в описании коня Глорфинделя упоминаются «уздечка и удила», в то время как эльфы ездят без удил, узды и седла? Вопрос 2: Как мог Ар-Фаразон победить Саурона, при том, что у Саурона было Единое Кольцо? Вопрос 3: Каковы цвета двух магов, которые в книге упомянуты, но не названы? Вопрос 4: Во что одевались народы Средиземья? Как выглядела гондорская корона: как венец валькирии или как что-то вроде картинки на пачке сигарет «Голуаз»? Объясните значение «эль» (*El*-) в именах «Эльронд», «Элладан», «Эльрохир»; когда *El*- означает «эльф», а когда — «звезда»? Что означает имя «Леголас»? Правда ли, что на осаде Гондора Король-чародей летал на птеродактиле? Вопрос 5: Кто такой Старший Король, упомянутый Бильбо в его песне об Эарендиле? Это Единый?»

14 октября 1958
Мертон-Колледж, Оксфорд

Уважаемая мисс Бир!

Боюсь, что ответ мой к нужному событию запоздал; но написать раньше я никак не мог. Я только что возвратился из годового отпуска, одной из целей которого было дать мне возможность закончить ряд «научных» трудов, пребывавших в небрежении в то время, как я занимался непрофессиональными пустяками (как, скажем, «Властелин Колец»): это я воспроизвожу тон многих моих коллег. По правде говоря, время это поглощали главным образом серьезные неприятности, включая болезнь моей жены; но в течение всего августа я работал с утра до ночи по семь

дней в неделю, притом, что сроки поджимали, — пытался завершить одну работу, прежде чем уехать в Ирландию по официальному делу. А вернулся несколько дней назад, как раз к Михайлову триместру.

Воспользовавшись кратковременным затишьем, попытаюсь вкратце ответить на ваши вопросы. «Всех ответов» я не знаю. Многое в моей книге озадачивает меня самого; и в любом случае большая ее часть написана так давно (лет этак двадцать назад), что сейчас я ее читаю так, словно она вышла из-под чужого пера.

Употребление «О» в II стр. 339 — это ошибка. Моя, на самом деле, перенесенная со стр. 338, где «Гильтониэль, О Эльберет», это, конечно же, цитата из I стр. 88, каковая является «переводом»: все, кроме личных имен, дано на английском. Однако призыв Сэма приводится на чистом эльфийском, и в нем должно быть «А», как в I стр. 250. Поскольку язык хоббитов представлен английским, «О», пожалуй, можно было бы списать на его собственную погрешность; но оправдываться я не стану. Сэм, «вдохновленный свыше», воззвал на неизвестном ему языке (II 338). И хотя по стилю и метрике оно, конечно же, соответствует фрагменту гимна, думается мне, оно сложено или подсказано свыше для его конкретного случая.

Означает оно, более-менее, следующее: *«О Эльберет, Возжегшая Звезды* (в прошедшем времени: это именование принадлежит к мифической предыстории и не обозначает постоянной функции), *вдаль взирающая с небес, к тебе я ныне взываю в тени (страха) смерти. О, склони ко мне взор, Вечно-белая!»* «Вечнобелая» — перевод неточный; равно как и «снежно-белая» в I 88. Элемент *ui* (раннеэльфийский *oio*) означает «вечно»; как *fan-*, так и *los(s)* передают понятие «белый», но *fan* означает белизну облаков (под солнцем); *loss* относится к «снегу».

Амон Уилос, на высоком эльфийском *Ойолоссэ*[280], было одним из названий самого высокого пика в горах Валинора, на вершине которой обитали Манвэ и Варда. Так что эльф, произнося или слыша имя *Фануилос*, думал о (или представлял себе) не только величественную фигуру, облаченную в белое, стоящую на вершине и глядящую на восток, в сторону смертных земель, но в то же время воображал еще и головокружительную, увенчанную снегом скалу, коронованную слепящим или сверкающим белым облаком.

Анкалима = «чрезвычайно яркий». Элемент *kal*[281] — обычная основа для слов, имеющих отношение к свету; *kalima* — «ярко сияющий»; *an-* — префикс превосходной степени или усилительный.

Вопрос 1. Я, наверное, мог бы ответить: «Цирковой

велосипедист может ездить, и держась за руль!» Но если честно, словом уздечка я воспользовался по небрежности и оплошности вместо подразумеваемого *оголовья*[346]. Или скорее, раз уж я добавил *удила* (I 221) давным-давно (глава I 12 была написана очень рано), я тогда еще не продумал, как у эльфов принято обращаться с животными. Конь Глорфинделя должен был бы носить декоративное *оголовье*, увенчанное пером, с ремешками, украшенными самоцветами и крохотными колокольцами; но *удилами* Глор., конечно же, пользоваться бы не стал. Так что я непременно заменю *уздечку и удила* на *оголовье*.

Вопрос 2. На данный вопрос и на все, что из него следует, ответы содержатся в «Низвержении Нуменора»; этот текст пока еще не опубликован, но здесь я изложить его не могу. Нельзя требовать от Кольца слишком многого, потому что, конечно же, это — элемент мифа, даже если мир преданий мыслится в более-менее исторических терминах. Кольцо Саурона — лишь одна из многообразных мифологических трактовок вкладывания своей жизни или силы в некий внешний объект, который возможно захватить или уничтожить, с губительными последствиями для вложившего. Если бы я стал объяснять «с философской точки зрения» этот миф или, по крайней мере, Сауроново Кольцо, я бы сказал, что это — мифологический способ представить истину о том, что *могущество* (или, вероятно, скорее *потенциальные возможности*), если его предстоит использовать и добиться результатов, должно воплотиться во внешнюю форму, и тогда оно в большей или меньшей степени словно бы уходит из-под прямого контроля. Тот, кто желает осуществлять «власть», должен иметь подданных, которые ему не тождественны. Но тогда он от них зависит.

Ар-Фаразон, как рассказывается в «Низвержении» или «Акаллабет», покорил и запугал подданных Саурона, не самого Саурона. Сам Саурон сдался добровольно и из хитрости{282}: и обеспечил себе бесплатный проезд до Нуменора! Разумеется, Единое Кольцо было при нем, так что он очень скоро подчинил себе умы и воли большинства нуменорцев. (Не думаю, что Ар-Фаразон что-либо знал про Единое Кольцо. Эльфы хранили знание о Кольцах в глубокой тайне до тех пор, пока могли. В любом случае Ар-Фаразон с эльфами не общался. В «Повести Лет» III стр. 364 есть намеки на то, что не все ладно: «Тень пала на Нуменор». После *Тар-Атанамира* (эльфийское имя) следует имя *Ар-Адунахор*, имя нуменорское. См. стр. 315[347]. Смене имен сопутствовал полный отказ от дружбы с эльфами и от «теологических» наставлений, что нуменорцы от них получили.)

В первый раз Саурон был повержен посредством «чуда»:

прямого вмешательства Бога-Творца, изменившего устройство мира, когда к нему воззвал Манвэ: см. III стр. 317. Хотя Саурон и умалился до «духа ненависти, гонимого темным ветром», полагаю, то, что этот дух унес с собою Единое Кольцо, от которого теперь в значительной степени зависела его способность подчинять себе умы, сомнению не подлежит. То, что сам Саурон не был уничтожен гневом Единого, — вина не моя; проблема зла и кажущегося попущения ему неизменно встает перед всеми, кто имеет дело с нашим миром. То, что *духи*, наделенные свободной волей, неуничтожимы даже силой их Создателя, тоже неизбежная деталь, если верить в их существование или вводить их в художественный вымысел.

В результате катастрофы Саурон, разумеется, «потерпел крах»; он умалился (затратив огромное количество силы на то, чтобы обратить Нуменор ко злу). Ему требовалось время на восстановление собственного тела и на то, чтобы установить контроль над своими бывшими подданными. Гиль-галад и Элендиль атаковали его прежде, чем владычество его утвердилось заново в полной мере.

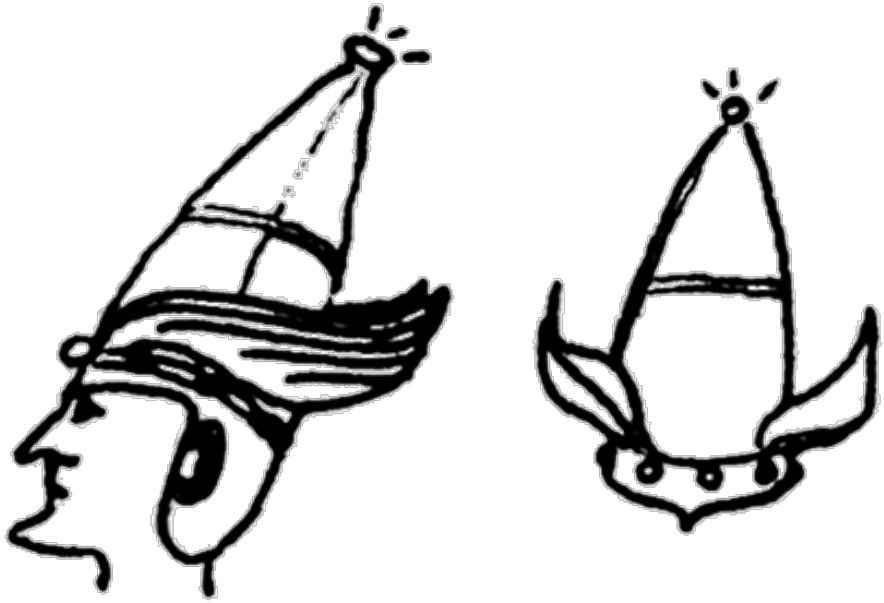
Вопрос 3. Цветов я не назвал, потому что сам их не знаю[348]. Сомневаюсь, что они различались по цветам. Отличительные признаки требовались только в случае тех трех, что остались в сравнительно небольшой области северо-запада. (Касательно *имен* см. В[опрос] 5.) Об остальных двух я на самом деле ничего толком не знаю — поскольку к истории с.—з. они отношения не имеют. Думаю, они отправились посланцами в отдаленные края, на Юг и Восток, далеко за пределы влияния нуменорцев: так сказать, миссионерами в «оккупированные врагом» земли. Насколько они преуспели, мне неведомо; но боюсь, что они потерпели неудачу, подобно Саруману, хотя, безусловно, иначе, нежели он; подозреваю, что они стали основателями и зачинателями тайных культов и «магических» традиций, переживших падение Саурона.

Вопрос 4. Про одежду я ничего не знаю. Я отчетливо и во всех подробностях представляю себе пейзажи и «природные» объекты, но не артефакты. Полин Бэйнс черпала вдохновение для «Ф. Джайлса» главным образом из иллюстраций к средневековым рукописям — если не считать рыцарей (они слегка «король-артуровские»){283}, данный стиль, на мой взгляд, в картину вполне вписывается. Не считая того, что мужчины, особенно в северных краях, как, например, в Шире, носили штаны, либо под плащом или длинной накидкой, либо просто в сочетании с туникой.

Не сомневаюсь, что в той области, где происходит действие

моей истории (весьма обширной), «одежда» различных народов, людей и прочих в Третью эпоху существенно различалась, в соответствии с климатом и унаследованными обычаями. Как в нашем собственном мире, даже если брать только Европу, Средиземноморье и самый ближний «Восток» (или Юг), до того, как в наше время победу одержал самый непривлекательный стиль одежды (особенно для мужчин и «унисекс»), какой только встречается в истории, — и он продолжает торжествовать, даже среди тех, кто всей душой ненавидит те земли, откуда он пошел. Рохиррим — вовсе не «средневековые люди» в нашем смысле этого слова. Костюмы с гобелена из Байе{284} (изготовленного в Англии) вполне им подходят, если помнить о том, что подобие теннисной сетки на ратниках — это всего лишь неуклюжее условное изображение кольчуг мелкого плетения.

Гондорские нуменорцы были горды, самобытны, архаичны; думаю, что уместнее всего представлять их (скажем) в египетском ключе. Они во многом походили на «египтян» — любовью и способностью возводить гигантские, массивные сооружения. И еще пристальным интересом к родословным и к гробницам. (Но только, разумеется, не в вопросах «теологии»: в этом отношении они скорее иудейского или даже более пуританского склада — но на подробное изложение уйдет слишком много времени, — на то, чтобы объяснить, почему у «хороших» или противостоящих Саурону народов во «Властелине Колец» практически отсутствуют внешние проявления «религии»{285} или, скорее, религиозные действия, священные места и обряды.) Думаю, корона Гондора (Ю. Королевства) была довольно высокой, под стать египетской, но с прикрепленными крыльями, направленными не прямо назад, а под углом.



В С. Королевстве существовала только *диадема*{286} (III. 323). Ср. различия между С. и Ю. Царствами Египта.

Эль (El). Различить корни «эльф» и «звезда» и впрямь непросто, поскольку оба — производные одной и той же основы EL, «звезда»; и *el-* в качестве первого элемента в сложных словах может означать (или, по крайней мере, символизировать) и то, и другое. Как отдельное слово, «звезда» на раннеэльфийском — **ĕlĕn*, мн.ч. **eleni*. Эльфы назывались *eledā / elenā*, «эльф» («эльда» на Высоком эльфийском), поскольку Вала Оромэ обнаружил их в долине, залитой звездным светом; и они неизменно любили звезды. Но это имя впоследствии закрепилось за теми, что в конце концов отправились на Запад вслед за Оромэ (и по большей части уплыли за Море).

В языке Серых эльфов (синдарине) использовались бы формы *el*, мн.ч. *elin*; и e*ledh* (мн.ч. *elidh*). Но среди Серых эльфов (синдар), тех, что не ушли за Море, второй термин вышел из употребления; хотя сохранился в отдельных личных именах, как, например, «Эледвен» (*Eledhwen*), «прекрасная, как эльф». После того как возвратились изгнанные нолдор (часть Высоких эльфов), «эльда» (*elda*), слово из Высокого эльфийского наречия, снова вошло в язык Серых эльфов в форме *eld* > *ell*, и стало употребляться по отношению к Высоким эльфам-изгнанникам. Таково, вне всякого сомнения, происхождение элемента *el, ell-* в таких именах, как «Эльронд», «Эльрос», «Элладан», «Эльрохир».

«Эльронд», «Эльрос». Слово **rondō* в раннеэльф[ийском] означает «пещера». Ср. «Нарготронд» (укрепленная пещера близ р. Нарог), «Агларонд» и т. д. **Rossē* означает «водяная пыль, мелкие

брызги (от водопада или фонтана)». *Эльронд* и *Эльрос*, дети *Эарендиля* («любящий море») и *Эльвинг* («эльфийская пена») были названы так, поскольку их похитили сыновья Фэанора в последнем действии распри между высокими эльфийскими домами нолдорских князей из-за Сильмарилей; Сильмариль, отнятый у Моргота Береном и Лутиэн и отданный королю Тинголу, отцу Лутиэн, перешел к Эльвинг, д. Диора, сына Лутиэн. Младенцев не убили, но оставили, точно «детей в лесу»{287}, в пещере за водопадом. Там их и отыскали: Эльронд был в пещере, а Эльрос плескался в воде[349].

«Эльрохир», «Элладан»: эти имена, которыми Эльронд нарек своих сыновей, указывают на то, что те были «полуэльфами» (III 314): у них с *обеих* сторон имелись как смертные, так и эльфийские предки; Туор по линии отца, Берен по линии матери{288}. Оба имени означают «эльф + человек». «Эльрохир» можно перевести как «эльф-рыцарь»; *rohir* — более поздняя форма (III 391) слова *rochir*, «повелитель коней», от *roch*, «конь», + *hir*, «хозяин»: ранн. эльфийское *rokkō*, и *khēr* или *kherū*; Выс. эльфийское *rocco, hēr* (*hěru*). «Элладан» можно перевести как «эльф-нуменорец». *Adan* (мн. ч. *Edain*) — синдарская форма названия, данного «отцам людей», представителям Трех Домов Друзей эльфов; те из них, кто уцелел, впоследствии стали нуменорцами или «дунэдайн».

«Леголас» означает «зеленые листья», это лесное имя — диалектная форма нормализованного синдарского *laegolas: *lassē* (Высокое эльфийское наречие *lasse*, синд. *las*(s) «лист»; **gwa-lassa{gwa-lassiē*, «множество листьев, листва» (В. э. *olassiē*, синд. *golas, — olas*); **laikā* «зеленый» — основа LAY, как в *laire* «лето» (В. э. *laica*, синд. *laeg* (используется редко, обычно заменяется словом *calen*), лесное *leg*).

Птеродактиль. И да, и нет. Я вовсе не намеревался заставлять Короля-чародея ездить верхом на том существе, что сегодня называют «птеродактилем» и частенько даже изображают (на основе куда менее туманных свидетельств, нежели в случае многих монстров новой, завораживающей полунаучной мифологии «доисторического»). Но существо это со всей очевидностью *похоже на птеродактиля*, многим обязано этой новой мифологии, и его описание даже дает нам некие основания для того, чтобы счесть его последним представителем более древних геологических эпох[350].

Вопрос 5. Манвэ, супруг Варды; или на языке Серых эльфов Манвэ и Эльберет. Поскольку у Валар нет своего языка — они в нем не нуждаются, — «истинных» имен у них тоже нет, только сущности; именами их наделили эльфы, и по происхождению все

эти имена являются, так сказать, «прозвищами», отсылающими к какой-нибудь характерной особенности, функции или деянию. (То же справедливо в отношении «истари» или магов, посланцев Валар, и об их народе.) В результате каждая сущность имела несколько «прозвищ»; причем имена Валар вовсе не обязательно являлись родственными в разных эльфийских языках (или языках людей, заимствовавших свои знания у эльфов). (*«Эльберет»* и *«Варда»*, «Звездная госпожа» и «Возвышенная», слова, никак не связанные, однако относятся к одному и тому же существу.) Манвэ (Благословенный) был Владыкой Валар и потому — верховный или Старший Король Арды. «Арда», «королевство» — название, данное нашему миру или земле, как месту в необъятных просторах Эа, избранному быть престолом и особым владением Короля — поскольку Король знал, что здесь появятся Дети Господа. В космогоническом мифе говорится, что Манвэ — «брат» Мелькора, то есть в замыслах Создателя они были равны и наделены одинаковым могуществом. Мелькор стал бунтовщиком и Diabolos{Дьявол (*греч.*)} этих преданий, оспаривающим королевство Арда у Манвэ. (На языке Серых эльфов его обычно называли *«Моргот»*.)

Единый физически не присутствует ни в одной части Эа.

И да позволено мне будет заметить, что все это — «миф», а вовсе не некая разновидность новой религии и не видение. Насколько мне известно, это только художественный вымысел, выражающий единственным доступным мне способом некоторые из моих (смутных) представлений о мире. Могу лишь сказать, что, будь это все «историей», непросто оказалось бы подогнать земли и события (или «культуры») к наличествующим у нас археологическим или геологическим свидетельствам касательно ближайших или удаленных областей того, что сегодня называется Европой; хотя насчет Шира, например, со всей определенностью утверждается, что он находился именно в наших краях (I стр. 12) [351]. Я мог бы подогнать подробности с большим правдоподобием, если бы история не продвинулась уже слишком далеко, прежде чем такой вопрос пришел мне в голову. Сомневаюсь, что от этого книга бы заметно выиграла; и надеюсь, что, со всей очевидностью долгий, хотя и неопределенный временной разрыв{Я полагаю, разрыв составляет около 6000 лет; так что мы сейчас находимся в конце Пятой эпохи, если эпохи по длине примерно соответствовали В.Э. и Т.Э. Однако я думаю, они ускорились; сдается мне, на самом деле сейчас заканчивается Шестая эпоха, или даже Седьмая. — *Прим. авт.*} между Падением Барад-дура и нашими Днями достаточен для «литературной убедительности», даже в глазах читателей, знакомых с фактами и

предположениями касательно «доисторической эпохи».

Я так понимаю, что я создал воображаемое время, однако в том, что касается *места*, твердо стоял на родной матушке-земле. И такой подход я предпочитаю современным тенденциям искать удаленные планеты в «космосе». При всей их занимательности они — чужие; их не полюбишь любовью кровного родства. А *Средиземье* (кстати, и если такое уточнение необходимо) — отнюдь не мое собственное изобретение. Это — модернизация или вариация (по Н[овому] С[ловарю] А[нглийского] Я[зыка] «искаженная форма») древнего слова, обозначающего обитаемый мир людей, *oikoumenē*: «средний», поскольку смутно воспринимается как помещенный среди опоясывающих Морей и (в северном воображении) между льдами Севера и пламенем Юга. В др. английском *middan-geard*, в средневековом английском *midden-erd, middle-erd*. А многие рецензенты, похоже, предполагают, будто Средиземье — это другая планета!

Мне кажется, с теологической точки зрения (если этот термин не слишком напыщен) эта картина менее диссонирует с тем, что некоторые (включая меня) считают истиной. Но поскольку я сознательно писал повесть, основанную на определенных «религиозных» представлениях и из них вытекающую, которая при этом не является аллегорией их (или чего бы то ни было еще) и в которой они открытым текстом не упоминаются и уж тем более не проповедуются, я и теперь от этого подхода не отступлю и не стану вдаваться в теологические изыскания, к которым не пригоден. Однако могу отметить, что если эта история и повествует «о чем-то» (помимо себя самой), то не о «власти», как считают повсеместно. Стремление к власти — это лишь мотив и побуждающая сила, приводящая в движение события, и само по себе, как мне кажется, относительно неважно. В книге речь идет главным образом о Смерти, и Бессмертии; и «путях к бегству»: о циклическом долгожительстве и накоплении воспоминаний.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

212 Черновик продолжения к вышеприведенному письму (не отослан)

Раз уж я столько всего понаписал (надеюсь, не слишком много), могу заодно добавить и несколько строк про Миф, на котором все это основано, чтобы по возможности прояснитьютношения между Валар, эльфами, людьми, Сауроном, магами и т. д.

Валар, или «власти, владыки», стали первым «творением»: мыслящие, но не воплощенные духи или разумы, сотворенные прежде физического мира. (Строго говоря, эти духи назывались Айнур, Валар — это лишь те из их числа, кто вступил в мир после его создания, и к тому же имя это на самом деле относится только к великим среди них, тех, что заняли место «богов» — в том, что касается образности, но не теологии.) Айнур участвовали в созидании мира как «вторичные творцы»: в разной степени и следующим образом. Они согласно своим способностям истолковывали и завершали в подробностях Замысел, предложенный им Единым. Сперва этот замысел возник в музыкальной или абстрактной форме, а затем — в «историческом видении». В самую первую интерпретацию, в обширную Музыку Айнур, Мелькор ввел изменения, а не трактовки помыслов Единого, и возник великий диссонанс. После чего Единый представил «Музыку», включая кажущиеся диссонансы, как зримую «историю».

На этой стадии мир пока еще обладал действительностью, с которой сравнима действительность «рассказа» среди нас: он «существует» в уме рассказчика и в производном виде — в умах слушателей, но не на том же самом плане, что сам рассказчик или слушатели. Когда Единый (Рассказчик) рек: *«Да будет так»*{Вот почему эльфы называют Мир, Вселенную — Эа («Она Есть»). — *Прим. авт.*}, тогда Повесть стала Историей, на том же плане, что и слушатели; и они получили возможность при желании *войти в нее*. Многие Айнур и впрямь вошли в мир, и теперь должны оставаться в нем до Конца, будучи вовлечены во Время, в последовательность событий, его составляющую. Это и были Валар и их меньшие спутники. Они «возлюбили» видение, и, вне всякого сомнения, именно они сыграли наибольшую «вторично-творческую» (или, как сказали бы мы, «художественную») роль в создании Музыки.

Благодаря своей любви к Эа и благодаря той роли, что они сыграли в ее созидании, они *желали* и *могли* воплощаться в зримые физические обличия, хотя таковые сравнимы, скорее, с нашей одеждой (насколько одежда является выражением индивидуальности), нежели с нашими телами. Таким образом, их обличия явились выражением их сущностей, способностей и пристрастий. Они не обязательно принимали антропоморфную форму (так, *Йаванна*, супруга{В рамках данного Мифа считается, что у (скажем) эльфов и людей «пол» — это лишь физическое или биологическое проявление врожденного различия «по духу», а неисходная причина различия между женственностью и мужественностью. — *Прим. авт.*} Аулэ, является в виде гигантского Древа). Однако «обычные» образы Валар — в зримом, облаченном облике — были антропоморфны, в силу их глубокого интереса к эльфам и людям.

Эльфов и людей называли «детьми Господа», поскольку они, так сказать, стали отдельным добавлением к Замыслу самого Создателя; одним из тех добавлений, к которым Валар не причастны. (Их «темы» ввел в Музыку Единый, когда возникли диссонансы Мелькора). Валар знали о грядущем приходе Детей; а великие среди них знали, где и как они объявятся (пусть только приблизительно); но природу их представляли себе плохо, и предвидение их, проистекающее из знания Замысла, в том, что касалось деяний Детей, было несовершенным и зачастую отказывало. Потому непадшие Валар с нетерпением ждали Детей до того, как те пришли, и возлюбили их впоследствии как созданий, «иных», нежели они сами, независимых от них и их творчества; «детей» в том, что они уступали Валар в силе и мудрости, однако были равны по рождению (ибо происходили напрямую от Единого); хотя и находились в их ведении как владык Арды. Падшие, такие, как Мелькор/Моргот и его приверженцы (среди которых одним из главных был Саурон), увидели в них идеальный материал для подданных и рабов, для которых они могли бы стать повелителями и «богами», завидуя Детям и втайне их ненавидя; тем более, чем сильнее они восставали против Единого (и Манвэ, его Местоблюстителя в Эа).

В этой мифической «предыстории» *бессмертие*, или, точнее, долгожительство, сопоставимое с жизнью Арды, было частью врожденной натуры эльфов; то, что за пределами Конца, не явлено. *Смертность*, то есть короткий жизненный срок, несоотносимый с жизнью Арды, считается частью врожденной натуры людей; эльфы называют смертность *Даром Илуватара* (Господа). Однако следует помнить, что с мифологической точки зрения эти предания не антропоцентричны, но эльфоцентричны{В

повествовании, как только содержание становится «историческим», а не мифическим, будучи, по сути дела, *человеческой* литературой, центр интереса *по необходимости* смещается к людям (и их взаимоотношениям с эльфами или другими существами). Мы не можем писать историй про эльфов, которых мы не знаем изнутри; а если попробовать, то мы просто-напросто превращаем эльфов в людей. — *Прим. авт.*}; и люди в них появляются спустя, по-видимому, очень много времени после их Прихода. Так что здесь представлен «эльфийский» взгляд на вещи, который не обязательно должен свидетельствовать за или против таких убеждений, как христианские, касательно того, что «смерть» является не частью человеческой природы, но наказанием за грех (бунт), результатом «Падения». Этот взгляд следует воспринимать как эльфийское осмысление того, чем *смерть*— непривязанность к кругам мира — должна ныне стать для людей, каковы бы ни были ее источники. Божественное «наказание» является одновременно и божественным «даром», если его принять, поскольку цель его — высшая благодать и через беспредельную изобретательность Творца «наказания» (то есть изменения в замысле) обернутся благом, иначе недостижимым: возможно, «смертному» (как сказал бы эльф) назначена судьба более высокая, нежели долгожительство, пусть до поры она и сокрыта. Таким образом, пытаться при помощи каких-либо средств или «магии» вернуть долгожительство — высшее безрассудство и грех «смертных». Долгожительство или фиктивное «бессмертие» (истинное бессмертие — за пределами Эа) — главная приманка Саурона; малых она превращает в Голлумов, а великих — в Кольцепризраков.

В эльфийских легендах отмечен странный случай, когда эльф попытался *умереть* (Мириэль, мать Фэанора); это привело к катастрофическим последствиям и повлекло за собою «Падение» Высоких эльфов. Эльфы не были подвержены недугам, но могли быть «убиты»: то есть тела их можно было уничтожить или изувечить так, что к поддержанию жизни они становились непригодны. Но это естественным образом к «смерти» не приводило: они восстанавливались, возрождались и со временем вспоминали все, что было в прошлом: они оставались «самими собой». Однако Мириэль пожелала отказаться от бытия и возрождение отвергла.

{[Примечание, по всей видимости, добавленное позже:] Также эльфы (и не поддавшие ся злу нуменорцы) считали, что «хороший» человек *умирает* или должен умереть добровольно, с доверием отказываясь от жизни, п*режде чем его принудят* (как в случае с Арагорном). Возможно, такова была природа человека

непадшего; хотя *принуждение* ему не угрожало; он желал и просил позволения «пойти дальше», к высшему состоянию. Успение Богородицы, единственного *непадшего* человеческого существа, можно воспринимать как в определенном смысле просто восстановление благодати и свободы вне падения: она попросила о том. чтобы ее приняли — и была принята, поскольку на Земле свою функцию исполнила до конца. Хотя, конечно же, даже будучи *непадшей*, она не принадлежала к миру «до Падения». Ее судьба (которой сама она содействовала) была куда выше, нежели оказалась бы судьба любого «человека», если бы Падения не случилось. Кроме того, немыслимо, чтобы ее тело, непосредственный первоисточник Господа Нашего (при отсутствии иных физических посредников) распалось бы или «разложилось»; и, конечно же, никак не могло долго пробыть отдельно от Него после Вознесения. Разумеется, вовсе не предполагается, что Мария не «старела» обычными для ее народа темпами; но, конечно же, этот процесс никак не мог дойти до дряхлости или утраты живости и красоты; этого бы просто не допустили. В любом случае, Успение так же отличается от Вознесения, как воскрешение Лазаря от (само)Воскресения. — *Прим. авт.*}

На мой взгляд, различие между данным Мифом и тем, что, вероятно, можно назвать христианской мифологией, заключается в следующем. В последней Падение Людей следует за и является следствием (хотя и не обязательным) «Падения ангелов»: бунта сотворенной свободной воли на уровне более высоком, нежели человек; однако здесь не утверждается определенно и недвусмысленно (а во многих версиях не утверждается вовсе), что бунт затронул «Мир» и его природу: зло было привнесено извне, Сатаной. В данном Мифе бунт сотворенной свободной воли предшествует сотворению Мира (Эа); и Эа содержит в себе привнесенные через вторичное творчество зло, бунты, диссонирующие элементы своей собственной природы, уже тогда, когда прозвучало «Да будет так». Следовательно, падение или искажение всего, что в ней есть и всех ее обитателей, стало возможностью, если не неизбежностью. Деревья могут «склониться ко злу» как в Древнем Лесу; эльфы могут превратиться в орков, и если для этого требовался особый искажающий злой умысел Моргота, то эльфы и сами вполне могли совершать дурные деяния. И даже «благие» Валар, те, что обитают в Мире, могут по меньшей мере ошибаться; как вышло у Великих Валар в их обращении с эльфами; или как меньшие из их народа (скажем, истари или маги) могли разными способами впасть в своекорыстие. Так, например, Аулэ, один из великих, в

определенном смысле «пал»; ибо он так сильно желал увидеть Детей, что сделался нетерпелив и попытался предвосхитить волю Творца. Будучи величайшим из мастеров, он попытался *создать* детей согласно своим несовершенным познаниям о таковых. Когда он создал тринадцать{Один, старший, сам по себе, и еще шесть с шестью женами[352].}, Господь обратился к Аулэ в гневе, но не без жалости: ибо Аулэ совершил это *не* из порочного желания заполучить собственных рабов и подданных, но от нетерпеливой любви, мечтая о детях, с которыми можно беседовать и которых можно учить, восхваляя вместе с ними Илуватара и деля с ними свою великую любовь к *материям*, из которых сделан мир.

Единый упрекнул Аулэ, говоря, что тот попытался узурпировать власть Творца; но что он не в состоянии наделить свои создания независимой *жизнью*. У него есть лишь одна жизнь, его собственная, берущая начало в Едином, и он может самое большее лишь раздать ее. «Взгляни, — молвил Единый, — эти твои создания обладают лишь твоей волей и твоим движением. И хотя придумал ты для них язык, они могут лишь сообщать тебе твои же собственные мысли. Это насмешка надо мною».

Тогда Аулэ в горе и раскаянии смирился и взмолился о прощении. И молвил он: «Я уничтожу эти воплощения моей самонадеянности и подчинюсь твоей воле». И взял он огромный молот, и занес его, чтобы сокрушить старшего из созданий, но тот отпрянул и припал к земле. И, в изумлении задержав свою руку, услышал он смех Илуватара.

«Ты дивишься происходящему? — промолвил он. — Взгляни же! Твои создания ныне живут, свободные от твоей воли! Ибо видел я твое смирение и сжалился над твоим нетерпением. Твое творение включил я ныне в свой замысел».

Такова эльфийская легенда о создании гномов; однако сообщают эльфы, что Илуватар сказал еще вот что: «Тем не менее не допущу я, чтобы предвосхищен был мой замысел: твои дети не пробудятся раньше моих». И повелел он Аулэ уложить отцов гномов по отдельности в глубинных недрах, каждого — с его спутницей, кроме лишь старшего, Дурина, у которого пары не было. Там предстояло им спать долго, пока Илуватар не повелел им пробудиться. Тем не менее гномы и дети Илуватара по большей части не питали друг к другу особой любви. А о судьбе, назначенной Илуватаром детям Аулэ за пределами Кругов мира, эльфы и люди ничего не ведают; а гномы если что и знают, то не говорят о том.

213 Из письма к Деборе Уэбстер 25 октября 1958

Не люблю сообщать о себе никаких «фактов», за исключением «сухих» (каковые, в любом случае, имеют столько же отношения к моим книгам, как и любые другие более смачные подробности). И не только в силу личных причин; но еще и потому, что возражаю против современной тенденции в критике, с ее повышенным интересом к подробностям жизни авторов и художников. Эти подробности лишь отвлекают внимание от трудов автора (если труды на самом деле достойны внимания) и в конце концов, как наблюдаешь то и дело, становятся главным объектом интереса. Но лишь ангел-хранитель или воистину Сам Господь в силах выявить истинные взаимосвязи между фактами личной жизни и сочинениями автора. Но никоим образом не сам автор (хотя он-то знает больше любого исследователя) и уж конечно не так называемые «психологи».

Но, разумеется, для «фактов» такого рода существует шкала значимости. Есть факты несущественные (те, что особенно дороги психоаналитикам и писателям о писателях): скажем, пьянство, избиение жены и тому подобные безобразия. Так уж вышло, что в данных конкретных грехах я не повинен. Но, даже будь это не так, я бы предположил, что художественное произведение берет начало не в слабостях, эти грехи породивших, но в других, еще не затронутых порчей областях моего существа. Современные «исследователи» сообщают мне, что Бетховен обманывал своих издателей и возмутительно обходился с племянником, но я не верю, что это имеет какое-то отношение к его музыке. Затем есть факты более значимые — те, что в самом деле *имеют* отношение к произведениям автора; хотя знание этих фактов на самом деле произведений не объясняет, даже если исследовать их во всех подробностях. Так, например, я не люблю французский, а испанский предпочитаю итальянскому, но на объяснение того, какое отношение имеют эти факты к моим языковым пристрастиям (а таковые, со всей очевидностью, являются важной составляющей «Властелина Колец»), потребуется много времени, а в итоге имена и языковые вкрапления в моих книгах будут вам милы (или не милы) в той же степени, что и прежде. И есть несколько основополагающих фактов, пусть и сухо изложенных, которые в самом деле важны. Например, я родился в 1892 г. и первые годы своей жизни прожил в «Шире» в домехани-ческую эпоху. Или, что еще более важно, я — христианин (что можно

вывести из моих историй) и, собственно говоря, принадлежу к римско-католической церкви. Последний «факт», пожалуй, вычислить не так-то просто; хотя один критик (в письме) утверждал, что обращения к Эльбе-рет и образ Галадриэли, описанный напрямую (или через слова Гимли и Сэма) отчетливо соотносятся с католическим культом Богородицы. А еще один усмотрел в дорожных хлебцах (лембас) = viaticum{Запас еды в дорогу (*лат.*); то же латинское слово в церковной латыни означает Причастие, даваемое тому, кто находится при смерти или под угрозой смерти.} и в ссылке на то, что они питают *волю* (т. III, стр. 213) и оказываются более действенны при воздержании от еды, производную от Евхаристии. (То есть: явления куда более великие могут воздействовать на сознание, когда речь идет о меньшем, то есть о волшебной сказке).

Вообще-то я — *хоббит* (во всем, кроме роста). Я люблю сады, деревья, земли, обработанные вручную, без помощи машин; я курю трубку, люблю вкусную, простую пищу (незамороженную), терпеть не могу французскую кухню; я люблю (и даже смею носить в наши бесцветные дни) вышитые жилеты. Люблю грибы (прямо с поля); чувство юмора у меня незамысловатое (даже мои благосклонные критики находят его утомительным); ложусь я поздно, встаю тоже поздно (по возможности). Путешествую мало. Люблю Уэльс (то, что от него осталось теперь, когда рудники и еще более гнусные приморские курорты совершили все, на что способны) и особенно валлийский язык. Но, на самом деле, я в Уэльсе очень давно не бывал (разве что проездом, по пути в Ирландию). Вот в Ирландию я езжу часто (Эйре: Южную Ирландию), поскольку очень люблю и ее саму, и ее жителей (по большей части); однако ирландский язык я нахожу абсолютно непривлекательным. Надеюсь, этого для затравки достаточно.

214 К А. К. Нанну (черновик)

Ответ читателю, указавшему на кажущееся противоречие во «Властелине Колец»: в главе «Долгожданные гости» утверждается, что «у хоббитов на свой собственный день рождения принято дарить подарки другим»; однако ж Голлум называет Кольцо своим «подарочком на день рождения», и рассказ о том, как он приобрел Кольцо, в главе «Тень прошлого», свидетельствует, что его соплеменники в день рождения *получали* подарки. Далее в письме мистера Нанна говорится: «Следовательно, справедлива одна из следующих версий: (1) Народ Смеагола *не был* «сродни хоббитам», вопреки предположению Гандальва (I стр. 62); (2) хоббитская традиция дарения подарков возникла не так давно; (3) традиции Стуров [народ Смеагола-Голлума] отличались от обычаев прочих хоббитов; или (5) [sic] в текст вкралась ошибка. Я буду глубоко признателен, если вы сумеете выкроить время для рассмотрения этого важного вопроса».]

[Не датировано; возможно, конец 1958 — начало 1959 г.

Уважаемый мистер Нанн!

Я — отнюдь не образец учености[353]; но в том, что касается Третьей эпохи, воспринимаю себя исключительно как «протоколиста». Огрехи, что, возможно, обнаруживаются в моих записях, являются следствием никоим образом не ошибок, то есть утверждений заведомо ложных, но пропусков и неполноты информации, причиной чему была, главным образом, необходимость сокращать и попытки вводить информацию по ходу развития сюжета, так что в результате, естественно, приходилось вырезать многие факты, не имеющие непосредственного отношения к истории как таковой.

Касательно деньрожденческих обычаев и отмеченных вами кажущихся несоответствий, мы, думается мне, вправе отмести ваши альтернативы (1) и (5). Кстати, вы пропустили (4).

Что до (1), Гандальв, безусловно, поначалу говорит: «Я предполагаю», стр. 62; но это вполне соответствует его характеру и мудрости. В более современном языке ему пришлось бы сказать: «Я делаю вывод», имея в виду предметы, которые объектом его непосредственного наблюдения не стали, но о которых он на основе изучения сформировал некие выводы. (В Приложении

В{Здесь и далее буквенное обозначение Приложений дается латиницей, а не Кириллицей (в соответствии с английским оригиналом).} вы прочтете, что маги появились незадолго до первых упоминаний о хоббитах в летописях, а к тому времени хоббиты уже разделились на три различные ветви.) Однако в выводах своих Гандальв на самом деле не сомневается. «И тем не менее это правда и т. д.», стр. 63.

Вариант (2) был бы возможен; но, поскольку на стр. 35 хронист говорит «хоббиты» (и слово это, откуда бы уж оно ни вело свое происхождение, употребляет для обозначения народа в целом), а не *«хоббиты Шира»* и не *«широкие жители»*, приходится предположить, что обычай *дарить подарки* в той или иной форме существовал повсеместно у всех разновидностей, включая стуров. Но, поскольку ваше (3) справедливо, разумно ожидать, что столь глубоко укоренившийся обычай в разных ветвях проявлялся несколько по-разному. Когда в 1356 Т.Э. стуры ремигрировали обратно в Дикие земли, все сношения между этой возвратившейся группой и предками обитателей Шира были прерваны. До происшествия с Деаголом и Смеаголом прошло более 1100 лет (ок. 2463). До Празднества в 3001 г. Т.Э., где вскользь описываются ширские обычаи, в той мере, насколько это важно для повествования, оставалось еще почти 1650 лет.

Все хоббиты менялись медленно, но ремигранты-стуры возвращались к более дикой и примитивной жизни в мелких, убывающих{Между 2463 г. и тем моментом, когда Гандальв стал прицельно разузнавать о Кольце (примерно 500 лет спустя), они, по всей видимости, вообще вымерли (разумеется, за исключением Смеагола) или бежали прочь, подальше от тени Дол Гулдура. — *Прим. авт.*}2 сообществах; в то время как ширский народ за 1400 лет владения тамошней землей перешел к более устроенной и развитой общественной жизни, в которой значимость родства для их восприятия и обычаев поддерживалась обстоятельно продуманными традициями, как письменными, так и устными.

И хотя рассуждения об этом любопытном, но характерном факте хоббитского поведения я опустил, факты, имеющие отношение к Ширу, можно изложить довольно подробно. Что до приречных стуров, здесь, естественно, остается лишь строить гипотезы.

«Дни рождения» обладали немалой общественной значимостью. Тот, кто праздновал свой день рождения (он или она), назывался *рибадьян* (что, согласно описанной[354] и принятой системе, можно перевести как *«рожденец»*[355]). Обычаи, связанные с днями рождения, хотя и глубоко укорененные, со временем стали регулироваться довольно строгим этикетом и

вследствие этого зачастую сводились к формальностям: как, на самом деле, можно заключить из слов «как правило, не слишком дорогие», стр. 35; и особенно по стр. 46, строки 20–26{«Разумеется, подарки не всегда бывают новыми; один-два старых матома давно позабытого предназначения уже обошли всю округу» (ВК, Кн. I, гл. 1)}. Касательно *подарков*: на свой день рождения «рожденец» как *дарил*, так и *получал* подарки; хотя эти процедуры различались по происхождению, функции и этикету. *Получение* даров рассказчик опустил (поскольку к Празднеству оно отношения не имеет); но на самом деле этот обычай более древний и потому крайне формализованный. (К инциденту между Смеаголом и Деаголом он и впрямь имеет отношение, но рассказчик, вынужденный сократить этот эпизод до самых важных элементов и доверить его изложение Гандальву, беседующему с хоббитом, естественно, никак не откомментировал обычай, который хоббит (как и мы), конечно же, воспринимал по отношению к дням рождения как нечто абсолютно естественное.)

Получение подарков: этот древний ритуал имел отношение к *родству*. Изначально он символизировал признание принадлежности *рожденца* к семье или клану и знаменовал его формальное «включение» в таковой{В древности, по всей видимости, этот ритуал имел место вскорости после рождения: имя ребенка объявлялось собравшейся тут же семье или, в более крупных и развитых сообще ствах, номинальному «главе» клана или семьи. См. примечание в конце. — *Прим. авт.*}. Ни мать, ни отец *не* дарили детям подарков в их (детей) дни рождения (за исключением редких случаев *усыновления или удочерения*); однако от общепризнанного главы семьи какое-нибудь подношение ожидалось, пусть «чисто символическое».

Дарение подарков: считалось делом личным, и родством не ограничивалось. Это было своего рода «благодарение» — знак признательности за оказанные услуги, благодеяния и дружбу, особенно в течение прошедшего года.

Стоит отметить, что хоббитята, доросшие до «фантов»{В оригинале — «faunt», архаизм XIV–XV вв. представляющий собою усеченную форму старофранцузского «enfaunt» (буквально — младенец, не умеющий ходить и говорить); т. е, опять-таки буквально — младенец, уже научившийся ходить и говорить (во французском языке в усеченной форме не встречается). Разумно предположить, что это — специфическое хоббитское слово, во Всеобщем наречии распространения не получившее.} (то есть, научившиеся ходить и говорить: формально объявлялись таковыми в свой третий день рождения), *дарили подарки* родителям. Дарить полагалось что-нибудь, «произведенное»

самим дарителем (т. е. найденное, выращенное или сделанное «рожденцем»); совсем маленькие дети начинали с букетов полевых цветов. Возможно, отсюда пошел обычай «благодарственных» подарков более широкому кругу лиц; вот почему даже в Шире считалось «правильным», чтобы такие подарки были произведены самим дарителем или ему принадлежали. Обычно «даримые подарки» представляли собою продукты садов и полей или мастерских, особенно среди хоббитов победнее.

Согласно ширскому этикету, на момент Празднества «подарочные ожидания» распространялись не далее чем на троюродных родственников или родню еще более близкую, проживающих *в пределах* 12 миль{Отсюда хоббитское выражение «двенадцатимильный кузен», обозначающее субъекта, который держится буквы закона и не признает никаких обязательств помимо четко огова ренных: такой ни за что не подарит тебе подарка, если расстояние от его порога до твоего в 12 миль *не* укладывается (согласно его собственным замерам). — *Прим. авт.*}. Даже от близких друзей (родней не являющихся) подарков не «ожидали», хотя те вполне могли что-нибудь подарить. Ограничение по местожительству в Шире со всей очевидностью возникло сравнительно недавно, как результат постепенного распада родственных сообществ и семей и расселение родственников, в условиях давно устоявшейся оседлости. Поскольку деньрожденческие подарки (вне всякого сомнения, как пережиток обычаев малочисленных семей древности) «рожденцу» следовало вручать лично, по правилам — в канун Дня и самое позднее — до полдника в нужный День. Подарки принимались «рождением» наедине; и считалось крайне дурным тоном демонстрировать их по отдельности или все вместе — именно дабы избежать неловкости, как порою случается на наших свадебных «выставках» (жителей Шира они бы просто ужаснули) {На свадьбу или во время свадеб хоббиты подарков не дарили, только цветы (свадьбы обычно играли весной или в начале лета). Помощь в обустройстве дома (если паре предстоя ло жить под собственным кровом или в отдельных комнатах в Смиале) оказывалась родите лями с обеих сторон задолго до события как такового. — *Прим. авт.*}. Тем самым даритель мог выбрать подарок, исходя из глубины своих чувств и возможностей своего кошелька, не став при этом объектом публичного обсуждения и не обидев (если и было, на что обижаться) никого, кроме получателя. Однако обычай дорогих подарков и не требовал, и хоббит, скорее, восторгался и радовался нежданно «богатому» или желанному подарку, нежели обижался на традиционный

сувенир в знак доброго расположения семьи.

Отголосок всего этого явственно прослеживается в рассказе о Смеаголе и Деаголе — с поправкой на индивидуальные особенности характеров этих довольно жалких представителей хоббичьего рода. Деагол, по всей видимости, родственник (вне всякого сомнения, все члены этого маленького сообщества состояли в родстве), уже подарил Смеаголу традиционный подарок, хотя на прогулку они отправились, вероятно, оч. рано поутру. Будучи подлой, скаредной душонкой, он уже жалел о подарке. Смеагол, будучи еще более подлым и жадным, попытался воспользоваться «днем рождения» как оправданием для деспотического поступка. «Потому что я его хочу», — откровенно заявил он в качестве основного своего притязания. Однако ж он также намекал, что подарок Д. оказался сувениром мелким и недостаточным; Д. же парировал, что, напротив, подарок обошелся дороже, нежели он в состоянии себе позволить.

Дарение подарков «рождением» — исключая дары родителям{В сообществах более примитивных, как, скажем, те, что до сих пор жили в клановых смиалах, *рожденец* также делал подарок «главе семьи». О подарках Смеагола не упоминается ни словом. Я так полагаю, он был сирота; и не верю, чтобы он *дарил* подарки на свой день рождения, кроме как (с большой неохотой) положенную дань «бабушке». Возможно, рыбу. Скорее всего, в этом и заключалась одна из целей похода. Это было бы вполне в духе Смеагола — подарить рыбу, на самом деле пойманную Деаголом! — *Прим. авт.*}, упомянутые выше, — будучи делом личным и формой проявления благодарности, варьировалось куда сильнее в зависимости от эпохи и места, и в соответствии с *возрастом* и *положением* «рожденца». В Шире хозяин и хозяйка дома или норы дарили подарки всем под своим кровом или у себя в услужении, а обычно и ближайшим соседям тоже. А дальше они могли расширять список сколько угодно, вспоминая любые особые услуги прошедшего года. Считалось, что дарение подарков специальными правилами не регламентируется; хотя обделение традиционным подарком (например, ребенка, слуги или соседа) воспринималось как упрек и знак крайнего неудовольствия. На несовершеннолетних и домочадцев (не обладающих собственным домом) обязательства домовладельцев не распространялись; но и они обычно дарили подарки, исходя из собственных средств или степени привязанности. «Как правило, не очень дорогие» — относилось ко всем подаркам. В этом отношении Бильбо, равно как и во всем прочем, был персоной исключительной; его Празднество явилось просто-таки разгулом непомерной щедрости даже для состоятельного хоббита. Тем не

менее одним из самых распространенных деньрожденческих ритуалов было устроить «праздник» вечером соответствующего Дня. Всех приглашенных хозяин оделял подарками, на что те рассчитывали как на часть развлечения (пусть и вторичную по отношению к угощению). Однако с собой они подарков *не* приносили. Ширские жители сочли бы такое в высшей степени дурным тоном. Если гости до сих пор не вручили свои подарки (те, кому это вменялось в обязанность родством), теперь было уже поздно. А для прочих гостей это было из области «так не принято»: все равно что платить за угощение или пытаться отдарить праздничный подарок, — и считалось крайне неприличным. Иногда, в случае если очень близкий друг никак не мог прибыть на праздник (в силу дальности расстояния или других причин), ему высылалось символическое приглашение вместе с подарком. В этом случае подарок всегда представлял собою что-нибудь из еды или питья; подразумевалось, что это — часть деньрожденческого угощения.

Я думаю, вы увидите, что все подробности, приводимые как «факты», на самом деле вписываются в определенную картину нравов и обычаев, хотя картина эта не набросана даже в далеко не полном варианте этих заметок. Ее, конечно, *можно было бы* включить в Пролог, напр, на стр. 12. Но, хотя *я* многое вырезал, Пролог все равно слишком пространен и перегружен, даже в глазах тех критиков, которые допускают, что какая-никакая польза в нем есть, и (в отличие от некоторых) не советуют читателям пропустить его или вообще о нем позабыть.

Хоть заметки эти неполны, возможно, вам они покажутся чрезмерно длинными; и, вероятно, это больше, чем вы просили, хотя, безусловно, напросились вы сами. Но не вижу, как можно ответить на ваши вопросы короче, причем так, чтобы воздать должное комплименту, который вы мне сделали, заинтересовавшись хоббитами в достаточной степени, чтобы заметить лакуну в предоставленной информации.

Однако дополнительная информация всегда открывает горизонты еще более дальние; и вы, вне всякого сомнения, обнаружите, что краткий рассказ о «подарках» ставит новые антропологические вопросы, подразумевающиеся такими терминами, как родство, семья, клан и так далее. Дерзну добавить дальнейшие разъяснения на этот счет, на случай, если, рассмотрев текст в свете моего ответа, вы захотите расспросить подробнее про «бабушку» Смеагола, которую Гандальв описывает как правительницу (высокоуважаемой семьи, более многочисленной и богатой, нежели прочие, стр. 62) и даже называет «матриархом» (стр. 66).

Насколько мне известно, хоббиты повсеместно отличались моногамностью (и вторично вступали в брак крайне редко, даже если жена или муж умирали совсем молодыми); и я бы сказал, что их семейные отношения были скорее «патрилинейны», нежели патриархальны. То есть родовые имена передавались по мужской линии (а женщины принимали имя мужа); кроме того, номинальным главой семьи обычно являлся старший из мужчин. В случае больших и влиятельных семей (таких, как Туки), сплоченных при всей их многочисленности, главой по праву становился старший мужчина по, как считалось, наиболее прямой линии происхождения. Но что до управления «семьей» как реальной единицей: «хозяйством», оно не бывало «монархическим» (разве что в силу случайности). Это была «диархия», в которой хозяин и хозяйка обладали равным статусом, хотя и разными функциями. Каждый считался полноправным представителем другого в случае его отсутствия (включая смерть). Никаких «вдовствующих»{В оригинале dowager — женщина, которая, овдовев, носит титул или владеет собственностью, перешедшими к ней в результате смерти мужа; напр., «вдовствующая герцогиня Х.», «вдовствующая королева».} не было. Если хозяин умирал первым, на его место заступала жена, и это включало (если хозяин занимал такое положение) номинальное главенство в большой семье или клане. Таким образом, этот титул не переходил к сыну или иному наследнику, пока была жива хозяйка, разве что она слагала с себя полномочия по доброй воле{Здесь идет речь только о номинальном «главенстве», не о владении собственностью и управлении ею. Это — области отдельные; хотя в случае сохранившихся «обширных хозяйств», таких, как *Великие Смиалы* или *Бранди-Халл*, могут и совпадать. В других случаях главенство сводилось просто-напросто к титулу и учтивому обращению; естественно, тот из супругов, что переживал другого, от такого главенства отказывался редко. — *Прим. авт.*}. Следовательно, при определенных обстоятельствах вполне могло случиться, что женщина-долгожительница с властным характером оставалась «главой семьи» до тех пор, пока не вырастали ее внуки.

Лаура Бэггинс (урожденная Грабб) оставалась «главой» семейства «Хоббитонских Бэггинсов» до 102 лет. Будучи на 7 лет младше своего мужа (который умер в возрасте 93 лет в 1300 г. по Ширскому летосчислению), она занимала это положение на протяжении 16 лет, до 1316 г. Ш.Л.; и ее сын Банго стал «главой» лишь в возрасте 70 лет, за десять лет до того, как ранняя смерть настигла его в возрасте 80 лет. Бильбо унаследовал титул только после смерти своей матери по линии Туков, Белладонны, в

1334 г., когда ему исполнилось 44.

Затем положение с главенством в семье Бэггинсов, в силу странных обстоятельств, стало несколько неопределенным. Наследником титула был Ото Саквилль-Бэггинс — совершенно независимо от вопросов с наследованием собственности, что неминуемо возникли бы, если бы его кузен Бильбо скончался, не оставив завещания; но после юридического фиаско 1342 г. (когда Бильбо вернулся живым-здоровым, будучи уже «объявлен покойным»), никто больше не решался объявлять его покойником. Отоумерв 1412 г., его сын Лото был убит в 1419 г., а его супруга Лобелия скончалась в 1420 г. Когда мастер Сэмуайз сообщил об «отбытии за Море» Бильбо (и Фродо) в 1421 г., признать их покойными по-прежнему возможным не представлялось; когда же мастер Сэмуайз стал мэром в 1427 г., был принят закон: «Если кто-либо из жителей Шира уйдет за Море в присутствии надежного свидетеля, выразив намерение не возвращаться, или при обстоятельствах, со всей очевидностью подразумевающих такое намерение, он либо она почитаются отказавшимися от всех своих титулов, прав и собственности, которыми обладали либо располагали прежде, и наследник (наследники) таковых отныне и впредь вступают во владение помянутыми титулами, правами или собственностью, как предписано установленным обычаем, либо согласно завещанию и распоряжению ушедшего, применительно к конкретному случаю». Предположительно титул «главы» перешел к потомкам *Понто* Бэггинса — возможно, к *Понто* (II)[356].

Хорошо известна также история Лалии Великой[357] (или, как именовали ее соплеменники менее учтивые, Толстухи). *Фортинбрас II*, некогда — глава Туков и тан, женился на *Лалии* из семейства Клэйхангеров в 1314 г., когда ему было 36, а ей — 31. Он умер в 1380 г. в возрасте 102 лет, она же надолго пережила его и встретила свой трагический конец в 1402 г. в возрасте 119 лет. Так правила она Туками и Великими Смиалами на протяжении 22 лет как великий и достопамятный, пусть и не то чтобы всеми любимый «матриарх». На знаменитом Празднестве (1401 г. Ш. Л.) ее не было; однако помешал ей прийти не столько возраст, сколько огромные габариты и трудности с передвижением. Ее сын, *Ферумбрас*, так и не женился; ибо (как утверждали) не сумел найти женщину, согласную поселиться под кровом Великих Смиалов, где правила Лалия. В последние и самые тучные годы ее жизни Лалию по заведенному ею обычаю погожим утром вывозили к Великим Вратам подышать воздухом. Весной 1402 г. Ш. Л. ее неловкая прислужница выпустила из рук тяжелое кресло, кресло наткнулось на порог и опрокинулось, а Лалия скатилась по ступеням в сад. Так оборвались правление и

жизнь, что в противном случае, того и гляди, сравнились бы с долголетием Великого Тука.

Ходили упорные слухи, что прислужницей этой была Перл (сестра Пиппина), хотя Туки постарались замять дело в пределах семьи. На праздновании в честь вступления Ферумбраса в наследство неудовольствие и сожаления семьи формально нашли выражение в том, что Перл исключили из участия в церемонии и пиршестве. Однако от глаз соседей не укрылось, что позже (спустя подобающий промежуток времени) она щеголяла в роскошном ожерелье из своих «именных» жемчугов, с давних времен хранившемся в сокровищнице танов.

В том случае, если «глава» умирал, не оставив сыновей, традиции разнились. В семействе Туков, поскольку главенство также связывалось с титулом и (изначально военной) должностью тана{Этот титул и должность наследовались сразу же и к вдове не переходили. Однако Ферумбрас, хотя и стал таном Ферумбрасом III в 1380 г., по-прежнему занимал в Великих Смиалах лишь небольшую комнатку, подобающую сыну-холостяку, вплоть до 1402 г. — *Прим. авт.*}, наследование велось строго по мужской линии. В других крупных семействах главенство могло переходить через *дочь покойного* к его *старшему* внуку (независимо от возраста дочери). Этот последний обычай получил распространение в семьях не столь древних, не обладающих многовековой историей или родовой усадьбой. В таких случаях наследник (если он принимал «титул учтивости»{Понятие из английской действительности: «титул учтивости» не дает юридических прав, обычно предоставляемых титулом (например, права заседать в палате лордов); его по обычаю носят дети герцогов, маркизов и графов.}) брал материнскую фамилию — хотя зачастую сохранял и отцовскую тоже (которая ставилась на втором месте). Так было в случае *Ото Саквилль-Бэггинсом*, поскольку номинальное главенство над семейством *Саквиллей* перешло к нему через мать, Камелию. Его довольно нелепое заветное желание состояло в том, чтобы отличиться, как мало еще кому удавалось, став «главой» целых двух семейств (тогда он, вероятно, назвался бы *Бэггинсом-Саквилль-Бэггинсом*): этим объясняется его досада в связи с приключениями и исчезновениями Бильбо, не говоря уже об утрате собственности в результате усыновления Фродо.

Я полагаю, в хоббитских законах и обычаях вопрос о том, может ли «усыновление» кого-то бездетным «главой» повлиять на наследование главенства, был спорным (в данном конкретном случае властью мэра Сэмуайза он был решен однозначно). Считалось, что усыновление члена другой семьи на передачу

главенства не влияет, ведь это — вопрос кровного родства; однако существовало мнение, что усыновление близкого родственника с тем же именем{Потомки общего прадеда с тем же именем. — *Прим. авт.*} до того, как тот достиг совершеннолетия, наделяет его всеми привилегиями сына. Это мнение (поддерживаемое Бильбо), естественно, оспаривал Ото.

Нет никаких причин полагать, что у стуров Диких земель развилась строго «матриархальная» система, в полном смысле заслуживающая такого определения. Никаких следов такого рода явлений среди стуровской «прослойки» в Восточном фартинге и в Бакленде не обнаруживалось, хотя там и сохранялись те или иные расхождения в обычаях и законах. Слово «матриарх» в устах Гандальва (или, скорее, того, кто записывал его слова, а также и переводчика) использовалось не в «антропологическом» смысле, но просто-напросто означало женщину, которая, по сути дела, правит кланом. Вне всякого сомнения, лишь потому, что она надолго пережила мужа и отличалась властным характером.

Вполне вероятно, что в скудеющей и вырождающейся стуровской области Диких земель женщины (как это часто случается в подобных условиях), как правило, лучше сохраняли физический и духовный облик былых времен, и потому обретали особую значимость. Но (как мне кажется) не стоит полагать, что имела место некая фундаментальная перемена в их брачных обычаях или что там возникло нечто вроде матриархата или полиандрии{Многомужество, пережиток группового брака.} (хотя это как раз могло бы объяснить отсутствие каких бы то ни было упоминаний об отце Смеагола-Голлума). В тот период на западе «моногамия» практиковалась повсеместно, а иные системы воспринимались с отвращением, как нечто, что бывает только «под властью Тени».

По правде сказать, я начал это письмо почти четыре месяца назад; но закончить так и не закончил. Вскоре после того, как я получил ваши вопросы, моя жена, проболевшая большую часть 1958 г., «отпраздновала» выздоровление тем, что упала в саду и ушибла левую руку, да так сильно, что до сих пор обездвижена и в гипсе. Так что 1958 год оказался сплошным разочарованием, а при всех прочих моих неприятностях и в преддверии моего ухода на пенсию, когда многое необходимо привести в порядок, у меня совсем не было времени заняться «Сильмариллионом». Как бы мне того ни хотелось (и, по счастью, «Аллен энд Анвин» вроде бы хочет от меня того же).

Здесь черновик заканчивается.

215 К Уолтеру Аллену, «Нью стейтсмен» (черновики)

Толкина попросили предоставить материал для подборки высказываний, предназначенной для публикации в приложении «Детская книга» к «Нью стейтсмен». Ему писали: «Очень хотелось бы, чтобы вы рассмотрели вопросы примерно такого рода: пишете ли вы, ориентируясь на определенную аудиторию, и насколько, т. е. кажется ли вам, что писать для детей — это нечто совсем иное, нежели писать для взрослых? Считаете ли вы, что, сочиняя для детей, вы удовлетворяете некую собственную внутреннюю потребность, например, выражаете некий аспект вашей личности, подавляемый в обычной жизни или жесткими требованиями литературы для взрослых? Какой вам видится связь между «Хоббитом» и «Братством Кольца» [sic]? Ставите ли вы сознательно дидактические задачи, и если да, то как вы их интерпретируете?]

[Не датировано; апрель 1959

Уважаемый мистер Аллен!

Прошу меня простить, но поучаствовать в подборке я не смогу. Я только что поправился после перенесенной операции, изрядно запустил работу и теперь вынужден многое наверстывать. 24 апреля начинается триместр.

Все, что я могу сказать насчет сочинительства для детей, я уже выразил в своей работе «О волшебных сказках», которая вошла в состав сборника «Эссе в честь Чарльза Уильямса» (ОЮП 1947). Меня оно особо не интересует.

Когда я опубликовал «Хоббита», — в спешке и не обдумав книгу толком, — я еще пребывал под влиянием традиционного предрассудка, что «волшебные сказки», по сути своей, обращены к детям (с дурацкой привешенной шуточкой «от семи до семидесяти» или без оной). И свои дети у меня были. Но желание обратиться к детям как таковым не имело никакого отношения к истории самой по себе или к побуждению ее написать. Однако оно не лучшим образом повлияло на манеру изложения и стиль повествования, каковые я бы непременно выправил, если бы меня не торопили. Счастлив отметить, что умные дети с хорошим вкусом (а таких, как выясняется, немало) неизменно выделяют те моменты в повествовательной манере, где автор обращается к

детям, как изъяны.

Прежде чем браться за сочинение «Властелина Колец», я обдумал данный вопрос гораздо основательнее; и эта книга не то чтобы специально адресована детям или любому другому классу людей. Но любому, кому по душе длинная, захватывающая история того рода, что естественным образом нравится мне самому…..

Дети как таковые меня не слишком-то интересуют, равно как и сочинительство историй, для детей предназначенных: т. е. обращение напрямую и исключительно к тем, кто не в состоянии понять язык взрослых.

Я пишу книги, которые можно классифицировать как волшебные сказки, не потому, что мне хотелось бы обратиться к детям (каковые в качестве детей, как мне кажется, такого рода литературой не особенно интересуются), но потому, что мне хочется писать именно такие истории и никакие другие.

Я это делаю, поскольку — не сочтите это высокопарщиной, — мне кажется, что мой взгляд на мир легче и естественнее всего выразить именно так. Я не чувствую, чтобы «обычная жизнь» как-то меня подавляла. Поскольку то, что я пишу, похоже, нравится многим взрослым — их количество меня вполне устраивает, — у меня нет необходимости искать спасения в иной и (возможно) менее разборчивой аудитории.

Надеюсь, выражение «взгляд на мир» звучит не слишком торжественно. Никаких дидактических целей я не преследую, равно как и аллегорического смысла не вкладываю. (Я не люблю аллегорию (в точном смысле этого слова: большинство читателей, похоже, путают ее с со смыслом или соотносимостью); но здесь для рассуждений столь долгих не место.) Однако длинное произведение из ничего не создашь; и невозможно перераспределить первичный материал по вторичным схемам, не выразив при этом ни чувств, ни мнений по его поводу…..

Взаимосвязь между «Хоббитом» и его продолжением, сдается мне, следующая. «Хоббит» — первый опыт или введение (по зрелом размышлении вы, наверное, согласитесь, что это — очень подходящий момент для начала рассказа о последующих событиях) в сложное повествование, что зрело у меня в голове на протяжении многих лет. Оно столь очевидно адресовано детям в силу двух причин: на тот момент у меня были свои дети и я привык сочинять для них истории (однодневки); и меня воспитали в убеждении, что существует реальная, особая связь между детьми и волшебными сказками. Или скорее в убеждении, что таково общепринятое мнение моего мира — и издателей. Я сомневался, поскольку убеждение это не согласовывалось с тем,

что подсказывал мне личный опыт моего собственного вкуса, а также и наблюдения за детьми (главным образом своими). Но предрассудок был силен.

Думаю, что по «Хоббиту» нетрудно заметить: начинается он с того, что можно назвать более «комичной» манерой, а местами еще более шутливой, и неуклонно движется в сторону тона более серьезного и значительного, более последовательного и историчного….. И все равно я о многом в этой книге жалею…..

Первый вопрос, как мне кажется, в любой дискуссии такого рода, будет следующий: кто такие «Дети»? Вы в своем запросе, как можно предположить, ограничиваетесь (северно-) европейскими детьми? Тогда в каком возрасте между колыбелью и юридическим окончанием несовершеннолетия? С каким уровнем интеллекта? Или литературного таланта и восприимчивости? Не все смышленые дети наделены еще и этими качествами. Детские вкусы и таланты различаются так же сильно, как и у взрослых, — как только дети дорастают до того возраста, когда их самих возможно без труда отличить друг от друга, и, стало быть, становятся объектом всего того, что заслуживает названия литературы. Многим детям в возрасте 14 или даже 12 лет бесполезно предлагать ту макулатуру, что достаточно хороша для многих респектабельных взрослых в два-три раза их старше, но менее одаренных от природы.

Жизнь заметно превосходит наш уровень (за исключением, пожалуй, очень немногих). И нам всем нужна литература, наш уровень превосходящая, — хотя у нас, возможно, не всегда хватает для нее сил. Однако у молодых сил обычно больше. Стало быть, молодость меньше, чем зрелость или Старость нуждается в том, что опущено до ее (предполагаемого) уровня. Но даже в Старости, сдается мне, нас в действительности трогает только то, что по меньшей мере в одном из аспектов или моментов выше нас, выше нашей мерки, хотя бы до того, как мы прочли это и «вобрали в себя». Потому не пишите, подделываясь под Детей или кого бы то ни было. Даже в том, что касается языка. Хотя было бы неплохо, если бы великое благоговение, которого заслуживают дети, облеклось бы в форму воздержания от избитых и тривиальных клише взрослой жизни. Но настоящее, честное слово — это настоящее, честное слово, и познакомиться с ним можно только в правильном контексте. Богатый словарь не приобрести, читая книги, написанные сообразно чьему-либо представлению о словаре определенной возрастной группы. Приходит он через чтение книг, которые тебе не по плечу.

Здесь черновик заканчивается. Ниже приводится

письмо, в итоге отосланное Толкином в «Нью стейтсмен» 17 апреля:

Уважаемый мистер Аллен!

Я глубоко сожалею, что для меня не представляется возможным принять участие в предложенном вами симпозиуме. Я только что поправился после перенесенной операции, изрядно запустил работу и теперь вынужден многое наверстывать. На следующей неделе начинается триместр, и до 19 апреля я просто не успею ничего написать.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

216 Из письма к заместителю секретаря Мадрасского университета 19 августа 1959

Должен поблагодарить вас за честь, что вы мне оказали, назначив меня членом своей экзаменационной комиссии. Могу ли я тем не менее со всем моим уважением намекнуть, что не стоит этого делать, не проконсультировавшись сперва с самим кандидатом? Эту работу я принять не в состоянии. Я крайне загружен иными делами, и в любом случае я ушел на пенсию и не собираюсь впредь иметь никакого отношения ни к преподаванию, ни к экзаменам.

217 Из письма в «Аллен энд Анвин» 11 сентября 1959

Касательно перевода «Властелина Колец» на польский.

Прошу прощения, что по причине домашних неприятностей и неполадок я проигнорировал письмо миссис Скибневской.

Не вижу ни малейшей возможности снабдить ее более или менее подробными комментариями….. В качестве общего руководящего принципа я предпочел бы, чтобы она переводила или меняла имена и названия как можно меньше. Как сама она сознает, это — английская книга, и ее «английскость» искоренять не следует. То, что хоббиты на самом деле говорили на собственном древнем языке, конечно же, псевдоисторическое утверждение, обусловленное самой природой повествования. Я мог бы предоставить или придумать подлинные формы из хоббитского языка для всех имен и названий, что даются на английском, как, например, Бэггинс или Шир, да только смысла в том не вижу. Я лично считаю, что все имена следует оставить как есть. Я бы предпочел, чтобы и названия мест остались нетронутыми, включая Шир. Думается мне, правильно было бы дать в конце список тех имен и названий, что в английском языке являются значимыми, с комментариями или пояснениями по-польски.

218 К Эрику Роджерсу

Ответ на письмо, адресованное «любому профессору английского языка» в Оксфорде; автор письма спрашивал, как правильно говорить: «при этом *пострадал* ряд офисных стен» или *«пострадали* ряд офисных стен».

9 октября 1959
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемый сэр!

Ваше письмо в итоге попало ко мне, хотя я — не «любой профессор английского языка», поскольку ушел на пенсию. Ответ мой таков: говорите, как хотите. Педантичность велит: поскольку слово «*ряд*» — существительное единственного числа, глагол тоже должен стоять в единственном числе (пострадал). Здравый смысл подсказывает: поскольку *«стены»* во множественном числе, а речь идет именно о них, требуется глагол во множественном. Выбирайте сами.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

219 Из письма в «Аллен энд Анвин» 14 октября 1959

> Заводчица кошек из Кембриджа спрашивала, можно ли ей зарегистрировать помет сиамских котят под именами, заимствованными из «Властелина Колец».

Мой единственный комментарий — реплика Пэка насчет смертных{Аллюзия на реплику Пэка, персонажа шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь»: «Lord, what fools these mortals be!» (III.2) (в переводе Т. Щепкиной-Куперник: «Как безумен род людской!»).}. Боюсь, что в моих глазах сиамские кошки — это фауна Мордора, но заводчице об этом сообщать не обязательно.

220 Из письма к Наоми Митчисон 15 октября 1959

Я «отошел от дел» — или скорее, поскольку даже британские генералы, употребляя глагол «отходить», обычно подразумевают добровольное передвижение в сторону тыла{В оригинале игра слов: английский глагол *«to retire»* означает как «уходить на пенсию», «удаляться от дел», так и «отступать» (в военной лексике, в фехтовании и т. д.).}, я был изгнан по достижении возрастного предела в конце прошлого триместра. Во многих отношениях прискорбное происшествие, особенно в финансовом плане. И хотя я принадлежал к ФППУ[358] с момента ее основания в 1920 г., этих средств недостаточно, чтобы почивать на лаврах (ветхих и пыльных, как рождественские украшения в январе). Без поддержки «Хоббита» и всего такого прочего» пришлось бы перебиваться с хлеба на воду. И тем не менее (во многом благодаря вашему ободряющему письму) я решил выбраться из «беличьего колеса» и перед тем, как возвращаться, отказался от должности в Ирландии[359]. Теперь, если только представится возможность, я вскорости вновь возьмусь за «Алую Книгу» и связанные с нею хроники.

221 Из письма к первому заместителю секретаря Оксфордского университета 24 ноября 1959

> С уходом Толкина на пенсию Совет факультета английского языка прислал ему благодарность за «длительный и бесценный труд» и выразил «сожаление, что в будущем окажется лишен ваших мудрых советов и великодушной помощи в своих обсуждениях. В то же время Совет желает засвидетельствовать, сколь немалую славу ваши обширные, скрупулезные, яркие научные исследования снискали факультету и университету в целом».

Я глубоко признателен Совету факультета английского языка за в высшей степени великодушное обращение. Боюсь лишь, что в нем представлен портрет профессора, который далеко превосходит ныне удалившегося отдел. Однако ж, осознанные заслуги, вне всякого сомнения, и утешение, и поддержка, но тем не менее незаслуженные почести и комплименты заключают в себе особую прелесть. Один из результатов ухода на пенсию, совершенно неожиданный, состоит в том, что я даже соскучился по заседаниям Совета. Не по повестке дня, конечно же, но по обществу столь многих дорогих друзей.

222 Из письма к Рейнеру Анвину 9 декабря 1959

Анвин предложил Толкину подготовить к публикации его переводы «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря» и «Перла».

Я задержался с ответом на ваше письмо от 3 декабря главным образом потому, что вновь с головой ушел в работу, в которой вы заинтересованы. Боюсь, что вас скорее встревожит, нежели удивит (вам ли не знать авторских причуд — или по меньшей мере моих!), если я скажу, что идет она не в той последовательности. С помощью моего секретаря я стремительно продвигался с переделкой «Сильмариллиона» и т. д. Ваше письмо сработало примерно как если бы поводья натянули — очень вовремя, хотя и некстати. Ясно, что мне следует немедленно взяться за «Гавейна». До Рождества я с ним не управлюсь; но я недавно привел в порядок и внимательно изучил материал и не думаю, что перевод «Гавейна» и «Перла» как таковой нуждается в серьезной доработке. Я смогу предоставить вам текст обеих поэм вскоре после Рождества; набирать их можно по отдельности. Я по-прежнему не вполне уверен, что еще к ним добавить в качестве предисловия или примечаний. Думаю, совсем немного, потому что те, кто покупает переводы, скорее всего, будут принадлежать к одному из двух классов: те, кому нужен просто перевод, и те, у кого есть доступ к изданиям и прочим подробным исследованиям проблем, с поэмами связанных.

223 Из письма к Рейнеру Анвину 31 июля 1960

Честно говоря, я намертво застрял — увяз в бездонной трясине, так что любая поддержка всячески приветствуется. Кара настигает меня за грехи упущений, совершенные того ради, чтобы закончить «В. К.». И главный из них — «Ancrene Riwle». Подготовку к печати основного манускрипта мне следовало закончить *много лет назаод*! Я пытался спихнуть ее с рук хотя бы до выхода на пенсию и ценой грандиозных усилий выслал текст в сент. 1958 г. Но тут стряслось одно из тех несчастий, что неизменно сопутствуют проволочкам, и моя рукопись затерялась в неразберихе Забастовки Печатников. Так что корректура прибыла в начале июня *сего года*, когда я не покладая рук работал над составлением «Сильмариллиона» и давно выпустил из рук нити с[редне-] а[нглийского] труда. Я на время прервался, но теперь тружусь как окаянный: 10 тяжких часов per diem{В день (*лат.*)}, день за днем, пытаясь внести какой-никакой порядок в пачку путаных и жутко мудреных гранок и примечаний. А потом еще и предисловие пиши! (А там еще «Сэр Гавейн»). Пока не отошлю хотя бы корректуру *текста*, мне головы не поднять.

224 Из письма к Кристоферу Толкину 12 сентября 1960

Отзыв на книгу К. С. Льюиса.

Только что получил экземпляр последнего опуса К. С. Л.: «Изучение слов». Увы! Его тяжеловесная глупость закрепляется как стиль. С несказанным облегчением обнаружил, что я там не упомянут ни словом.

Я написал для него подробный анализ семантики и истории формы *BHŪ с отдельной ссылкой на **φνσις**. Все, что осталось, — это первые 9 строчек от PHUSIS (стр. 33–34) с типично льюисовской вставкой про «бороды и огурцы». Остальное на стр. 36 списано со счетов со словами «у нас нет ни крупицы свидетельств». В лучшем и худшем своем проявлении он остается «классическим» оксфордским доном — когда имеет дело со словами. На мой взгляд, лучше всего ему удалась последняя глава, и единственное действительно мудрое замечание содержится на последней странице: «Думаю, нужно нам всем твердо усвоить: как раз в тех самых случаях, когда нам больше всего хочется написать разгромную рецензию, на самом деле куда разумнее придержать язык». Ergo silebo{Потому я умолкаю (*лат.*)}.

225 Из письма к Рейнеру Анвину 10 декабря 1960

«Паффин-букс» предложило выпустить издание «Хоббита» в мягком переплете.

Спасибо за известие о предложении от «Паффина» и за ваши советы. Я мог бы благополучно предоставить решение вам, положившись на ваше благоразумие. Вероятность прибыли или убытков в том, что касается денег или прочего, по всей видимости, абсолютно равная. Если хотите знать мое личное мнение: теперь я уже не в том положении, чтобы закрывать глаза на барыши, даже если речь идет о лишних 100 фунтах, но я вполне разделяю ваше нежелание удешевлять прежнего «Хоббита». Если только речь не идет о явных прибылях или выгодах, я бы, скорее, предоставил ему плестись своим чередом; а темп он и по сей день задает неплохой. Кроме того, не люблю я ни тупиков, ни пингвинов{Логотип издательства «Пенгуин-букс» (penguin — пингвин (*англ.*), наладившего выпуск книг в мягкой обложке, представляет собою изображение пингвина; «Паффин-букс» (puf fin — тупик (*англ.*) — серия книг в мягкой обложке, выпускаемая издательством «Пенгуин»; на ее логотипе изображена птица тупик.}, да и прочих пташек с мягкими скорлупками тоже не жалую: они поедают яйца других птиц, так что лучше предоставить им брошенные гнезда.

226 Из письма к профессору Л. У. Форстеру 31 декабря 1960

На самом деле «Властелин Колец» был начат как отдельное произведение около 1937 г. и продвинулся до трактира в Бри до того, как на мир пала тень второй войны. Лично мне кажется, что ни та, ни другая войны (и, уж конечно же, не атомная бомба) не повлияли хоть сколько-нибудь на сюжет и на то, как он развивался. Вот разве что на пейзажи. Мертвые болота и подступы к Мораннону отчасти обязаны Северной Франции после битвы на Сомме. А еще больше они обязаны Уильяму Моррису и его гуннам и римлянам, как, скажем, в «Доме сынов Волка» или в «Корнях горы».

227 Из письма к миссис Е. К. Оссен-Дрейвер 5 января 1961

Нуменор, сокращенная форма от *Нуменорэ*, — моя собственная выдумка, составленная из *nutē-n*, «опускающийся вниз» (√*ndū*, nu), «закат», «Запад», и *nōrë* — «земля, страна» = *Западная земля*. Легенды о *Нуменорэ* во «Властелине Колец» даны лишь в качестве фона, хотя (конечно же) написаны были до него, и в Приложении А приводится только краткий пересказ. Это — моя собственная переработка для моих собственных же целей легенды об *Атлантиде*, однако основана она не на каком-то конкретном *знании*, но на особом личном интересе к легенде о несущих культуру людях из-за Моря, которая столь глубоко затронула воображение народов Европы, обитающих на западных побережьях.

К. С. Льюис — мой очень старый друг и коллега; более того, именно его поддержке и ободрению я обязан тем, что, невзирая на все препятствия (включая войну 1939 г.!) я продолжал упорно трудиться и в конце концов закончил «Властелина Колец». Он прослушал весь роман, прочитанный вслух, от начала до конца, отдельными порциями, но в печати увидел только после того, как вышла его трилогия. Его *Нуминор* — производная от *Нуменора*, воспринятого на слух, и действительно использован как аллюзия на мой труд и прочие мои легенды (неопубликованные), которые ему довелось услышать.

Сейчас я, заключив договор, занят тем (помимо иных, увы! — менее приятных задач), что привожу в порядок для публикации мифологию и предания Первой и Второй эпох, написанные давным-давно, — но для публикации эти материалы считались непригодными до тех пор, пока (судя по всему) неожиданный успех «Властелина Колец», представляющего собою их завершение, не обеспечил вероятный спрос для начала. Но, боюсь, в «Сильмариллионе» (или истории Трех Самоцветов) нет никаких *хоббитов*, и забавного и повседневного тоже мало, все больше горе и бедствия. Те критики, что издевались над «Властелином», поскольку «все хорошие мальчики вернулись домой живыми-здоровыми и все жили долго и счастливо» (абсолютная неправда), должны остаться довольны. Но, конечно же, не останутся — даже если соблаговолят заметить книгу!

228 Из письма в «Аллен энд Анвин» 24 января 1961

Шведское издательство «Гебеш», публикующее книгу «Властелин Колец», усомнилось, включать ли в свое издание Приложения. Запросили мнение Толкина.

Я глубоко сочувствую любому иностранному издателю, у которого достанет авантюризма взяться за перевод моего труда. В конце концов, основной мой интерес в том, чтобы «переводиться» — финансовый, пока к основному тексту относятся с уважением. Так что даже если родительская чувствительность уязвлена, я постарался бы удержаться от слов и поступков, способных повредить хорошему бизнесу, — публикации в других странах. Кроме того, я должен также считаться с гг. «Аллен энд Анвин». Но вопрос Приложений заключает в себе и денежный аспект.

Не думаю, что Приложения придают произведению «научный» (?читай *pedantisk*{Педантский (*шв.*)}) вид, зато они играют ведущую роль в создании общего эффекта: как переводчик гг. «Гебеш» сам указал (назвав детализацию и *документирование* в качестве двух основных составляющих, производящих завораживающее ощущение исторической реальности). В любом случае покупатели т. iii предположительно уже заинтересованы: т. iii — не отдельная книга, которую приобретают исключительно ради ее собственных достоинств. Собственно говоря, анализ многих сотен писем доказывает, что Приложения сыграли немалую роль в том, чтобы доставить читателю удовольствие, превратить посетителей библиотек в покупателей (поскольку Приложения нужны как справочный материал) и создать спрос для следующей книги. Необходимо проводить четкое разграничение между вкусами рецензентов («профессорская причуда» и все такое) и читателей! Думаю, вкусы людей простых и бесхитростных (вроде меня самого) я понимаю неплохо. Однако я отлично сознаю проблему затрат и розничных цен. Есть цена, за пределы которой простые, бесхитростные люди выйти просто не могут, даже если бы и хотели…..

Не знаю, какова ситуация с продажей книги на английском языке в странах, где опубликован перевод. Полагаю, никаких препятствий, прямых или косвенных, к их приобретению не возникает, и в любом случае решительно настроенный покупатель может заказать их через книгопродавца. Наверняка спрос очень невелик…. и никакого финансового интереса не

представляет. Но меня занимает сам факт. Оригинал — моя единственная защита от переводчиков. Я не в силах проконтролировать перевод такого большого текста, даже на те немногие языки, которые хоть сколько-то знаю; и тем не менее переводчики допускают ошибки самые странные. (Я бы ошибок тоже не избежал, работая, как они, под давлением, при крайне ограниченных сроках.)

Вот, скажем, доктор Ольмаркс[360], при том, что мне его хвалили за ум и находчивость, вполне способен создать, например, такое. Переводя т. i стр. 12 «башмаков они почти не носили, поскольку ступни их, с твердыми, загрубевшими подошвами, были покрыты густой вьющейся шерсткой, под стать их же шевелюре», он понял текст как: «…ступни их были с крепкими, *перовыми*{По всей вероятности, переводчик перепутал два слова: «leathery» («кожаный») и «feathery» («пернатый, покрытый перьями»).} подошвами, а сами они были покрыты густой вьющейся шерсткой…»; так он создает в своем Предисловии образ хоббитов, всю уличную одежду которых составляет спутанная шерсть, в то время как на ногах у них — надежные, набитые перьями подушечки-подошвы! Это вдвойне нелепо, поскольку фраза встречается в том же самом абзаце, где автор предполагает, что хоббиты списаны с жителей идиллической окраины Хедингтон.

Против биографической справки я не возражаю, если таковая желательна (голландцы обошлись без нее). Но она должна быть и корректной, и уместной. Боюсь, мне придется попросить позволения в будущем просматривать все писания такого рода, прежде чем они пойдут в печать. Или в качестве альтернативы я набросаю краткую автобиографию и выдам ее вам в качестве возможного раздаточного материала, на случай, если вдруг понадобится.

«Кто есть кто»{Ежегодный биографический справочник, издающийся с 1849 г. и содержащий в себе сведения главным образом о британских подданных.} в руках иностранцев, не знающих Англии, — источник ненадежный. На его основе Ольмаркс состряпал нелепейшую фантазию. Ольмаркс — человек до крайности тщеславный (как я выяснил по нашей с ним переписке), предпочитающий свой собственный вымысел фактам и весьма охотно претендующий на познания, которыми не обладает. Он, нимало не колеблясь, приписывает мне убеждения и мнения, от которых я открещиваюсь. Среди всего прочего — нелюбовь к Лидскому университету, потому что он, видите ли, «северный» и основан не раньше викторианских семидесятых. Эта вопиющая дерзость истине совершенно не соответствует. Если это

дойдет до сведения Лидса (что, по счастью, маловероятно), придется мне заставить его извиниться.

229 Из письма в «Аллен энд Анвин» 23 февраля 1961

Настоящим вкладываю экземпляр и перевод ольмарксовского безобразия. В надежде, что вы сочтете мое раздражение оправданным. Второй его «залп» я просматривать не стал. Боюсь, прямо сейчас я больше не выдержу.

> Ниже приводятся выдержки из комментариев Толкина по поводу предисловия Оке Ольмаркса к шведскому переводу «Властелина Колец». Курсивом выделены цитаты из предисловия в переводе Толкина.

Трудно поверить, что исконный хоббит, коренной житель Среднего Юга Англии…. почувствует себя как дома [в Лидсе]. Вступление в должность профессора англосаксонского языка в Оксфорде стало для него все равно что возвращением домой из разведывательной экспедиции к далекому «Форпосту».

Вот вам первый серьезный образчик самонадеянной наглости О[льмаркса]….. Я всей душой любил Лидский университет, которому многим обязан, и его студентов, с которыми расстался с большим сожалением. Нынешние студенты входят в число моих самых благодарных читателей и пишут мне письма (в частности насчет Приложений). Если чепуха О. однажды дойдет до сведения университета, это будет сочтено за оскорбление и О. придется публично извиняться. Что до «Форноста», одного беглого взгляда в книгу хватит, чтобы понять: Форност сопоставим, скорее, с курганами королей в Старой Упсале, нежели с городом Лидс!

*В одном из самых значительных его произведений, опубликованном в 1953 г., также повествуется о еще одном знаменательном возвращении домой — о «Возвращении Беорхтнота [sic]{*В предисловии Ольмаркса это имя написано с ошибкой: *Beorhtnot* вместо *Beorhtnoth*, что, разумеется, не могло не вызвать недовольства автора.*}, сына Беорхтхельма».*

Вернуться домой без головы (как в случае Беорхтнота) не слишком-то приятно. Но это все блеф. О. в жизни не слышал ни о Беорхтноте, ни о его возвращении домой (нигде не упомянутом до тех пор, пока я не написал об этом поэму), и поэмы в глаза не видел. Я его не виню; вот только незачем писать так, будто знаешь, о чем пишешь.

Рассказывать сказки о нем [Средиземье] профессор начал детям, а потом и внукам; дети были в восторге и требовали еще и еще. Так и представляешь себе вечер у очага на мирной вилле по Сэндфилд-Роуд, в Хедингтоне близ Оксфорда…. с Могильниками, или Хедингтонскими холмами в глубине картины, и Туманными горами, или Шотовером высотой в 560 футов на заднем плане.

!! Это такая вопиющая чушь, что я бы заподозрил, будто надо мной издеваются, если бы уже не убедился, что О. неизменно готов изобразить глубокую осведомленность в том, о чем понятия не имеет. Внуков у меня только двое. Одному — 18, и о книге он впервые услышал 5 лет назад. Второму лишь 2{Имеются в виду Майкл (1943), сын Майкла и Джоан, и Саймон (1959), сын Кристофера и его первой жены Фейт. Внучек, Джоан (1945) и Джудит (1951), дочерей Майкла и Джоан, Толкин отчего-то не посчитал.}. Книга была написана до того, как я переехал в Хедингтон, где никаких холмов нет, а сам он расположен, так сказать, на склоне Шотовера.

Кольцо в определенном смысле — «der Nibelungen Ring{«Кольцо Нибелунгов» (нем.)}»….

Оба кольца были круглыми, и на этом сходство заканчивается.

….которое было изначально отковано Велундом, лучшим из кузнецов, затем через Виттка-Андвари попало в руки могучих асов [Aesir], затем досталось Хрейдмару и дракону, а после гибели дракона перешло к Сигурду-драконобойце; после же того, как Сигурд пал от руки предателей-заговорщиков, оно досталось бургу ндам, а после их смерти в змеином рву Атли перешло к гуннам, а затем к сыновьям Ионакра, к готскому тирану Эрманрику и т. д.

Благодарение Небу за «и т. д.». А то я уж опасался, что в конце концов кольцо обнаружится у меня в кармане. По всей видимости, О. считает, что оно в кармане у него самого. Но какой во всем этом смысл? Те, кто знает хоть что-нибудь о древнескандинавской версии предания о «Нибелунгах» (о которой главным образом и идет речь, поскольку формы имен использованы скандинавские) сочтут это все бессмысленной мешаниной; те, кто ничего не знает, вряд ли этим заинтересуются. Но, возможно, им также полагается прийти к выводу, что доктор О. обладает также и *mdsterskap*[361]. Все это не имеет ни малейшего отношения к «Властелину Колец». Что до Виланда-Кузнеца, который, как выясняется, соответствует архетипу Пана и отражен как в образе Бомбадила, так и Голлума: вот вам наглядный пример нелепых методов и вздорных умозаключений доктора О. И пусть себе развлекается этакой

чушью, однако не думаю, что он, как переводчик, имеет право выплескивать это все в мою книгу.

Здесь [в Мордоре] правит воплощение сатанинской мощи Саурон (по всей видимости, в том же пристрастном ключе [как и другие идентификации, проводимые Ольмарксом], воспринимаемый как Сталин).

Никаких «по всей видимости» тут быть не может. Я категорически отказываюсь признавать подобные «прочтения», они меня просто бесят. Сама ситуация была задумана задолго до русской революции. Подобные аллегории моему образу мыслей абсолютно чужды. То, что Мордор находится на востоке, объясняется просто-напросто требованиями географии и сюжета внутри моей «мифологии». Изначально оплот Зла находился (вполне традиционно) на Севере; но, поскольку он был разрушен и, более того, поглощен морем, потребовалось возвести новую крепость, подальше от Валар, эльфов и морской державы Нуменор.

Есть там и отголоски пеших походов его собственной юности в приграничные области Уэльса.

Как говорил Бильбо про гномов{Неточность Толкина; так Бильбо подумал про Гандальва, а не про гномов («Хоббит», гл. 1).}, да он, похоже, знает содержимое моих буфетов не хуже меня самого. Или, по крайней мере, делает вид. В юности я никогда не ходил в походы по Уэльсу или пограничным графствам. И с какой стати я становлюсь объектом художественного вымысла еще при жизни?

230 Из письма к Роне Вир 8 июня 1961

Ответы на различные вопросы по «Властелину Колец».

Что до похвальбы Арагорна[362], я так думаю, в данном случае он имел в виду свою родословную по отцовской линии; но, в любом случае полагаю, что нуменорцы, до того, как знания их пошли на убыль, знали о наследственности куда больше других людей. Именно ее они и обозначали общепринятым символом крови. Они сознавали тот факт, что, невзирая на смешанные браки, в последующих поколениях определенные свойства могли проявиться в чистом виде. Долголетие самого Арагорна — как раз такой случай. Гандальв, как мне кажется, имел в виду тот любопытный факт, что даже в куда хуже сохранившемся роду наместников Денетор уродился почти чистокровным нуменорцем.

Т. И, стр. 70[363]. Древобород в данном случае не использует энтских звуков, но употребляет древние эльфийские слова — вперемешку и слитно, на энтский манер. Элементы следующие: *laure*, золото, не металл, но цвет, то, что мы назвали бы золотым светом; *ndor, nor*, земля, страна; *lin, lind-* — музыкальный звук; *malina*, желтый; *orne*, дерево; *lor*, сон; *nan, nand-* — долина. Так что имеет он в виду приблизительно вот что: «Долина, где деревья в золотом свете мелодично поют, земля музыки и снов; там растут желтые деревья, это земля желтых дерев». То же относится к последней строчке на этой странице[364], где элементы следующие: taure, лес; tumba, глубокая долина; *mor*, тьма; *lyme*, ночь.

Маэ гованнен[365] означает «добрая встреча».

Приветствие Древоборода[366], обращенное к Келеборну и Галадриэли, означает: «О прекрасные, родители прекрасных детей».

Хвалебная песнь в т. III, стр. 231[367] на самом деле — не песня, а несколько фраз, заимствованных из звучавших там языков, причем английский представляет всеобщее наречие. Вторая, четвертая и шестая строчки — это синдарин, или язык Серых эльфов. Седьмая и девятая — язык Высоких эльфов. Строчка 2 означает: «Долгая жизнь полуростикам, слава полуростикам». Четвертая строчка означает: «Фродо и Сэм, князья запада, славьте (их)», шестая «славьте (их)». Седьмая строчка означает: «Да будут они благословенны, да будут благословенны,

долго станем мы восхвалять их». Девятая строчка означает: «Се Хранители Кольца, благословляйте (или восхваляйте) их до вышних пределов».

231 Из письма к Джейн Нив 4 октября 1961

Тетя Толкина Джейн Нив, которой на тот момент исполнилось девяносто, написала ему, спрашивая: «А не опубликовать ли тебе маленькую книжечку про Тома Бомбадила?»

По-моему, насчет Тома Бомбадила это вы замечательно придумали; не то чтобы я был склонен писать про него что-нибудь новенькое. Но, сдается мне, из первоначального стихотворения (напечатанного в «Оксфорд мэгэзин» задолго до «Властелина Колец») получилась бы прелестная книжица, — вам бы такая понравилась, если бы каждый стих проиллюстрировала Полин Бэйнс. Если вы исходного варианта «Тома Бомбадила» вообще не видели, я попытаюсь его отыскать и снять для вас копию.

232 Из письма к Джойс Ривз 4 ноября 1961

Люблю ж я толковых, здравомыслящих незамужних тетушек. Благословенны те, у кого они есть или кто с ними знаком. Хотя, как мне подсказывает опыт, встречаются они чаще, нежели тетушки Саки[368].

Тетя-профессионал — это, пожалуй, явление недавнего времени; но мне повезло иметь дело с одним из ранних примеров: с одной из первых женщин, получивших ученую степень по естественным наукам. Сейчас ей девяносто, но еще несколько лет назад она ездила заниматься ботаникой в Швейцарию. Это в ее обществе (в составе смешанного отряда примерно той же численности, что отряд в «Хоббите») я исходил пешком с тяжелым рюкзаком за плечами большую часть Швейцарии и немало горных перевалов. На подходе к Алечу мы едва не погибли: под солнцем снег подтаял и вниз по склону покатились камни. Гигантская глыба пронеслась как раз между мной и следующим в цепочке. Это и «громовая битва» — скверная ночь, когда мы сбились с пути и заночевали в хлеву, — описано в «Хоббите». Как давно все это было…..

Мне произведение очень понравилось[369]; надеюсь, вы простите мне мою болтливость. Боюсь, мои замечания слегка отдают тем легендарным немецким профессором, который написал внушительный том про Das Komische{Комическое (*нем.*)}. После того, всякий раз, когда ему рассказывали какой-нибудь анекдот, он на мгновение задумывался, а затем кивал, говоря: «Да, есть такая шутка».

233 Из письма к Рейнеру Анвину 15 ноября 1961

> «Аллен энд Анвин» согласилось с предложением Толкина составить небольшой сборничек стихов под названием «Приключения Тома Бомбадила».

Я тут произвел поиски, насколько время позволяло, и снял копии со всех стихотворений, которые возможно было бы опубликовать впервые или (в слегка «приглаженном» виде) вновь представить на суд публики. Урожай невелик; во-первых, потому, что с «Томом Бомбадилом» на самом деле мало что сочетается. Кроме «Тома Бомбадила» (экземпляр этого стихотворения у вас есть), я высылаю «Приключение» и «Жителя Луны»; их можно поставить вместе. Насчет остальных я в общем сомневаюсь; даже не знаю, представляют ли они хоть какую-то ценность, сами по себе или в комплекте. Если, однако, вам покажется, что какие-то из них сгодятся в книгу и способны привлечь Полин Бэйнс как иллюстратора, я буду очень рад.

234 К Джейн Нив

Толкин выслал тете несколько стихотворений, которые собирался включить в новую книгу.

22 ноября 1961
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дражайшая моя тетушка!

Стихотворения получил обратно; спасибо большое. Не беспокойтесь, что причинили мне неудобства. Я получил немалое удовольствие, выкапывая эти полузабытые древности и приводя их в пристойный вид. Тем более что полагалось мне заниматься совсем другими делами, не в пример скучнее. Как бы то ни было, в вас они аудиторию обрели. Боюсь, что печатная публикация крайне маловероятна.

И не берите вы в голову «молодежь»! «Ребенок» как таковой меня не интересует, современный или любой другой, и, уж разумеется, я совершенно не намерен идти ему/ей навстречу — ни полпути, ни даже четверть пути. В любом случае поступать так — ошибка; это либо бессмысленно (в случае бестолковых), либо пагубно (когда навязывается одаренным). Такую ошибку я совершил лишь однажды, к неизбывному моему сожалению и (рад сказать) к вящему неодобрению умных детей: в начале «Хоббита». Но в ту пору я об этом вопросе не задумывался: я тогда еще не избавился от современных заблуждений насчет «волшебных сказок» и детей.

Однако ж мне пришлось об этом поразмыслить перед тем, как я прочел в Сент-Эндрюз «Эндрю-Лэнговскую» лекцию о «Волшебных сказках»; и должен сказать, что результаты всецело пошли на пользу «Властелину Колец», каковой и стал демонстрацией на практике выражаемых мною взглядов. Книга *не* была написана «для детей» или для кого бы то ни было отдельно взятого; книга писалась ради себя самой. (Если какие-то ее части или элементы и кажутся «ребячливыми», так это потому, что ребячлив я сам и люблю такого рода вещи *по сей день*.) Кажется, дети и впрямь с удовольствием читают или слушают эту книгу, даже совсем маленькие, и я очень рад это слышать, хотя по большей части она им, должно быть, непонятна и, в любом случае, битком набита словами, которые они вряд ли поймут — если под этим подразумевается «опознать как нечто уже известное». От души надеюсь, книга обогатит их словарный запас.

Что до *plenilune* и *argent*[370], эти слова красивы еще *до того*,

как становятся понятны — хотел бы я вновь иметь удовольствие снова повстречаться с ними впервые! — а откуда бы их и узнать, пока не повстречаешься? И, уж конечно, первая встреча должна произойти в живом контексте, а не в словаре, словно с засушенными цветами в гербарии!

Дети — это не особый класс и не особая разновидность; они — разнородное скопление незрелых личностей, весьма разных, как это у личностей водится, в том, что касается кругозора и своей способности кругозор расширять, если их к тому поощряют. Как только вы ограничиваете словарь, исходя из своего представления о том, что им доступно и что нет, вы на самом деле просто-напросто лишаете одаренных детей шанса словарь расширить.

А значение красивых слов никак нельзя сделать «очевидным», потому что ни для кого оно не очевидно: и менее всего для взрослых, которые перестали прислушиваться к звучанию, потому что считают, будто знают значение. Они полагают, что *argent* «означает» серебро. Но это не так. И *argent*, и «серебро» имеют отношение к *x* или хим. Ag, но в каждом случае *x* облекается в совершенно иное фонетическое воплощение: *x* + *y* или *x* + *z*; и у них-то значение вовсе не одно и то же, не только потому, что они звучат по-разному и вызывают разный отклик, но еще и потому, что на самом деле, когда речь заходит об Ag, используются они по-разному. Лучше, сдается мне, по крайней мере для начала, *услышать* «argent» просто как звук (*z* без *x*) в поэтическом контексте, нежели считать, будто «это слово всего-навсего означает «серебро»». Есть некоторый шанс, что оно вам понравится само по себе, а позже вы научитесь ценить заключенные в нем геральдические обертона, в придачу к его собственному необычному звучанию, которым «серебро» не обладает.

По-моему, это упрощающее, обезличивающее, а-ля «адаптированная Библия» отношение виной тому, что столько детей постарше и молодых людей не испытывают к словам почти никакого уважения и вовсе никакой любви, и словарный запас у них крайне ограниченный — и, увы! — мало осталось у них желания (даже если некогда они и обладали даром, ныне сведенным на нет) улучшить или обогатить его.

Насчет «Гамельнского крысолова»{Стихотворение, написанное для детей Р. Браунингом (1812–1889), в основу которого легла распространенная средневековая легенда.} [371] мне страшно жаль. Я его терпеть не могу. Господи, помоги детям! Я скорее оделил бы их грубыми и вульгарными пластмассовыми

игрушками. С которыми они, конечно же, непременно стали бы играть, губя свой вкус. Жуткое предвестие самых вульгарных элементов у Диснея. Но, право, нельзя утверждать, будто он «никогда не подводит». Вы же на самом деле не знаете, что происходит, даже в тех немногих случаях, которые наблюдаете своими глазами. У меня он успеха не имел, даже в детстве, когда я еще не умел отличить плоскую вульгарность Браунинга от «взрослости» в целом всего того, что мне полагалось любить. Беда в том, что на самом деле и впрямь не знаешь, как обстоит дело, даже если ребенок внимательно слушает, даже если смеется. У детей есть одно (единственное) общее свойство: недостаток опыта, и, если не умения разбираться, то по крайней мере языка, на котором можно высказать свое отношение; они до поры обычно уступчивы (внешне), принимая ту пищу, что предлагают им взрослые. Они мысленно или на самом деле выкинут этот хлам за садовую ограду и кротко скажут, как им все понравилось. Как поступали мои дети (они сами признались) со своими ужинами в саду летом, оставляя родителей в непреходящем заблуждении, что те просто обожают бутерброды с джемом. Разумеется, когда я был совсем маленьким, мне подарили Ганса Андерсена. Одно время, когда мне читали его сказки вслух, я слушал с вниманием, которое, вполне возможно, походило на восторг. Да и сам их часто читал. А на самом-то деле я его просто терпеть не мог; и эта пылкая неприязнь — главное, что я пронес сквозь годы в связи с его именем.

Конечно же, я в достаточной степени «ребячлив», и этого должно быть довольно и для настоящих детей, и для тех, кто «ребячлив» в том же самом роде, а если старикан знает столько славных словечек — ну, и пусть его! Посылаю вам одну маленькую чепуховину, которую накропал на днях[372], как свидетельство моей ребячливости. Хотя я, — увы! — в избытке набрался взрослого жаргона, чтобы писать, подражая старшим; и мог бы сказать так: «Это изящно написанный пустячок, забавная попытка проникнуть в эльфийскую ребячливость эльфийского дитяти, если такое вообще существует!» Извините, что печатаю. Моя неуклюжая рука длинного письма не потянет. И плюньте вы на «мнения». На самом деле, я пишу так, как пишу, хорошо ли, плохо ли, потому, что иначе писать не могу. А уж если мои писания кому-то нравятся, большим ли, малым ли, я столь же удивлен, как и рад. Господь вас благослови.

Очень Вас любящий, Р.

235 Из письма к миссис Полин Гаш (Полин Бэйнс) 6 декабря 1961

Полин Бэйнс, иллюстрировавшая «Фермера Джайлса из Хэма», согласилась сделать иллюстрации к «Приключениям Тома Бомбадила» и теперь читала стихотворения в машинописной копии.

Да позволено мне будет заметить, все, вам присланное (за исключением «Колокола моря», самого слабого из стихотворений, которое я на самом деле и не хотел бы включать в книгу, по крайней мере, не вместе с остальными) задумывалось как серия вполне определенных, четких и ясных картинок — возможно, фантастических или абсурдных, но не призрачно-мечтательных! И я подумал о вас: вы ведь, как мне кажется, способны создавать чудесные изображения с оттенком «фэнтези», которые при этом в первую очередь — яркие и четкие образы всего того, что на самом деле можно увидеть своими глазами. Разумеется, то, что вы говорите об «иллюстрациях» в целом, абсолютно справедливо, и я некогда (в длинном эссе на тему «Волшебных сказок») попытался изложить примерно то же самое, гораздо более пространно, но не более четко, чем вы[373]. Но случается также, что иллюстрации (или украшение!) требуется вещицам мелким, как вот эти стихи — они веселые и (как мне кажется) искусно написаны, но не то чтобы глубоки по замыслу. Наверное, «Клад» к числу «веселых» не причислишь, хотя бедствия сменяющих друг друга (безымянных) наследников воспринимаются просто-напросто как серия изображений на старинном гобелене и глубокой жалости у читателя не вызывают. Как интересно, что именно «Клад» вам особенно понравился. Ведь это стихотворение наименее гладкое, написано в стиле, изрядно смахивающем на древнейший английский стих — и на самом деле источником вдохновения для него послужила одна-единственная строчка старинной поэмы: *iъmonna gold galdre bewunden*, «золото людей древности, опутанное чарами» («Беовульф», 3052{В переводе В. Тихомирова: «…Клад, наследие древнего племени… златосокровище, крепко заклятое…» (3050–3052).}). Но я согласен, что задача эта мудреная! От души надеюсь, вы захотите попробовать. Увы! — вы безошибочно определили главную трудность: эти стихотворения не представляют собою какого бы то ни было единства, они сочинялись в разное время, и вдохновение я черпал из разных источников. Однако ж я почти не сомневаюсь, что вам удастся

избежать Сциллы Блайтон{Имеется в виду английская детская писательница Инид Блайтон, чьи сентиментальные истории сопровождались не менее сентиментальными, слащавыми картинками.} и Харибды Ракема{См. примечание к письму №202.}, хотя стать жертвой последней — судьба менее горестная.

236 К Рейнеру Анвину

В сентябре 1961 г. Толкин получил экземпляр «Хоббита», изданный «Паффин-букс», но просмотрел его только в декабре.

30 декабря 1961
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой Рейнер!

….Вот бы сыскать управу надоброхотов, полагающих, будто они все знают! Пару дней назад мне понадобилось сверить один абзац в «Хоббите», и, поскольку под рукой оказался «тупик», я в него и заглянул. И обнаружил, что один из представителей этой породы снова взялся за свое. Я полагаю, «Пенгуин-букс» не имело права редактировать мои труды и должно было бы в точности воспроизвести опубликованный вариант; или по меньшей мере, из вежливости по отношению к «Аллен энд Анвин» и ко мне им следовало бы обратиться с каким-никаким запросом, прежде чем вносить исправления.

Dwarves, dwarves', dwarvish исправлены по всему тексту (с одним-единственным исключением на стр. 21) на современные словарные формы: *dwarfs, dwarfs', dwarfish. Elvish, elvish* изменены на *Elfish, elfish*{См. сноску к письму №138, а тж. письмо №17.} семь раз, а трижды оставлены как есть. Подобное самоуправство вызывает во мне глубокое возмущение. Я использовал *dwarves* и т. д. преднамеренно, с определенной целью и добиваясь определенного эффекта — то, что эффект есть, можно оценить, сравнив абзацы с переправленными *dwarfs*, особенно в стихах. Эта подробность объясняется в «В. К.», iii, стр. 415[374]. Разумеется, я не жду, чтобы наборщики или корректоры об этом знали или разбирались хоть сколько-нибудь в истории слова «dwarf»; но я бы предположил, что если не наборщику, то по крайней мере корректору должно бы прийти в голову, что автор не стал бы с завидным постоянством почти 300 раз использовать определенную форму, будь это всего-навсего случайная «грамматическая» ошибка; да и корректоры ваши такого не проглядели бы.

Dwarfs и т. д., разумеется, единственно признаваемая современная форма множественного числа; но (непоследовательные) исправления слова *elvish* даже этого оправдания не имеют. Более древняя, «историческая» форма *elvish* признается и по сей день и фигурирует даже в таких популярных

словарях, как «Карманный Оксфордский». Надо думать, я должен сказать спасибо, что «Кокс иУайман»[375] не стали мне навязывать изменения *elven* на *elfin* и *further* на *farther*, как попытались «Джарролдз»[376]; но в «Джарролдз», по крайней мере, имели дело с рукописью, изобилующей случайными ошибками. Сдается мне, в тексте, с которого печатал «Паффин», содержится одна-единственная ошибка: *like* вместо *likes* (6-е переизд., стр. 85 строка 1; «Паффин» стр. 76 строка 23). Она, я так понимаю, вкралась в шестое переизд. Уж Голлум бы шипящего не упустил! В «Паффин» этой ошибки не исправили. Полагаю, там решили, что Голлуму «закон не писан» и предписания словаря и «нормы издательства» — не для него. Но рассказчик — дело другое.

Помимо этого ошибок вроде бы совсем мало. Я отметил следующее: перед *for* пропущено *waiting* («паффин» стр. 32/11). *Ahead* написано как *head* (стр. 87/5 снизу). В *examining* перевернуто *g* (стр. 225/2 снизу). На стр. 228 вместо *ought* и *good* стоит *oubht* и *bood*.

Простите, что допекаю вас такими придирками (я ведь от природы придира, увы!), которые никому, кроме меня, не покажутся особо важными; кроме того, сейчас-то все равно беды не поправишь. Хотя стоило бы сообщить «Пенгуин-букс», что их фокусы незамеченными не прошли. По чести говоря, не думаю, что стал бы подписывать экземпляр сэру Аллену Лейну[377], заметь я их прежде. Есть у меня большое искушение так ему и сказать и предложить поправить ошибки моим собственным прекрасным почерком, если он только вернет мне книгу!

Вот уж и впрямь Лютая Зима выдалась; того и гляди, Белые Волки реку перейдут. Вокруг царит гробовая тишина: единственная машина, появившаяся на моей дороге, задом наперед съехала вниз по обледеневшему холму и сгинула. Маловероятно, что это послание с пожеланиями счастливого Нового года дойдет до вас завтра, 1 янв. Надеюсь, снеди вы запасли в избытке! 3 янв. у меня день рождения, и, похоже, мне суждено его провести отрезанным от всего мира, в доме, превратившемся в иглу{Эскимосская хижина из затвердевшего снега.}; но общество нескольких бутылок, как выяснилось, самого что ни на есть превосходного бургундского (ведь не я ли помогал выбирать его в пору его юности?), вне всякого сомнения, облегчит мою участь: «Clos de Tart» 1949, в лучшей форме, как говорится. На этой хоббитской приписке я и закончу; желаю вам и вашей жене и детям всяческого счастья в 1962 году.

Преданный Вам, РОНАЛЬД ТОЛКИН.

P. S. Пожалуйста, поблагодарите мисс М. Дж. Хилл (и вам тоже спасибо) за экземпляр «Скул мэгэзин» от нояб. 1961 (Н.

Ю.Уэльс{Новый Южный Уэльс (штат Австралии)}) с отрывком из «Хоббита» и статьей «Нечто особенное». На мой взгляд, последняя написана очень недурно, в своем роде…..Но, увы! — перед лицом историй как таковых люди всегда скорее готовы уверовать в ученость и тайное знание, нежели в художественный вымысел, особенно если ошеломить их титулом «профессор». В древнеанглийском никаких песен или легенд об эльфах и гномах не сохранилось; да и в других германских языках их совсем немного. Отдельные слова, несколько имен — вот, пожалуй, и все. Не припоминаю, чтобы какой-нибудь гном или эльф в самом деле играл роль в каком-нибудь предании, если не считать Андвари в скандинавских вариантах легенды о Нибелунгах. С именем Эйкинскьяльди не связано ровным счетом никакой истории, кроме той, что я придумал для Торина Ду-бощита. Что до древнеанглийского, «dwarf» (*weorg*) — это лишь глосса к слову *nanus*{Карлик (*лат.*)} или название для конвульсий и возвратной лихорадки; а слово «elf» мы бы, наверное, ассоциировали только с ревматизмом, зубной болью и ночными кошмарами, если бы не эпитет *aelfsciene*, «по-эльфийски прекрасная», употребляемый по отношению к Саре и Юдифь! — и несколько глосс, таких, как *dryades, wuduelfen*{Дриады (*лат.*), лесные эльфы (*древнеангл.*)}. В древнеанглийской поэзии слово «эльфы» (*ylfe*) встречается лишь единожды, в «Беовульфе», и ассоциируется с троллями, великанами и Нежитью, проклятым потомством Каина. Брешь между ними и, скажем, Эльрондом или Галадриэлью, ученостью не заполнишь. Вот теперь вы сочтете, что это письмо превратилось в целый буклет или в новогоднюю антологию! Впрочем, полагаю, что ваша м[усорная] к[орзина] не менее вместительна, чем моя.

ДЖ. Р. Р. Т.

237 Из письма к Рейнеру Анвину 12 апреля 1962

Все время, что только удается выкроить, посвящаю «стихотворениям», невзирая на всегдашние помехи и несколько новых.

Боюсь, в таких делах я утратил всякую уверенность, и способность непредвзято судить — тоже, и если только Полин Бэйнс ими не вдохновится, просто в толк взять не могу, как составить из них «книжицу». Не вижу, с какой бы стати ей вдохновляться; хотя горячо надеюсь, что вдохновится-таки. Несколько вещичек, возможно, по-своему и хороши; и все они самого меня забавляют; но престарелому хоббиту угодить нетрудно.

Разнородные стихотворения — все, что я ныне решаюсь послать, некоторые — с замиранием сердца, — на самом деле абсолютно не «сочетаются». Единственная возможная связь — это выдумка, будто все они происходят из Шира приблизительно времен «Властелина Колец». Но с некоторыми это плохо вяжется. Я немало потрудился, пытаясь их «подогнать»; и если подгонка их не особо улучшила, то надеюсь, что и ущерба серьезного не нанесла. Заметьте, что я написал новое стихотворение про Бомбадила; хотелось бы верить, в пару к старому оно сгодится, хотя для понимания его требуется некоторое знание «В. К.». Во всяком случае оно еще больше способствует «интеграции» Тома в мир «В. К.», куда его ввели{В первоначальной версии стихотворения говорится, что Том носит павлинье перо, которое (полагаю, вы со мной согласитесь) абсолютно не вписывается в ситуацию «В. К.» В книге про перо сообщается лишь, что оно «синее». Здесь проясняется его происхождение. — *Прим. авт.*}. Боюсь, оно изрядно льстит моим педантским пристрастиям, поскольку в нем слышится отголосок древнескандинавских преданий о Нифлунгах (ус выдры)[378]; и еще потому, что одна из строчек напрямую заимствована, как ни невероятно это звучит, из «Ancrene Wisse»[379].....

Возможно, потребуется небольшое введение. Вложенный текст для этой цели не предназначен! Хотя одно-два замечания оттуда можно было бы сформулировать попроще. Но я счел, что проще и забавнее (для меня лично) изложить вам в форме шуточного предисловия воображаемого редактора, что именно я сделал со стихами и к чему они теперь относятся. По правде сказать, хотя предисловие и представляет собою чистой воды

вымысел, примерная датировка стихов, порядок написания и их соотнесенность более-менее соответствуют истине.

Надеюсь, результаты моих усилий вас не слишком разочаровали.

238 Из письма к Джейн Нив 18 июля 1962

Тетя Толкина, по всей видимости, предложила вернуть присланный ей племянником чек, чтобы деньги можно было потратить на покупку инвалидной коляски для жены Толкина Эдит, страдающей артритом.

Касательно вашего благородного и самоотверженного предложения. Обналичьте чек, будьте так добры! А деньги потратьте. Делая подарок, условия ставить никак нельзя, но мне было бы несказанно приятно, если бы потратили вы их как можно скорее, и на себя. Сумма-то на самом деле пустячная. И почерпнута из нынешнего моего богатства, далеко превосходящего потребности нас с Эдит и моих детей. По счастью, в коляске Эдит не нуждается; а будь в ней нужда, я вполне мог бы ее купить. (Ситуация просто ошеломляющая; надеюсь, я в достаточной степени благодарен Господу. Еще совсем недавно я гадал про себя, сможем ли мы и дальше жить здесь, на мою жалкую пенсию. Никогда прежде у меня не было возможности делать подарки, при том, что сам я в прошлом получал дары, отблагодарить за которые просто невозможно….. Как человек, достигший семидесяти лет, я получаю пенсию по возрасту, из которой считаю своим долгом раздать по крайней мере то, что оставляют в моих руках сборщики налогов (я имею в виду, государственную; от университетской пенсии я отказался, взял единовременную сумму и вложил ее в собственность, которой по доверенности управляет мой банк). Все это я говорю просто для того, чтобы убедить вас: этот маленький подарок сделан личного удовольствия ради и особых благодарностей не заслуживает; а также, чтобы заверить вас: при необходимости я мог бы помочь и больше. Если не приключится вселенской катастрофы, похоже на то, что мне уже до гробовой доски не придется бедствовать. Так предрекает прожженный старый издатель. А еще, насколько мне известно, он сообщил Эдмунду Фуллеру[380], что ничего более значимого, а также и более выгодного, чем мои книги, он за всю свою долгую жизнь не публиковал, и что таковыми они наверняка останутся и после его смерти, и после смерти его сыновей. (Это только для вас: неразумно сообщать всем и каждому о своей удаче, а уж тем паче ею хвастаться; этому все Волшебные сказки учат. Так что не говорите ничего. Не хочу проснуться однажды утром и

обнаружить, что все это — только сон!)…..

Рад сообщить, что оба мы в этом году чувствуем себя заметно лучше….. В сентябре я прошел курс лечения и с тех пор хожу более-менее легко и свободно, хотя в июне со мной и приключился мой обычный прострел. Эдит заметно окрепла; в июле мы даже сумели-таки прокатиться на поезде в Борнмут (со 2-го по 9-е). Диета здорово на пользу. Будь Эдит прикована к коляске, нам бы пришлось менять свою жизнь самым коренным образом! На ней — вся готовка, большая часть домашней работы и садик отчасти. Боюсь, иногда это от нее требует довольно героических усилий; но, разумеется, в разумных пределах это ей только на пользу. И все же тяжко это — когда тебя атакуют с двух разных сторон сразу, или даже с трех. Из-за перенесенных операций она очень сильно пополнела. Из-за прибавки в весе артрит обострился и сделался еще болезненнее; и плюс еще внутренние боли, незначительные повреждения внутренних органов (я так понимаю), которые причиняют боль, порою весьма непредсказуемо, либо при напряжении, либо при движении, либо при расстройствах пищеварения. И все-таки сей вердикт мы восприняли с изрядной долей благодарности, после того, как она побыла в лечебнице «под наблюдением» (зловещие слова).

Прошлой осенью, по причине болезни, мы утратили нашу «домработницу», которая пробыла с нами почти восемь лет. Если только вы молитесь о преходящих благах для нас, дорогая моя тетушка, попросите о том, чтобы ей отыскалась замена — а это граничит с чудом. Пожалуй, из всей Англии в Оксфорде с этим делом хуже всего.

Книга стихов продвигается себе помаленьку. Полин Бэйнс подписала договор и уже начинает работать над иллюстрациями. Издатели со всей определенностью планируют выпустить ее к Рождеству. Все, что требовалось от меня, я сделал.

В данный момент я занят тем, что привожу в порядок мой перевод «Сэра Гавейна» и «Перла», с примечаниями и коротеньким предисловием, — прежде чем вернуться к главному моему труду, «Сильмариллиону». Поэма «Перл» входит в тот же манускрипт, что и «Сэр Гавейн». Имя автора не приводится ни тут, ни там; но я считаю (как и многие другие), что поэмы написаны одним и тем же человеком. «Перл» переводить куда сложнее, главным образом по причине метрики; метрические проблемы на первый взгляд кажутся неразрешимыми, потому-то, соблазнившись, я и взялся за нее много лет назад. Несколько строф даже зачитывали по радио в конце 1920-х годов[381]. Я более-менее закончил поэму перед войной; но под бременем

Войны и «Властелина Колец» она просто затерялась. Медиевистам поэма хорошо известна; но я никогда не разделял мнения ученых о том, будто данный размер настолько труден, что писать на нем невозможно, равно как и невозможно переложить стихи на современный английский. НИКТО из ученых (а в наши дни — и поэтов) и не пытался сочинять сам с использованием сложного, жестко заданного размера. Я написал этим размером несколько строф, просто чтобы доказать, что пользоваться им не так уж и «невозможно» (хотя сегодня результат, вероятно, и сочтут никуда не годным)[382]. Оригинал «Перла» еще более труден: у переводчика руки связаны, а данный текст сложен сам по себе и зачастую непонятен, отчасти в силу стиля и смысла, отчасти из-за искажений в единственном сохранившемся манускрипте.

Поскольку вас такие вещи занимают, посылаю вам мои собственные строфы — неизбежно связанные, как некогда было связано все, с моей мифологией. А экземпляр «Перла» я вам перешлю, как только разживусь экземпляром «под копирку». В поэме 101 строфа по двенадцать строк в каждой. Подсказана она (как мне думается) смертью маленькой дочки поэта в раннем детстве. Таким образом, в определенном смысле это элегия, но автор использует модное в ту пору (он — современник Чосера) обрамление видения-сна и пользуется случаем, чтобы изложить свои собственные теологические взгляды на спасение. Хотя для современного вкуса в ней приемлемо отнюдь не все, в поэме есть моменты невероятной силы и проникновенности; и хотя, возможно, в наших глазах она абсурдно усложнена в том, что касается технической формы, поэт преодолевает им же самим воздвигнутые препятствия в целом весьма успешно. Строфы состоят из двенадцати строк, причем только с тремя рифмами: октет из четырех двустиший с рифмовкой *a b*, и катрен с рифмовкой *b c*. В придачу каждая строка содержит в себе внутреннюю аллитерацию (в оригинале аллитерация порою пропадает, но крайне редко; подражание, разумеется, аллитерациями беднее). И, словно этого всего недостаточно, поэма поделена на группы по пять строф. В каждой такой группе ключевое слово последней строки должно эхом повторяться в первой строке следующей строфы; последняя строка пятистрофной группы повторяется в начале следующей; и первая строка поэмы в целом поэму как бы заканчивает, повторяясь в последней строке. Но, как ни странно, строф не 100, а 101. В группе XV строф шесть. Долгое время предполагалось, что одна из них — переработанный вариант, в итоге так и не устраненный. Но ведь и в «Сэре Гавейне» тоже 101 строфа. Число выбрано явно намеренно, хотя в чем состоит его значимость в глазах автора, до

сих пор так и не выяснено. Группировка строф по пять также связывает поэму с «Гавейном», где поэт разъясняет смысл: Пять Ран, Пять Радостей, Пять добродетелей и Пять чувств.

Ну, довольно об этом. Надеюсь, я вам не надоел. Вкладываю отдельный листок с первой строфой оригинала и моим переводом в качестве образца.

239 Из письма в «Аллеи энд Анвин» 20 июля 1962

По поводу перевода «Хоббита» на испанский язык.

Если для перевода *dwarves* используется слово *gnomos*, тогда оно ни в коем случае *не* должно появляться на стр. 63 во фразе: «…эльфы, которых ныне называют номы (*Gnomes*){Слово *Gnomes* Толкин использовал для обозначения эльфов-нолдор в ранних вариантах своей мифологии на протяжении многих лет (см., например, «Утраченные Сказания», «Лэ о Лэйтиан» и т. д.), окончательно от него отказавшись лишь на стадии «Властелина Колец»; оно, как явствует из письма, появляется даже в первых изданиях «Хоббита». В черновом варианте заключительного абзаца Приложения F к «Властелину Колец» Толкин писал: «Я порою (не в этой книге) использовал слово «номы» (*Gnomes*) для обозначения нолдор и «язык номов» вместо нолдорин. Поскольку, что бы уж там ни думал про себя Парацельс (если, конечно, он и впрямь изобрел это название), для некоторых слово «ном» (*Gnome*) по-прежнему ассоциируется со знанием. Название этого народа на Высоком эльфийском язык, «нолдор», означает «Те, кто Знает», ибо среди трех родов эльдар нолдор с самого начала отличались как знанием всего того, что было и есть в мире, так и стремлением узнать больше» (LTI, pp. 43–44).}». Нет нужды докучать переводчику или вам пространным объяснением этой погрешности; но это слово я использовал для перевода подлинного названия народа Высоких эльфов Запада, в соответствии с моей мифологией; педантично ассоциируя его с греческим *gnome* — «мысль, мудрость». Но от данного варианта пришлось отказаться, поскольку слишком трудно отмежеваться от общераспространенной ассоциации с гномами, сиречь пигмеями, Парацельса[383]. Поскольку данное слово использовано, — насколько оно уместнее исп[анского] *enano*{Карлик (*исп.*)}, не мне судить, — для обозначения гномов, неизбежно возникнет досадная путаница, если употреблять его и по отношению к Высоким эльфам. Я настоятельно советую, чтобы на стр. 63 строки 6–7 переводчик писал: «древние мечи Высоких эльфов Запада»; а на стр. 173, строка 14, их («или номы») вообще опустил. Кажется, в «Хоббите» номы (*Gnomes*) встречаются только в этих двух местах.

240 К миссис Полин Гаш (Полин Бэйнс)

Полин Бэйнс, иллюстрирующая «Приключения Тома Бомбадила», указала, что в рукописи одноименного стихотворения про Тома говорится, что он носит на шляпе павлинье перо, но в гранках значится «лебединое перо».

1 августа 1962
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Мне страшно жаль, что вас обеспокоила эта подробность. Дело в том, что, в процессе приспособления Тома Б. к миру «Властелина Колец», в стихотворение на разных этапах вносились мелкие изменения.

Павлинье перо — это из старого варианта. Поскольку для «В. К.» оно не годится, оно становится в «В. К.» (I стр.130)[384] «длинным синим пером». В стихотворениях, которые сейчас готовятся к публикации, Том носит (в строке 4 первого стихотворения) «лебединое перо»: чтобы подчеркнуть его близость к реке и оправдать эпизод во втором стихотворении, получение синего пера в подарок от зимородка. Этот эпизод объясняет также наличие синего пера в «В. К.». Стихотворение номер один, как сказано в предисловии, очевидно, представляет собою хоббитскую версию событий, случившихся задолго до «В. К.». Однако во втором стихотворении речь идет о временах сгущающейся тени, перед тем, как Фродо выступил в путь (как явствует из совещания с Мэгготом: ср. «В. К.» I стр. 143)[385]. Так что, когда Том появляется в «В. К.», перо у него на шляпе — синее.

В том, что касается вас, — павлины абсолютно исключаются. Лебединое перо — в первом стихотворении, после эпизода с зимородком — синее.

Спасибо огромное за вашу дотошность. Должен признаться, что в черновики, выданные вам изначально, был внесен целый ряд изменений. Так что полагаться следует только на гранки.

Вот, например, взять хоть перебранку с зимородком. Я обнаружил, что в нашей части земного шара не водится ни одного вида с алым хохолком. (Алая *грудка* куда. более вероятна, хотя мне встречались только розовые!) Кроме того, что еще занятнее, я выяснил, что название птицы вовсе не означает, как я полагал

раньше, «Король-рыболов». Изначально оно значило «королевский рыболов»{По-английски зимородок называется kingfisher (досл. «король-рыболов»); однако более древняя форма названия — kinges fisher, king's fisher (досл. «королевский рыболов»).}. Таким образом возникает связь между лебедем (традиционно — королевская собственность) и зимородком; и объясняется как их соперничество, так и их близкая дружба с Томом: эти создания ждут возвращения своего законного Повелителя, истинного Короля.

Пусть вся эта чепуха вас не смущает, разве что она скажется на иллюстрациях! Для меня самое важное — это образ, возникший перед внутренним взором. С нетерпением жду ваших интерпретаций. Педантские подробности — это так, личное развлечение, я вовсе не жду, что кто-то заметит подобные мелочи. (Напр., подвешивание зимородка, чтобы определить направление ветра, — заимствование из сэра Т. Брауна[386]; торчащий из груды золота ус выдры — из древнескандинавских легенд о Нибелунгах[387]; и три места сплетен, *кузница, мельница* и *привоз* (рынок) — из одного средневекового поучения, которое мне довелось редактировать!)[388].

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, РОНАЛЬД ТОЛКИН.

241 Из письма к Джейн Нив 8–9 сентября 1962

Тетя Толкина, ныне живущая в Уэльсе, читала корректурный экземпляр его лекции «Английский и валлийский», прочитанной в 1955 г. и опубликованной в 1963 г. в сборнике: «Англы и бритты: О'Доннелловские лекции».

Я был так рад вновь получить от вас весточку. Я отчасти боялся, что с этой лекцией зашел слишком далеко: большая часть содержащегося в ней материала довольно скучна — для всех, за исключением профессоров. На самом-то деле она вовсе не «научная»: моя задача состояла в том, чтобы нанизать на одну нить общеизвестные (профессионалам) факты в попытке заинтересовать англичан. Единственное, что там есть «оригинального», так это автобиографические вставки, и упоминание о «красоте» языка, и теория о том, что «родной язык» человека совсем не обязательно тот, что усвоен «в колыбели».

Ничуть не удивляюсь, что ваш почтальон *не* знал *bobi: caws bobi*. Кажется, в современных словарях этого слова нет; вероятно, оно устаревшее. Оно значит или значило «расплавленный сыр»; то есть «гренки по-валлийски». Валлийское слово *pobi* означает «готовить, жарить, обжаривать на огне», и (если Эндрю Бурд[389] ничего не переврал) p- перешло в b-, потому что *pobi* употребляется как прилагательное, после существительного. Одно время Лондон с валлийским был на короткой ноге (как видим у Шекспира); так что валлийские словечки и обороты то и дело возникают в пьесах и повестях. Но представление о том, что валлийский — это «язык небес», куда древнее. Эндрю Б. просто-напросто вышучивал распространенное валлийское притязание. Полагаю, почтальон о нем наверняка слышал. Почтальоны в целом — славное племя, особенно деревенские, те, что до сих пор ходят пешком. Но валлийские почтальоны, похоже, особенно доброжелательны и образованны в придачу. Сэр Джон Моррис Джоунз, знаменитый ученый, специалист по валлийскому (и автор той самой грамматики, что я купил на премиальные деньги, как сказано в статье[390]), говорил, комментируя работу маститого французского ученого (Лота) на тему валлийских стихотворных размеров: «Да в этой области мой почтальон ему сто очков вперед даст по части учености и здравого смысла».

Из этого, конечно же, не следует, что Лот был столь же

невежественен, как самый обычный почтальон, «любитель лясы точить»; следует лишь то, что данный конкретный почтальон оказался начитаннее и эрудированнее французского профессора. Возможно, что это даже правда — в том, что касается валлийского. Ведь Уэльс, и поныне остающийся «бедной страной», еще не приучился ассоциировать искусство или знание исключительно с определенными классами. Однако валлийцы, при всех их достоинствах, вздорны и зачастую злобны; они не только перемывают косточки «иностранцам», но нередко обращают острие сарказма и на своих соплеменников (а те обид не забывают). Все «ученые» — народ сварливый и склочный, но валлийские гуманитарные науки и филология — это ж просто война фракций. Мое замечание на стр. 3 касательно «вступления в воинствующие ряды»[391] — это не просто фигура речи, но совершенно необходимое отрицание собственной принадлежности к какой-либо из фракций.

Рассказывают, будто сэр Джон М. Дж. выстроил себе роскошный особняк близ Бангора, с видом на пролив Менай и Мон (Англси). Но на большой земле жителей этого острова «ласково» называют *moch*, «свиньи». Представители дворянства из Бомари{Замок Бомари на острове Англси, построен английским королем Эдуардом I в 1295 г. с целью утвердить свою власть над валлийцами.} явились к нему с визитом и, полюбовавшись домом, спросили, собирается ли он как-нибудь его назвать. «Ода, — отвечал он, — я назову его «Видна Гадару»{Аллюзия на эпизод из Евангелия от Луки (Лк. 38: 26–37): Иисус, приплыв в «страну Га-даринскую», изгоняет бесов из одержимого, бесы же, «выйдя из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло»}…..

Посылаю вам «Лист работы Ниггля». Я заказал с него копию специально для вас, на случай, если захотите оставить ее себе, — с «Даблин ревью», в котором повесть публиковалась почти 20 лет назад. Она была написана (как мне кажется) перед самым началом Войны, хотя впервые я прочел ее вслух друзьям в начале 1940 г. Ничего не помню о том, как она писалась, кроме разве того, что однажды утром проснулся с этой историей в голове, быстро ее нацарапал, — причем опубликованная версия, по большому счету, почти ничем не отличается от первого, набросанного второпях варианта. Она меня до сих пор трогает несказанно, всякий раз, как я ее перечитываю.

На самом деле и строго говоря, это не «аллегория», это, скорее, «миф». Ведь предполагается, что Ниггль — реальная *личность*, в которой смешалось и хорошее, и дурное, а вовсе не «аллегория» какого-то отдельного порока или добродетели.

Фамилия Пэриш{Фамилия «Пэриш» является говорящей и означает «(церковный) приход», что об» грывается в финале повести: Niggle's Parish, то есть «Нигглев приход».} оказалась очень кстати для шутки Носильщика; однако, наделяя ею персонажа, я не вкладывал в нее никакого особого значения. Некогда я знавал садовника по фамилии *Пэриш*. (А в нашем телефонном справочнике, как я вижу, *Пэришей* целых шесть.) Разумеется, отдельные детали можно объяснить исходя из биографических фактов (что вызывает в современных критиках интерес просто-таки маниакальный, так что они зачастую ценят литературное произведение лишь постольку, поскольку оно являет нам автора и предпочтительно в неприглядном свете). Росло некогда огромное дерево — гигантский тополь с раскидистыми ветвями; я видел его в окне, даже лежа в кровати. Я любил его и тревожился о нем. Несколько лет назад его безжалостно обкорнали, однако тополь доблестно отрастил новые ветви, хотя, конечно же, им недоставало безукоризненного изящества, некогда дереву присущего; но вот бестолковая соседка[392] принялась требовать, чтобы тополь срубили. У каждого дерева есть свой враг; а заступник мало у какого найдется. (Очень часто эта ненависть иррациональна: это страх перед гигантским живым существом, которое так просто не приручишь и не уничтожишь; пусть это чувство и облекается порою в псевдорациональные термины): Эта дуреха{Только в этом отношении — как деревоненавистница. Во всем прочем то была дама выдающаяся и незаурядная. — *Прим. авт.*} заявила, что тополь, дескать, загораживает от солнца ее дом и сад и что она опасается за свой дом: как бы дерево на него не рухнуло, если сильный ветер поднимется. Тополь рос точнехонько к *востоку* от ее парадной двери, по другую сторону широкой дороги, на расстоянии, превосходящем его высоту раза этак *в три*. Так что тень в ее направлении падала разве что в равноденствие, и лишь с утра спозаранку помянутая тень дотянулась бы через дорогу до тротуара перед ее воротами. А ветер, способный вырвать это дерево с корнем и швырнуть на ее дом, стер бы с лица земли дом вместе с нею самой без помощи дерева. Полагаю, тополь до сих пор стоит на прежнем месте. Хотя с тех пор ветра дули не раз и не два[393]. (Сильный ураган, завершивший жуткую зиму 46–47 г. (17 марта 1947 г.), выкорчевал почти все могучие деревья вдоль аллеи на Лугу Крайстчерча и опустошил олений парк в Модлине — но тополь не потерял ни единой ветви). Кроме того, конечно же, я переживал за свое собственное внутреннее Дерево, за книгу «Властелин Колец». Оно разрасталось, выбивалось из-под контроля, открывало взгляду все новые, бесконечные горизонты

— мне так хотелось докончить книгу, но мир грозил помешать. Кроме того, *я намертво застрял* где-то около главы 10 («Голос Сарумана») в Книге III, а впереди маячили эпизоды, часть которых в итоге удалось вместить в главы 1 и 3 Книги V, однако большинство их, как оказалось, истине не соответствовали, особенно все, что касалось Мордора — и я понятия не имел, что делать дальше. Только когда Кристофера отправили в Ю. Африку, я заставил себя написать Книгу IV, которая отсылалась ему кусок за куском. На Дворе стоял 1944 год. (Первый, черновой вариант я закончил только в 1949 г.; помню, по мере того, как я писал, на страницы капали слезы (сейчас это — эпизод чествования Фродо и Сэма на Кормалленском поле). Затем я собственноручно перепечатал *весь* этот великий труд, все шесть книг, а затем *еще раз* — в отредактированном виде (а отдельные места — по многу раз), по большей части на кровати на чердаке крохотного одноквартирного домишки{В оригинале — terrace-house; одноквартирный дом, составляющий часть непрерывного ряда небольших стандартных домов с общими боковыми стенами вдоль улицы (как правило, в дешевых, рабочих районах).} в ряду ему подобных, куда война изгнала нас из дома, в котором выросли мои дети). Но все это, по сути дела, на «Лист работы Ниггля» особого света не проливает, верно? Если у произведения есть какие-никакие достоинства, они таковыми и остаются, неважно, знаете вы обо всем об этом или нет. Надеюсь, вам оно хоть сколько-нибудь понравится. (Думаю, вам и личные подробности по душе придутся, хотя и в силу совсем иных причин. А все потому, что вы у нас лапушка, и интересуетесь жизнью ближних своих, особенно тех, что приходятся вам кровной родней.)

242 Из письма к сэру Стэнли Анвину 28 ноября 1962

Сборник «Приключения Тома Бомбадила» вышел в свет 22 ноября.

Пока что видел лишь два отзыва на «Тома Бомбадила»: «Т. литт. саппл.» и «Лиснер»[394], — и был приятно удивлен: я-то ожидал замечаний куда более снобистских и снисходительных. Кроме того, я остался изрядно доволен: оба рецензента поначалу упорно не желали развеселиться, но, как ни старались, так и не сумели сохранить викторианское строгое достоинство.

И все-таки, как и прежде, я упорно не могу взять в толк: с какой стати, если «профессор» демонстрирует некоторые познания в том, что касается приемов и техник его профессии, это непременно «розыгрыш», но если писатель выказывает осведомленность, скажем, в юриспруденции и судопроизводстве, это считается интересным и достоверным.

243 К Майклу Толкину 19 декабря, 1962

Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой мой Мик!

Счастливого Рождества, и благослови Господь вас всех. Вкладываю *для тебя* маленький пустячок; надеюсь, он окажется кстати. Все это — благодаря нежданному коммерческому успеху моих стихов (а на критиков не обращай внимания). Я-то уже, почитай что, сидел на мели, вдруг оказавшись, по сути дела, «представителем свободной профессии»: обычно приходится ждать до мая, прежде чем «А. энд А.» раскошелится на выручку за предыдущий год. Но тут мне выдали аванс, поскольку «Т.Б.» разошелся уже в количестве 8 000 экземпляров еще до публикации{Т. е. по предварительным заказам.} (издательство, что называется, застали врасплох; пришлось срочно выпускать переиздание), а это, даже при пустяковом исходном авторском гонораре составляет куда больше, нежели кто-либо, кроме разве Бетджемана{Литературный критик, обозреватель в газете «Дейли телеграф». См. письмо №149.}, способен заработать на стихах!….

Я бесконечно устал, вернувшись к преподаванию среди прочих трудов (в числе которых над «Т.Б.», при всей его субтильности, пришлось изрядно попотеть). На этой неделе наконец-то увидело свет мое издание «Ancrene Wisse», но, поскольку это только текст (с текстовыми примечаниями) на чрезвычайно архаичном ср. — английском, не думаю, что тебя он развлечет. Но, как только выйдет перевод «Сэра Гавейна» и «Перла» (надеюсь, что в начале будущего года), экземпляр тебе достанется. А тогда, хо! — за Нуменор и мрачные, спутанные предания! В честь моего семидесятилетия меня также почтили «Festschrift»'ом{Юбилейный сборник, посвященный ученому (*нем.*)} — томом статей, вышедших из-под пера 22 «англистов» со вступительной одой Одена. Заговор, выношенный и претворенный в жизнь Рейнером Анвином и Норманом Дэвисом (моим преемником), о чем я впервые узнал лишь несколько недель назад…..

Ну что ж, вот и Рождество пришло! Это потрясающее событие никакая «коммерциализация» осквернить не в силах — если, конечно, сам этого не допустишь. Надеюсь, дорогой ты мой, что праздник принесет тебе хоть немного покоя и отдыха и всячески поможет тебе восстановить силы; а я вспомню о тебе перед

Причастием (как всегда, но на сей раз — особенно) и пожелаю, чтобы вся моя семья собралась рядом со мною, на старинный патриархальный манер!

Твой родной Папа.

244 Из черновика к читателю «Властелина Колец»

Отрывок, в верхней части которого Толкин написал: «Комментарии касательно критики (текст утрачен?) Фарамира и Эовин (ок. 1963)».

Эовин: Вполне возможно одновременно любить более чем одного человека (противоположного пола), хотя и по-разному и с разной силой. Не думаю, что чувства Эовин к Арагорну на самом деле сильно изменились; а когда оказалось, что он настолько выше нее и по происхождению, и по положению, она вполне могла продолжать *любить* его и восхищаться им. Он был *стар*, и речь тут идет не просто о физическом качестве: почтенный возраст, если ему не сопутствует физическое одряхление, может внушать тревогу или благоговение. Кроме того сама она *не*была честолюбива в собственном политическом смысле этого слова. Хотя по характеру и не «нянька», ни воином, ни «амазонкой» она на самом деле тоже не была, но, как многие отважные женщины, в момент кризиса могла проявить великую воинскую доблесть.

Сдается мне, *Фарамира* вы толком не поняли. Фарамир робел перед отцом, — и не только в том смысле, как это водится в обычной семье, где царит строгий и надменный отец с исключительно сильным характером, но и как нуменорец перед владыкой единственного сохранившегося ну-менорского государства. У него не было ни матери, ни сестры (*Эовин* тоже росла без матери), зато был «заправила»-брат. Фарамир привык уступать и держать свое мнение при себе, и однако ж, умел подчинять себе людей — как человек, который, со всей очевидностью, наделен личной храбростью и решимостью, но при этом еще и скромен, беспристрастен, и исключительно справедлив, и бесконечно сострадателен. Думаю, он очень хорошо понимал Эовин. Кроме того, титул князя Итилиэнского, первого среди знати после Дол Амрота в возрожденном нуменорском государстве Гондор, которому вскорости суждено было обрести имперское могущество и престиж, это вовсе не «должность огородника», как вы изволили выразиться. Восстановленному в правах Королю еще многое предстояло сделать, а до тех пор кн. Итилиэнскому следовало оставаться «проживающим по месту службы» стражем границ Гондора, отвечающим за его основной восточный аванпост, — а также на его плечи ложилось немало обязанностей по восстановлению утраченной территории и

очистке ее от лиходеев и недобитых орков, не говоря уже о жуткой долине Минас Итиля (Моргула). Я, естественно, не стал вдаваться в детали касательно того, как Арагорн, в качестве Короля Гондорского, будет управлять королевством. Но понятно, что сражаться пришлось много, а в первые годы правления Арагорна предпринимались походы против врагов на Востоке. Главными полководцами, под началом Короля, конечно же, числились Фарамир и Имрахиль; и один из них, как правило, назначался командовать оставленными в Гондоре войсками в отсутствие Короля. Нуменор-ский Король был *монархом*, обладающим правом неоспоримого решения в случае разногласий; однако правил он государством в рамках древнего закона, каковой претворял в жизнь (и толковал), при том, что не сам его создал. Тем не менее во всех важных спорных вопросах, будь то вопросы внутренней или внешней политики, даже Денетор созывал Совет и по меньшей мере выслушивал то, что имели сказать лорды фьефов и военачальники. Арагорн возродил Великий Гондорский Совет, в каковом Фарамир, по праву наследования остававшийся{См. III стр. 245[395]. — Прим. авт.} *Наместником* (то есть представителем Короля в случае его отбытия за границу, или болезни, или в промежуток между его смертью и вступлением на престол его наследника), конечно же, числился главным советником.

Касательно критики того, как стремительно развивались отношения или «любовь» Фарамира и Эовин. По собственному опыту знаю, что чувства и решения зреют очень быстро (по меркам просто «часового времени», которое, собственно говоря, сюда и неприложимо) в период великого напряжения и особенно в ожидании неминуемой смерти. И я *не* думаю, что люди высокого положения и происхождения нуждаются во всех этих пустеньких пикированиях и авансах в вопросах «любви». В этом предании речь идет не о временах «куртуазной любви» с ее претенциозностью, но о культуре более примитивной (т. е. менее развращенной) и более благородной.

245 К Роне Бир

Ответы на следующие вопросы: (1) В «английских рунах», использованных в англосаксонских надписях, руна означает вовсе не «Г», как во «Властелине Колец». Почему нет? (2) Что происходило с эльфами, когда они погибали в битве?

25 июня 1963
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемая мисс Бир!

«Кирт», или руны во «Властелине Колец» были придуманы специально для этой истории и в ее контексте исторически никак не связаны с германским руническим алфавитом, который наиболее тщательно разработали англосаксы. Таким образом, не приходится удивляться, если похожим знакам присваивается разное значение. Сходство в начертании неизбежно в алфавитах, изобретенных в первую очередь для вырез[ания] или выцарапывания на дереве, и потому составленных из линий, идущих поперек или по диагонали относительно древесного волокна. Значки, использованные в кирте, практически [все] сводятся к основной фигуре , причем число вариантов *сокращается* посредством того, что соединений диагональной линии с нижним концом прямой принято избегать (исключений немного, и все они ограничиваются случаями, когда, как в знаках и стык приходится и на вершину тоже). Число вариантов увеличивается посредством повторения любой добавочной диагонали с противоположной стороны прямой линии и посредством дублирования половины основной фигуры: , отсюда: и т. д.

Что до эльфов. Даже в этих легендах мы видим эльфов главным образом глазами людей. В любом случае ясно, что ни эльфам, ни людям не известно досконально о том, какая судьба ожидает в конце концов противоположную сторону. Эльфы наделены сроком жизни достаточно долгим, чтобы люди называли их «бессмертными». Однако это вовсе не значит, что они не менялись и не уставали с годами. В их собственных преданиях говорилось, что они заключены в пределах мира (в пространстве и времени), даже если умрут, и в какой-либо форме продолжат существовать в нем вплоть до «конца мира». Но что сулит «конец мира» миру или им самим, они не знали (хотя, вне

всякого сомнения, некие теории у них были). И, конечно же, у них не было никакой конкретной информации касательно того, что «смерть» предвещает людям. Эльфы верили, что смерть означает «освобождение от кругов мира», и в этом отношении считали ее завидной участью. И указывали людям, которые, в свою очередь, завидовали им, что страх в конце концов потерять все, пусть в бесконечно отдаленном будущем, вовсе не обязательно легче выносить, если итог известен и неизбежен: порою, чем дольше несешь свое бремя, тем тяжелее оно становится.

Надеюсь, вы простите мне карандаш и корявый, не слишком-то разборчивый почерк. У меня (временно, надеюсь) не действует правая рука и кисть, так что я нахожусь на начальной стадии переучивания на левую руку. Ручки, предназначенные для правой руки, корявость усиливают, но к карандашу как-то приспосабливаешься.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

246 Из письма к миссис Эйлин Элгар (черновики) Сентябрь 1963

Ответ на замечания читательницы касательно того, что Фродо не сумел отказаться от Кольца и бросить его в Расселину Рока.

Очень немногие (а в письмах так вообще только вы и еще один человек) отметили или прокомментировали «провал» Фродо. А ведь это очень важный момент.

С точки зрения автора, события на горе Рока вытекают просто-напросто из логики повествования вплоть до этого момента. Их никто не подстраивал нарочно и не предвидел до тех пор, пока они не случились{На самом деле, поскольку события у Расселины Рока должны были оказаться жизненно важными для Повествования, на разных стадиях развития сюжета я сделал несколько набросков или пробных вариантов — но ни один из них не использовал, и все они были достаточно далеки от того, о чем в итоге рассказывается в законченном произведении. — *Прим. авт.*}. Но, во-первых, под конец стало совершенно ясно, что Фродо после всего происшедшего добровольно уничтожить Кольцо не сможет. Размышляя о разрешении проблемы уже после того, как к нему пришел (как к просто событию), я чувствую, что оно стоит в центре всей представленной в книге «теории» истинного благородства и героизма.

И в самом деле, как «герой» в восприятии простецов Фродо «потерпел неудачу»: он не выдержал до конца; он сдался, отрекся. Я говорю «простецы» отнюдь не с презрением; они зачастую отчетливо видят простую истину и абсолютный идеал, к которому должно стремиться, даже если он недостижим. Однако у них есть два слабых места. Они не понимают сложности любой заданной ситуации во Времени, куда втянут абсолютный идеал. Они склонны забывать про тот непостижимый элемент Мира, который мы называем Жалостью или Милосердием, и который также является абсолютно необходимым условием для морально-этической оценки (поскольку в Божественной природе он присутствует). В высшем своем проявлении он принадлежит Господу. Для смертных судей, не обладающих всей полнотой знания, он должен вести к использованию двух разных мерок «морали». К себе самим мы должны применять абсолютный идеал безо всяких компромиссов, потому что мы не знаем пределов той силы, что положена нам от природы (+ благодать), и если мы не

стремимся к самому высшему, то наверняка не достигнем того максимума, что могли бы достичь. К другим, в тех случаях, о которых мы знаем достаточно, чтобы судить, должно применять мерку, смягченную «милосердием»: то есть, поскольку мы в духе доброй воли способны сделать это без предвзятости, неизбежной в наших суждениях о себе самих, мы обязаны оценивать пределы сил ближнего и сопоставлять это с силой конкретных обстоятельств{Мы часто наблюдаем, как такую двойную мерку используют святые, судя себя самих тогда, когда на долю им выпадают великие невзгоды или искушения, и ближних своих в час подобных же испытаний. — *Прим. авт.*}.

Не думаю, что Фродо потерпел крах в *нравственном смысле*. В последний момент воздействие Кольца достигло своего апогея — я бы сказал, что противиться ему не сумел бы никто, и уж тем более после того, как владел им достаточно долго, спустя много месяцев нарастающей муки, будучи изголодавшимся и изнуренным. Фродо сделал все, что мог, полностью исчерпал свои силы (как орудие Провидения) и создал ситуацию, в которой цель его квеста могла быть достигнута. Его смирение (с которым он взялся за дело) и его страдания были по справедливости вознаграждены высочайшими почестями; а его терпение и милосердие по отношению к Голлуму снискало Милосердие и ему самому: его неудача была исправлена.

Мы — существа конечные, и силы наших тела и души как единого целого ограничены извне в том, что касается действия или выносливости. Думаю, о *нравственном* провале можно говорить лишь тогда, когда усилия или выносливость человека *не дотягивают* до положенных ему пределов, и чем ближе предел, тем меньше вина{Здесь не учитывается «благодать» или увеличение наших сил как орудия Провидения. Фродо была дарована «благодать»: сперва откликнуться на призыв (в конце Совета) после того, как он долго противился полной капитуляции; и позже, в сопротивлении искушению Кольца (в те моменты, когда объявить его своим и тем самым обнаружить обернулось бы гибелью), и в том, как мужественно он выносил страх и страдания. Однако благодать не бесконечна, и, как представляется, в Божественном промысле по большей части ограничивается тем, что необходимо для исполнения задачи, назначенной одному орудию в структуре обстоятельств и иных орудий. — *Прим. авт.*}. Тем не менее, думаю, что в истории и на опыте можно наблюдать, как отдельных индивидов словно бы ставят в «жертвенное» положение: задают им такие ситуации или задачи, для разрешения и осуществления которых требуются силы, выходящие за все положенные им пределы, более того:

запредельные для любого воплощенного существа в физическом мире, — и в процессе тело может быть уничтожено или изувечено так, что это затронет и разум, и волю. Судить в каждом подобном случае следует, основываясь на мотивах и намерениях, с которых индивид начал, и, сопоставляя его поступки и пределы отпущенных ему сил на протяжении всего пути вплоть до того момента, когда индивид «сломался».

Фродо предпринял свой квест из любви — чтобы спасти знакомый ему мир от беды за свой собственный счет, если получится; а также и в глубоком смирении, понимая, что для этой задачи он совершенно непригоден. На самом деле он принимал на себя обязательства лишь сделать все, что сможет, попытаться отыскать путь и пройти по этой дороге столько, насколько хватит сил духовных и физических. Все это он выполнил. Я лично не вижу, с какой стати то, что разум его и воля сломались под демоническим воздействием после мучений, считается *нравственным* провалом в большей степени, чем если бы пострадало его тело, — скажем, если бы его задушил Голлум или его придавило бы упавшим камнем.

По всей видимости, именно так считали Гандальв и Арагорн, и все, кто знал историю похода Фродо от начала и до конца. Уж конечно, Фродо не стал бы ничего скрывать! Но что думал сам Фродо по поводу упомянутых событий — это вопрос другой.

Поначалу Фродо вроде бы никакого чувства вины не испытывал (III 224–225)[396]; к нему вернулись *рассудок* и покой. Но тогда он полагал, что принес в жертву собственную жизнь: он думал, что скоро умрет. Однако он не умер; и можно заметить, что мало-помалу им овладевало беспокойство. Арвен первой заметила признаки этого — и подарила Фродо в поддержку свой драгоценный камень, и задумалась о том, как исцелить его{О том, как именно ей удалось все устроить, подробно не говорится. Конечно же, Арвен не могла просто взять и передать свой билет на корабль! «Плыть на Запад» запрещалось всем, кроме тех, кто принадлежал к эльфийскому народу, и для любого исключения требовалось «дозволение свыше», а сама она не общалась напрямую с Валар, тем более после ее реше ния стать «смертной». На самом деле здесь имеется в виду, что именно Арвен впервые пришло в голову отправить Фродо на Запад; она попросила за него Гандальва (напрямую или через Галадриэль; или и так, и так) и использовала в качестве аргумента свой собственный отказ от права уплыть на Запад. Ее отречение и ее страдания были связаны и неразрывно переплетены с отречением и страданиями Фродо; и то, и другое стали частью плана возрождения состояния людей. Ее мольба тем самым, возможно, оказалась особенно

действенной, и ее замысел стал своего рода справедливым обменом. Именно Гандальв был тем представите лем властей, который принял ее просьбу. Из Приложений недвусмысленно явствует, что он был посланником Валар и, по сути дела, их полномочным представителем в осуществлении плана борьбы против Саурона. Он также близко общался с Кирданом Корабелом; тот пере дал ему свое кольцо и тем самым отдал себя в распоряжение Гандальва. Поскольку на том же Корабле отплыл и Гандальв, то, так сказать, никаких проблем не должно было возникнуть, ни при посадке, ни при высадке. — *Прим. авт.*}. Постепенно он исчезает «с картины»: говорит и делает все меньше и меньше. Сдается мне, внимательный читатель, поразмыслив, поймет, что в темные моменты, когда Фродо сознавал, что «изранен кинжалом, и жалом, и клыком, и долгим бременем» (III 268), мучили его не только кошмарные воспоминания о пережитых ужасах, но также и неоправданные самообвинения: он воспринимал и себя, и все, что он сделал, как воплощение провала и неудачи. «И хотя я мог бы вернуться в Шир, он покажется мне чужим, потому что мне самому уже не стать прежним». На самом деле то было искушение из Тьмы, последний проблеск гордыни: желание возвратиться «героем», не довольствуясь ролью просто орудия блага. А к этому искушению подмешивалось еще одно, темнее и, однако ж, (в известном смысле) более заслуженное, ибо, чем бы это ни объяснять, на самом-то деле он не бросил Кольцо добровольно: его мучило искушение пожалеть о его уничтожении и по-прежнему пожелать его. «Оно сгинуло навсегда, и ныне все темно и пусто», — говорил он, очнувшись от своего недуга в 1420 г.

«Увы! — есть раны, которые до конца не излечиваются», — говорил Гандальв (III 268) — во всяком случае, не в Средиземье. Фродо отослали или позволили отправиться за Море исцеления ради, — если только исцелить его было возможно *до того, как он умрет*. Со временем ему предстояло «уйти»: никто из смертных не мог и не может вечно жить на земле или в пределах Времени. Так что Фродо до поры отправился одновременно в чистилище и навстречу своему вознаграждению: наградой ему стал срок для раздумий и отдыха, и обретения более истинного понимания своего положения как в ничтожности, так и в величии, — срок, который ему предстояло провести по-прежнему во Времени, среди природной красоты «Арды Неискаженной», Земли, не осквернённой злом.

Отправился туда и Бильбо. Вне всякого сомнения, в завершение плана самого Гандальва. Гандальв был горячо привязан к Бильбо, с самого детства хоббита и далее. Его

общество на самом деле было крайне необходимо Фродо: трудно представить себе, чтобы хоббит, даже пройдя через все то, что испытал Фродо, был бы полностью счастлив даже в земном раю без сотоварища из своего народа, а своего дядю Бильбо Фродо любил сильнее всех прочих. (Ср. III252 строки 12–21 и стр. 263 строки 1–2)[397]. Но Бильбо сам по себе нуждался в милости и сам по себе ее заслуживал. Он все еще носил отметину от Кольца, которую требовалось стереть окончательно: некий остаточный след гордыни и собственничества. Разумеется, он был стар и мысли у него путались, и все же это по-прежнему давала о себе знать «черная метка», когда он спросил в Ривенделле (III 265): «Что сталось с *моим* кольцом, Фродо, тем, что ты забрал?»; а когда ему напомнили о происшедшем, он немедленно отозвался: «Жалость какая! Хотел бы я снова на него полюбоваться». Что до его собственной награды, в голове не укладывается, чтобы жизнь его была полна, не изведай он «эльфийскость чистой воды» и не получи возможности выслушать от начала до конца те легенды и предания, фрагментам которых он так радовался.

Разумеется, не приходится сомневаться, что план на самом деле был задуман и обсужден (Арвен, Гандальвом и прочими) еще до того, как Арвен об этом заговорила. Однако Фродо понял, что к чему, не сразу; осознать, что все это значит, можно было лишь постепенно, по зрелом размышлении. Такое путешествие поначалу, надо думать, казалось вовсе не страшным, даже скорее желанным — пока не называлась точная дата и возможно было откладывать его до бесконечности. На самом-то деле ему хотелось, так по-хоббитски (и по-человечески), просто-напросто снова «стать самим собою» и вернуться к прежней, привычной, однажды прерванной жизни. Но уже на обратном пути из Ривенделла он внезапно понял, что это для него невозможно. Отсюда его восклицание: «Где обрету я покой?» Ответ он знал, так что Гандальв не откликнулся ни словом. Что до Бильбо, вероятно, Фродо не сразу понял, что имела в виду Арвен, говоря: «Больше не суждены ему долгие путешествия, кроме одного-единственного». Как бы то ни было, к себе он эти слова не относил. Когда Арвен это сказала (Т.Э. 3019 г.), он был еще молод, ему не исполнилось и 51, а Бильбо был на 78 лет старше. Но в Ривенделле он стал понимать происходящее более ясно. Что за беседы он там вел, не сообщается, но из прощальных слов Эльронда (III267)[398] и так все понятно. Со времен первого же приступа болезни (5 октября 3019 г.) Фродо наверняка задумывался об «отплытии», хотя по-прежнему воздерживался от принятия окончательного решения — отправиться с Бильбо или отправиться ли вообще. Определился он, вне всякого сомнения,

после своего тяжкого недуга в марте 3020 г.

Сэм задумывался как персонаж обаятельный и смехотворный. Некоторых читателей он раздражает и даже бесит. И я их отлично понимаю. Все хоббиты порою вызывают у меня те же чувства, хотя я по-прежнему люблю их всей душой. Но Сэм бывает и впрямь «невыносим». Он — наиболее типичный хоббит из всех, кого мы видим часто; и в результате этого в нем ярче всего проявляется то качество, которое подчас с трудом выносят даже сами хоббиты: пошлость, — и под этим словом я разумею не просто «приземленность», но духовную близорукость, собою весьма гордую, самодовольство (в разной степени) и самоуверенность, и готовность все мерить и оценивать исходя из ограниченного опыта, воплощенного по большей части в навязших в зубах сентенциях «житейской премудрости». Мы близко знакомы лишь с хоббитами исключительными — теми, кто наделен благодатью или даром: умением видеть красоту и чтить то, что выше и благороднее их самих, — умением, вступающим в противоречие с их деревенским самодовольством. Вообразите себе Сэма, но без наставлений Бильбо, без его увлеченности всем эльфийским! Да пара пустяков. Достаточно лишь взглянуть на семейство Коттонов и на Папашу по возвращении «Путешественников».

Сэм был крайне самоуверен и в глубине души слегка тщеславен; однако тщеславие это преобразилось благодаря его преданности Фродо. Он не считал себя ни героем, ни храбрецом, вообще ничего выдающегося в себе не усматривал, — вот разве что служение и верность своему господину. И к ним (пожалуй, неизбежно) примешивались гордость и собственничество; их трудно вовсе отделить от преданности тех, кто исполняет подобную службу. В любом случае, эти качества помешали ему до конца понять любимого хозяина и последовать за ним в его постепенном приближении к благородству служения тем, кто к себе не располагает, и к умению увидеть в испорченном — поврежденное добро. Он со всей очевидностью не понимал до конца ни побуждений Фродо, ни его горя в эпизоде с Запретной заводью. Понимай он лучше, что происходит между Фродо и Голлумом, в финале все, возможно, сложилось бы иначе. Наверное, для меня самый трагический момент в Повести наступает в II 323 и далее, когда Сэм не сумел заметить разительную перемену в тоне Голлума и в выражении его лица. «Ничего, ничего, — тихо промолвил Голлум. — Славный хозяин!» Раскаяние его загублено на корню, и вся жалость Фродо (в известном смысле{В том смысле, что «жалость» для того, чтобы стать истинной добродетелью, должна быть направлена на благо

ее объекта. Она пуста, если практикуется *только* для того, чтобы остаться «чистым» самому, свободным от ненависти или совершения несправедливости как таковой, хотя и это тоже достойное побуждение. — *Прим. авт.*}) пропала впустую. Логово Шелоб становится неизбежностью.

Это, конечно же, подсказано самой «логикой повествования». Вряд ли Сэм мог бы вести себя иначе. (Да, в конце концов он пришел к жалости (III 221–222)[399], но для блага Голлума — слишком поздно.) А если бы все-таки он повел себя по-другому, что случилось бы тогда? В Мордор они вошли бы иным путем и иначе добирались бы до горы Рока, да и финал оказался бы совсем другим. Думаю, внимание сместилось бы к Голлуму, и к той борьбе, что велась бы между раскаянием и новообретенной любовью с одной стороны, и Кольцом — с другой. И хотя любовь эта крепла бы день ото дня, она не смогла бы возобладать над властью Кольца. Думаю, что каким-то странным, извращенным, жалким образом Голлум попытался бы (возможно, что и не сознательно) удовлетворить оба чувства. Наверняка в какой-то момент незадолго до конца он украл бы Кольцо или отобрал бы его силой (как он и поступает в настоящей Повести). Но, думаю, что, удовлетворив «страсть к обладанию», он пожертвовал бы собой ради Фродо и *добровольно* бросился бы в огненную бездну.

Думаю, что это частичное возрождение через любовь даровало бы ему более ясное видение, когда он объявил бы Кольцо своим. Он осознал бы зло Саурона и внезапно понял бы, что не может воспользоваться Кольцом и не обладает ни силой, ни прочими качествами, достаточными для того, чтобы сохранить Кольцо при себе вопреки Саурону: единственным способом удержать Кольцо и повредить Саурону было уничтожить Кольцо заодно с собою — и в миг озарения он, возможно, понял бы, что тем самым также окажет величайшую из услуг Фродо. В книге Фродо все-таки надевает Кольцо и объявляет его своим, и, разумеется, он тоже обрел бы ясность видения, да только времени ему недостало: на него тут же напал Голлум. Как только Саурон обнаружил, что Кольцо присвоено, ему оставалось только уповать на власть Кольца: на то, что претендент не сможет выпустить его из рук до тех пор, пока подоспевший Саурон им не займется. Тогда, возможно, и Фродо, если бы на него не напали, пришлось бы поступить точно так же: броситься в бездну вместе с Кольцом. В противном случае он, конечно же, потерпел бы полную неудачу. Вот вам интересная проблема: как бы повел себя Саурон и как бы сопротивлялся претендент. Саурон немедленно выслал Кольцепризраков. Они, естественно, были подробно проинструктированы и никоим образом не заблуждались насчет

того, кто настоящий владыка Кольца. Обладатель Кольца не был бы для них невидимым, напротив; тем более уязвим оказался бы он для их оружия. Но теперь ситуация отличалась от положения дел под Заветерью, где Фродо действовал только под влиянием страха и хотел лишь воспользоваться (тщетно) побочным свойством Кольца наделять невидимостью. С тех пор он вырос. Остались бы Кольцепризраки неуязвимы для власти Кольца, если бы Фродо воспользовался им как орудием господства и подчинения?

Не вполне. Не думаю, чтобы Кольцепризраки попытались на него напасть или схватили и взяли в плен; они бы повиновались ему или сделали вид, что повинуются любому мелкому его распоряжению, что не препятствовало бы их поручению, возложенному на них Сауроном, который до сих пор, посредством их девяти колец (которыми владел) всецело контролировал их волю. Поручение заключалось в том, чтобы удалить Фродо от Расселины. Как только он утратил бы способность или возможность *уничтожить* Кольцо, в исходе сомневаться не приходится — если не принимать в расчет помощь извне, на которую едва ли приходилось надеяться даже отдаление!

Фродо стал личностью исключительной, но особого рода: в смысле, скорее, духовного роста, нежели умножения физических или интеллектуальных сил; воля его значительно окрепла в сравнении с тем, какой была, но до сих пор воля эта использовалась для сопротивления Кольцу, а не для его использования, и с целью уничтожить Кольцо. Фродо требовалось время, много времени, прежде чем он научился бы управлять Кольцом или (что в данном случае одно и то же) прежде, чем Кольцо стало бы управлять им; прежде чем его воля и самоуверенность выросли бы настолько, чтобы он смог бы подчинять другие могущественные враждебные воли. И даже тогда долгое время его поступки и повеления ему самому должны были бы по-прежнему казаться «добрыми» и служить на благо другим помимо него самого.

Противостояние Фродо с Кольцом и Восьмерки{Король-чародей лишился всей своей силы. — *Прим. авт.*} можно сравнить с ситуацией, когда маленький отважный человечек, обладатель разрушительного оружия, оказался лицом к лицу с восемью свирепыми дикарями великой силы и ловкости, вооруженными отравленными клинками. Слабость человека в том, что он пока еще не знает, как пользоваться своим оружием; и при этом его характеру и воспитанию насилие претит. Их слабость в том, что оружие человека внушает им ужас как некий устрашающий объект их религиозного культа, в рамках которого

их приучили угождать тому, кто объектом владеет. Думаю, они и выказали бы «угодничество». Они бы приветствовали Фродо как «Владыку». Учтивыми речами они убедили бы Фродо покинуть Саммат Наур — например, чтобы «взглянуть на свое новое королевство и узреть вдалеке новообретенным взором оплот власти, каковой ему ныне должно объявить своим и использовать в своих целях». А едва бы тот вышел из пещеры и принялся глазеть по сторонам, кто-то из них завалил бы вход. К тому времени Фродо, по всей вероятности, уже слишком увлекся бы великими замыслами правления и преобразования — в духе того видения, что искушало Сэма (III 177)[400], только куда обширнее, куда грандиознее, — чтобы это заметить. Но если бы он все-таки сохранил какую-никакую способность мыслить здраво и отчасти понял бы смысл происходящего и отказался бы отправиться с ними в Барад-дур немедля, они бы просто подождали. Пока не явится сам Саурон. В любом случае, если бы Кольцо осталось целым и невредимым, Фродо очень скоро столкнулся бы с Сауроном. А в результате сомневаться не приходилось. Фродо был бы разбит наголову, обращен в пыль или обречен на мучительную участь утратившего рассудок раба. Уж Саурон-то Кольца бы не устрашился! Кольцо принадлежало ему, подчинялось его воле. Даже издалека Саурон воздействовал на него, побуждал его делать все, чтобы вернуться к хозяину. Ауж в присутствии Саурона никто, за исключением очень немногих, равных ему в могуществе, не мог и надеяться уберечь от него Кольцо. Из «смертных» — никто, даже Арагорн. В споре за палантир Арагорн был законным владельцем. Кроме того, борьба происходила на расстоянии, а в произведении, где допускается воплощение могучих духов в физической и уничтожимой форме, их сила должна непомерно возрастать при непосредственном, физическом присутствии. Саурона должно представлять весьма ужасным. Он принимал обличие человека ростом выше обычного, но при этом не великана. В прежних своих инкарнациях он был способен скрывать свое могущество (как Гандальв); и являл собою фигуру весьма величественную, исполненную великой телесной мощи, и выглядел и держался воистину по-королевски.

Из всех прочих предположительно мог одолеть его только Гандальв: будучи посланником Валар и существом того же чина, бессмертным духом, облекшимся в зримую физическую форму. В «Зеркале Галадриэли», I 381, создается впечатление, будто Галадриэль считала себя способной владеть Кольцом и занять место Темного Властелина. Если это правда, значит, то же самое могли и остальные хранители Трех, в особенности Элронд. Но это — другой вопрос. Суть мороков Кольца отчасти и состояла в том,

чтобы заполонить сознание образами высшей власти. Но Великие хорошо о том подумали и отвергли такой путь, как явствует из слов Эльронда на Совете. То, что Галадриэль отказалась от искушения, было основано на предшествующих размышлениях и решении. В любом случае Эльронд или Галадриэль стали бы продолжать политику, ныне проводимую Сауроном: они построили бы империю с могучими и полностью зависимыми от них военачальниками, и армиями, и военными машинами, и со временем смогли бы бросить Саурону вызов и уничтожить его силой. Поединок с Сауроном один на один, без какой бы то ни было помощи, даже не рассматривался. Можно представить себе сцену, в которой в подобном положении оказался бы, скажем, Гандальв. Хрупкое вышло бы равновесие. На одной стороне — то, что на самом деле Кольцо сохраняет верность Саурону; на другой — превосходящие силы, поскольку Саурон Кольцом уже не владеет, и еще, возможно, потому, что мощь его ослаблена — слишком долго он искажал и растрачивал волю, подчиняя себе низших. Если победителем вышел бы Гандальв, для Саурона результат был бы тем же, что и уничтожение Кольца; для него Кольцо и впрямь было бы уничтожено, отнято навсегда. Но Кольцо и все его труды остались бы. И в конце концов Кольцо одержало бы верх.

Гандальв как Владыка Кольца оказался бы куда хуже Саурона. Он остался бы «праведным», да только чересчур уверенным в своей праведности. Он бы продолжал управлять и распоряжаться «во благо», во имя выгоды своих подданных, согласно своей мудрости (каковая была и осталась бы велика).

> Здесь черновик заканчивается. На полях Толкин приписал: «Так, в то время как Саурон умножал [неразборчивое слово] зло, «добро» оставалось четко от него отличимым. Гандальв выставил бы добро в отталкивающем виде, уподобил бы злу.

247 К полковнику Уорскетту

Письмо к одному из читателей «Властелина Колец».

20 сентября 1963
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемый полковник Уорскетт!

Огромное спасибо за ваше чудесное, ободряющее письмо. Оно доставило мне немалую радость…..

Я и в самом деле мог бы подарить вам еще один том (или даже много томов), посвященный тому же самому вымышленному миру. Собственно говоря, я даже обязан это сделать по условиям договора. Но у меня руки связаны: я вот уже несколько лет вынужден заниматься скрупулезной и тяжкой работой над проектами профессионального плана, пребывавшими в небрежении, пока я готовил к печати текст «Властелина Колец». Все это закончится, до поры до времени, как только мой перевод «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря» уйдет в типографию: надеюсь, что скоро. Вот тогда я вновь примусь приводить в порядок все или некоторые из легенд более ранних эпох, о которых упоминается в Приложениях (особ. Ai)…..

И тем не менее боюсь, для представления их потребуется много работы, а работаю я ужасно медленно. Легенды необходимо переделать (они писались в разное время, некоторые — много лет назад) и согласовать друг с другом; а также увязать с «В. К.»; а также придать им некую последовательность в развитии. Простейший прием, вроде путешествия и квеста, здесь не годится.

Я и сам сомневаюсь насчет этой затеи. Притягательность «В. К.», как мне кажется, отчасти заключается в намеках и отсылках на более обширную историю на заднем плане: подобная притягательность сродни тому чувству, что испытываешь, видя вдали остров, на котором никогда не бывал, или башни далекого города, мерцающие в пронизанной солнцем дымке. Отправиться туда означает разрушить магию, разве что взгляду опять откроются новые, недосягаемые горизонты. Кроме того, многие из древних легенд — это «миф» чистой воды, и практически все они — мрачны и трагичны: долгая повесть о бедствиях, уничтоживших красоту Древнего Мира, начиная с затмения Валинора и кончая Низвержением Нуменора и бегством Элендиля. И еще там нет хоббитов. Равно как и Гандальв не появляется, разве что упоминается мимоходом; ибо важную роль

ему предстояло сыграть лишь с наступлением Третьей эпохи. Из ключевых персонажей «В. К.» там фигурируют только Галадриэль и Эльронд. Разумеется, между «Хоббитом» и «В. К.» существует огромное количество связей, но не в явном виде. По большей части это все было написано или набросано в черновом виде, но вырезано, дабы «облегчить лодку»: таковы исследовательские путешествия Гандальва, его взаимоотношения с Арагорном и Гондором; все передвижения Голлума до тех пор, пока он не укрылся в Мории, и так далее. Собственно говоря, я написал полностью рассказ о том, что на самом деле произошло перед тем, как Гандальв нанес визит Бильбо и последующими «Нежданными гостями», с точки зрения самого Гандальва. Я предполагал вставить этот материал в разговор о прошлом в Минас Тирите; однако пришлось от него отказаться; он представлен лишь вкратце в Прил. А стр. 358–360, хотя то, как трудно Гандальву пришлось с Торином, опущено[401].

В историях более древних энтов нет или не было — потому что энты на самом деле явились моему взгляду, когда я дошел до главы IV Книги Третьей, — я их преднамеренно не придумывал и на сознательном уровне о них даже не подозревал. Но поскольку Древобороду известно о затонувшей земле Белериand (к западу от гор Люн), где разворачивались основные боевые действия в войне против Моргота{Тасаринан, Оссириand, Нельдорет, Дортонион — это были области Белериanda, сыграшиие важную роль в истории Войны. — *Прим. авт.*}, их придетсятаки включить. Однако на момент встречи с хоббитами со времен Войны в Белериande минуло около 7 000 лет, так что, вне всякого сомнения, энты были уже не те: не столь мудры, не столь сильны, более пугливы и необщительны (их собственный язык упростился, а других языков они почти не знали). Но я могу предположить одно их военное выступление, имеющее некоторое отношение и к «В. К.». Это случилось в лесном краю Оссириand, потаенном и загадочном, у западных подножий Эред Луин, где Верен и Лутиэн жили какое-то время после возвращения Берена из страны Мертвых (I стр. 206). Верен больше не являлся среди смертных, за исключением одного-единственного раза. Он перехватил воинство гномов, что спустились с гор, разорили королевство Дориат, убили короля Тингола, отца Лутиэн, и унесли богатую добычу, включая ожерелье Тингола с вправленным в него Сильмарилем. У брода через одну из Семи Рек Оссира произошла битва, Сильмариль был отвоеван и так перешел к Диору, сыну Берена, и к Эльвинг, дочери Диора, и к ее мужу Эаренделю (отцу Эльроса и Эльронда). Не приходится сомневаться, что Берену, у которого не было никакой армии, пришли на помощь энты: что,

конечно же, не способствовало любви между энтами и гномами.

Вы уж простите меня, что я так заболтался. А также и за машинопись. Я вот уже какое-то время и по сей день страдаю от ревматизма в правой руке, а ей, похоже, милее печатать, чем писать. Еще раз спасибо за письмо.

Здесь черновик заканчивается. Вверху Толкин сделал приписку карандашом, не очень разборчиво:

Никто не знал, откуда они (энты) взялись и когда появились впервые. Высокие эльфы говорят, что Валар в «Музыке» о них не упоминали. Но некоторые (Галадриэль) придерживались мнения, что, когда Йаванна узнала о милости Эру к Аулэ в отношении гномов, она взмолилась к Эру (через Манвэ), прося даровать жизнь существам, созданным из живой материи, а не камня; и что энты — это либо души, вселенные в деревья, либо они со временем уподобились деревьям в силу своей врожденной любви к ним. (Не все они были хорошими [неразборчиво].) Таким образом, энты обладали властью *над камнем*. Энты-мужи были преданы Оромэ, жены энтов — Йаванне.

248 К сэру Стэнли Анвину

«Аллен энд Анвин» собиралось выпустить издание в мягкой обложке, включающее в себя лекцию Толкина «О волшебных сказках» и его короткую повесть «Лист работы Ниггля».

3 октября 1963
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемый сэр Стэнли!

«О волшебных сказках»; «Лист работы Ниггля».

В отсутствие Рейнера я набрался храбрости послать вам тексты, затребованные для издания в мягкой обложке, просто чтобы вы, может быть, взглянули на них одним глазком, прежде чем передавать дальше. Хотелось бы мне услышать ваше одобрение (или порицание), в особенности касательно Вступительной Заметки…..

Пока я составлял комментарий, мне вдруг пришло в голову, что, пожалуй, стоило бы дать общее название, как я и предлагал: «Дерево и лист»; оно соотносилось бы с отрывком в верхней части стр. 73 в «Эссе»[402] и с ключевым словосочетанием «одевать листвой» в конце, стр. 84[403]. Но, возможно, нет нужды лишний раз подчеркивать то, о чем я уже сказал в комментарии.

Боюсь, я все больше запаздываю со своими обязательствами; но год выдался не самый удачный. Только в конце августа я избавился от болей в плече и правой руке. Оказывается, не имея возможности пользоваться карандашом или ручкой, чувствуешь себя беспомощным, словно курица, оставшаяся без клюва.

С наилучшими пожеланиями,
Искренне Ваш,
РОНАЛЬД ТОЛКИН.

249 Из письма к Майклу Джорджу Толкину 16 октября 1963

Написано Толкином внуку из отеля «Мирамар» в Борнмуте.

Со времен понедельника приключились три довольно утомительных события. В понедельник я нанес визит «почитательнице»: она мне написала, и выяснилось, что живет она буквально в соседнем с отелем доме. Но выяснилось также, что «почитательница» совершенно глухая (случай неоперабельный и неизлечимый), хотя умница, каких мало, и очень начитанна. (Именем Элгар, муж в дальнем родстве с Эдуардом Э.{Эдуард У. Элгар (1857–1934), английский композитор и дирижер.}). Беседовать посредством блокнота — маета та еще! Вчера в разгар ланча мне пришлось спасать старушку (она у нас гостит), подавившуюся мерлановой костью, и везти ее к доктору. А потом вечером развлекать еще одну глухую престарелую даму! Едва ли не последнюю из детей великого сэра Джеймса Огастуса Генри Марри Словарного[404]. (*Живых* его потомков сейчас уже более ста). По матери она — *Рутвен*, и на протяжении многих лет занималась исследованиями заговора Гаури{Джон Рутвен, 3-й граф Гаури, в 1600 г. был убит вместе с братом Александром Рутвеном в башне замка Гаури при загадочных обстоятельствах, в присутствии короля Иакова VI. Предположительно, братья заманили короля в башню с целью убить или похитить, однако свита, услышав крик о помощи, подоспела вовремя и расправилась с заговорщиками. Подругой версии, происходящее было подстроено самим королем, стремящимся раз и навсегда покончить с семейством заговорщиков и интриганов.}. Поскольку мои познания в шотландской истории оч. невелики, мне сложно отслеживать, кто убил кого и почему, — уж такова общая направленность истории шотландцев. Надеюсь, ты сумеешь это прочесть! Не могу писать как следует *без* нормального стола *и* шариковой ручкой.

250 К Майклу Толкину 1 ноября 1963

Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Родной мой М.!

Спасибо большое за письмо — да еще такое длинное! Кажется, от меня ты унаследовал не нелюбовь к писанию писем, но неспособность писать коротко. Что неизбежно означает «редко» — в твоей жизни (и в моей). Думаю, мы оба не прочь писать *ad familiares*{Близким, родным (*лат.*)}; но вынуждены вести столь обширную «деловую» переписку, что уже не хватает ни времени, ни сил.

Мне очень жаль, что ты столь подавлен. Надеюсь, причиной тому отчасти недомогание. Однако, боюсь, это главным образом профессиональная болезнь, а также и почти повсеместный человеческий недуг (в любой профессии), сопутствующий твоим летам….. Хорошо помню себя в твоем возрасте (в 1935). Десятью годами раньше я возвратился в Оксфорд (такой романтичный и наивный, все еще во власти мальчишеских иллюзий), и теперь невзлюбил студентов и все их повадки, и наконец-то понял, что такое доны. За много лет до того я отмахнулся от предостережений старого Джозефа Райта как от отвратительного цинизма старого выскочки: «Что, по-твоему, такое Оксфорд, паренек?» — «Университет, оплот знания». — «Нет, паренек, это фабрика! А что она производит, не знаешь? Так я скажу тебе. Производит она ставки. Вбей это себе в голову и тогда начнешь понимать, что вокруг происходит».

Увы! К 1935 году я уже знал: это чистая правда. По крайней мере, как ключ к поведению донов. Правда, да не вся. (Большая часть правды всегда сокрыта — в областях, цинизму недоступных.) Мне мешали, мне чинили препятствия (как профессору расписания В на полставки, хотя и с нагрузкой по расписанию А) в моих стараниях на благо моего предмета и усовершенствования его преподавания, — круги, заинтересованные в *ставках* и грантах. Но по крайней мере страдать так, как тебе, мне не приходилось: меня никогда не вынуждали преподавать что-либо, кроме того, что я любил (и люблю) с неугасимым энтузиазмом. (Если не считать краткого промежутка после того, как я сменил должность в 1945 — это было ужасно.)

Преданность «науке» как таковой, без оглядки на

собственную репутацию, это высокое и в некотором смысле даже духовное призвание; а поскольку оно «высокое», оно неизбежно принижается самозваными собратьями, усталыми собратьями, жаждой денег{Или даже вполне оправданной *потребностью* в деньгах. — *Прим. авт.*} и гордыней: людьми, которые говорят «мой предмет» и вовсе не имеют в виду «предмет, которым я смиренно занимаюсь», но «предмет, который я собою украшаю» или «сделал своим». Разумеется, в университетах такая преданность обычно унижена и запятнана. Однако она *по-прежнему* жива. Если с отвращением закрыть университеты, она исчезнет с земли — до тех пор, пока университеты не возродятся и в свой срок снова не падут жертвами морального разложения. Куда более возвышенная преданность религии не в силах избежать той же участи. Ее, конечно же, в определенной степени принижают все «профессионалы» (и все практикующие христиане), а кое-кто в разные времена и в разных местах бурно негодует; а поскольку цель — выше, недостаток представляется куда худшим (и таков и есть). Но нельзя сохранить традицию учености или истинной науки без школ и университетов, а это подразумевает преподавателей и донов. Нельзя сохранить религию без церкви и церковных служителей, а это означает профессионалов: священников и епископов — а также монахов{По крайней мере, некогда они со всей определенностью были необходимы. И если се годня нас огорчают или порою шокируют те, которых мы видим близко, думается мне, нам Должно вспомнить о том, в каком великом долгу мы перед бенедиктинцами, а также и о том, что (подобно Церкви) они постоянно поддавались мамоне и миру, но так и не поддались окончательно. Внутреннее пламя не удалось загасить. — *Прим. авт.*}. Драгоценное вино не может (в этом мире) храниться без бутылки{Мерзкая паутина, пыль и запачканная этикетка не обязательно служат показателем испортившегося содержимого, для тех, кто умеет извлекать старые пробки. — *Прим. авт.*} или какого-нибудь менее достойного сосуда. Что до меня, я обнаружил, что цинизма у меня скорее убавляется, чем прибавляется, — когда я вспоминаю собственные свои грехи и глупости; и сознаю, что сердца человеческие зачастую не так плохи, как их поступки, и очень редко так плохи, как их слова. (Особенно в нашу эпоху, эпоху глумления и цинизма. Мы свободнее от лицемерия, поскольку «не годится» щеголять праведностью или изрекать высокие слова; но это «лицемерие наоборот», подобно широко распространенному «снобизму наоборот»: люди притворяются хуже, чем есть на самом деле…..)

Однако же ты говоришь о «слабеющей вере». Это совсем

другое дело. В качестве последнего прибежища вера — это акт воли, вдохновленный любовью. Нашу любовь возможно охладить, а волю — подорвать зрелищем недостатков, глупости и даже грехов Церкви и ее служителей, но я не думаю, что человек, некогда обладавший верой, повернет вспять в силу этих причин (и менее всего — тот, кто хоть сколько-то знаком с историей). «Возмутительный факт» самое большее — повод для искушения, как непристойность — для похоти; первое не создает второе, но пробуждает. Это удобно, потому что обычно отвращает наш взор от нас самих и наших собственных недостатков в поисках козла отпущения. Но вера как акт воли — это не один-единственный момент принятия окончательного решения: это постоянный, повторяемый до бесконечности акт > состояние, которому должно длиться — так что мы молимся о «неослабном упорстве». Искушение «неверия» (что на самом деле означает отвергнуть Господа Нашего и Его веления) всегда здесь, внутри нас. Некая наша часть жаждет найти ему оправдание за пределами нас. И чем сильнее внутреннее искушение, тем с большей готовностью, тем более непримиримо мы бываем «возмущены» поступками других. Думаю, я столь же чувствителен, как и ты (или любой другой христианин) к «возмутительным фактам», связанным как со священством, так и с мирянами. Мне в жизни пришлось немало пострадать от глупых, усталых, охладевших и даже дурных священников; но теперь я знаю себя достаточно хорошо, чтобы понимать: мне не должно оставлять Церковь (что для меня означало бы оставить служение Господу Нашему) в силу подобных причин; оставить Церковь мне следовало бы лишь в том случае, если бы я перестал верить, и мне не следовало бы уверовать вновь, даже если бы я в жизни не встретил среди церковнослужителей никого, кто не был бы мудр и праведен. То есть я бы отрекся от Святого Причастия: в лицо назвал бы Господа Нашего обманщиком.

Если Он — обманщик, а Евангелия — лишь подделка, то есть фальсифицированные рассказы о безумце, страдающем манией величия (а это — единственная альтернатива), тогда, конечно же, то зрелище, что являет собою Церковь (в смысле, священство) в истории и сегодня — просто-напросто свидетельство грандиозного мошенничества. Однако если нет, то зрелище это, увы! — лишь то, чего следовало ожидать: началось это еще до первой Пасхи и *веру* вообще не затрагивает — разве что в том, что мы можем и должны глубоко огорчаться. Но огорчаться нам следует во имя Господа нашего и за Него, ассоциируя себя самих с беззаконниками, а не со святыми, и не восклицая, что мы никак не можем «принять» Иуду Искариота, или даже нелепого,

трусоватого Симона Петра, или глупых женщин вроде матери Иакова, что пыталась «продвигать» своих сыновей{Аллюзия на Мф. 20:20–21: «Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сын» вьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него. Он сказал ей: чего ты хочешь? Она говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем…»}.

Требуется фантастическая воля к неверию, чтобы предположить, будто Иисус на самом деле никогда не «существовал», и более того — предположить, будто он не говорил ничего из того, что о нем написано; настолько невероятно, чтобы в те времена в мире нашелся хоть кто-либо, способный такое «выдумать»: как, например, «прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Иоанн, viii{Ин.8:58.}). «Видевший Меня видел Отца» (Иоанн, ix{Строго говоря, Ин. 14: 09. В Ин. 9 содержится близкая по значению цитата: «И видел ты Его, и Он говорил с тобою».}); или провозглашение Святого Причастия у Иоанна, v{Ин.6:54.}: «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную». Потому мы должны либо уверовать в Него и в то, что он говорил, и принять последствия; либо отвергнуть его и опять-таки принять последствия. Мне, например, трудно поверить, что кто-либо, однажды приступивший к Причастию, хотя бы только раз, и по меньшей мере с правильным намерением, сможет когда-либо вновь отвергнуть Его, не запятнав себя тяжким грехом. (Однако ж каждая отдельная душа и ее обстоятельства ведомы Ему одному.)

Единственное лекарство для слабеющей и убывающей веры — это приобщение Святых Тайн. Несмотря на то, что Святое Причастие всегда остается самим Собою, совершенным, цельным и нерушимым, оно не действует окончательно и раз и навсегда на кого бы то ни было из нас. Подобно акту Веры, воздействие его должно быть непрерывным и возрастать по мере повторения. Частое применение наиболее эффективно. Семь раз в неделю принесут больше пользы, нежели семь раз через промежутки. Кроме того, могу порекомендовать следующее упражнение (увы, возможностей для этого предостаточно!): причащаться в обстоятельствах, оскорбляющих твой вкус. Выбери гнусавого или косноязычного священника, или заносчивого, вульгарного монаха; и церковь, битком набитую самыми обычными обывателями, невоспитанными детьми, — оттех, что орут и вопят, до тех продуктов католических школ, что, едва откроют дарохранительницу, откидываются назад и зевают, — неопрятными юнцами в рубахах нараспашку, женщинами в брюках, зачастую растрепанными, с непокрытой головой. Ступай

к Причастию с *ними* (и молись за них). Эффект будет тот же (или даже лучше), нежели от мессы, которую прекрасно читает явный праведник, а вместе с тобою слушают ее несколько набожных, достойных людей. (Ведь оно вряд ли хуже мессы с насыщением Пяти Тысяч — после чего Господь [Наш] возвестил грядущее насыщение.)

Самого меня Петровы притязания вполне убеждают, — да и, оглядываясь по сторонам на мир, не особо усомнишься (если христианство — истинно), которая здесь — Истинная Церковь как храм Духа{Однако не следует забывать мудрых слов Чарльза Уильямса о том, что долг наш — печься об установленном и признанном алтаре, пусть даже Дух Святой пошлет пламя в иное место. Господу пределы не положены (даже его собственными Установлениями), и первыйи главный пример тому — святой Павел; Господь может использовать любой путь для Своей благодати. Даже просто любить Господа Нашего и, конечно же, называть его Господом и Богом, это благодать, которая может повлечь за собою благодать новую. И тем не менее, га воря об институте как таковом, а не об отдельно взятых душах, потоку со временем должно вернуться в предписанное ему русло, либо утечь в пески и иссякнуть. В придачу к солнцу бы-вает и лунный свет (и даже достаточно яркий, чтобы при нем возможно было читать); но убери солнце — и луны уже не увидишь. Чем было бы ныне христианство, когда бы римско-ка толическую церковь и в самом деле уничтожили? — *Прим. авт.*}, умирающая, но живая, испорченная, но святая, самоулучшающаяся и воскресающая. Но для меня в той Церкви, общепризнанным главой которой на земле является Папа, главное — то, что именно она от века отстаивала (и отстаивает) Святое Причастие, воздавала ему наибольшие почести и ставила его (как со всей очевидностью предполагал Христос) на первое место. «Паси овец Моих»{Ин. 21:16. Буквально: «Корми (питай) овец моих».}, — напоследок заповедал Он святому Петру; и, поскольку Его слова всегда следует в первую очередь понимать буквально, полагаю, что в них речь идет главным образом о Хлебе Жизни. Вот против этого-то и был на самом деле направлен зап. — европейский бунт (или Реформация) — против «мессы, этой нечестивой лжи», а вера/дела — всего-навсего отвлекающий маневр. Полагаю, величайшую из реформ нашего времени осуществил святой Пий X[405]: эта реформа превосходит все, пусть самое необходимое, чего только достигнет Собор[406]. Просто не знаю, в каком состоянии пребывала бы Церковь, если бы не она.

Бессвязное получилось рассуждение и довольно пугающее! Я

вовсе не собирался читать тебе проповедь! Я нисколько не сомневаюсь, что ты знаешь все это и даже больше. Я — человек невежественный, но при этом еще и одинокий. Так что пользуюсь возможностью поговорить — уверен, что для беседы вслух мне такого шанса уже не представится. И, конечно же, я живу в тревоге за своих детей, которые в мире более жестоком, суровом и глумливом — до него довелось дожить и мне, — обречены выносить больше нападок, чем я. Но я — тот, кто вышел из земли Египетской, и молю Господа, чтобы никто из моего семени туда уж не возвращался. Я видел своими глазами (еще не вполне понимая) героические страдания моей матери и ее раннюю смерть в крайней нищете — мать-то и привела меня в Церковь; я испытал на себе беспредельное великодушие Френсиса Моргана[407]. Но Святое Причастие я полюбил с самого начала — и милостью Господней любви этой так и не утратил: но увы! — я показал себя недостойным. Плохо я вас воспитал; мало с вами разговаривал. Из греховности и лености я почти забросил религиозную практику — особенно в Лидсе, и в доме 22 по Нортмур-Роуд[408]. Не для меня Небесная Гончая{Аллюзия на стихотворение Ф. Томпсона (1859–1907) «Небесная гончая»: это автор ская исповедь о том, как Господь настигает бегущую от него душу.}; мой удел — неумолчный, немой призыв Дарохранительницы и ощущение терзающего голода. О тех днях я горько жалею (и страдаю за них так терпеливо, как только мне дано); главным образом потому, что оказался плохим отцом. Теперь же я непрестанно молюсь за вас всех, чтобы Целитель (Haelend, как обычно называли Спасителя на древнеанглийском) исцелил мои недостатки и чтобы никто из вас не переставал восклицать: «Benedictus qui venit in nomine Domini»[409].

* * *

Со своими недугами я временно справился и чувствую себя так хорошо, как только позволяют мои старые кости. Все больше деревенею — почти как энт. Мой катар неизменно со мною (и никуда уж не денется) — следствие сломанного (и не залеченного как следует) носа во времена школьного регби. Достойный доктор Толхерст[410] убеждает меня не принимать ни лекарств, ни вспомогательных средств; за исключением тех, что время от времени специально выписывает врач: то есть когда в особо уязвимых и ослабленных областях поселяется какая-то определенная инфекция…..

Мне страшно интересно все то, что ты рассказываешь про

М[айкла] Дж[орджа][411] и «англосаксонский». С нетерпением жду дальнейших известий. Я (конечно же) не в силах понять, с какой стати англосаксонский может казаться трудным — тем более для людей, способных выучить хоть какой-то язык (в придачу к родному). Во всяком случае, он ничуть не сложнее немецкого и куда проще, чем, скажем, совр. французский. А уж куда там латыни с греческим! И тем не менее отлично помню, как старина Оливер Элтон (некогда прославленный специалист по английской литературе, но при этом еще и «лингвист», переводчик с русского) написал мне после моего выступления по радио в тридцатых годах[412], говоря, что я, по всей видимости, понимаю язык, который он считает труднее русского. У меня такое просто в голове не укладывается; но похоже, что «англосаксонский» — это своего рода «пробный камень», помогающий отличить настоящих лингвистов (тех, кто любит и изучает Язык) от прагматиков-пользователей. Надеюсь, М. Дж. принадлежит к первой разновидности. Ну, да у него и других талантов более чем достаточно.

Только не заговаривай со мной о «подоходном налоге», или я просто лопну от ярости. Эти люди присваивали *все* мои литературные заработки до тех пор, пока я не вышел на пенсию. А теперь, даже при наличии льготы (держу пари, мистер Каллахан[413] эту льготу вскорости отменит), согласно которой с дохода от гонорара налог на сверхдоходы не платится (в пределах моих заработков), в будущем январе меня обжуливают на такую сумму, что здорово скажется на моем желании оделить по-настоящему щедрыми дарами каждого из вас. Однако что-нибудь да я для вас сделаю…..

Досадно, что я не набрел на свою рудную жилу до 39 года[414]! Но лучше поздно, чем никогда…..

251 К Присцилле Толкин

Написано через четыре дня после смерти К. С. Льюиса.

26 ноября 1963
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогая моя!

Спасибо огромное за письмо….. До сих пор я чувствовал себя так, как и полагается человеку в моем возрасте — как старое дерево, что теряет свои листья один за другим: а вот теперь ощущение такое, будто мне подрубили самые корни. Горестно это, что в последние годы мы настолько отдалились друг от друга; но времена близкого общения мы оба бережно хранили в памяти. Нынче утром я заказал мессу, и был на ней, и прислуживал; присутствовали также Хавард и Дандас Грант[415]. Заупокойная служба в Святой Троице, церкви Хедингтон-Кворри, прихожанином которой был Джек, была совсем скромная; пришли только близкие друзья и кое-кто из Модлина, включая ректора. Чтение зачитывал Остин Фаррер. Похоронили его под лиственницей в углу церковного кладбища. Из «родственников» был только Дуглас (Грешем)[416]. Уорни не пришел, увы! Видел в числе прочих Оуэна Барфилда, Джорджа Сэйера и Джона Лолора[417] (это ему в плюс). Крис, ходил с нами. В воскресенье в Модлине, в 2.15 состоится официальная поминальная служба.

Как мило с твоей стороны написать, родная моя…..

Благослови тебя Господь,
Папа.

252 Из письма к Майклу Толкину (черновик)

Не датировано; ноябрь или декабрь 1963.

Извини, что не ответил на твои письма раньше; 22 числа умер Джек Льюис, и я был целиком поглощен этим. Кроме того, пришлось отвечать на письма: многие до сих пор причисляют меня к его ближайшим друзьям. Увы! — это не так вот уже лет десять. Мы отдалились друг от друга сперва из-за внезапно появившегося Чарльза Уильямса, а потом из-за его брака. О котором Льюис мне так и не сообщил: я узнал о нем спустя много времени после события как такового[418]. Но мы друг перед другом в великом долгу, и эта связь жива, жива и глубокая привязанность, ею порожденная. То был великий человек; сухие официальные некрологи царапнули лишь по самой поверхности, кое-где погрешив против истины. Они — лишь подтверждение тому, сколь мало правды порою содержится в литературных отзывах, поскольку написаны они были еще при его жизни. Льюис познакомился с Уильямсом только в 1939 г., а в начале 1945 г. Уильямс умер. «Космическая» трилогия, приписываемая влиянию Уильямса, по сути своей, образу мыслей Уильямса абсолютно чужда. Она была задумана за много лет до того, когда мы решили «разделиться»: ему выпало писать о путешествии в пространстве, мне — о путешествии во времени. Свою книгу я так и не закончил[419], но кое-что из нее (тема Нуменора-Атлантиды) со временем вошло в мою трилогию.

Даты публикации порою вводят в заблуждение. «Переландра» датируется 1943 годом, но к этому периоду не принадлежит. Влияние Уильямса на самом деле проявилось только с его смертью: «Мерзейшая мощь», последняя часть трилогии (хотя сама по себе она, на мой взгляд, хороша), как мне кажется, трилогию испортила. Кроме того, я криво поулыбался сообщению о том («Д. телеграф»), что «сам Льюис никогда особо не любил «Письма Баламута» — его бестселлер (250,000). Льюис посвятил его мне. Я все гадал, почему. Вот теперь-то я знаю (утверждают они).

253 Из письма к Рейнеру Анвину 23 декабря 1963

Было решено, что новое издание в мягкой обложке (см. № 248) выйдет под названием «Дерево и лист». Рейнер Анвин спрашивал, не посоветует ли Толкин какой-нибудь подходящий рисунок дерева для обложки, возможно, заимствованный из средневекового манускрипта.

Я очень рад, что *вы* предложенное название одобрили. Средневековые манускрипты (как подсказывает мне не слишком-то богатый опыт) в деревьях не сильны. Среди моих «бумаг» найдется не один вариант мифического «древа», что то и дело возникает в те минуты, когда меня тянет на придумывание узоров. Они цветные, проработаны в деталях и больше подходят для вышивания, нежели для печати; и на дереве, помимо листьев разной формы, красуется немало цветов, мелких и крупных, обозначающих стихотворения и основные легенды[420].....

Да — «Сильмариллион» вновь разрастается в моих мыслях (я не имею в виду, становится еще больше, но опять одевается листвой и надеюсь, что цветами). Однако я до сих пор не закончил с «Гавейном» и т. д. Тяжкий выдался год, бесконечно приходилось отвлекаться, устал невероятно, и теперь — завершающий удар — смерть К. С. Л.

254 К преп. Денису Тиндаллу

Тиндалл, выпускник бирмингемской школы короля Эдуарда, написал Толки-ну, вспоминая их совместно проведенные школьные годы.

9 января 1964
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой мой Тиндалл!

До чего же отрадно получить от тебя открытку, как любезно с твоей стороны обо мне подумать…..

Я очень хорошо помню добрый старый IV класс и Дики[421]; на самом деле, я даже помню, как мы с ним читали неклассический греческий текст, адаптированный каким-то немцем (Виламовиц-Меллендорф{Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф (1848–1931) — один из «отцов» современной классической филологии, исследователь греческой культуры, автор ряда важных работ о Гомере, Пиндаре, Платоне.}?) in usum scholarum{Для пользования школьников (*лат.*)}, который вгонял меня в жуткую скуку. Я себя вел прескверно, на пару с Кристофером Уайзменом[422], что впоследствии сделался образцом добродетели и директорской серьезности; впрочем, и многие другие, вырвавшись из-под жесткого гнета классом ниже, под началом Хита, вели себя точно так же. Дики в роли классного наставника не то чтобы вдохновлял; в его изложении греческая и римская истории были такими же занудными, какими, подозреваю, представлялись ему самому; но как человек он был необыкновенно интересен. Я поддерживал связь и с ним, и с Препом (Р. К. Джилсон)[423] вплоть до самой их смерти.

Память у меня, скорее, образная, с датами у меня туго; но, сдается мне, ты был меня несколько постарше и закончил школу первым, так что в последующие год-два я дружил с мальчиками из младших классов, что в большинстве своем и в возрасте мне уступали: я оставался в школе чуть ли не до двадцати лет! В Оксфорд меня доставил на машине (в ту пору новшество) вместе с Л. К. Сандзом не кто иной, как Дики: в октябре того потрясающе жаркого 1911 года; и все владельцы фланелевых костюмов{Спортивная одежда из шерстяной фланели (и особенно брюки) ассоциировалась с футболом, крикетом, плаванием на лодках и тому подобными времяпрепровождениями; в английском языке существует идиома «to get one's flannels» (досл. «получить фланелевый костюм»), означающая «попасть в

школьную футбольную или крикетную команду».}, что есть, катались по реке на лодках. Плоскодонки{Плоскодонки, управляемые шестом (*punts*) пользуются большой популярностью среди оксфордских студентов; на таких лодках катаются по реке Чируэлл.} для меня в ту пору были столь же непривычны, как верблюды, но позже я научился с ними управляться…..

3 января мне стукнуло 72, в следующую субботу станет совершеннолетним мой старший внук (он сейчас в Сент-Эндрюз), но, как ты говоришь, я еще скриплю помаленьку…..

Неизменно твой,

[На экземпляре под копирку подписи не осталось.]

255 Из письма к миссис Эйлин Элгар 5 марта 1964

Несколько замечаний о стихотворении из сборника «Приключения Тома Бомбадила».

Стихотворение «Фаститокалон», в отличие от «Кота» и «Олифанта», не плод моего воображения от начала и до конца, но переделка одного стихотворения из древних «бестиариев», сокращенная и переработанная в хоббитском духе. На мой взгляд, весьма примечательно, что вы уловили греческий характер имени сквозь все искажения. Вообще-то я его заимствовал из сохранившегося фрагмента англосаксонского бестиария, подумав, что звучит оно достаточно комично и нелепо, чтобы сойти за хоббитскую переделку чего-то высокоученого и эльфийского — согласно системе, по которой, как английский заменяет ширское наречие, так латынь и греческий заменяют язык Высоких эльфов в именах. В данном случае ученое название, по всей видимости, звучало как *Aspido-chelōne*, «черепаха с круглым (кожистым) щитом». Из этого получилось *astitocalon*— искажение ничуть не хуже многих других того же периода; однако боюсь, что букву F стихотворец добавил просто-напросто того ради, чтобы имя аллитерировало с другими словами в той же строке: в его время для поэтов это считалось обязательным. Возмутительная вольность — или очаровательная, это уж зависит от вкуса.

Поэт говорит: *юат is noma cenned / fyrnstreama geflotan Fastitocalon*, «ему, несомому древними течениями, определено имя Фаститокалон». Представление о предательском острове, который на поверку оказывается чудовищем, по всей видимости, заимствовано с Востока: речь идет о морских черепахах, преувеличенных мифотворческой фантазией; на том я и остановился. Но в Европе это чудище перепутали с китами, и в англосаксонском варианте ему уже приписываются свойства кита: так, например, он кормится, траля раскрытой пастью. В нравоучительных бестиариях он, конечно же, выступает аллегорией дьявола; в таком виде образ заимствует Мильтон.

256 Из письма к Колину Бейли 13 мая 1964

Рассказ о неоконченном произведении Толкина «Новая тень». (См. тж. № 338).

Я в самом деле начал повесть, действие которой происходит примерно 100 лет спустя после Низвержения [Мордора], но она оказалась слишком уж мрачной и тягостной. Поскольку мы имеем дело *с людьми*, мы неизбежно столкнемся с самой прискорбной чертой их натуры: они быстро пресыщаются хорошим. Так что во времена мира, справедливости и процветания люди Гондора сделались бы недовольны и беспокойны — в то время как королевская династия, потомки Арагорна, умалились бы до самых обыкновенных королей и управителей, вроде Денетора или даже хуже. Я обнаружил, что даже в эти ранние времена возникли революционные заговоры вокруг центра тайного сатанинского культа; а гондорские мальчишки играли в орков и безобразничали в округе. Я мог бы написать «триллер» про заговор, его обнаружение и подавление — но к этому бы все и свелось. Оно того не стоит.

257 К Кристоферу Бредертону 16 июля 1964

Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемый Бредертон!

Получить ответ 14 июля на письмо, отправленное лишь 10 числа, — вот это я называю расторопностью, даже при нормальной работе почты. По мне, в печатании на машинке ничего неучтивого нет. Я, во всяком случае, обычно как раз печатаю, поскольку мой «почерк», поначалу четкий и ясный, быстро деградирует до живописной неразборчивости. Кроме того, я люблю машинки; моя мечта — внезапно разбогатеть настолько, чтобы заказать себе электрическую печатную машинку в соответствии с Моими собственными требованиями, чтобы печатать Фэаноров алфавит….. Я сам перепечатывал «Хоббита», а «Властелина Колец» — так даже дважды (отдельные части по нескольку раз) на своей кровати на чердаке в доме на Мэнор-Роуд. В черные дни между утратой просторного особняка в северном Оксфорде, который сделался мне не по средствам, и моего краткосрочного возвышения до почетного старинного колледжского дома на Холиуэлл.

Едва сняли ограничения на бензин{Во время войны и в послевоенные годы в Англии существовало нормирование на бензин; проблема обострилась также в связи с Суэцким кризисом 1956–1957 гг.}, улица превратилась в ад. Но и Хедингтон — это вам не обитель покоя и мира. Когда я сюда въехал, Сэндфилд-Роуд представляла собою тупик, но вскорости ее противоположный конец открыли для проезда, и на какое-то время, пока не достроили Хедли-Уэй, она превратилась в неофициальный объезд для грузовиков. А теперь в верхнем конце улицы — автостоянка стадиона «Оксфорд Юнайтед»{Оксфордская футбольная команда.}. И при этом сами жители делают все, на что только способны радио, телевизоры, собаки, мотороллеры, грохотоциклы и машины всех размеров, кроме самых маленьких, чтобы обеспечивать шум спозаранку и часов этак до двух ночи. В довершение удовольствия в трех домах от нас живет один из участников группы юнцов, по всей видимости вознамерившихся уподобиться «Битл»{Так у автора.}. В те дни, когда в порядке очередности репетируют у него, шум стоит неописуемый…..

Касательно вашего вопроса. Ответить на него непросто: тут нужна полная автобиография, никак не меньше. Я начал

создавать языки еще в раннем детстве: я ведь в первую очередь ученый-филолог. Мои интересы были и остаются главным образом научными. Но занимали меня также и фольклорные предания (особенно о драконах); и сочинительство (не чтение) стихов и новых размеров. Все это начало сливаться воедино в те времена, когда я был студентом, к вящему отчаянию моих наставников, и едва не погубило моей карьеры. Поскольку, официально числясь на «классическом», я познакомился с языками, которых современные англичане обычно не изучают, и каждый обладал ярко выраженной индивидуальной фонетической эстетикой: валлийский, финский, то, что осталось от готского четвертого века. Финский также заключал в себе отблеск совершенно иного мифологического мира.

Зародышем моих попыток записать собственные легенды, соответствующие моим искусственным языкам, стала трагическая повесть о злосчастном Куллерво из финского эпоса «Калевала». Эта история остается одним из основных эпизодов в легендах Первой эпохи (которые я надеюсь издать как «Сильмариллион»), хотя как «Дети Хурина» видоизменилась до неузнаваемости — за исключением трагического финала. Второй точкой отсчета стало написание «из головы» «Падения Гондолина», истории Идриль и Эаренделя (III 314), во время отпуска из армии по болезни в 1917 г.; и исходный вариант «Сказания о Лутиэн Тинувиэль и Берене», написанный позже в том же самом году. Первоосновой для нее послужил небольшой лесок, густо заросший «болиголовами» (вне всякого сомнения, росло там и немало других родственных растений) близ Руса на полуострове Хольдернесс, где я какое-то время находился в составе хамберского гарнизона. Вырвавшись из армии, я продолжал развивать свой замысел: в течение небольшого промежутка времени в Оксфорде, работая в штате составителей тогда еще не законченного великого Словаря; и после, перебравшись в Лидский университет, в 1920—26 гг. В О. я написал космогонический миф «Музыка Айнур», объяснив отношения Единого, трансцедентального Творца, и Валар, «Властей», Первотворений ангельской природы, и их роль в упорядочении и осуществлении Исходного Замысла. Говорилось в предании и о том, как так случилось, что Эру, Единый, сделал добавление к Замыслу и ввел темы Эрухин{В оригинале — *Eruhon* (такая форма используется в ряде черновых текстов, в частности в «Затоплении Анадунэ», одном из вариантов предания о гибели Нуменора.}, Детей Господних, Перворожденных (эльфов) и Наследников (людей); причем Валар запрещалось пытаться подчинить их себе посредством страха или силы. В то же время я также начал

придумывать алфавиты. В Лидсе я попытался обработать этот материал в стиле высоком и серьезном и многое облек в стихотворную форму. (Первый вариант песни Бродяжника о Лутиэн, что теперь входит в 1204, изначально был опубликован в Лидском университетском журнале[424]; однако все предание целиком, так, как оно представлено в кратком пересказе Арагорна, было записано в виде длинной поэмы, вплоть до 1206, строки 17 («ее отца»))[425].

В Оксфорд я вернулся в янв. 1926 г., и к моменту выхода «Хоббита» (1937) эти «предания Древних Дней» обрели связную форму. Предполагалось, что «Хоббит» никакого отношения к ним не имеет. Пока мои дети еще не выросли, я имел привычку придумывать и рассказывать вслух, а порою и записывать «детские истории» им на забаву, — исходя из тогдашних моих представлений о том, каковы они должны быть по настрою и стилю, — многие придерживаются подобных представлений и по сей день. Ничего из этого опубликовано не было. Предполагалось, что «Хоббит» — одна из таких историй. «Увязывать» его с «мифологией» необходимости не было, однако он естественным образом притягивался к этому господствующему в моем сознании творению, и в результате укрупнялся и становился героичнее в процессе. Но и тогда «Хоббит» вполне мог бы стоять особняком, если не считать ссылок (совершенно ненужных, хотя они создают ощущение исторической глубины) на Падение Гондолина («Паффин» 57, издание в твердой обложке 63), на рода эльфов («П.» 161, издание в твердой обложке 173 или 178) и на ссору короля Тингола, отца Лутиэн, с гномами («П.» 162).

«Хоббит» увидел свет и свел меня с «А. энд А.» по чистой случайности. Знали о нем только мои дети да еще мой друг К. С. Льюис; но я ссудил рукопись матери-настоятельнице Черуэлл-Эдж{См. примечание к письму №163.}, чтобы поразвлечь ее, в то время как она поправлялась от гриппа. О рукописи стало известно молодой женщине, студентке, проживающей в доме, или, может, у нее там жила подруга; а студентка эта работала в офисе «А. энд А.»[426]. Так рукопись попалась на глаза Стэнли Анвину, а тот опробовал ее на своем младшем сыне Рейнере, в ту пору еще совсем маленьком. И «Хоббит» был опубликован. Тогда я предложил в издательство легенды Древних Дней, но рецензенты их отклонили. Издательство требовало продолжения. А мне хотелось героических легенд и возвышенного эпоса. Результатом стал «Властелин Колец»…..

Волшебное кольцо оказалось единственной самоочевидной деталью в «Хоббите», которая могла бы послужить связующим звеном между ним и моей мифологией. Но чтобы стать темой

крупномасштабной истории, этому предмету полагалось обладать исключительной значимостью. Затем я увязал его с (изначально) совершенно случайной отсылкой к Некроманту (конец гл. vii и гл. xix), функция которой, по сути, сводилась к тому, чтобы обеспечить предлог для отъезда Гандальва и предоставить Бильбо с гномами самим о себе заботиться, что требовалось для развития сюжета. Из «Хоббита» также заимствована тема гномов, их прародитель Дурин, и Мория; и Эльронд. Отрывок в гл. iii, соотносящий его с полуэльфами мифологии, оказался счастливой случайностью, — а все потому, что крайне сложно то и дело изобретать хорошие имена для новых персонажей. Я назвал его Эльрондом без всякой задней мысли, но, поскольку это имя заимствовано из мифологии (Эльронд и Эльрос — сыновья Эаренделя), я сделал его полуэльфом. Но только во «Властелине» он отождествляется с сыном Эаренделя, и, следовательно, он — правнук Лутиэн и Берена, могучий владыка и хранитель Кольца.

Еще одна составляющая, не упомянутая прежде, также была задействована, когда мне потребовалось наделить великой миссией Бродяжника-Арагорна. То, что я мог бы назвать моим «наваждением Атлантиды». Эта легенда, или миф, или смутное воспоминание о некоем эпизоде из древней истории, всегда не давало мне покоя. Во сне мне являлся мучительный кошмар о неотвратимой Волне, что либо накатывает с моря, доселе спокойного, либо горой вздымается над зелеными землями вдали от моря. Этот кошмар порою приходит и по сей день, хотя, написав о нем, теперь я его вроде бы экзорцировал. Он неизменно заканчивается капитуляцией, и я просыпаюсь, хватая ртом воздух, точно вынырнув из глубокой пучины. Я, бывало, это рисовал или сочинял об этом плохие стихи. Когда К. С. Льюис и я бросили жребий и ему досталось писать о путешествии в пространстве, а мне — о путешествии во времени, я начал несостоявшуюся книгу о путешествии сквозь время, в финале которой моему герою предстояло присутствовать при затоплении Атлантиды. Она должна была называться *Нуменор*, Земля Запада. А связующая нить предполагалась вот какая: время от времени в семьях людей появляются (как Дурин среди гномов) отец и сын, чьи имена можно перевести как «Друг счастья» и «Друг эльфов». В конце выясняется, что эти имена, смысл которых давно утерян, имеют отношение к атлантидо-нуменорской ситуации и означают «тот, кто верен Валар и довольствуется счастьем и благополучием в предначертанных пределах» и «тот, кто верен дружбе с эльфами». История начиналась с отцовско-сыновней близости между Эдвином и Элви-ном настоящего; и, как предполагалось, уходила в легендарное прошлое через Эадвине и Эльфвине

приблизительно 918 A.D., и Аудоина и Албоина лангобардской легенды, и так — в предания Северного моря о прибытии зерна и культурных героев, предков королевских родов, на ладьях (и их ухода на погребальных кораблях). В одном из таких героев, Скиве или Скильде Скевинге, на самом деле возможно усмотреть одного из дальних предков нашей нынешней королевы. В моем произведении нам предстояло прийти наконец к Амандилю и Элендилю, вождям партии верных в Ну-меноре, когда остров подпал под власть Саурона. Элендиль, «Друг эльфов», стал основателем Изгнаннических королевств Арнора и Гондора. Но я обнаружил, что по-настоящему интересует меня только «верхний конец», *Акаллабет* или *Аталантиэ*{Любопытное совпадение: основа √*talat*, в к[венья] означающая «соскальзывание, сползание, падение», от которой *atalantie* — вполне стандартное [в к.] образование существительного, — настолько похожа на название «Атлантида». — *Прим. авт.*} («Низвержение» на нуменорском языке и квенья), так что все, что я уже понаписал об изначально самостоятельных легендах Нуменора, я увязал с основной мифологией.

Ну, вот вам, пожалуйста. Надеюсь, я не слишком вас утомил…..

Касательно употребления фамилии «Гэмджи»:

Все началось с отпуска, проведенного в Ламорна-Коув[427] около 30 лет назад (в ту пору то был дикий, довольно-таки недосягаемый край). Жил там один прелюбопытный местный оригинал, старикан, что бродил себе по округе, разнося сплетни, предсказывая погоду и тому подобное. Чтобы позабавить моих мальчиков, я нарек его Папашей Гэмджи, и это имя вошло в семейный фольклор: его присваивали старичинам такого типа. В ту пору я начал «Хоббита». Фамилию «Гэмджи» я выбрал в первую очередь аллитерации ради{Имя Папаши Гэмджи в оригинале (Gaffer Gamgee) содержит в себе аллитерацию.}; но я ее не придумал. Она всплыла из детских воспоминаний, как смешное словечко или прозвище. На самом деле, когда я был совсем маленьким, так называли вату (в Бирмингеме). (Отсюда — связь семейства Гэмджи с семейством Коттон{См. примечание к письму №144.}.) О происхождении этого имени я ничего не знаю…..

Надеюсь, эти обрывки «научных изысканий» или «самоизучения» вас не ужаснули. Неодолимое искушение, особенно для такого педанта, как я. Боюсь, я ему потворствую почти исключительно собственного удовольствия ради — пока, благодарение судьбе, поток писем иссяк. (Поспешу уточнить, иных, нежели ваше: таких приходит слишком мало.) И следовало

бы мне использовать эту передышку на то, чтобы продвинуться с «Сэром Гавейном».

Одно время я жил на довольно-таки захудалой улице (очень уместно названной Дачис{Герцогиня (*англ.*), т. о. название улицы можно было бы перевести дословно как «дорога герцогини».}) в Эджбастоне[428], Б-гем; она соединялась с улицей еще более захудалой под названием Бофорт. Я говорю об этом лишь потому, что на Бофорт-Роуд стоял дом, что в лучшие для него времена служил прибежищем мистеру Шортхаусу, производителю кислот, из квакеров, если не ошибаюсь. Так вот он, самый что ни на есть любитель (как и я), в литературном мире — никто, внезапно опубликовал толстенную книгу — странную, захватывающую и очень спорную — или такой она казалась тогда, а сегодня мало кто способен ее прочесть. Мало-помалу книга приобрела популярность, со временем стала бестселлером, ее публично обсуждали все, начиная от премьер-министра и ниже. Это был «Джон Инглзант». А мистер Шортхаус сделался ужасно странным, в нем не осталось ничего браммаджемовского[429], чтобы не сказать английского. Он, кажется, вообразил себя реинкарнацией какого-то там итальянца времен Ренессанса и одевался под стать. Да и религиозные его убеждения, при том что так и не привели его к последней стадии помешательства — к папизму, приобрели явственный католический оттенок. Кажется, ничего больше он так и не написал, но растратил остаток своей жизни, пытаясь объяснить, что он имел в виду и чего не имел в «Джоне Инглзанте». (Что сталось с оплетенными бутылями кислот, понятия не имею.) Я всегда старался воспринимать его как своего рода удручающее предостережение, и все еще пытаюсь заниматься своими техническими бутылями и одновременно написать что-нибудь еще. Однако, как видите, порою забываю о мудрости. Но не об отрезвляющей мысли (каковую история Шортхауса также наглядно иллюстрирует) касательно переменчивости Публики. Странно, что именно сэра Стэнли, чью «Правду о книгоиздательстве» вы цитируете, я опасаюсь чаще прочих. Я ужасно радуюсь его похвале{В «Тайм энд тайд» от 15 июля в подборке высказываний книгоиздателей, советующих читателям, что брать с собою в отпуск, из всего своего списка он упомянул только «Властелина Колец» и предрек книге долгую жизнь. — *Прим. авт.*}, однако воспринимаю ее как проблеск солнышка над моим крохотным покосом, как особую, очень своевременную милость, однако я, скорее, склонен вторить Гандальву, говоря: «Все перемены в мире мы не в силах ни подчинить, ни предсказать. Что за погода грядет, нам не узнать — и по-своему не сделать».

Да, К. С. Л. был моим ближайшим другом примерно с 1927 по 1940 гг., да и после оставался мне очень дорог. Его смерть обернулась для меня тяжким ударом. Однако, по правде сказать, виделись мы с ним все реже и реже, после того, как он подпал под неодолимое влияние Чарльза Уильямса, и еще реже — после его престранного брака…..Я прочел «Блуждания паломника» еще в рукописи. «Пиквик» мне никогда не нравился. Сейчас я нахожу, что «Властелин Колец» «хорош местами». А теперь я должен принести глубокие извинения за свою болтливость; однако ж надеюсь, что «местами» это все небезынтересно.

Искренне Ваш,
РОНАЛЬД ТОЛКИН.

258 Из письма к Рейнеру Анвину 2 августа 1964

В 1964 судно на подводных крыльях «Аквастролл», совершившее пробное плавание от Кале до Дувра, получило название «Скадуфакс» (имя коня Гандальва во «Властелине Колец»).

Хотелось бы мне, чтобы «авторское право» распространялось и на *имена* тоже, в придачу к выдержкам из текстов. Это — особая разновидность вымысла, что стоит мне немалых трудов и доставляет немало удовольствия; по чести говоря, дается она ничуть не легче (а зачастую и труднее), нежели, скажем, стихотворные строчки. Должен признаться, я немало уязвлен тем, что это чудовищное «судно на подводных крыльях» «окрестили» «Скадуфаксом» — даже разрешения не спросив; о чем мне не преминули сообщить в личной переписке (кое-кто с негодованием). Я постепенно привыкаю к «Ривенделлам», «Лориэнам», «Имладрисам» и т. д. в качестве названий для домов — хотя, боюсь, названия эти встречаются куда чаще, нежели письма со словами «с вашего позволения».

259 Из письма к Анне Барретт, издательство «Хоутон-Мифлин» 7 августа 1964

Я — человек крайне ограниченных пристрастий (я сам отлично это сознаю), и на [Чарльза] Уильямса они практически не распространяются. Я с ним довольно близко общался с конца 1939 г. и вплоть до его смерти — собственно говоря, я выступал своего рода повивальной бабкой при рождении «Кануна дня Всех Святых» — книга зачитывалась нам вслух по мере написания, но изменения действительно крупные были, как мне кажется, в нее внесены главным образом благодаря К. С. Л., — и общество Уильямса доставляло мне немало удовольствия; но вот наш образ мыслей оставался диаметрально противоположным. Мне активно не нравилась его артуровско-византийская мифология; я по-прежнему считаю, что она испортила трилогию К. С. Л. (очень впечатлительного, чересчур впечатли-тельного) в последней ее части.

Касательно предложенной рекламки на обложку «Дерева и листа»…. Боюсь, на самом деле проблема возникает из-за того, что соединили вместе две вещи, которые, на самом деле, едва соприкасаются, если можно так выразиться. Не думаю, что за предложенную комбинацию ответственен я, и, как бы то ни было, случилось оно в тяжкий для меня период злоключений и неприятностей. Сам я с некоторых пор размышлял о переиздании трех вещиц, что в моем представлении и впрямь хорошо сочетаются: «Беовульф»: чудовища и критики»; эссе «О волшебных сказках» и «Возвращение Беорхтнота». В первой речь идет о связи «героического» с волшебной сказкой; во второй — преимущественно о волшебной сказке как таковой; а в последней — о «героизме и рыцарстве».

260 Из письма к Кэри Блайтону 16 августа 1964

Блайтон спрашивал разрешения Толкина на написание увертюры к «Хоббиту».

Я безусловно даю вам разрешение сочинять какое угодно произведение на основе «Хоббита»….. Как автору, мне крайне лестно слышать, что я вдохновил композитора. Я давно на это надеялся, и надеялся также, что, может статься, смогу оценить результаты или хотя бы почувствую, что они сродни моему собственному вдохновению — в той же степени, как, скажем, некоторые (но не все) иллюстрации Полин Бэйнс…..

В музыке я разбираюсь слабо. Хотя происхожу я из очень музыкальной семьи, в силу недостатков образования и отсутствия возможностей — ведь я рос сиротой — та музыкальность, что была во мне заложена, оказалась вытесненной на задний план (до тех пор, пока я не женился на пианистке) или нашли выражение в языке. Музыка доставляет мне огромное удовольствие и порою вдохновляет, однако я остаюсь в положении человека — с поправкой на ситуацию, — который любит читать или слушать стихи, но почти ничего не знает о стихосложении, о традиции или о структуре языка.

261 Из письма к Анне Барретт, издательство «Хоутон-Мифлин» 30 августа 1964

Комментарии по поводу статьи о К. С. Льюисе, написанной одним из его бывших учеников, Джорджем Бейли, и опубликованной в «Репортере» от 23 апреля 1964.

К. С. Л., разумеется, был не без странностей и порою немало раздражал. В конце концов, он ведь был и оставался ирландцем из Ольстера. Однако он ничего не делал с расчетом на внешний эффект: он не был профессиональным шутом, но скорее шутом от природы, — когда вообще вел себя по-шутовски. Великодушная, благородная натура, он остерегался любых предубеждений, хотя кое-какие слишком глубоко укоренились в родной для него почве, чтобы Льюис их замечал. То, что его литературные суждения когда-либо были продиктованы завистью (как в случае с Т. С. Элиотом), — это абсурдная клевета. В конце концов Элиота вполне возможно невзлюбить, причем довольно пылко, даже не уповая на поэтические лавры для себя лично.

Ну что ж, разумеется, я мог бы продолжать и дальше, но пора остановиться. И все же жаль мне, что после смерти великого человека нельзя запретить пописывать на его счет мелким людишкам, которые слишком мало знают о его жизни и характере, чтобы иметь возможность докопаться до истины, — и должны бы сами это понимать. Льюис вовсе не был «уязвлен до глубины души» тем, что проиграл в выборах на должность профессора поэзии: он отлично понимал, почему. Помню, вскорости после того собрались мы в нашем привычном баре и обнаружили там К. С. Л.: он сидел себе как ни в чем не бывало (и, по всей видимости, чувствовал себя в точности так же: притворяться он никогда не умел). «А ну-ка нальем до краев! — объявил он. — И хватит хмуриться. Во всем этом событии только и есть печального, что мои друзья так расстроились». И он вовсе не «с готовностью принял должность в Кембридже». О вакантной должности было объявлено, но Льюис свою кандидатуру не выставил. Разумеется, Кембридж имел в виду именно его, однако прежде, чем Льюиса они заполучили, им пришлось пустить в ход всю свою дипломатию. Друзья Льюиса считали, что оно ему во благо: он смертельно устал, спустя почти тридцать лет

всевозможных Бейли этого мира, и даже Даттонов[430]. Этот шаг и впрямь обернулся к лучшему, и вплоть до тех пор, как, очень скоро, здоровье его стало сдавать, должность приносила Льюису немало радости.

262 К Майклу ди Капуа, издательство «Пантеон-букс»

Нью-йоркское издательство «Пантеон-букс» попросило Толкина написать предисловие к новому изданию сказки Джорджа Макдональда «Золотой ключ». И хотя в результате предисловие Толкин так и не написал, работа над ним вылилась в сочинение «Кузнеца из Большого Вуттона», начатого как совсем коротенькая история в рамках предисловия. Подробнее см. «Биографию», стр. 379–382, где цитируются отрывки из предполагаемого предисловия.

7 сентября 1964
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемый мистер ди Капуа!

Я готов написать небольшое предисловие к отдельному изданию «Золотого ключа». Я не столь пылкий почитатель Джорджа Макдональда, каким был К. С. Льюис, однако об этом его произведении я высокого мнения. Я упомянул о нем в своем эссе «О волшебных сказках»…..

Я отнюдь не уверен, что смогу произвести нечто, достойное предложенного вами гонорара. От природы я не большой любитель аллегорий (на самом деле, скорее наоборот), мистических либо моральных. Но я сделаю все, что в моих силах, если будет время. В любом случае я очень признателен вам за то, что вы ко мне обратились.

Искренне Ваш,
ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

263 Из письма в издательство «Хоутон-Мифлин» 10 сентября 1964

Мне хотелось бы сделать одно критическое замечание, хотя не думаю, что его от меня ждут и что воспримут его с радостью. Клише на стр. iii [«Дерева и листа»] мне кажется крайне отталкивающим; я вот думаю, нельзя ли его по возможности переработать или убрать вовсе. Надпись, на мой вкус, омерзительна, да и сделана плохо, и хотя, вне всякого сомнения, оно так и задумано, в моих глазах это ее нисколько не возвышает. Толстый, по всей видимости, обрубленный, ствол, корней вообще нет, хилые ветки — по мне, такое дерево абсолютно не годится в качестве символа Сказительства или как представление о том, что мог нарисовать Ниггль! Вероятно, мой вкус небезупречен. Вероятно, то же самое можно сказать о взглядах и мнениях, высказанных в тексте. Но если их сочли нужным воспроизвести — и я глубоко за это признателен, — тогда хотелось бы мне, чтобы произвели заодно и рисунок, более им созвучный.

264 *Из письма в издательство «Аллен энд Анвин» 11 сентября 1964*

Как вам, безусловно, известно, «Хоутон-Мифлин» набирают заново «Дерево и лист». 8 сентября я получил увесистый пакет с корректурой для вычитки. Любезно, спору нет; но, поскольку мне стоило 1 фунт 7 шиллингов 6 пенсов вернуть это к оговоренному ими сроку, боюсь, мои комментарии по поводу клише, разработанного для стр. iii, прозвучали несколько резко: гнусность редкостная, что-то вроде помеси жирной актинии и обкорнанного испанского каштана, а поверх всего приляпана невыразимо мерзостная надпись.

265 Из письма к Дэвиду Колбу, ОИ

Печально, что «Нарния» и вся эта часть наследия К. С. Л. остаются за пределами моих пристрастий, равно так же, как многие мои произведения — за пределами его. Кроме того, я лично счел «Письма к Малькольму» произведением мучительным и местами шокирующим. Я начал было писать на него отзыв, но, если и закончу, для публикации, он не сгодится.

266 Из письма к Майклу Джорджу Толкину 6 января 1965

Внук Толкина учился на английском факультете в университете Сент-Эндрюз.

Мне ужасно жаль, что мои «Гавейн» и «Перл» не выйдут вовремя, чтобы оказаться тебе в помощь (если вообще выйдут): главным образом в силу того, что в ходе работы я обнаруживаю массу мелких подробностей касательно слов, и это уводит меня в сторону, — не говоря уж о том, что переводить стихи стихами само по себе трудно. Безусловно, «Перл» — одна из самых сложных задач, с которыми когда-либо приходилось сталкиваться переводчику. Невозможно перевести поэму тем же размером, и при этом так близко к тексту, чтобы перевод служил «шпаргалкой». Но, сдается мне, всякий, кто прочтет мой вариант, будь он самым что ни на есть высокоученым специалистом по среднеанглийскому, получит более непосредственное впечатление оттого, как поэма воспринималась (носителем языка). Но если честно, сдается мне, это просто личная забава.

267 Из письма к Майклу Толкину 9—10 января 1965

В пятницу, в возрасте 91 1/3 года, умер мой дорогой старый покровитель, сподвижник и друг доктор Ч. Т. Онайонз. Я давно с ним не виделся. Он был последним из тех людей, что по праву назывались «англистами» Оксфорда и уже орудовали вовсю, когда я вступил на это поприще. Ну, не совсем: Кеннет Сайзем (некогда мой тьютор) еще живет-поживает на островах Силли, ему всего 76. К слову сказать, раз уж речь зашла на эту грустную тему, Т. С. Элиота не стало. Но если тебе понадобится идеальный образчик скверных стихов, смехотворное «хуже не бывает», приблизительно [на уровне] возрожденного «чучела совы»{Аллюзия на название антологии Уиндема Льюиса и Ли «Чучело совы: антология плохих стихов» (1930); само словосочетание заимствовано из сонета У. Вордсворта и употребляется как характеристика поэзии, в высокопарном стиле повествующей о материях тривиальных и незначительных.}, я бы [не] нашел ничего лучше, нежели 8 строк бедного старика Джона Мейсфилда{На тот момент (с 1930 по 1967) Джон Мейсфилд носил титул поэта-лауреата: это па жизненное почетное звание, присваеваемое видным поэтам, вменяет им в обязанность написание стихов по случаю государственных праздников (например, коронации), а также эпитафий по случаю кончины выдающихся британских подданных. Тж. см. письмо №32.}, посвященных Элиоту, в «Таймс» от 8 января, пятница: «Восточный Коукер»{Так называется одно из четырех стихотворений из цикла Т. С. Элиота «Четыре кварте та». Стихотворение «Восточный Коукер» (1940) названо так в честь сомерсетской деревни, откуда ведут свой род предки Элиота и где пожелал быть похороненным сам автор.}. Едва ли не ниже/не выше вордсвортского нулевого стандарта…..

Ограниченность моей «славы» меня не тревожит (и не удивляет). Даже в *Оксфорде* полным-полно людей, обо мне, не говоря уже о моих книгах, в жизни не слыхавших. Но многим из них я могу отплатить равным неведением — это не злой умысел и не пренебрежение, а чистой воды случайность. В ноябре приключился презабавный случай: я тогда в порядке любезности пошел на последнюю лекцию цикла, что читал профессор поэзии, Роберт Грейвз. (Примечательная личность: занятный, приятный, чудной, странностей полным-полно, наполовину немец, наполовину ирландец, очень высокий, в молодости, должно быть, походил на Зигфрида/Сигурда, *но* Осел.) Лекции хуже и

абсурднее в жизни своей не слышал. После лекции он представил меня одной милой молодой женщине из аудитории: одетой хорошо, но неброско; держалась она непринужденно и любезно, и мы отлично нашли общий язык. И тут Грейвз расхохотался и говорит: «По всей видимости, вы друг о друге прежде не слышали». Так оно и было. Я, собственно, и думать не думал, что дама обо мне что-то знает. Звали ее Ава Гарднер, но имя это ничего мне не сказало, пока люди, более сведущие в мирских делах, не сообщили мне, что она — кинозвезда какой-то там величины и что пресс из представителей прессы и буря ламп-вспышек на ступенях Скулз образовались не ради Грейвза (и безусл. не ради меня), а ради нее….. И все же былое самомнение то и дело получает подзарядку не из малых, что меня по-прежнему несказанно удивляет. 29 сентября, на обеде в Мертоне по случаю семисотой годовщины{Мертон-Колледж, один из старейших колледжей Оксфордского университета, был основан в 1264 г.}, встретил Берка Тренда — его недавно избрали почетным членом колледжа: он время от времени исполняет обязанности секретаря кабинета{Имеется в виду кабинет министров — руководящая группа министров, назначаемая премьер-министром и определяющая основные направления политики правительства.}; так вот он назвался моим «поклонником» и добавил, что большинство членов кабинета с ним заодно, а что до «палаты», так в обоих ее лагерях преобладают сходные воззрения. Если они купят по книге, а не просто зачитают до дыр экземпляр в библиотеке палаты общин — уже польза! Иной награды пока не предвидится. Но, пожалуй, величайший из сюрпризов приключился 4 дня назад: я получил очень теплое «поклонническое» письмо от Айрис Мердок. И если это имя для тебя — та же «Ава Гарднер», что ж, ничего не попишешь…..

Когда я задумываюсь о смерти моей матери (а ведь она была моложе Приски), измученной гонениями, нищетой и недугом, что в значительной мере явился их следствием, в попытке передать нам, малышам, Веру; когда я вспоминаю крохотную спаленку, что она делила с нами — мы тогда снимали комнаты в домике почтальона в Реднэле, — спаленку, где она умерла в одиночестве, даже не причастившись перед смертью, так усилился ее недуг, — мне очень горько и тяжко, когда мои собственные дети сбиваются с пути и уходят [от Церкви]. Да, Ханаан совсем по-другому воспринимался теми, кто ступил на Землю обетованную, выйдя из пустыни; и жители Иерусалима более поздних времен зачастую, возможно, казались глупцами или подлецами, или даже хуже. Но *in hac urbe lux solemnis*[431] всегда казался мне неизменной истиной. «В своих блужданиях по свету» я встречал

раздражительных, бестолковых, не исполняющих своего долга, тщеславных, невежественных, лицемерных, ленивых, подвыпивших, жестокосердных, циничных, скупых, алчных, вульгарных, исполненных снобизма и даже (предположительно) безнравственных священников; но в моих глазах один отец Френсис перевешивает их всех, а он был испано-валлийцем, тори, выходцем из высшего общества, и многие считали его старым бездельником-снобом и болтуном. Да, он был таким — и в то же время *не*был. От него я впервые узнал о милосердии и прощении; и свет их пронзил даже тьму «либерализма», откуда я вышел, больше зная о «Марии Кровавой»{Прозвище королевы Марии Тюдор (1516–1558), жестоко преследовавшей протестантов.}, нежели о Матери Иисуса — о которой, если и упоминалось, так лишь как об объекте греховного поклонения папистов.

268 Из письма к мисс А. П. Норди 19 января 1965

Думаю, Скадуфакс наверняка отправился с Гандальвом [за Море], хотя об этом нигде не говорится. Мне кажется, лучше не сообщать всего (действительно, так получается более реалистично, ведь в хрониках и летописях «подлинной» истории многие факты из тех, что любопытству-щий не прочь бы узнать, опущены, так что истину приходится выяснять или угадывать, исходя из имеющихся свидетельств). Я бы рассудил так: Скадуфакс принадлежал к особой породе (II 126, 129, III 346)[432], так сказать, эльфийскому аналогу обыкновенных коней: его «род» пришел с «Запада из-за Моря». Так что ему «уйти на Запад» вполне подобает. Гандальв вовсе не «умирал» и не отправлялся особой милостью в Западную землю, прежде чем удалиться «за пределы кругов мира»: он возвращался домой, явно будучи одним из «бессмертных», ангельским посланником ангельских распорядителей (Валар) Земли. И он, конечно же, взял бы с собою или, по крайней мере, мог бы взять то, что полюбил. В последний раз Гандальва видели верхом на Скадуфаксе (III 276). Он, очевидно, приехал в Гавани верхом, и невозможно себе представить, чтобы он ехал верхом на каком-либо ином скакуне, кроме Скадуфакса; так что и Скадуфакс наверняка там был. Хронист, завершая долгий рассказ и в тот момент помышляя главным образом о скорби остающихся (ведь среди них был и он сам!), возможно, о коне и не упомянул{Недосмотр Толкина. На самом деле в тексте главы «Серые Гавани» про Скадуфакса упоминается: «…и у причала рядом с могучим серым конем стояла облаченная в белое фигура».}; но, если бы могучий конь тоже разделял горе расставания, про него вряд ли бы позабыли.

269 Из письма к У. Х. Одену 12 мая 1965

> Оден осведомлялся у Толкина, не является ли ересью представление об орках — о целом народе как воплощении зла, безо всякой надежды на искупление.

Что до «Властелина Колец», я не настолько теолог, чтобы судить, в самом ли деле мое представление об орках отдает ересью или нет. Я не чувствую себя обязанным «подгонять» свою историю к формализованной христианской теологии, хотя на самом-то деле старался сделать ее созвучной христианской мысли и вере, что подтверждается текстом Книги Пятой, на странице 190[433], где Фродо подтверждает, что изначально орки не были злом. Мы, как я понимаю, верим в то, что это относится к любым разновидностям, и классам, и племенам людей, хотя кажется, что некоторых, как отдельных личностей, так и группы, вернуть на путь истинный невозможно — по крайней мере, нам это не по силам…..

В придачу к прочим моим злоключениям, как раз когда я отправлял в печать мой отредактированный перевод «Гавейна» вместе с «Перлом», на меня обрушилась кошмарная проблема с авторскими правами в США, и мне теперь приходится посвящать все свое время переработке «Властелина Колец» и «Хоббита», чтобы авторские права обеспечить и, хотелось бы надеяться, одержать победу над пиратами.

270 К Рейнеру Анвину

Толкин отослал Анвину машинописный экземпляр своего нового произведения, «Кузнец из Большого Вуттона». По мнению Анвина, чтобы получилась книга достаточного объема, «Кузнеца» следовало дополнить другими историями. Это предложение поступило как раз в тот момент, когда Толкин перерабатывал текст «Властелина Колец», готовя новое издание, которое было бы защищено авторскими правами в США. В этом возникла необходимость, поскольку некий американский издатель выпустил «пиратское» издание в мягкой обложке, не обратившись за разрешением ни к Толкину, ни в «Аллен энд Анвин» и (поначалу) не выплачивая авторских гонораров.

20 мая 1965
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой Рейнер!

Получил обратно «Кузнеца из Большого Вуттона», спасибо большое. Я страшно рад, что он вам понравился; без вашей помощи я никак не мог определиться на его счет. Боюсь, среди завалов моих бумаг не найдется ничего похожего и сопоставимого по длине. Неопубликованных материалов там полным-полно, но все это отчетливо принадлежит к «Сильмариллиону» или всему тому миру. К которому я бы уже и вернулся через пару дней, если бы не эта треклятая проблема с авторскими правами. Оставшийся текст «Гавейна» и мои замечания по поводу высланных мне образчиков страниц я вскорости отошлю; к следующему понедельнику, я надеюсь, вы их получите. Ни введения, ни комментариев написать не могу до тех пор, пока не закончу с переработкой «Властелина Колец». Мне придется очень постараться, чтобы успеть отослать это в Бостон[434] к первому июля.

Искренне Ваш,
РОНАЛЬД ТОЛКИН.

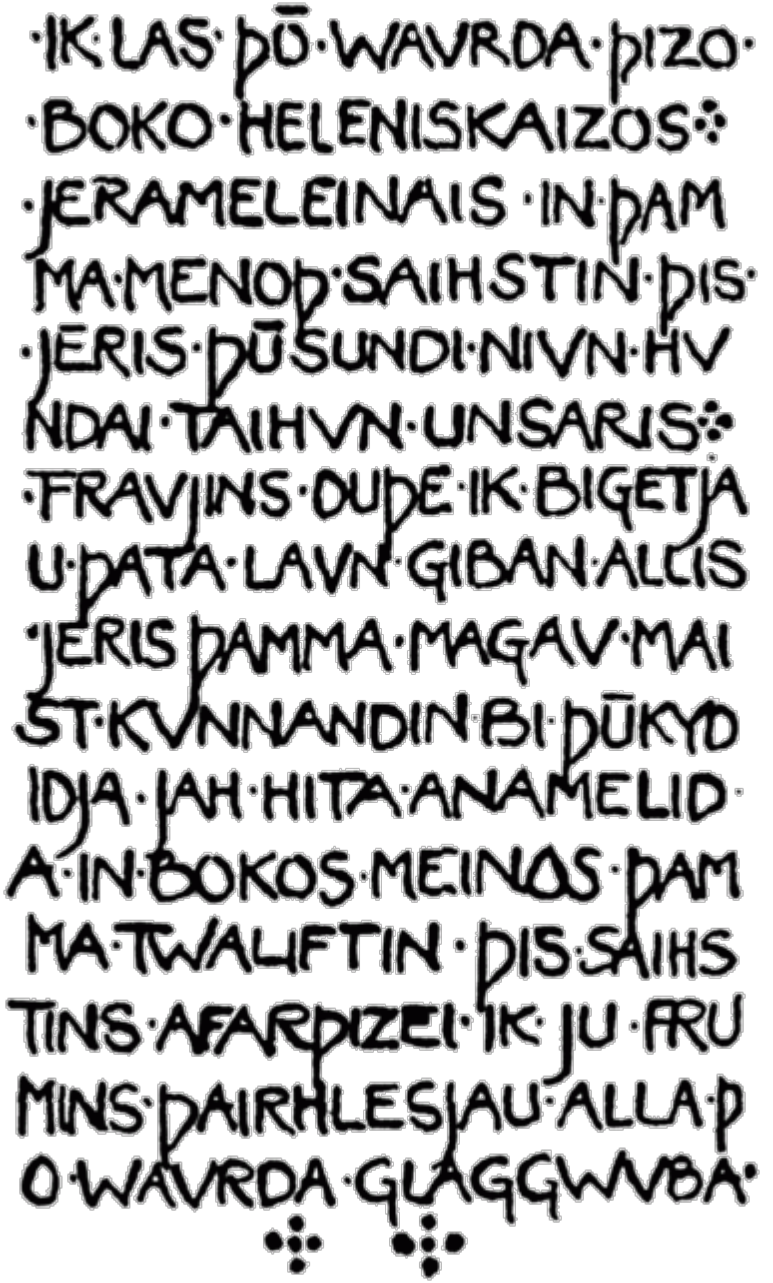
P.S. Теперь каждое благодарственное письмецо читателям США я дополняю краткой припиской, сообщая, что «Эйс-букс» — пираты, и прося оповестить об этом окружающих.

271 Из письма к Рейнеру Анвину 25 мая 1965

Работа над «перередактированием» «Властелина Колец» никакого удовольствия мне не доставляет. На мой взгляд, внести в текст как таковой существенные изменения будет крайне трудно, если не вовсе невозможно. Я уже прошелся по тому I, и число необходимых или желательных поправок очень невелико. Вынужден признаться, что мое восхищение перед компактностью конструкции, возведенной автором, еще более выросло. Должно быть, бедняга (теперь он мне видится разве что далеким другом) немало труда в него вложил. Надеюсь, изменения предисловий, существенной переработки приложений и включения указателя для нашей цели окажется достаточно. К слову сказать, я взял за правило включать в каждое ответное или благодарственное письмо своим «поклонникам» из США приписку на предмет того, что издание в мягкой обложке «Эйс-букс» — пиратское, выпущено без моего согласия и без согласия моих издателей, и, разумеется, никакой компенсации мы за него не получаем. Как думаете, если то же самое проделать в большом масштабе, будет ли с того польза?

272 Из письма к Зилле Шерринг 20 июля 1965

В букинистическом книжном магазине в Солсбери, Уилтшир, Зилла Шерринг нашла и купила экземпляр «Пятой книги Фукидида», в которой обнаружился ряд странных надписей, сделанных рукой одного из предыдущих владельцев. Обнаружив среди имен на форзаце имя Толкина, она написала ему, спрашивая, не его ли работа эти надписи, особенно длинная, на последней странице, и выслала скопированный текст. Ниже приводится факсимиле надписи.



Книга действительно некогда принадлежала мне….. Надпись на последней странице сделана по-готски; по крайней мере, мне казалось, что это готский — или мог бы быть им. Я познакомился с этим поразительным языком за пару лет до 1910 г. благодаря «Учебнику готского языка для начинающих» Джозефа Райта

(сейчас его заменила «Грамматика готского языка»). Мне его продал один школьный приятель, интересующийся миссионерской деятельностью; он принял его за продукцию Библейского общества{Скорее всего, имеется в виду Общество по распространению Евангелия, публикующее переводы Библии на всевозможные экзотические языки для миссионерских нужд.}, а то, чем оказалась эта книга, было ему ни к чему. А меня заворожил готский сам по себе: необыкновенно красивый язык, возвысившийся до литургического, но, в силу трагической истории готов, так и не ставший одним из литургических языков Запада. В ту пору у меня был только учебник для начинающих с его небольшим словариком, однако я научился из него кое-каким техническим приемам, необходимым для преобразования слов из других германских языков в систему письма на готском. Я частенько делал в книгах «готские» надписи, порою «готизируя» мое скандинавское имя и немецкую фамилию как Ruginwaldus Dwalakoneis. Процитированная вами надпись неправильна (по нечаянности): вместо HVNDAI должно быть HVNDA. Этот готский оставляет желать лучшего и в других отношениях; однако подразумевалось следующее: *«Я прочел слова этих книг{*Ошибка; скорее всего, имелось в виду ioizōs bōkōs, «этой книги», предп. — *Прим. авт.}* *по греческой истории («записи лет») в шестом месяце сего года: тысяча девятьсот десятого, Господа Нашего; дабы получить приз, выдаваемый всякий год тому из мальчиков, кто больше всех знает о Фукидиде, и сие записал я в своих книгах{*Ошибка; скорее всего, имелось в виду *bōka meina*, «моя книга», предп. — *Прим. авт.}* *двенадцатого шестого (месяца) после того, как уже?сперва прочел все слова внимательно». Frvmins* по всей видимости искаженное *frumist*, «сперва».

Остальные «ошибки» вас вряд ли заинтересуют. Надпись заключала в себе целый ряд проблем для того, кто для работы располагал лишь словарем коротеньких образчиков — фрагментов Нового Завета, переведенных на готский. «Читать» по-готски — вовсе не *lisan, las, galisans*, что на тот момент имело лишь первоначальное значение «собирать» (этот смысл его германские и скандинавские эквиваленты *lesen* и *lesa* сохранили и по сей день в придачу к значению «читать», скалькированному с латинского *lego*). В готском использовалось слово *ussiggwan*, «читать вслух» (выпевать). Искусство чтения про себя, молча, одними глазами (или главным образом глазами), если «древние» его вообще практиковали, по большей части позабылось. Кажется, рассказывали, что св. Амвросий{Амвросий Медиоланский (ок. 340–397), епископ Милана, проповедник, богослов, цер Ковный политик, один из наиболее почитаемых отцов церкви.} (в том же

веке, когда Писание переводилось на готский) поражал наблюдателей тем, что читал, лишь двигая глазами туда-сюда, не шевеля губами и даже не бормоча себе под нос…..

Я по-прежнему не испытываю ни малейших угрызений совести, делая записи в моих собственных книгах, хотя теперь обычно вношу только пометки, предположительно полезные, — если впоследствии мне удается их расшифровать.

273 Из письма к Нэп С. Скотт 21 июля 1965

Миссис Скотт активно участвовала в кампании за удаление пиратского издания «Властелина Колец» из американских книжных магазинов.

Я бесконечно благодарен за присланную вами информацию, а еще больше — за вашу исключительную доброту и энергию в борьбе с «пиратами» от моего лица….. Я вынужден был забросить всю прочую работу и просто с ума схожу, стараясь сделать все, чтобы *официальное* издание в мягкой обложке «Баллантайн-букс» вышло как можно скорее.

274 Из письма в издательство «Хоутон-Мифлин» 28 июля 1965

Касательно переработки «Властелина Колец».

Больше всего изъянов в *малой карте* «Части Шира»; она весьма нуждается в исправлениях (и кое-каких дополнениях) и вызывала немало вопросов. Главный недостаток — то, что Баклбери и, значит, Бранди-Холл и Крикхоллоу сместились мили на три слишком далеко к северу (примерно на 4 мм). На сей раз исправить это не удастся, но прискорбно, что Бранди-Холл, явно расположенный на берегу реки, стоит так, что главный тракт пролегает перед ним, а не позади него. Кроме того, бесследно исчез лесок, описанный в начале стр. 99[435].

275 Из письма к У. Х. Одену 4 августа 1965

Оден предложил Толкину внести свой вклад в юбилейный сборник, посвященный уходу на пенсию Невилла Когхилла. Он также спрашивал, известно ли Толкину о создании «Нью-Йоркского толкиновского общества», и выражал опасение, что большинство его членов — сумасшедшие.

Я по-прежнему глубоко огорчен тем, что у меня нет ровным счетом ничего для Невиллевского [sic]{В оригинале имя Nevill во всех случаях написано с ошибкой — *Neville*.} festschrift'a{Юбилейный сборник, посвященный ученому (*нем.*)}. Надеюсь, может, удастся договориться, чтобы люди в моем положении смогли просто выразить в книге свои добрые пожелания. За всю свою жизнь я написал про Невилля только вот что:

Мистер Невилль Джадсон Когхилл
Злые вирши кропал, не жалея чернил.
Всяк реформатор и деятель всякий
Звали его «Ядовитым Писакой».

Это было в те времена, когда под именем Джадсон он писал, на мой взгляд, очень славные и смешные стихотворные пасквили на прогрессивных личностей вроде Норвуда из Сент-Джонза[436].

Да, про толкиновское общество я слышал. Думаю, настоящие сумасшедшие в него вряд ли вступают. И, однако ж, такие вещи и меня тоже тревожат и удручают.

276 К Дику Плотцу, «тану» «Американского толкиновского общества»

12 сентября 1965
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

К АТО. В ответ на первое официальное сообщение от представителя Лонгботтома.

Уважаемый мистер Плотц!

Я был в отъезде, в Ирландии, и письмо ваше получил только что (среди целой кипы почты), по возвращении. С интересом узнал о создании «Толкиновского общества» и крайне признателен за комплимент. Однако не вполне понимаю, как я могу стать «членом» общества, вдохновляемого любовью к моим произведениям и посвятившего себя (как мне представляется) их изучению и критическому разбору, по крайней мере, в качестве одного из направлений своей деятельности.

Однако ж я был бы рад общению с вами в какой-нибудь неофициальной роли. Так, скажем, я охотно делился бы с вами любыми советами или представлял сведения, пока еще не опубликованные — с одним условием (особенно касательно «сведений»): оправдание «Занят вопросами эльдар и Нуменора» всегда будет принято без обиды как достаточное объяснение недостаточно исчерпывающего ответа на запрос…..

Что до «Сильмариллиона» и приложений к нему: все уже написано, но пребывает в беспорядке, поскольку в разное время в тексты вносились изменения и добавления (включая «переписывание задним числом», с целью упрочить связи между ним и «В. Колец»). Ему недостает нити, на которую возможно было бы нанизать все это многообразие. Кроме того, в нем отчетливее прежнего представлены те трудности, с которыми я столкнулся в «В. К.»: необходимость познакомить аудиторию с неизвестной мифологией, не задействованной в преданиях напрямую; и пересказать целый ряд длинных легенд, основанных на мифологии, не обременяя их пояснительными отступлениями. Я-то надеялся, что к этому времени уже с головой уйду в работу, необходимую для приведения хотя бы части материала в пригодный для публикации вид…..Думаю, буду выпускать его частями. Первая часть, пожалуй, если достанет здоровья и бодрости, отправится в печать в следующем году.

Есть также огромное количество материала, что, строго говоря, в «Сильмариллион» не входит: космогония и все, что касается Валар, и более поздние предания касательно Нуменора и Войны в Средиземье (падение Эрегиона, гибель Келебримбора и история Келеборна и Галадриэли). Что до Нуменора, повесть об *Акаллабет*, или Низвержении написана полностью. Все остальное из его истории представлено лишь в виде Анналов, и, скорее всего, так и останется, за исключением одного длинного нуменорского сказания, «Жена морехода», на данный момент почти законченного, повествующего об Алдарионе (6-м Короле: В.К. III 315, 316) и его трагических отношениях с отцом и с женой. Предполагается, что этот текст сохранился при Низвержении, в то время как большинство ну-менорских знаний погибло, за исключением тех, что касаются Первой эпохи, — поскольку в нем рассказывается о том, как Нуменор оказался вовлечен в политику Средиземья.

Я отлично понимаю, сколько развлечения сулят такому обществу особые имена для его членов, имеющие отношение к книге; и, конечно же, вижу, что ничего еще окончательно не решено. Однако, если на данном этапе я вправе внести предложение, я бы сказал, что, как мне кажется, брать имена персонажей (или названия должностей) из самого произведения было бы ошибкой. Лично мне хотелось бы, чтобы общество называлось «Широким обществом», возможно, с пояснительным уточнением «АТО». Но, даже и не меняя названия, думаю, было бы куда уместнее и забавнее именовать членов «представитель от Такого-то-места-в-Шире» или в Бри. Ну разве не хорошо было бы каким-нибудь подходящим способом ограничить число людей, имеющих право на особое имя: например, пусть им пользуются старейшие члены или, позже, те, кому членство в обществе со всей очевидностью по-прежнему интересно или приятно? В том небольшом кусочке Шира, что приводится на опубликованной карте, есть всего около 30 подходящих названий мест, но на моей карте их больше; а если начертить качественную карту всего Шира, мест там нашлось бы куда как много. Места, уже отмеченные, и даже те, что кажутся неправдоподобными (как Ноуботтл{Английское название Nobottle буквально означает «Не-бутылка».}) на самом деле составлены в соответствии со стилем, этимологиями и способами образования английских географических названий (особенно Мидлендса). При желании я с удовольствием сконструировал бы новые названия, исходя из тех же принципов, и нашел бы для них местечко на картах Бри и Шира. Что до меня, то, как заядлый курильщик трубки, я был бы

рад принять звание представителя от Лонгботтома; или, если вы пожелаете возвести меня в достоинство мэра (до которого я вполне дорос, даже по хоббитским меркам), звание представителя от Мичел Делвинга…..

Нуминор. К. С. Льюис входил в число тех трех человек, которым на сегодняшний день довелось прочесть всю или значительную часть моей «мифологии» Первой и Второй эпох[437]; к тому моменту, как мы познакомились, в основных чертах она уже сложилась. Была у него одна характерная черта: он любил, когда ему читают вслух. О моей «мифологии» он знал только то, что его вместительная, но не непогрешимая память удерживала из того, что я зачитывал ему как аудитории из одного человека. Написание «нуминор» — это ошибка восприятия со слуха, усугубленная, вне всякого сомнения, еще и тем, что он проассоциировал название с латинским *nūmen, nūmina*, и прилагательным *numinous*{Мистический (*англ.*)}. И очень жаль, поскольку название никаких подобных отсылок в себе не содержит и никакого отношения к «божественности» или ощущению ее присутствия не имеет. Это — производная от основы из языка эльдарин √*NDU* «внизу, под; спускаться»; кв. *пъте* «схождение вниз, запад»; *пъmen*, «направление или область заката» + *nyre*, «земля» как обитаемая территория. В качестве перевода я часто использовал слово *Westernesse*. Это слово восходит к редкому среднеанглийскому *Westernesse* (мне оно известно только из манускрипта С «Короля Горна»), где смысл его темен, но можно предположить, что значит оно «Западные земли» по контрасту с Востоком, где живут язычники и сарацины. Льюис в «исследованиях Нуменора» не участвовал. Н. — это моя личная переделка мифа об Атлантиде и/или традиции, и попытка согласовать его с моей общей мифологией. Из всех мифических или «архетипических» образов этот наиболее глубоко укоренен в моем воображении; на протяжении многих лет мне снился вновь и вновь повторяющийся сон про Атлантиду: громадная, неотвратимая волна надвигалась из Моря или накатывала на землю, порою погруженную во тьму, порою зеленую и солнечную.

Льюис, как мне кажется, был под сильным впечатлением от «Сильмариллиона и всего такого» и со всей определенностью сохранил в памяти некие смутные воспоминания о нем и о его именах и названиях. Так, например, поскольку «Сильмариллион» он прослушал до того, как написал или задумал свой роман «За пределы безмолвной планеты», я полагаю, что «эльдил» — это отголосок «эльдар»; а в «Переландре» «Тор и Тинидриль» — отголосок со всей очевидностью, поскольку «Туор и Идриль», родители Эарендиля, являются главными действующими лицами

в «Падении Гондолина», легенде Первой эпохи, записанной раньше всех прочих. Но собственная его мифология (только зарождающаяся и так полностью и не воплотившаяся) была совсем иной. В любом случае она разлетелась вдребезги, не успев оформиться, при знакомстве с Ч. С. Уильямсом и его «артуровским» материалом — а это произошло в промежутке между «Переландрой» и «Мерзейшей мощью». Жаль, скажу я. Но, с другой стороны, я и был, и остаюсь совершенно невосприимчив к образу мыслей Уильямса.

Чарльза Уильямса я знал только как друга К. С. Л., в чьем обществе с ним и познакомился, когда по причине Войны он много времени проводил в Оксфорде. Мы пришлись друг другу по душе, мы с удовольствием беседовали (по большей части в шутливом ключе), но на более глубоком (или высоком) уровне нам было нечего сказать друг другу. Сомневаюсь, что он прочел что-либо из моих опубликованных на тот момент произведений; я прочитал и выслушал многие его творения, однако нашел их совершенно мне чуждыми, кое в чем крайне неприятными, а порою и нелепыми. (Как обобщенное высказывание это чистая правда, но воспринимать его как критику в адрес Уильямса не стоит; скорее уж оно свидетельствует о пределах моих собственных симпатий. И, конечно же, в литературном наследии, столь обширном и разнообразном, я находил отдельные строки, отрывки, эпизоды и мысли, на мой взгляд, потрясающие.) Я остался абсолютно равнодушен. Льюис себя не помнил от восторга.

Но Льюис всегда был очень впечатлительным человеком, и эта его черта еще усиливалась за счет исключительного великодушия и умения Дружить. Я перед ним в неоплатном долгу, но суть этого долга — не «влияние», как обычно предполагают, но просто-напросто поддержка. Долгое время он был моей единственной аудиторией. Он и никто иной впервые заронил в мою голову мысль о том, что моя «писанина» может оказаться чем-то большим, нежели личное хобби. Если бы не его интерес, если бы он неустанно не требовал продолжения, я бы в жизни не довел до конца «Властелина Колец»…..

Шлю вам и АТО мои наилучшие пожелания. Не окажись я на несколько дней в промежутке между секретарями (занятыми на неполный рабочий день), вы бы, скорее всего, получили письмо более короткое и лаконичное, и значительно лучше напечатанное.

Искренне Ваш,
ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

277 К Рейнеру Анвину 12 сентября 1965

В августе 1965 г. «Баллантайн-букс» опубликовали первое «официальное» американское издание «Хоббита» в мягкой обложке, не внеся в текст исправлений, сделанных Толкином. На обложке был изображен лев, два страуса эму и дерево с плодами, похожими на луковицы. (Когда в феврале «Баллантайн» переиздало книгу, лев исчез за желто-зеленой травой).

Я написал [американским издателям], выражая (сдержанно) свое недовольство обложкой [баллантайновского] «Хоббита». Совсем коротенькую, торопливо набросанную от руки записку; копии от нее не осталось, а смысл сводился к следующему: я нахожу обложку безобразной; но сознаю, что главная цель издания в мягкой обложке — это привлечь покупателей, и, наверное, вам, а не мне судить, что привлекательно в глазах американца. Потому не стану затевать дискуссию насчет вкуса (имелось в виду, хотя прямо я не сказал: кошмарные цвета и гнусный шрифт), но вынужден спросить насчет виньетки{Так в оригинале.}: какое отношение она имеет к книге? Что это за место? Откуда взялись лев и страусы-эму? И что это еще за штука с розовыми луковицами на переднем плане? Не понимаю, как человек, книгу прочитавший (надеюсь, вы ее читали) может решить, что подобная картинка способна порадовать автора.

Но на эти вопросы ответа не было; в своем последнем письме издатели их просто проигнорировали. Создается такое впечатление, что эти люди писем вообще не читают, или обладают высокоразвитой глухотой ко всему, кроме «благоприятных отзывов».

Миссис _____ [представительница издательства, выпускающего книгу в мягкой обложке] на визит ко мне времени не нашла. Она мне позвонила. Я долго с ней беседовал, но она показалась мне абсолютно «непробиваемой». Я так понимаю, хотелось ей только одного: чтобы я отрекся, повел себя как хороший мальчик и отреагировал благосклонно. Когда я вновь обратил ее внимание на вышеупомянутые пункты, она повысила голос на несколько тонов и возопила: «Но ведь у человека не было ВРЕМЕНИ прочесть книгу!» (Как если бы тем самым вопрос исчерпывался. А ведь довольно было бы побеседовать с «человеком» пару минут, да одним глазком глянуть на

иллюстрации американского издания). Касательно розовых луковиц она сказала, как если бы объяснялась с непроходимым тупицей: «предполагается, что это рождественская елка». Почему этой особе до сих пор позволяют разгуливать на свободе? Мне начинает казаться, будто я заперт в сумасшедшем доме. У вас больше опыта, возможно, вы подскажете, как выйти из этого безумного лабиринта. Я хочу закончить «Гавейна» и «Перл» и вновь заняться «Сильмариллионом»; у меня такое ощущение, что с «Х[оутон] М[ифлин]» или «Баллантайн-букс» я уже не в силах иметь дела. Не могли бы вы дать всем понять, что я ныне ушел в затворничество (дабы пообщаться с моей творческой сущностью), и приподнять сей занавес имеете власть только вы один — если сочтете уместным?

278 Из письма к Клайду С. Килби 20 октября 1965

Получил на днях экземпляр книги «К. С. Льюис в новом свете». Надеюсь, вы тоже. На мой взгляд, книга интересная, и в самом деле проливает на Льюиса некоторый свет, хотя мне представляется странным, как все они упускают из виду одну из ключевых особенностей его характера. Барфилд, который знал его долее прочих…. ближе всего к сути. Боюсь, этот комментарий так и останется загадкой; в настоящий момент у меня нет времени объяснять в подробностях[438].

279 Из письма к Майклу Джорджу Толкину 30 октября 1965

Думаю, из Оксфорда мы вряд ли уедем. Все, что с видом на море, жутко дорого, а с прислугой (наша главная проблема) там так же плохо, как здесь, если не хуже. Я не «в золоте купаюсь», но, продолжая работать, я (пока) продолжаю получать примерно столько же, сколько professor-in-cathedra{Штатный преподаватель (*лат.*)}, что нынешние мои потребности обеспечивает, и даже с лихвой. Если бы мне не повезло так с моей «непрофессиональной» работой, я бы теперь перебивался кое-как в нищете на бренный ежегодный доход не то что в «половинный оклад», но, скорее, в 1/4 оклада. Однако реализовать литературный капитал его создатель не может. Если автор продает какие-то свои права, вырученная сумма (в отличие от сумм за прочую его собственность) считается частью его *годового дохода*, и п. налог и налог на сверхдоходы прикарманивают все или почти все. Так что я, разумеется, никак не могу выложить *несколько тысяч*{Да-да, вплоть до 15 000 фунтов! И даже больше! — *Прим. авт.*}, — а именно столько ныне требуют за квартиру или коттедж у моря. Однако на «фронте прибылей» все по-прежнему отлично. Моя кампания в США прошла успешно. «Эйс-букс» здорово вляпались; многие учреждения наложили запрет на всю их продукцию. «Пиратское издание» продается неплохо, но выяснилось, что отпечатано оно из рук вон скверно, с ошибками; а весь этот переполох послужил мне такой отличной рекламой, что, полагаю, мое «официальное» издание в мягкой обложке разойдется в большем количестве экземпляров, нежели вышло бы, не случись скандалам конкуренции.

280 Из письма к Рейнеру Анвину 8 ноября 1965

«Сэр Гавейн» и «Перл»

Полагаю, вы уже начинаете тревожиться на их счет….. Печально, что мне пришлось отложить их в сторону, в то время, как они занимали все мои мысли. Работа по «редактуре» «Властелина Колец» поглотила меня полностью, так что заниматься чем-нибудь другим мне теперь тяжело.

Оказалось, что отобрать сноски, ужать их и написать предисловие — задача не из простых. Столько всего надо сказать, а я даже не знаю, на кого ориентироваться. Главный адресат, конечно же, это массовый читатель, любящий литературу, но не знающий среднеанглийского; однако не приходится сомневаться, что книгу станут читать и студенты, и академическая публика с «английских факультетов». А кое у кого из последних рука так и тянется к пистолету.

Мне, конечно же, пришлось выполнить громадный объем редакторской работы, со стороны невидимой, в процессе создания своего варианта; и я, как мне кажется, сделал ряд значимых открытий касательно определенных слов и некоторых отрывков (насколько можно говорить о значимости вузком мирке с[редне] а[нглийского]). Разбор этих подробностей, конечно же, будет уместнее в статьях научных журналов; а между тем, думаю, желательно разъяснить тем, кто владеет оригиналом, где и в чем мое прочтение отличается от общепринятого.

Не могли бы вы по возможности уточнить, на какое количество страниц, сверх этих двух текстов как таковых, я могу рассчитывать? Тогда я бы выкроил и отделку.

281 Из письма к Рейнеру Анвину 15 декабря 1965

Касательно подготовки британского издания «Хоббита» в мягкой обложке.

Обложка «А[нвин-букс)] [к «Хоббиту»]. Не помню, когда был сделан черновой набросок «Гибели Смауга»[439]; но думаю, что наверняка еще до первой публикации; скорее всего, где-то в 1936. Я в вашей власти; но по-прежнему не слишком-то рад, что на обложку пойдет этакая мазня. На мой взгляд, это слишком смахивает на современную манеру, когда те, кто умеет рисовать, стараются свое умение скрыть. Но, вероятно, есть разница между их произведениями и работой человека, который явно не способен нарисовать то, что видит.

Рекламки на обложку. Я на скорую руку написал кое-что насчет предложенной «рекламки» для «А[нвин]-букс». Не хочу задеть чувства автора, который со всей очевидностью желал добра и мне, и книге; но, надеюсь, вы согласитесь, если у вас найдется время поразмыслить, что этот текст не подойдет. Даже не говоря о неуместном стиле, он представляет в ложном свете и саму историю, и то, как она подана. Ни в коем случае НЕЛЬЗЯ писать такое на обложке истории о волшебстве, разве что вы стремитесь разрушить «магию». Сага о хоббите представлена как *vera historia*{Подлинная история (*лат.*)}, ценой великих трудов (что оказались весьма действенны). В таком контексте на вопрос: «А вы не хоббит?» возможно ответить только «Нет» или «Да», в зависимости от своего происхождения. Любовь к мирной жизни и обильной еде никого хоббитом не делает; тем более скрытая тяга к приключениям. Хоббиты — народ, главной физической характеристикой которого является рост; а основной чертой характера — практически полное искоренение какой бы то ни было дремлющей «искры»; проявляется она хоть сколько-то разве что в одном на тысячу. Бильбо был специально отобран благодаря авторитету и прозорливости Гандальва как *отклонение от нормы*: он в избытке обладал хоббитскими достоинствами, как-то рассудительность, великодушие, терпение и стойкость, а также и яркой «искрой», до поры не вспыхнувшей. Эта история и ее продолжение — вовсе не о «типичных представителях» и не об излечении обывательского самодовольства через расширение опыта, но о свершениях особо благородных и наделенных особыми дарами индивидуумов. Я бы даже сказал, если бы

подобные разъяснения не портили того, что пытаются выразить напрямую, «о свершениях предопределенных индивидуумов, вдохновляемых и направляемых Посланником к целям более высоким, нежели воспитание и рост этих индивидуумов». Во «Властелине Колец» это видно ясно; но и в «Хоббите» представлено с самого начала, пусть и в завуалированной форме; на это намекают последние слова Гандальва[440].

Я, конечно же, вовсе не имею в виду, что нечто подобное следует включить в «рекламку». Боже сохрани! Но я твердо уверен, что «рекламка» не должна содержать слов, идущих вразрез с этой мыслью и совершенно не отражающих сути…..

Всего вам наилучшего, счастливого вам Рождества и Нового Года! Как по-вашему, не опустить ли по случаю Нового Года обращение «Профессор»? Я принадлежу к поколению, которое за пределами семейного круга по именам друг к другу не обращалось, но сберегало их, подобно гномам, Для частного употребления; и даже для самых близких друзей использовались фамилии (или производные от них), или прозвища, или (изредка) имена, но чужие. Даже К. С. Льюис никогда не звал меня по имени (равно как и я его). Так что я вполне удовольствуюсь фамилией. Хотелось бы мне совсем избавиться от «профессора», по крайней мере, когда я не пишу на профессиональные темы. Это звание создает ложное впечатление «учености», особенно в том, что касается «фольклора» и тому подобного. А также и впечатление (возможно, более близкое к истине) педантичности; но обидно, что моя педантичность всячески афишируется и подчеркивается, так что люди чуют ее даже там, где ее нет.

282 Из письма к Клайду С. Килби 18 декабря 1965

Профессор Килби из Уитон-Колледжа, штат Иллинойс, познакомился с Толкином, посетив Оксфорд в 1964 г. Теперь он предлагал приехать в Англию и предоставить Толкину любую необходимую помощь, чтобы тому легче было закончить «Сильмариллион».

Я никогда не был особо уверен в моем собственном труде — и даже сейчас, когда меня убеждают (не перестаю этому с благодарностью изумляться), что он имеет ценность в глазах других людей, я робею, так сказать, выставить мой воображаемый мир на суд чужих глаз и ушей — вероятно, презрительный. Если бы не поддержка К. С. Л., не думаю, что я когда-нибудь закончил бы или предложил к публикации книгу «Властелин Колец». «Сильмариллион» совсем другой; и, если хоть сколько-нибудь хорош, то хорош совершенно по-иному; и я, на самом деле, не знаю, как с ним быть. Я начал его в госпитале и во время отпуска по болезни (1916–1917); и с тех пор с ним не разлучался, а сейчас он в жутком беспорядке, поскольку в промежуток времени между тогда и теперь я его всячески переделывал, дописывал и перерабатывал. При содействии ученого, одновременно сочувственно и критически настроенного, как вы, я, наверное, сумел бы подготовить часть этих материалов к публикации. Мне требуется живое *присутствие* рядом друга и советчика — именно то, что вы предлагаете. Как мне представляется, вскорости я освобожусь и смогу вернуться к «Сильмариллиону»; так что июнь, июль и август в нашем распоряжении.

283 К Бенджамину П. Индику

Ответ на письмо читателя.

7 января 1966
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемый мистер Индик!

Спасибо большое за ваше длинное, интересное письмо и комментарии. Они заслуживают ответа куда более полного, но я надеюсь, вы меня извините, в силу моей крайней занятости. Скажу больше, если мне суждено написать новые книги, о которых вы просите, возможно это только в том случае, если я перестану отвечать на письма.

С благодарностью,
ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

284 К У. Х. Одену

Оден сообщил Толкину, что согласился написать о нем небольшую книгу, в соавторстве с Питером Х. Салюсом, для серии под названием «Христианские перспективы»; он надеялся, что Толкин возражать не станет. Кроме того, Оден упомянул, что они с Салюсом побывали на собрании «Нью-Йоркского толкиновского общества». Репортаж об этом собрании, состоявшемся 27 декабря 1965 г., был опубликован в «Нью-Йоркере»{Престижный литературно-публицистический журнал-еженедельник, издаваемый в Нью-Йорке.} от 15 января 1966 г.; цитата из него появилась в лондонской «Дейли телеграф» от 20 января; эту газету Толкин читал каждое утро. Согласно «Телеграф», Оден сообщил обществу: «Он [Толкин] живет в омерзительном доме, — я вам просто передать не могу, насколько этот дом кошмарен, — и картины на стенах тоже омерзительны».

23 февраля 1966
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой Уистан!

Мне следовало ответить на твое письмо от 28 декабря еще несколько недель назад. Однако что может быть скучнее пространных оправданий собственной нерадивости? Так что скажу лишь, что со времен Рождества на мою долю выпали непосильные испытания; кроме того, в конце января я приболел (мы с женой стали первыми жертвами здешней эпидемии гриппа).

Известие о том, что ты подрядился написать про меня книгу, меня немало огорчает. Я и в самом деле возражаю, и притом очень сильно. Подобные вещи я воспринимаю как преждевременную дерзость; и поверить не могу, что их полезность способна оправдать неудовольствие и раздражение жертвы, — разве что за дело возьмется близкий друг, либо автор проконсультируется с героем (а для таких консультаций у меня в данный момент нет времени). В любом случае хотелось бы мне, чтобы с книгой такого рода подождали до тех пор, пока я не выпущу «Сильмариллион». От этой работы меня постоянно отвлекают — но ничто так не мешает, как нынешняя шумиха насчет «меня» и моей биографии.

С интересом прочел о твоем визите в «Нью-Йоркское толкиновское общество». Я получил и другие отзывы на этот счет

(включая короткие выдержки в лондонской прессе). Не могу сказать, что пересказ (надо думать, искаженный) твоих замечаний или замечаний Салюса доставил мне большое удовольствие. Да позволено мне будет втиснуть в это письмо заметку насчет «Эйс-букс», поскольку я обязался сообщать «моим корреспондентам» о нынешней ситуации. В конечном счете издательство прислало мне учтивое письмо, и я подписал с ними «полюбовное соглашение» принять их добровольное предложение без всяких юридических обязательств: они выплачивают авторские из расчета 4 процентов на каждый проданный экземпляр и обещают не делать допечаток (без моего на то согласия) после того, как тираж будет распродан. После выплаты налогов мне от этого всего останется половина: сумма весьма желанная, хотя пока еще и не золотые горы…..

Очень любезно и великодушно с твоей стороны прислать мне экземпляр сборника «О доме»{Стихотворный сборник У. Х. Одена (1967); многие стихотворения, вошедшие в него, посвящены комнатам дома Одена в Вене.}. Не стану притворяться, что во мне (ты великодушнее меня) твои произведения вызывают столь же мгновенный отклик. Однако вот что могу сказать. Я захватил книгу с собой (когда возил выздоравливающую жену к морю). И однажды вечером, собираясь уже забраться в теплую постель (около полуночи), вздумал почитать. В полтретьего ночи я осознал, что продрог, до сих пор не в постели, сижу, читаю книгу и перечитываю.

Неизменно твой, [Копия под копирку не подписана.]

285 Из письма к У. Х. Одену 8 апреля 1966

Если мое письмо к тебе от 23 февраля показалось несколько колким, должен признаться, что причиной тому — статья в «Нью-Йоркере», имеющая целью сообщить о собрании «Толкиновского общества» в Нью-Йорке и твоих замечаниях на мой счет — не говоря уже об идиотских (в тамошнем изложении) замечаниях Питера Салюса касательно очертаний Средиземья. На случай, если тебе она не попадалась, экземпляр прилагается. Эти замечания, если они переданы правильно, представляются мне настолько фантастически неуместными, что мне пришлось бы ввязаться в длительную переписку, с целью коренным образом исправить твои обо мне представления. Печально также, что массовая печать, с ее обычным уклоном в издевку, так прицепилась к твоим комментариям по поводу моего дома и картин. В отзывах английских газет они проходят главным пунктом, так что мы с женой оказались в некотором роде посмешищем.

286 Из письма к А. Е. Кушману 27 апреля 1966

Ниже приведен один из многих коротких ответов, что Толкин писал на данном этапе жизни своим читателям, задающим вопросы по поводу его книг. Его характерную лаконичность любопытно сопоставить с пространными ответами первых нескольких лет после публикации «Властелина Колец».

В мифологии, что служит фоном для моих историй, «Богов» как таковых нет. Их место занимают сущности, именуемые Валар (или Власти): сотворенные существа ангельской природы, поставленные управлять миром. Эльфы естественным образом верили в них, поскольку жили рядом с ними. Но вдаваться в подробные объяснения — значит просто-напросто задержать подготовку публикации всего этого в должном виде.

287 Из письма к Джой Хилл, «Аллен энд Анвин» 10 мая 1966

Номер телефона Толкина по-прежнему значился в телефонной книге Оксфорда, так что «поклонники» порою докучали ему звонками.

Большое спасибо за ваше предложение касательно моего номера телефона; я над ним подумаю. Изъять номер из телефонной книги представляется мне куда лучшей мыслью, нежели метод, к которому прибегал майор У. Г. Льюис, оберегая своего брата: он снимал трубку и говорил: «Оксфордский канализационный узел», — и повторял это каждый раз, пока не отстанут.

288 К профессору Норману Дэвису

Английский факультет Оксфордского университета пожелал приобрести бюст Толкина работы его снохи Фейт. В должный срок бюст был передан заказчикам и теперь стоит в библиотеке английского факультета.

10 мая 1966
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой Норман!

Я и моя сноха (скульптор) также весьма польщены тем, что факультет изъявил желание поместить мой бюст в библиотеке английского факультета на видном месте — если, конечно, по зрелом размышлении вы не решите, что украшенная легендарными сюжетами ваза была бы более уместна. С превеликим удовольствием подарю его факультету.

Мне тут пришло в голову, что гипсовый бюст довольно хрупок и его легко повредить. Потому предлагаю для преподнесения отлить его в бронзе (за мой счет). Я уже обсудил этот вопрос со скульптором: она знает, как такие вещи делаются. Отлитому в бронзе бюсту не повредят ни почести, ни оскорбления. Я сам, бывало, частенько вешал шляпу на бюст русского царя, любезно подаренный им Мертону.

Неизменно Ваш,
РОНАЛЬД.

289 Из письма к Майклу Джорджу Толкину 29 июля 1966

«Мирквуд» — это не моя выдумка, но название весьма древнее, отягощенное легендарными ассоциациями. Вероятно, в прагерманском языке так назывался обширный гористый лесной массив, в древности ограждавший с юга земли, на которых расселялись германские племена. В ряде преданий это слово использовалось конкретно для обозначения границы между готами и гуннами. Сейчас я говорю по памяти: на древнее его происхождение, по всей видимости, указывает его появление в раннем немецком (11 в.?) в форме *mirkiwidu*, хотя основа **merkw-* (темный) в немецком нигде более не встречается (только в др-англ, др-сканд, и др-исл), а основа **widu- > witu* в немецком (как мне кажется) сводилась к значению «древесина», и даже в этом значении встречалась не слишком часто, и в совр. нем. не сохранилась. В др. — англ. *mirce* сохранилось только в поэзии, и в значении «темный», или скорее «мрачный», только в «Беовульфе» 1405 *ofer myrcan mor;* а в других местах только в значении «murky» [«темный» — С. Л.] > «недобрый, адский». Думаю, просто обозначением «цвета» — «черный» — оно не было никогда, и с самого начала заключало в себе оттенок «мрачности»…..

То, что слово «Мирквуд» по-прежнему понятно современному англичанину (и притом имеет нужный оттенок смысла), я счел редкой удачей: такую упустить грех, неважно, является ли слово *mirk*{Мрак, темнота (*англ.*)} заимствованием из древнескандинавского или обновлением устаревающего др. — англ. слова.

290 Из письма к Майклу Джорджу Толкину 28 октября 1966

Внук Толкина учился в аспирантуре в Оксфорде.

Мне очень интересно все, что ты рассказываешь о своей работе и о своих формирующихся взглядах на «исследования» применительно к современной литературе. Сам я и теперь, и всегда скептически относился к любым «исследованиям» как части занятий или обучения юношества на языковых и литературоведческих отделениях. Ведь сперва необходимо столько всего *выучить*. Исследовательскую работу частенько навязывают студентам-выпускникам, желающим примазаться к триумфальному шествию Науки, забраться в ее громадный фургон с оркестром (или хотя бы в прицепчик) и урвать себе немножечко престижа — и денег, что «Начальства, Власти, мироправители»{Аллюзия на строки из Послания к Ефесянам: «… Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего…» (Еф. 6: 12).} изливают на Священную Корову (как выразился один писатель и ученый) и ее служителей. Но многие из тех, кто посвятил себя гуманитарным наукам, втайне желают лишь одного: получить возможность почитать побольше.

И это правильно. Ибо есть некая критическая точка, во всяком случае для людей нашей с.-з. расы, где-то между двадцатью и тридцатью годами: знания, полученные до нее, удерживаются (и усваиваются); а после нее быстро, все в большей и большей мере ускользают. Я бы серьезно задумался о переводе на бакалавра философии, если в программу входят предметы, для тебя подходящие. (Эту специальность утвердили уже после меня, так что, хотя я и отстаивал что-то в этом роде, я понятия не имею, как у них там сейчас все устроено. После 40 лет на положении их раба и одновременно составителя я видеть не могу университетских уставов и программ без того, чтобы меня не затошнило.)

Я не предупредил тебя насчет моего выступления в среду вечером. Думал, ты будешь слишком занят. На самом деле я не с лекцией выступил, а прочел небольшое произведение, написанное недавно и пока что неопубликованное; ты его тоже сможешь прочесть, когда время будет, — «Кузнец из Большого Вуттона», — если я тебе его еще не всучил. Хотя название, по моей задумке, наводит на мысль о раннем Вудхаусе [*sic*]{П. Г. Вудхаус (1881–

1975) — английский юмористический писатель. В оригинале фамилия написана с ошибкой: Woodhouse вместо Wodehouse. Толкин имеет в виду, что название его повести («Smith of Wooton Major») перекликается с названиями ранних романов Вудхауса про Псмита («Mike and Psmith», «Psmith Journalist» и т. д.); этот персонаж и впрямь впервые появляется на страницах журналов для подростков.} или рассказе из «Б[ойз] о[ун] п[ейпер]»{Буквально «Журнал для мальчиков», ежемесячный журнал, издававшийся с 1879 по 1967 гг.; в нем печатались занимательные рассказы, статьи, советы по внешкольным занятиям.}, разумеется, история не имеет с ними ничего общего.

Это мероприятие поразило меня до глубины души, равно как и устроителей всего цикла лекций, — настоятеля Блэкфрайарз и главы Пьюзи-Хауса{Пьюзи-Хаус — центр теологических исследований в Оксфорде, названный так в честь его основателя, доктора Э. Б. Пьюзи, каноника Крайст-Черч и преследующий двоякую цель: возродить в лоне Англиканской церкви традиции католичества и содействовать работе кол-леджских часовен. Располагает обширной библиотекой и архивами.}. Вечер выдался дождливым и мерзким. Но при этом в Блэкфрайарз хлынула такая толпа, что пришлось освободить трапезную (длинный зал, никак не меньше церкви), и все равно все не поместились. На скорую руку обеспечили трансляцию в коридоры. Мне рассказывали, пришло более 800 человек. Ужасно душно было, думаю, хорошо, что тебя не случилось.

291 К Уолтеру Хуперу

Хупер прислал Толкину новый том сочинений Льюиса, изданный под его редакцией.

22 ноября 1966
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой мой Хупер!

Спасибо огромное за экземпляр «Иных миров». Я прочел его с немалым интересом, особенно те вещи, которых прежде не видел.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН

Слишком коротко вышло. Но у меня просто завал. Я заметил, причем впервые — на сознательном уровне, насколько дуалистичны [были] образ мыслей Льюиса и его воображение, хотя разум его как философа категорически это отвергал. То же об игре слов Hierarchy/Lowerarchy. И, уж конечно же, «Безысходническое Видение»{В оригинале Lowerarchy — авторский неологизм, образованный по аналогии с Hierar chy («higher-archy», «высоко-архия»; каждая из трех триад девяти ангельских чинов, а также и собирательное обозначение ангельского воинства); соответственно, Lowerarchy («Lowerarchy», «низко-архия») — нечто диаметрально противоположное, «чины» преисподней В русском переводе слово обыгрывается как «низкопоставленные сотрудники преисподней» (см. «Письма Баламута», письмо № 20; пер. Н.Трауберг и Т. Шапошниковой). *Misenfic Vision* — авторский неологизм, образованный от слова *misery* (горе, страдания, безысходность) по аналогии с христианским понятием *beatific vision* (видение райского блаженства) и означающий нечто диаметрально ему противоположное; см. «Письма Баламута», письмо № 22.} на рациональном уровне — чушь, не говоря уже о том, что с теологической точки зрения — кощунство.

292 К Джой Хилл, «Аллен энд Анвин»

Некий «поклонник» собрался написать «продолжение» к «Властелину Колец»; издательство ознакомило Толкина с подробностями.

12 декабря 1966
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогая мисс Хилл!

Высылаю вам в том же конверте нахальное добавление к моим горестям. Не знаю, как обстоит дело юридически; полагаю, что, поскольку на придуманные имена и названия право собственности не распространяется, закон никоим образом не препятствует этому молодому ослу опубликовать свое продолжение, если он сумеет найти издателя, с хорошей ли репутацией или сомнительной, согласного взять такую дрянь.

Я всего лишь сообщил ему, что переслал его письмо вместе с пробными образчиками вам. Думаю, что письмо в соответствующем ключе от «Аллен энд Анвин» возымеет больший эффект, нежели подписанное мною. Некогда одна молодая женщина прислала мне сходное предложение, составленное в исключительно подобострастном стиле, а когда я ответил отказом, я получил письмо самое что ни на есть ругательное.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш,
ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

293 Из письма к Уильяму Фостеру 29 декабря 1966

Фостер спрашивал, нельзя ли ему взять у Толкина интервью для газеты «Скотсмен»{Ежедневная газета консервативного направления с упором на «шотландскую» тематику, издается в Эдинбурге.}.

Спасибо за проявленный ко мне интерес. Однако в этом году на меня обрушилось чересчур уж много визитов и интервью. Причем удовольствия мне ни одно не доставило; и почти все — пустая трата времени, даже в том, что касается объемов продаж. Но признаю, что вашу просьбу, наверное, стоит принять к сведению. «Скотсмен» — газета в высшей степени респектабельная, а вы, я уверен, куда компетентнее кое-кого из тех интервьюеров, что спустила на меня лондонская пресса. Однако ж сейчас мне отчаянно не хватает времени, и с согласия моих издателей я решил ни при каких обстоятельствах не давать новых интервью до тех пор, пока не закончу следующую книгу[441].

294 К Шарлотте и Денису Плиммерам

Незадолго до того Плиммеры взяли у Толкина интервью для «Дейли телеграф мэгэзин» и теперь прислали ему черновик своей статьи. В законченном варианте статья была напечатана в номере от 22 марта 1968.

8 февраля 1967
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Уважаемые мистер и миссис Плиммер!

С вашей стороны очень любезно прислать мне экземпляр предварительного наброска вашей статьи; спасибо вам большое. Ясно, что по ходу интервью вам со мною пришлось непросто: из-за того, что говорю я слишком быстро (это врожденное и излечению не подлежит) и крайне неучтиво расхаживаю взад-вперед, и трубка, опять же… На самом деле я вовсе не хотел показаться неучтивым. У меня артрит, и, когда сидишь слишком долго, колени начинают болеть. Если во время интервью можно постоять на ногах — уже облегчение. От курения в таких случаях следовало бы воздержаться, но, как выяснилось, беседы с корреспондентами раздражают и отвлекают меня все больше, так что требуется успокоительное.

Черновик был доставлен на этот адрес за день до того, как я вернулся, надеясь вновь взяться за свою работу как таковую; а теперь вот я выкроил время им заняться. В статье есть пара моментов, которые я предпочел бы изменить, и некоторое количество неточностей и недоразумений, что, вне всякого сомнения, вкрались в текст отчасти по моей собственной вине. Среди прочих моих особенностей вы не упомянули о том, что я — педант, помешанный на точности, и даже в том, что другому покажется сущей ерундой. У меня не было времени изложить эти подробности ясно и разборчиво, так что надеюсь, что редактура и сокращение вашей статьи могут подождать день-другой. Я попытаюсь выслать свои замечания как можно раньше, чтобы вы их получили до пятницы.

Боюсь, в одном я вынужден буду вас разочаровать. Мне сообщили, что «Уикэнд телеграф» желает проиллюстрировать вашу статью фотографиями меня за работой и дома. Ни при каких обстоятельствах я не соглашусь снова фотографироваться с

такой целью. Подобное вторжение в мою личную жизнь я воспринимаю как вопиющую дерзость и тратить на это время позволить себе не могу. Вызванное им раздражение потом долго дает о себе знать — куда дольше, нежели длится само вторжение. А моя работа требует сосредоточенности и душевного спокойствия.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

Ниже приводятся выдержки из комментариев Толкина к черновику интервью с ним, что были отосланы Шарлотте и Денису Плиммерам. Отрывки, выделенные курсивом, являются цитатами из черновика.]

Тесный гараж, который служит ему рабочим кабинетом

Да позволено мне будет заметить, «кабинетом» он никогда не именовался, разве что на домашнем жаргоне: в дни более счастливые кабинетом я располагал. Гараж оборудовали на скорую руку, когда мне пришлось освободить свой кабинет в колледже и возникла необходимость складировать куда-нибудь все то, что я мог сохранить из моей библиотеки. Большинство ценных книг с тех пор оттуда убрали, так что самое важное, что там хранится, — это ряды аккуратных папок, которыми ведает моя секретарша, работающая на полставки. Только она и пользуется регулярно этим помещением. Я сам никаких книг там в жизни не писал…..

Мой теперешний дом и его местонахождение навязаны мне силою обстоятельств: мне даже из меблировки мало что нравится. Мне здесь страшно неудобно; но о хаосе переезда и перемещения моего имущества нечего и задумываться до тех пор, пока я не выполню обусловленную договором работу. Когда и если я это сделаю, ежели я к тому времени еще буду в добром здравии, я надеюсь уехать далеко-далеко, так, чтобы новый мой адрес не появлялся ни в каких справочниках.

Если вы задаетесь вопросом, отчего я принял вас, учтивую, очаровательную пару, в этакой дыре, позвольте мне объяснить, что в моем доме нет общей гостиной; есть лишь гостиная моей жены, заставленная ее личными вещами. В «Нью-Йоркере» эта гостиная была описана крайне пренебрежительно (одним из наших визитеров)[442]; и, когда статью процитировали лондонские газеты, мы с женой стали объектом насмешек (и, что еще хуже, соболезнований). С тех пор она отказывается пускать к себе в комнату кого бы то ни было, кроме самых близких друзей. Сам я точно никого не пущу (и уж конечно, не фотографа) в свою «жилую комнату», где в обществе книг, которыми я

действительно пользуюсь, и папок с неопубликованными материалами, я по большей части провожу дни, когда я дома; там-то я и пишу, насколько время позволяет.

Толкин, высокий, крепко сложенный

На самом деле, я невысок, и сложения отнюдь не крепкого. Сейчас во мне росту 5 футов 8 ½ дюйма; сложения я крайне хрупкого, с характерно небольшими кистями рук. Большую часть жизни я отличался исключительной худобой и малым весом. А уже после пятидесяти обзавелся «животиком». Так оно частенько случается с теми, кто играл в спортивные игры и занимался плаванием, когда возможностей к тому не остается.

Толкин дал почитать «Хоббита» нескольким оксфордским друзьям. Одна из них, мать — настоятельница общежития для девушек, одолжила рукопись студентке, Сьюзен Дагналл….

Мать-настоятельница стояла во главе монастыря (ордена Святого Младенца) в Черуэлл-Эдж, что, помимо прочих своих функций, содержал общежитие для девушек-студенток. Но, насколько мне известно, история была такова: мисс М. Э. Гриффитс (ныне одна из старейших членов английского факультета) начинала работать тьютором по английскому языку; до того она была моей ученицей и оставалась другом семьи. Я одолжил ей машинописный текст «Хоббита». Она одолжила его Сьюзен Дагналл, своей ученице, жившей в общежитии[443]. Сьюзен одолжила его матери-настоятельнице, чтобы ее развлечь: та как раз поправлялась после гриппа. Насколько этот текст развлек настоятельницу, я не знаю; так что она — своего рода тупик в его путешествии. В обоих случаях — и матери-настоятельнице, и Сьюзен Дагналл — рукопись одалживалась без моего ведома[444], я вообще не придавал ей значения, однако тем самым были заложены основы моего успеха, поскольку так я познакомился с «Аллен энд Анвин». Мне всегда незаслуженно везло в главном. Печально, что мисс Дагналл, которой я в итоге стольким обязан, если не ошибаюсь, погибла в автокатастрофе вскорости после своей свадьбы.

[«Сильмариллион»] был отклонен [издательством «Аллен энд Анвин»] за то, что слишком мрачен и в нем слишком много кельтского.

Рецензенты издательства «Аллен энд Анвин» были абсолютно правы, отклонив его; не за то (я надеюсь), что, по их выражению, «он слишком мрачен и в нем слишком много кельтского на вкус современного англосакса»; поскольку этот свой характер, столь неверно описанный, он сохранил, равно как и «Властелин Колец» по большей части; но потому, что его требовалось переписать и получше обдумать. По большей части он представлял собою

сочинения совсем ранние, восходящие еще к 1916 г., а зарождалось все это куда раньше.

Средиземье возникло из пристрастия Толкина к созданию языков….

Упоминание об «изобретении Языка», как мне кажется, вышло несколько путаным. Я сам виноват, что упомянул мимоходом о сложных материях и личных теориях, о которых вообще лучше не заводить речи, если не излагаешь их подробнее, нежели оно уместно (или интересно) в подобной статье. Вообще-то данный вопрос к делу особенно не относится: придумывание языков для забавы — распространенное явление среди детей (я некогда написал об этом статью, под названием «Тайный порок»), так что в этом отношении я не исключение. Процесс порою перетекает и во взрослую жизнь, но только тогда обычно держится в секрете; хотя слышал я о случаях, когда такого рода язык{То есть язык, который придумывается в первую очередь удовольствия ради. Я не говорю о всевозможных видах слэнга, блатных языках, воровском арго, Notwelsch [Тарабарщина, галиматья (*нем.*). — С. Л.] и тому подобном. — *Прим. авт.*} использовался целой группой (например, в псевдорелигиозном обряде).

В вашем абзаце есть недостающее звено, для сути более важное (как мне кажется), чем то, что я сказал или должен был бы сказать, о «придумывании». А именно: как лингвистические построения приводят к вымышленной истории? Так что, думаю, этот отрывок станет понятнее, если написать примерно так: «Вымышленные истории возникли из пристрастия Толкина к придумыванию языков. Он обнаружил, подобно многим другим, кто доводит такого рода «придумки» до некоторой степени завершенности, что языку требуется подходящее обиталище и история, в рамках которой он мог бы развиваться».

«Придумывая язык, — говорит он, — вы более или менее ловите его из ниоткуда, из воздуха. Вы произносите: «бу-у», и это что-то значит».

Конечно же, я уже не помню в точности, что именно я сказал, но то, что здесь написано, кажется мне странным, поскольку я не верю, чтобы я намеренно стал бы говорить вещи, противоречащие моим продуманным убеждениям. Я насчитаю, что придумщик ловит шумы из воздуха. Если это и прозвучало, то лишь как разговорное «упрощение», возможно, понятное в контексте беседы, но не в обезличенном печатном тексте: имелось в виду, что он артикулирует некую последовательность звуков *наугад* (насколько сам он сознает), но при этом, конечно же, звукосочетание обусловлено его лингвистическим «багажом» и

бесчисленными нитями связано с другими похоже звучащими «словами» в его собственном языке и любых других, ему известных. И даже так, скажи он «бу-у», это ничего не будет значить. Никакие голосовые шумы ничего не значат сами по себе. Смысл в них вкладывает человеческое сознание{Пример тому — мой «хоббит». Отсюда явствует, сколь специфична подобная атрибуция в каждом отдельно взятом случае (зачастую она не ясна даже самому производителю «шумов», а другим ее и вовсе не отследить). Если бы я приписывал смысл восклицанию «бу-у», в данном случае на меня бы повлияли не слова, содержащие элемент *bū*, из многих других европейских языков, но рассказ лорда Дансени (прочитанный много лет назад) про двух идолов, установленных в одном и том же храме, по имени Чу-Бу и Шимиш. Если бы я когда-либо и воспользовался этим «бу-у», так в качестве имени для какого-нибудь нелепого, тучного, самодовольного персонажа, мифологического или человеческого. — *Прим. авт.*}. Порою это происходит невзначай, зачастую по случайной (нелингвистической) ассоциации; или в силу ощущения «фонетической адекватности» и/или в силу индивидуальных предпочтений определенных фонетических элементов или комбинаций. Последнее, естественно, наиболее очевидно в личных придуманных языках, поскольку такова одна из их главных целей, осознанных или нет: реализовать эти пристрастия. Именно эти предпочтения, отражающие врожденный лингвистический вкус индивидуума, я и называю его «родным языком», хотя «врожденный лингвистический потенциал» звучало бы точнее, поскольку реализуется он нечасто, даже в модификациях «первоусвоенного» языка, языка его родителей и страны.

Средиземье…. по духу соответствует нордической Европе.

Только не «нордической», пожалуйста! Я лично терпеть не могу это слово: оно, хотя и французского происхождения, вызывает ассоциации с расистскими теориями. С точки зрения географии «северный» обычно уместнее. Но внимательное рассмотрение покажет, что даже этот эпитет к «Средиземью» неприменим (будь то в географическом смысле или по духу). Это древнее слово, и не я его выдумал, что подтвердит обращение к словарю, такому, как «Краткий Оксфордский». Это слово означает обитаемые земли нашего мира, расположенные посреди Океана. Местом действия для истории служит северо-запад «Средиземья», — примерно на той же широте, что побережья Европы и северные берега Средиземного моря. Но это ни в каком смысле не чисто «нордическая» область. Если Хоббитон и Ривенделл расположены (как предполагается) приблизительно на

широте Оксфорда, тогда Минас Тирит, шестьюстами милями южнее, находится примерно на широте Флоренции. А устья Андуина и Древний город Пеларгир — приблизительно на широте древней Трои.

Оден утверждал, что для меня «Север — это священное направление». Это неправда. Северо-западу Европы, где довелось жить мне (и большинству моих предков), принадлежит моя любовь — ведь всякий человек привязан к своему дому. Я люблю его атмосферу, я знаю больше о его истории и языках, нежели о любых других частях света; но ничего «священного» в этой области нет, и ею мои привязанности не исчерпываются. Так, например, я питаю особую любовь к латыни, а среди происходящих от нее языков — к испанскому. В отношении моей истории это и впрямь неправда; достаточно лишь прочесть краткое содержание, чтобы это понять. На Севере высились крепости Дьявола. Развитие сюжета завершается финалом, куда больше похожим на фактическое восстановление Священной Римской империи с престолом в Риме, нежели на все, что только способен выдумать «представитель нордической расы».

О комментариях К. С. Льюиса на книгу «Властелин Колец»:

«Когда он, бывало, говаривал: «Ты умеешь и лучше. Лучше, Толкин, пожалуйста!» — я всегда пытался сделать лучше. Я садился за стол и переписывал эпизод снова и снова. Так вышло со сценой, которую я считаю лучшей во всей книге: со столкновением между Гандальвом и его соперником-магом, Саруманом, в разрушенном городе Айзенгарде».

Я не считаю отрывок про Сарумана «лучшим во всей книге». Он заметно лучше первого варианта, вот и все. Я упомянул про этот отрывок только потому, что, на самом деле, это — одно из очень немногих мест, где я в итоге счел подробные критические замечания Льюиса полезными и справедливыми. Я вырезал несколько отрывков с легкомысленной хоб-битской болтовней, которую Льюис счел занудством, рассудив, что раз уж Льюису так кажется, большинство читателей (если таковые случатся) тоже заскучают. Кажется, в результате правота его не подтвердилась. По чести говоря, хоббитов он на самом деле никогда не жаловал, и менее всего — Мерри с Пиппином. Однако многим читателям они по душе, и те хотели бы, чтобы про них было написано побольше. (Если вам интересно, отрывки, что сейчас трогают меня больше всего — они написаны так давно, что теперь я их перечитываю, как если бы сочинил их кто-то другой, — это конец главы «Лотлориэн» (1365-7), и рога Рохиррим на утренней заре).

Его любовь к нордическим языкам объясняется наличием у него предков из Германии, что переселились в Англию два века назад.

Это полностью противоречит истине. Не к «нордическим»: такого лингвистического термина не существует. Общепринятый термин для того, что, по всей видимости, подразумевается, — это «германский». Но моя любовь к германским языкам никаким объяснимым образом не связана с историей моей фамилии. Спустя 150 (теперь уже 200) лет мой отец и его ближайшая родня были «британцами до мозга костей». Никто из них и никто из других представителей той же фамилии, с которыми я впоследствии познакомился, не выказывали ни малейшего интереса к лингвистике и не знали даже современного немецкого. Своим интересам к языкам я обязан исключительно матери, урожденной Саффилд (это семейство родом из Ившема, что в Вустершире). Она знала немецкий и дала мне первые уроки. Кроме того, она интересовалась этимологией и пробудила во мне интерес к ней; занимали ее также алфавиты и каллиграфия. Мой отец умер в Южной Африке в 1896 г. Она умерла в 1904 г. За два года до ее смерти я, при том, что учила меня она одна{Всему, кроме геометрии; геометрию мне преподавала ее сестра. Это была та самая те тушка, которую в последние ее годы жизни я развлек и порадовал, сочиняя и составляя «Приключения Тома Бомбадила» и консультируясь с нею насчет книги, ею заказанной. Она умерла на 92-м году жизни вскорости после публикации книги[445]. — *Прим. авт.*}, получил стипендию в бирмингемской школе короля Эдуарда VI.

Данте…. «мне не нравится. Он исполнен злобы и ненависти. Мне дела нет до его мелочных разборок с мелкими людишками в мелких городишках».

Мой отзыв о Данте просто возмутителен. Я всерьез и не помышляю сравниться с Данте, этим непревзойденным поэтом. Некогда мы с Льюисом читали его друг другу. Какое-то время я состоял в оксфордском «Обществе Данте» (сдается мне, с подачи Льюиса, который изрядно переоценивал мои познания относительно Данте или итальянского в целом). Правда и то, однако, что упомянутая мною «мелочность» местами казалась мне прискорбным изъяном.

«Сейчас я читаю совсем мало, если не считать волшебных сказок».

Вместо «если не считать» поставьте «даже». Вообще-то читаю я много — или, точнее, пытаюсь читать многие книги (особенно так называемые научную фантастику и фэнтези). Но нечасто случается современной книге завладеть моим вниманием{Хотя есть и исключения. Я прочел все написанное Э. Р. Эддисоном,

невзирая на его исключительно скверную систему имен и личную философию. Меня изрядно захватила книга, что (если не ошибаюсь) заняла второе место, когда «Властелин Колец» отыграл Премию Фэнтези[446]: «Смерть травы»[447]. Мне очень нравится научная фантастика Айзека Азимова. Кроме того, я недавно здорово увлекся книгами Мэри Рено; особенно теми двумя, что про Тезея, «Царь должен умереть» и «Бык из моря». Пару дней назад я даже получил от нее вое торженную открытку: из всей «фэн-почты» эта, пожалуй, доставила мне наибольшее удовольствие. — *Прим. авт.*}. Наверное, потому, что меня давит «изнутри» необходимость закончить собственную свою работу — и еще в силу названной [в интервью] причины: «Я ищу то, чего никак не могу отыскать».

«Я всегда искал чего-то, чего никак не могу отыскать….. Что-то похожее на то, что написал сам. Сам себя не похвалишь, никто не похвалит, верно?»

Приношу извинения за то, что говорил, якобы, из тщеславия. На самом деле эта реплика подсказана смирением, и в моем случае, и в случае Льюиса. Смирением дилетантов в мире великих писателей. Однажды Л. сказал мне: «Толлерс, уж больно мало на свете того, что мы на самом деле любим в историях. Боюсь, придется нам попытаться самим что-нибудь написать». Мы договорились, что он возьмется за «путешествие в пространстве», а я за «путешествие во времени». Результат его трудов хорошо известен. Мои усилия, после нескольких многообещающих глав, иссякли: уж слишком долог оказался кружной путь к тому, что мне хотелось создать на самом деле, а именно, к новой версии легенды об Атлантиде. Заключительная сцена сохранилась как «Низвержение Нуменора»[448]. Льюис этим текстом очень увлекся (воспринятым *со слуха*); так что ссылки на него встречаются кое-где и в собственных его сочинениях: напр. «Последнее вино» в его стихотворениях («Стихотворения», 1964, стр.40). Ни один из нас, дилетантов, особого успеха не ждал; и, собственно говоря, опубликовать «За пределы безмолвной планеты» Льюису оказалось непросто. И после всего, что произошло с тех пор, самым продолжительным удовольствием и наградой для нас обоих стало то, что мы снабжали друг друга историями для чтения или прослушивания, которые нам в самом деле нравились, — *по большей* части. Естественно, обоим нам в сочинениях друг друга нравилось отнюдь не все.

Толкин… числится среди «главных участников проекта» работы над недавно переведенной «Иерусалимской Библией»{Перевод Библии для католиков с латинского на современный английский язык, издан в 1966 г. и назван так по

месту перевода}.

Назвать меня в числе «главных участников проекта» со стороны редактора «Иерусалимской Библии» было любезностью, мною никоим образом не заслуженной. У меня проконсультировались насчет одной-двух подробностей стиля, и я высказал замечания по поводу нескольких чужих текстов. Изначально мне выдали на перевод большое количество текста, но, закончив необходимую предварительную подготовку, я был вынужден отказаться в силу другой срочной работы и закончил только «Иону»{Книга пророка Ионы.}, одну из самых коротких книг.

295 К У. Х. Одену

В своем письме Оден расхвалил стихотворение на англосаксонском, что Толкин написал для журнала «Шенандоа» (с приложением перевода на современный английский) как свой вклад в *festschrift* в честь шестидесятилетия Одена. (Стихотворение было опубликовано в зимнем выпуске от 1967 г. (т. XVIII № 2, стр. 96–97). Оден также выразил свое восхищение стихотворением Толкина «Колокол моря» («Сон Фродо»), назвав его «изумительным».

29 марта 1967
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой Уистан!

Твое письмо меня порадовало не меньше. Пришло оно очень скоро (в Страстную пятницу) и здорово подняло мне настроение, поскольку с той же почтой я получил крайне удручающее письмо[449]. Меня подбодрило не только то, что ты остался доволен стихотворением на древнеанглийском (мне показалось, оно вполне уместно), но и твоя похвала в адрес «Сна Фродо». Я просто хвостиком завилял от восторга. Надеюсь на скорую встречу.

Неизменно твой, [На копии под копирку подпись отсутствует.]

P. S. Огромное спасибо за ваш великолепный перевод и переложение «Прорицания вельвы»[450]. Опять же взамен надеюсь послать тебе, если только сумею найти (надеюсь, она не пропала бесследно) одну вещицу, написанную мною много лет назад, когда я пытался освоить искусство аллитерационной поэзии: попытка свести воедино все песни о Вельсунгах из «Старшей Эдды», написанные древними восьмистрочными строфами в размере форнюрдислаг[451].

296 К Рейнеру Анвину

21 июля 1967
Борнмут, отель «Мирамар»

Дорогой мой Рейнер!

Глубоко вам признателен за ваше ко мне участие в среду, равно как и за то, что вы взяли на себя труд позаботиться обо мне и моих делах. Перед тем как распрощаться, я заметил, что виду вас крайне усталый (и немудрено). Мне необыкновенно повезло, что у меня есть такой друг, как вы. Мне представляется, если можно так сказать, что наши с вами отношения подобны тем, что связывали Рохан и Гондор, и (как вы знаете) с моей стороны клятва Эорла вовеки не будет нарушена, я стану и впредь с признательностью полагаться на мудрость и учтивость Минас Тирита. Спасибо вам огромное…..

Неизменно Ваш, РОНАЛЬД ТОЛКИН.

297 Черновики письма к «мистеру Рангу»

Сверху Толкин приписал: «Размышления при подготовке ответа на письмо от некоего мистера Ранга касательно исследований моей системы имен. В итоге был отослан лишь краткий (и потому довольно нелюбезный) ответ, но эти заметки я сохранил». Толкин добавил и дату: «авг. 1967».

Мне лестно сознавать, что многие читатели проявляют интерес к системе имен «Властелина Колец»; кроме того, меня это радует, поскольку подтверждает, что данная структура, плод немалых размышлений и трудов, обрела (как я и надеялся) правдоподобие, по-видимому, укрепляющее «литературную веру» в это повествование как в историческое. И тем не менее меня озадачивают и порою даже раздражают многие догадки по поводу «источников» имен и теории или фантазии касательно скрытых смыслов. Все это кажется мне забавами для собственного удовольствия, не более, и возражать против них я не имею ни права, ни возможности, хотя развлечения эти, сдается мне, совершенно бесполезны для разъяснения или интерпретации моих произведений. В случае публикации{Напр., в абсурдной статье Дж. С. Райан. — *Прим. авт.*} я против них категорически возражаю, когда (как это обычно и бывает) они кажутся неаутентичным приукрашиванием моего труда, проливающим свет лишь на умонастроения их сочинителей, ноне на меня и не на мой замысел и метод как таковые. Многие из них явно демонстрируют невежество или пренебрежение в том, что касается подсказок и сведений, содержащихся в примечаниях, пересказах и Приложениях. Кроме того, поскольку лингвистические построения, как искусство (или забава), сравнительно редки, пожалуй, неудивительно, что эти люди так плохо понимают, как именно подходит к данному процессу филолог.

Необходимо подчеркнуть, что этот процесс придумывания был/остается личной затеей, предпринятой для того, чтобы доставить удовольствие себе самому, выразив свою персональную лингвистическую «эстетику» или вкус и его вариации. Все это по большей части предшествовало сочинению легенд и «исторических хроник», в которых возможно было «реализовать» языки; основная часть имен и названий сконструирована из этих

ранее существовавших языков, и там, где получившиеся названия имеют поддающийся расшифровке смысл (как в большинстве случаев), этот смысл имеет отношение исключительно к сюжету, в который названия включены. Из «первоисточника», если таковой и есть, заимствована лишь последовательность звуков (или мысль о том, чем она подсказана), и их функция в *первоисточнике* не играет абсолютно никакой роли, разве что в случае с Эарендилем; см. ниже.

Создается впечатление, что исследователи повсеместно закрывают глаза на этот основополагающий принцип, при том, что в книге и в Приложениях содержится достаточно свидетельств «лингвистических построений». Должно быть очевидно, что, если на *квенья* и *синдарине*можно сочинять стихотворные отрывки, эти языки (*и* их взаимоотношения друг с другом) наверняка достигли довольно высокой степени организации — хотя, конечно же, далеки от завершенности, как в отношении словаря, так и идиоматики. Потому бессмысленно сравнивать случайные совпадения между именами, составленными на материале «эльфийских языков», и словами из языков внешних, «настоящих», особенно если предполагается, что это как-то влияет на смысл или идеи моей книги. Взять, например, случай весьма частый: нет никакой лингвистической связи, а значит, и никакой смысловой связи между именем «Саурон», современной формой более древнего **θaurond-*, производного от адъективного *θurā* — (от основы √*THAW*), «отвратительный», и греческим **σα**ύρ**α**, «ящерица».

И в самом деле: похоже на то, что исследователи особенно склонны смешивать (а) значение имен и названий *внутри* моей истории, ей всецело соответствующее и принадлежащее вымышленному «историческому» построению, и (б) происхождение или источники форм этих названий в моем сознании, для истории *внешние*. Что до (а), здесь им, конечно же, предоставлено достаточно сведений, хотя они зачастую игнорируют то, что есть. Мне очень жаль, но, пока я жив, замены мне нет и быть не может. Я составил комментарии насчет номенклатуры в помощь *переводчикам*[452]; но цель их в первую очередь — указать, какие слова и названия можно и должно переводить на Я(зык) П(еревода), который принимает на себя функцию английского в передаче В(сеобщего) н(аречия) данного периода; при этом подразумевается, что имена и названия не на современном английском и не происходящие из него необходимо сохранять в переводе как есть, не меняя, поскольку они чужды и исходному В.н., и ЯП. Очень желателен был бы *ономастический словарь*, что включал бы в себя значения и этимологии всех имен

и названий, с указанием, к каким языкам они принадлежат. В придачу, кое-кого заинтересовала бы, а меня бы порадовала, историческая грамматика *квенья* и *синдарина*, и сравнительно обширный этимологический словарь этих языков, разумеется, далекий от «завершенности», но не сводящийся только к тем словам, что встречаются в книге. Однако я не намерен браться за эти проекты до тех пор, пока не доработаю свою мифологию и легенды. А между тем, необходимость разбираться «по частям» с чужими догадками и интерпретациями этой работе только мешает и ее всячески тормозит…..

В качестве образчика строгой критики, я откомментирую несколько ваших отдельных вопросов и догадок. *Теоден* и *Гимли*. Причина для использования «англосаксонского» в номенклатуре и в отдельных образчиках языка *эорлингов* — как приема «перевода» — приводится в Приложении F. Из коего следует, что «англосаксонский» — не то чтобы «плодородная почва», но единственная{Возможно, за исключением имени (короля) *Грам*. Это, разумеется, подлинное англосаксонское слово, но в сохранившихся письменных древнеанглийских источниках (в отличие от древнеисландского) как существительное = «воин или король» не встречается. Однако некоторое влияние северного языка языка на язык *эорлингов* после того, как они перебрались на север, вполне вероятно. На самом деле, аналогично наблюдаются явственные следы влияния друг на друга (поэтического) языка древних скандинавов и англосаксов. — *Прим. авт.*} почва, в которой следует выискивать происхождение и значение слов или имен, принадлежащих к наречию Марки; а также и то, что а.-с. *не будет* источником слов и названий для любого другого языка{Единственное (однако крайне важное) исключение — это Эарендиль. См. ниже. — *Прим. авт.*} — за исключением нескольких (все они объяснены), сохранившихся в хоббитском диалекте, восходящем к области (долина Андуина непосредственно к северу от Лориэна), где диалект северян приобрел свой специфический характер. Сюда же можно добавить имена «Деагол» и «Смеагол»; и местные названия «Ирисная река» [Gladden River — С. Л.] и «Ирисная низина» [Gladden Fields — С. Л.], содержащие а.-с. элемент *glaedene*, «ирис», под которым в моей книге подразумевается «касатик желтый», что растет в ручьях и на болотах, т. е. *iris pseudacorus*, а не *iris foetidissima*, который в совр. англ. обычно называют *gladdon* (sic), по крайней мере, ботаники. За пределами этой весьма ограниченной сферы отсылки к англосаксонскому являются заблуждением{Слово «варг», использованное в «Хоббите» и в «В. К.» для обозначения злобного племени (демонических) волков специфически

англосаксонским не считается; оно дано в прагерманской форме, представляющей собою существительное для обозначения этих тварей, распространенное среди северян. Похоже, оно «вошло в моду»: в «Орбит» 2, стр. 119 оно используется не как слово чужой страны, но в официальном сообщении с Земли к исследователю космоса. Автор произведения — один из читателей «В. К». — *Прим. авт.*}.

Как сказано в Приложениях, «внешние», общедоступные имена северных гномов были заимствованы из языка людей Дальнего Севера, но *не* того варианта, что представлен англосаксонским, и в результате обрели скандинавскую форму, как приблизительные эквиваленты родства *и* расхождения современных языков. Англосаксонский насчет *Гимли* ниче-го не скажет. Собственно говоря, слово из поэтической лексики *gim* в архаичном древнеисландском стихе, скорее всего, не является родственным *gimm* (раннее заимствование <лат. *gemma*) «драгоценный камень», хотя, возможно, позже с ним и ассоциировалось; означало оно, по всей видимости, «огонь».

«Леголас» переводится как «Зеленый Лист» (II 106,154), вполне подходящее имя для Лесного эльфа, пусть даже из королевского и изначально синдарского рода. «Огненные власы» здесь абсолютно неуместны: он же не *балрог*! Сдается мне, исследователь, не введенный в заблуждение моим предполагаемым пристрастием к англосаксонскому, мог бы и отследить связь между элементом — *lasn lassi* («листья») в плаче Галадриэли, *lasse-lanta* («листопад») = осень, III 386; и *Эрин Ласгален* III 375. «Технически» Леголас — это сложное слово, составленное (согласно правилам) из синд. *laeg* («viridis»{Зеленый, молодой, свежий (*лат.*)}, «зеленый и свежий»), и *go-lass*, «совокупность листьев, листва».

Рохан. Не могу понять, с какой стати название страны (заявленное как эльфийское) должно ассоциироваться с чем-то германским; и тем более — с очень отдаленно схожим древнеисландским *rann* («дом»), каковое, к слову сказать, вообще неуместно по отношению к все еще не вполне оседлому, полукочевому народу коневодов! В их языке (как он представлен) *rann* в любом случае приняло бы англосаксонскую форму *гжп* (<*гжпп* <*гжzп* <*razn*; ср. готское *razn*, «дом»). Название страны со всей очевидностью невозможно отделить от синдарского названия для эорлингов: «рохир-рим». Утверждается (III 391, 394), что «Рохан» [Rohan. — С. Л.] — более поздняя, фонетически ослабленная форма названия *Rochand*. Оно восходит к эльфийскому **rokkō* «быстрый конь для верховой езды» (кв. *rokko*, синд. *roch*) + суффикс, часто встречающийся в названиях земель.

«Рохир-рим» [Rohirrim — С. Л.] — сходным образом фонетически ослабленная форма *roch+ hor* «лорд, владыка», + *rim* (кв. *rimbe*) «воинство».

Назгул. Абсолютно не вижу, с какой бы стати слову из Черного наречия иметь хоть какое-то отношение к а.-с. Означает оно «Кольцепризрак», и элемент *nazg*, конечно же, со всей очевидностью идентичен слову *nazg* («кольцо») в огненной надписи на Едином Кольце. Я не знаю никакого др. — англ. сложного слова *gael-naes*, но в любом случае автор, занятый лингвистическими построениями на рациональной основе, уж конечно, не станет усугублять нехватку изобретательности, меняя местами элементы слова из совершенно чуждого языка, при том, что по смыслу слово никак сюда не подходит!

Мория. Ваши замечания заставляют меня заподозрить, что вы путаете «Морию» и «Мордор»: второе — бесплодный край, а первая — великолепный комплекс подземных пещер. Что до *Мории*, вам было сказано, что значит это название (III 415); было сказано и о том, что оно — эльфийское (точнее, синдарское) = Черная Бездна. Разве не очевидно, что в нем содержится √*MOR* («темный, черный»), который наличествует также в словах «Мордор», «Моргот», «Мораннон», «Моргул» и т. д. (технически √*MOR: *mori* «тьма» = кв. *more*, синд. *mφr*, прилаг. **mornā* = кв. *morna*, синд. *morn* «темный»). Элемент *ia* — от синд. *iв* «пропасть, бездна» (√*YAG: *yagā* > синд. *iв*).

Что до «земли Мориа»{Быт. 22: 2.} (обратите внимание на ударение): она здесь совершенно ни при чем (даже «вне повествования»). А внутри повествования нет ровным счетом никакой мыслимой связи между копями гномов и историей Авраама. Я решительно отказываюсь признавать такого рода значения и символы. Моя голова работает иначе; и (на мой взгляд) вас ввело в заблуждение чистой воды случайное совпадение, более очевидное в написании, нежели в речи; и оправдать его исходя из подлинного, вложенного в мою историю смысла, никак нельзя.

Это приводит нас к вопросу о «внешней» истории: как именно я обнаружил или выбрал определенные последовательности звуков в качестве имен еще до того, как они обрели место в пределах повествования. На мой взгляд, как я уже говорил, это неважно: на изложение того, что я знаю и помню об этом процессе, и на догадки прочих, труда уйдет немало, а результаты того не стоят. Произнесенные слова оставались лишь просто-напросто набором звуков, а, будучи перенесены в подготовленную лингвистическую ситуацию моей истории, обретали смысл и значение в соответствии с ситуацией и с характером

рассказанной истории. Было бы абсолютным заблуждением обращаться к источникам звукосочетаний с целью обнаружить смысл, очевидный или сокрытый. Сам процесс я хорошо помню: помню влияние воспоминаний об именах и словах, уже известных, или «отголосков» в лингвистической памяти, и очень немногие из них оставались на подсознательном уровне. Так, имена гномов в, «Хоббите» (и добавочные в «В. К.») заимствованы из списков имен *dvergar*{Карлики (*др. — исл*).} в «Прорицании вельвы»; но никакого ключа к легендам о гномах в «В. К.» это не дает. «Гномы» моих легенд куда ближе к карликам{В данной фразе в первом случае — «dwarves» (используемая Толкином форма множественного числа), во втором — dwarfs (традиционное написание).} германских [преданий], нежели эльфы, и все же во многом от них заметно отличаются. Легенды об их взаимоотношениях с эльфами (и людьми) в «Сильмариллионе» и «В. К.», и о войнах между орками и гномами не имеют известных мне параллелей. В «Прорицании вельвы» «Эйкинскьяльди», в переводе «Дубощит» — это отдельное имя, а не прозвание; и в древнескандинавском мы не встретим ни этого имени, использованного в качестве прозвища, ни легенды о его происхождении. *Gandalfr* — это имя карлика в «Прорицании вельвы»!

Рохан — имя знаменитое, из Бретани, принадлежащее древнему, гордому и могущественному роду{В русском языке традиционно транслитерируется как «Роган».}. Я об этом знал; мне понравилась форма; однако я также (задолго до того) придумал эльфийское слово для обозначения коня и понял, что «Рохан» возможно приспособить к лингвистической ситуации как позднее синдарское название Марки (прежде называемой «Каленардон», «(великий) зеленый край») послетого, как эту область заселили коневоды. Никакие подробности истории Бретани не проливают света на эорлингов. Между прочим, окончание *— and (an), — end (en)* в названиях земель, вне всякого сомнения, отчасти возникло благодаря таким (романтическим и прочим) названиям, как «Броселианд» (*Broceliand(e)*, но при этом превосходно согласуется с уже разработанной структурой ранне(обще)эльфийского языка (о. э.), в противном случае я бы им не воспользовался. Элемент *(n)dor*, «земля», возможно, обязан чем-то, скажем, таким названиям, как «Лабрадор» (название, что вполне могло бы, по структуре и стилю, оказаться синдарским). Но никоим образом иебиблейскому «Аэндору»{По-английски это библейское название пишется как Endor; по-латыни — Aendor.}! Это — случай обратный, демонстрирующий, как «исследователи», не зная, что было на самом деле, могут пойти по ложному пути.

Название «Эндор», синд. «Эннор» (ср. собирательное сущ. мн.ч. «эннорат», I 250) было создано в качестве эльфийского эквивалента для слова «Средиземье» посредством соединения уже существующих *en(ed)* «середина» и *(n)dor* «земля (как континент, суша)», так что получилось предположительно древнее сложное слово: кв. «Эндор», синд. «Эннор». Составив его, я, конечно же, заметил случайное сходство с Аэндором (I Сам xxviii){I Цар. 28: 7. В западноевропейских переводах Библии две книги, соответствующие 1 и 2 «Книгам Царств» русского перевода названы именем Самуила, пророка и судьи израильтян, что славился своим благочестием.}; однако на самом деле совпадение здесь нечаянное, и волшебница-некромантка, с которой советовался Саул, не имеет никакого отношения к «В. К.» и для книги совершенно не важна. То же скажу и о «Мории». На самом деле «Мория» впервые возникла в «Хоббите», гл. 1. Там это был, как я помню, случайный «отголосок» «Замка Сория-Мория» одной из скандинавских сказок в переводе Дэйзента. (Сама сказка для меня интереса не представляла: я уже давно позабыл о ней и с тех пор в нее не заглядывал. Так что это — лишь источник звукосочетания «мория», что могло бы быть найдено или составлено где-то в другом месте). Звукосочетание мне понравилось: оно аллитерировало со словом «mines» (копи) и в моей лингвистической системе увязывалось с элементом MOR{К тому времени, как был написан «Хоббит», эта лингвистическая система развивалась на протяжении уже двадцати лет. Легенды прошлого, предшествующего «Хоббиту» и «В. К.», тоже по большей части сочинялись до 1935 г. — *Прим. авт.*}.

Могу упомянуть два случая, когда я не отдавал себе отчета в том, что «заимствую», хотя очень вероятно, однако никоим образом не бесспорно, что названия тем не менее являются «отголосками». *Эрех*, место, где Исильдур водрузил камень договора. Это слово, разумеется, соответствует стилю преимущественно синдарских имен и названий Гондора (в противном случае я бы его не использовал), как оно и получилось бы исторически, даже будь оно на самом деле, как сейчас очень удобно предположить, донуменорским названием, значение которого давно позабыто. Поскольку, как человек, интересующийся древностью, в особенности же историей языков и «письменности», я, естественно, знал и много чего прочел о Месопотамии, я наверняка помнил название этого древнейшего из городов, «Эрех». Тем не менее на момент написания «В. К.», Книги V, гл. II и IX (изначально неразрывное повествование, поделенное на части в силу очевидных композиционных соображений), когда я придумывал сюжетный ход, способный

объяснить расставание Арагорна с Гандальвом, его исчезновение и нежданное возвращение, на меня, наверное, куда сильнее повлиял важный элемент ER (на эльфийском) = «один, отдельный, одинокий». В любом случае тот факт, что «Эрех» — название известное, применительно к «В. К.» не имеет ни малейшего значения; и в моем сознании Месопотамия и нуменорцы или их предки никоим образом не связаны; ни о чем подобном я и не помышлял.

Назг: «кольцо» на Черном наречии. Это слово задумывалось как вокабула, отличная по стилю и фонетике от слов с тем же значением в эльфийском или в других настоящих, наиболее известных языках: в английском, в латыни, в греческом и т. д. И хотя совпадения как таковые (формы + смысла) встречаются и в реально существующих языках, родством не связанных, и, конструируя воображаемые языки из ограниченного числа составляющих звуков, невозможно избежать такого сходства (если попытаться — а я так и не пытаюсь), все равно примечательно, что *nasc* — это «кольцо» по-гэльски (в ирландском варианте; в шотландском оно обычно пишется как *nasg*). Оно также хорошо подходит по смыслу, поскольку означает, и, возм., означало изначально «связь, узы», и могло использоваться в значении «обязательство». Тем не менее я открыл для себя или, точнее, открыл снова его существование лишь недавно, отыскивая что-то в словаре гэльского языка. Как язык, гэльский мне абсолютно не нравится, начиная от древнеирландского и далее, но, конечно же, он представляет немалый исторический и филологический интерес, и на разных этапах жизни я его изучал. (Увы! — без особого успеха.) Так что очень вероятно, что *nasg* действительно заимствовано из него; короткое, жесткое и четкое слово, выделяющееся в этом (на взгляд предвзятого чужака) кашеобразном языке, застряло в одном из уголков моей лингвистической памяти.

Самое важное имя в этой связи — *Эарендиль*. Это имя на самом деле (что очевидно) восходит к а-с. *йarendel*. Когда я впервые начал изучать а.-с. профессионально (1913—) — было у меня такое мальчишеское хобби, в то время, как мне полагалось заниматься греческим и латынью, — я был поражен исключительной красотой этого слова (или имени), всецело соответствующего обычному стилю англосаксонского — но благозвучного до необычайной степени в этом приятном для слуха, но не «усладительном» языке. Кроме того, его форма явственно наводит на мысль о том, что по происхождению это имя собственное, а не нарицательное. Это предположение подкрепляется наличием отчетливо родственных форм в других

германских языках; на основе которых среди неразберихи и «снижения» более поздних версий по меньшей мере представляется очевидным, что слово это принадлежало к астрономическому мифу и являлось названием звезды или группы звезд. На мой взгляд, из словоупотребления в а.-с.{В самой ранней зафиксированной а-с форме это *earendil* (*oer-*), позже *earendel, eorendel*. По большей части в глоссах на *jubar = leoma*; также на *aurora*. Но также и в «Блик[лингских] проп[оведях]» 163: «se rhwa йorendel» [«сей новый Эорендель». — С. Л.] прим. к святому Иоанну Крестителю; и в особенности в поэме «Христос» 104: «йala! йarendel engla beorhtast ofer middangeard monnum sended» [«Привет тебе, Эарендель, светлейший из ангелов, по сланный к людям над Срединным миром». — С. Л.]. Зачастую предполагается, что речь идет о Христе (или Марии), однако сравнение с «Бл. пр.» наводит на мысль о том, что здесь подразумевается Креститель. В этих строках говорится о *вестнике* и божественном посланце, со всей очевидностью это не «sopfaesta sunnan leoma» [«Истинный свет солнца. — С. Л.] = Христос. — *Прим. авт.*} явственно следует, что это была звезда, предвещающая рассвет (по крайней мере, в английской традиции): та, которую мы сегодня называем «Венерой»: утренняя звезда, что ярко сияет на рассвете, перед тем, как встает солнце. Так, во всяком случае, я это воспринял. Еще до 1914 г. я написал «стихотворение» об Эаренделе, который вывел свой корабль, точно яркую искру, из гаваней Солнца. Я включил его в свою мифологию — в пределах которой он стал главным действующим лицом — как морехода и, в итоге, как звезда-знамение, знак надежды людям. «Айя Эарендиль эленион анкалима» (II 329), «Привет тебе, Эарендиль, ярчайшая из Звезд», восходит в изрядном отдалении, к «Йala Йarendel engla beorhtast». Но имя нельзя так вот просто взять да и использовать: его необходимо было приспособить к эльфийской лингвистической ситуации, в то же время, как для данного персонажа отводилось место в легенде. Отсюда давным-давно, на заре истории «эльфийского языка», что как раз на момент заимствования имени начала, после многих пробных попыток в отрочестве, обретать определенные очертания, со временем возникли (а) о. э. основа *AYAR «Море»{Кв. ëar, синд. *aear* (см. I, 250). — *Прим. авт.*}, изначально употребляемая по отношению к Великому Западному морю, что разделяло Средиземье и *Аман*, Благословенное Королевство Валар; и (б) элемент или глагольная основа (N)DIL, «любить, быть преданным кому-то/чему-то» — описывающая отношение к человеку, вещи, делу или занятию, которым человек предан бескорыстно, ради них самих{Это —

ключ ко многим другим эльфийским кв. именам, таким, как *Элендиль* «Друг эльфов» (*eled* + *ndil*), *Валандиль, Мардиль* Достойный Наместник (преданный Дому, т. е. Королям), *Менельдиль* «звездочет» и т. д. Примерно тем же значением в именах обладает элемент — *(n)dur*, хотя, строго говоря, он означает «служить», так, как служат законному господину: ср. кв. *arandil* (друг короля, «роялист») и *arandur* (слуга короля, министр). Но зачастую эти два значения совпадают: напр., отношение Сэма к Фродо может восприниматься и так, и так: по статусу — *ndur*, по духу — *ndil*. Сравните варианты имен: *Эарендур* «(профессиональный) мореход». — *Прим. авт.*}. *Эарендиль* стал персонажем самой ранней (1916–1917) из записанных основных легенд, «Падение Гондолина», величайшим из *перэльдар* («полуэльфов»), сыном *Туора* из славнейшего Дома эдайн и *Идриль*, дочери короля Гондолина. Улмо, один из могущественнейших *Валар*, владыка морей и вод, явился Туору и отослал его в Гондолин. Явление Улмо заронило в сердце Туора неутолимую тоску по морю, именно поэтому он выбрал такое имя для сына, унаследовавшего эту тоску. Касательно связи этой легенды с другими основными преданиями: о создании Сильмарилей Фэанором, о том, как Моргот захватил их силой, и о том, как один лишь был добыт из его короны *Береном* и *Лутиэн*, и о том, как камень перешел в собственность Эарендиля и его плавания на запад наконец-то увенчались успехом, см. I 204—6 и 246–249. *Эарендиль* предпринял попытку пересечь *Эар* вопреки Запрету Валар, не дозволяющему никому из людей пытаться ступить на землю *Амана*, и, вопреки более позднему, частному запрету, не дозволяющему эльфам-Изгнанникам, последователям мятежника Фэанора, возвратиться вспять, — о чем упоминается в плаче Галадриэли. Валар прислушались к мольбе *Эарендиля* от имени эльфов и людей (и те, и другие приходились ему родней) и выслали им на помощь огромное воинство. Моргот был низвергнут и выдворен из Мира (за пределы физической вселенной). Изгнанникам дозволили вернуться — всем, кроме лишь нескольких главных участников бунта, из которых во времена «В. К.» в живых оставалась одна *Галадриэль*.{На момент ее сетований в Лориэне она полагала, что запрету этому длиться вечно, до тех пор, пока существует Земля. Так что плач она завершает пожеланием или мольбой о том. чтобы Фродо, в виде особой милости, даровали возможность (очищения ради, но не в каче стве наказания) некоторое время пожить на *Эрессэа*, Одиноком острове, откуда виден *Аман*, хотя для нее путь оставался закрыт. (Земля Аман, после низвержения Нуменора, более не су ществовала на физическом плане «в пределах кругов

мира».) Мольба Галадриэль была услышана — но и для нее самой запрет был снят, в награду за помощь в борьбе против Саурона, и прежде всего за то, что она отвергла искушение и не взяла предложенного ей Кольца. Так что в финале мы видим, как она восходит на корабль. — *Прим. авт.*}. Однако *Эарендилю*, в чьих жилах текла и кровь людей тоже, было запрещено вновь ступить на Землю; он стал Звездой, сияющей светом Сильмариля, который заключал в себе последнее, что осталось от незамутненного света Рая: этот свет дарили Два Древа, пока Моргот не осквернил и не погубил их. Об этих легендах намеренно упомянуто в т. I, поскольку именно они являются основными в предыстории «В. К.»: в них идет речь об отношениях эльфов, людей и Валар (ангелических Хранителей), и именно они послужили бы главными связующими звеньями по отношению к событиям прошлого, если бы (как я тогда надеялся) вышел в свет «Сильмариллион».

Я обо всем об этом рассказываю, поскольку надеюсь, что для вас оно представляет некоторый интерес и в то же время объясняет, насколько тесно связаны лингвистические построения и развитие и конструирование легенд. А также, возможно, убеждает вас в том, что оглядываться по сторонам, выискивая более-менее похожие слова или имена на самом деле не слишком-то полезно даже в том, что касается источника звуков, не говоря уже об объяснении заложенных в них смыслов и значений. Если что-то и заимствуется (нечасто) — это всего лишь *звуки*, которые затем включаются в новую систему; и лишь, одном случае с *Эарендилем* ссылка на источник проливает некий свет на легенды или их «значение» — да и в этом случае света немного. От использования слова *ĭarendel* как англосаксонского христианского символа, в значении вестника восхода истинного Солнца в лице Христа, я абсолютно далек. Падение Людей — в прошлом и «за сценой»; Искупление людских грехов — в далеком будущем. Мы пребываем во времени, когда о Едином Господе, об Эру, ведомо лишь мудрым, однако обращаться к Нему напрямую возможно только для *Валар* или через них, хотя Его до сих пор вспоминают в молитвах (произносимых про себя) люди нуменорского происхождения.

Текст заканчивается кратким описанием религии нуменорцев.

298 К Уильяму Лютеру Уайту

Данное письмо было напечатано, по всей видимости, без разрешения, вместе с адресом Толкина и домашним номером телефона в самом начале, в книге Уайта «Образ человека у К. С.Льюиса» (1969).

Оксфорд 61639
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

11 сентября 1967

Уважаемый мистер Уайт!

Я могу вкратце рассказать вам о названии «Инклинги»: по памяти. У «Инклингов» не было своего летописца, и К. С. Льюис — отнюдь не Босуэлл{Босуэлл, Джеймс (1740–1795) — английский писатель, друг и биограф лексикографа С. Джонсона; его имя стало нарицательным для обозначения восторженного автора мемуаров.}. Это слово придумал не К. С. Л. (и даже не я). По происхождению оно — не более чем студенческая шутка, сочиненная в качестве названия для литературного (или писательского) клуба. Основателем его стал студент Юниверсити-Колледжа по имени Тэнджи-Лин — дату я не помню: возможно, середина тридцатых. Он, как я понимаю, лучше других студентов сознавал преходящий характер студенческих клубов и мод и задался тщеславной целью создать клуб, который окажется более долговечным. Как бы то ни было, он пригласил в члены и нескольких «донов». Кандидатура К. С. Л. напрашивалась сама собою; кроме того, он, возможно, на тот момент являлся тьютором Тэнджи-Лина (К. С. Л. был членом Юниверсити-Колледжа). В конце концов членами клуба стали мы с К. С. Л. оба. Клуб собирался в комнатах Т.-Л. в Юниверсити-Колледже; его деятельность сводилась к тому, что на каждом заседании члены зачитывали вслух неопубликованные сочинения. Предполагалось, что эти тексты тут же подвергаются критическому разбору. Кроме того, если клуб считал нужным, путем голосования решалось, что данное произведение достойно занесения в Книгу Протоколов. (Я был секретарем и архивариусом.)

Тэнджи-Лин оказался совершенно прав. Клуб вскорости вымер; в Книге Протоколов записей было — раз, два и обчелся; но, по крайней мере, мы с К. С. Л. уцелели. А название клуба перешло (силами К. С. Л.) на неопределенный круг друзей, который складывался сам собою: они стекались к К. С. Л. и встречались в его комнатах в Модлине. И хотя у нас вошло в

привычку читать вслух сочинения самые разнородные (в том числе и по длине!), эта ассоциация и заведенный порядок все равно в ту пору возникли бы, вне зависимости от первоначального, скоропреходящего клуба. К. С. Л. обожал слушать, когда читают вслух, превосходно запоминал услышанное таким образом, а также обладал талантом к критике «экспромтом»; причем друзья его уступали ему и в первом, и во втором, и особенно в последнем.

Я назвал слово «Инклинги» «шуткой»: и в самом деле, этот не лишенный приятности, остроумный каламбур наводит на мысль о людях с довольно смутными понятиями и не до конца сформированными представлениями, которые в придачу еще и в чернилах возюкаются{Название «Инклинги» (*Inklings*) созвучно английскому слову *inkling* — намек, и *ink* — чернила.}. Возможно, К. С. Л. и подсказал его Тэнджи-Лину (если и впрямь был его тьютором); но я в жизни не слышал, чтобы К. С. Л. утверждал, будто сам придумал это название. Слово *«inkling»*, по крайней мере в нашей стране, широко употребляется в том смысле, в каком вы его цитируете по сочинениям К. С. Л. (Помню, в мои студенческие годы возник ненадолго один такой студенческий клуб под названием «Диск», причем название намекало на заседания за круглым столом и на глагол «дискутировать»: клуб был дискуссионным).

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

299 К Роджеру Лансли́ну Грину

Грин, старый друг Толкина, отрецензировал «Кузнеца из Большого Вуттона», опубликованного в октябре 1967 г. Он писал: «Выискивать смысл — все равно что вспороть мячик в попытке понять, отчего он прыгает».

12 декабря 1967
Сэндфилд-Роуд 76, Хедингтон, Оксфорд

Дорогой мой Роджер!

Наилучшие пожелания тебе и твоей семье! Спасибо за великодушнейший из отзывов (особ, за комментарий насчет выяснения, отчего прыгает мячик!) Хотя обошлись со мной куда любезнее, чем я ожидал. Но эта коротенькая повесть (уж разумеется!) для детей *не* предназначалась! Это — книга, написанная стариком, уже обремененным предчувствием «утраты». (Мне страшно неловко, что я так и не вспомнил твоего адреса. Пришлось позвонить в Мертон). Кстати, Мертон там тоже есть. Наш нынешний превосходный малютка-шеф-повар (в оч. высокой шляпе), по крайней мере внешне, прообраз Альва.

Всех благ вам и веселого Рождества!

РОНАЛЬД ТОЛКИН.

300 Из письма к Уолтеру Хуперу 20 февраля 1968

В письме идет речь о стихотворении К. С. Льюиса «Болтали мы о драконах, Толкин и я / В Беркширском баре…». В этом небольшом произведении, впервые опубликованном в «Реабилитациях» (1939), стр. 122, говорится о том, как рабочий в баре утверждал, будто своими глазами видел драконов.

Строки, что Джек[453] приводит в качестве примера, к сожалению, не являются вполне правильными образчиками древнеанглийской метрики. Сама история — чистой воды вымысел. Я в жизни не встречал драконов, равно как и людей, утверждавших, будто видели их своими глазами. Да и встречать не желаю — ни тех, ни других. Отдаленным первоисточником для строк Джека, возможно, послужило следующее: помню, Джек рассказывал мне про Брайтмана, выдающегося ученого-теолога[454], который обычно тихонько сиживал в профессорской и по большей части молчал. И вот однажды вечером зашел разговор о драконах, и под конец раздался голос Брайтмана: «Я видел дракона». Тишина. «Где же?» — спрашивают его. «На горе Елеонской{Елеонская, или Масличная, гора — известняковый кряж к востоку от Иерусалима. Эта гора упоминается в Ветхом Завете как священное место погребений и как место, где предстоит начаться мессианской эпохе; часто упоминается также и в Новом Завете.}», — отвечает он. А после того погрузился в молчание и до самой своей смерти так и не пояснил, что он, собственно, имел в виду.

301 Из письма к Дональду Суонну 29 февраля 1968

Спасибо, что пытаетесь меня подбодрить. Да только все зря. Вы чересчур оптимистично настроены. В любом случае ваш вид искусства радикально отличен от моего, писательского. Меня просто-напросто потрясает «фальшивость» всей постановки. Режиссер, очень милый и очень молодой человек, сам не вовсе лишенный интеллекта и чуткости, тем не менее, был уже настолько сбит с толку и затуманен Би-би-сизмом, что менее всего на свете стремился показать меня, каков я есть/или был, не говоря уже о том, чтобы «в человеческий рост или в натуральную величину». Я заблудился в мире «мухлевания» и чепухи; если там и замышлялся какой-то замысел, так разве что закрепить образ старомодного, чтобы не сказать скудоумного старого пьянчуги-хоббита, уютно угнездившегося у камелька. Протесты ни к чему не привели, так что я сдался и на аутодафе держался до конца. Мне сообщили, что результаты съемок оч. хор. — и кровь застыла у меня в жилах: это значит, что они получили, что хотели и что моя склонность к лицедейству (некогда мне нравилось «актерствовать») предала меня, заставив сыграть подачу мячом (желаемым мячом!) против себя же. Нет, на вертолете меня не поднимали; хотя удивляюсь, что вертолет не использовали вместо орла; эти люди совершенно не видят разницы между МНОЮ и моим произведением; а еще меня затащили на шоу с фейерверками: с самого детства на таких не бывал. Ко мне фейерверки никакого отношения не имеют. Они фигурируют в книгах (и фигурировали бы, даже если бы сам я их не любил), поскольку они — часть образа Гандальва, хранителя Кольца Огня, Возжигающего: при этом самый «ребяческий» аспект, явленный хоббитам — это как раз фейерверки.

302 Из письма в «Тайм-лайф интернэшнл, лимитед» 2 мая 1968

{«Тайм-лайф интернэшнл, лимитед» — компания, владелец журнала «Тайм» (не путать с «Таймс»!) и иллюстрированного журнала «Лайф» (ныне не существующего).}

Ваши и мои представления о естественном существенно расходятся; я ни при каких обстоятельствах не способен работать, если меня фотографируют, или если со мной беседуют, или если в комнате кто-то находится. Фотография меня якобы за работой будет вопиющей фальшивкой.

303 Из письма к Николасу Томасу 6 мая 1968

Что до того, знаю ли я сэрхоулскую мельницу[455]: мое детство прошло бок о бок с нею. Я жил в небольшом коттеджике просто-таки в двух шагах от нее, и тогдашний старик мельник и его сын в глазах ребенка были персонажами удивительными и грозными.

304 Из письма к Клайду С. Килби 4 июня 1968

В конце апреля и в начале мая положение дел у меня дома дошло до того предела, когда необходимо что-то предпринять, причем быстро. Я покидаю Оксфорд и переселяюсь на южное побережье. На данный момент предполагается, что перееду я в конце месяца или в самом начале следующего. Чтобы защитить себя, я изыму свой адрес из всех справочных изданий и прочих списков. Согласно договоренности, моим адресом станет: «гг. «Аллен энд Анвин», для передачи такому-то»; а моего настоящего адреса они запрашивающим сообщать не станут. Когда это все наконец утрясется, я выдам его немногим избранным — тем, кому я могу доверять и кто не станет его обнародовать.

305 Из письма к Рейнеру Анвину 26 июня 1968

17 июня, собираясь переезжать, Толкин упал с лестницы и повредил ногу. Письмо отправлено из оксфордской больницы.

Я начинаю приходить в себя. Сдается мне, поправляюсь я успешно и быстро; рассчитываю где-нибудь к 8 июля встать на костыли, но никак не раньше. И, тем не менее, падение мое обернулось катастрофой для работы и для нынешних моих планов; теперь, даже если очень повезет, я не надеюсь выбраться из всего этого хаоса вплоть до конца августа самое раннее.

306 Из письма к Майклу Толкину

Вверху Толкин приписал: «Обнаружено среди завалов бумаг. Не отослано и не закончено в силу причин, ныне позабытых. Дж. Р. Р. Т. 11/окт./68». Однако в итоге он отослал-таки письмо Майклу Толкину. Оно было начато в доме по адресу Сэндфилд-Роуд, 76, «где-то после 25 августа 1967» (как отмечает сам Толкин), а закончено — на новом месте, в доме № 19 по Лейксайд-Роуд; его почтовый адрес был «Пул, Дорсет», хотя на самом деле дом находился в пригороде Борнмута.

Я…. очень рад, что ты познакомился-таки со Швейцарией, притом с той ее областью, которую я некогда знал лучше прочих и которая произвела на меня сильнейшее впечатление. Путешествие хоббита (Бильбо) от Ривенделла на другую сторону Туманных гор, включая соскальзывание вниз по осыпающемуся склону в сосновый лесок, основано на моих приключениях в 1911 г.{Хотя эпизод с «варгами» (как мне кажется) отчасти заимствован из книги С. Р. Крокетта «Черный Дуглас»; возможно, лучшего из его романов; как бы то ни было, в школьные годы он произвел на меня глубочайшее впечатление, хотя с тех пор я в него не заглядывал. Среди его персонажей есть и Жиль де Рец в роли сатаниста. — *Прим. авт.*}: солнечный *annus mirabilis*{Замечательный год (*лат.*)}, когда от апреля до октября дождей, почитай что, вообще не шло, вот только в канун коронации Георга V и утром того же дня (Adfuit Omen[456]!){Я это хорошо помню, поскольку (снова *предзнаменование*!) КПО[457] в те времена были особенно в чести, и меня в числе 12 представителей от ш[колы] К[ороля] Э[дуарда] прислали помогать «держать строй вдоль всего маршрута следования». На ближайшую промозглую ночь нас расквартировали в Ламбетском дворце, а спозаранку пасмурным утром мы промаршировали на свой пост. Погода вскорости прояснилась. Я, собственно говоря, стоял какраз напротив Бук. дворца, справа от парадных врат, лицом к зданию. Мы отлично видели кавалькаду, и я навсегда запомнил одну сценку (причем спутники мои ничего не заметили): когда карета с королевскими детьми въезжала внутрь на обратном пути, п[ринц] У[эльский] (прелестный мальчуган) высунулся из окна, причем корона у него съехала набок. Сестрица тут же втянула его назад и сурово отчитала. — *Прим. авт.*}.

Сейчас мне уже не восстановить в точности

последовательность странствий нашего отряда из двенадцати человек, по большей части пешком, зато отдельные картины всплывают в памяти настолько ярко, как если бы дело было только вчера (насколько давние воспоминания старика обретают отчетливость). Мы прошли пешком, с тяжелыми рюкзаками, практически весь путь от Интерлакена, главным образом горными тропами, до Лаутербруннена и оттуда до Мюррена, и, наконец, к выходу из Лау-тербруннената среди ледниковых морен. Ночевали мы в суровых условиях — мужчины, то есть, — частенько на сеновале или в коровнике, поскольку шли мы по карте, дорог избегали, номеров в отелях не заказывали, с утра довольствовались скудным завтраком, а обедали на открытом воздухе: в ход шли утварь для готовки и изрядное количество «спридвина»{Spridvin (искаж. spiritus vim) — т. е. спирт.} (как один необразованный франкоговорящий участник похода и произносил, и писал слово «денатурат»). Потом мы, если не ошибаюсь, отправились на восток через два хребта Шайдегге к Гриндельвальду, оставляя Айгер и Мюнх справа, и наконец добрались до Майрингена. Когда *Юнгфрау* скрылась из виду, я о том глубоко пожалел: вечные снега, словно выгравированные на фоне вечного солнечного света, и на фоне темной синевы — четкий пик *Зильберхорна: Серебряный Рог (Келебдиль)* моих грез. Позже мы преодолели Гримзелльский перевал и спустились на пыльное шоссе вдоль Роны, где до сих пор курсировали конные «дилижансы», да только не про нашу душу! В Бриг мы пришли пешком — в памяти остался только шум; а там — повсюду трамвайные пути, и визг и скрежет стоит над рельсами часов по 20 в сутки, никак не меньше. После такой ночи мы взобрались на несколько тысяч футов наверх, к деревне у подножия Алечского ледника, и там задержались на несколько ночей в гостинице-шале, под крышей и в постелях (или скорее под постелями: *bett* — это такой бесформенный мешок, под которым ты сворачиваешься калачиком). Помню несколько тамошних примечательных эпизодов! Первый — исповедоваться пришлось на латыни; другие, менее знаменательные — мы изобрели способ расправляться с твоими приятелями пауками-сенокосцами, капая расплавленным воском со свечки на толстые тушки (слуги этого развлечения не одобрили); а еще — «игра в бобров», она меня всегда завораживала. Чудное местечко для такой забавы: на такой высоте воды много, с гор струятся бессчетные ручейки, да и материала для плотины хоть отбавляй; россыпи камней, вереск, трава, жидкая грязь. Очень скоро у нас получился чудесный «прудик» (вместимостью, сдается мне, галлонов в двести, никак не меньше). Тут нас подкосили муки голода, и один из хоббитов

отряда (он жив и по сей день) завопил: «Обедать!» — и сокрушил плотину ударом альпенштока. Вода хлынула вниз по склону, и только тут мы заметили, что запрудили ручеек, который, сбегая вниз, наполнял баки и бочки позади гостиницы. В этот самый момент пожилая дама вышла с ведром за водой — а ей навстречу пенный поток! Бедняжка выронила ведро — и бросилась прочь, призывая всех святых. Мы какое-то время лежали, затаившись, что твои «бродяги, обитатели торфяных ям», а потом прокрались в обход и явились-таки «к ланчу» — сама невинность, хотя и в грязи по уши (в том путешествии для нас — дело обычное).

А в один прекрасный день мы отправились в долгий поход с проводниками на Алечский ледник, и там я едва не погиб. Да, проводники у нас были, но либо эффект жаркого лета оказался для них внове, либо не слишком-то они о нас пеклись, либо вышли мы поздно. Как бы то ни было, в полдень мы гуськом поднимались по узкой тропке, справа от которой до самого горизонта протянулся заснеженный склон, а слева разверзлось ущелье. В то лето растаяло много снега, так, что обнажились камни и валуны, обычно (я полагаю) укрытые под ним. На дневной жаре снега продолжали таять, и мы весьма встревожились, видя, как тут и там камни, набирая скорость, покатились вниз по склону: камни самые разные, величиной от апельсина до большого футбольного мяча, а многие и еще покрупнее. Они со свистом проносились над нашей тропой и срывались в пропасть. «Здорово лупят», леди и джентльмены{Аллюзия на слова герцога Веллингтона, якобы произнесенные им в ходе битвы при Ватерлоо (1815) по поводу вражеской артиллерии: «Здорово лупят, джентльмены; ну да поглядим, кто продержится дольше».}. Стронувшись с места, камни поначалу катились медленно, и обычно по прямой, однако тропка была неровная, так что приходилось и под ноги внимательно смотреть. Помню, как одна участница похода, идущая впереди меня (пожилая учительница), внезапно взвизгнула и метнулась вперед, и между нами просвистела здоровенная глыба. От силы в каком-нибудь футе от моих трусливо подгибающихся колен. После того мы отправились в Вале, но здесь воспоминания мои уже не столь отчетливы: хотя помню, как однажды вечером мы, с ног до головы заляпанные грязью, прибыли в Церматт, а французские bourgeoises dames{Дамы из буржуазии (*фр.*)} разглядывали нас в лорнеты. Мы вскарабкались с проводниками на высоту домика Альпийского клуба — со страховкой (иначе я бы свалился в снежную расселину в леднике); помню ослепительную белизну изрезанной снежной пустыни между нами и черным рогом

Маттерхорна в нескольких милях от нас.

Наверное, сейчас это все уже не слишком-то интересно. Но в девятнадцать лет для меня это был потрясающий опыт, после детства, проведенного в бедности. Той осенью я поступил в Оксфорд…..

«Течения» в церкви…. это серьезно, особенно для тех, кто привык видеть в ней утешение и *«pax»*{Мир (*лат.*)} в периоды мирских смут, а не еще одну арену раздоров и перемен. Но представь себе ощущения тех, кто родился (как я) в промежуток между Золотым и Бриллиантовым юбилеями Виктории. И ощущения, и представления о безопасности и надежности у нас постепенно отнимались. И вот теперь мы стоим, нагие и беззащитные, перед лицом воли Господней, в том, что касается нас самих и нашего места во Времени (*Vide*{См. (*лат.*)} Гандальв 170 и III 155)[458]. «Вот мы и вернулись к нормальному состоянию» — в категориях политических и христианских, — как однажды сказал мне некий профессор-католик, когда я сетовал, что мир мой рушится, — а началось это вскорости после моего совершеннолетия. Я отлично знаю, что тебе, как и мне, Церковь, некогда представлявшаяся надежным прибежищем, теперь зачастую кажется ловушкой. А больше податься и некуда! (Я вот думаю про себя, а не испытывали ли последователи Господа Нашего в Его земной жизни это самое отчаянное ощущение, последнее прибежище верности, причем куда чаще, нежели это отражено в Евангелиях?) Наверное, ничего нам не остается, кроме как молиться, за Церковь, Христова Наместника, и за себя самих; а тем временем упражнять добродетель верности, которая на самом деле только тогда и становится добродетелью, когда ты побуждаем от нее отречься. Разумеется, в нынешней ситуации множество составляющих перемешаны в беспорядке, хотя на самом деле радикально отличны друг от друга (как, скажем, в поведении современной молодежи, которое отчасти вдохновляется похвальными мотивами, такими, как протест против регламентации, против однообразия, — что-то вроде затаенной романтической тоски по «кавалерствованию»{«Кавалерами» в период Английской буржуазной революции (1640–1653) назывались роялисты, сражавшиеся на стороне Карла I.}, и совсем не обязательно ассоциируется с наркотиками или культами праздности и разврата). «Протестантские» поиски «простоты» и прямоты в прошлом — что заключает в себе отчасти благие или, по меньшей мере, понятные мотивы, — несомненно, ошибочны и даже тщетны. Поскольку о «раннем христианстве» сегодня, невзирая на все «изыскания», мы по большей части так ничего и не узнаем;

поскольку «первозданная простота» — ни в коей мере не гарантия ценности и в значительной степени была и есть отражением невежества. Серьезные нарушения были столь же свойственны христианскому «литургическому» поведению изначально, как и сейчас. (Критика «эвхаристического» поведения со стороны святого Павла — достаточное тому доказательство!) И еще более — потому, что Господь Наш не назначил «моей церкви» застыть в неподвижности, в состоянии вечного детства; Господь задумал ее как живой организм (уподобленный растению), который развивается и меняется внешне через взаимодействие завещанной ему жизни в благодати и истории — конкретных обстоятельств того мира, в который он помещен. Между «горчичным зернышком» и взрослым деревом нет ни малейшего сходства. Ибо те, кто живет во времена раскидистой кроны, знает лишь Дерево, ибо история живого организма — часть его жизни, а история организма божественного — священна. Мудрые, возможно, знают, что началась она с зерна, однако напрасно было бы пытаться его выкопать, ведь зерна более не существует, а силы его и ценность ныне вобрало в себя Дерево. Очень хорошо; но в земледелии заботиться о Дереве должно властям, хранителям Дерева, — в меру своего разумения, подравнивать его, обрубать загнившие ветви, истреблять вредителей и так далее. (С трепетом душевным, сознавая, как мало им ведомо о его росте!) Но ежели они одержимы желанием вернуться к зерну или хотя бы к первой юности растения, когда оно было (как им представляется) прекрасно собою и не затронуто злом, они наверняка причинят немалый вред. Второй же мотив (который ныне столь смешивается с приверженностью к раннему христианству, причем даже в сознании любого из реформаторов): *aggiornamento*{Обновление, «осовременивание» (*ит.*); как термин, употребляется главным образом по отношению к начавшемуся со Второго Ватиканского Собора (1962–1965) процессу обновления церковной жизни, в основе которого лежит применение учения Церкви и современным условиям.}, осовременивание; в нем таятся свои серьезные опасности, как было ясно явлено в ходе истории. С ним также смешивают «экуменизм».

Я сочувствую тем новым явлениям, которые являются «экуменическими» в строгом смысле слова, то есть касаются других групп и церквей, называющих себя «христианскими» (и зачастую таковыми действительно являющихся). Мы без устали молимся за объединение всех христиан, однако, если задуматься, трудно себе представить, как такое может начать исполняться иначе, как есть, со всеми неизбежными мелкими нелепостями. Умножение «милосердия» — уже завоевание не из малых. Как

христиане, те, кто верен Наместнику Христову, должны позабыть про обиды, которые испытывают как просто люди — напр., обиду на «самомнение» наших новых друзей (особ. а[нгликанской] ц[еркви]). Как часто сегодня тебя похлопывают по спине, как представителя церкви, которая осознала-таки свои заблуждения и отказалась от надменности, заносчивости и сепаратизма; однако не встречал я еще протестанта, который выказывал бы или демонстрировал осознание причин, из-за которых в этой стране у нас такое отношение, в древности ли, сегодня ли: от пыток и лишения собственности вплоть до «Робинсона»[459] и всего такого прочего. Упоминал ли хоть кто-нибудь, что к[атолики] до сих пор страдают от ограничений в правах, от которых избавлены даже иудеи? Как человеку, чье детство было омрачено гонениями, мне тяжело с этими смириться. Однако милосердию должно покрыть множество грехов! Есть тут (разумеется) и свои опасности, но воинствующая Церковь не может себе позволить запереть всех своих солдат в крепости. Вот и на линии Мажино{Система укреплений на границе Франции с Германией: строилась в 1929–1940 гг, названа так в честь Андре Мажино, министра обороны Франции; своего назначения не оправдала.} такая тактика сказалась не лучшим образом.

Я многим обязан (и, может статься, Церковь тоже — немножко) тому, что со мной обращались, как ни удивительно для тех времен, несколько более разумно. О. Френсис добился, чтобы за мной сохранили стипендию в ш[коле] к[ороля] Э[дуарда] и позволили мне в ней остаться, так что к моим услугам были преимущества и (тогда) первоклассной школы, и «хорошего католического дома» — «in excelsis»{«В высшей степени» (*лат.*)}; по сути дела, я числился одним из младших жильцов дома при Молельне, где обреталось также немало просвещенных отцов (по большей части «обращенных»). Обряды соблюдались строго. Мы с Хилари[460] должны были прислуживать на мессе, и обычно это делали, а потом садились на велосипеды и мчались в школу на Нью-Стрит. Так что я рос и развивался как бы «на два фронта», символами которых, с одной стороны, стала латынь Молельни, произносимая на итальянский манер, а с другой — строго «филологическое» латинское произношение тех времен, введенное в нашей школе под эгидой Кембриджа. Мне даже разрешалось посещать занятия по Н[овому] З[авету] (на греческом): их вел сам директор. Мне это и впрямь «не повредило»: в итоге я оказался лучше подготовлен к тому, чтобы проложить себе дорогу в некатолической профессиональной сфере. Я близко сдружился с д[иректором] и его сыном, а также познакомился с семейством Уайзменов через

дружбу с Кристофером Льюком У. (в честь которого назван мой Кристофер). Его отец — один из обаятельнейших известных мне христиан: великий Фредерик Льюк У. (отец Ф. называл его не иначе, как Папа Уэслианский, поскольку он был председателем собрания уэслиан-ских методистов{Секта методистов, названа так по имени основателя методизма Дж. Уэсли (1703–1791).})…..

Окт. 1968.

Кусок этого письма, похоже, затерялся в общем беспорядке моих бумаг во время переезда. Моя спальня, совмещенная с кабинетом, в доме № 76 была просто-таки завалена бумагами и недописанными сочинениями — причем я всегда знал, что где лежит. Вечером 17 июня я сбегал вниз по лестнице — и упал. Меня подобрали с пола в прихожей и переправили в Наффилд[ский ортопедический центр] как есть, а назад я уже не вернулся — так и не увидел больше ни моей комнаты, ни моего дома. В придачу к шоку от падения и операции это произвело на меня престранный эффект. Все равно что читать книгу — и внезапно дойти до места, где текст обрывается (там, где пропущены одна-две главы): полная смена обстановки. Долгое время мне казалось, будто я сплю, вижу сон (дурной) и, проснувшись, пожалуй, окажусь в моей прежней комнате. Кроме того, я чувствовал себя неспокойно, неуютно — как-то «подозрительно». Мысленно я никак не мог «устроиться» в новом доме, словно дом этот — нечто ненастоящее и, того и гляди, растает в воздухе! Кроме того, я до сих пор — поскольку никто, по-видимому, помочь мне не в силах, а сам я слишком охромел, чтобы долго помогать себе самому, не уставая, — разыскиваю исчезнувшие или в беспорядке разбросанные заметки; и в библиотеке моей по-прежнему царит хаос, куда ни глянь — книги в беспорядке валяются…..

«Поэзия» моя удостоилась немногих похвал — даже кое-кто из поклонников частенько отзывается о ней не иначе как с презрением (я имею в виду рецензии самозваных литераторов). Наверное, главным образом потому, что в современной атмосфере, — где «поэзии» полагается лишь служить зеркалом для личных терзаний души и разума, а все внешнее ценится лишь в меру твоих собственных «реакций», — никто, похоже, так и не понял, что стихи из «В. К.» все исполнены драматизма: они ведь не отражают «самокопаний» бедного старика-профессора, а соответствуют по стилю и содержанию *персонажам* романа, которые поют их или декламируют, атакже и ситуациям…..

Лишь уйдя на пенсию, я узнал, что имел успех как преподаватель. Я понятия не имел, что мои лекции производят

такое впечатление — в противном случае они, пожалуй, были бы лучше. Мои «друзья» из числа донов изволили сообщать мне главным образом о том, что говорю я слишком бы стро, и, возможно, вызвал бы некоторый интерес, если бы только меня удавалось расслышать. И зачастую нисколько не грешили против истины: отчасти потому, что хотелось сказать слишком многое за слишком краткий промежуток времени, но по большей части — из-за неуверенности в себе, что подобные комментарии только усиливали.

При вступлении в должность — ни в первый раз, ни во второй — я так и не произнес традиционной «инаугурационной» речи — уж слишком я боялся «доновской» аудитории. Вместо того я выступил с «прощальной речью» в 1959 г.: и, к вящему моему изумлению, зал был набит битком. Однако «Юниверсити пресс» отказались публиковать текст (хотя инаугурационки они всегда публикуют), потому что это, видите ли, не «инаугура-ционная речь»[461]! Однако многие написали мне, одобряя мой выбор. Джулиан Хаксли сказал, отличное это нововведение, надо бы ему следовать. («Инаугурационки» обычно произносятся перед небольшой аудиторией, составленной из случайных людей (хотя, возможно, в ней найдется несколько профессиональных недоброжелателей, которые поддерживали иного кандидата), и либо скучны, либо к делу вообще не относятся, а порою представляют собою помпезные объявления об изменениях в политике и о том, что именно новый профессор намерен предпринять.)

307 Из письма к Эми Рональд 14 ноября 1968

Говорю я нынче жене (часа в три пополудни): «Вон какой-то человек направляется к черному ходу, с ящиком в руках, да только это не от наших; видимо, ошибка вышла. Ты не вставай! Я сам разберусь».

Вот так я и получил четыре бутылки портвейна и три — хереса, из рук этого весельчака. «Да все в порядке, вы сами убедитесь, — со смехом заверил он. — Просто славный подарочек от кой-кого».

Да уж, подарок и впрямь славный, и не просто от Кой-кого. Просто в толк взять не могу, с какой стати кой-ты{Чудное местоимение в единственном числе; наверняка хоббиты его использовали, а во мн[ожественном] числе — со всей отчетливостью «кой-вы». — *Прим. авт.*} так щедро нас балуешь. Но ужасно приятно. И так вовремя — уж разумеется, подарок-то от тебя. Мы в нашем новом домике очень даже уютно устроились, и центральное отопление уже освоили — эту незнакомую прежде штуковину, — но даже здесь, под сенью леса (хотя и в пределах слышимости моря) ночами, да и днем становится все прохладнее. А портвейн и добрый сладкий херес отлично согревают.

«Elde is me istolen on… ich am eldre than i was a wintre and ek a lore»[462]: так писал философ-моралист (ок. 1200 от Р. Х. или раньше). Вплоть до недавнего времени меня эти строки не трогали. Надеюсь, *«ek a lore»* (т. е. так же, как в слове «ученость», что, по-видимому, включает в себя обучение посредством опыта, наделяющее правом давать советы!) справедливо. Однако сомневаюсь.

308 К Кристоферу Толкину 2 января 1969

Пул, Бранксом-Парк, Лейксайд-Роуд, 19

Дорогой мой К.!

Это и «перепиской»-то толком не назовешь; но как не написать, не пожелать тебе счастья в 1969 году…..

Библиотека моя теперь в полном порядке; нашлось почти все из того, что я считал потерянным. (И кое-что из того, что, как я думал, потерялось еще до переезда!) Сгинуло бесследно первоизд. «Грам[матики] готского» Джо Райта, но никакой ценности оно не представляло — разве что как дорогое воспоминание. Только благодаря случайному приобретению этой книги глазам моим открылось окно в «герм, филологию». Вне всякого сомнения, она отчасти виной тому, что я едва не завалил «модерашки», хотя и привела меня в ученики к старине Джо собственной персоной. Он оказался хорошим другом и наставником. А, кроме того, обучил меня основам г[реческой] и л[атинской] филологии. (Лишь много лет спустя я встретился и познакомился с ангельским экзаменатором, который поставил мне α+ по греч. филол., и спас тем самым мою шкуру, едва-едва пропихнув меня во «вторую» вместо заслуженной «третьей»{Степени отличия при получении диплома бакалавра.}, так что в результате «стипендии» я не утратил, и великодушный колледж — Фарнелл, мой тьютор и тогдашний ректор, глубоко чтил филологию — один из тех донов, что во времена Йорка Пауэлла и Вигфуссона уже осознал, что есть в мире северная премудрость, — позволил мне перевестись на английский факультет, якобы как чистой воды филологу, который английского терпеть не может…..)

Артрит в *левой* руке разыгрался не на шутку, что корявого почерка нисколько не извиняет, поскольку, к счастью, правая рука пока здоровехонька! Привет вам обоим. Жаль, что вы так далеко. (Но здесь очень даже уютно!)….

309 Из письма к Эми Рональд 2 января 1969

А теперь, моя дорогая, насчет моего имени. Зовут меня *Джон*: имя это среди христиан пользуется и популярностью, и любовью; а поскольку родился я на восьмой день после праздника Святого Иоанна Евангелиста, я считаю его своим покровителем — хотя ни отец мой, ни мать в то время даже помыслить не могли о такой папистской ереси, как назвать меня в честь святого. Меня нарекли Джоном, поскольку в моей семье было принято давать это имя старшему сыну старшего сына. Отец мой звался Артуром и был старшим сыном моего деда Джона Бенджамина от второго брака; однако его старший сводный брат Джон умер, оставив лишь троих дочерей. Так что Джоном суждено было стать мне; и старый Дж. Б. качал меня на коленях как наследника, вплоть до самой смерти (в возрасте 92 лет в 1896 г.; мне в ту пору исполнилось только четыре)[463].

Отец собирался назвать меня Джон Бенджамин Руэл (от чего бы я теперь не отказался); но мама была уверена, что родится девочка, и, поскольку ей нравились более «романтические» (и менее Ветх[озаветные]) имена, остановилась на Розалинде. Когда же на свет появился я, до срока, и притом мальчик, хотя слабенький и тщедушный, Розалинду заменили на Рональда. В те времена в качестве имени в Англии оно встречалось куда реже — на самом деле, не припомню, чтобы хоть кто-нибудь из сверстников, будь то в школе или в Оксфорде, приходился мне тезкой, — хотя сегодня, увы! — оно, похоже, широко распространено среди преступников и прочих деградировавших элементов. Как бы то ни было, я всегда относился к нему с уважением и с самого раннего детства не позволял сокращать его и искажать. Однако для себя самого я оставался Джоном. Рональдом меня звали ближайшие родственники. Мои друзья в школе, в Оксфорде и позже всегда звали меня Джон (или иногда Джон Рональд, или Дж. Р.-в-квадрате)[464]…..

Что до «эльфийского» имени: разумеется, я мог бы его придумать. Но на самом деле к своей вымышленной истории я не принадлежу — да и принадлежать не желаю!

Что до магистра: я — не магистр. Использовать этот титул в одном из более возвышенных его значений было бы самонадеянностью и даже кощунством; в одном из более заниженных — тщеславием. Я — «профессор», или, по крайней мере, был им, и порою, в наиболее вдохновенные минуты, этого

звания заслуживал — а сейчас, во всяком случае (в отличие от Оксфорда за поколение до меня), это привычная форма обращения в обществе.

И к чему же мы пришли? Думаю, если в силу личных причин имена «Джон» или «Рональд» тебе не нравятся, придется нам вернуться к «Профессору». (А я стану называть тебя «Леди»!)

Разумеется, есть еще «Руэл». Это (если не ошибаюсь) была фамилия какого-то друга моего деда. В моей семье считали, что она французская (формально такое возможно); но ежели так, то по странной случайности оно притом дважды упоминается в В[етхом] З[авете] как второе, никак не объясненное имя Иофора, тестя Моисея{В русском синодальном переводе это имя транслитерируется как Рагуил (см., напр., Исх. 2:18).}. Все мои дети, и дети моих детей, и их дети тоже носят это имя.

Пожалуй, я стану звать тебя «Эме»{Aimйe, «возлюбленная» (*фр.*) — распространенное французское женское имя, соответствует английскому Amy.}; это имя мне нравится больше, чем его англизированная форма; кроме того, оно так тебе идет — при твоей любви к французскому и хорошем его знании…..

Постскриптум к письму:]

Разъяснял ему закон.
Фамильяр герр Гримма, он
И кот его Грималкин.

{Гримм, Якоб (1785–1863) — немецкий филолог; впервые четко сформулировал закон передвижения согласных в германских и других индоевропейских языках («закон Гримма»).}

310 К Камилле Анвин

Дочери Рейнера Анвина, Камилле, было поручено, в рамках школьного «исследования», написать и спросить: «В чем смысл жизни?»

20 мая 1969
Пул, Бранксом-Парк, Лейксайд-Роуд, 19

Уважаемая мисс Анвин!

Извините, что задержался с ответом. Надеюсь все-таки, что вы получите письмо вовремя. Какой глобальный вопрос! Не думаю, что «мнения», все равно чьи, представляют хоть какую-то ценность сами по себе, без объяснений, как человек к ним пришел; но на такой вопрос вкратце ответить непросто.

А что значит этот вопрос на самом деле? Термины «смысл» и «жизнь» нуждаются в каком-никаком определении. Это чисто человеческий, морально-этический вопрос, или речь идет о Вселенной? Его можно воспринять в ключе: «Как мне попытаться использовать срок жизни, мне отмеренный?» ИЛИ: «Какому смыслу/замыслу служит жизнь всего живого?» Однако на первый вопрос можно ответить (если вообще можно) лишь после того, как будет рассмотрен второй.

Думаю, вопросы насчет «цели» на самом деле имеют смысл только тогда, когда речь идет об осознанных целях или намерениях представителей рода человеческого, или об использовании вещей, ими задуманных и сделанных. Что до «прочих вещей», их ценность — в них самих: они ЕСТЬ, и существовали бы, даже если б не было нас. Но поскольку мы существуем, одна из их функций — быть созерцаемыми нами. Если мы поднимемся по иерархии бытия до «других живых существ», таких, как, скажем, какое-нибудь мелкое растеньице, оно являет собою и форму, и структуру: «модель», узнаваемую (при наличии вариаций) в родственных ему растениях и его же отпрысках; и это невероятно интересно, потому что эти явления — «другие», не мы их создали, они словно бы берут начало в источнике вымысла, который неизмеримо изобильнее нашего собственного.

Человеческое любопытство вскорости задается вопросом КАК: каким образом так вышло? А поскольку узнаваемая «модель» предполагает некий замысел, далее переходим к ЗАЧЕМ? Но ЗАЧЕМ в данном смысле, подразумевающее причины и побуждения, может относиться только к РАЗУМУ. Лишь Разум

может ставить цели, неким образом и в некоей степени сопоставимые с человеческими целями. Так что любой вопрос типа: «Отчего жизнь, сообщество живых организмов, появилась в материальной Вселенной?» сразу же вводит Вопрос: «Есть ли Бог, Творец и Созидатель, Разум, которому сродни наши разумы (поскольку в нем берут свое начало), так что Он отчасти нам понятен». А это приводит нас к религии и морально-этическим представлениям, из нее вытекающим. О таких вещах я скажу лишь, что у «морали» две стороны, исходя из того факта, что все мы — индивидуумы (как в определенной степени все живые организмы — индивидуумы), но не живем и не можем жить в изоляции и тесно связаны со всем прочим, и делаемся все ближе к абсолютной связи с нашим собственным родом человеческим.

Так что мораль должна служить проводником к нашим человеческим целям, руководством для жизни: (а) способами, посредством которых наши индивидуальные таланты могут развиваться, так, чтобы ими не злоупотреблять и не растрачивать их впустую; и (б) не причиняя вреда нашим ближним и не мешая их развитию. (За пределами этого и выше находится самопожертвование во имя любви.)

Но это — лишь ответы на меньший вопрос. А на более значимый ответа нет, поскольку здесь требуется *полное* знание Господа, каковое недостижимо. Если мы спросим, зачем Господь включил нас в свой Замысел, на самом деле мы сможем сказать лишь: потому что Он Включил, — и не больше.

Если вы не верите в своего Бога, вопрос «В чем состоит цель жизни?» задавать бесполезно: ответа на него нет. Кому или чему адресуете вы такой вопрос? Но, поскольку в далеком уголке (или далеких уголках) Вселенной развились существа, наделенные разумом, которые и задают вопросы, и пытаются на них ответить, можно обратиться к одному из таких курьезных созданий. Будучи одним из них, я дерзну заявить (говоря с нелепой самонадеянностью от имени Вселенной): «Я таков, каков есть. И ничего с этим не поделаешь. Можно продолжать пытаться выяснить, что я такое, но преуспеть вы не преуспеете. А зачем вам это знать, я понятия не имею. Возможно, жажда знания ради самого знания как-то связана с молитвами, что некоторые из вас обращают к тому, что называют Богом. В высшем своем проявлении они, как мне кажется, просто благодарят Его за то, что Он таков, какой есть, и за то, что Он создал то, что создал, таким, каким создал».

Те, кто верят в своего Бога, Создателя, не считают, что Вселенная достойна поклонения сама по себе, хотя увлеченное изучение ее может оказаться одним из способов почтить Его. И

пока, будучи живыми существами, мы находимся (отчасти) в пределах Вселенной и являемся ее составляющей, наши представления о Господе и способы их выразить будут в значительной мере почерпнуты из созерцания окружающего нас мира. (Хотя всегда есть также и откровения, явленные как всему роду человеческому, так и отдельным людям).

Так что можно сказать, что основная цель жизни для любого из нас — это умножать в меру наших способностей наше знание о Боге всеми доступными нам средствами и через него быть сподвигнутыми к восхвалениям и благодарению. Поступать так, как говорим мы в «Gloria in Excelsis»: «Laudamus te, benedicamus te, adoramus te, glorificamus te, gratias agimus tibi propter magnam gloriam tuam». «Хвалим Тебя, благословляем Тебя, поклоняемся Тебе, славословим Тебя, благодарим Тебя, ибо велика Слава Твоя».

И в минуты высшего восторга мы можем воззвать ко всем тварным созданиям присоединиться к нашему хору, говоря от их имени, как в Псалме 148 и в Песни трех отроков в огненной пещи в Книге пророка Даниила{Дан. 2:52–90}. ХВАЛИТЕ ГОСПОДА… все горы и холмы, все сады и леса… пресмыкающиеся и птицы крылатые{Дословно тексты, которые не совсем точно цитирует Толкин, звучат так: «Хвалите Господа… горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры… пресмыкающиеся и птицы крылатые…» (Пс. 148). «Благословите горы и холмы, Господа, пойте и превозносите Его во веки. Благословите Господа, все произрастания на земле… Благословите, все птицы небесные, Господа…» (Дан. 2: 75–80).}.

Слишком длинный получился ответ и в то же время слишком короткий — на такой-то вопрос.

С наилучшими пожеланиями, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

311 Из письма к Кристоферу Толкину 31 июля 1969

Был страшно рад получить сегодня твое письмо от 27 числа и очень устыдился собственного своего молчания. Начинаю понемногу впадать в отчаяние: одни сплошные расстройства. Наконец-то сумел дать волю демону вымысла — и оказался в положении человека, которого разбудили после крепкой дозы снотворного и не дают прилечь больше чем на несколько минут за раз. Ни в одном мире, ни в другом. Дела — а им конца-края нет, — позаброшены, и при этом из настоящей своей работы ничего довести до конца не могу. И вот тебе, пожалуйста, очередной удар злой судьбы. Со мной приключился довольно болезненный приступ и депрессия, от которых обычные средства не помогают. Три недели назад, считая с прошлого вторника, зашел Толхерст и устроил мне «дотошный осмотр», и диагностировал воспаление/болезнь желчного пузыря. И немедленно запретил мне любые жиры (включая сливочное масло) и алкоголь. Обычно он доктор жизнерадостный и бодрый, а тут сделался пугающе серьезен, так что перспективы выглядели удручающе. Мы (или по крайней мере я) знаем чересчур мало о той сложной машине, в которой обитаем, и (подобно полным профанам в механике, для которых «карбюратор» — это лишь название мелкой детали в моторе с маловажным и непонятным предназначением) недооцениваем желчный пузырь! Он — жизненно необходимая деталь химического завода, и, помимо всего прочего, может причинять жгучую боль, ежели выйдет из строя; а если «поражен болезнью» — ну, вы, что называется, «вляпались». Не знаю, отчего человека так и тянет потолковать о своих болячках, особ, учитывая, что подробности запутанны и скучны; короче говоря, я попал в руки рентгенолога, что обошелся со мною исключительно любезно. Он махнул рукой на все формальности, а после второго приступа проявил снимки сразу же и возвратился ко мне, улыбаясь и говоря, что «снимки отправятся к вашему доктору; он вам все и расскажет, и посоветует, но сам я могу сказать, хотя снимки еще не высохли, что ваш ж. п. на своем месте, функционирует нормально, и я не наблюдаю ни желчных камней, ни опухолей. На вашем месте я бы сейчас пошел пообедал на славу». Вчера заглянул Толхерст и освободил меня от диеты: масло и алкоголь «в умеренных количествах». Чувствую себя очень даже неплохо: т. е. примерно так, как до приступа. Но жизнь нелегка. Парк[465] приболела.

Мамочке недужится; боюсь, здоровье ее постепенно «подтачивается». Кроме того, ощущаю себя отрезанным от всего мира…..

312 Из письма к Эми Рональд 16 ноября 1969

Я все собирался написать и сказать тебе, как меня взволновали и опечалили твои горести: бедняжка ты моя. Я молюсь за тебя — потому что есть у меня такое чувство (близкое к уверенности), что Господь, в силу некоей непостижимой причины, которая нам, возможно, покажется едва ли не причудой, с такой удивительной готовностью отвечает на молитвы *наименее* достойных из своих просителей — если молятся они за других. Я, разумеется, вовсе не хочу сказать, что Он отвечает на мольбы лишь недостойных (которым вообще не стоило бы ожидать, что их услышат), в противном случае мне сейчас не приносили бы никакой пользы моления других. В каком ужасном, омраченном страхами, исполненном скорбей мире мы живем — особенно для тех, кто также обременен годами и чьи друзья и близкие испытывают те же горести. Честертон говорил некогда, что долг наш — заботиться о том, дабы развевался Флаг сего Мира{В работе Г. К. Честертона «Ортодоксия» утверждается, помимо прочего, что мир — это не меблированные комнаты, с которых возможно съехать, если условия в них неподходящие; мир — это крепость нашей семьи, и на башне развевается флаг; и, чем тяжелее в нем жить, тем менее мы вправе покидать его.}, однако сейчас для этого требуется патриотизм более несгибаемый и возвышенный, нежели в те времена. Гандальв добавлял, что не нам выбирать, в какие времена родиться; однако нам должно делать все, что в наших силах, чтобы их улучшить; однако дух порока среди сильных мира сего ныне столь силен и в воплощениях своих наделен таким количеством голов, что, похоже, ничего более не остается, кроме как в личном порядке отказываться поклоняться головам гидры…..

Мне необыкновенно понравилась книга про цветы Кейп-Кода[466]. Очень увлекательная сама по себе, не говоря уже о ботанических сведениях общего характера, и, действительно, палеонтологических также. Я не обнаружил ничего, что тотчас же напомнило бы мне *нифредиль*, или *эланор*, или *алфирин*: но я думаю, это потому, что мои вымышленные цветы озарены светом, который никогда не увидишь в растущем цветке и с помощью красок не передашь. Озаренный этим светом, *нифредиль* окажется просто-напросто утонченным родственником подснежника; а *эланор* — очным цветом{Очный цвет или куреслеп — травянистое растение семейства первоцветных, распра странено повсеместно.}

(возможно, слегка увеличенным в размерах), причем на одном растении цветут цветы и золотые, точно солнце, и серебристые, точно звездочки, — а порою одновременно золотистые, и серебристые. *Алфирин* («бессмертник») был бы иммортелем, но не сухим, как бумага; просто красивый цветок-колокольчик, переливающийся всеми цветами, нежный, приятный для глаз…..

Иллюстрированные книги по ботанике (или еще лучше, непосредственное соприкосновение с незнакомой флорой) меня особенно завораживают. И не столько редкие, необычные или вовсе чужеродные экземпляры, сколько вариации и изменения в цветах, которые со всей очевидностью родственны тем, что я знаю, — но не те же самые. Они пробуждают во мне видения родства и происхождения из глубины веков, а также и мысли о таинстве узора/замысла как чего-то, отличного от его индивидуального воплощения и все-таки узнаваемого. Но как? Помню, росло некогда в уголке одного ботанического сада (никак не помеченное, безымянное) растеньице, меня заворожившее. Я знал о «семействе» Scrofulariceae{Норичниковые (*лат.*)} и всегда принимал как данность, что в основу группировки растений в «семейства» положены веские научные доводы и что в общем и целом такая группировка и в самом деле указывает на физическое сходство, обусловленное происхождением. Но при взгляде, скажем, на норичник и на наперстянку приходится принимать это на веру. И вот я видел перед собою «недостающее звено». Прелестная «наперстянка», и колокольчики, и все при ней — и одновременно норичник: ибо колокольчики были коричнево-красного цвета, стебель — ребристым, и по жилкам листьев бежал красный сок. Один из 17 (если не ошибаюсь) видов Digitalis{Наперстянка (*лат.*). Род наперстянка входит в семейство норичниковых.}, который у нас в Британии не растет. Однако в тех книгах по ботанике, что есть в моем распоряжении, подобные «звенья» между *ветвями* семейства (Scrofularia и Digitalis) никак не комментируются. Лишь порою замечаешь, как происходит изменение, которое в благоприятных обстоятельствах могло бы закрепиться навсегда. В бывшем моем саду у меня был бордюр, засаженный садовыми маргаритками (по большей части красными); но осеменялись они на лужайку и там, в борьбе за жизнь, вновь превращались в самые обычные маргаритки и вели битву с травой, подобно своим предкам. Однако ж несколько семян как-то попали на участок с исключительно плодородной почвой (перегной и густо-черная зола от костра). Одна отважная искательница приключений попыталась как-то этим воспользоваться — но преуспела лишь на маргариточный манер: вымахала в четыре раза крупнее и цветок выпустила размером с

полукрону. Я сказал: «Великолепно, но как-то вульгарно, не правда ли? Bellis perennis{Маргаритка многолетняя (*лат.*)} все равно лучше». Должно быть, само растение или Нечто меня услышали. На следующее утро цветок украсился шестью крохотными эльфийскими маргариточками с розовыми кончиками: они покачивались на тоненьких стебельках, образуя круг по краю соцветия, точно невесомая корона. Такой изящной и замысловатой «курицы с цыплятками»{Маргаритка «курица с цыплятками» (англ. *hen-and-chichen's daisy*) — искусственно выведенная особая форма маргаритки, у которой от основного цветка отходят дополнительные миниатюрные цветочки так, как описано у Толкина.} мне не доводилось видеть — ни прежде, ни впредь. (На то, чтобы сохранить это изменение, у меня недостало ни времени, ни умения.)

313 Из письма к Майклу Толкину 25 ноября 1969

Ах, будь у меня только время написать для начинающих (! оба языка, разумеется, исключительно сложны) грамматику и словарь «эльфийского»: т. е., квенья и синдарина. Мне приходится и над ними отчасти работать, в процессе подгонки «Сильмариллиона» и всего такого» к «В. К.». Над чем я и тружусь, борясь с бесчисленными трудностями, не самая меньшая из которых — естественная леность семидесяти семи «с хвостиком».

314 Из письма к Кристоферу Толкину 15 декабря 1969

Что до твоего последнего абзаца! Я обеими руками — за «тугодумных зануд». Некогда мне пришлось много иметь дело с, наверное, самыми (по крайней мере, на первый взгляд) тугодумными и занудными студентами в Англии и тогда, и сейчас: с йоркширскими юношами и девушками ниже уровня «паблик скул», дома у которых ни книг, ни общей культуры. Однако это вовсе не обязательно свидетельствует о врожденных умственных способностях — по большей части не пробужденных — у каждого отдельно взятого индивида. На удивление, высокий процент оказывается «обучаемым»: ибо основополагающим свойством является готовность *работать* (учиться) (при любом уровне интеллекта){Эта готовность обычно означает определенную долю смирения. В Йоркшире первым ее побуждением было желание «преуспеть». Но одной этой целью дело не ограничивалось. Корыстная любовь зачастую предваряет любовь как таковую. — *Прим. авт.*}. Преподавание — занятие совершенно изматывающее. Но я предпочел бы посвятить себя избавлению «зануд» от «тугодумства», обеспечивая результаты качества от β до β+, с сохранением толики здравомыслия, — обнадеживающая почва, из которой прорастет следующее, более высокоинтеллектуальное поколение. Уж лучше это — лучше это, чем растрачивать усилия на обладателей (хотя бы на первый взгляд) более высокого интеллекта, что испорчены и растлены школой и «атмосферой» нынешних дней{Не говоря уже о наркотиках. — *Прим. авт.*}. Преподавание систематизированного предмета — никоим образом не средство для их оздоровления, если какие-то средства здесь вообще возможны. Дайте мне лучше маленький крепенький корешок, который, будучи пересажен в лучшую почву, возможно, выпустит листья, а со временем даже даст семена, нежели здоровенный розовый корень, изъеденный морковной мухой! Аминь. Но, с другой стороны, я уже стар и, возможно, просто не в состоянии даже вообразить себе вопиющую ситуацию нынешних времен. Еще хуже мягких корней, сгнивших от болезни, как мне кажется, корни меньшие, что в мое время, скорее всего, остались бы здоровыми, а ныне прогнили так же, только еще гаже и противнее.

315 Из письма к Майклу Толкину 1 января 1970

С «С.» я продвигаюсь отнюдь не быстро. Домашняя ситуация, мамина доблестная, но обреченная на поражение битва со старостью и бессилием (и болью), и мои собственные годы, и необходимость прерываться из-за «дел» времени особо не оставляют. По правде говоря, до сих пор я занимался главным образом тем, что пытался скоординировать систему имен самых ранних и более поздних фрагментов «Сильмариллиона» с раскладом «В. К.» В моем сознании имена по-прежнему разрастаются в «истории», но это — задача крайне сложная и запутанная.

Когда молишься за меня, молись о «времени»! Мне бы так хотелось облечь хоть часть этой писанины в читаемую форму, а часть изложить кратко, чтобы другие могли воспользоваться. А еще до чего славно было бы надуть Управление налоговых сборов и пережить эти чудовищно несправедливые 7 лет[467]. (А еще мне хотелось бы успеть записать все то, что я знаю или помню о своем детстве и о родне с обеих сторон.)

316 Из письма к Р. У. Берчфилду 11 сентября 1970

Штат «Оксфордского словаря английского языка» во главе с доктором Берч-филдом составлял статью «хоббит» для второго «Приложения». К Толкину обратились за помощью, главным образом в вопросе о том, сам ли он придумал это слово или еще до него существовала сказка с тем же названием (см. № 25).

Вопрос с «хоббитом» на самом деле не слишком-то важен, но да простится мне личный интерес в этом деле: я беспокоюсь о том, чтобы смысл, мною в это слово заложенный, был передан верно.

К сожалению, как знают все лексикографы, «не копайте глубже, если не ищете неприятностей на свою голову: все окажется куда сложнее, чем вы думали». Вскорости вы получите пространное письмо о *хоббитахи* вопросах, с ними связанных, из которого, даже если придет оно вовремя, заинтересует вас и пригодится вам лишь очень небольшая часть[468].

На данный момент возникла задержка, потому что с этимологией дело выглядит так: «Придумано Дж. Р. Р. Толкином»: исследуется экспертами. Я знал, что заявление насчет сказки расплывчато, но не потрудился исследовать его подробнее до тех пор, пока не зашла речь о включении «хоббита» в Приложение.

А тем временем представляю на ваш суд следующее определение:

«Представитель вымышленного народа, невысокой разновидности человеческой расы; слово «хоббит» (означающее «живущий в норе») было их самоназванием; прочие же называли их «полуростиками», поскольку рост их составлял половину обычного человеческого[469].

Это — предполагая, что этимология всех устраивает. Если нет, возможно, придется слегка модифицировать статью, поставив после «расы» вместо исходного варианта:

«; в произведениях Дж. Р. Р. Толкина говорится, что они сами себя так именуют, в то время как прочие называли их…»

Если оставить такой вариант, а я думаю, так и случится, даже если удастся отыскать пресловутую более старую историю под названием «Хоббит»[470], тогда «(означающее «живущий в норе»)» можно перенести в этимологию.

317 Из письма к Эми Рональд День Всех Святых 1970

Твой чудесный подарок я уже использовал. Чувствую себя этаким мудрецом, который собирается в дальний путь и погружает на судно все самое нужное и необходимое: — я по-прежнему воспринимаю этот дом как своего рода корабль или ковчег; да он и выглядит так (со стороны сада), спокойный, благодушный и в то же время слегка удивленный — как если бы волна выбросила его сюда во сне, так что он никак в толк не возьмет, где оказался.

Увы, хорошего бренди я не купил. Я так и не научился ценить его по достоинству. Зато я запасся бургундским — портвейном, который нам обоим очень по душе{Не «марочным». Но я люблю портвейн (оч. даже) как напиток для первой половины дня: согревает, легко усваивается и оч. хорош для горла, если его пить (сдается мне, что так и надо) отдельно от всего или с сухим печеньицем, а НЕ после плотной трапезы, и не (тем более) за десертом! — *Прим. авт.*}, отменным хересом, ликерами и бутылкой шампанского (в преддверии Рождества).

318 Из письма к Нилу Керу 22 ноября 1970

Кер прислал Толкину экземпляр статьи об А. С. Нейпире (1853–1916), который в студенческие годы Толкина занимал должность профессора английского языка и литературы в Оксфорде.

Я бесконечно вам признателен за любезно присланный мне отдельный оттиск вашей работы о Нейпире. Меня она глубоко заинтересовала. И не удивительно. Меня перевели на английский факультет в 1913 г. в Т[роицын] т[риместр]{Весенний триместр в Оксфордском университете; начинается в апреле.} по моей собственной просьбе: я узнал о его существовании из Экзаменационных статутов. Великодушие Эксетер-Колледжа, позволившего мне сделать это, сохранив за собою стипендию по античной филологии, меня тогда не слишком-то удивило, хотя удивляться было чему; но ваша статья подтвердила мою догадку о том, что здесь не обошлось без Фарнелла[471].

Как бы то ни было, он дал мне рекомендательное письмо к Нейпиру, и я явился в его дом в Хедингтоне. Помню, меня провели в полутемную комнату, так что Нейпира я различал с трудом. Он держался учтиво, но говорил мало. Больше мы не общались. Я посещал его лекции, когда здоровье позволяло ему их читать. Но увы! — я опоздал. Болезнь его, по всей видимости, зашла слишком далеко.

Но взамен мне необыкновенно повезло: моим тьютором стал Сайзем[472]. Думаю, от него я, безусловно, перенял многое из того, чему он сам обязан примеру и наставлениям Нейпира. Собственные незаурядные таланты Сайзема, по всей видимости, чутко отзывались на его влияние, а чувства Сайзема подогревались привязанностью к великому человеку на стадии угасания. Однако его манеру преподавания оживляли едкость, юмор и практическая сметка, свойственные только ему самому. Я перед ним в неоплатном долгу и об этом не забываю….

К слову сказать, основы моей библиотеки заложил тот же Сайзем. Он научил меня не просто читать тексты, но изучать букинистические каталоги, о которых я прежде и не подозревал. А кое-что специально для меня отмечал.

319 Из письма к Роджеру Ланслину Грину

«Окс. сл. англ. яз.» в процессе подготовки второго «Приложения» добрался до слова *хоббит*, каковое и предлагает включить вместе с производными: *хоббитщина*, — *ский* и т. д. Потому мне предстоит доказать притязания на то, что слово изобрел я сам. Данные притязания на самом деле основаны лишь на моем голословном утверждении или ничем не подкрепленном заверении в том, что я помню, как его придумал (сам); и что *в ту пору я* ровным счетом ничего не знал про «хобберди, хоббати, хобберди Дика» (названия «домовых»){Теперь знаю! Пожалуй, побольше многих других людей; так что заплутал в оч. непролазной чаще, ключ к которой тем не менее — вера в *инкубов* и «подменышей». Увы! — один из выводов заключается в том, что утверждение, будто хобгоблины «более крупны в размерах» соответствует истине «с точностью до наоборот». (Данное утверждение содержится в ввод-ной заметке о рунах, составленной для издания в бумажной обложке, но теперь включенной «А. энд А.» во все изд-я). — *Прим. авт.*}; и что мои «хоббиты» в любом случае — существа совершенно иного рода, низкорослая разновидность человеческой расы. И еще то, что единственное англ. слово, на него повлиявшее, это «hole» [нора. — С. Л.]; и, учитывая описание *хоббитов*, слово *«rabbit»* [кролик. — С. Л.] в устах троллей — это просто-напросто очевидное оскорбление, и с точки зрения этимологической значит ничуть не больше, нежели оскорбительная реплика Торина: «крысиное отродье!» Однако в этом выражали сомнение еще в 1938[473]. В «Обсервере» от 16 января 1938 г. была опубликована рецензия, подписанная «Хабитом» (к слову сказать, тем самым задолго предвосхитив когхилловскую аллюзию на сходство этих слов в шуточном прилагат. «хоббитообразующий»{Непереводимая игра слов. Английское слово *hobbit* (хоббит) отчасти созвучно слову *habit* (привычка); так что авторский неологизм *hobbit-forming* образован по созвучию с английским прилагательным *habit-forming* (вызывающий зависимость, привыкание; особенно применительно к наркотикам).} применительно к моим книгам). «Хабит» заявлял, будто некая его знакомая утверждает, что прочла лет этак 20 назад (т. е. ок. 1918) старую «волшебную сказку» (в сборнике таких же) под названием «Хоббит», хотя это существо было «очень страшным». Я попросил рассказать поподробнее, но ответа так и не получил; и все мои недавние

интенсивные поиски окончились ничем: «сборник» обнаружить не удалось. Сдается мне, очень вероятно, что знакомую подвела память (спустя двадцать-то лет!), и это существо на самом деле звалось как-нибудь в духе «хобберди, хоббати». Однако нельзя исключать возможность того, что погребенные под спудом воспоминания детства спустя много лет (в моем случае спустя 35–40 лет) вдруг пробились на поверхность, хотя относиться могут к чему-то совершенно иному. Я сообщил исследователям, что мне имели обыкновение читать вслух (до 1900 г.) из «старого сборника» — потрепанного, без обложки и без титульного листа, о котором сегодня я помню только то, что автором его был (как мне кажется) Бульвер Литтон, и была там одна сказка, что тогда мне очень нравилась, под названием «Киска-мяу». Сборник так и не отыскался. Я вот думаю, вы, самый просвещенный в данной области из живущих ныне ученых, не скажете ли чего по этому поводу[474]. Особ. чтобы удовлетворить мой собственный интерес касательно «Киски-мяу» — не думаю, чтобы вы нашли там что-то похожее на «хоббита», иначе бы вы о том упомянули. О, что мы за тенета ткем, когда слова мы создаем!{Перефразированная цитата из поэмы В. Скотта «Мармион» (Песнь VI, строфа 17): «О, что мы за тенета ткем, / Когда впервые робко лжем!»}

320 Из письма к П. Рорку, ОИ 4 февраля 1971

Меня особенно заинтересовали ваши замечания о Галадриэли….. Пожалуй, этот персонаж действительно многим обязан христианскому и католическому учению и представлениям о Марии, но на самом деле Галад-риэль была кающейся грешницей: в юности она входила в число возглавивших бунт против Валар (ангелических хранителей). В конце Первой эпохи она гордо отказалась от прощения и разрешения вернуться. Ей отпустили вину, поскольку она воспротивилась последнему, неодолимому искушению завладеть Кольцом для себя.

321 Из письма к П. Рорку, ОИ 4 февраля 1971

Касательно пещер в Хельмовой Пади во «Властелине Колец».

Меня несказанно порадовало, что вы упомянули об описании «сверкающих пещер». Сдается мне, ни один критик отдельно о них не упоминал. Вам, возможно, небезынтересно будет узнать, что этот отрывок написан под влиянием пещер Чеддарского ущелья{Английская деревня Чеддар (прославившаяся своим сыром) расположена у входа в живописное ущелье в Мендипских холмах; там же, в скалах, расположена внушительная система пещер. Пещеры открыты для публики и в наше время снабжены эффектной подсветкой.}, сразу после того, как я вновь посетил их в 1940 г., но при этом он был окрашен более ранними моими воспоминаниями об этих пещерах, до того, как их превратили в источник прибыли. Я побывал там во время своего медового месяца, почти тридцатью годами ранее.

322 Из письма к Уильяму Кейтеру 18 марта 1971

Что до моей работы, сейчас все выглядит более обнадеживающе, нежели в последнее время; очень возможно, что уже в этом году я смогу отослать в «Аллен энд Анвин» часть «Сильмариллиона».

323 К Кристоферу Толкину

Начато около 2 июня 1971
Лейксайд-Роуд 19

Дорогой мой К.

Извини за долгое молчание. Но лишь долгая «повесть скорби», тебе в общих чертах известная, способна объяснить его. На дворе уже 2 июня, май, один из лучших на моей памяти, минул, а я ни строчки не написал. Не одни «скорби», конечно. Наш недолгий отдых в Сидмуте, по совету доктора Толхерста, оказался очень даже приятным. Нам повезло со временем — собственно говоря, только на эту неделю в отеле места и были: такой чудесный май выдался, — и мы приехали к «весеннему всплеску» великолепия: Девон из бурого окрашивался в сверкающие желто-зеленые тона, а сквозь мертвый папоротник и прошлогоднюю траву пробивались всевозможные цветы. (К слову сказать, дубы повели себя на диво необычно. Старое присловье насчет дуба и ясеня{Английское присловье: «Если ясень позже дуба, дождик хлынет так, что любо».}, если в нем сколько-то правды и есть, обычно требует более обширной статистики, ведь промежуток между их пробуждением столь мал, что на нем могут отразиться и самые незначительные местные различия в природных условиях. Но в этом году между ними прошло никак не меньше месяца! Дубы оделись листвой едва ни не раньше всех прочих, наравне или даже обгоняя березы, буки, липы и т. д. Этакие гигантские цветные капусты, яркие желто-охряные, с кистями цветов, в то время как ясени (в тех же самых краях) стояли темными и мертвыми, ни единой клейкой почки толком не разглядишь)…..

«Бельмонт» оказался оч. удачн. выбором. Действительно, в Сидмуте изменилось главным образом то, что этот мрачноватый с виду (невзирая на идеальное местоположение) отель сделался лучшим во всем городе — особенно в смысле *еды*….. Ни М., ни я вот уже многие годы не наедались так за неделю (и никаких проблем с желудком). В придачу наши верные друзья по путешествию этак шестилетней давности (Борланды), что недавно переехали в Сидмут, так жаждали с нами вновь увидеться, что проинспектировали наши комнаты [в] «Бельмонте», обеспечили нас машиной и вывозили нас покататься едва ли не каждый день. Так что я вновь всласть налюбовался на те края, что ты (особенно) и я, бывало, исследовали в былые дни бедного старины «JO», этого доблестного, видавшего виды древнего

«Морриса»{Марка легкового автомобиля компании «Бритиш Лейланд».} [475]. В придачу отрадно было обнаружить, что Сидмут практически не изменился, даже магазины; по большей части даже названия остались те же (скажем, «Фризби», «Трамп» и «Потбери»). Ну, так-то вот, а теперь, увы, все в прошлом! Конечно же, в том, что касается моей работы как таковой, я по-прежнему в затруднении — а время просто сквозь пальцы утекает.

10 июня. На этом месте меня прервали — как обычно. Но среди всего прочего, и М., и меня поразил либо «вирус», либо пищевое отравление, — а в нашей загрязненной стране риск отравиться неуклонно растет, вместе с процентом маньяков…..

Очень хочу тебя увидеть. Не сомневаюсь, что стоит мне отправить это письмо, и тут же вспомнится еще много всего, что я собирался сказать. Но что мне самому необходимо, возм. более всего на свете, так это два-три дня на то, чтобы в целом посовещаться и обменяться мнениями с *тобой*. Хотя я считаю, что события развивались в неотвратимой последовательности, теперь я всякий день сожалею, что нас с тобою разделяет расстояние слишком большое для мгновенного обмена мнениями, а я настолько лишен возможности к передвижению…..

324 Из письма к Грэму Тейару 4–5 июня 1971

Тейар спрашивал об употреблении имени «Гэмджи» во «Властелине Колец», а также интересовался, не подсказано ли название «Гондор» городом Гондар в Эфиопии.

В вопросе «Гондара/Гондора» вы затронули сложную, хотя и весьма интересную проблему: суть процесса «лингвистического творчества» (включая систему имен) в целом и во «Властелине Колец» в частности. На рассмотрение ее потребуется слишком много времени — тут необходимо длинное эссе, о котором я часто подумываю, но, наверное, так и не напишу. Что до «Гондора», факты (насколько сам я осознаю) сводятся к следующему: 1) не припоминаю, чтобы когда-либо слышал название «Гондар» (в связи с Эфиопией) вплоть до вашего письма; 2) «Гондор» — (а) название, соответствующее стилю и фонетике синдарина и (б) означает «Земля камня», т. е. «Земля (людей, использующих) камень»{Это название понимали и другие народы, синдарина не знающие: ср. *Камень-страна* (1 том изд. 882), и в частности диалог *Теодена* и *Гхана* 864 и далее. На самом деле, внутри исторического повествования, очень вероятно, что нуменорцы Южного Королевства заимствовали это название у исконных обитателей *Гондора* и соответствующим образом перевели его на синдарин. — *Прим. авт.*}. Вне внутреннего исторического повествования это название явилось одним из самых ранних элементов в придумывании истории в целом. Кроме того, в лингвистической системе данного произведения, тщательно и в подробностях проработанной{Утверждение в предисловии к т. 1 издания в бумажной обложке, стр. 7, касательно того, что вся эта книга «в основе своей вдохновлена лингвистикой», в точности соответствует истине. — *Прим. авт.*}, «Гондор» и «Гондар» оказались бы двумя разными словами/названиями, и второе не имело бы точного значения. И тем не менее, сознание человека, конечно же, забито «лиственным перегноем» воспоминаний (подспудных) об именах, и они порою пробиваются на поверхность и могут, с определенными поправками, стать основой для имен «придуманных». Учитывая, сколь значимую роль сыграла Эфиопия в итальянской войне, возможно, «Гондар» — как раз один из таких элементов. Но ничуть не больше, чем, скажем, «Гондвана» (редкий случай втор-

жения геологии в поэзию). В данном случае я даже могу вспомнить причину того, почему элемент **gon(o), *gond(o)* был выбран в качестве основы для слов, обозначающих камень, когда я начал придумывать «эльфий-ские» языки. В возрасте приблизительно лет восьми я прочел в одной книжице (якобы детской), что из языка первобытных народов (до кельтского или германского нашествия) на сегодняшний день не известно ничего, кроме, возможно, элемента *ond* = «камень» (+ еще один, ныне забытый). Приятия не имею, как можно хотя бы догадываться о подобных формах, но мне тогда показалось, что *ond* подходит этому значению. (Начальная согласная *g-* добавилась гораздо позже, после того, как была создана история взаимоотношений между *синдарином* и *квенья*, в ходе которой начальное *g-* раннеэльфийского языка в кв. оказалось утрачено: кв. форма того же слова осталась *ondo*)…..

Гэмджи — совсем другое дело. В дни моего детства слово «гэмджи» мы использовали по отношению к тому, что сейчас/тогда чаще называется/называлось «вата».….Не так давно, в сборниках «Общества английской топонимики», посвященных Глостерширу (т. iii), я натолкнулся на формы, что, по-видимому, могли бы объяснить любопытную форму *Гэмджи (Gamgee)* как вариант распространенной фамилии *Gamage (Gammage, Gammidge)*. Изначально он восходит к фамилии *de Gamaches*….. однако самые ранние письменно зафиксированные формы этого имени в Англии — *Gamages, de Gamagis, de Gemegis* — вполне могли дать вариант *Gamagi* > *Gamgee*.

Так что ваше упоминание о Самсоне Гэмджи представляет немалый интерес. Поскольку он упоминается в книге о еврейском населении Бирмингема, я задумался, а не из еврейской ли он семьи. В таком случае происхождение имени может оказаться совсем иным. Не то чтобы имя французское или офранцуженное не может быть еврейской фамилией, тем более если таковая в Англии давно утвердилась. Сегодня мы ассоциируем еврейские имена главным образом с немецким и с разговорным идиш, что преимущественно немецкого происхождения{Возможно, именно поэтому мою фамилию сегодня так часто пишут неправильно — ТОЛКЕЙН (Tolkein), невзирая на все мои усилия исправить ошибку, — все, даже служащие моего колледжа, банка и поверенного! Моя фамилия — Толкин (Tolkien), англизированный вариант *To(l)kiehn* = *tollkьhn*, и пришла из Саксонии в XVIII в. Она не еврейского происхождения, хотя, будь это так, я бы почел это за честь. — *Прим. авт.*}. Однако лингва франка{Лингва франка — общепонятный смешанный язык из элементов романских, греческого и восточных языков, служащий для общения в

восточном Средиземноморье; в переносном смысле — общепонятный смешанный язык общения в каком-либо сообществе.} средневековых еврейских сообществ была (как рассказывал мне один мой друг, Сесил Роут) французского или смешанного французско-провансальского характера.

325 Из письма к Роджеру Ланслину Грину 17 июля 1971

«Бессмертные», которым было дозволено покинуть Средиземье и отправиться в *Аман*, — бессмертные земли *Валинора* и *Эрессэа*, остров назначенный *эльдар*, — отправлялись в плавание на кораблях, сделанных и освященных специально для такого путешествия, и держали курс прямо на Запад к древнему местоположению этих земель. Отплывали они лишь после заката; но, если бы за одним из таких кораблей следил какой-нибудь зоркий наблюдатель, он бы заметил, что корабль не скрывается за горизонтом: удаляясь, он делается все меньше, а потом исчезает в сумерках: он следовал по прямому пути на истинный Запад, а не по замкнутому в кольцо пути по поверхности земли. Исчезая, он покидал физический мир. И возвращения ему не было. Эльфы, отправившиеся этим путем, и те несколько «смертных», что особой милостью отправились с ними, вышли из «Истории мира» и более участвовать в ней не могли.

Бессмертные ангельской природы (воплощенные лишь по своей воле), *Валар*, или регенты под властью Господа, и прочие того же чина, но уступающие им в могуществе и величии (такие, как Олорин = Гандальв) в перевозке не нуждались, разве что до поры оставались воплощенными; они вполне могли вернуться, если им это дозволялось или приказывалось.

Что до *Фродо* или прочих смертных, им дано было прожить в Амане лишь ограниченный срок — будь то краткий или долгий. Валар не обладали ни властью, ни правом наделять их «бессмертием». Их пребывание там было своего рода «чистилищем», но «чистилищем», дарующим мир и исцеление, и со временем они бы ушли (*умерли* по собственному пожеланию и своей волей) к предназначению, о котором эльфы ничего не ведали.

Эта общая мысль служит фоном для событий «Властелина Колец» и «Сильмариллиона», однако не подается в виде геологической или астрономической «истины»; вот разве что за всеми этими легендами, как предполагается, стоит некая особая природная катастрофа, отмечающая первую стадию в наследовании людьми владычества над миром. Однако легенды эти — главным образом «человеческого» происхождения, слившиеся с преданиями синдар (Серых эльфов) и прочих, никогда не покидавших Средиземья.

326 Из письма к Рейнеру Анвину 24 июля 1971

Со времен смерти сэра Стэнли Анвина Рейнер возглавлял издательство «Аллен энд Анвин».

Я по вам ужасно соскучился, хотя со времен вашего восхождения на престол это неизбежно: +, конечно же, все людские заботы: и нет покоя голове в отцовском котелке{Перефразированная цитата из исторической хроники У. Шекспира «Генрих IV», часть 2 (III.1): «Но нет покоя голове в венце» (пер. Б. Пастернака). Стэнли Анвин был известен привычкой носить котелок.}.

327 Из письма к Роберту Х. Бойеру 25 августа 1971

В ответ на вопрос о том, знаком ли Толкин с У. Х. Оденом.

Юношей я Одена лично не знал; собственно говоря, я встречался и разговаривал с ним всего-то несколько раз в жизни.

Его интерес к древнеанглийской поэзии, в той мере, насколько Оден обязан им мне, почерпнут из моих публичных лекций и объясняется главным образом его собственными врожденными дарованиями и наличием «чуткого слуха» среди преимущественно глухих.

Однако же в последние годы я Одену очень многим обязан. Его поддержка И его интерес к моим произведениям стали для меня одним из основных источников воодушевления. Он писал на меня весьма лестные рецензии и заметки, не говоря уже о письмах, причем с самого начала, когда это еще не вошло в моду. Собственно говоря, над ним за это насмехались.

Я считаю его одним из самых хороших моих друзей, при том, что встречаемся мы так редко, вот разве что письмами обмениваемся, да он мне свои книги дарит. Я пытался отблагодарить его и отчасти выразить свои чувства, написав хвалебное стихотворение на древнеанглийском, что было опубликовано в выпуске «Шенандоа», посвященном его шестидесятилетию.

328 К Кэрол Баттен-Фелпс (черновик)

Осень 1971
Лейксайд-Роуд, 19

Уважаемая мисс Баттен-Фелпс!

Мне ужасно жаль, что ваше письмо (написанное 20 августа) задержалось в пути, а потом еще так долго ждало ответа. Я совершенно извелся, отвлекаясь на то и это, и этот мой бесконечный «завал» с делами; а в придачу — беспрестанная тревога из-за ухудшающегося здоровья жены…..

Ваши упоминания о М. Р. Ридли[476] меня крайне заинтересовали. Мы, конечно же, хорошо знали друг друга в Оксфорде….. Но только благодаря вашему письму я обнаружил, что он оказал мне честь, включив труды своего старого коллеги в категорию «литературы» и обеспечив мне умных, хорошо подготовленных читателей. А не ту почву, на которой, того и гляди, взрастет плесень культов. Об ужасах американской сцены я умолчу, хотя они обернулись для меня источником немалых огорчений и затруднений. (Они возникают в совершенно ином духовном климате и на почве, загрязненной и истощенной до такой степени, что с этим сравнится лишь безумное уничтожение физических земель как таковых, американцами населенных…..)

Я очень благодарен вам за замечания касательно критиков и за ваш рассказ о том, сколько удовольствия «Властелин Колец» доставил лично вам. Вы расхваливаете меня до небес, так что откликнуться на слова ваши лишь коротеньким «спасибо» показалось бы тщеславным самодовольством, хотя на самом деле я лишь недоумеваю, как такое получилось — у меня! Разумеется, эта книга сочинялась для того, чтобы доставить удовольствие себе самому (на разных уровнях), и как эксперимент в искусстве крупномасштабного повествования и пробуждения «Вторичной Веры». Она писалась медленно, с придирчивым вниманием к подробностям, и в итоге вышла Картиной без Рамы: лучом прожектора, так казать, высветившим краткий эпизод Истории и небольшую часть наш его Сре-диземья в окружении смутно проступающих бескрайних далей времени и пространства. Очень хорошо: это, возможно, до некоторой степени объясняет, почему книга вызывает «ощущение» историчности; почему ее приняли к публикации; и почему она понравилась огромному количеству людей самых разных. Однако полностью происходящее этим не

объясняется. Оглядываясь назад, на совершенно непредсказуемые события, последовавшие за публикацией — начавшиеся сразу же после выхода в свет т. I, — я чувствую, как если бы неуклонно темнеющее над нашим нынешним миром небо внезапно пронзил луч, тучи расступились и на землю вновь хлынул почти позабытый солнечный свет. Как если бы воистину рога Надежды запели вновь, — вот так Пиппин внезапно услышал их тогда, когда судьбы Запада висели на волоске. Но «Как?» и «Почему?»

Думаю, теперь я могу предположить, что ответил бы Гандальв. Несколько лет назад меня навестил в Оксфорде один человек, чье имя я успел позабыть (хотя, сдается мне, он — личность известная). Его до глубины души поразило то, что многие старинные картины, по его мнению, были созданы как иллюстрации для «Властелина Колец», задолго до выхода книги. Он привез с собой пару репродукций. По-моему, сначала ему просто хотелось понять, в самом ли деле мое воображение питали картины, точно так же, как, со всей определенностью, отдельные виды литературы и языки. Когда стало ясно, что, если только я не лжец, то я в жизни не видел этих картин и с живописью знаком слабо, он умолк. Я заметил, что он пристально смотрит на меня. И тут он вдруг сказал: «Вы ведь, конечно же, не считаете, что написали всю эту книгу сами, правда?»

Гандальв чистой воды! Я был слишком хорошо знаком с Г., чтобы неосторожно подставиться под удар или спросить, что он имеет в виду. Кажется, я ответил: «Нет, теперь я так не считаю». И с тех пор был уже не в состоянии думать иначе. Пугающий вывод для старика-филолога касательно его персональной забавы! Зато от такого вывода не заважничает тот, кто сознает несовершенства «избранных орудий» и, как порою представляется, их прискорбную непригодность для назначенной цели.

Вы пишете о «разумности и праведности» в «В. К.», «который сам по себе — великая сила». Меня эти слова глубоко растрогали. Ничего подобного я прежде не слышал. Но, по странной случайности, как раз когда я садился за этот ответ, я получил письмо от человека, который определял себя как «неверующего или в лучшем случае того, в ком религиозность пробуждается запоздало и смутно… но вы, — утверждал он, — создали мир, в котором некая вера словно разлита повсюду, без видимого источника, точно свет от незримой лампы». Я могу лишь ответить: «О собственной разумности человеку с уверенностью судить не дано. Если праведность присутствует в его произведении или освещает его точно всепроникающий свет, значит, исходит она не от него, но через него. И ни один из вас не ощутил бы ее так, как вы говорите, если бы и в вас этого не было.

В противном случае вы бы ничего не увидели и не почувствовали, или (при наличии иного духа) вы преисполнились бы презрения, отвращения, ненависти. «Листва эльфийской страны, тьфу!» «Лембас — зола и песок, мы их в рот не возьмем». Разумеется, «В. К.» принадлежит не мне. Книга создана — и теперь должно ей идти по свету назначенным путем, хотя я, естественно, глубоко заинтересован в ее судьбе, как родитель — в судьбе ребенка. И меня утешает сознание того, что у книги есть добрые друзья, способные защитить ее от злобы недругов. (Вот только не все дураки — во враждебном лагере.) С наилучшими пожеланиями одному из лучших друзей моей книги. Остаюсь,

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

329 Из письма к Петеру Шабо Шентмихайи (черновик)

Октябрь 1971

У меня нет времени предоставлять библиографические сведения о критических статьях, рецензиях или переводах.

Однако мне хотелось бы вкратце прояснить следующие моменты. (1) Одно из моих глубочайших убеждений состоит в том, что исследование биографии автора (или тех мимолетных впечатлений о его «личности», что дано уловить любопытствующим) как подход к его произведениям совершенно бесполезно и фальшиво — и тем более в случае *художественного произведения*, целью которого, по замыслу автора, является *получение удовольствия: наслаждение* литературным вымыслом при прочтении. Так что любой читатель, которого автор (к собственному глубокому удовлетворению) сумел «порадовать» (взволновать, увлечь, растрогать и т. д.), если он хочет, чтобы и другие порадовались точно так же, должен попытаться своими словами, в качестве источника имея лишь саму книгу, убедить их прочесть ее литературного удовольствия ради. Прочтя же ее, некоторые читатели (как мне представляется) захотят «покритиковать» ее и даже проанализировать, и, если таков их склад ума, они, разумеется, в своем праве — при условии, что *сперва* они внимательно прочли книгу от начала и до конца. Не то что подобный образ мыслей мне симпатичен: как отчетливо явствует из т. I стр. 272: Гандальв: «Тот, кто ломает вещь, пытаясь понять, что это такое, сошел с пути мудрости».

(2) Меня крайне мало интересует поступательная история литературы и совершенно не интересует история или современное состояние английского «реалистического романа». Мое произведение — не «реалистический роман», но «роман героический», разновидность литературы куда более древняя и совершенно иная.

(3) Вешать «ярлыки» на авторов, покойных или живых, при любых обстоятельствах — процедура нелепая; детская забава для недалеких умов; и в высшей степени «мертвящая», поскольку в лучшем случае тем самым излишне подчеркивается то, что является общим для избранной группы писателей, и отвлекается внимание от того, что есть *индивидуального* в каждом из них (и, следовательно, классификации не поддается), — от того самого элемента, что наделяет их жизнью (если таковая есть). Но я в

толк взять не могу, с какой стати налепливать на меня ярлык «приверженец моральной дидактики». И кем бы? Как бы то ни было, во «Властелине Колец» я делаю нечто прямо противоположное. Я не проповедую и не поучаю.

330 Из письма к Уильяму Кейтеру 1 ноября 1971

В этом месяце Кейтер навестил Толкина, чтобы взять у него интервью для «Санди таймс». Интервью было опубликовано 2 января 1972 г. среди других материалов в честь восьмидесятилетия Толкина.

Мне оч. неловко: ваше письмо от 19 октября так и осталось без ответа, при том, что это — одно из самых сердечных и ободряющих писем, что я когда-либо получал. Прошу, поверьте: *письма* (любой длины) для человека, отрезанного от всего мира, — что хлеб для узника, умирающего от голода в башне.

331 К Уильяму Кейтеру 29 ноября 1971

Отель «Мирамар», Борнмут

Дорогой мой Кейтер!

С прискорбием сообщаю вам, что сегодня утром скончалась моя жена. Ее мужество и стойкость (о которых вы отозвались совершенно справедливо) всячески ее поддерживали: казалось, она уже на грани выздоровления, но внезапно приключился рецидив, с которым она тщетно боролась почти три дня. Наконец она упокоилась в мире.

Я понес тяжелейшую из утрат и пока что никак не приду в себя; но мои близкие постепенно съезжаются ко мне, и многие друзья тоже. Сообщения появятся в «Таймс» и «Телеграф». Я рад, что в четверг (18 числа, сдается мне) вы застали ее еще бодрой, до того, как в пятницу ночью (19) ей стало хуже. Я сберегу ваше письмо от 26, особенно ради последних его строк.

Неизменно искренне Ваш, РОНАЛЬД ТОЛКИН.

332 К Майклу Толкину

Мертон-Колледж, преподавателем которого Толкин был с 1945 по 1959 гг., предоставил ему жилье, теперь, когда от дома в Пуле пришлось отказаться.

24 января 1972
Западный Ханней[477]

Дорогой мой Мик!

….Думаю, новости утешат тебя и обрадуют. Проявив исключительное великодушие — невзирая на крупные внутренние проблемы, — Мертон предоставил [мне] превосходнейшую квартиру, куда, по всей видимости, поместится основная часть моей уцелевшей «библиотеки». И при этом — на самых неожиданных «условиях»! (1) Рента будет «чисто номинальной», и это означает именно то, что подразумевается: совершенно пустяковая сумма в сравнении с рыночной стоимостью. (2) Вся или любая необходимая мебель предоставляется колледжем *бесплатно* — мне уже выдали огромный уилтонский ковер{Уилтонские ковры — шерстяные, с коротким разрезным ворсом и восточным узором, — изначально производились в г. Уилтон, отсюда их название.}, которого хватило застелить всю гостиную, что площадью почти не уступает нашей большой г[остиной] на Лейксайд-Роуд, 19 (она самую малость поменьше в длину и побольше в ширину). (3) Поскольку дом 21 по М[ертон]-Ст. юридически является частью колледжа, домашняя прислуга тоже предоставляется *бесплатно*, в лице смотрителя, живущего там же, в доме, и его жены в качестве экономки. (4) Мне причитается *бесплатный* ланч и ужин в течение всего года, в то время, пока я там проживаю: и оба удовлетворят самый придирчивый вкус. Это составляет — за вычетом девятинедельного отсутствия — пожалование в размере где-то между 750 и 900 фунтами в год, в которые сб. налогов когти запустить пока не удалось. (5) Колледж бесплатно предоставляет мне два телефона: (а) для *местных* звонков, и для звонков с добавочным номером, которые тоже *бесплатны*; и (б) для междугородных звонков, для которых установлен отдельный номер, и за которые платить буду я. Это очень удобно: деловые и частные звонки родным и друзьям не будут проходить через перегруженную привратницкую{Т. е. через коммутатор, там установленный.}; загвоздка лишь в том, что номер неизбежно появится в телефонной книге, и не вносить его нельзя. Ну да я

уже обнаружил в Пуле, что неудобства номера, в телефонную книгу не внесенного (весьма значительные), на самом деле перевешивают выгоды защиты. Если меня станут слишком уж допекать, я установлю автоответчик и стану включать его при необходимости. (6) Никаких коммунальных налогов; оплата за газ и электричество — по сниженным тарифам. (7) Я могу пользоваться двумя прекрасными профессорскими (на расстоянии ста ярдов), где бесплатная писчая бумага, бесплатные газеты и кофе в первой половине дня. Все это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, — и, разумеется, все это зависит от моего здоровья; поскольку, как мне совершенно справедливо и правильно указали, возможно такое положение дел только благодаря моему несомненно крепкому для моего возраста здоровью и подвижности. Сам я здесь особой уверенности не испытываю со времен того октябрьского приступа (когда за неделю или около того я потерял более стоуна{6,34 кг.}), от которого я окончательно оправился только после Рождества. Однако ощущение неуверенности, возможно (я надеюсь), вызвано главным образом калечащим влиянием потери, которую мы понесли. Я чувствую себя не вполне «настоящим», я утратил цельность; в определенном смысле мне и поговорить-то не с кем.

(Ты, конечно же, разделяешь это ощущение, особенно в том, что касается писем). С тех пор как я достиг совершеннолетия и закончилась наша трехлетняя разлука, мы делили на двоих все наши радости и горести, и все наши мнения (в согласии или иначе), так что я до сих пор зачастую ловлю себя на том, что думаю: «Надо рассказать об этом Э.», — а в следующий миг внезапно чувствую себя точно потерпевший кораблекрушение, что остался один-одинешенек на бесплодном острове под равнодушным небом, утратив огромный корабль. Помню, я пытался описать это чувство Марджори Инклдон[478], когда мне еще тринадцати не исполнилось, после смерти матери (9 ноября 1904 г.), и тщетно указывал на небеса, говоря: «Так пусто, так холодно». Помню еще как, после смерти о. Френсиса, моего «второго отца» (в возрасте 77 лет в 1934 г.){Собственно говоря, он приходился бы практически ровесником моему родному отцу, будь тот жив: оба родились в 1857 г., Френсис в конце января, а мой отец — в середине февраля. — *Прим. авт.*}, говорил К. С. Льюису: «Чувствую себя так, словно реальный мир сгинул, а я, единственный уцелевший, затерян в новом, чужом для меня мире». Но, разумеется, эти горести, при всей их остроте (особенно первая) настигли меня в юности, когда жизнь и работа только начинались. В 1904 г. нам (Х[илари] и мне) нежданно-негаданно достался чудесный дар — любовь, забота и юмор о. Френсиса, и

только через 5 лет (равные двадцатилетнему опыту последующей жизни) я встретил Лутиэн Тинувиэль моего собственного, личного «романа» — с длинными, темными волосами, глазами, как звезды, и мелодичным голосом. В 1934 г. она все еще была со мною, и ее прекрасные дети — тоже. А теперь вот она ушла раньше Берена, оставив его и впрямь однoруким, да только не обладает он властью растрогать неумолимого Мандоса, и нет *Дор Гюрт и куйнар*, Земли Умерших, что Живы, в этом Падшем Королевстве Арды, где поклоняются прислужникам Моргота…..

333 К Рейнеру Анвину 16 марта 1972

Мертон-Колледж

Дорогой Р.!

Все, что вы для меня делаете, преисполняет меня глубокой благодарности.

Я наконец-то ВЬЕХАЛ, еще во вторник, но еще не «обосновался» толком. Погода (похоже на образчик нашей обычной «свадебной» погоды, нагрянувшей слишком рано) изрядно меня подбадривает. Обширный склон в Преподавательских садах{Во многих оксфордских колледжах, в том числе и в Мертоне, есть сады, предназначенные исключительно для пользования преподавателей, членов совета колледжа (Fellows), и запирающиеся на ключ.} — точь-в-точь передний план какого-нибудь прерафаэлитского полотна: ослепительная зелень, а в ней, точно Млечный Путь, звездочки синих анемонов, пурпурных/белых/желтых крокусов, и последний из сюрпризов — повсюду порхают бабочки: и луговые желтушки, и павлиний глаз, и крапивницы.

Надеюсь меньше чем за неделю привести «квартиру» в порядок, — останется лишь предпринять последнее усилие (забрать библиотеку со склада). Я питаю слабую надежду, что, может статься, вы с женой выберете какой-нибудь ясный денек и навестите меня.

Извините за каракули.

Неизменно Ваш, ДЖ. Р. Р. Т.

334 К Рейнеру Анвину

28 марта 1972 г. в Букингемском дворце Толкину вручили орден Британской империи второй степени. Рейнер Анвин устроил ужин в его честь в клубе «Гаррик»{Лондонский клуб актеров, писателей, журналистов, названный так в честь знаменитого актера Д. Гаррика (основан в 1831 г.)}, а издательство «Аллен эндАнвин» забронировало ему номер в лондонском отеле «Браунз»{Лондонский отель высшего класса в районе Мейфэр.}.

30 марта 1972
Мертон-Колледж

Дорогой мой Рейнер!

Я не нахожу слов, чтобы отблагодарить вас должным образом за вашу доброту и великодушие и от себя самого, и от имени Джона и Присциллы за все, что вы для нас сделали, дабы 27 и 28 марта стали событием отрадным и незабываемым.

Вечер доставил мне массу удовольствия, и не в последнюю очередь потому, что всякий раз, как я оглядывался по сторонам, все вокруг, похоже, веселились не меньше моего. Спал я крепко (в комфортном-то «Браунз»!), но недолго, и проснулся в 6 утра от шума дождя и ветра; однако я верил, что удача на моей стороне, и ничуть не удивился, когда ради такого случая ярко засияло солнце.

Благодаря опытности и любезности вашего шофера туда и обратно мы добрались без сучка, без задоринки. В самом дворце церемонии, особенно для «награждаемых», сопровождались некоторой скукой (не вовсе лишенной комических штрихов). Но моя недолгая встреча с королевой и те несколько слов, которыми мы обменялись, меня глубоко растрогали. Совершенно не похоже на то, чего я ожидал. Но пока ничего более к этому не добавлю. Не случится ли часом возможности с вами повидаться, пока воспоминания еще свежи?….

Неизменно Ваш, РОНАЛЬД ТОЛКИН.

А не могли бы вы называть меня просто по имени? Я теперь принят в здешнее сообщество, — а в нем давно вошло в привычку обращение по именам, вне зависимости от возраста или должности; а поскольку вы ныне оч. старый друг и притом весьма дорогой, мне бы ужасно хотелось и с вами быть «familiaris»{Друг, знакомый (*лат.*); т. е. держаться запросто, по-семейному.}. Р.

335 Из письма к Майклу Самону 18 мая 1972

Спасибо за ваше письмо, такое сердечное, и за ваш интерес к моим произведениям в целом. Однако ж ныне я — старик, что изо всех сил тщится закончить хотя бы некоторые из своих трудов. Любая дополнительная работа, пусть и пустяковая, уменьшает мои шансы когда-либо опубликовать «Сильмариллион». Так что, надеюсь, вы поймете, отчего для меня никак невозможно тратить время на комментарии о себе самом или своих книгах.

336 Из письма к сэру Патрику Брауну 23 мая 1972

В том, чтобы стать культовой фигурой еще при жизни, боюсь, приятного мало. И тем не менее я не нахожу, что это способствует зазнайству; сам я чувствую себя ужас каким маленьким и ничтожным. Но даже нос самого скромного из идолов (помоложе, чем Чу-Бу, и немногим старше Шимиша)[479] никак не может не пощекотать сладкий аромат фимиама!

337 Из письма к «мистеру Ригли» 25 мая 1972

Боюсь, вы, того и гляди, окажетесь правы, утверждая, что поиск источников «Властелина Колец» займет не одно поколение ученых. Мне очень жаль, что это так. На мой взгляд, самое интересное — это данное конкретное использование мотива в данной конкретной ситуации, будь то мотив вымышленный, намеренно заимствованный или бессознательно всплывший в памяти.

338 Из письма к о. Дугласу Картеру 6 [?] июня 1972

В ответ на вопрос: нашли ли энты своих жен?

Что до *жен энтов*: я не знаю. О временах позже первых нескольких лет Четвертой эпохи я ничего не писал. (Если не считать начала повести, действие которой предполагалось отнести к концу правления Эльдарона{Так в оригинале.} примерно 100 лет спустя после смерти Арагорна. Потом я, конечно же, обнаружил, что о временах Королевского Мира рассказывать особенно нечего; а войны, которые Арагорн вел, после низвержения Саурона особого интереса не представляют; но что примерно тогда практически наверняка возникла бы неудовлетворенность — из-за того, что (по-видимому) люди неизбежно пресыщаются хорошим: возникли бы тайные общества, практикующие темные культы, и «орочьи культы» среди подростков). Однако, сдается мне, в т. II стр. 80–81[480] ясно говорится, что для энтов в рамках «истории» воссоединения не будет — но энты и их жены, будучи разумными созданиями, обретут некий «земной рай» вплоть до конца этого мира: а далее ни мудрость эльфов, ни энтов не прозревает. Хотя, возможно, они разделяли надежду Арагорна на то, что они «не прикованы навеки к кругам мира, а за пределами их более, чем память»…..

В отношении греческого я ощущаю себя этаким перебежчиком, который по доброй воле на долгие годы поселился среди «варваров», хотя некогда я кое-что о нем знал. Однако ж я предпочитаю латынь. Я чувствую себя так же, как Теодор Хаэкер[481] — или как некий выдающийся филолог (Базелл), который некогда был моим студентом, а теперь является экспертом в таких «варварских» языках, как турецкий: однажды он написал мне по поводу одного только что открытого языка: «Он из тех, что вы и я оба сочтем «нормальным», с точки зрения человека вообще, — он ведь похож на латинский».

339 К редактору «Дейли телеграф»

В передовице «Дейли телеграф» от 29 июня 1972, озаглавленной «Лесоводство и мы», содержался отрывок: «Овечьи пастбища, раскинувшиеся на целые мили — гуляй не хочу, — превращены в обитель толкиновского мрака, где даже птицы не поют…» Письмо Толкина было опубликовано в номере от 4 июля, с небольшими изменениями в первой фразе.

30 июня 1972
Мертон-Колледж, Оксфорд

Уважаемый сэр!

Касательно номера «Дейли телеграф» от 29 июня, страница 18, я считаю, что несправедливо использовать мою фамилию как определение к «мраку», тем более в контексте, где речь идет о деревьях. Во всех моих произведениях я встаю на сторону деревьев против всех их врагов. Лотлориэн прекрасен, потому что деревья там всеми любимы; в других эпизодах изображается, как леса пробуждаются и обретают самосознание. А Древний лес враждебен к двуногим созданиям, памятуя о многих обидах. Лес Фангорна, прекрасный и древний, во времена развития событий был исполнен враждебности, поскольку ему угрожал враг, приверженец машин. Мирквуд некогда подпал под власть Силы, ненавидевшей все живое, но еще до конца повествования ему вернули былую красоту и он стал Зеленолесьем Великим.

Несправедливо сравнивать комитет по лесоводству с Сауроном, поскольку, как вы заметили, комитет способен на раскаяние; однако никакие глупости и в сравнение не идут с уничтожением, мучительством и убийством деревьев, осуществляемым отдельными частными лицами и местными властями. Зловещий визг электропилы ни на минуту не умолкает там, где обнаружены еще растущие деревья.

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

340 ***Из письма к Кристоферу Толкину*** *11 июля 1972*

Наконец-то занялся маминой могилой….. Мне бы хотелось следующую надпись:

ЭДИТ МЭРИ ТОЛКИН
1889–1971
Лутиэн

: коротко и сухо, за исключением *Лутиэн*, а это имя значит для меня больше, нежели бесчисленное множество слов; ибо она была моей Лутиэн (и знала об этом){Она знала самый ранний вариант легенды (написанный в госпитале), а также и стихо творение, впоследствии опубликованное как песнь Арагорна в ВК. — *Прим. авт.*}.

13 июля. Скажи, что думаешь, без утайки, об этом добавлении. Я начал это письмо в глубоком потрясении, во власти сильного переживания и горя, — и в любом случае время от времени на меня накатывает (с возрастающей силой) всепоглощающее чувство утраты. Мне необходим совет. И, однако ж, я надеюсь, что никто из моих детей не сочтет использование этого имени сентиментальной причудой. Как бы то ни было, с цитированием ласкательных прозвищ в некрологах оно и в сравнение не идет. Я в жизни не называл Эдит «Лутиэн» — однако именно она дала начало легенде, что со временем стала центральной частью «Сильмариллиона». Впервые эта легенда зародилась на небольшой лесной полянке, заросшей болиголовами, под Русом, в Йоркшире (где я недолгое время командовал аванпостом хамберского гарнизона в 1917 г. и она имела возможность какое-то время жить там со мной). В те дни волосы ее были как вороново крыло, кожа — атласная, глаза сияли ярче, нежели когда-либо на твоей памяти, и она умела петь — и *танцевать*. Но легенда исказилась, я — оставлен, и *мне* не дано просить перед неумолимым Мандосом.

Сейчас я ничего более к тому не прибавлю. Но мне хотелось бы в скором времени побеседовать по душам с *тобой*. Потому что очень похоже на то, что я никогда не напишу никакой упорядоченной биографии — не в моем это характере, ибо я выражаю чувства наиболее глубокие через предания и мифы — и кто-нибудь близкий мне сердцем должен узнать хотя бы отчасти все то, что записи не увековечивают: про ужасающие страдания нашего детства, от которых мы спасали друг друга, но так и не смогли полностью исцелить раны, что позже зачастую давали о себе знать столь пагубным образом; про страдания, что выпали на нашу долю уже после того, как мы полюбили друг друга. И все это (помимо и превыше наших личных слабостей) может помочь простить или хотя бы понять те темные моменты и превратности, что порою портили нам жизнь — и объяснить, почему они не смогли затронуть самых глубин и омрачить воспоминания о нашей юношеской любви. Ибо мы всегда (особенно оставшись одни) встречались на лесной поляне и столько раз, рука об руку, уходили, спасаясь от тени неминуемой смерти вплоть до нашей последней разлуки.

15 июля. Вчера побывал в Хемел-Хемпстеде{Городок в окрестностях Лондона.}. За мной прислали машину, и я отправился в огромное новое (серо-белое) здание, где расположены офисы и магазины «Аллен энд Анвин». Туда-то я и явился с официальным визитом, точно некий принц крови, и несколько оторопел, обнаружив, что все это предприятие со множеством отделов (от бухгалтерии до рассылки) занимается *в основном* моими произведениями. Меня ждал восторженный прием (плюс оч. хор. ланч), и я побеседовал со всеми сотрудниками, начав с совета директоров и далее по убывающей. «Бухгалтерия» сообщила мне, что объемы продаж «Хоббита» взлетают до недосягаемых прежде вершин. И что только что поступил огромный отдельный заказ на книгу «Властелин Колец». Когда я не выказал в полной мере ожидаемого радостного удивления, мне мягко разъяснили, что отдельный заказ на сто экземпляров прежде считался очень неплохим (и сегодня считается, для других книг), но заказ на «Властелина Колец» составил 6 000 экземпляров.

341 Из письма к Марджори Инклдон 17 сентября 1972

Как я тебя понимаю (сейчас — с особенной остротой), когда ты говоришь о желании, и даже необходимости, время от времени сбегать от «жизни в обществе». Колледж отнесся ко мне с исключительной добротой и великодушием: мне дали чудесную квартиру с двумя просторными комнатами и ванной в одном из их домов на Мертон-Стрит, и тамошний смотритель (и его жена) заботятся о моих домашних нуждах. Я проживаю там в качестве почетного члена колледжа, пользуясь всеми привилегиями такового (как, скажем, бесплатный ланч и ужин за общим столом), но при этом — никаких обязанностей. Для них я — явление чисто «декоративное». Число членов колледжа{В оригинале «Fellows and Common Room Members». Первое — действительные члены колледжа, преподаватели и профессора, занимающие долговременные посты в колледже. Все остальные студенты и преподаватели считаются принадлежащими к одной из общих гостиных, или Common Rooms: студенты — к младшей гостиной (Junior Common Room), аспиранты — к средней гостиной (Middle Common Room), а преподаватели — к старшей гостиной, или профессорской (Senior Common Room). К реальному посещению гостиных прямого отношения это разделение не имеет.} ныне увеличилось втрое, и уровень их невероятно повысился с тех пор, как я был действительным членом колледжа (1945–1959): они охватывают практически все отрасли знания и науки, и почти все (в разной степени) очень славные собеседники, хотя по большей части трудятся не покладая рук и вечно заняты. И тем не менее я зачастую чувствую себя ужасно одиноко и мечтаю о смене обстановки! Когда триместр заканчивается (т. е. когда студенты разъезжаются), я остаюсь один-одинешенек в огромном доме, смотритель и его жена — далеко внизу, в цокольном этаже, а поскольку я (особенно по возвращении в Оксфорд) — личность приметная и меня вечно осаждают незваные гости и разные негодяи, живу я за запертыми дверями.

Изредка мне удается вырваться на волю. И, конечно же, «юридически» я свободен приезжать и уезжать, когда вздумается. Однако в качестве члена совета колледжа я связан определенными обязательствами учтивости (и благодарности за то, что был спасен из отчаянного положения янв. — февр.), и одно из главных таких событий — это заседание всех членов

совета перед началом триместра в октябре (в этом году — 11 октября перед 15 октября). Я уже заверил ректора, что 11 октября непременно буду, и тут пришло твое письмо. Если я слишком затянул с неопределенностью, прости, пожалуйста! Мне несказанно повезло{Благодаря Кристоферу — пока я тщетно искал какое-никакое жилье, он написал «от себя» ректору Мертон-Колледжа и рассказал, что вот отец его бродит неприкаянно, тщетно ищет себе пристанище, и не мог бы колледж чем-нибудь посодействовать? Так что я, к вяще му своему изумлению, получил письмо от ректора, в котором говорилось, что он созвал экстренное заседание административного совета, и совет единогласно проголосовал за то, чтобы пригласить меня поселиться в колледже в качестве его почетного члена! — *Прим. авт.*}, но на самом деле я еще не «устроился благополучно»: вокруг пока что изрядная неразбериха.

342 Из письма к миссис Мериел Терстон 9 ноября 1972

Ваше письмо для меня — большая честь, и я совершенно не возражаю против того, чтобы вы использовали название «Ривенделл» в племенной книге, хотя в невежестве своем не думаю, чтобы сама долина Ривенделл оказалась бы подходящим местом для разведения скота.

Мне было бы любопытно узнать, какие имена вы в итоге выбрали (как клички?) для своих быков; и с удовольствием подобрал бы или придумал подходящие имена сам, если вы захотите. Эльфийское слово для обозначения быка, MUNDO, не встречается ни в одном из опубликованных произведений.

343 Из письма к Стерлингу Ланьеру 21 ноября 1972

Рад узнать, что вам присужден приз, но ничуть не удивлен, что приз этот оказался ни к чему не пригодным. Я испытал примерно такое же разочарование, когда мне доставили кубок (подарок от поклонника), — как выяснилось, стальной, с выгравированной на нем жуткой надписью с Кольца. Разумеется, пить из него я не стал, но использую его как пепельницу.

344 Из письма к Эдмунду Мескису 23 ноября 1972

По поводу числительных во «Властелине Колец».

Касательно числительных: использование двенадцатеричной системы, особенно таких основных цифр как 12 и 144, к пальцам не имеет ни малейшего отношения. Англичане используют двенадцатеричную систему и у них даже особые слова для таких цифр есть, *дюжина* и *гросс*{Двенадцать дюжин.}. Использовали ее и вавилоняне. Все — в результате элементарного математического открытия: как только люди перестают считать по пальцам рук и ног, они обнаруживают, что 12 — число куда более удобное, нежели 10. Я действительно придумал в дополнение к Фэанорову алфавиту знаки для цифр, приспособленные как к десятичной системе, так и к двенадцатеричной, но я никогда ими не пользовался и теперь уже плохо их помню. Боюсь, папка с системами счисления сейчас недоступна: скорее всего, заперта в несгораемом шкафу. Припоминаю, что числительные записывались в соответствии с позиционной системой на манер арабских цифр, слева — наименьшая, и так вплоть до наибольшей справа.

345 К миссис Мериел Терстон

О предыстории письма см. № 342.

30 ноября 1972
Мертон-Колледж, Оксфорд

Уважаемая миссис Терстон!

Спасибо за письмо. Лично я не то чтобы одобряю, когда благородные имена, принадлежащие разумным существам, присваиваются животным; и, как бы то ни было, Эльронд и Глорфиндель — персонажи в данном случае неподходящие, поскольку их имена, означающие (1) «Звездный купол» и (2) «Золотые волосы», представляются неуместными. Я тут недавно поразвлекся с мыслью использовать то слово, обозначающее «бык», что я вам подсказал, которое в форме — *mund*, дает вполне себе знакомое звучание (как в «Эдмунд», «Сигизмунд» и т. д.), а с добавлением нескольких эльфийских префиксов образует имена вроде Арамунд («Королевский бык»), Тармунд («Благородный бык»), Расмунд («Рогатый бык»), Туркомунд («Главный бык») и т. д. Как они вам?

Арвен была не эльфом, но одной из тех полуэльфов, что отказались от своих эльфийских прав. Галадриэль («Сверкающий венец») — главная из эльфийских женщин, упомянутых во «Властелине Колец»; ее дочь звалась Келебриан («Серебряная королева»). А еще была Нимродель. Однако, по чести говоря, мне бы очень не хотелось, чтобы эти имена присваивались коровам или телкам. Если вам нравятся варианты в духе «Арамунда», я мог бы придумать и несколько женских имен. Но, может, вам пригодилось бы имя любимой коровы фермера Джайлса — Галатеи (см. «Фермер Джайлс из Хэма»), — притом, что создано оно, скорее, по классическим, нежели по эльфийским моделям? В таком виде его можно перевести как «Богиня молока».

Искренне Ваш, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

346 Из письма к Лайлу Личу 13 декабря 1972

Ответ читателю, попросившему Толкина помочь с учебным заданием на материале его произведений.

См. «Властелин Колец», т. I, стр. 272: «Тот, кто ломает вещь, пытаясь понять, что это такое, сошел с пути мудрости» (/или та) — Гандальв. Я не был бы склонен помогать в этом разрушительном процессе, даже если бы мне не казалось, что задание вам назначено в качестве самостоятельной работы и помощь тут не предусмотрена….. Сказано также (I стр. 93): «Не мешайся в дела Магов, Маги непостижны и скоры на гнев». Извините, если это письмо покажется грубым. Но я терпеть не могу такого рода анализ.

347 К Ричарду Джеффери

Ответ на следующие вопросы: (1) Означает ли: «Говори, друг, и входи» (надпись на Вратах Мории) — «Говори как друг», т. е. дружелюбным голосом? (2) Ни у кого из королей Гондора и Арнора имена не заканчиваются на гласную, как большинство квенийских имен. Не для того ли это сделано, чтобы они звучали привычнее в контексте синдарина, в то время как потомки Кастамира, предположительно воспринимавшие последующих королей как «полукровок», утверждали чистоту своей крови через «вызывающе квенийские имена»? (3) Похоже, что квенийские имена во всем Средиземье используют одни только люди, но не эльфы. Элендиль и его меч Нарсиль — это квенья; Гиль-галад и его копье Аэглос — это синдарин, при том, что он — король Высоких эльфов. Имеет ли это отношение к отсутствию у эльфов нарочитой помпезности? (4) Соответствует ли слово *tyelpe* (название буквы ty) слову *celeb*, серебро? (5) Может ли «Арагорн» означать «король дерева» (с леницией **gorn* в *orn* «Келеборн» и т. д.), а «Араторн» предположительно «Король двух деревьев», т. е. имеются в виду Два Древа?

17 декабря 1972
Мертон-Колледж, Оксфорд

Дорогой Ричард!

Извините, что не ответил на ваше интереснейшее письмо (от 14 августа) гораздо раньше…..Как вы, вероятно, знаете, я — старик, и в работе уже не так спор, как прежде; при том, что и по сей день обременен многими заботами, постоянно отвлекающими от стараний опубликовать хотя бы некоторые из моих прочих легенд. Кроме того, последние три месяца я неважно себя чувствую.

Все ваши вопросы небезынтересны, однако, боюсь, чтобы ответить на них должным образом, во многих случаях потребуется обратиться к лингвистическому и мифологическому материалу, который в письме излагать слишком долго.

1. *pedo mellon*. Не знаю, отчего вас не удовлетворяет собственная интерпретация Г[андальва], I. стр. 321—2, *«Говори «друг»*: т. е. произнеси слово «друг». Потому ли, что Гандальв при этом кажется довольно бестолковым? Но он сам это признает и

объясняет причину — вполне убедительно для тех, кто понимает, сколь тяжким бременем давят на него ответственность, спешка и страх.

2. *Кв[енийские] имена королей, и т. д.* Кв. была известна в ученой среде Гондора по меньшей мере так же хорошо, как до сих пор известна в Западной Европе латынь. Использовалась она в торжественных ситуациях, так что никаких причин приспосабливать кв. имена к синдарину не было. Ни одно из кв. имен в списках (III 315–318—319) не адаптировано: все они по *форме* целиком и полностью соответствуют языку квенья. В кв. дозволялись, более того, приветствовались «зубные согласные» *n, l, r, s, t* в качестве конечного согласного; никакие другие конечные согласные в кв. списках не присутствуют. *Ангамайтэ*, «Железная длань», и *Сангахъяндо*, «Рассекающий толпу, полчища»{Т. е. тесный строй вражеских солдат. — *Прим. авт.*} хорошо звучат на кв., но ничуть не лучше, чем прочие имена, и не было ни малейшей необходимости провозглашать их королевское происхождение, это было самоочевидно. Однако, возможно, они действительно звучали «вызывающе», поскольку были личными именами (или прозвищами) воинов, в то время как другие (немногие) воинственные кв. имена, такие, как *Ромендакиль*, носили «политический» характер: король принимал такое имя в ознаменование побед над вражеской державой.

3. *Высокий эльфийский и синдарин*. Нам подобное смешение может показаться странным, однако оно целиком и полностью согласуется с историей Первой и Второй эпох, которая вкратце излагается в III прилож. A, 313—7. А также в III 363{Приложение B, «Повесть лет»}. Во времена «В. К.» (см. III 106{Книга V, гл. 5}) [язык] квенья был «мертвым» (т. е. его выучивали, а не усваивали в детстве) на протяжении уже многих веков (собств. говоря, около 6 000 лет). «Высокие эльфы», или изгнанные нолдор, в силу причин, объясненных в легенде об их бунте и изгнании их из Валинора, сразу же перешли на синдарин, и даже перевели или адаптировали к синд. свои кв. имена. «Галадриэль», при том, что имя это по форме прекрасно и благородно, ничуть не более кв., нежели «Гиль-галад», куда входит синд. слово *galad*; а «Келеборн» — это перев. исх. имени «Тельпорно»; при том, что он, как говорилось, приходился родичем королю Элу Тинголу, родство это было довольно дальним, поскольку и он тоже явился из Валинора. Можно отметить, что в конце Третьей эпохи знало кв. или говорило на синд., пож., больше народу (людей), нежели эльфов! Даже при том, что население Минас Тирита и его ленов убывало, оно тем не менее намного превосходило численность обитателей *Линдона, Ривенделла* и *Лориэна*{Лесные эльфы

королевства Трандуиля говорили не на синд., а на родственном языке или диалекте. — *Прим. авт.*}. В Гондоре повсеместно использовался «вестрон», язык, представляющий собою примерно такую же смесь, как совр. английский, но в основе своей восходящий к родному яз. нуменорцев; однако синдарин являлся усвоенным языком вежливого обращения и использовался более чистокровными н[уменорцами], особ, в крепости Минас Тирит, там, где следовало проявить учтивость (как в кличе «Эрнильиферианнат» III 41, ср. 231, и «Мастер *периан*» 160). *«Нарсиль»* — это имя, составленное из двух базовых основ без изменений и добавлений: √*NAR* «огонь» и √*THIL* «белый свет». Тем самым он символизирует главные небесные светила, как противников тьмы, Солнце (Анар) и Луну (на кв.) *Исиль*{Различие между этим словом и синд. «Итиль» объясняется переходом ю (th) > в кв. Изгнанников. Однако существует и основа √*SIL* как в *«Сильмарилли»* (*Silmarilli*). Ср. тж. *«сила луменна оментиэльво»* (snla lъmenna omentielvo). — *Прим. авт.*}. *«Андуриль»* означает Пламя Запада (как области), а не Заката.

4. Вы, разумеется, не ошиблись, увидев, что слова, обозначающие «серебро», указывают на исх. **kyelepē*, кв. *tyelpe* (с регулярной синкопой{Выпадение гласного или нескольких звуков не на конце слова (грамм.).} на втором *e*), синд. *celebn* телерин *telepi* (в тел. синкопа второй гласной в последовательности двух кратких гласных того же качества не являлась регулярной, но встречалась в длинных словах, таких, как *Тельперион (Telperion)*). Хотя в кв. осталось *tyelpe*, самой распространенной формой у эльфов Валинора стало *telpe* (с кв. синкопой), поскольку телери обнаружили богатейшие залежи серебра в своих землях, к северу от нолдор, и стали лучшими серебряных дел мастерами среди эльдар.

5. *Арагорн и т. д.* Это имя никак не может содержать в себе слово «дерево» (см. примечание){Примечание: два древних слова в эльфийском языке, означающих «дерево»: (1) **galada* < √*GAL*, «расти»; и (2) **orne* от оч[ень] распр[остраненной] основы √*OR*/RO «вздыматься вверх, подниматься высоко» (ср. *ortani* «вознесенный на высоту»). (1) > кв. *alda*, синд. *galadh*. (2) > кв. *orne*, синд. *orn*. (1) по происхождению с именем «Галадриэль» никак не связан, но действительно [наличествует] в *Calas Galadhon* и *Galadhrim*. До того, как я обнаружил, что многие читатели вроде вас заинтересуются лингвистическими подробностями, я считал, что сочетание dh покажется неуклюжим, и потому использовал в именах и названиях *d* (для *p* и *dh*). Однако теперь *galadhon, — dhirm* в текст включены. — *Прим. авт.*}. Эпитет «Король Древа» ему особо не подходит, кроме того,

его уже использовал предок Арагорна. Имена в роду Артедайна во многом специфичны; и некоторые, хотя по форме и синдарские, не так легко поддаются истолкованию. Чтобы объяснить их, понадобилось бы куда больше исторических и лингвистических хроник касательно синд., нежели имеется в наличии (т. е. нежели у меня было время и была необходимость придумать!) Система, в которой все имена от Мальвегиля и далее трехсложные и включают в себя лишь один «значимый» элемент{Если вообще включали; некоторые вполне могли быть просто ничего не значащими сочетаниями звуков, подобранными так, чтобы не выбиваться из общего стиля; или домашними вариантами старых имен. Как у нас: Роберт, Робин, Доббин, Хоб, Боб и т. д. — *Прим. авт.*} (*ara* использовалось, когда последний элемент был односложным; во всех остальных случаях — *ar*), для этой родословной весьма характерна. Элемент *ara*, по всей видим., восходит к тем вариантам, где *aran* «король» фонетически утрачивал *n* (как в *Arathorn*); и тогда *ara-* использовалось и в других случаях.

Я не потрудился объяснить синд. лениции в Приложениях, и без того перегруженных, потому что, боюсь, практически все читатели на эти подробности просто не обратили бы внимания или сочли их непонятными и докучными, поскольку таково обычное отношение англичан к валлийскому. (Лениции и «перегласовки» в синд. сознательно придумывались так, чтобы походить на вал[лийские] по фонетическому происхождению и грамматическому употреблению{То, что вы используете термин *«ленированный»*, доказывает, что вы в этом разбираетесь, так что пояснять мне не нужно; вот разве что замечу, что, хотя происхождения они *фонетического*, но используются *грамматически*, так что могут наличествовать или отсутствовать там, где происхождением это фонетически не обусловлено. — *Прим. авт.*}, однако отнюдь *не совпадают* с ними ни по ф[онетическому] происхождению], ни по грам[матическому] употреб[лению]). Так, *ost-giliath* «крепость звезд», где второе существительное выполняет функции генитива с нулевой флексией, никакой мутации не содержит. Ср. *ennyn Durin*. В синд. это отсутствие мутаций имеет место быть (а) в сложных словах и (б) когда существительное на самом деле играет роль прилагательного, как в *Gil-galad* «Звезда сияния». В синд. начальное *g* сохранилось в тех сложных словах, где имело место быть *n* + *g*. Так, *born* «раскаленный, красный» + *gil* дают *borngil; morn* «черный» + *dor* дают *morndor*; и затем группа из трех согласных стягивалась в *rg, rd. T> ю(th)* — это носовая мутация и, следовательно, возникает после артикля множественного числа в:

«thow, i Pheriannath». Palantiriel должно фонетически переходить в — *thiriel*, причастие прошедшего времени «глядевшая в даль»; однако грамматически, перед непосредственно формами глаголов, в позднем синд. обычно использовалась только мягкая мутация, чтобы избежать путаницы с другими основами глаголов, и мягкая мутац. m>v>v часто использовалась по той же причине. *Palantнr* — это кв. < *palantirā* с основой TIR в длительной форме «смотреть», «наблюдать за» и т. д. *Tнro* — это синд., однако в печати возникло по ошибке вместо синд. *tĭro* повелительного наклонения (для всех лиц). (Я приложил немало комментариев по поводу эльфийских синд. стихов к музыкальному циклу Дональда Суонна «Дорога вдаль и вдаль ведет». Там есть примечание и об *ath*.)

ath. Хотя это и могла бы быть синд. форма кв. *atta* «2», на самом деле они никак не связаны, и показателем двойственного числа она не является. Это был собирательный или групповой суффикс, и существительные, созданные таким образом, изначально [были] в единственном числе. Однако позже они стали восприниматься как формы множественного] числа, особенно применительно к народу(дам){Напр. *Periannath*, «хоббитский народ», в отличие от *pertain*, «хоббиты», как неопределенное число «полуростиков». — *Прим. авт.*}. Синд, формы двойственного числа существительных или местоимений рано вышли из употребления, и использовались только в письменных текстах. Примером таковых является *Orgalapad* «День Двух Дерев», но, поскольку такие синд. существительные все восходят к квенийским названиям дней шестидневной недели, пришедшим из Валинора, возможно, это объясняется попыткой сымитировать кв. двойственные числа, такие, как *ciriat* «2 корабля»{Изначально кв. двойственное число было просто счетное (элемент *ata*) и парное (элемент ū как в *Aldūya*); однако в поздней кв. оно обычно использовалось только для обозначения естественных пар, а выбор между *t* или *u* диктовался благозвучием (так, n отдавалось предпочтение в основе после *d/t*). — *Прим. авт.*}. В любом случае впоследствии — *d* было утрачено, так что мы имеем *argonath*{От *arn(a)gon-ath*. — *Прим. авт.*} «группа из (двух) благородных камней» вместо **argonad. Orbelain*, безусловно — случай «фонологического» перевода (на что нолдор были вполне способны), поскольку *Valanya* (*прилаг.*) наверняка восходит к более древнему **Balaniā*, что дало бы синд. **Belain*, однако в синд. такой формы не существовало.

Включение инородного суффикса *ath* в *Arathorn* невозможно. Имя содержит в себе редуцированную форму *юorono* (thorono) «орел», ту же, что в *Thoron-dor, Thorongil*: кв. *юorno/sorno*. Ни

человека, ни эльфа никогда не назвали бы Королем Двух Дерев, разумея Два Древа Валинора. Эти Древа создали Валар, им они и принадлежали, но оба погибли при Затмении Валинора.

Боюсь, несправедливо это — не снабдить лингвистически мыслящих читателей дополнительным материалом. Мне бы того очень хотелось. Но, даже если после меня и останутся достаточно упорядоченные сведения, в возрасте 81 года времени у меня нет — если мне суждено когда-либо произвести еще некоторое количество «преданий».

Однако, сколько воды утекло со времен 14 авг.! А это все я мог записывать лишь урывками. Однако надеюсь, что письмо дойдет до вас как своего рода рождественский подарок, хотя возможно, увы! — окажется сродни подаркам из серии не слишком-то (или совсем не) желанных.

Счастливого вам Йоля. ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН.

Вот вам пример того, как сложно выверять книги, — мои просто-таки пестрят ошибками, в том числе и Указатель: вы подписываетесь *Джеффери*, но в [университетских] списках постоянных жителей вы значитесь как *Джеффри*. А мою фамилию почти всегда (не в вашем случае) пишут как *Толкейн*: понятия не имею, почему, поскольку я всегда произношу — *кин*.

Боюсь, письмо получилось по большей части невразумительное и, при всей своей многоречивости и сложности, нуждается в пространных объяснениях. И далеко не все слова или имена поддаются «объяснению»: т. е. корректно соотносятся с более древними формами с известными значениями. В живых языках (включая эльфийские!) новые слова могут придумываться вне всякого конкретного происхождения или составляться из существующих элементов в сложные слова, не соответствующие более древним фонетическим традициям. В таких случаях играет свою роль и «благозвучие» (или то, что кажется «благозвучным» языку и народу в данный момент времени). Кроме того, надо помнить и о том, что *автор* придумывал огромное количество имен в течение длительного периода времени, и, хотя он достаточно хорошо знал «стили» предполагаемых языков, на раннем этапе его трудов их фонетическая история в его сознании еще не оформилась столь четко, как сейчас!

Так, например, у нас есть *Арнор* и *Гондор*; автор сохранил их, желая избежать *Ардора*. Однако теперь, после того, как название придумано, такой вариант возможно объяснить лишь (хотя и убедительно) слиянием кв. *arnanyre/arnanor* с синд. *arn(a)dor* > *ardor*. В любом случае это название должно было означать «королевская земля», т. е. королевство *Элендила*, что в качестве

такового превосходит южное королевство.

348 Из письма к миссис Катарине Финдлей 6 марта 1973

«Галадриэль», как и все другие имена для персонажей-эльфов из «Властелина Колец», мое собственное изобретение. По форме оно — синдарское (см. Приложения E и F) и означает «Дева, увенчанная сияющими волосами». Это второе имя ей дали в юности, в далеком прошлом, поскольку у нее были длинные волосы, сияющие, точно золото, но с серебристым отливом. В ту пору она была истинной амазонкой по складу характера и, участвуя в спортивных состязаниях, подбирала волосы наверх и укладывала их венцом.

349 Из письма к миссис Э. Р. Эрардт 8 марта 1973

Не понимаю, отчего вы желаете ассоциировать мою фамилию с TOLK, «переводчик или оратор»{В английском языке слово «tolk» означало «человек, мужчина» и вышло из употребления уже в XV в.; этот архаизм родственен древнескандинавскому слову «tulkr» — толмач, оратор.}. Это слово славянского происхождения вошло в литовский (TULKAS), финский (TULKKI) и скандии, языки, со временем распространилось по всей Сев. Германии (лингвистически это — нижненемецкий язык) и, наконец, попало в нидерландский (TOLK). В английский оно так и не вошло.

350 К К. Л. Уайзмену

Кристофер Уайзмен, друг Толкина по школе и ЧКБО (см. № 5), теперь жил в Милфорде-на-Море, близ Борнмута.

24 мая 1973
Мертон-Колледж, Оксфорд

Дорогой мой Крис!

Я вот уже много раз собирался (ну конечно же!), с тех пор, как ты вытащил меня из моего логова в Борнмуте и свозил в Милфорд, написать тебе; а теперь от того, как стремительно время летит, я просто в ужасе….. А непосредственной причиной к тому, чтобы все-таки написать, послужило следующее: разбирая стопки писем и отмечая те немногие, что стоило сохранить, я обнаружил письмо (полученное в *мае* 1972) — от кого же? Да не от кого иного, как от К. В. Л. Лайсетта, причем из Лос-Анжелеса!…. Его письмо…. полно воспоминаний о ш[коле] к[ороля] Э[дуарда]….. Вот отрывок из его письма: «Ты просто не представляешь, как я мальчишкой смотрел на тебя снизу вверх и восхищался и завидовал остроумию того избранного узкого круга{Вот уж чем мы со всей определенностью быть не предполагали. — *Прим. авт.*}, что состоял из Дж. Р. Р. Т., К. Л. Уайзмена, Д. Б. Смита, Р. К. Джилсона, В. Траута и Пейтона. А я топтался на окраине, подбирая драгоценные камни. Ты, надо думать, даже не подозревал об этом школьническом поклонении»….

Ну что ж, вот я обосновался наконец в Мертоне; по-прежнему довольно бодр и активен, хотя только недавно оправился от затянувшегося приступа, что приключился после вечеринки в честь моего 81-летия 3 янв. (просто по времени так совпало, вечеринка тут ни при чем!) После того как мои внутренности изрядно просветили рентгеном (в целом результаты оч. хор.), я ныне лишен права пить *любые* вина и посажен на несколько ограниченную диету; зато мне позволено курить и поглощать алкогольную продукцию, произведенную из ячменя, сколько душа пожелает.

Если пожелаешь поднять перчатку и ответить, буду страшно рад.

С наилучшими пожеланиями, и отдельный привет жене. Твой самый преданный друг.

Твой, ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН. ЧКБО

351 К Кристоферу Толкину

Проштемпелевано 29 мая 1973
Мертон-Колледж

Дражайший мой Крис!

Я очень порадовался твоему письму от 17 мая (шесть часов пополудни). Я сразу догадался, что приключилась какая-то неприятность, посерьезнее капризов французской почты. Глубоко тебе сочувствую по поводу ужасов прибытия — мне и самому несколько раз в молодости доводилось пережить нечто подобное, особенно в период между рождением Джона в 1917 г. и до 1925 г. вкл.: теперь, при взгляде назад, все это представляется бесконечной чередой кочевнических переездов из дома в дом, с квартиры на квартиру, которые оказывались просто ужасными — или хуже того: порою и просто никакого жилья не находилось!…. Ты уехал примерно тогда же, когда Приска отправилась на Крит. Кажется, путешествия удачнее у нее в жизни не бывало. Выглядит и чувствует себя просто замечательно и в полном восторге — но тебе лучше выслушать все это из первых рук. Впервые после 1968-го меня на самом деле потянуло отправиться «мир посмотреть» или, по крайней мере, хотя бы это место. Но, боюсь, теперь моя судьба — довольствоваться рассказами путешественников.

Конечно же, со времен Пасхи со мной много чего приключилось — но события главным образом того сорта, о которых дольше рассказывать в письме, нежели они на самом деле того стоят: по большей части летопись нескончаемого «давления» — общественного, литературного, профессионального и финансового….. От напряженных дней летнего триместра я бежал в Борнмут с 16 по 22 мая вкл., и вернулся заметно поздоровевшим. Питался здоровой, простой пищей, жил в номере с отдельным балконом, часто виделся с дорогими друзьями Толхерстами; и погода стояла хорошая (чего Оксфорду *не* перепало)….. А как долго ты пробудешь в Баржмоне? Надеюсь, пока ты там, все будет хорошо и даже лучше. Обо *всех* вас я непрестанно думаю, а здесь без вас ощутимо пусто. Сердечный привет моим дорогим Крису и Бэйли, и + А[даму], и + Р[эйчел]. Папа.

С тех пор, как ты уехал (думаю я в каждом отдельном случае), умерли Уорни[482], Том Даннинг[483], Р. Б. Маккаллум, Росфрит М.[484] (Уорни удостоился очень теплого некрол. в «Таймс»).

352 Из письма к Унгфру Адальстейнсдоттир 5 июня 1973

Мне очень приятно узнать, что готовится перевод «Хоббита» на исландский. Я давно питал надежду на то, что какие-нибудь мои произведения переведут на исландский: этот язык, как мне кажется, подойдет им лучше, нежели любой другой из хоть сколько-то мне известных.

353 Из письма к лорду Холсбери 4 августа 1973

Своими прочими проявлениями щедрости вы громоздите Заветерь на Эребор, как выразился бы Бильбо. Виски будет встречено с распростертыми объятиями, когда бы оно ни прибыло; если послать на адрес колледжа, оно пребудет в целости и сохранности, неважно, здесь ли я или отлучился ненадолго. Как только вы выйдете на пенсию, я непременно воззову к вам о помощи. Начинаю думать, что без нее мне так и не суждено произвести хотя бы часть «Сильмариллиона». Когда 26 июля вы гостили здесь, я вновь живо ощутил, как бодряще вы на меня влияете: точно жаркий огонь развели в комнате старика, где тот сидит замерзший, не в силах собраться с мужеством и отправиться в путешествие, о котором мечтает всем сердцем. Ибо сверх и превыше всех горестей и помех, что обрушились на меня со времен публикации «Властелина Колец», я утратил уверенность. Смею ли я надеяться, что, может статься, даже в разгар ваших собственных испытаний и при том бремени работы, что наверняка обрушилось на вас в преддверии ухода на пенсию, вы сумели бы в ближайшем времени снова меня навестить и воодушевить? Мне чрезвычайно хочется еще раз послушать, как вы читаете стихи, в особенности свои собственные; в ваших устах они для меня просто оживают. Притом я, наверное, вскорости смогу послать вам копии того, что я понаписал, дабы освежить свои мысли и воображение, на такие темы, как долгожители-эльфы и недолговечные люди — вот только не забивайте ими голову, эти заметки даже возвращать не надо.

Я намерен сейчас же разобраться с Галадриэлью и с вопросом деторождения у эльфов — и о том, и об этом я много думал. Однако долее откладывать с отсылкой этого благодарственного письма уже нельзя…..

Галадриэль осталась «незапятнанной»: она не совершила ничего дурного. Она была врагом Фэанора. В Средиземье она явилась не вместе с остальными нолдор, но сама по себе. Она желала отправиться в Средиземье в силу причин вполне оправданных, и ей бы непременно разрешили уплыть, но, к несчастью, прежде, чем она отправилась в путь, вспыхнул бунт Фэанора, и крайние меры Манвэ, и запрет на эмиграцию в целом затронули и ее.

354 К Присцилле Толкин

Написано из дома доктора Дениса Толхерста, за четыре дня до того, как Толкин умер в возрасте восьмидесяти одного года.

Ср., 29 авг., 1973
Литтл-Форест-Роуд 22, Борнмут

Дражайшая Приска!

Вчера, около 3.15, прибыл в Б-т., доехал благополучно — большинство машин держало путь на север, а не на море, — пообедал карри в компании Козьера, миссис К. и Дэвида[485]. Было оч. — оч. жарко и полно народу. Затем Козьеры отправились подыскивать «пристанище» на две ночи и по необходимости отбыли со всем моим багажом на предприятие, казалось бы, безнадежное. Меня высадили у Ист-Оверклифф близ «Мирамара»[486], куда меня ностальгически влекло; но я пошел в центр, прогулялся по магазинам и подстригся. В 4.45 вернулся к «Мирамару» — и тут-то и начались мои неприятности. Мне сообщили, что Козьер искал меня часа в 4, так что я уж испугался, что у него не все ладно. В придачу я обнаружил, что потерял свою банковскую карточку и сколько-то денег. За «конторкой» удивились, но приняли меня радушно и утешили отменным чаем. Также предположив, что нужен мне не только чай, заверили, что ровным счетом ничего не смогли бы для меня сделать, если бы не отказ от брони, что позволит им приютить меня начиная со вторника, 4 сентября, — но я сказал «посмотрим». Я взял такси до Л. Ф. Р. 22 (которое тотчас же сбилось с пути) и прибыл довольно поздно, обнаружив в доме развеселое сборище — вот только сам доктор ожидался лишь вечером (беспечный народ!) Я в тревоге ждал Козьера. Дело уже близилось к семи, когда он (и миссис К. и Д.) наконец-то объявился — подозреваю, что он тоже сбился с пути! — и сообщил, что за какие-то 15 минут подыскал оч. хор. номера на двое суток! Тем временем Мартин Толхерст (бывший студент Н[ью]-Колледжа), что вырос в высоченного, обаятельного и весьма делового джентльмена, по телефону отыскал мою карточку и т. д. в «Красном льве» в Солсбери. Так что на данный момент все в порядке. Однако я принял предложение «Мирамара» и в Оксфорд вернусь только 11 сентября. В силу многих причин: и главная — в том, что мне хотелось бы дать Каррам побольше времени прибраться у меня в комнатах, которые, как и я сам, последнее время пребывали в жутком небрежении; и еще мне оч.

хочется навестить многих здешних, а также и Криса Уайзмена в Милфорде; и я уже достаточно стар, чтобы всей душой предпочесть знакомое окружение.

С сердечнейшей любовью, Папа.

Погода тут стоит душная, сырая, дождливая, однако обещают улучшение.

notes

Примечания

1

А. Шекспир и Л. Л. Г. Томпсон из Эксетер-Колледжа.

2

Отец Френсис Морган (1857–1934), католический священник из Бирмингемской Молельни, ставший опекуном Толкина после смерти его матери в 1904 г.

3

Л. Р. Фарнелл, ректор (т. е. глава) Эксетер-Колледжа в 1913–1928 гг.

4

Кеннет Сайзем (1887–1971) в 1914 г. был аспирантом и ассистентом при профессоре А. С. Нейпире. Его назначили наставником Толкина; см. письмо № 318.

5

Томас Вэйд Эрп на тот момент учился на последнем курсе Эксетер-Колледжа; впоследствии он прославился как автор работ о современных живописцах. В письме № 83 Толкин называет его «Т. В. Эрп, родоначальник олухов» (по-английски twerp — олух, простофиля, ничтожество). Поскольку, согласно словарю слэнга за авторством Партриджа, употребление слова twerp впервые зафиксировано приблизительно в 1910 г., очень возможно, что слово и впрямь восходит к инициалам и фамилии Эрпа. Эрп входил в число редакторов альманаха «Оксфордская поэзия» за 1915 г., где было напечатано одно из первых опубликованных Толкином стихотворений, «Шаги гоблинов».

6

Это переложение одного из сюжетов «Калевалы», «Истории Куллерво», Толкин так и не закончил; однако именно к нему восходит предание о Турине Турамбаре, вошедшее в «Сильмариллион». Подробнее см. письмо № 163.

7

В письмах к Эдит Брэтт Толкин обычно подписывался «Рональд» или «Р.», хотя иногда использовал и свое первое имя, Джон.

8

Стихотворение под названием «Плавание Эаренделя Вечерней Звезды» Толкин написал в сентябре 1914 г. Первая строфа цитируется в «Биографии», стр.118.

9

По всей видимости, речь идет о раннем варианте эльфийского языка квенья; скорее всего, Толкин впервые начал его придумывать, еще будучи студентом. Пример стихотворной строфы, написанной на этом языке и датированной «ноябрь 1915, март 1916», приводится в «Биографии» на стр. 125.

10

Профессорские должности в Оксфорде и Кембридже, как правило, существуют на «вклады»: то есть учреждаются благотворителем (обычно богатым ученым), который создает фонд, а из этого фонда оплачивается жалованье профессору. Поэтому должности зачастую названы в честь учредителя фонда. Профессорская должность Ролинсона была учреждена в 1755 г. на пожертвование, оговоренное в завещании Ричарда Ролинсона, богатого антиквария и коллекционера. В 1860 г. Джозеф Бозуорт присовокупил к данному фонду еще и свой вклад (Бозуорт, специалист по англосаксонскому, сам занимал должность Ролинсона в 1858 г.), а к названию должности прибавил свое имя.

11

Генри Брадли (1845–1923) заведовал проектом составления «Оксфордского словаря» на момент, когда Толкин входил в штат составителей.

12

На тот момент Толкин являлся держателем исследовательского гранта Леверхюльма.

13

Черно-белая иллюстрация, которая была включена в первые британское и американское первоиздания «Хоббита» в качестве иллюстрации к главе 8, но в последующих тиражах не использовалась. Она приводится, вместе с примечанием к № 37, в «Рисунках».

14

В придачу к картам, Толкин изначально предложил к публикации только две иллюстрации, упомянутые в письме выше, обе — черно-белые. Еще шесть, посланные вместе с этим письмом, предположительно, представляли собою большинство остальных одноцветных иллюстраций, которые были использованы в первом издании.

15

Речь идет о цветной иллюстрации под названием «Белег находит Гвиндора в Таур-ну-Фуин», воспроизведенной под № 37 в «Рисунках»; в примечании рассказывается история ее создания.

16

К. С.Льюис, профессор Модлин-Колледжа и друг Толкина с 1926 г.

17

Расселл Мейггз, профессор Кибл-Колледжа, а позже — Бейллиол-Колледжа, на тот момент издатель «Оксфорд мэгэзин», журнала, в котором были опубликованы стихотворения Толкина «Визит дракона» и *«Iumonna Gold Galdre Bewunden»* («Клад») в феврале и марте 1937 г.

18

В их число входила и иллюстрация под названием «Белег находит Гвиндора в Таур-ну-Фуин», см. выше прим. 1 к письму № 13. Ниже Толкин упоминает о ней как о «картинке с Мирквудом… [которая] иллюстрирует совсем другое приключение», т. е. эпизод из «Сильмариллиона». Остальные иллюстрации были, по всей видимости, следующие: «Глорунд отправляется на поиски Турина» и «Гора Вечнобелая»; на тот момент других значимых и законченных рисунков, имеющих отношение к Средиземью, не существовало. Эти два приводятся в «Рисунках» под № 38 и № 31. Как указывает сам Толкин, три иллюстрации к «Сильмариллиону» для публикации в «Хоббите» не предназначались и были посланы только в качестве образцов.

19

На суперобложке «Хоббита» издатели поместили следующий рекламный текст: «Профессора Толкина, — но только не его издателей! — еще предстоит убедить в том, что всякий захочет прочесть его увлекательнейшую историю о путешествии хоббита».

20

Джордж Гордон, в прошлом — профессор английской литературы в Лидском университете (см. письмо № 46), впоследствии получил ту же самую должность в Оксфорде. К 1937 г. он стал ректором Модлин-Колледжа.

21

Р. У. Чеймберз (1874–1942), профессор английского языка в Лондонском университете.

22

Элейн Гриффитс из Сент-Эннз-Колледжа Оксфордского университета; в тридцатые годы работала под началом Толкина как аспирантка. О ее участии в издании «Хоббита» см. письмо № 294.

23

«Сказать, что у Бильбо перехватило дух — это вообще не ничего не сказать. С тех пор как изменилось наречие людей, усвоенное ими от эльфов в те дни, когда весь мир был овеян чудом, в языке уже нет слов для того, чтобы описать «потрясенность» бедняги» («Хоббит», глава 12).

24

Оуэн Барфилд, друг К. С. Льюиса и автор «Поэтической речи» (1928), работы о развитии языка начиная с самой ранней его формы, укорененной в мифологии.

25

Сэр Уолтер Рали, профессор английской литературы в Оксфорде в 1904–1922 гг.

26

Viva voce [лат. «живым голосом». — С. Л.] — устные экзамены в Оксфордском университете.

27

В школе при Молельне кабинеты для занятий (*studies*), в отличие от других частных средних школ, назывались апартаментами (*fiats*).

28

Восьмилетняя дочь Толкина Присцилла и друг семьи Джон Бинни.

29

К. С. Льюис опубликовал рецензии на «Хоббита» в «Таймс» 8 октября 1937 г., а в «Таймс литерари сапплемент» — 2 октября 1937 г. Обе рецензии были анонимными.

30

Словом *Gnome* (ном) Толкин на данной стадии именовал эльфов-нолдор; см. письмо № 239.

31

Так «хоббитают» до звезд» *(лат.)*; аллюзия на строчку из «Энеиды» (IX.641), *«sic itur ad astra»* («так восходят до звезд»).

32

Р. М. Докинз, член толкиновского неформального клуба «Углегрызы», занимавшегося чтением древнеисландскихтекстов (подробнее см. «Инклинги», часть 1 гл. 2).

33

Книжный магазин «Паркерз» на Броуд-Стрит в Оксфорде.

34

«Приключения Тома Бомбадила», впервые опубликованные в «Оксфорд мэгэзин» в 1934 г.

35

Т. е. в переиздании «Хоббита».

36

1 января 1938 г. Толкин прочел лекцию «Драконы», включенную в лекционный курс для детей в Университетском музее Оксфорда.

37

Анвин сообщил Толкину, что уезжает за границу.

38

14 января 1938 г. Толкин выступал по Би-би-си с рассказом о том, что такое «англосаксонский стих». Выступление продолжительностью в 13 минут входило в цикл передач «Очерки о национальном вдохновении и его особых формах».

39

Об исходном наброске первой главы «Властелина Колец» см. «Биографию», стр. 290–291.

40

Артур Рансом, писатель, книгами которого зачитывались дети Толкина, написал Толкину, назвав себя «смиренным любителем хоббитов» и жалуясь на то, что Гандальв по отношению к Бильбо использует описание «впечатлительный человечек» (*«excitable little man»*). Рансом привел еще несколько примеров использования слов «человек» (*«man»*) и «люди» (*«men»*) применительно к гномам и гоблинам.

41

Кристофер Толкин был прикован к постели из-за болезни сердца; этот недуг на несколько лет сделал его полным инвалидом.

42

Долгие Каникулы — летние каникулы в Оксфорде. Срок действия исследовательского гранта Толкина истек в сентябре 1938 г.

43

Отсюда следует, что в первоначальной версии романа «За пределы безмолвной планеты» героя звали Анвин; в опубликованном варианте его зовут Рансом.

См. также письмо № 294.

45

Незаконченный роман Толкина о путешествии во времени, «Утраченный путь», был представлен в издательство «Аллен энд Анвин» в ноябре 1937 г. Рукопись вернули, сопроводив следующим комментарием: даже если книга будет закончена, маловероятно, чтобы она имела коммерческий успех. Подробнее об этом произведении см. письмо № 257 и «Биографию», стр. 267–269.

46

Возможно, к данному письму прилагалось письмо № 24.

47

«Земля под Англией» Джозефа О'Нила (1935).

Эта фраза фигурировала в отзыве рецензента.

49

«Путешествие к Арктуру» Дэвида Линдсея (1920).

50

Нуждаясь в дополнительном заработке, Толкин, помимо своих оксфордских обязанностей, нередко выступал внешним экзаменатором для других университетов и проверял экзаменационные работы на получение школьного аттестата на повышенном уровне.

51

Не совсем понятно, о каких именно работах идет речь. Возможно, Толкин имел в виду «Ancrene Wisse» и «Перл» на среднеанглийском языке; первый из текстов он редактировал для «Общества по изданию ранних английских текстов», а над вторым работал вместе с Э. В. Гордоном; хотя, на самом деле, ни тот, ни другой проект не был близок к завершению. Что до текста на древнеанглийском, возможно, здесь идет речь о переработанном переводе «Беовульфа» Кларка Холла: Толкин вычитывал его корректуру и собирался написать предисловие; см. письмо № 37. Работа на древнеисландском — скорее всего, издание «Саги о Глуме-убийце» под редакцией Г. Тервилл-Питра («Оксфорд юниверсити пресс», 1940); это — одна из оксфордских монографий английского факультета, над которыми Толкин работал в качестве редактора вместе с К. С. Льюисом и Д. Николом Смитом.

52

Фокс был деканом теологического факультета Модлин-Колледжа и одним из первых членов клуба «Инклингов».

Подтверждение (*нем.*).

Происхождение, генеалогия (*нем.*).

Общество в Вустер-Колледже Оксфордского университета.

56

Подробнее об этом продолжении см. письмо № 36 и «Биографию», стр. 260–261.

57

В повести «Король Зеленой Дюжины» рассказывается про короля Ивердонского; его собственные волосы и волосы двенадцати сыновей его отпрыска были зеленого цвета. Эта история, действие которой происходит в Уэльсе, пародирует «выспренный» повествовательный стиль. Толкин так ее и не закончил.

Э. В. Гордон; Толкин работал вместе с ним над изданием «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря».

59

В январе 1939 г. Толкина спросили, не согласился бы он в случае чрезвычайного положения в стране (т. е. в случае войны) работать в шифровальном отделе министерства иностранных дел. Он согласился и, по всей видимости, начиная с 27 марта, посещал четырехдневный курс обучения в министерстве. Но в октябре 1939 г. Толкину сообщили, что на данный момент его услуги не требуются, и в итоге поработать шифровальщиком ему так и не довелось.

60

Толкин поранился, работая в саду.

61

Джон Толкин учился на католического священника в Английском Колледже в Риме.

62

Г. С. Беннетт (1889–1972) — медиевист и специалист по истории литературы, преподавал в Эмманьюэл-Колледже (Кембридж).

63

Зимой 1939–1940 г. в доме № 20 по Нортмур-Роуд лопнули водопроводные трубы.

Т. е. переработанное издание Кларка Холла не содержало (на тот момент) никакого вводного материала, помимо «краткого изложения», или пересказа сюжета «Беовульфа», и десяти строчек сведений о рукописи.

65

Один из разделов толкиновского предисловия, озаглавленный «О метре».

Р. Э. Хавард (врач-терапевт).

К. С. Льюис и его брат, майор У. Г. Льюис.

(Сэр) Бэзил Блэкуэлл, книгопродавец и книгоиздатель.

69

Х. В. Д. («Хьюго») Дайсон, друг Льюиса и Толкина, на тот момент занимал должность лектора в университете Ридинга.

70

10 января 1941 г. Германия подписала с Россией новый договор в подтверждение взаимопонимания, что якобы существовало на тот момент между двумя странами.

71

Ежедневная газета, орган Коммунистической партии Великобритании.

72

Опекун Толкина, отец Френсис Морган, не одобрял его тайного романа с Эдит Брэтт.

73

В школьные годы Толкин с восторгом открыл для себя существование готского языка; см. письмо № 272.

На экзамене «онор-модерейшнз» по классическим дисциплинам Толкин получил отличие второго класса.

75

На самом деле Толкин переправился через Ла-Манш вместе со своим батальоном 6 июня 1916 г. Стихотворение, о котором идет речь, помеченное «Этапль, Па-де-Кале, июнь 1916», носит название «Одинокий Остров» с подзаголовком: «Англии посвящается», хотя также имеет отношение и к мифологии «Сильмариллиона». Произведение было опубликовано в сборнике «Поэзия Лидского университета. 1914–1924» (Лидс, Суон-пресс, 1924), стр. 57.

Толкин унаследовал от родителей небольшой доход: долю в южноафриканских приисках.

77

Мать Толкина умерла от диабета; Толкин считал, что ее состояние ухудшилось еще и из-за того, что родственники враждебно отнеслись к ее обращению в католицизм.

78

На летние каникулы мать Толкина снимала комнаты в домике почтальона и его жены.

79

Выпускные экзамены для студентов Оксфордского университета.

80

Во время войны Толкин составлял программу для морских кадетов, проходящих краткий курс на факультете английского языка в Оксфорде.

81

Во время войны А. Х. Максвелл был правительственным инспектором по табачным изделиям.

82

В течение 1926 г. Толкин продолжал читать лекции в Лидсе, одновременно занимая должность профессора англосаксонского языка в Оксфорде.

83

Лесселе Эберкромби стал профессором английской литературы Лидского университета в 1922 г., после того как Гордон возвратился в Оксфорд.

Гордон преподавал в Модлин-Колледже Оксфордского университета с 1907 по 1913 гг.

85

Ф. У. Мурман, профессор английского языка в Лидском университете, погиб летом 1919 г.; после его смерти занимаемая им должность была превращена в «лекторскую».

По всей видимости, оклад составлял 500 фунтов в год.

87

Возможно, не соответствует истине; Гордон ни словом не упоминает Кеннета Сайзема в своих (опубликованных) письмах, где обсуждается это назначение. 26 июня 1920 г. он пишет Р. У. Чапману: «Я, пожалуй, заберу у вас Толкина; надеюсь, только для того, чтобы он на свободе мог поработать с текстами». (На тот момент Толкин работал над составлением словаря в соответствующем отделе «Оксфорд Юниверсити Пресс»).

88

См. прим. 4 к письму № 15 (комментарий по поводу суперобложки).

89

В 1942 году Толкин служил уполномоченным по гражданской обороне.

90

В первом черновом варианте «Властелина Колец» главы нумеровались подряд. За номером XXXI значилась глава «На руинах», впоследствии ставшая главой 9 книги III.

91

Предположительно лекция на «артуровскую» тематику.

Этот инициал означает «Толлерс»: так Льюис обычно называл Толкина.

93

Текст работы «Христианское поведение» был впоследствии включен в книгу Льюиса «Просто христианство».

94

Над словом «постоянный» вписано «на всю жизнь». Это и последующие изменения внесены карандашом; сам текст написан чернилами.

Исправлено на: «к полному здоровью человека».

Исправлено на: «с» [сексом].

«Всех» подчеркнуто карандашом.

«Постоянной» снова переправлено на «на всю жизнь».

99

«Общественные нормы поведения» — так называлась предыдущая глава книги.

«Подробнее раскрыть» заменено на «отстаивать».

101

Льюис предположил, что, если бы аудитория наблюдала не стриптиз, а то, как медленно приподнимается крышка над блюдом с ветчиной, следовало бы заключить, что «с аппетитом у этих людей что-то не в порядке».

102

Город Рено, в штате Невада, славился ускоренной процедурой разводов.

103

«Придерживаться того же мнения, что и Церковь» *(лат.)*.

104

Штаб гражданской обороны северного округа Оксфорда.

«Не хочу быть епископом» *(лат.)*.

106

Две строчки из неопубликованной (на тот момент) поэмы Толкина «Мифопея», написанной для К. С. Льюиса.

107

Чарльз Уильямс, на тот момент проживавший в Оксфорде.

108

На Тегеранской конференции (ноябрь 1943 г.) присутствовали главы правительств Британии, Америки и России.

109

Т. е. Уинстон Спенсер Черчилль.

110

«Колли» Нокс, писатель и известный журналист.

111

Здесь в оригинале письма стоит длинное тире; никакого имени не приводится.

«Наставление отца к сыну» *(др-англ)*.

113

«Отец — к третьему своему сыну» *(др-англ)*.

Преподаватель (ридер) древнеисландского в Оксфорде.

115

Штаб гражданской обороны, упомянутый в письме № 50.

Преподаватель (ридер) иудаистики в Оксфорде.

117

Т. е. в рыбной лавке.

118

Паб на Броуд-Стрит.

119

На тот момент Толкины держали кур; здесь — игра слов: в оригинале употреблено слово «fouls» (грязные), созвучное «fowls» (домашняя птица).

120

«Отец к сыну, рожденному младшим (но во всех прочих отношениях ничуть не меньшим)» *(лат.)*.

121

«Отец к родному сыну, младшему, [но] никоим образом не менее любимому» *(др-англ)*.

122

Польский офицер, консультировавшийся с Толкином несколькими неделями ранее.

123

Первые три года своей жизни Толкин провел в Южной Африке, в Блумфонтейне, где его отец работал менеджером в банке. См. тж. письмо № 163.

Этим способом письма пересылались военнослужащим за границу. В почтовом ведомстве текст фотографировали, а затем пересылали адресату в виде крохотного отпечатка на фотобумаге; прочесть его можно было с помощью лупы.

125

«Досмотрено цензурой» (голл.).

Т. е. «мамочка и Присцилла».

127

Брат К. С. Льюиса Уоррен Г. Льюис.

128

Лорд Дэвид Сесил, преподаватель Нью-Колледжа, время от времени посещал собрания «Инклингов».

129

Сара Коннахтон, друг семьи.

130

Дэвид Никол Смит занимал в Оксфорде должность профессора английской литературы с 1929 по 1946 гг.

131

Элейн Гриффитс; о ней см. в прим. 1 к письму № 15 (комментарий к суперобложке).

Т. е. экзаменационные работы Уэльского университета на проверку.

133

Кристофер Толкин отплыл в Южную Африку на пароходе «Камерония». Условия на борту были так ужасны, что Кристофер с товарищами окрестили его «Альтмарк» — по названию немецкой плавучей тюрьмы.

134

Лагерь «Хитон-Парк» в Манчестере, где Кристофер проходил обучение.

135

«Беовульф» 1395–1396: «Для этого дня обрети терпение в любой беде; я знаю, что так ты и поступишь».

136

«Беовульф» 1386-8: «Для каждого из нас со временем жизнь в этом мире окончится; пусть тот, кто сможет, стяжает славу, пока жив». (Эта и первая цитата взяты из толкиновского перевода поэмы и потому здесь приводятся дословно.)

137

Фрэнк Пакнем, позже — лорд Лонгфорд, был тьютором по политологии в Крайст-Черч с 1934 по 1946 гг.

138

Мари Салю, аспирантка Толкина; позже опубликовала перевод «Ancrene Riwle» с предисловием Толкина.

139

«Сохрани способность мыслить спокойно, сдержи язык» *(лат.)*.

Т. е. сирена воздушной тревоги.

141

Отель «Митра» на Терл-Стрит.

142

Толкин рыл душеприказчиком Джозефа Райта, умершего в 1930 г.

«Собратья-христиане».

«Одному Господу ведомо» *(др-англ)*.

145

Мейбл Толкин была «в отпуске» в Англии, когда умер ее муж, и не смогла возвратиться в Блумфонтейн на похороны.

146

Первоначально «Сильмариллион» назывался «История номов», т. е. эльфов-нолдор. См. письмо № 239.

147

Один из священников Бирмингемской Молельни.

148

Александр Бакан (1829–1907), метеоролог, вычисливший несколько периодов холодной погоды, приходящихся на одни и те же числа каждого года; в честь него «зимой Бакана» названо похолодание, приходящееся на 9—14 мая.

149

Леонард Райс-Оксли, преподаватель Кибл-Колледжа.

150

Р. Б. Маккаллум, преподаватель Пембрук-Колледжа, на тот момент — наставник (тьютор) Майкла Толкина; Майкл, вернувшись в Оксфорд, взялся за изучение истории.

151

Отец Дуглас Картер, приходской священник католической церкви Святого Григория в Оксфорде.

152

Книга «Кто возвращается домой?» позже была переименована в «Расторжение брака».

153

Имеется в виду повесть Толкина «Лист работы Ниггля», впервые опубликованная в «Даблин ревью» в январе 1945 г.

«На земле и в небесах» *(др-англ)*.

155

Роман «Праздничная ночь» Дороти Сэйерс(1935).

Х. Л. Дрейк, Уолтер Рамзден и Л. И. Солт, преподаватели Пембрук-Колледжа, в котором Толкин занимал профессорскую должность.

157

Т. е. Хьюго Дайсон.

158

Экзаменационные работы морских кадетов, изучающих английский в Оксфорде.

159

Владелец мастерской по ремонту велосипедов.

«О! Победа!» *(лат.)*.

161

Пристройка к Линкольн-Колледжу на Терл-Стрит.

162

Цензор (т. е. глава) общества Святой Екатерины в Оксфорде.

163

Г. Г. Ханбери, преподаватель Линкольн-Колледжа, занимал должность лектора права.

164

Э. Р. Эддисон [sic], автор книги «Червь Уроборос» и других романов. Это был его второй визит к «Инклингам» (подробнее см. в книге «Инклинги», часть 3 гл. 5).

165

У. Г. Льюис имел звание капитана Королевских ВВС; с началом Второй мировой войны его повысили до майора.

«Врата Мезенция», роман, так и оставшийся незаконченным (Эддисон умер в 1945 г.); однако текст его был отредактирован братом писателя, К. Р. Эддисоном, и издан в 1958 г.

167

Пробыв несколько недель в Трансваале, Кристофер Толкин был переведен в летную школу в Крунстаде.

168

Майкл Толкин был признан непригодным к дальнейшей воинской службе в результате «сильнейшего нервного истощения в результате длительного пребывания в районе военных действий».

169

Лондонский книжный магазин «Фойлз» выпустил издание «Хоббита» в 1942 г.; см. письмо № 47.

170

Толкин пользовался печатной машинкой «Хэммонд» со сменными шрифтами; один из шрифтов был совсем мелким.

171

Имеются в виду американские военные, наводнившие Оксфорд и его окрестности.

172

Перевод У. Ф. Керби был опубликован в серии «Эвримен» в 1907 г.

173

Экзамен «онор-модерейшнз» по классическим дисциплинам; см. примечание 3 к письму № 43.

174

Проводя отпуск с семьей в Ламорна-Коув в Корнуолле в 1932 г., Толкин в шутку, забавляя детей, прозвал «Папашей Гэмджи» одного «примечательного местного персонажа». См. письмо № 257.

175

В Оксфордском драматическом театре.

176

В новостях объявили о наступлении войск антифашистской коалиции в Нормандии; тем временем фон Папен, немецкий посол в Турции, прервал свой отпуск и возвратился в Анкару в результате сообщений о том, что турецкое правительство, возможно, разорвет дипломатические отношения с Германией.

177

«Карфаген должен быть разрушен» (Плутарх, «Жизнь Катона») *(лат.)*.

178

Шутливое прозвание паба «Орел и дитя».

179

В другом письме к Кристоферу Толкину от 22 сентября 1943 г. упоминается льюисовский «новый перевод «Энеиды» рифмованным александрийским стихом». Перевод опубликован не был.

180

Толкин пообещал Блэкуэллу перевод поэмы «Перл»; и текст был уже сверстан. Однако предисловие к книге Толкин так и не написал; и в итоге от проекта отказались.

181

Друзья называли К. С. Льюиса Джеком; Уорни — прозвище его брата Уоррена.

182

«Непоседой» (Trotter) в первоначальном варианте звался персонаж «Властелина Колец», впоследствии переименованный в Странника.

183

Сэр Уильям Уолтон (род. 1902).

184

Коллега Толкина по факультету английского языка Лидского университета, автор ряда поэтических сборников.

185

Отец Мартин д'Арси, член «Общества Иисуса», глава Кампион-Холла{Колледж в Оксфордском университете для членов ордена иезуитов, основан в 1896 г.} в 1932–1945 гг.

«Гибель мира» *(др. — исл)*.

Иначе — «непрерывное поклонение Святым Дарам». Дароносица со Святыми Дарами установлена на троне; и верующие молятся перед нею по очереди на протяжении сорока часов; этот срок, скорее всего, установлен в ознаменование того времени, что тело Христово пролежало в гробнице.

ἀνάγκη «необходимость, принуждение» *(греч.)*.

189

Элизабет Дженнингз, позже ставшая известной поэтессой; ее семья дружила с семейством Толкинов.

190

Эта «последняя глава» была написана в форме эпилога к «Властелину Колец»; в итоге Толкин предпочел не публиковать ее.

191

После «Мерзейшей мощи» и «Расторжения брака» Льюис опубликовал сказку «Лев, колдунья и платяной шкаф». Однако Толкин, скорее всего, имеет в виду какую-то другую книгу Льюиса, оставшуюся неоконченной. Толкиновской «смутно намеченной третьей» книгой, возможно, были «Записки клуба «Мнение»»: см. «Биографию», стр. 269–270.

192

Льюис сообщил Чаду Уолшу, навестившему его летом 1948 г., что эта книга будет называться «Язык и человеческая природа» и выйдет на следующий год в издательстве «Студенческое христианское движение»; но книга так и не вышла. В 1950 г. Льюис писал другу: «Наша с Толкином книга, — любая книга, создаваемая в соавторстве с этим великим, но нерасторопным и непунктуальным человеком, — выйдет, я боюсь, на греческие календы» («Письма К. С. Льюиса»).

193

Дом № 22 по Нортмур-Роуд, где Толкин жил с 1926 по 1930.

Т. е. мистер Энтэни Идеи, член палаты общин.

195

Профессор английского языка и литературы в Оксфорде.

Имеются в виду профессорские должности преподавателя английского языка и литературы и английской литературы в Мертон-Колледже.

197

Имеется в виду знаменитый плакат, рекламирующий «бодрящий» воздух морского курорта в Скегнессе, на котором изображался счастливый и довольный рыбак, с головы до ног облаченный в непромокаемую одежду.

198

Скорее всего, речь идет об эссе «Миф стал Фактом», впервые опубликованном в выпуске журнала «Мировое господство» за сентябрь-октябрь 1944 г. и перепечатанном в книге Льюиса «Разоблачение обмана» (американское название «Бог под судом»).

199

«Ах, если бы» *(греч.)*; эти слова и последующая строчка заимствованы из стихотворения Руперта Брука «Старый домик священника, Грантчестер».

Поодиночке, отдельно *(лат.)*.

201

Троюродный брат Рейнера Анвина; на самом деле его звали Гарольд.

202

Формально Кристофер Толкин никогда не значился в числе студентов, занимающихся под руководством его отца, но Толкин действительно занимался с ним частным образом в 1942—43 гг., когда Кристофер учился на последнем курсе, перед его вступлением в Королевские ВВС.

203

Невозможно установить, что имел в виду Толкин. Не исключено, что он ссылается на задуманную историю, о которой упоминается в конце письма № 69.

204

В оригинале письма не указано, к какой именно фразе относится это примечание. Так что здесь оно помещено лишь гипотетически.

205

Издание западносреднеанглийской рукописи «Житие Святой Екатерины», предпринятое Толкином и д'Арденн, так и не было закончено.

206

Издание рукописи «Ancrene Wisse» Толкин закончил только в 1962 г.

207

Британское двойное летнее время.

208

Толкин хотел снять один из домов, принадлежащих колледжу, поскольку дом № 20 по Нортмур-Роуд для семьи в ее нынешнем составе был слишком велик.

209

Хьюго Дайсон был избран в члены совета колледжа и введен в должность одновременно с Толкином.

«Лэ об Аотру и Итрун».

211

«Записки клуба «Мнение»»: см. «Биография», стр. 269–270.

212

О данном человеке ничего более не известно.

213

Толкин снял этот дом у Мертон-Колледжа.

214

С. Х. Уилкинсон занимал должность преподавателя (тьютора) английского языка в Вустер-Колледже.

215

См. примечание 1 к письму № 128.

216

Первые трое в этом списке, по всей вероятности, Оуэн Барфилд, Р. Э. Хавард и У. Г. Льюис; остальных идентифицировать затруднительно; возможно, что художник — кузина Толкина Марджори Инклдон, занимавшаяся живописью.

217

Ранний вариант имени Фредегара (Фэтти) Болджера.

218

«Полиция так далеко не заходит, да и картографы до этой страны еще не добрались. А о королях здесь, почитай что, и не слыхали…» («Хоббит», глава 2). В более позднем, переработанном варианте этот отрывок подвергся большим изменениям.

219

На этих страницах упоминается Некромант.

220

Анвинам предстояло путешествие в Швейцарию.

221

Симонна Р. Т. О. д'Арденн.

222

Цитата из «Сэра Гавейна», строка 2363, «безупречнейший из рыцарей».

223

По всей видимости, Хьюго Дайсон распространял слух о том, что Толкин возражает против «шумного» поведения Льюиса на встречах «Инклингов».

«Птичка и Младенец», т. е. паб «Орел и дитя».

225

Хью Броуган учился именно в этой школе.

226

Эльфийский мудрец с Тол Эрессэа, из уст которого мореход Эльфвине узнает легенды, вошедшие в «Сильмариллион»; см. «Биография», стр. 143–144, 265.

227

Толкин переоценивает объем обеих книг, вместе взятых: на самом деле там на несколько сот тысяч слов меньше.

228

Т. е. запланированное продолжение к «Фермеру Джайлсу из Хэма».

229

Еще один принадлежащий Мертон-Колледжу дом неподалеку от дома № 3 по Мэнор-Роуд, оказавшегося слишком тесным для Толкинов.

230

Второе письмо Анвина подтверждало получение записки Толкина от 2 апреля.

231

Раздражение Толкина на «Аллен энд Анвин» отчетливо заметно в куда более откровенном черновике данного письма, процитированного в «Биографии» (стр. 330) в абзаце, начинающемся с фразы «…а именно, что «Властелина» вы, может быть, и примете…».

232

В исходном варианте главы V «Хоббита» Голлум в самом деле намерен отдать Кольцо Бильбо, когда хоббит выигрывает состязание загадок, и пространно извиняется, обнаружив, что оно пропало: «Прямо-таки сказать не берусь, сколько раз Голлум попросил у Бильбо прощения. Он твердил и повторял: «Нам ссстрашно жаль; мы не хотели жульничать, мы хотели отдать ему наш единственный подарочек, если он выиграет сссостязание». Он даже предложил поймать Бильбо славную сочную рыбку — съесть в утешение». Бильбо, с Кольцом в кармане, уговаривает Голлума вывести его из подземного лабиринта; Голлум так и поступает, и эти двое расстаются вполне учтиво.

233

В примечании, включенном во второе издание «Хоббита», разъясняется изменение в тексте главы V: «Здесь приводится правдивая история завершения Игры в Загадки, так, как ее со временем сообщил (под нажимом) Бильбо Ган-дальву, согласно «Алой Книге», вместо той версии, что Бильбо рассказал друзьям поначалу и даже записал в своем дневнике. Подобное отступление от истины со стороны честнейшего из хоббитов было знаком весьма важным. Однако настоящей истории это никоим образом не касается, и тем, кто через данное издание впервые знакомится с преданиями о хоббитах, ломать себе голову не стоит. Объяснение содержится в истории Кольца, изложенной в хрониках «Алой Книги Западного предела»; остается лишь дождаться их публикации».

234

См. вводное примечание к письму № 19.

235

Noumenon (ноумен), средний род причастия настоящего времени от глагола νοεῖν (*noein*): «понимать», «постигать»; термин введен Кантом в противоположность понятию «феномен», и обозначает «объект чисто интеллектуального, интуитивного восприятия, лишенный каких бы то ни было чувственно воспринимаемых свойств».

236

Текст данного письма воспроизводится по машинописной копии, перепечатанной профессиональной машинисткой по заказу Мильтона Уолдмана (в ряде случаев в именах встречаются ошибки, впоследствии выправленные Толкином); по всей видимости, здесь машинистка пропустила несколько слов из письма Толкина.

237

Тар-Калион (квенийское имя Ар-Фаразона) первоначально был тринадцатым правителем Нуменора; в поздних разработках истории Нуменора он стал двадцать пятым (обычно числится двадцать четвертым; однако см. «Неоконченные предания», глава «Род Эльроса», примечание 11 {Здесь и далее, вместо указания на страницы, учитывая разнообразие изданий «Неоконченных преданий», мы даем ссылку на главу и при необходимости примечание}).

238

Как явствует из более ранних писем, приведенных в этой книге, «Властелин Колец» на самом деле был начат в декабре 1937 г.

239

Ч. Л. Ренн сменил Толкина на должности профессора англосаксонского языка в Оксфордском университете.

240

В своем письме от 29 [sic] ноября Рейнер Анвин пишет: «… Надеюсь, что мне представится возможность взглянуть на «Сильмариллион». Хотите верьте, хотите нет, я по-прежнему абсолютно уверен, что эта ваша книга и «Властелины Кольца» [sic] представляют собою нечто крайне важное для публикации!»

241

Морис Баура, ректор Уодем-Колледжа и на тот момент вице-канцлер Оксфордского университета.

242

В более позднем письме на тему распространения «Приключения» через устную традицию, Толкин отметил, что «любопытной чертой является сохранение слова *sigaldry* (чары, колдовство), заимствованного мною из текста тринадцатого века» (Письмо к Дональду Суонну от 14 октября 1966).

243

См. «Инклинги», часть 1 гл. 4.

244

Сэр Джон Бернетт-Стюарт [sic] в ходе Второй мировой войны командовал первым батальоном стрелковой бригады.

Т. е. «Авторизованный Вариант» и «Исправленный Вариант».

246

Расселл Миггз, издававший «Оксфорд мэгэзин» в тридцатых годах, не может точно сказать, кто именно из представителей семейства Ноуэлла Смита числился среди его предшественников.

На первый взгляд может показаться, что Толкин написал-таки тем же размером еще одно стихотворение, «Эарендиль-мореход», включенное в главу 1 Книги II «Властелина Колец». Однако стихотворение это, скорее, является переработкой «Приключения», нежели самостоятельным произведением.

248

Майкл Толкин преподавал в школе при Молельне в Беркшире и жил в коттедже неподалеку.

249

Офис издательства «Аллен энд Анвин» рядом с Британским музеем.

250

Подробнее об этих магнитофонных записях, часть которых была выпущена на грампластинках в 1975 г., см. «Биографию», стр. 335.

251

В «Эссе и очерках» Толкин представил «Возвращение Беорхтнота сына Беорхтхельма»; пьеса была опубликована в журнале в 1953 г.

252

В лекции, прочитанной в Глазго 15 апреля 1953 г., подробно разбиралась поэма «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь»; пристальное внимание уделялось эпизоду, когда Гавейн подвергается искушению совершить прелюбодеяние с госпожой замка, и его исповеди в часовне при дворе Берсилака перед выходом на встречу с Зеленым Рыцарем.

253

Первые испытания британской ядерной бомбы проводились на островах Монте-Белло у побережья Австралии 3 октября 1952 г.

В содержании «Властелина Колец», составленном Толкином и включенном в рукопись этой книги, хранящуюся в университете Маркетта, в г. Милуоки, США, представлены иные заглавия: том I, «Первое путешествие» и «Путешествие девяти»; том II, «Предательство Айзенгарда» и «Путешествие Хранителей Кольца»; том III, «Война Кольца» и «Конец Третьей эпохи».

255

В примечании к тому I первого издания «Властелина Колец» было обещано, что в том III войдут «некоторые сокращенные генеалогические древа… указатель имен и иноязычных слов с разъяснениями… [и] краткий рассказ… о языках, алфавитах и календарях». В первое издание тома III «указатель имен» в итоге так и не вошел.

256

Надпись на Западных вратах Копей Мории.

257

Толкин планировал включить факсимиле поврежденных страниц «Книги Мазарбул», но по финансовым соображениям от них пришлось отказаться (они были цветные). Они приводятся в «Рисунках» под № 23.

258

Тема его лекции памяти У. П. Кера; см. примечание 2 к вышеприведенному письму № 135.

259

Толкин имеет в виду свое пространное письмо к Мильтону Уолдману (№ 131).

260

В последующем письме к Рейнеру Анвину (№ 143) Толкин с большей уверенностью утверждает, что «две крепости» — это «Ортанк и башня Кирит Унгол». С другой стороны, на его первоначальном варианте рисунка для суперобложки «Двух крепостей» (см. № 151) крепости со всей определенностью — Ортанк и Минас Моргул. Ортанк изображен в виде черной башни, с тремя вершинами (как видно в «Рисунках», № 27) и со знаком Белой Руки рядом; Минас Моргул — белая башня, над ней — тоненький серп убывающей луны, как отсылка к ее первоначальному названию, Минас Итиль, Башня Восходящей Луны («Братство Кольца»). Между двумя башнями летит назгул.

Приложения к тому III.

262

«Углук у багронк ша пушдуг Саруман-глоб бубхош скай».

263

«… Сады жен энтов разорены; люди называют их ныне Бурыми землями».

264

«Мой дед, а после него — мой дядюшка Энди… он много лет канатный двор держал близ Тайфилда».

265

«Подумать только, мы ведь по-прежнему в той же самой истории! Она продолжается. Неужто великие предания никогда не кончаются?»

266

Дом Наоми Митчи-сон в Шотландии.

267

Баннистер, старший стипендиат Мертон-Колледжа, первым пробежал милю меньше чем за четыре минуты; этот рекорд он поставил в Оксфорде 6 мая 1954 г {После своих спортивных подвигов Р. Баннистер благополучно доучился и стал самым обыкновенным практикующим врачом-терапевтом.}.

268

Издательство «Аллен энд Анвин» пожелало опубликовать толкиновский перевод «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря», инсценировка которого транслировалась по третьей программе Би-би-си в декабре 1953 г. и была повторена в сентябре 1954 г. (об этом повторении Толкин и упоминает в письме).

269

Питер Грин, биограф Кеннета Грэма, 27 августа 1954 г. писал в «Дейли телеграф»: «Я так понимаю, книгу предполагается воспринять всерьез, и боюсь, что веских причин к тому не вижу… И все же это бесформенное произведение заключает в себе неоспоримое обаяние: особенно для рецензента, страдающего насморком».

Эдвин Мьюир писал в «Обсервере» от 22 августа 1954 г.: «Эта примечательная книга сразу по выходе явила себя в невыгодном свете. Только воистину великий шедевр выстоит под градом похвал, направленным на него с обложки… «Братство Кольца» — книга необыкновенная… Однако сам я чувствую себя отчасти разочарованным. Возможно, отчасти из-за стиля, совершенно не соответствующего теме… А возможно, скорее, в силу недостатка чутья и глубины, необходимых для такого сюжета».

271

Дж. У. Ламберт писал в «Санди таймс» от 8 августа 1954 г.: «Фантастическая чушь, приправленная моралью? Нет; повествование и образы заключают в себе силу, благодаря которой произведение поднимается над подобным уровнем. Книга для развитых детей? Что ж, и да, и нет».

272

А. И. Черриман писал в «Трут» от 6 августа 1954 г.: «Поразительное произведение… Автор добавил нечто не только к мировой литературе, но и к истории мира».

Говард Спринг писал в «Кантри лайф» от 26 августа 1964 г.: «Это произведение искусства… В нем есть вымысел, фантазия и воображение… Это — мудрая притча об извечной борьбе человека со злом».

Х. л'А. Фосетт писал в «Манчестер гардиан» от 20 августа 1954 г.: «Мистер Толкин — один из тех прирожденных рассказчиков, внимая которому, читатели с широко раскрытыми глазами, точно дети, требуют: дальше!»

Рецензия в «Оксфорд таймс», подписанная инициалами «К.Х.Х.», была опубликована 13 августа 1954 г. и характеризовала книгу как «необыкновенную и порою исполненную красоты».

276

См. примечание 1 к письму № 137.

277

Толкин сделал два законченных эскиза к «Братству Кольца»; оба они сохранились. В том, о котором речь идет здесь, Правящее Кольцо, в окружении надписи из огненных букв, и Красное Кольцо (Нарья) над ним были воспроизведены в точности как во втором варианте, впоследствии утвержденном; он и по сей день используется в увеличенном виде на обложках трехтомного издания «Аллен энд Анвин» в твердом и мягком переплетах; но на эскизе, описанном здесь, слева и справа изображены Белое Кольцо (Ненья) и Синее Кольцо (Вилья), причем камни их обращены к Правящему Кольцу в центре.

Казалось бы, не два, а три случая: ср. «Властелин Колец» III 314: «Было три союза эльдар и эдайн: Лутиэн и Верен; Идриль и Туор; Арвен и Арагорн. В последнем давно разобщенные ветви полуэльфов воссоединились и род их восстановился».

279

«Разве ты еще не знаешь моего имени? Вот тебе и ответ. Скажи мне, кто ты такой, когда сам по себе и безыменный?»

Т. е. стихотворение «Приключения Тома Бомбадила» было впервые опубликовано в этом журнале в 1934 г.

281

«Мы обращаем взгляд свой к Нуменору, который был, и далее, к Эльфийскому дому, который есть, и к тому, что за Эльфийским домом и пребудет вечно. Ау вас разве нет обычая так поступать за трапезой?»

282

Наоми Митчисон отрецензировала «Братство Кольца» в «Нью стейт-смен» от 18 сентября 1954 г. Она назвала его книгой «исключительной, пугающей и прекрасной».

283

Реалии, технические подробности *(нем.)*.

Любопытно, что здесь и далее в письме слово «гномы» дается согласно традиционным правилам написания: *dwarfs*.

285

Упомянут в рецензии миссис Митчисон.

Греческое слово γοητει’**α** (γ**ό**ης чародей); английская форма *«goety»* в «Оксфордском словаре английского языка» определяется как «чародейство или магия, творимые посредством заклинаний и призывания злых духов; некромантия».

287

Сбоку от заключительного абзаца Толкин написал: «Но нуменорцы использовали «заклятья» при ковке мечей?»

288

Питер Гастингс; см. письмо № 153.

289

Посланник, вестник *(греч.)*.

290

См. примечание 4 к письму № 131.

Тринити-Колледж, капелланом которого был муж Катерины Фаррер, Остин снизил плату за обучение для сыновей Толкина, когда те были студентами.

292

Возможно, рецензия К. С. Льюиса на «Братство Кольца» в «Тайм энд тайд» от 14 августа 1954 г.

293

Т. е. «Нью-Йорк сандитаймс». Оден опубликовал рецензию на «Братство Кольца» в «Нью-Йорк таймс бук ревью» в воскресном выпуске от 31 октября 1954 г. и в «Энкаунтере» за ноябрь 1954 г.

Эдвин Мьюир, рецензируя «Две крепости» в «Обсервере» за 21 ноября 1954 г., писал об энтах: «Символически они вполне убедительны, но, помимо этого, обладают яркой индивидуальностью и выглядят внушительно и странно, как и положено чащобе, выступившей на битву».

295

Оден использовал термин «трилогия» в своем письме; касательно неприязни Толкина к этому термину применительно к «Властелину Колец» см. письма № 149 и № 165.

296

Цитата из древнеанглийского стихотворения «Скиталец» (строка 87): «eald enta geweorc idlu stodon» («древние творения гигантов [т. е. древние постройки, возведенные былым народом] стоят заброшенными»).

297

Рецензент, Морис Ричардсон, писал: «Все, что я могу сделать, чтобы удержаться от вопля… «Взрослые всех возрастов! Объединяйтесь против вторжения инфантилизма»… Мистера Одена всегда завораживал подростковый мир саги и школьного класса. Отдельные места в «Ораторах» недалеко ушли от толкиновской хоббит-щины» (18 декабря 1954).

Второй сын Толкина, Майкл.

299

На самом деле текст «Падения Гондолина» был зачитан в Эссеистском клубе Эксетер-Колледжа не в 1918, нов 1920 г., как явствует из протоколов клуба: «…Вереду, 10 марта, в 8:15 p.m… президент перешел к делам общественным и пригласил мистера Дж. Р. Р. Толкина зачитать его «Падение Гондолина». Как открытие нового мифологического материала, текст мистера Толкина оказался исключительно познавательным и характеризует его как стойкого приверженца традиции; подобный подход вполне отвечает духу таких типичных романтиков, как Уильям Моррис, Джордж Макдональд, де ла Мотт Фуке и т. д… Битва противоборствующих сил добра и зла, представленных гонготлим [sic: вместо «гондотлим», название народа Гондолина в исходной версии «Падения Гондолина»; см. «Неоконченные предания», «Введение»] и приспешников Мелько [sic: здесь «Мелько», ранний вариант имени «Мелькор», в оригинале пишется через «с» (Melco), а не через «к» (Melko) — С. Л.] описана крайне ярко и впечатляюще». В числе прочих на заседании клуба присутствовали Невилл Когхилл и Хьюго Дайсон.

300

«Что низложил сильных с престолов и вознес смиренных» (*лат.*); цитата из «Magnificat».

301

Эта фраза может ввести в заблуждение. Работая над «Властелином Колец», Толкин редактировал и переписывал значительную часть «Сильмариллиона». С другой стороны, «Сильмариллион» существовал до 1936 г.; нельзя сказать, будто он возник в промежуток между этим годом и 1953.

302

«Да он легче отыщет путь домой в непроглядной ночи, чем кошки королевы Берутиэль» (слова Арагорна о Гандальве во «Властелине Колец», Книга II, глава 4). См. «Неоконченные предания», примечание 7 к главе «Истари».

303

Эпизод из детства Толкина, проведенного в Блумфонтейне; см. «Биография», стр. 22.

Слово *tollkьhn* переводится как «отчаянно-храбрый».

305

Девичья фамилия матери Толкина — Саффилд.

306

См. «Биография», стр. 264–265.

307

Э. Р. Эддисон.

308

Т. е. *Энедвайт*. Об истории данной области см. «Неоконченные предания», «Приложение D» к «Истории Галадриэли и Келеборна».

309

В оригинале — «thou (n')wost not», 2 л. ед. ч. от «wit» (арх. «знать, ведать) с факультативным двойным отрицанием.

310

Лекция Толкина «Английский и валлийский», первая из цикла О'Доннелловских лекций, была прочитана в Оксфорде 21 октября 1955 и опубликована в: «Англы и бритты: О'Доннелловские лекции», «Юниверсити оф Вейлз пресс», 1963.

311

См. примечание 8 к письму № 163.

Эта профессорская должность в Оксфорде оставалась вакантной с тех пор, как истек срок пребывания на ней Сесила Дэя Льюиса, и теперь рассматривались кандидатуры преемника. В итоге избрали У. Х. Одена.

313

Международные языки, изобретенные в XIX — XX вв.

314

См. письмо № 211, а тж. «Неоконченные предания», глава «Истари».

315

См. примечание 4 к письму № 163.

316

Но см. примечание 5 к письму № 131.

317

Имеется в виду предложение проложить «объездную дорогу» через луг колледжа Крайст-Черч.

Перевод на шведский был опубликован в 1947 г. под названием «Нотреп».

319

Вымышленное графство в южной Англии, место действия нескольких романов разных авторов (от loam (суглинок) + shire (графство)).

Т. е. *cane* (утка) + *ütang* (пруд) *(фр.)*.

321

«Посему кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть. Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести».

322

«Жалость? Да, жалость удержала его [Бильбо] руку. Жалость и Милосердие: не должно убивать без нужды. И он был достойно вознагражден, Фродо. Будь уверен, зло так мало повредило ему, и в конце концов ему удалось спастись, потому что именно так он и начал владеть Кольцом. С жалости».

323

«За всем этим действует некая иная сила — превыше любых замыслов создателя Кольца. Не могу выразиться понятнее, кроме как словами: Бильбо было *предназначено* найти Кольцо, и отнюдь шгего создателем» (Гандальв к Фродо) (см. «Неоконченные предания», глава «Поход к Эребору»).

324

«Она [Морвен] родила ему в Гондоре троих детей, из которых Теоден, второй по счету, был единственным сыном».

325

Имеется в виду отрывок из «Очищения Шира» (книга VI, глава 8), где Фродо говорит Пиппину: «И хоббитов не убивать, даже тех, что переметнулись на другую сторону… Не бывало еще того в Шире, чтобы один хоббит намеренно лишил жизни другого, и сейчас ничего подобного не начнется. Вообще никого убивать не надо, по возможности».

326

На самом деле Эддисон читал отрывки из «Врат Мезенция»; см. письмо № 73.

«Его вымышленные миры можно любить или не любить (лично мне нравится мир романа «Червь Уроборос», а вот мир «Владычицы владычиц» терпеть не могу), однако тема произведения и словесное ее выражение в противоречие не вступают».

Это, по всей видимости, противоречит отрывку из «Неоконченных преданий», примечание 7 к «Истории Галадриэли и Келеборна»: «Вполне возможно, что Саурон в самом деле был одним из майяр Аулэ, «еще до начала Арды» совращенных Мелькором». Касательно «принадлежности» Олорина к свите Манвэ см. «Неоконченные предания», глава «Истари».

329

Текст данного письма взят из статьи в журнале «Маллорн», номер 10, стр. 19; причем нетипичные для Толкина редуцированные формы «that's», «there's» и т. д. заменены по умолчанию на «that is», «there is»: Толкин обычно употреблял именно их.

«Альмквист & Викселль Фёрлаг» АВ, Стокгольм; одно из шведских издательств, издававших книги Толкина.

331

Переводчик «Властелина Колец» на шведский.

332

Переводчик «Властелина Колец» на нидерландский.

Bjuŋrnavad: «Медвежий брод». *Gamleby*: «Старая деревня». *Menbergen*: «Лунные горы». *Ljusa slȯttema*: «Сияющие равнины». На самом деле, по всей видимости, название *Menbergen* ис пользовано не было; но река Люн и залив Люн были переведены как *Menfloden, Mengolfen*.

334

В своей лекции Кристофер Толкин говорил: «В воинстве Аттилы шли люди многих германских племен… Собственно говоря, само его имя, по всей видимости, готское: уменьшительное от *atta*, «отец» по-готски.

335

«Звезда сияет над часом нашей встречи» («Властелин Колец», Книга I, глава 3). В данном письме использовано написание *omentielmo*, такое же, как в первом издании книги; однако позже Толкин изменил его на *omentielvo*. В эльфийском языке квенья различаются окончания двойственного числа, в зависимости от количества тех, о ком идет речь; непонимание этого, отмечал Толкин, — «повсеместная ошибка смертных». Вот и в данном случае так. Толкин оставил примечание: в «Тановой книге Минас Тирита», одним из предполагаемых источников для «Властелина Колец», значится *omentielvo*, но в оригинале рукописи Фродо (утраченной), по всей видимости, стояло *omentielmo*; в данном контексте именно *omentielvo* является правильной формой. (Издание «Баллантайн» в мягкой обложке содержит в себе ошибку: *«omentilmo»*).

336

Издательство, выпустившее перевод «Властелина Колец» на нидерландский.

337

Профессор Пит Хартинг из Амстердамского университета, старинный друг Толкина.

338

Подробнее см. «Биографию», стр. 354–355.

339

Форрест Дж. Акерман, представитель кинокомпании; см. письмо № 202.

340

«Тем двоим Гандальв уступал в росте, однако длинные седые волосы, окладистая серебристая борода и широкие плечи делали его похожим на мудрого короля из старинной легенды. На лице старика под кустистыми белоснежными бровями темные глаза пылали, точно угли, что, того и гляди, вспыхнут пламенем».

341

Т. е. в трактире в Бри.

342

«Тьма наступает слишком скоро, раньше срока, назначенного ей Хозяином».

343

Имеется в виду тот эпизод, в котором Эовин убивает Предводителя Назгул.

Лембас обладал свойством, без которого они давным-давно легли бы на землю и стали безропотно ждать смерти… Он питал волю, он давал силы выстоять и подчинить себе мышцы и сухожилия сверх меры, отпущенной смертным».

345

«Но тут и там яркие солнечные лучи пробивались сквозь восточные окна высоко под глубокими свесами». «Солнце разом погасло в восточных окнах; в зале внезапно сделалось темно, как ночью».

В последующих изданиях была использована такая формулировка.

347

В Приложении А к «Властелину Колец» (III. 315) в ряду королей Нуменора Ар-Адунахору предшествует Тар-Калмакиль; Тар-Атанамир здесь упоминается, по всей видимости, просто по ошибке. Подробнее см. «Неоконченные предания», гл. «Род Эльроса».

348

В другом месте Толкин называл оставшихся двух магов Итрин Луин, Синими Магами; см. «Неоконченные предания», гл. «Истари».

349

В Указателе к «Сильмариллиону» имена Эльронд, Эльрос и Эльвинг переводятся как «Звездный купол», «Звездная пена» и «Звездные брызги». Эти варианты перевода более поздние, нежели те, что приведены в данном письме.

350

Данный отрывок взят из другого текста письма (из черновика). В отношении этой подробности отосланный вариант более лаконичен.

«Области, где хоббиты жили в те дни, вне всякого сомнения, совпадают с теми, в которых они задержались и по сей день: северо-запад Старого Света, к востоку от Моря».

352

В «Сильмариллионе» (гл. II «Об Аулэ и Йаванне») о «шести женах» не упоминается.

353

В письме мистер Нанн назвал Толкина «образцом учености».

См. «Властелин Колец» III. 413 (Приложение F).

355

Производное от англосаксонского *byrd*, «рождение».

356

В генеалогическом древе *Бэггинсов из Хоббитона* значатся два Понто: первый — предок Перегрина Тука и Мериадока Брендибака.

357

Лалия Великая во «Властелине Колец» не упоминается, но ее супруг, Фортинбрас II, фигурирует в генеалогическом древе *Туков из Великих Смиалов* («Властелин Колец» III 381).

358

Федеральная пенсионная программа для университетов.

359

Должность экзаменатора в Национальном Университете Ирландии.

Оке Ольмаркс, переводчик шведского издания «Властелина Колец»; в свой перевод он включил биографическую статью о Толкине.

«Мастерство, умения, (зд.) образованность» *(шв.)*.

362

«В моих жилах… чистая кровь народа Запада [т. е. Нуменора]» (III 249).

363

«Лаурелиндорэан линделорендор малинорнелион орнемалин».

«Таурелило-мэа-Тумбалетаурэа Ломэанор».

365

Из приветствия Глорфинделя, обращенного к Арагорну: «Ай на ведуи Дунадан! Маэ гованнен!» (I 222).

«А ванимар, ванималион ностари!» (III 259).

367

Нижеследующие строки переведены Толкином в письме. Строка 2: «Куйо и Фериайн ананн! Аглар_ни Ферианнат!» Строка 4: «Даур а Берхаэль, Конин эн Аннун! Эглерио!» Строка 6: «Эглерио!» Строка 7: «А лайта тэ, лайтатэ! Андавэ тайтувалмет!» Строка 9: «Кормаколиндор, алайта тариэнна!»

Т. е. в рассказах «Саки» (Г. Х. Манро).

369

Произведение под названием «Вурру», опубликованное Джойс Ривз под псевдонимом Джойс Гард («Голланкц», 1961). Один экземпляр она выслала Толкину.

«With silver tipped at plenilune/his spear was hewn of ebony» («Приключение», сб. «Приключения Тома Бомбадила»). «At plenilune in his argent moon / in his heart he longed for Fire» («Как Житель Луны пожелал новизны», сб. «Приключения Тома Бомбадила») [Поскольку здесь необходимо было дать английские слова plenilune и argent в исходном контексте, строчки приводятся на языке оригинала. — *С. Л.*].

371

Джейн Нив писала Толкину: «Гамельнский крысолов» никогда не надоедает! Всякий раз, гостя у меня, дети требуют его каждый день. Но вашим мы порадовались бы куда больше».

Скорее всего, это стихотворение не из числа тех, что вошли в сборник «Приключения Тома Бомбадила»; большая часть стихотворений из этой книги была написана за несколько лет до публикации.

«Иллюстрации, как бы хороши они ни были, волшебным сказкам не на пользу. Радикальное отличие всех видов искусства (включая драму), которые предлагают *зримое* представление, от настоящей литературы состоит в том, что они навязывают одну-единственную зримую форму. Литература передает образы напрямую от сознания к сознанию и потому более плодотворна» («О волшебных сказках», прим. Е).

374

Абзац в Приложении F, начинающийся с фразы: «Для того чтобы это подчеркнуть, я и решился использовать форму *dwarves*…».

Типография, в которой печаталось издание «Паффин».

376

Типография, в которой печаталось трехтомное первое и второе издания «Властелина Колец» в твердой обложке.

377

Основатель и директор издательства «Пенгуин-букс», одним из отделений которого является «Паффин».

378

«Матушка родная/Разве только по усам опознает детку!» («Бомбадил катается на лодке» из сборника «Приключения Тома Бомбадила»). Ср.: «Асы те отдали Хрейдмару клад и туго набили шкуру выдры и поставили ее на ноги: тут должны были асы насыпать золота и прикрыть шкуру снаружи; а когда это было исполнено, подошел Хрейдмар и увидел, что торчит волосок от усов, и приказал прикрыть» («Сага о Волсунгах», пер. Б. Ярхо).

379

«…Сели, стали смаковать новости да сплетни/От Курганов и до Гор; о торговле летней… / Слухи странные из Бри, байки кузни-хлева…» («Бомбадил катается на лодке» из сборника «Приключения Тома Бомбадила»). Ср.: «From mulne ant from chepinge, from smippe ant from ancre hus me tidinge bringep» («С мельницы и с рынка, с кузни и из отшельнической хижины доходят слухи»). («Ancrene Wisse», под ред. Дж. Р. Р. Толкина. «Общество по изданию ранних английских текстов», 1962, стр. 48; пер. из «Ancrene Riwle» М. Б. Салю, «Берне энд Оутс», 1955, стр. 39).

380

Американский критик, посетивший Толкина и Анвина летом 1962 г.

381

На самом деле передача вышла в эфир 7 августа 1936 г. Инициатором ее выступил Гай Поукок: некогда он работал в издательстве «Дент», куда Толкин предложил рукопись своего перевода, и имел возможность там с нею ознакомиться. Позже Поукок вошел в штат Би-би-си.

382

Стихотворение называется «Безымянная земля» и написано строфой «Перла»; оно было опубликовано в книге «Реальности, поэтическая антология» под ред. Г. С. Танкреда (Лидс, «Суон-пресс»; Лондон, «Гей энд Ханкок», 1927), стр. 24. Его первые строчки звучат как: «There lingering lights do golden lie/On grass more green than in gardens here…»

383

Речь идет о двух словах: (1) греческое слово *gnome*, «мысль, ум» (а во мн.ч. — «максимы, сентенции»; отсюда английское слово *gnome*, «максима или афоризм», и прилагательное *gnomic*, «гномический») и (2) слово gnome, использованное автором XVI в. Парацельсом в качестве синонима к *pygmaeus* («пигмей»). Парацельс «утверждает, что стихией именуемых так существ является земля… сквозь которую они движутся беспрепятственно, как рыба сквозь воду или птицы и земные звери сквозь воздух («Оксфордский словарь английского языка», см. *Gnome* 2). В «Оксфордском словаре» высказывается предположение, что сам ли Парацельс изобрел это слово или нет, подразумевается, что оно означает «житель земли» и всякая связь со словом *Gnome* в первом значении отрицается.

384

«… Вдруг… над камышами показалась старая истрепанная шляпа с высокой тульей и заткнутым за ленту длинным синим пером».

385

«Он не скрывал, что осведомленностью своей обязан фермеру Мэгготу, которого, похоже, почитал персоной куда более важной, нежели им казалось».

386

Сэр Томас Браун, «Расхожие народные суеверия», III, глава 10: «Зимородок, подвешенный за клюв, показывает, куда дует ветер».

387

См. примечание 1 к письму № 237.

388

См. примечание 2 к письму № 237.

389

На стр. 3 статьи «Английский и валлийский» Толкин пишет: «В истории… которую я впервые обнаружил на страницах Эндрю Бурда [sic], врача Генриха VIII… говорится о том, как был изменен язык Небес. Святой Петр, которому велели найти средство устранить шум и гам, сотрясающие небесные обители, вышел за Райские Врата, воскликнул: «Caws bobi», и захлопнул Врата снова, прежде чем выбежавшие за двери валлийцы разобрались, что это ловушка, но только безо всякого сыра».

390

«Мой колледж… был глубоко шокирован, когда единственный когда-либо выигранный мною приз… премию Скита за успехи в английском в Эксетер-Колледже, я потратил на валлийский («Английский и валлийский», стр. 38).

391

«…Не дерзая вступить в воинствующие ряды признанных ученых-кельтологов…».

392

Леди Агнью, проживающая на Нортмур-Роуд.

393

Однако в предисловии к «Дереву и листу» (1964) Толкин писал: «Нежданно-негаданно его обкорнали и изуродовали… А теперь оно срублено».

Рецензии на книгу появились в «Таймс литерари сапплемент» от 23 ноября 1962 (стр. 892) и в «Лиснер» за 22 ноября 1962 (стр. 831). Второй из отзывов был весьма восторженным; в нем говорилось о толкиновской «превосходной технике… граничащей с гениальностью».

395

«Фарамир… протянул белый жезл; но Арагорн принял жезл — и вновь вручил его Фарамиру, говоря: «Срок службы не окончен; и жезлом этим владеть тебе и твоим наследникам, пока длится мой род».

396

«То был Фродо, бледный, измученный и все же вновь ставший самим собою; взгляд его был спокоен, и не читалось в нем ни мучительного напряжения воли, ни безумия, ни тени страха… «Цель достигнута, все, конец», — [промолвил Фродо]».

397

Третий и четвертый абзацы на первой странице главы «Расставания» (Книга VI, глава 6); и следующий отрывок: «Но, если мы хотим повидать Бильбо, быстрее мы не доберемся. Что бы уж там ни случилось, а сперва я побываю в Ривенделле».

398

Благословение Эльрондом Фродо в конце Книги VI, главы 6.

399

«Разум его пылал яростью… Зарубить этого вероломного убийцу было бы только справедливо… Но в глубине его души таилось нечто, его удержавшее: он не смог ударить это распростертое в пыли существо — жалкое, пропащее, непередаваемо несчастное».

400

«В сознании его всколыхнулись безумные фантазии; он увидел себя Сэмуайзом Могучим, Героем Эпохи, вот он шагает с мечом через одетую мраком землю, и армии стекаются на его зов, ибо он идет сокрушать Барад-дур».

401

Этот рассказ, «Поход к Эребору», опубликован в «Неоконченных преданиях».

402

Нумерация страниц приводится по изданию «Эссе в честь Чарльза Уильямса»; имеется в виду следующий отрывок: «Ученому так легко почувствовать, будто, несмотря на все затраченные труды, собрать ему удается лишь несколько листочков — причем многие нынче истрепаны или сгнили, — с необозримой кроны Древа Сказок, которыми, точно ковром, устлан Лес Дней».

403

«Христианин… может статься, сегодня вправе дерзко предположить, что через Фантазию он одевает листвой и содействует многократному обогащению тварного мира».

404

Сэр Джеймс Марри (1837–1915) был основателем «Оксфордского словаря английского языка».

Возможно, ссылка на рекомендацию Пия X в отношении ежедневного причащения и причащения маленьких детей {Т. е. до конфирмации.}.

Второй Ватиканский Собор (1962–1966).

Опекун Толкина, отец Френсис Морган.

408

В этом доме Толкин жил с 1926 по 1930 гг.

«Благословен грядущий во имя Господне» (из литургии).

410

Врач-терапевт, наблюдавший Толкина во время его визитов в Борнмут (и позже, когда тот перебрался в Борнмут на постоянное жительство).

411

Внук Толкина, сын Майкла, на тот момент изучал английский в университете Сент-Эндрюз.

412

Подробнее об этой радиопередаче см. примечание 5 к письму № 19.

413

Джеймс Каллахан, на тот момент министр финансов теневого кабинета {Парламентский комитет главной оппозиционной партии; в него входят представители парламентской фракции этой партии, «должности» которых соответствуют официала ным должностям в официальном кабинете министров.} озиционной лейбористской партии. Лейбористская партия пришла к власти в 1964 г.

Т. е. до 1931; подразумевается, что «Хоббит» был написан в этом году. (Однако см. «Биографию», стр. 275 и далее.)

Джеймс Дандас-Грант, один из инклингов.

416

Пасынок Льюиса.

417

Преподаватель английского языка в Килском университете, в прошлом — один из студентов Льюиса.

418

Слова «Мы отдалились друг от друга… спустя много времени после события как такового» в черновике вычеркнуты.

419

См. примечание 3 к письму № 24.

420

См. рисунок Толкина «Древо Амалион», № 41 в «Рисунках».

421

Р. У. (Дики) Рейнолдс; см. «Биография», стр. 78.

Уайзмен стал директором Квинз-Колледжа в Тонтоне.

423

Директор школы Короля Эдуарда.

«Светла как липовый листок», «Грифон», новый выпуск VI, № 6 (июнь 1925), стр. 217.

425

«…Как свадебный выкуп за Лутиэн для Тингола, ее отца» (В оригинале вместо «bride-price» (выкуп за невесту) значится «bride-piece»; эта опечатка повторялась во всех изданиях на протяжении многих лет и была исправлена лишь недавно.) Подробнее об этой поэме см. «Инклинги», часть 1 гл. 2.

426

См. вводное примечание к письму № 9.

427

В Корнуолле, на побережье близ Пензанса. Этот отпуск пришелся на лето 1932 г.

Толкин жил на Дачис-Роуд с 1908 по 1910 гг.

429

«Браммаджем» — местная (и очень древняя) форма названия «Бирмингем».

430

Бейли писал: «Начиная с самого первого занятия Льюис постоянно путал меня с Джеффом Даттоном, блестящим студентом из Австралии, а Даттона — со мной».

431

«В этом городе священный свет» (*лат.*)

432

«В нем возродился один из могучих скакунов древности». «Если бы Западный Ветер облекся в зримую плоть, таковым бы он и предстал». «То были *мэарас*… и говорили люди, будто Бема (кого эльдар называют Оромэ), должно быть, привел их предков с Запада из-за Моря».

«Тень, их породившая, может лишь подражать в насмешку, создавать она не может — ничего от себя, настоящего и нового. Не думаю, что Тень наделила орков жизнью: Тень лишь обезобразила и исказила их».

434

Офис издательства «Хоутон-Мифлин» находится в Бостоне, штат Массачусетс.

435

«Они перешли речушку вброд и быстрым шагом пересекли широкую открытую луговину, безлесную, заросшую тростником. По другую ее сторону протянулась полоса деревьев: по большей части высокие дубы, но тут и там попадались вяз или ясень».

436

Сэр Сирил Норвуд (1875–1956), ректор Сент-Джонз-Колледжа Оксфордского университета и автор «Норвудского доклада» об образовании.

На самом деле, помимо К. С.Льюиса, мифологические тексты читали еще три человека: Кристофер Толкин, Рейнер Анвин и лорд Холсбери.

438

Замечание Толкина и в самом деле загадочно, поскольку в книге «К. С. Льюис в новом свете» («Блез», 1965) Оуэн Барфилд высказывает целый ряд замечаний касательно личности Льюиса. Возможно, Толкин имеет в виду недоумение Барфилда по поводу той «разительной перемены, что произошла [в Льюисе] между 1930 и 1940 гг. — перемены, что приблизительно совпадает с его обращением… но не казалась, и теперь, задним числом, не кажется неизбежно или хотя бы естественным образом с ним связанной» (стр. ix). И далее: «Не было ли чего, по меньшей мере в его впечатляющей, просто-таки блестящей личности литератора, что отдавало бы — без тени неискренности! — чем-то *voulu?* {Нарочитое, напускное (*фр.*)}… некоего штриха, более значимого, нежели имитация *ad hoc {Надуманная, затеянная для данного случая (лат.)}*»? (стр. xi). Либо Толкин мог иметь в виду замечание Барфилда (стр. xvi) о «характерном сочетании просто-таки высочайшего интеллекта и «фантастической» зрелости в придачу к нравственной силе с одной стороны и… определенной психической или духовной незрелости — с другой».

439

Данный рисунок воспроизведен под № 19 в «Рисунках».

440

«Ты, я надеюсь, не думаешь, что все твои приключения и чудесные спасения — это чистой воды удача и только ради собственной твоей пользы?» (Гандальв к Бильбо).

По всей видимости, Толкин уступил, поскольку интервью Фостера с ним было опубликовано в «Скотсмене» от 25 марта 1967.

442

У. Х. Оден; см. письмо № 284.

443

См. вводное примечание к письму № 9.

444

По словам знакомой Толкина Элейн Гриффитс, на самом деле Толкин одолжил рукопись Сьюзен Дагналл, которая услышала о ней от мисс Гриффитс.

445

Касательно переписки Толкина с Джейн Нив, тетей, здесь упомянутой, см. письма № 231, № 234, № 238 и № 241.

446

См. письмо № 202.

447

Данная книга Джона Кристофера была впервые опубликована в 1956 г.

Подробнее см. тж. письмо № 24.

449

Что за письмо имеет в виду Толкин, неизвестно.

Оден отослал Толки-ну машинописный экземпляр его с Полом Б. Тейлором перевода «Прорицания вельвы». Впоследствии он вошел в собрание их переводов из «Эдды» под заглавием: «Старшая Эдда»: Избранное» («Фабер энд Фабер», 1969); эта книга была посвящена Толкину.

451

Длинная неопубликованная поэма под названием «Volsungakvida En Nyja» («Новая песнь о Вельсунгах») и написанная, по всей видимости, в конце 1920-х или начале 1930-х гг. В письме к Одену от 29 января 1968 г. Толкин охарактеризовал ее так: «Поэма написана по-английски восьмистрочными строфами в размере форнюрдислаг: это попытка упорядочить эддический материал, касающийся Сигурда и Гуннара». Форнюрдислаг — это древнескандинавский строфический размер, очень напоминающий размер древнеанглийской поэзии; им написано большинство повествовательных песен «Эдды».

Данный комментарий был опубликован уже после смерти Толкина в сборнике «Толкиновский компас» под ред. Джареда Лобделла (Ла Салль, Иллинойс, «Оупен Корт», 1975), стр. 153–201.

453

Прозвище К. С. Льюиса.

Ф. Э. Брайтман (1856–1932), преподаватель Модлин-Колледжа.

455

В раннем детстве Толкин жил вместе с матерью и младшим братом в домике напротив мельницы, в деревушке в окрестностях Бирмингема.

То было знамение *(лат.)*

457

Корпус подготовки офицеров.

«Выбран — ты, и, стало быть, придется тебе обойтись той силой, и стойкостью, и изобретательностью, что тебе отпущены». «Не нам управлять судьбами мира; нам должно делать то, что в наших силах, в помощь тому времени, в котором мы пребываем».

459

Епископ Дж. А. Т. Робинсон, автор работы «Честен перед Господом» (1963) {Данная работа рядом читателей была воспринята как критика истинности Евангелий}.

Младший брат Толкина (1894–1976).

461

Лекция, прочитанная 5 июня 1959 г., впоследствии была опубликована в сборнике «Дж. Р. Р. Толкин, ученый и рассказчик» под ред. М. Б. Салю и Р. Т. Фаррелл («Корнеллюниверсити пресс», 1979).

462

«Старость подкралась ко мне… Старше я стал и зимами [т. е. годами] и учением [т. е. мудростью]».

463

На самом деле Дж. Б. Толкин (1807–1896) умер в возрасте 89 лет.

Но см. письмо № 334, одно из многих писем, подписанных «Рональд» (именем «Джон» Толкин не подписывался никогда, кроме как в письмах к будущей жене в пору ухаживания); в нем Толкин просит Рейнера Анвина обращаться к нему именно так.

465

Миссис Парк, работавшая в семье Толкинов водителем и домработницей по несколько часов в неделю.

Кидд, Мэри Мэйтам. «Дикорастущие цветы полуострова Кейп-Код» («Оксфорд юниверсити пресс», 1950).

Большую часть своих литературных доходов Толкин перевел на сыновей и дочь; если бы после этого он прожил еще семь лет, дар не облагался бы налогом на наследство.

468

Это письмо Словарный отдел словаря так и не получил; возможно, оно не было отослано.

Данное определение и было использовано, предваряемое словами: «В произведениях Дж. Р. Р. Толкина (1892–1973)», в Приложении к словарю от 1976 г.

470

См. письмо № 25.

471

См. прим. 3 к письму № 1; тж. письмо № 308.

472

См. прим. 4 к письму № 1.

473

См. письмо № 25.

Грин сообщил Толкину, что автор книги — Э. Х. Натчбулл-Хьюгессен и что сборник назывался «Сказки для моих детей» (1869).

475

На номерном знаке машины марки «Моррис», принадлежавшей семье Толкинов в 1930-х гг., первые буквы были «JO».

Преподаватель Бейллиол-Колледжа.

477

Толкин гостил у своего сына Кристофера и его семьи в деревне под Оксфордом.

478

Двоюродная сестра Толкина.

479

Идолы в рассказе лорда Дансени; см. письмо № 294.

480

Песня энта и жены энта в главе «Древобород».

481

Немецкий философ, автор работ о датском философе Серене Кьеркегоре; (1879–1945).

У. Г. Льюис.

Т. П. Даннинг, Юниверсити-Колледж, Дублин; специалист по англосаксонскому языку.

484

Росфрит Марри, дочь сэра Джеймса Марри. См. письмо № 249.

485

Водитель взятой напрокат машины, на которой Толкин доехал до Борнмута.

486

Борнмутский отель, где часто останавливались Толкин с женой.

comments

Комментарии

1

В русском переводе большинство данных вариаций (артикль в пределах или за пределами кавычек, с большой или с маленькой буквы) по очевидным причинам не сохранилось.

2

В русском переводе постраничные сноски за авторством Толкина снабжены пометкой: *«Прим. автора»*. Все прочие постраничные сноски, главным образом страноведческого характера, написаны переводчиком

3

В квадратных скобках. Таким образом, в настоящей книге присутствует три разновидности примечаний: постраничные авторские сноски (отмеченные как таковые), постраничные сноски от переводчика и примечания от издателя (Х. Карпентера) в конце книги.

4

Эдит переехала на другое место; Толкин, не зная ее нового адреса, послал письмо на прежний адрес, надеясь, что его перешлют по назначению. (Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, постраничные примечания переводчика.)

5

Британские экспедиционные войска.

6

Неминуемый (*нем.*)

7

Сенат — руководящий орган в некоторых университетах (например, в Кембриджском, Лондонском и т. д.)

8

Здесь и далее ссылки на «Биографию» даются по изданию: Карпентер, Х. Дж. Р. Р. Толкин: Биография. Пер. А. Хромовой. М.: Эксмо-Пресс, 2002.

9

Осенний триместр в некоторых университетах и колледжах; начинается в сентябре-октябре

10

Соединенное Королевство Великобритания

11

Оксфордский университет

12

Еженедельное литературное приложение к газете «Таймс», где печатаются литературные обзоры и рецензии на новые книги

13

Предмет под названием «деловой испанский» зачастую включался в программу бри-танских школ и ставил целью освоение чисто деловой лексики, без каких бы то ни было высоких литературных материй. «Деловой испанский» в Британии пользовался большой популярностью, тем более что Британия вела обширную торговлю со странами Латинской Америки

14

Являются ли «загадки» в «Алисе» параллелью к отголоскам северных мифов в «Хоббите»? — *Прим. авт.*

15

Аллюзия на шуточное стихотворение Л. Кэрролла «Гайавата фотографирует»

16

Лектор (*lecturer*) — третий по старшинству университетский преподаватель после профессора (*professor*) и ридера (*reader*)

17

Словом «студент» (*student*) в Крайст-Черч-Колледже Оксфордского университета обозначается не только учащийся (студент в нашем понимании), но и научный работник. Именно таков был официальный статус Ч. Л. Доджсона

18

Поощрительная награда за спортивные достижения присуждается членам сборной команды школы (обыкновенно галстук, блейзер, брюки, шапка, значок)

19

Школы, подобные этой, делятся на «факультеты» (*houses*) — своего рода объединения внутри школы; у каждого факультета — своя спортивная команда. Обладатель «цветов» может По праву надеяться войти в сборную школы

20

Аллюзия на гл. 12 «Хоббита». Автор хочет сказать, что испытал примерно те же ощуще ния, что Бильбо при виде сокровищ Смауга: «С тех пор как изменилось наречие людей, усвоенное ими от эльфов в те дни, когда весь мир был овеян чудом, в языке уже нет слов для того, чтобы описать «потрясенность» бедняги»

21

Не то чтобы работа экзаменатора приносила баснословную прибыль. Даже небольшой тираж окажется выгоднее. Чтобы заработать 100 фунтов, затрачиваешь приблизительно столько же труда, сколько уйдет на полновесный роман. — *Прим. авт.*

22

Профессор королевской кафедры (*Regius Professor*) заведует кафедрой, учрежденной королем в университетах Оксфорда и Кембриджа; так, например, несколько кафедр были учреждены королем Генрихом VIII и т. д.

23

Эпическая поэма, построенная по образцу средневековых французских «шансон де жест» (букв. — «песнь о деяниях»)

24

Доброго пути! (*фр.*)

25

В английском языке слово *«man»* имеет значения как «человек» (представитель рода человеческого), так и «мужчина». Толкин и впрямь склонен к тому, чтобы использовать слово *«man»* во втором значении применительно к представителям иных рас. Так, в текстах более поздних слово *«man»* может употребляться по отношению к эльфу мужского пола

26

Линкольншир

27

Список опечаток (*лат.*)

Хотя и не вполне. Хотелось бы мне, если можно, узнать об этом сборнике сказок 1904 г. подробнее. — *Прим. авт.*

29

Хоббитские имена по большей своей части являются значимыми словами и так или иначе соотносятся с образом жизни и характеристиками хоббитов: *Chubb* (от англ. *chubby*) — «полнолицый, круглощекий»; *Grubb* (соотносится с англ. *grub* — «харч, жратва», и *to grub* — «рыться в земле»). Однако все они выглядят как вполне стандартные английские фамилии, которые в русскоязычной традиции принято транслитерировать, а не переводить, исходя из их значения (мистер Смит, а не мистер Кузнец). Потому имена хоббитов повсюду оставлены в транслитерации.

30

Истинная история (*лат.*)

31

Философ-платоник XII в. (ум. ок. 1167). автор поэтико-философского трактата «De Mundi Universitate» («О совокупности мира», он же «Космография», написан между 1143 и 1148 гг.). Взгляды Бернарда Сильвестра обнаруживают духовную связь с Шартрской школой — виднейшим центром «французского возрождения» XII в. при Шартрском соборе. Термин «Уарса» (*Oyarses*) действительно заимствован из сочинения Бернарда Сильвестра и, как указал Льюису его коллега из Модлин-Колледжа, является искаженным *Ousiarches* («правящая сущность») (об этом говорится в гл. 22 книги «За пределы безмолвной планеты»)

32

Это не ошибка распознавания, а прикол наборщиков — *прим. Heimnar'a*

33

Поэт-роялист Ричард Лавлейс (1618–1658), выпускник Вустер-Колледжа, автор ряда изящных лирических стихотворений, составивших два стихотворных сборника.

34

Однако ж в новой книге и про хоббитов будет: еще больше, чем прежде, — и самих хо& битов, и про них Снова появляется Голлум, на первый план выходит Гандальв; есть и «гномы», и хотя драконов нет (пока), зато будет Великан; и, что примечательно, совершенно новые (и весьма жуткие) Кольцепризраки. Словом, там наверняка окажется полным-полно всего того, в чем люди, которым пришлась по душе первоначальная смесь, почувствуют тот же самый привкус. — *Прим. авт.*

35

Возможно, ваш праведный гнев отчасти смягчится, если я скажу, что со времен моего декабрьского письма здоровье моей жены значительно ухудшилось. Прошлый триместр я по большей части провел на чердаке в отеле, а дом мой, изрядно пострадавший, стоял заброшенным[63]. Я и сам расхворался и с трудом справляюсь с университетскими делами, свалившимися на меня в тройном объеме. — *Прим. авт.*

36

Т.е. из семьи железнодорожников; Ашфорд — один из крупных железнодорожных городов; сегодня ассоциируется с тоннелем под Ла-Маншем

37

Воздушные бои над территорией Великобритании; день «Битвы за Англию» отмечает ся воздушным парадом над Лондоном 15 сентября

38

«Кентерберийские рассказы», Пролог Батской ткачихи.

39

Литература (вплоть до возникновения современного романа) всегда была мужским Делом, и в ней на каждом шагу шла речь о «прекрасных и лживых». В общем и целом это — клевета. Женщины — такие же люди и, следовательно, способны на вероломство. Но в рамках человеческого сообщества по контрасту с мужчинами они в общем и целом по природе своей ничуть не более вероломны. Скорее наоборот. Вот только женщины и впрямь склонны пасть Духом, если им предлагают «подождать» своего избранника — подождать слишком долго, в то время как юность (столь драгоценная и необходимая для будущей матери) быстро проходит. На самом деле их просто не следует заставлять ждать. — *Прим. авт.*

40

Лидер американской секты мормонов, практикующей полигамию

41

На факультетах (или в колледже в целом) бывает «первая команда» (*a first team*), «вторая команда» (*a second team*) и «команда новичков» (*«colts» team*)

42

В экзамен «онор-модерейшнз» («Honour Moderations») входит ряд письменных работ по различным предметам; в зависимости от результатов кандидату присуждаются степени отличия от первой до четвертой (первая — высшая)

43

Низшее офицерское звание в сухопутных войсках Великобритании

В результате действий немецких подводных лодок Англия терпела большие потери в снабжении продовольствием и техникой; так, адмирал Джеллико, командовавший флотом Англии во время войны, писал в своем меморандуме в апреле 1917 г., что в силу вышеописанного Англия может оказаться вынужденной уже к лету согласиться на неприемлемые условия мира, несмотря на успешные действия на суше

45

Второй публичный экзамен в Оксфорде (на степень бакалавра искусств)

46

Прозвище английского солдата (в военном уставе солдат условно именовался «Томас Аткинз»)

47

Ополчение Второй мировой войны, поначалу добровольное, было создано на случай вторжения немецких войск в Великобританию

48

Вечность (*лат.*)

49

Тевтонская ярость (*лат.*)

50

Магистр гуманитарных наук — вторая ученая степень в университетах; для ее получения требуется исследовательская работа в какой-либо области (диссертация на степень магистра)

51

Фактический глава университета; назначается главным руководящим органом универ ситета из числа преподавателей на срок от двух до четырех лет

52

«Уместный», «преподобный», «продажный (корыстный)», «хоровой», «светский (не церковный)» (*англ.*) — эти слова носят отчетливо книжный характер и в английском языке не самые частотные, но при этом в литературной речи вполне употребительные

53

Христианский брак — это вовсе не запрет на половые сношения, но подобающий метод сексуальной воздержанности; и, по сути дела, наверное, лучший способ получения наиболее полного *сексуального наслаждения*, точно так же, как воздержанность в уиотребле нии алкоголя — лучший способ наслаждаться пивом и вином. — *Прим. авт.*

54

Это имя (Joad of Joad Hall) перекликается с именем одного из персонажей романа К. Грэма «Ветер в ивах» (1908) — мистера Жаба из Жаб-холла (в оригинале Mr. Toad of Toad-Hall). См. тж. письмо №51

55

Передача, в которой видные политические деятели и специалисты отвечают на вопросы радиослушателей

56

Северо-западный пригород Лондона

57

«Виши» — общепринятое название фашистского прогитлеровского режима, существо вавшего во Франции во время Второй мировой войны: происходит от названия г. Виши, в ка тором находилось коллаборационистское французское правительство во главе с генералом А. Ф. Петеном. Режиму Виши противостояло движение «Свободная Франция» (с июля 1942 — «Сражающаяся Франция»), созданное генералом Ш. де Голлем, который призывал к продолжению сопротивления врагу.

58

Аллюзия на строки из протестантского гимна: «Дневные хлопоты и общность цели/ Дадут нам все, о чем бы мы радели»

59

Цитата из шуточного стихотворения американского автора Брет Гарта, в котором идет речь о бурных «дебатах» в группе калифорнийских золотодобытчиков

60

Гондвана (Gondwana = Gondwanaland) — гипотетический материк, якобы некогда суще ствовавший в южном полушарии и распавшийся в мезозойскую эру или в конце палеозойской, образовав Аравию, Африку, Южную Америку, Антарктику, Австралию и полуостров Индию. Это название употребляется также для собирательного обозначения всех этих зе мель в том виде, в каком они существуют сегодня

«Кто победит?» (*итал.*)

62

Названия католических молитв. «Gloria Patri» — Славословие Пресвятой Троице («Слава Отцу и Сыну и Святому Духу…»); «Gloria in excelsis Deo…» — гимн «Слава в вышних Богу…»; «Laudate Dominum» — «Хвалите имя Господне…»; «Laudate Pueri Dominum» — «Хвалите, рабы Господни…» (псалом № 113); «Magnificat» — Магнификат, величальная песнь Марии («Величит душа моя Господа», см. Лк. 1: 46–55); «Sub tuum praesidium» — «Под Твою защиту (прибегаем)…»

63

В оригинале — «glee», слово из поэтического лексикона древнеанглийского языка, означающее «музыка, мелодия» и одновременно — «развлечение» (отсюда слово «gleeman» — певец, бард); в современном английском языке означает «радость, ликование» (ассоциация с музыкой практически утрачена)

64

«Митра» — один из самых популярных ресторанчиков в Оксфорде; ранее — гостиница.

65

Псевдоним обозревателя в «Дейли телеграф» (этот псевдоним существует по сей день)

66

Сокращение от «Браммаджем», издевательское название Бирмингема (по местной манере произношения)

67

Район США, включает в себя ряд восточных, самых старых штатов: Массачусетс, Мэн. Вермонт, Нью-Гемпшир, Род-Айленд и Коннектикут. Новая Англия стала одним из трех первых центров колонизации; с ней ассоциируется понятие «истинного янки», потому собеседник Толкина в той же мере воплощал в себе «американскую культурную традицию», сколь сам Толкин — английскую.

68

Один из железнодорожных вокзалов в Бирмингеме.

69

Школа в ведении совета графства, городского или районного совета

70

Кафедры, учрежденные королем в Оксфорде и Кембридже

71

Уильям Купер (1731–1800), английский поэт. «Задание» — поэма в б книгах, написанная белым стихом, посвящена прелестям провинциальной жизни

Но я в этом сомневаюсь (*фр.*)

73

Совр. room (комната), tomb (гробница, могила) (*англ.*)

Имеется в виду так называемое двойное летнее время (на два часа впереди времени по Гринвичу); вводилось в период Второй мировой войны и в некоторые послевоенные годы

75

На юго-западе.

76

Квартира Артура и Мэйбл Толкинов находилась в здании банка, где работал Артур

С точки зрения вечности (*лат.*)

Переводы встречающихся в тексте стихов и стихотворных строк выполнены перева дчиком основного текста, если это не оговорено иначе.

79

В драме У. Шекспира «Буря» Ариэль — дух воздуха, служащий волшебнику Просперо; Калибан — уродливый дикарь, воплощение грубой, первобытной материи; и Просперо, и Ариэль обращаются с Калибаном как с существом низшего порядка.

Именно так повсюду в оригинале; см. Указатель

81

Устаревшее слово английского языка, означающее то же, что современное spider — паук.

82

Роман «Медовый месяц за работой» («Busman's Honeymoon») Д. Сэйерс (1937); на русском языке публиковался под заглавием «Медовый месяц»

83

Непереводимая игра слов: английское название повести «Who Goes Home?» («Кто возвращается домой?») созвучно словосочетанию «Hugo's Home» («Дом Хьюго»)

84

День «D» — 6 июня 1944 г., день открытия второго фронта; начало высадки англо-американских войск в Нормандии.

85

В оригинале по всему тексту письма — именно такое написание (Edison, не Eddison).

86

Британское двойное летнее время (см. сноску к письму № 61)

87

Здесь текст «Калевалы» приводится в переводе Л. П. Вельского по изданию: Калевала. — М.: Художественная литература, 1977 (БВЛ). Отдельные строчки слегка подогнаныпод перевод Керби. Надо отметить, что в переводе Вельского фигурирует не снегирь, а дрозд.

Батлер, Сэмюэль (1835–1902) — романист и сатирик, автор ряда романов, в том числе фантастической антиутопии «Едгин»

89

Повязки «гэмджи» — особый перевязочный материал (слой ваты между двумя слоями марли), изобретенный английским хирургом Джозефом Сэмпсоном Гэмджи (1828–1886)

Т. е. «сильные мира сего»: небольшие автомобили у «простых смертных» в болыиинсг ве случаев экспроприировались на военные нужды

91

Концерт джазовой музыки с импровизацией

В Германии и Японии

93

Цитата из поэмы У. Блейка «Мильтон». Первые строфы, положенные на музыку Пэрри (Ч. Х. Гастингсом) в 1916 г., в Англии служат своего рода альтернативным национальным гимном. Полностью процитированное четверостишие звучит так: «Мой дух в борьбе не сокрушим, / Незримый меч всегда со мной. / Мы возведем Ерусалим / В зеленой Англии родной» (пер. С Маршака)

94

Морена — скопление обломков горных пород (валунов, гравия, песка, глины), образуемое передвижением и таянием ледников

95

Портальный дом — тип сборного стандартного дома со стальным каркасом, предлсг женный в 1944 г.

96

Уильям Генри Беверидж (1879–1963), английский экономист и политический деятель, и глава оксфордского Юниверсити-Колледжа, возглавлял комиссию, доклад которой на тему системы социального обслуживания (1942) заложил основы современной системы социального страхования в стране.

97

Английские поэты-романтики начала XIX в. (У. Вордсворт, С. Т. Кольридж, Р. Саути); их литературное содружество вошло в историю как «Озерная школа» (по названию Озерн& го края в Кемберленде, где жили поэты), или «лейкисты» (от англ. *lake* — озеро)

98

В первых вариантах «Властелина Колец» Непоседа (Trotter) — предприимчивый авантюрист-хоббит, прообраз Бродяжника (Арагорна) окончательного варианта книги.

99

Кэмпбелл, Рой (1902–1957) — южноафриканский поэт; «Пламенеющая черепаха» — рифмованная поэма о загадочной черепахе, доставившей Ноев ковчег обратно в возрожденный мир, — изобилует образами вулканического пламени, молний и электрических токов

Протестантского

101

Вельветовые штаны ассоциировались с «левой» интеллигенцией

102

Лк. 23: 34

103

Роберт Эмлин Хавард («Хамфри») (1901–1985), инклинг и близкий друг К. С.Льюиса, в дружеском кругу был известен под прозвищем «Рыжий Адмирал» из-за своей рыжей бороды

(Здесь) «Дайте определение!» (доел. «Я различаю») (*лат.*)

105

«Гимны древние и современные», сборник англиканских церковных гимнов, наиба лее часто используемый и по сей день

Так в оригинале.

107

Сами по себе (*лат.*)

108

Поход, целью которого являются поиски сокровища или выполнение какой-либо важной миссии. Адекватного перевода этого термина на русский язык не существует (поход, поиск, миссия, приключение), а между тем он весьма часто используется в литературе для обозначения сюжетов, сходных с сюжетом «Хоббита» и «Властелина Колец».

109

Harebell (hare + bell, «заячий колокольчик», вариант: hairbell), bluebell (blue + bell, «синий колокольчик»), campanula (уменьшит, от лат. сатрапа — «колокол») — английские названия колокольчика

110

Foxglove (fox + glove, «лисья перчатка») — наперстянка. Вариант написания folk'sglove дословно означает «народная перчатка»

111

Поскольку *clifian* = «прилипать, приклеиваться», очевидно, что *foxes clife* и *clifwyrt* изначально означали «лопух». *Clyfa* — скорее всего ошибка в написании *glyfa*, возникшая из-за путаницы в названиях. — *Прим. авт.*

112

Агрикола, Гней Юлий (*Gnaeus Iulius Agrkola*) (40–93 н. э.) — римский военачальник, наместник Британии; в 61 г. участвовал в подавлении знаменитого восстания бриттов, возглавленного королевой Боадицеей; в 71–74 вернулся в Британию во главе XX легиона, а в 78 г. был назначен проконсулом Британии.

113

Аллюзия на персонажа из книги К. С. Льюиса «Письма Баламута»

114

На авиационном слэнге — служащий нелетного состава военно-воздушных сил (киви — нелетающая птица!).

115

Институт иностранных языков при Оксфордском университете; основан в 1845 г. на средства, завещанные Робертом Тейлором

116

Оффа, король англосаксонского королевства Мерсия VIII в.

117

Верные (*лат.*)

Верному (*лат.*)

«Питающей матери» Церкви (*лат.*)

Созерцательный мир (др. — *англ.*)

121

Истребители «Харрикейн» использовались во время Второй мировой войны

122

Тем более что, как выясняется, аллюзии и ссылки на него просачиваются в труды мистера Льюиса, — как, скажем, в его последний роман[204]. — *Прим. авт.*

123

Это издательство, основанное на средства графа Кларендона, входит в состав «Оксфорд юниверсити пресс»

124

Рундштедт Карл Рудольф Герд фон — с марта 1942 до начала июня 1944 и с сентября 1944 по март 1945 главнокомандующий германскими войсками.

125

«Общество по изданию ранних английских текстов», основанное в 1864 г. Ф. Дж. Фернивалом, занимается публикацией произведений средневековой английской литературы (в настоящее время выпускает одно-два издания в год в основной серии, и иногда в придачу к ним — издания дополнительной серии). Издания отличаются исключительно высоким качеством и академичностью; именно из них заимствовались цитаты для Большого Оксфордска го словаря

126

"К «Мелхоле» Уильямс…" — Семейное прозвище Флоренс Уильямс, данное ей «по сходству» с Мелхолой, дочерью Саула (1 Цар.).

127

Блэкфрайарз-Холл — небольшой частный колледж Оксфордского университета в веде нии английского доминиканского ордена (отсюда название: «черными монахами» (black friars) называли доминиканцев, в отличие от францисканцев, «серых монахов» (grey friars); в нем изучают теологию и философию. Блэкфрайарз является не только учебным центром, но также и действующим монастырем; при нем существует церковь Святого Духа, на ежедневную службу в которую допускаются все желающие

128

«Высокий стол» в столовой колледжей предназначен для профессоров и членов совета

129

Великий труд (*лат.*)

С вашего позволения (*лат.*)

131

Стиль мебели XVIII в., рококо с обилием тонкой резьбы; назван так по имени краснодеревщика Т. Чиппендейла.

132

Ромашка, маргаритка (*англ.*)

133

Церковный праздник, отмечается как в англиканской, так и в католической церкви: третье воскресенье перед Великим постом или девятое перед Пасхой.

Писательская ярость (*лат.*)

135

Сдается мне, «критика» — даже обоснованная или интеллектуально занимательная, — обычно мешает автору, которому есть что сказать от себя. Канатоходец, возможно, нуждается в *практике*, но, ежели он займется теорией равновесия, он утратит грацию (и, скорее всего, упадет). На самом деле (если я. конечно, дерзну снова прибегнуть к критике), я бы сказал, что, по-моему, оно метает и тебе *как писателю*. Ты слишком много читаешь, и слишком много из этого — аналитически. Но, с другой стороны, ты ведь прирожденный критик. А я — нет. Кроме того, ты — прирожденный читатель. — *Прим. авт.*

136

Поручим друг друга Господу (*среднеангл.*)

137

Знаменитая частная школа в Оксфорде.

138

Феликс Топольский (Feliks Topolski, 1907–1989) — польско-британский художник, карикатурист и иллюстратор; Бернард Шоу, большой поклонник его таланта, называл его «величайшим из импрессионистов, рисующих в черно-белых тонах».

139

Эдуард («Тед») Джеффри Ирвинг Ардизон (Edward Jeffrey Irving Ardizzone, 1900–1979) — известный английский художник и иллюстратор, награжден медалью Карнеги и ме далью Г. Х. Андерсена; иллюстрировал, в частности, английские народные сказки.

140

Сокр. от «Бакингемшир».

141

Роллрайтские Камни — один из известнейших мегалитических комплексов на Британских островах времен позднего неолита (2500–2000 BC).

142

Профессор С. Э. М. Джоуд, популярный философ и участник радиопрограммы «Мозговой трест» (см. тж. №51), в конце сороковых годов был задержан в поезде без билета (и, возможно, в нетрезвом состоянии). Бульварная пресса долго смаковала этот скандал.

143

Йомены (*ист.*) — в Англии XIV–XVIII вв. крестьяне, которые вели самостоятельное хозяйство на земле, являвшейся их наследственным наделом. Франклины (*ист.*) — зажиточные землевладельцы, главным образом из старых англосаксонских родов, чьи наследственные поместья были свободны от налогов и феодальных повинностей.

«Ономастический — прогулка» и «простой — спать». В качестве смысловых словосочетаний названия томов могут быть прочитаны как «ономастическая прогулка» и «спать — про сто».

145

В секрете, в тайне, букв, «в груди» (ит.)

23 апреля; считается национальным праздником Англии, хотя выходным днем не является

147

Предполагая, что данное слово будет восприниматься в древнем своем значении, которое сохранялось вплоть до Спенсера, — и чума на Уилла Шекспира с его треклятыми паутинками. — *Прим. авт.*

С самого начала (*лат.*)

149

Хотя думал *о них* немало. — *Прим. авт.*

150

В основе своей, я полагаю, она посвящена проблеме соотношения Искусства (и Вторичного творчества) и Первичной Реальности. — *Прим. авт.*

Только не в Прародителе Зла; его Падение относится к сфере вторичной реальности, так что эльфы (воплощение вторичной реальности par excellence [в основном, главным образом (*лат.*) — С. Л.]) стали ему непримиримыми врагами; на них обращалась его жажда и ненависть и они же оказались уязвимы для его лжи. Их Падение — это собственничество и (в меньшей степени) искажение своего искусства и превращение его в средство обретения власти. — *Прим. авт.*

152

Если говорить о символическом или аллегорическом значении, Свет — настолько основополагающий символ в природе вселенной, что проанализировать его вряд ли возможно. Свет Валинора (источник коего — свет до падения) — это свет искусства, не отъединенного от разума, что провидит явления как на научном (или философском) плане, так и на плане образном (или плане вторичного творчества) и «говорит, что это хорошо» — поскольку пре красно. Свет Солнца (или Луны) был взят от Дерев лишь после того, как их осквернило Зло. — *Прим. авт.*

153

Разумеется, в реальности это значит только то, что мои «эльфы» — лишь воплощение или репрезентация некоей части человеческой природы, но в легендах так не скажешь. — *Прим. авт.*

154

На самом деле эта история существует в виде довольно длинной поэмы; прозаический пересказ в «Сильмариллионе» является лишь сокращенным ее вариантом[234]. — *Прим. авт.*

155

Имя его как таковое заимствовано из древнеанглийского языка: слово earendel, «луч света», иногда употребляется по отношению к утренней звезде; имя это сопряжено с разветвленными мифологическими ассоциациями (сегодня по большей части непонятными). Но это — всего лишь «нотка эрудиции». На самом деле его имя на эльфийском языке означает «великий мореход», или «любящий море». — *Прим. авт.*

156

Это название Льюис позаимствовал у меня и упрямо его использует, причем пишет с ошибкой: «Нуминор». Нуменорэ на «эльфийском» означает просто-напросто «Западная земля», или «Земля Запада»; это название никак не связано с numen (мистический) или νούμενον! — *Прим. Авт.*

157

В данном случае и далее по тексту письма таково написание оригинала.

158

По всей видимости, опечатка в тексте. Вместо предлога «near» (рядом) уместен был бы предлог «under» (здесь — под властью (Эльронда)

159

Слово *power* в английском языке крайне многозначно: в текстах Толкина оно употребляется по отношению к Валар (*Powers of Arda* — Власти Арды), по отношению к Кольцам (*Rings of Power* — Кольца Власти), и в качестве абстрактной категории «власть» или «сила», как правило, с ярко выраженным негативным оттенком.

Пер. И. Гриншпуна.

Эльронд в этих историях символизирует древнюю мудрость, а Дом его олицетворяет собою Знание — благоговейное сохранение в памяти всех преданий о добре, мудрости и красоте. Это место не *действия*, но *размышления*. Таким образом, через Имладрис пролегает путь ко всем деяниям или «приключениям». Он может оказаться по дороге (как в «Хоббите»); однако порою необходимость велит уходить оттуда совершенно неожиданным маршрутом. Так, по воле обстоятельств, во «Властелине Колец», укрывшись у Эльронда от неотвратим» го преследования уже явленного зла, герой отправляется в абсолютно новом направлении: дабы бросить злу вызов у его истока. — *Прим. авт.*

162

Средний век (*лат.*)

163

Подразумевается (становится очевидно позже, в случае с хоббитами, которые какое-то время владели Кольцом), что каждый «народ» от природы наделен сроком жизни, соответствующим его биологической и духовной сути. *Увеличить* его качественно или количественно на самом деле нельзя; так что продление во времени подобно тому, как если бы проволока натягивалась все туже или «масло намазывалось все тоньше» — и становится невыносимой пыткой. — *Прим. авт.*

164

Лишь в промежутке между «Хоббитом» и продолжением к нему обнаруживается, что Некромант — это *Саурон Redivivus* [воскресший (*лат.*) — С.Л.], стремительно набирающий силу и обретающий зримый облик. Обманув бдительность, он возвращается в Мордор и в Темную Башню. — *Прим. авт.*

165

Конечно же, на самом деле предполагается, что хоббиты — одна из ветвей именно *человеческой* расы (не эльфы и не гномы): так что обе разновидности могут жить бок о бок (как в Бри) и зовутся просто-напросто Рослый Народ и Малый Народ. Они абсолютно лишены сверхчеловеческих способностей, однако представлены как более близкие к «природе» (к почве, ко всему живому, к растениям и животным) и совершенно невероятным для людей об разом свободны от честолюбия и жадности до богатства. Они сделаны *маленькими* (чуть выше половины человеческого роста, однако с течением лет становятся все меньше) отчасти для того, чтобы изобразить ничтожность человека простого, лишенного воображения, ограниченного, — хотя и без крохотности или беспощадности Свифта, и главным образом, чтобы продемонстрировать в существах физически крайне слабых, ошеломляющий и неожиданный героизм человека заурядного «в трудный час». — *Прим. авт.*

Назначение и природа «Магов» нигде в подробностях не объясняются. Само их название (*Wizards*), соотносимое с английским *Wise*, «Мудрый», — английский перевод соответствующего эльфийского слова и используется по всему тексту как принципиально иное, нежели Чародей (*Sorcerer*) или Колдун (*Magician*). В итоге выясняется, что в контексте данных преданий Маги, так сказать, выступают приближенным эквивалентом ангелов, ангелов-хранителей. Их силы направлены главным образом на поддержание врагов зла, дабы те воспользовались своей собственной сообразительностью и доблестью, объединились и выстояли. Они неизменно являются в обличий старцев и мудрецов, и хотя (присланные владыками Истинного Запада) в мире они и сами подвержены страданиям, седеют и стареют они крайне медленно. Гандальв, чье предназначение как раз и заключается в том, чтобы приглядывать за делами человеческими (за людьми и хоббитами), фигурирует во всех преданиях. — *Прим. авт.*

167

Враждебность (даже неиспорченных) гномов и эльфов, мотив, возникающий столь часто, заимствован из легенд Первой эпохи; Копи Мории, войны гномов и орков (гоблинов, солдат Темного Властелина) — это уже Вторая эпоха и начало Третьей. — *Прим. авт.*

168

Имя Эовин (*Eowyn*), как и прочие роханские имена и названия — англосаксонского происхождения; др. — англ. «всадница, радующаяся лошадям», от *eoh* (боевой конь) + *wyn* (радость, удовольствие) («Справочник имен и названий во «Властелине Колец»). В Приложении Е к ВК специально оговаривается, что гласный у в роханских (и синдарских) словах читается как в древнеанглийском ([ь]). Однако этот звук в древнеанглийском часто редуцировался до [i] (о чем свидетельствуют альтернативные написания типа *symbel/simbet*). В русскоязычной традиции такие германские корни (когда основа, содержащая у — вторая, т. е. ударение на ней второстепенное, как в случае с *Eowyn, symbelmyne*) принято транслитерировать через «и» (напр. *Aethelfryth* — Этельфрид(а), и т. п.).

169

Юниверсити-Колледж. Подробнее см. «Биография», стр. 233

170

В оригинале фамилия написана с ошибкой: *Burnet-Stuart* вместо *Burnett-Stuart*.

171

Чилтернские холмы на юге Англии, между Лондоном и Оксфордом; славятся живописным ландшафтом.

172

Мужская привилегированная частная средняя школа в городе Грейт-Молверн.

173

Кер, Уильям Пейтон (1855–1923) — выдающийся филолог, автор работ по средневековой и современной литературе.

При смерти, на смертном одре (*лат.*)

175

То есть перерисую ее как смогу хорошо, насколько позволят мои небольшие таланты, в черном цвете. Хотя, конечно же, на самом деле должен быть белый контур на черном фоне, поскольку воспроизводятся серебряные буквы во тьме. Как это понравится вашему производственному отделу? — *Прим. авт.*

176

Мораль (лот.)

177

В современном английском языке грамматически правильная форма множественного числа от слова *dwarf* (гном) — *dwarfs*; начиная с «Хоббита», Толкин вводит в систему «ошибочную» форму *dwarves* (подробнее см. письмо №17). *Elvish, elven, further* — более древние формы соответственно *elfish, elfin, farther*, Толкин неизменно отдает предпочтение первым.

178

ОИ — Член католического ордена «Общество Иисуса» (т. е. иезуит).

179

В Англии и по сей день многие считают, что печатать личные письма — дурной тон; печатный текст подходит только для официальной/деловой корреспонденции.

Noldor: N = ng как в ding. — *Прим. авт.*

181

Орки в значении «несколько орков» (фр).

182

Обыгрывается значение фамилий: Cotton ассоциируется с англ. cotton wool (вата), wmgee, как уже говорилось неоднократно, — с разновидностью ватных повязок (Gamgee-tissue).

183

Доктор литературы

184

Распорядитель (Steward) — член колледжа, в чьи обязанности входит обслуживание обедов или председательство за столом. В университетах Оксфорда и Кембриджа существует Должность верховного распорядителя (high steward, в академической латыни — seneschallus): это служащий суда, в чьи обязанности входит отправление правосудия в рамках университета в случае уголовного преступления или измены.

185

Персонаж сказки К. Грэма «Ветер в ивах», хвастун и бахвал, отличающийся непомер ным тщеславием; см. тж. примечание к письму №51.

186

См. примечание к письму №138

187

Буквально «Журнал для мальчиков», ежемесячный журнал, издававшийся с 1879 по 1967 гг.; в нем печатались занимательные рассказы, статьи, советы по внешкольным занятиям.

188

21 шиллинг ровно

189

Почти так и получилось, даже в виде поспешно нацарапанного наброска! — *Прим. авт.*

Поскольку «смертность» тем самым представлена как особый дар Господа Второму Роду Детей (*эрухини*, Дети Единого Бога), а вовсе не кара за Падение, вы можете назвать это «Дурной теологией». Возможно, в первичном мире так оно и есть, но это — вымысел, способ нын прояснить истину и допустимая основа для легенд. — *Прим. авт.*

191

В рамках этой мифической истории (поскольку ее метафизика не обязательно совпа-дает с метафизикой реального Мира) Творение, акт Воли Эру Единого, наделяющее Реальностью понятия, отличается от Созидания, каковое вполне допустимо. — *Прим. авт.*

192

Лишь *первое* лицо (миров или чего угодно) может быть единственным. Если вы говорите «он есть», значит, их более одного, и таким образом подразумевается сотворенное (вторичное) бытие Я вправе сказать «он есть» про Уинстона Черчилля, равно как и про Тома Бомбадила, верно?

193

Долговечный, долгожитель (*лат.*)

Таким образом, у «хороших» народов в этом «мире» нет ни храмов, ни «церквей», ни святилищ. «Религии» в форме культа у них нет или почти нет. Они могли воззвать о помощи к кому-то из *Валар* (скажем, к *Эльберет*), как католик может воззвать к одному из святых, хотя, вне всякого сомнения, в теории знали не хуже него, что власть Валар — ограниченна и вто рична. Но это — «первобытный век»: можно сказать, что эти народы воспринимают Валар как дети — родителей или непосредственно поставленных над ними взрослых, и, хотя они знают, что они — подданные Короля, в их стране он не живет и обителей там у него нет. Не думаю, что хоббиты практиковали какие-либо культы или молитвы (разве что в исключительных случаях, благодаря общению с эльфами). Нуменорцы (и прочие представители той части человечества, что сражалась против Моргота, даже если они предпочли остаться в Средиземье и в Нуменор не отправились, как, скажем, рохиррим) были чистой воды моноте истами. Но в Нуменоре храмов не существовало (до тех пор, пока Саурон не ввел культ Моргота). Вершина Горы, Менельтармы, или Столпа Небес, была посвящена Эру, Единому, и там в любое время частным образом, а в определенные дни всенародно, к Господу взывали, Господа восхваляли и Господу поклонялись — в подражание Валар на Горе Амана. Однако Нуменор пал и был уничтожен, Гору поглотила бездна, а замены ей не нашлось. Среди изгнанников, оставшихся в живых Верных, которые не приняли ложную религию и не участвовали в бунте, религия как культ (хотя, возможно, не как философия и метафизика) играла, по всей видимости, небольшую роль; хотя некий намек на нее обнаруживается в замечании Фарамира касательно «молитвы перед едой», т. II, стр. 285[281]. — *Прим. авт.*

195

Само по себе, по сути (*лат.*)

196

Дьявол, дух зла и лжи (*лат.*)

197

Главное, чем хоббиты отличаются от того, что явствует из опыта, так это отсутствием жестокости; у них нет «кровавых забав», и подразумевается, что они питают к «диким животным» те чувства, что, увы! — нечасто встречаются у их ближайших современных аналогов. — *Прим. авт.*

«Боги» — ближайший эквивалент, хотя и не совсем точный. — *Прим. авт.*

199

Хедингтон в сравнении с центром Оксфорда расположен на возвышенности.

История Берена и Лутиэн — как раз такое великое исключение, поскольку благодаря ей «эльфийскость» вплелась в историю людского рода. — *Прим. авт.*

201

Таково написание оригинала.

202

Таково написание оригинала.

203

Есть только один «бог»: Господь, *Эру Илуватар*. Есть его первые творения, существа ангельской природы, из числа которых те, что наиболее задействованы в Космогонии, обосновались (из любви и по собственному выбору) в пределах Мира как Валар, боги или управители; и есть воплощенные разумные создания, эльфы и люди, сходного, хотя и иного, статуса и природы. — *Прим. авт.*

Разумеется, то было заблуждение, сатанинская ложь. Ибо, как ясно сообщили королю посланцы от Валар, Благословенное Королевство бессмертием не наделяет. Земля благословенна, поскольку там обитают Благословенные, но не наоборот; и Валар бессмертны по праву и природе своей, точно так же, как люди по природе своей и праву — смертны. Однако король, обманутый Сауроном, отмахнулся от всего этого как от дипломатического довода, придуманного, дабы положить предел власти Короля Королей. Возможно, это «ересь», а воз можно, и нет, если воспринимать эти мифы как утверждения об истинной природе человека в реальном мире: я не знаю. Но в контексте данного мифа считается, что Смерть — краткость человеческой жизни сама по себе — не кара за Падение, но биологически обусловленная (а потому и духовно обусловленная тоже, поскольку тело и дух есть единое целое) врожде» ная составляющая человеческой природы. Пытаться избежать ее дурно, ибо «противоесте ственно», и глупо, поскольку Смерть в этом смысле — Господень Дар (и предмет зависти эльфов), освобождение от усталости Времени. Смерть как наказание воспринимается как изменение отношения к ней: как страх и нежелание. «Хороший» нуменорец умирал по доброй воле, когда чувствовал, что пришло его время. — *Прим. авт.*

205

Были и плохие нуменорцы: приверженцы Саурона; однако в этом предании они не действуют, но лишь упоминаются вскользь; как предавшиеся злу Короли, ставшие назгул или Кольцепризраками. — *Прим. авт.*

Эльфы часто взывали к Варде-Эльберет, Владычице Благословенного Королевства, к Ним особенно расположенной; так поступает и Фродо. — *Прим. авт.*

207

Аллюзия на строки из протестантского гимна: «Дневные хлопоты и общность цели/ Дадут нам все, о чем бы мы радели», уже упоминавшегося в письме №53.

Взять, например, энтов. Я их вовсе не придумывал сознательно. Глава «Древобород», начиная с первой реплики Древобороде на стр. 66, была написана более-менее как есть, причем у меня самого ощущение было примерно такое (если не считать «родовых мук»), как если бы я читал чужое произведение. А теперь я люблю энтов потому, что ко мне они словно никакого отношения не имеют. Полагаю, какое-то время нечто происходило «в подсознании»; этим и объясняется чувство, владевшее мною на протяжении всей работы, особенно когдая «застревал», что я ничего не придумываю, но лишь передаю (неточно), а порою вынужден ждать, пока то, «что случилось на самом деле», не прояснится. Однако, глядя назад аналитическим взором, я бы сказал, что энты созданы из филологии, литературы и самой жизни. Названием своим они обязаны англосаксонскому *«eald enta geweorc»*[296] и своей связи с каменными руинами. Их роль в данной истории подсказана, полагаю, моим горьким разочарованием и отвращением еще со школьных времен к тому, как жалко и неубедительно Шекспир обы грал приход «Великого Бирнамского леса на высокий Дунсинанский холм»: я мечтал создать условия, в которых деревья и впрямь могли бы выступить на войну. А еще сюда вкралась и толика личного опыта, разница между «мужским» и «женским» отношением к дикой природе, различие между бескорыстной любовью и садоводством. — *Прим. авт.*

209

Впрочем, не больше, сдается мне, чем «Удивительная страна снергов» Эрнеста Бенна Уайк-Смита, опубликованная в 1927 г. Глядя на дату, скажу, что, возможно, эта книга непроизвольно послужила источником! — хоббитов, но ничего больше. — *Прим. авт.*

210

Здание Черуэлл-Эдж построено в 1886—87 гг.; после 1905 г. в нем разместился женский монастырь Святого Младенца Христа. На протяжении многих лет монастырь предоставлял жилье студенткам (главным образом из Общества заочного обучения, что со временем было преобразовано в Сент-Эннз-Колледж) и гостьям университета. С 1972 г. в здании размещается Линакер-Колледж.

211

«Не хочу быть героем» (по аналогии с фразой «не хочу быть епископом»); см. письмо №52, прим. 1.

212

Биография (*лат.*)

213

Фамилия, именно в таком написании, два-три поколения назад перекочевала и в Соединенные Штаты (из Канады). Не так давно я списался с семейством, живущим в Техасе. — *Прим. авт.*

214

Синдарин, язык Серых эльфов, на самом деле намеренно сконструирован так, чтобы он фонологически походил на валлийский и при этом был в родстве с наречием Высоких эльфов, подобно тому, как соотносятся между собою британские (в прямом смысле этого слова; т. е. кельтские языки, на которых говорили на этом острове во времена римского завоевания) и латынь. Все имена в книге, а также и языки, конечно же, сконструированы, и не как попало. — *Прим. авт.*

215

Доктор филологических наук (*фр.*)

Создатель месье Бильбо Бэггинса (*фр.*)

217

Как-то раз в начале тридцатых годов я нацарапал слово «хоббит» на чистой странице занудной школьной экзаменационной работы. Прошло немало времени, прежде чем я выяснит, о чем, собственно, идет речь! — *Прим. авт.*

218

Сами по себе (*лат.*)

219

Намеренное нарушение грамматики или морфологии без ущерба для значения (*ритор.*)

220

Чарльз Джеймс О'Доннелл учредил фонд О'Доннелла для содействия исследованиям в области кельтологии.

Per annum (*лат.*). — ежегодно.

222

Известный радиокритик.

Master of Aits, магистр гуманитарных наук (вторая ученая степень в Оксфордском и Кембриджском университетах).

224

Шестидесятая годовщина правления королевы Виктории (1897 г.).

225

Наоборот (*лат.*)

226

Подопытный объект (доел, «малоценный организм») (*лат.*)

227

Кошки королевы Берутиэль и имена и приключения оставшихся двух магов[314] (5 минус Саруман, Гандальв, Радагаст) — вот и все, что я могу вспомнить. — *Прим. авт.*

228

Я *не* Гандальв — я всего лишь Вторичный творец этого маленького мира, находящийся вне его. Если кто-то из персонажей на меня и «похож», так это Фарамир — вот только мне недостает того, чем наделены все мои персонажи (психоаналитикам на заметку!) — Храбрости. — *Прим. авт.*

229

Мелкая монетка в ¼ пенни (вышла из обращения в 1961 г.); в переносном смысле — «ломаный грош».

230

Мф. 6: 12-13

231

Не то чтобы «непременно». Неуклюжая преданность Сэма в конце концов столкнула Голлума в пропасть, когда тот уже готов был раскаяться. — *Прим. авт.*

Тайный замысел, тайны Господни (*среднеангл.*)

Они принимали участие в его «созидании» — но только в том же смысле, в каком мы «созидаем» произведение искусства или историю. Осуществление замысла, наделениемира сотворенной реальностью того же порядка, как и они сами, было деянием и даром Единого Господа. — *Прим. авт.*

Посланник (*греч.*); впоследствии греческое слово стало употребляться в значении «посланник Божий», отсюда совр. «ангел».

235

Высокий штиль (*среднеангл.*).

Особенно Ч. Л. Ренн, сменивший меня на должности профессора англосаксонского языка; сдается мне, этой осенью он на год уезжает в США, если вы (т. е. американские власти) его впустите. — *Прим. авт.*

237

«Гуманное человечество»: в него (поскольку это волшебная сказка) входят, конечно же, эльфы и, более того, все «говорящие существа». — *Прим. авт.*

238

Главным образом интересующегося: в смысле, как темами «литературы», как развлече нием. На самом-то деле большинство их в первую очередь занимало приобретение земель и использование брачных союзов в достижении своих целей. — *Прим. авт.*

239

Разве что понятие «политический» можно сузить (или расширить), так, чтобы в воо& ражении своем мы рассматривали лишь один центр или крепость, воплощающие в себе порядок и благодать, в окружении врагов: необитаемых лесов и гор, враждебных варваров, диких зверей и чудовищ — и Неведомого. Вот тогда защита королевства вполне может стать символом участи человечества в целом. — *Прим. авт.*

240

Остров в Балтийском море у берегов современной Швеции.

241

Племя хадобардов во главе с Ингельдом напало на данов и было разгромлено войском Хродгара. Во время этого набега Хеорот сгорел. Отголоски этого события содержатся в поэме «Беовульф», напр., в строках 83, 782, 2025 и далее.

«Сердечное согласие» (Антанта) (*фр.*)

243

Того же чина, что Гандальв и Саруман, но гораздо более высокого ранга. — *Прим. авт.*

244

Через тройное предательство: 1. Поскольку в своем поклонении Силе он стал приверженцем Моргота и пал вместе с ним до самых глубин зла, став его главным «доверенным лицом» в Средиземье. 2. Когда Валар одержали победу над Морготом, он в конце концов от рекся от служения ему, но только из страха; он не явился к Валар и не молил о прощении, но остался в Средиземье. 3. Когда он обнаружил, как сильно восхищаются его знаниями всепро-чие разумные существа и как легко на них влиять, гордыня его возросла беспредельно. К концу Второй эпохи он занял положение Морготова представителя. К концу Третьей эпохи (хотя и будучи значительно слабее, нежели прежде) он притязал на то, что он — возвратившийся Моргот. — *Прим. авт.*

245

Аллюзия на книгу Х. У. Вильсона «Под знаменем в Преторию: история англо-бурской войны 1899–1900 гг.», написанную в духе ура-патриотизма.

246

Мой Сэм Гэмджи — *Сэмуайз*, а не Сэм(п)сон и не Сэмюэль. — *Прим. авт.*

247

При моем интересе к геологии и очень скудных познаниях я не то чтобы вовсе проигнорировал этот аспект, но с этими данными все сложнее — и опаснее! — Прим. авт.

248

Под «содействием» я, конечно же. разумею никоим образом не вмешательство, хотя возможность взглянуть на образцы перевода я бы весьма приветствовал. Мои лингвистические познания редко простираются, помимо обнаружения самоочевидных ошибок и вольностей, до критики всяческих тонкостей, которая наверняка потребуется. Однако данный текст изобилует особыми трудностями. Вот хотя бы одна из них: в тексте встречается ряд слов, в словарях не представленных, или тех, для понимания которых требуется знание более ар хаичного варианта английского языка. В таких вопросах, равно как и в других, которые неминуемо возникнут, автор будет наиболее исчерпывающим и доступным источником информации. — *Прим. авт.*

249

Как бы то ни было, Canйtang = Puddleduck[320] несколькими классами выше этого трюкача! — Прим. авт.

250

Беатрикс Поттер (1866–1943) — английская детская писательница, автор сказок о зве рюшках для самых маленьких. Миссис Тиггивинкль и Джемайма Пуддлдак — персонажи ее сказок, прилежная прачка-ежиха и бестолковая утка. В классическом переводе И. Токмака вой, к слову сказать, эти персонажи именуются миссис Тигги-мигл и Джемайма Нырнивлужу.

251

Собственно, в Прил. А III стр. 317 1.20 используется слово «Единый». Нуменорцы (и эльфы) были абсолютными монотеистами. — *Прим. авт.*

252

У. де ла Мар (1873–1956) — английский поэт и прозаик; отдельные мотивы его произведений до некоторой степени созвучны толкиновским. Таковы, скажем, его представления об эльфах: «То было племя эльфов лукавых, крохотных, беспечных и проказливых, — их не Должно путать с эльфами высокого рода, тех, что замкнуты, прекрасны и чужды смертным», — специально оговаривает де ла Мар в одной из своих сказок.

253

«Проглатывание» звука [h] в начале слов (altch-dropping) в Англии считается маркером необразованности, принадлежности к «низам общества».

Так в оригинале.

255

В английском языке распространено присловье: «to cry for the moon» (досл. — требовать луну), т. е. желать невозможного.

256

При наличии второго источника дохода львиная доля университетского заработка Голкина пойдет на уплату налогов.

В данном случае таково написание оригинала.

258

Фирменное название зажигалок и бытовых электроприборов одноименной компании.

259

Дейм Эдит Ситвелл (1887–1964), английская поэтесса и литературный критик; в 1954 г. была награждена орденом Британской империи. Славилась эксцентричной манерой одеваться и способностью произвести впечатление.

260

Офис издательства «Аллен энд Анвин» рядом с Британским музеем (см. письмо №134).

261

Артур Ракем (1867–1939) — английский художник, прославился своими иллюстрации ми к детским книгам, в частности к сборнику сказок братьев Гримм.

Доктор филологии (*сокр. шв.*)

263

Жанр триллера (*англ.*)

Например: *Брушненский* брод = Bjqrnavad! *Арчет* = Gamleby (видимо, просто-напросто догадка, от слова «архаический»?), *горы Люн* (Эред Луин) = Menbergen; *Ирисная низина* (невзирая на опис. в т. I стр. 62) = Ljusa sldtterna, и т. д.[333]. — *Прим. авт.*

А также (как я предполагаю) имен и названий следующих томов. — *Прим. авт.*

266

[Из числа] детенышей льва (*ср.* — *англ.*) — аллюзия на строку 200 из среднеанглийского текста «Ancrene Riwle»: «Monie mo hweolpes then ich habbe inempned haueth the Liun of Prude ihweolped» («Много еще детенышей сверх мною поименованных породил Лев Гордыни»).

267

Maggot по-английски означает «личинка», «червяк»; так что название супа можно перевести и как «суп с червяками».

268

Аллюзия на пир по случаю дня рождения Бильбо (ВК, I.1): «пиршество что надо: богатое, обильное, разнообразное и затяжное».

Искаж. нидерл. psycholoog — психолог.

Вскоре после 1400 от Р. Х. — *Прим. авт.*

Однако исходного значения слова *«tooth»* [зуб. — С. Л.] мы не знаем. Означало ли оно «острый выступ, острие» или (как предполагают некоторые) агентивное причастие от ED «eat» [есть, кушать. — С.Л.], т. е. название функциональное, а не образное? — *Прим. авт.*

Бог (*греч., лат., англ.*)

Когда-то, встарь, прежде (*лат.*)

Поскольку одно, отдельно взятое слово на языке людей (в отличие от энтского!) — знак стенографический и условный. Тот факт, что оно — слепок с одной грани, даже если это доказать, отнюдь не доказывает, что прочие грани не присутствуют в равной степени в сознании тех, кто использует этот условный знак. **λόγος** в конечном счете не зависит от *verbum* [слова (*лат.*). — С.Л.]. — *Прим. авт.*

Но мы не знаем, как именно *Tiw* (= dhvus) стал «именем», в римской интерпретации соответствующим Марсу. Возможно, очередной случай субституции термина с общим значением (божество) «истинным именем». Форма мн. ч. *tнvar* в древнеисландской поэзии по-прежнему означает «боги». — *Прим. авт.*

То есть: они относятся к стандартным изменениям в нормальной ситуации (как, скажем, простейшие утверждения о действии мороза), но ситуация может подвергаться стороннему воздействию — узоры на отдельно взятом окне практически непредсказуемы, хотя считается, что, если знать *все* обстоятельства, было бы иначе. — *Прим. авт.*

277

Под этим филолог подразумевает, что через утраченные семантические изменения они никак не связаны; но как можно быть в этом уверенным? — *Прим. авт.*

Оригинал киносценария М. Г. Циммермана с пометками Дж. Р. Р. Толкина, а также переписка между Р. Анвином и Форрестом Дж. Акерманом по вопросам, связанным с фильмом, в настоящий момент находятся в коллекции университета Маркетта (г. Милуоки, США). М. Г. Циммерман (1937–2000) передал эти материалы в дар университету.

279

В английском языке слова *Ork* (орк) и *Auk* (гагарка) практически совпадают по звучанию.

(См. плач Галадриэль I 394): «ойолоссэо» = от «г. Уилос». — *Прим. авт.*

281

В Высоком эльфийском. Существует также более-менее синонимичная основа *gal* (соответствующая *gil*, что используется только по отношению к белому или серебристому свету). Эту вариацию g/k не следует путать с *грамматическим* изменением или к, с > g в языке Серых эльфов, встречающимся в начале основ внутри сложных слов или после тесно связанных со словом частей речи (как, скажем, артикль). Так «Гиль-галад» — «звездный свет». Ср. «палан-дириэль» с «а тиро нин». — *Прим. авт.*

282

Обратите внимание на формулировку в III стр. 364 [2-е издание стр. 365]: «отвезен как пленник». — *Прим. авт.*

Т.е. принадлежат к нашему «мифологизированному» средневековью, в котором совершенно неисторично смешались стили и подробности более чем пятисотлетнего периода, каковых по большей части в Темные Века ок. 500 г. от Р. Х., конечно же, не существовало. — *Прим. авт.*

284

Этот огромный гобелен (длина — 70 м, ширина — 0,5 м) выткан английскими мастерами во второй половине XI в. и содержит более 70 сцен.

285

Едва ли не единственный признак «религии» наличествует в II, стр. 284—5, в «молитве перед трапезой». На самом деле она воспринимается главным образом как поминовение Умерших; и теология сводится к «тому, что за Эльфийским домом и пребудет вечно», т. е. за пределами смертных земель, за пределами памяти о неосквернённом Блаженстве, за пределами материального мира. — *Прим. авт.*

Второе, устаревшее значение слова «диадема» — «повязка, которую древние цари носили на лбу в знак царского достоинства» — вполне соответствует тому, как выглядела корона Арнора: Элендильмир, сияющий алмаз на серебряной ленте (см. «Словарь современного русского языка», издание Академии наук СССР).

287

В английском языке эта устойчивая идиома, «дети в лесу» (babes in the wood), восходящая к старинной балладе «Дети в лесу», означает существ неопытных, невинных, доверчивых; здесь выражение употреблено в смысле и буквальном, и переносном: беспомощные, невинные дети и впрямь брошены в лесу.

Так в оригинале (недосмотр самого Толкина). У Элладана и Эльрохира по линии матери (Келебриан) не было смертных предков. Скорее всего, Толкин, говоря о близнецах Элладане и Эльрохире, имел в виду близнецов Эльронда и Эльроса; у них действительно по линии отца (Эарендиль) в предках числится Туор, по линии матери (Эльвинг) — Берен.